МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2019 **№ 59**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine "Rusin", president of public organization "Rus'" (Moldova)

РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, зав. кафедры современнной отечественой истории; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики; **Фоминых Сергей Федорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronica S**., Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Historu and Documentary Studies; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Гавриличева Г.П., Кононенко А.А. Становление советской цивилизации (на примере г. Тюмени 1920–1930-х гг.) 5
Гостюшева Е.М., Должиков В.А. Конфессиональный состав населения Томской губернии по данным Первой всероссийской переписи 1897 г. 12
Казьмин В.Н., Казьмина М.В. Правозащитная деятельность в Российской Федерации в 60-х гг. XX в. – начале XXI в. 20
Кодинцев А.Я., Шкаревский Д.Н. Органы специальной юстиции Советского государства как инструмент защиты власти 29
Кудрявцев Н.В. К вопросу о борьбе с дезертирством и уклонением от службы в Красной армии в Тюменской губернии на заключительном этапе Гражданской войны 40
Мантикова Э.К., Шевцов В.В. Проблемы соцкультбыта и повседневная жизнь строителей Нижневартовской ГРЭС в период перестройки на страницах ведомственной газеты «Огни Ваха» в 1987–1991 гг. 46
Миркин В.В. Средства связи как инструмент политической цензуры в СССР (1970-е – начало 1980-х гг.) 53
Харусь О.А. Социокультурный облик сибирских парламентариев в начале XX в. 59

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Структура геополитики 66
Малышева Н.С. США и начало функционирования Европейского объединения угля и стали (1952–1957 гг.) 75
Праздников А.Г. Социальный состав участников битвы при Таутоне 29 марта 1461 г. 79
Супрыгина Г.Г. Дети Германии в Первую мировую войну 85

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Алимов Д.Е. От Иллирии к Хорватии: раннее прошлое Хорватско-Славонского королевства в историческом нарративе Юрая Ратткая 90
Белгородская Л.В., Дроздов Н.И. Альбом «Русские рисунки Китая» из коллекции красноярского библиофила Г.В. Юдина (Библиотека Конгресса США): опыт источниковедческого анализа 103
Верещагина И.М., Савинцева М.Е. Феномен исторической реконструкции в приобретении новых знаний о прошлом общества 110
Худолеев А.Н. Историко-критические размышления Д.И. Иловайского в дореволюционных отечественных исторических журналах 117

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Брязгина Д.Е. «Этнические» рынки Иркутска: ментальная репрезентация пространства 122
Грошева Г.В. Между «старой» и «новой» Родиной: представления русских немцев в Германии 130
Дериглазова Л.В. Международная академическая мобильность: мотивация и проблемы адаптации молодых ученых из России и Европы 142
Омельченко Е.А. Интервью с руководителями и педагогами «русских школ» как источник исследования адаптационных стратегий эмигрантов из России и стран постсоветского пространства за рубежом 150
Олимов М.А., Олимова С.К. Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) 158
Рязанцев С.В. Видит ли миграционная политика России человека? (антропологическое измерение российской миграционной политики) 167

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Gavrilicheva G.P., Kononenko A.A. The formation of the soviet civilization (on the example of Tyumen 1920-1930) 5
Gostyusheva E.M., Dolzhikov V.A. The confessional structure of the population of the Tomsk province according to the first Russian census of 1897 12
Kazmin V.N., Kazmina M.V. Human rights activity in the Russian Federation in the 1960's - early in the 21st century 20
Kodintsev A.J., Shkarevsky D.N. The organs of special justice of the Soviet State as a tool for the protection of the regime 29
Kudryavtsev N.V. To the question of desertion and draft evasion control in Red Army in the Tyumen province at the end of the Civil War 40
Mantikova E.K., Shevtsov V.V. Social and cultural problems and everyday life of the builders of the Nizhnevartovsk GRES during the period of perestroika on the pages of the departmental newspaper “Ogni vakha” in 1987–1991 46
Mirkin V.V. Communications as an instrument of political censorship in USSR (1970s - early 1980s) 53
Kharus O.A. Social and cultural characteristics of the siberian deputies of the state duma at the beginning of the 20th century 59

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Isaev B.A., Ignatyeva I.F. Structure of geopolitics 66
Malysheva N.S. The USA and the beginning of the European coal and steel community (1952-1957) 75
Prazdnikov A.G. The social structure of the participants of the battle of Towton 29 Marth 1461 79
Galina G. Suprygina. The children of Germany in the Frst World War 85

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METODOLOGY OF HISTORY

Alimov D.E. From Illyria to Croatia: the early past of the kingdom of Croatia-Slavonia in Juraj Rattkay’s historical narrative 90
Belgorodskaya L.V., Drozdov N.I. The album "Russian drawings of China" from the collection of the Krasnoyarsk bibliophile G.V. Yudin (Library of Congress): experience of source analysis 103
Vereshhagina I.M., Savintceva M.E. Phenomenon of historical reconstruction in receiving new knowledge of the past of society 110
Khudoleev A.N. The historical and critical musings of D.I. Ilovaisky in pre-revolutionary Russian historical journals 117

PROBLEMS OF SOCIAL ANTHROPOLOGY

Bryazgina D.E. The "ethnic" markets in Irkutsk: mental representation of urban space 122
Grosheva G.V. Between “the old” and “the new” Motherland: perceptions of Russian-Germans in Germany 130
Deriglazova L.V. International academic mobility: motivation and adaptation problems of young scientists from Russia and Europe 142
Omelchenko E.A. Interviews with administrators and teachers of “Russian schools” as a source to research adaptation strategies of emigrants from Russia and other post-soviet countries abroad 150
Olimov M.A., Olimova S.K. Transformation of identity in migration: ethnicity and religion (on the example of Tajik labour migration in Russia) 158
Ryazantsev S.V. Does a Russian migration policy see a human (anthropological dimension of the Russian migration policy) 167

Тузова А.Ш. Вьетнамцы, выросшие в России: кто мигрирует на родину предков? ... 178
Caress Schenk. The image and image-making of immigration control ... 187

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Баязитова Р.Р. Сборы и проводы в дорогу в традиционной культуре башкир ... 191
Березуцкий В.Д., Килейников В.В. Новые находки металлических орудий Эпохи бронзы на территории лесостепного Подонья ... 197

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Морев В.А. Сибирская телеграфная магистраль: к истории строительства (1860–1890-е гг.) ... 203

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Клименко В.А., Павловская Е.Э. Аналитические заметки о проблемах высшего дизайн-образования в России ... 210

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ... 218

Tuzova A.Sh. Second-generation Vietnamese in Russia: who migrates to the ancestral Homeland? ... 178
Caress Schenk. The image and image-making of immigration control ... 187

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Baiazitova R.R. Preparing for the journey and seeing off in the traditional Bashkir culture ... 191
Valery D. Berezutskii. Viktor V. Kileynikov. New finds metal tools of the Bronze Age on the territory of forest-steppe along the Don ... 197

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIQUE

Morev V.A. Siberian telegraph line: on history of construction (1860s–1890s) ... 203

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Klimenko V.A., Pavlovskaya E.E. Research notes on the problems of higher design education in Russia ... 210

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS ... 218

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 93/94.908
DOI: 10.17223/19988613/59/1

Г.П. Гавриличева, А.А. Кононенко

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ г. ТЮМЕНИ 1920–1930-х гг.)

Целью статьи является анализ культурных процессов, происходивших в России в 1920–1930-е гг. на примере города Тюмени. Мы полагаем, что именно в это время произошла смена культурного кода народа, трансформация бывших подданных Российской империи в новую социокультурную общность – советский народ. В центре нашего внимания оказались процессы, происходившие на уровне маленького человека. Делается вывод о том, что в стране произошла смена правящей элиты, возникла генерация новых людей, отличительными чертами которых стали энтузиазм, оптимизм, бдительность, поразительная выживаемость, жестокость и безразличие.
Ключевые слова: Тюмень; население Тюмени; Россия в 1920–1930-х гг.; дневники и воспоминания; социально-культурные изменения; большевистская пропаганда; изменение сознания.

В 1922 г. в России закончилась кровопролитная Гражданская война. Страна лежала в руинах. Ее города и села медленно агонизировали. Переход к новой экономической политике, вызвавший бурную дискуссию в правящей партии, вывел страну из антропологической катастрофы. Свобода торговли, лицензирование предпринимательской деятельности, продажа патентов на оказание услуг, финансовая реформа, переход на золотой стандарт, замена продразверстки лимитированным продналогом, запрет самосудов и амнистия участникам контрреволюционных восстаний оживили настроения населения. Новая экономическая политика, при всей ее неоднозначности, спасла народ от голодной смерти. Население, с трудом оправившееся от ужасов Гражданской войны, приняло большевистскую власть, полагая, что она пришла всерьез и надолго. «Война снесла целое поколение, как бы для того, чтобы создать перерыв в памяти народов и чтоб не дать новому поколению слишком непосредственно заметить, что, в сущности, оно занимается повторением пройденного, только на более высокой исторической ступени и, следовательно, с еще более угрожающими последствиями» [1. С. 334]. Выжившие должны были подстраиваться к новым политическим и экономическим реалиям.

Основной целью статьи является анализ культурных процессов, происходивших в России в период с 1922 по 1937 г. на примере небольшого города Тюмени, который в указанное время неоднократно менял свой административный статус, являясь губернским, окружным и районным центром Тюменской, Уральской и Омской областей. Мы полагаем, что именно в это время произошла смена культурного кода народа, трансформация бывших подданных Российской империи в новую социокультурную общность – граждан Советской республики, позднее получившей название «советский народ».

Ситуация 1921 г., на который пришелся пик голода, эпидемий и смертности, настолько шокировала современников, что в состоянии полного изумления они включились в строительство социализма, побуждаемые инстинктом самосохранения. Объектом исследования при этом является не политически активный слой – профессиональные революционеры, партийные и советские чиновники, а несравненно более широкий кластер – население города Тюмени в целом.

Данная тематика уже привлекла внимание зарубежных историков D. Brandenberger, R. Reese, D. Hoffmann, J. Hellbeck, утверждавших, что многие не только говорили, но и думали по-большевистски, хотя и с определенными оговорками [2–5], и тюменских историков В.М. Кружинова, З.Н. Сокову, Е.В. Бородулину, Т.И. Бакулину, А.А. Сухарева, В.С. Плохотникова [6–11]. Им удалось показать политические, экономические и культурные изменения, происходившие в указанный период. Исследователи установили, что отказ от политики «военного коммунизма», новая экономическая политика, а затем и свертывание ее оказали принципиальное влияние на уровень жизни, материально-бытовое и душевно-нравственное состояние горожан. Этому времени были присущи: бытовые неудобства, минимальная степень комфорта, ставшие уже традиционными перебои с продовольствием, высокая степень риска заболеваемости, в том числе инфекционной, вмешательство государства в приватную жизнь. Историки отмечали стремление власти качественно изменить ситуацию, навести порядок в жилищно-коммунальной сфере города, сформировать принципиально новую инфраструктуру, создать условия для появления нового советского человека, строителя социализма.

Используя материалы лишь официальных органов власти, сводки, информацию, газетные заметки, опубликованные в партийной и государственной печати,

строго цензурируемой, исследователи рассмотрели процессы изменений культурного кода горожан, лежавшие на поверхности. В то же время вне их внимания остались процессы, происходившие на уровне маленького человека, его будничной субъективности. Именно эта сторона проблемы привлекла наше внимание. Среди задач, стоящих перед нами, были вопрос трансформации большевистской агитации и пропаганды, которая в зависимости от партийных установок неоднократно менялась, и реакция населения на эти импульсы. Другой задачей стал анализ требований, предъявляемых государством к человеку нового типа, например, выполнение плана, публичная поддержка мероприятий властями, поощрение доносительства, соответствие советским стандартам в одежде, поведении, поступках и даже в мыслях. Решению данных задач должны способствовать источники личного происхождения, дружеская и семейная переписка, эпистолярное наследие, дневники, которые, к сожалению, сохранилась в единичных экземплярах [12, 13]. Люди не только боялись что-либо записывать, но даже и обсуждать темы, связанные с политикой либо общественным устройством. Малограмотность значительной части населения, культурная отсталость большинства горожан и крестьян, отсутствие интереса архивов к документам личного происхождения, кроме крупных и известных политических деятелей, снятие с хранения ряда документов («жалобы», «обращения во власть», за сроком давности) как не представляющих интереса также не способствуют раскрываемости темы.

Вводя НЭП, большевики вовсе не отказывались от построения социализма. Они испытывали крайнюю потребность в экономической и политической стабильности, перемирии между режимом и гражданами, времени для осмысление дальнейших путей развития революции при отсутствии партийного плюрализма и демократизации политической жизни. Параллельно продолжалась беспрецедентная пропагандистская обработка сознания населения: кампании по борьбе с неграмотностью и религиозными пережитками, реформа брачного и семейного законодательства, бесплатное образование, изъятие драгоценных металлов у населения. В городе открывались детские сады, школы-семилетки, позднее – школы 2-й ступени («девятилетки»). Если в 1914 г. в Тюмени насчитывалось 1 074 учащихся (из них 257 реалистов, 217 учащихся коммерческого училища и 600 учащихся гимназии), то в 1927 г. – 2 119 учеников первой и второй ступеней. Вместе с тем были восстановлены товарно-денежные связи между городом и деревней. Нэпманы, бродячие торговцы и перекупщики-спекулянты смогли обеспечить город разнообразными товарами. Если на 1 января 1922 г. в Тюмени насчитывалось только 35 торговцев, на 1 января 1923 г. – 366, то на 1 января 1924 г. – 691 [8. С. 79].

С 1929 г. уровень жизни населения Тюмени, как, впрочем, населения всей страны, снижается. Государство увеличивает стоимость патентов и лицензий для предпринимателей, открыто призывает игнорировать частников, агитирует делать покупки в кооперативных и государственных магазинах. Вводятся продуктовые карточки, затем централизованное распределение распространяется на промышленные товары. Привыкшие к бытовой неустроенности, минимальному комфорту, непритязательным условиям жизни, горожане с молчаливой покорностью приняли новый курс на ликвидацию частного сектора в экономике, торговле и сфере услуг. К концу 1920-х гг. население Тюмени, подсаженное «на иглу» распределительной политики, оказавшись объектом централизованного снабжения и руководствуясь скорее банальной завистью и неприязнью к торговцам, частникам, спекулянтам, стало требовать ликвидации нэпа. Словно испытывая терпение трудящихся, власти взяли курс на расслоение населения на своих, нужных и не вполне нужных граждан. Данная тенденция, делить трудящихся на «миропомазанных и чужих» возникла еще в 1920-х гг. и вновь была реанимирована в сословиях «ударников» и «стахановцев». Соответственно, первая и вторая категории обеспечивались необходимым количеством продовольственных и непродовольственных товаров, последняя же была предоставлена сама себе. «Питаемся плохо, все время хлеб да картошка, так что у картошки и выходного дня не бывает» [13. Л. 39 об]. В конце 1931 г. частная торговля была ликвидирована, а ее функции перешли к государственной и кооперативной торговле. Качество товаров, особенно в сравнении с заграничными аналогами и даже дореволюционными, резко упало. Поскольку сравнивать было совершенно не с чем – разве что с проклятым прошлым: «Ты с радостью берешь то, что тебе дают… Если ранее горожанин выходил за хлебом раз в неделю, теперь он бегает ежедневно» [12. Л. 17] (сохранен стиль оригинала. – *Авт.*).

Еще одним символом времени стала атака на церковь. Большевизм представлял собой разновидность мировоззрения и практики, обладавшей тем свойством, что он не терпел рядом с собой никаких других взглядов. Везде, где звенели колокола и муэдзины взывали к правоверным с минаретов, где священнослужители и миряне вникали в священные тексты и использовали ритуалы, большевики видели свидетельства своего бессилия, своей неспособности очистить головы подданных от духовного сора прошлых веков. В декабре 1928 г. газета «Правда» объявила, что период мирного сосуществования советской власти с религиозным мировоззрением закончился и наступило время силой искоренить религию. Тем не менее, хотя власти и оставили в Тюмени лишь одну действующую церковь – Всехсвятскую, количество верующих было велико. Многие дети, под влиянием своих родителей, покидали пионерские и комсомольские организации, соблюдали религиозные обряды, посты, ходили в баню в «чистый четверг», присутствовали в церквях на Пасху [12. Л. 32 об.; 13. Л. 20].

Важным аспектом повседневной жизни была советская праздничная культура, которая акцентировала

внимание на годовщинах, памятных датах и событиях, стремившихся закрепить завоевания революции в сознании трудящихся. Это выражалось в призывах к рабочим фабрик, заводов, предприятий подготовить отчеты с акцентом на успехи, посвященные 10-летию советской власти. Кроме того, организуется инициатива «снизу», направленная на удаление из памяти имен купцов, фабрикантов, заводчиков, кулаков, если таковые отражались в местной топонимике. Например, лишилась своего названия железнодорожная станция Поклевская. В результате конкурса на более соответствующее моменту название появилась станция Талица. Эти мероприятия носили четко выраженный характер кампаний. Переименовывать, приводить в порядок, украшать памятные места, улицы и площади требовалось к торжественным датам. Так, например, современники обратили внимание, что братская могила «за городом в Сараях, где были похоронены вывезенные при Колчаке из сада Карла Маркса останки красногвардейцев, жертвы бандитизма, убитые на фронте продразверстки, как например Голубов, заместитель продовольственного комиссара, убитый в 1921 г., находится в неудовлетворительном состоянии. Могилы давно пришли в ветхость, все оградки растащены жителями Сараев, а сами могилы загажены помоями и навозом» [14]. Многих погибших героев революции никто не знает и не помнит. Из 74 человек, перезахороненных в Сараях, в 1927 г. были известны лишь 34 фамилии.

Спустя 10 лет после октябрьских событий власти прямо указывают, что положительные изменения в жизни страны и граждан Республики произошли исключительно благодаря 1917 г. Но как только праздничные мероприятия прошли и отчеты были отправлены в Свердловск, тематика и тональность газет вернулось в привычное русло: классовая борьба за рубежом и преодоление тяжелого наследия царского режима внутри страны, губернии и города. Это беспризорные дети (в 1923 г. в губернии – 2 658 чел., из них в Тюмени – 1 590), эпидемия сифилиса (за 4 месяца в городе заразились 1 807 человек как половым, так и бытовым путем (1923 г.), туберкулез (3 053 чел.), грипп-инфлюэнца (3 793 чел.), триппер (811 чел.), дизентерия (505 чел.), скарлатина (273 чел.), малярия (252 чел.), уголовные преступления: кражи, грабежи, убийства, конокрадство [18]. Представляется, что острозаразные, инфекционные болезни имели свою специфическую особенность. Если в годы Гражданской войны основной урон населению страны наносила эпидемия тифа (брюшного, сыпного, возвратного), то послевоенное время было омрачено туберкулезом, гриппом и сифилисом.

Первая половина 1930-х гг. ознаменовалась ликвидацией безработицы. Осуществлялись благоустройство города, особенно центральной его части, ремонт тротуаров и мостовых, озеленение и освещение площадей и улиц. Тем не менее всех этих мер было недостаточно, сказывалась хроническая болезнь провинциальных городов России – нехватка бюджетных средств. Слабо были развиты водопроводная сеть, охватывавшая лишь центральную часть города, телефонная сеть, радиовещание, канализация отсутствовала напрочь. В то же время были реанимированы традиционная для Тюмени торговая сеть и здравоохранение, построена в стиле «конструктивизма» знаменитая круглая баня. Несколько улучшилось положение с клубами, библиотеками и музеями.

Очевидно, что с каждым новым годом уровень жизни тюменцев возрастал. «Ходил на базар, на толкучку. Живет народ! Жрут и пьют. Все в порядке», – писал современник [12. Л. 51]. Тем не менее население, как и прежде, находилось под бдительным контролем органов ГПУ, партийных и советских структур. Периодически власти проводили репрессии против представителей бывших эксплуататорских классов, вскрывая монархические, эсеро-меньшевистские, поповские заговоры. Например, 25–28 августа 1920 г. в Тюмени состоялся процесс по делу организации монархистов, ставивших целью возрождения самодержавия во главе с царем Михаилом. Организаторов процесса не смутил тот факт, что претендент на престол был расстрелян их пермскими коллегами за два года до того. Военно-революционный трибунал I Трудовой армии (образованный из 3-й Красной армии Восточного фронта) приговорил 4 человек (Д.К. Белоглазова, Анну и Аполлона Беер, Анисимова) к расстрелу. Остальные 10 участников тюменской монархической организации были осуждены на различные сроки исправительных работ [15]. В последующем 1921 г. тюменские чекисты отчитались о раскрытии «контрреволюционной группы корнета С.Г. Лобанова (расстреляны 17 человек, включая 14-летнего подростка) и «Тобольского повстанческого центра» во главе с 15-летним С. Долгановым, племянником епископа Тобольского Гермогена [16]. Словно оправдывая свое существование, чекисты придумывали мифические контрреволюционные организации, информировали население о казнях заговорщиков, якобы пытавшихся повернуть ход истории вспять. На всем протяжении истории большевистской партии ей был необходим символ угрозы. Это белогвардейские организации, окопавшиеся за рубежом, вражеские шпионы и убийцы, проникшие в Советскую республику. Так, были арестованы и расстреляны некие Василевич (за службу в Архангельске у Колчака (!?), Захаров, председатель профкома фабрики им. Челюскинцев (за развал стахановского движения и отрыв от масс), секретари городского комитета партии А. Тарасов и М. Божко (скрытые троцкисты), комдив Г.Ф. Гаврюшенко (за шпионаж в пользу Польши и Германии) [17]. «Правящий режим использовал образ врага для мобилизации населения в целях проведения широкомасштабных социально-экономических преобразований, перенаправления недовольства условиями жизни на отдельные социальные группы и изоляцию политических оппонентов» [10]. Не случайно возле одного из тюменских заводов была устроена панорама: наша социалистическая Ро-

дина с пограничным столбом и часовым, а с той стороны – нападающие фашисты [12. Л. 20 об.].

Однако, пожалуй, главным и реальным врагом советской власти стал скрытный настрой населения, лишавшегося своей собственности. «Это отчетливо проявилось в 1925 г. во время выборов в сельские Советы, когда, с одной стороны, в выборах приняло участие значительно больше крестьян, чем раньше, а с другой – большинство голосов получили многочисленные кулаки, стоявшие на откровенно антибольшевистских позициях. Большевики потерпели катастрофическое поражение. Деревенская буржуазия вовсе не намеревалась без борьбы уступать свою власть» [18. С. 364]. В первую очередь это касается тюменского крестьянства, нацеливаемого партийными органами на обеспечение продовольственной безопасности. Прилегающие к городу территории были определены как земли сельхозназначения, однако свое предназначение выполняли формально. «Каменка, Зырянка, Кулакова, Луговая, Успенка плетутся в позорном хвосте». План хлебозаготовок не выполняется. Атака на капитал, ликвидация частной собственности привели к утрате интереса к труду, браку на производстве, имитации трудовой деятельности, халтуре. Возник симбиоз хаотичного характера планирования и чудовищной бесхозяйственности. «Какой стыд, ребята! Такая стройка! Такая эпоха! А мы спим чуть ли не до 10 часов… Мне кажется, что много рабочих завода – аполитично, или даже хуже, т.е. не совсем доверчиво относятся к мероприятиям советской власти. Я просто так удивляюсь, как могут молодые ребята – рабочие, в такую бурную эпоху работать только 7 часов на производстве и не нести совершенно никакой нагрузки, стоять в стороне от общественной жизни» [13. Л. 10 об]. Заголовки газетных статей и содержание их, дневниковые записи современников прямо свидетельствуют о такой тенденции [14, 19, 20]. Ставя перед собой цель, но не видя путей ее осуществления, сталкиваясь с молчаливым саботажем, действуя скорее интуитивно, руководство большевистской партии периодически меняло свои планы. Соответственно менялись приоритеты пропагандистской кампании. Если в 1920-х гг. в местных газетах находилось место городской тематике, в рубрике тюменский день, то в начале 1930-х гг. местная тематика на время исчезает. Содержание и формат газеты «Красное знамя» в те годы – неопределенное, часто меняющееся, возможно, связано с ротацией лиц, занимающих должность ответственного редактора.

Очевидно, что с началом 1930-х гг. меняется не только настрой, но и общая парадигма государственных приоритетов. Открытый курс на мировую революцию свернут, раблезианские ценности в семейной жизни и правовой нигилизм революционных лет уходят в прошлое, возникают «смакование жизненных благ» [6. С. 87] и торжество мещанских ценностей. «Тюмень омещанилась, вся молодежь целыми вечерами, без всякой цели и пользы шатается по улице Республики» [13. Л. 78 об.]. Столкнувшись с жизненными реалиями, некоторые, наиболее утопичные заявления большевиков были подвергнуты ревизии. Во многом этот процесс связан с именем нового руководителя большевистской партии И.В. Сталина, фамилия которого все чаще упоминается в партийных и государственных документах, а также на страницах газет. Любопытную оценку Сталину и происходящим процессам дал в 1924 г. его политический оппонент Л.Д. Троцкий: «Он нужен им всем – уставшим радикалам, чиновникам, нэпманам, кулакам, выскочкам, пройдохам, всем тем червям, которые выползли из вспаханной почвы, унавоженной революцией. Он знает, что им нужно, он говорит на их языке, и он знает, как руководить ими. У него заслуженная репутация старого революционера, которая делает его бесценным для них…» [21. С. 167].

В начале 1930-х гг. центральная, региональная и городская пресса меняют свою тональность, делая акцент на успехах и достижениях. Особенно это затронуло горожан, родившихся в 1912–1920-х гг. Прошедшие советскую школу станут в той или иной степени приобретать советскую идентичность. Среди лиц, родившихся ранее, процесс приобщения к большевистскому новому языку занял гораздо больше время, поскольку они знали и помнили альтернативные ценности. Так, в ноябре 1933 г. в газете «Красное знамя» опубликован целый разворот: «Уверенно и бодро строим свое радостное будущее!». В статье «Семья двух эпох» [19] сравнивается дореволюционный и постреволюционный быт семьи тюменца С.И. Никитина, рабочего завода «Механик». Вот что носит Сергей Иванович – «костюм, пальто, полушубок, пимы, а его жена Антонина – шелковые чулки – все это полученные премии за честный ударный труд». Раньше они мыкались по углам и комнатам, сегодня проживают в собственной квартире по улице Республики, 54. В статье утверждалось, что «по-настоящему семья стала жить 16 лет назад» (!). Таким образом, читателю пытаются внушить мысль, что все эти последние 16 лет они жили счастливо, достойно, с уверенностью в завтрашнем дне, как будто не было Гражданской войны, эпидемий и болезней, голода и продразверстки, других жизненных трудностей и лишений. Не 2–3 последних года, когда глава семьи оказался в списках «ударников», рассчитывая на поощрения, а все 16 лет. Очевидна попытка мифологизации сознания путем пропаганды и агитации, которые легли в благодатную почву, учитывая неистребимое желание части населения любыми путями выбиться в люди, в том числе посредством «ударничества». Как это ни парадоксально, но острая проблема с жильем, доставшаяся властям от Гражданской войны и коллективизации сельского хозяйства, способствовала формированию нового человека, позволяя вторгаться в приватную жизнь, поощрять и наказывать, структурировать социальную иерархию за счет отбора и исторжения. Если в 1920-х гг. городские власти в рамках национализации собственности перераспределяли жи-

лищный фонд в пользу пролетариата, низших социальных слоев, изымали «лишнюю» жилплощадь, подселяли, уплотняли, то в 1930-х гг. горкомхоз распределял жилье, как вторичное, так и в новостройках, вознаграждая явных сторонников нового режима.

С началом 1930-х гг. наблюдается рост численности населения. Но не за счет репродуктивного воспроизводства, а миграции крестьян в город (59 тыс. в 1930 г., 65 тыс. в 1931 г., 78 686 в 1939 г.) [7, 8, 11]. Сплошная коллективизация привела к массовому бегству крестьян из деревень, что спровоцировало очередной жилищный кризис, для решения которого были задействованы бараки, склады, землянки. Как и прежде, в конце XIX в. крестьяне «приносили» в город рабочие руки, но отнюдь не квалификацию, что позволяет говорить о новой волне рурализации Тюмени. Но недовольство не переросло в массовое, так как людей убедили, что приоритетными являются индустриализация страны и усиление ее обороноспособности. Не случайно супруга главы семьи Антонина Никитина высказала свое пожелание – научится писать, побывать в Свердловске и Магнитогорске и увидеть своими глазами заводы-гиганты. Лучше жить в бедности и убогости, но быть свободными, чем в сытости и комфорте, но рабами капиталистов [19]. Налицо вроде бы умопомешательство, но на самом деле – эффективная жилищная политика, позволяющая удовлетворить потребность социально активной группы горожан, безусловно поддерживающих новый строй. Люди стали верить в то, что сами говорят. Они не обращают внимание на то, что в документах высших партийных инстанций уже заложены противоречия: пролетариату льстили, объявляя его правящим классом, властью, и тут же отмечали, что власть заботится о пролетариате. Таким образом, прослеживается явная дихотомия: пролетариат – власть, либо он объект заботы власти, что современников, впрочем, не смущало.

Ни один режим не может удержаться исключительно на штыках, необходимы иерархия доверия, формирующаяся на основе разложения и расслоения народа, выделения своих сторонников, создание им условий карьерного роста, поиск врагов, шельмование и дискредитация их. Поскольку никто уже не мог открыто высказывать то, что было известно многим, а именно что враг существует только в воображении большевиков, власть сама оказывалась не в состоянии вырваться из круга своих представлений. По сути дела, речь идет о перманентной гражданской войне, создавшей новую цивилизацию. Не последнюю роль в этом процессе сыграла эмиграция значительной части («два миллиона») [22] правящего слоя и интеллигенции дореволюционной России в начале 1920-х гг., что позволило создать два-три миллиона новых управленческих вакансий.

В экстремальных условиях воспоминания о прежних временах становились слишком рискованными, по крайней мере, до 1957 г., когда началась реабилитация отдельных лиц и целых групп населения. В 1920–1930-х гг. даже невинное замечание о том, что раньше было лучше, могло квалифицироваться как серьезное политическое преступление. Прежнюю жизнь лучше было не обсуждать с незнакомыми и случайными людьми. Бывшие недоверие, сарказм и ирония населения по отношению к большевистской пропаганде сменяются лояльностью, страхом и благодушием к решениям партии и правительства. Образцом советского становится молодой физически сильный человек, настроенный на борьбу и готовый к труду и обороне, либо старик как символ мрачного прошлого на фоне светлого будущего. Человек нового типа должен быть беспощадным к врагам народа, бдительным (по сути дела – доносителем), мотивами ему служили: уязвленное самолюбие, жадность, социальная зависть, страх и банальная месть: «Эти рыцари от революции так умеют пачкать человека, настолько нахальны и солидарны между собой, что слопают и не такого как я грешного» [12. Л. 18], – писал один из современников. «Самое главное при этом – убедить людей, что они счастливы настолько, насколько можно быть счастливым в ожидании лучшего, убедить людей, что другие повсюду менее счастливы, чем они. Этого можно достигнуть, только надежно перекрыв любую связь с внешним миром (я имею в виду – с заграницей). Счастье русского – в его надежде, в его вере, в его неведении» [23. С. 78]. Данная тенденция нашла продолжение и в последующие годы, когда власть периодически отправляла представителей свергнутых эксплуататорских классов на срок от двух до четырех месяцев в концентрационные лагеря, на лесозаготовки, в исправительно-трудовые лагеря, тюрьмы и дома предварительного заключения нанося превентивные удары по потенциально опасным согражданам, лишая их иллюзии на инакомыслие. Количество репрессированных трудно установить, так как официальная реабилитация этой категории лиц не проводилась.

Во второй половине 1930-х гг. в период Большого террора рабочие получили возможность беспрепятственно рассчитаться с администрацией, управленцами, номенклатурой, удовлетворить свое чувство враждебности к тем, кто ранее оказался в более привилегированном положении. При этом новые праздники или митинги поддержки создавали лишь видимость усвоения народом новых традиций. «Не столько манифестантов, сколько глазеющих», – писал современник. На митинге памяти Г.К. Орджоникидзе, состоявшемся 19 февраля 1937 г. на предприятии «Красный Октябрь», он отмечал: «При нашей сознательности митинг должен быть драматическим, потрясающим, а он проходил скучно, нудно, когда насильно вытягивали выступающих... Кто будет говорить товарищи? – спрашивает директор завода. Нет желающих, и в тоне его слышится угроза» [12. Л. 41].

Обвиняемые на громких политических процессах не вызывают особого сожаления. Разве лишь вопрос, почему высокопоставленные «жулик Арнольд и Радек,

писавший статьи в советские газеты» разоблачены «умницей Вышинским так поздно». «ГПУ открыло группу высокопоставленных шпиков, во главе которых попал маршал Тухачевский. Очередной расстрел. Повторяется французская революция. Не столько фактов, сколько подозрительности. Бей, чужая, наших» [12. Л. 51]. Наказывая руководителей, власть удовлетворяла ущемленное чувство социальной справедливости низших, но формально равных им слоев общества. Очевидно, что обитатели постреволюционной России были представлены психологическими типажами – активистов, попутчиков и маргиналов. Первые сознательно либо бессознательно поддерживали все инициативы правящей партии и являлись опорой режима, вторые, а их было большинство, двигались по течению и, наконец, третьи глухо роптали, но старались не выделятся из общей массы, ориентируясь скорее на инстинкт самосохранения. Тем не менее всех их объединяло чувство хозяина своей страны, готовность принести себя в жертву ради мощной индустриальной державы, ради светлого будущего своих детей. Эта жертвенность опиралась на традиции революционной борьбы, классовую сознательность, апелляцию к патриотическим чувствам, героизацию человека труда, периодические кампании по разоблачению «врагов народа», снятие моральных, политических и физических ограничений.

Таким образом, можно констатировать, что в 1920–1930-е гг. была создана генерация новых людей, получивших общее название «советский народ», отличительными чертами которой стали энтузиазм, оптимизм, бдительность, беспощадность, поразительная выживаемость, жестокость и безразличие. Прежде чем стать советским, русский человек пережил две катастрофы (1917–1921 и 1928–1933 гг.), когда уровень жизни оказался на грани выживания. Полная закрытость страны, отсутствие объективной информации о том, что творится за рубежом, минимальные экономические послабления власти воспринимались как спасительный дождь в пустыне революционного произвола и узаконенного «беззакония». Именно такая ситуация и смогла закрепить в сознании, быте и душевно-нравственной составляющей человека статус советского. Некоторые историки полагают, что процесс создания новой цивилизации непрерывно продолжался с различной степенью интенсивности вплоть до конца 1940-х гг. [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М. : Книга, 1990. Т. 2. 344 с.
2. Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2002. 378 p.
3. Reese R.R. The Soviet Military Experience: A History of the Soviet Army, 1917–1991. London : Routledge, 2000.
4. Hellbeck J. Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russian // Kritika. 2000. Vol. 1. P. 71–96.
5. Hoffmann D.L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2011.
6. Бакулина Т.И. Развитие торговли в Тюмени в 1930–1936 гг. // Земля Тюменская. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2006. Вып. 20. Тюмень, 2007. 304 с.
7. Бородулина Е.В. Тюмень в 1930-е гг. // Сибирский город: историческая ретроспектива и современный вектор развития. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. 252 с.
8. Кружинов В.М., Сокова З.Н. Тюмень в годы нэпа: люди и события // Земля Тюменская. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2004. Тюмень, 2005. Вып. 18. 290 с.
9. Плохотников В.С. Материально-бытовые условия жизни тюменцев в 1930-е годы // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2012. Вып. XIV. С. 112–120.
10. Сухарев А.А. Эволюция восприятия тюменцами образа врага в годы нэпа (1921–1929 гг.) // Сибирский город: историческая перспектива и современный вектор развития. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. 252 с.
11. Сухарев А.А. Советские массовые праздники в годы нэпа (на материалах Тюмени) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2014. Вып. XVI. С. 161–169.
12. Аржиловский А.С. Дневник // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2.
13. Трофимова В.Ф. Дневник // Государственный архив Тюменской области. Ф. 1758. Оп. 4. Д. 8.
14. Красное знамя (Тюмень). 1927. 9 октября.
15. Известия Тюменского губкома РКП(б). 1920. 28 августа.
16. Шишкин В.И. Тюменский «заговор корнета Лобанова» // История белой Сибири : тезисы 4-й научной конференции. Кемерово, 2001. С. 201.
17. Красное знамя (Тюмень). 1938. 15 января.
18. Дальман Д. Сибирь. С XVI в. – и до настоящего времени. М. : Росспэн, 2015. 559 с.
19. Красное знамя (Тюмень). 1933. 10 ноября.
20. Трудовой набат (Тюмень). 1923. 15 декабря.
21. Троцкий Л.Д. Сталин. М. : Терра, 1990. Т. 2. 303 с.
22. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1986. 272 с.
23. Жид Андре. Возвращение из СССР // Два взгляда из-за рубежа. М. : Политиздат, 1990. 272 с.
24. Баберовский Йорг. Красный террор: История сталинизма. М. : Росспэн, 2007. 278 с.

Galina P. Gavrilicheva. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: teacher1710@mail.ru
Anatoly A. Kononenko. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: a-kononenko@yandex.ru

THE FORMATION OF THE SOVIET CIVILIZATION (ON THE EXAMPLE OF TYUMEN 1920-1930)

Keywords: Tyumen; Tyumen population; Russia in 1920s – 1930s; local archives, papers and diaries; social-cultural changes; the Bolshevik propaganda impact; mind transformation.

The main purpose of the paper is to analyze the cultural processes in Russia in 1920s -1930s, based on the research of Tyumen – a small provincial town in Western Siberia. It changed its administrative status several times: it was a *gubernskii, okruzhnoi,* regional centre of Tyumen Region, Ural Region, and Omsk Region in that period. We consider it was the time when change of people's cultural code took

place, and the former subjects of the Russian Empire were transformed into a new social-cultural community – citizens of the Soviet Republic, later called the Soviet people. Compare to the scientists who studied the evident changes in the citizens' cultural code, we focused on everyday activities of common people. It might be the first attempt to research the corresponding cultural processes in this way. Citizens' vital activity and survival in hard life conditions were analysed, transformation of the Bolshevik agitation and propaganda, the requirements of the state to a person of a new type, division of the population to proponents and enemies of the new regime, the hidden ideas of the people were researched.

The article considers mythologized knowledge of people on the revolution and the Civil War, as well as the general tendency to forget the events, urbanization of the country and ruralization of the town. Self-isolation of the country and only official information coverage, preventive measures to the citizens who might be dangerous for authorities were researched in the article. Having survived three anthropological catastrophes (1914 – 1921, 1929 – 1933, 1941 – 1945), mental psychological type of a person living in Russia in the first half of 20th century changed greatly. The research is based on the published and archival sources, the periodicals, but especially valuable are private sources, the unique records from private libraries, memoirs, diaries, family correspondence. People were afraid of writing something down, discussing the topics connected with political or social system, so some sources exist only in one copy.

As the result of the research we should recognize the great impact of mythology to the people' consciousness when all positive changes in their life were connected with the Great October Socialist Revolution in 1917. The new strata have been easily formed within the population: *udarniki, stakhanovtsy, peredoviki*. The marginal groups were transformed into urban intelligentsia and working class. The young state had a lack of managers, so rather wide range of vacancies was formed. That promoted the authority of the ruling regime. The lower classes felt social injustice, so the repressions of the leaders satisfied them though both upper and lower layers seemed to be formally equal.

We should conclude that the complete change of the ruling elite took place, and the new generation was formed. The population was represented by new psychological types of people: activists, *poputchiki* (companions) and marginal people (off-mainstream people). They were united by life-preservation instinct and the seemed ability to rule the country as well as ability to become a victim for the future generations and the powerful industrial state. Their distinctive features such as enthusiasm, optimism, survival, vigilance, cruelty, indifference were completely illustrated during the Great Patriotic War.

REFERENCES

1. Trotsky, L.D. (1990) *Moya zhizn'* [My life]. Vol. 2. Moscow: Kniga.
2. Brandenberger, D. (2002) *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Reese, R.R. (2000) *The Soviet Military Experience: A History of the Soviet Army, 1917–1991*. London: Routledge.
4. Hellbeck, J. (2000) Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russian. *Kritika*. 1. pp. 71–96.
5. Hoffmann, D.L. (2011) *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
6. Bakulina, T.I. (2006) Razvitie torgovli v Tyumeni v 1930–1936 gg. [The development of trade in Tyumen in 1930–1936]. In: Petrova, V.P. (ed.) *Zemlya Tyumenskaya. Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Land of Tyumen. The Yeatbook of Tyumen Regional Museum]. Vol. 20. Tyumen: Tyumen State University.
7. Borodulina, E.V. (2016) [Tyumen in the 1930s]. *Sibirskiy gorod: istoricheskaya retrospektiva i sovremennyy vektor razvitiya* [Siberian city: a historical retrospective and a modern vector of development]. Proc. of the Conference. Tyumen. (In Russian).
8. Kruzhinov, V.M. & Sokova, Z.N. (2004) Tyumen' v gody nepa: lyudi i sobytiya [Tyumen in the years of NEP: people and events]. In: *Zemlya Tyumenskaya. Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Land of Tyumen. The Yeatbook of Tyumen Regional Museum]. Vol. 18. Tyumen: Tyumen State University.
9. Plokhotnikov, V.S. (2012) Material'no-bytovye usloviya zhizni tyumentsev v 1930-e gody [Material and living conditions of Tyumen citizens in the 1930s]. In: Kruzhinov, V.M. (ed.) *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Vol. XIV. Tyumen: Tyumen State University. pp. 112–120.
10. Sukharev, A.A. (2016) [Evolution of perception of the image of the enemy by the Tyumen residents during NEP (1921–1929)]. *Sibirskiy gorod: istoricheskaya retrospektiva i sovremennyy vektor razvitiya* [Siberian city: a historical retrospective and a modern vector of development]. Proc. of the Conference. Tyumen. (In Russian).
11. Sukharev, A.A. (2014) Sovetskie massovye prazdniki v gody nepa (na materialakh Tyumeni) [Soviet mass holidays during NEP (a case study of Tyumen)]. In: Kruzhinov, V.M. (ed.) *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Vol. XIV. Tyumen: Tyumen State University. pp. 161–169.
12. Arzhilovskiy, A.S. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. The State Archive of the Social and Political History of Tyumen Region (GASPITO). Fund 4048. List 1. File 2.
13. Trofimova, V.F. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. The State Archive of Tyumen Region. Fund 1758. List 4. File 8.
14. *Krasnoe znamya (Tyumen)*. (1927) 9th October.
15. *Izvestiya Tyumenskogo gubkoma RKP(b)*. (1920) 28th August.
16. Shishkin, V.I. (2001) Tyumenskiy "zagovor korneta Lobanova" [The Tyumen "conspiracy of Cornet Lobanov"]. In: Zvyagin, S.P. (ed.) *Istoriya beloy Sibiri* [The History of White Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
17. *Krasnoe znamya (Tyumen)*. (1938) 15th January.
18. Dalman, D. (2015) *Sibir'. S XVI v. – i do nastoyashchego vremeni* [Siberia. Since the 16th century – to the present]. Translated from German by V.A. Braun-Tsekhovsky. Moscow: Rosspen.
19. *Krasnoe znamya (Tyumen)*. (1933) 10th November.
20. *Trudovoy nabat (Tyumen)*. (1923) 15th December.
21. Trotsky, L.D. (1990) *Stalin* [Stalin]. Vol. 2. Moscow: Terra.
22. Shkarenkov, L.K. (1986) *Agoniya beloy emigratsii* [The Agony of White Emigration]. Moscow: Mysl'.
23. Jide, A. (1990) Vozvrashchenie iz SSSR [Return from the USSR]. In: Jide, A. & Feuchtwanger, L. *Dva vzglyada iz-za rubezha* [Two Views from Abroad]. Moscow: Politizdat.
24. Baberovsky, J. (2007) *Krasnyy terror: Istoriya stalinizma* [Red Terror: The Stalinist History]. Translated from German. Moscow: Rosspen.

УДК 94(571.1).083
DOI: 10.17223/19988613/59/2

Е.М. Гостюшева, В.А. Должиков

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1897 г.

В статье предпринимается попытка идентифицировать конфессиональный состав народонаселения Томской губернии на основе данных Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. Данные переписи населения 1897 г. свидетельствуют о том, что на территории Западной Сибири в конце XIX в. ассимиляционная христианизация автохтонного населения в несколько опережающем темпе совпадает с аналогичным общеимперским процессом. По вероисповеданию группы населения губернии распределялись следующим образом: официальное (никонианское) православие исповедовало 90,4% жителей, последователи старообрядческого православия – 5,14%, представители других христианских деноминаций – 0,58%, мусульмане – 2,09% жителей губернии.

Ключевые слова: этнорелигиозный ландшафт; конфессии; Томская губерния; Всероссийская перепись населения.

На протяжении своей многовековой истории Юго-Западная Сибирь как составная часть Российской империи была местом интенсивного взаимодействия самых разных конфессий и этносов. На ее пространствах мирно сосуществовали более чем 40 религиозных объединений и свыше 100 народностей. Сложившаяся за имперский период модель относительно гармоничного межконфессионального сожительства приобретает особую значимость в настоящее время, когда происходит глубокая трансформация общественного сознания, а усиливающиеся межэтнические противоречия грозят перерасти в открытые конфликты. Все это свидетельствует об актуальности научного анализа проблем, связанных с историей этноконфессиональных отношений в регионе конца XIX – начала XX в. Детальное их изучение позволит, на наш взгляд, не только понять процессы, которые развивались в те годы, но и может способствовать поиску адекватных ответов на вызовы современной ситуации.

В течение длительного времени российская государственная власть не располагала объективными статистическими данными об этноконфессиональном составе народонаселения. Подушные ревизии, введенные указом Петра I от 26 ноября 1718 г. и осуществлявшиеся в стране почти 150 лет, выполняли главным образом фискальную функцию, учитывая лишь податные сословия. Общая численность жителей, в особенности на периферии страны, по этим данным также устанавливалась приблизительно. Только поголовный учет подданных должен был определить реальное их количество. С этой целью и проводилась первая в отечественной истории статистическая перепись населения страны. В соответствии с Высочайше утвержденным в 1895 г. «Положением о Первой всеобщей переписи населения Российской империи» анкетный опрос подданных намечалось провести в один день – 28 января 1897 г. [1. С. 8–9].

К тому времени подобная практика была уже апробирована во многих городах страны в форме локальных однодневных переписей населения. Такие переписи, в частности, проводились: в Москве – в 1871 и 1882 гг.; в Петербурге – в 1864, 1869, 1881 и 1890 гг.; в Твери – 1869 г.; во всех городах Псковской губернии; в Челябинске, Верхнеуральске и Петрокове – в 1870 г.; в городах Войска Донского, Екатеринославле, Одессе, Екатеринбурге, Тобольске и Житомире – в 1873 г.; во Владимире, Казани и Киеве – в 1874 г.; в Оренбурге и Вильне – в 1875 г.; в Омске – в 1877 г.; в Иркутске – в 1879 и 1883 гг.; в Смоленске, Варшаве, Петроковке, губерниях Остзейского края – в 1881 г.; в Ченстохове, Батуме, Калише, Тобольске, Новгороде, Череповце – в 1882 г.; в городах Области Войска Донского – в 1883 г.; в Тюмени, Ялуторовске – в 1886 г.; в Евпатории, Херсоне и во всех городах Псковской губернии – в 1887 г.; в Цареве – в 1889 г.; в Батуми – в 1890 г.; в Астрахани – в 1891 г.; в Одессе – в 1892 г.; в Ялте – в 1894 г.; в Барнауле – в 1895 г. и т.д. [1. С. 5–6].

Всеобщая перепись населения стала главным источником для формирования базы данных официальной статистики Российской империи рубежа XIX–XX вв., позволяя выявить реальную численность и поселенческую структуру населения. Как источник демографической информации она определяла фактически все показатели народонаселения губерний и областей, включая фиксацию вероисповедания, родного языка, сословного статуса, брачного состояния, места рождения и проживания, уровня грамотности, рода хозяйственных занятий опрашиваемых. Полученные с помощью переписи статистические данные приобретали поистине уникальную ценность, так как из других административных источников того времени достоверную информацию подобного рода извлечь было невозможно.

Результаты переписи публиковались в течение 1899–1905 гг. отдельными 89 томами (119 книгами) в соответствии с административным делением Российской империи на губернии и области. Каждый выпуск сопровождался предисловием директора Центрального статистического комитета Н.А. Тройницкого и содер-

жал 25 таблиц основного статистического материала. Что же касается сведений конкретно по Томской губернии, то они были опубликованы в 79-м томе данного издания [2].

Всероссийской переписи 1897 г. посвящено довольно большое количество дореволюционных и современных исследований. Демографические данные, полученные в результате анкетирования по всей империи и отдельным ее регионам в определенный хронологический интервал или в динамике, анализируются в работах Н.В. Алексеенко, Н.Д. Борщик, А.М. Жаркеновой, А.М. Мамырханова, С.Д. Морозова, В.И. Пронина, А.Г. Рашина и других авторов [3–11]. Научную ценность материалов общеимперской переписи населения 1897 г. в своих публикациях отмечают Е.В. Карих, М.В. Маркова, Л.И. Шерстова, Е.А. Шершнева и другие современные исследователи-этнологи [12–16]. Несмотря на субъективный характер статистического материала (все сведения фиксировались исключительно со слов опрашиваемого без документального подтверждения, не всегда точны ответы на вопросы переписного листа, расхождение данных с официальным текущим учетом населения и т.д.), многие авторы отмечают ценность самой переписи населения и содержания ее материалов как исторического источника. Определенную научную значимость как отдельный предмет изучения представляют методы, применявшиеся при обработке данных анкетирования и устных опросов населения империи [1, 17, 18]. Кроме характеристики численности наличного населения, статистический материал этой переписи до сих пор широко используется отечественными демографами для характеристики особенностей поселенческой структуры в регионах Российской империи [5, 6, 19–21].

Собственно же регионоведческая литература представлена работами В.А. Скубневского [21–24]. На основе данных переписи 1897 г. им опубликован цикл статьей, в которых анализируется социальный и этнический состав населения Сибири. Автор подробно рассматривает демографическую структуру городского населения, купечества, польской диаспоры в территориальных границах Юго-Западной Сибири. Отдельная его работа посвящена анализу специфики народонаселения Алтайского горного округа [24].

С привлечением статистических данных Всероссийской переписи населения 1897 г. вышеназванные авторы провели уже объемную реконструкцию процессов межэтнического взаимодействия на пространстве дореволюционной Томской губернии. Тем не менее исследование, в котором бы специально рассматривался конфессиональный состав населения региона в границах имперского периода в целом, до сих пор отсутствует. Наличие данной лакуны в отечественной регионоведческой и религиоведческой литературе представляется очевидным и дополнительно свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения данной темы.

На наш взгляд, необходим анализ многосложного конфессионального состава народонаселения Томской губернии с использованием современных методов научного анализа. Поэтому свой выбор авторы делают в пользу институционального подхода к теме, позволяющего изучать действовавшие в Российской империи конфессии как исторически сложившиеся общественные образования, занимавшие определенное место в системе длительного интеграционного взаимодействия локальных этнических групп. Самоидентификацию ими своей религиозной принадлежности можно, по-видимому, объяснить влиянием целого комплекса социально-исторических факторов. Их учет позволяет выделить существенные черты религиозной культуры как самих этноконфессиональных сообществ, так и отдельных индивидов. Понятийно-терминологический инструментарий, использующийся в исследовании, обусловлен междисциплинарной спецификой темы. Авторы статьи стремились учитывать теоретические разработки современного религиоведения и регионоведения, истории повседневности, социологии и этнологии. Полагаем, что лишь комплексное изучение феноменов религиозного свойства может и должно способствовать более глубокому пониманию сущности процессов, развивавшихся в сфере межэтнических взаимоотношений в достаточно крупном регионе, каким, бесспорно, являлась дореволюционная Томская губерния.

К концу XIX в. составе Томской губернии находились семь округов: Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Каинский, Кузнецкий, Мариинский и Томский с общей численностью населения 1 927 тыс. человек [2. С. 17]. Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют о росте общей численности населения губернии. Основной фактор – это поощряемые имперским правительством довольно массовые миграции конца XIX в. из европейской части страны. С этой целью в 1881 г. были подготовлены «Временные правила для переселения крестьян», которые вводили разрешительный принцип переселения в Сибирь. 13 июля 1889 г. императором Александром III утверждаются «Правила о переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Причем действие данного законодательного акта распространяется в 1890 г. впервые на Алтайский округ, управляемый Кабинетом ЕИВ. Параллельно с 1871 г. велась разработка законодательных актов о сибирском землеустройстве, которая завершается после утверждения императором Николаем II соответствующего закона от 23 мая 1896 г. Последующие нормативные акты лишь уточняли саму процедуру землеустройства на территории Томской губернии [25. С. 4].

Из всех ее округов самыми населенными являлись земли бывшего Алтайского горнозаводского ведомства в окрестностях Барнаула, Бийска и Томска. Так, в Барнаульском округе проживало 584 100 чел., или 30,3% населения всей губернии, в Бийском – 337 007 чел. (17,4% населения губернии). Далее по мере убывания численности жителей значились остальные округа: Томский – 277 135 чел., Змеиногорский – 242 718 чел., Каинский – 187 147 чел., Кузнецкий – 161 799 чел. По-

следнее место среди них занимал Мариинский округ, в котором проживало всего 7,1% населения губернии, а именно 137 773 чел. [2. С. 5].

Российская империя к концу XIX в. сформировалась как государство, в котором численно преобладала «титульная» народность. Другие «племена» могли сохранять свой язык, религию, культурные особенности, которые не угрожали территориальной целостности государства. Однако при этом имперской властью неуклонно поддерживалось единство законодательства, системы управления и государственного языка. Тенденции общеимперского характера четко прослеживались в Томской губернии, где большинство жителей (86,01%) признавали себя русскими (православными по вероисповеданию). Второе место по численности занимали украинцы (5,15%), а третье – татары (4,94%). От одного процента и менее составляли киргиз-кайсаки (казахи) – 24 343 человек, или 1,28% от всего населения губернии, мордва (0,76%), иудеи (евреи) (0,4%), поляки (0,33%), белорусы (0,24%), латыши [2. С. 10].

Имперская государственно-конфессиональная политика была направлена на закрепление доминантной роли православия по отношению к другим неправославным и нехристианским вероисповеданиям. В этом смысле нормативно-правовая база конца XIX в. формализует иерархическую структуру официально признаваемых конфессий, что находит подтверждение в материалах переписи 1897 г. Абсолютное большинство населения губернии, согласно ее данным, исповедовало синодальное православие (90,4%). Второе место здесь, в отличие от общеимперской статистики, принадлежало последователям «раскола», т.е. православным старообрядцам (5,14%), третье место занимали мусульмане (2,09%) и не более одного процента населения представляют другие христианские деноминации (0,58%) [2. С. 12].

Этнорелигиозный ландшафт округов Томской губернии отличался разнообразием. Как и вся Сибирь, она стала новой родиной для мигрантов из Европейской России, представляя собой образец полиэтнического смешения больших и малых народностей. При участии самых разных народностей здесь сложилась своеобразная этнокультурная мозаика. Почти не освоенная, но богатая природными ресурсами территория Юго-Западной Сибири привлекала экономически активное население, в том числе из ранее освоенных зауральских губерний.

Спасаясь от нараставшего крепостнического гнета, сюда бежали черносошные (государственные), монастырские и помещичьи крестьяне. Все они, согласно казенной терминологии, назывались «гулящими людьми». Кроме них в Сибирь прибывали завербованные воеводами местных городов посадские люди и крестьяне из северных уездов, а также водворенные на жительство ссыльнопоселенцы. Массовый социальный слой, доминирующий в русском населении, к концу XVII в. и в XVIII в. здесь уже составляли не государевы служилые люди, а предприимчивые крестьяне и ремесленники, занимавшиеся сельскохозяйственным производством и традиционными промыслами.

В XIX столетии на территории Томской губернии существовали уже ареалы компактного проживания не только русских, украинцев и белорусов (православных и униатов), но и татар, поляков, цыган, мордвы, зырян, евреев, латышей, немцев и др. Так, появление здесь представителей различных конфессий западнохристианского толка обусловлено функционированием «кабинетского» производственного комплекса в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе.

В Томской губернии давно проживали аборигенные автохтонные народности, этноконфессиональное происхождение которых было самым разным. Тюркское население было, в частности, представлено сибирскими татарами, кумандинцами, телеутами, карагасами, а также довольно многочисленной этнической группой казахов [13. С. 5]. При этом заметно увеличивалась численность местных тюрок, что было связано с переселением на территорию губернии в пореформенный период поволжских татар, исповедовавших ислам. В целом среднегодовые темпы прироста мусульманского населения в губернии за XVIII в. составили около 0,5%, в первой половине XIX в. – всего 0,3%, зато во второй половине XIX в. они достигли 1,1%. В Томской губернии, согласно переписи 1897 г., вновь прибывших татар проживало 9 423 чел. [14. С. 101]. В течение длительного времени они сохраняли свои религиозные, диалектно-языковые и культурные традиции. Акклиматизируясь в новых для себя природно-географических и социальных условиях, большая эта группа недавних переселенцев становилась все более способной влиять на региональный этнорелигиозный ландшафт [16, 26].

По мере заселения территории Томской губернии русскими людьми здесь быстро распространяется православие. Государственно-конфессиональное законодательство к концу XIX в. устанавливало иерархическую систему признаваемых властью религий и религиозных организаций. Главенствующее положение, разумеется, по закону принадлежало Русской православной церкви, более низким статусом обладали так называемые терпимые вероисповедания. Полностью или частично легализованными здесь были римско-католическая, лютеранская, армяно-григорианская, буддистская и иудейская конфессии.

Христиане «терпимых» исповеданий защищались государством от посягательства на их сферу влияния со стороны других религий. За «уклонение» от христианства в любую другую религию предусматривались суровые наказания, как и за отступление от официального православия. К терпимым исповеданиям иногда могли относиться и старообрядцы отдельных согласий. Но при этом «переход в раскол» рассматривался государственной властью как прецедент, опасный не столько в религиозном, сколько в политическом отношении, поскольку подготавливал умы к осознанию возможно-

сти гражданского неповиновения. Наконец, к последней категории относились «нетерпимые» вероисповедания. Их состав законом не был определен четко, но в число «вреднейших» обычно заносились скопцы, молокане, духоборцы, христововеры (хлысты), субботники. В законодательных актах они все именовались «сектантами», ассоциировавшимися со «свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою и других, либо с противонравственными, гнусными действиями» [27. С. 64].

Привилегированный статус РПЦ был закреплен юридически. В своде законов Российской империи в разделе первом «о священных правах и преимуществах Верховной Самодержавной Власти» было прописано, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [28. С. 40].

Занимая среди всех конфессий господствующее положение, православная церковь наделялась правом «убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения». По закону никто не мог препятствовать исповедующим иную веру перейти в православие. За создание препятствий такого рода предусматривалось тюремное заключение на срок от двух до четырех месяцев, а если таковые препятствия сопровождались угрозами, то до двух лет. Отступление от православной церкви законодательно было запрещено [27. С. 219].

Кроме русских, украинцев и белорусов в Томской губернии православия придерживались цыгане (99,73%), зыряне (коми) (99,9%). В значительно меньшем количестве вероучение Русской православной церкви исповедовали другие этнические группы (немцы – 5,03%, литовцы – 4,29, поляки – 2,39, евреи – 1%) [2. С. 10].

Второе место по численности своих последователей в Томской губернии неслучайно занимало старообрядчество, адепты которого еще в середине XVII в. отмежевались от РПЦ. В Сибирь их ссылали с самого начала «раскола», и сюда же они часто бежали сами от жестоких гонений со стороны Церкви и государственной власти. Сторонники дониконовского православия были почти во всех этнических группах региона: русские (5,88%), белорусы (4,6%), мордва (2,18%), киргиз-кайсаки (0,78%), латыши (0,41%), татары (0,41%), зыряне (0,27%) и др. [Там же. С. 76–77]. Имперское правительство неоднократно предпринимало попытки религиозной ассимиляции старообрядцев, но положительных результатов эти усилия не давали. В сравнении с другими христианскими исповеданиями правовой статус старообрядческой конфессии был гораздо менее определенным. В одной из статей «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» старообрядцы прямо названы «заблуждающимися», а официальное православие именуется «истинной верой» [27. С. 55]. Хранители традиционалистских церковных обрядов, как известно, считали, что церковная реформа патриарха Никона разрушила не только священную природу православия, но и самобытность русской культуры.

По данным переписи 1897 г., в рассматриваемый период на территории губернии в общей сложности старообрядцев насчитывалось 99 052 чел., или почти 5,41% [2. С. 19]. Тем не менее сведения относительно этой конфессии вряд ли являлись достоверными. «Алтайский край почти сплошь раскольнический**,** – констатировал эту коллизию официальный историк “раскола”, профессор богословия императорского Томского университета, протоиерей Д.Н. Беликов, – православные или, по раскольническому выражению, “мирские” составляют здесь редкость, но и они, если только принадлежат к исконным сибирякам, заражены старообрядческой закваской» [29. С. 7, 28]. По сосредоточению старообрядцев различных толков (согласий) регион, вероятнее всего, занимал в XIX в. одно из первых мест во всей России. Однако перепись 1897 г. подобные исторические реалии едва ли могла отражать. Скорее всего, значительное количество «раскольников» игнорировало анкетные опросы. По старообрядческой вере, государственная перепись – это «сеть, уловляющая в царство антихриста», «средство, прикрепляющее к антихристу» [Там же. С. 25]. Гораздо позже во время второй Всероссийской переписи (весна 1917 г.), в условиях революционной свободы старообрядцы Кузнецкого округа все равно ведь отказывались отвечать регистраторам, «ссылаясь на пророка Даниила и Ефрема Сирина, которые предсказывали всеобщую перепись перед концом мира и предостерегали верующих от дачи показаний» [30]. Поэтому есть все основания подвергать сомнению данные переписи 1897 г. о численности старообрядческого населения Томской губернии. На наш взгляд, указанные выше процентные показатели в этом пункте существенно занижены.

Третье место в регионе по численности верующих занимал ислам. В начале XIX в. все томские татары являлись либо мусульманами, либо «крещенами». Вторая группа возникла в ходе русской колонизации Сибири. Так, среди эуштинцев насчитывалось 109 мусульман и 50 православных; среди телеутов – 267 мусульман и 152 православных; среди чатов – 663 мусульманина и 43 христианина [15. С. 102]. Ислам в регионе исповедовали в основном тюркоязычные киргизы (95%) и татары (17,4%), которые вместе составляли в целом 2,09% от всего населения губернии [2. С. 19].

Взаимодействие русского и аборигенного населения, сопровождавшееся ассимиляцией и православной аккультурацией части тюркоязычного населения, к примеру, алтайских кумандинцев [32. С. 22–23], усиливало значимость христианства как доминирующего конфессионального фактора. Но и в результате исламизации этнических тюрков Сибири шло накопление сходных элементов мусульманско-татарского культурного пласта [15. С. 109].

Томская губерния не попадала в черту оседлости евреев, поэтому они могли оказаться здесь только в качестве ссыльных, бывших каторжан, поселившихся

по особому разрешению или вовсе незаконно. Иудейского вероисповедания придерживалось 7 947 чел. или 0,41% населения губернии [2. С. 19]. Находясь в значительном удалении от единоверцев, проживавших в Европейской России, и постепенно утрачивая свои этнические черты, сибирские евреи, тем не менее, стремились придерживаться веры и религиозных традиций предков. Начиная с середины XIX в., когда в регионе строятся разрешенные властью синагоги (в Томске с 1850 г.), а также молитвенные школы («талмуд-торы»), вплоть до конца XIX в. жизнь еврейской диаспоры в регионе была сконцентрирована вокруг сугубо конфессиональных институтов: синагог, духовных правлений, богаделен [33. С. 109].

Появление инославных христианских деноминаций в губернии связано с хозяйственным освоением ее территорий. В конце XVIII – середине XIX в. штат горнозаводского ведомства Колывано-Воскресенского округа заполняло большое количество немецких инженеров и чиновников лютеранского и римско-католического вероисповедания. Малочисленность отечественных специалистов горного дела, инженеров и техников, как, впрочем, и нежелание русских дворян служить в Сибири, стали причиной того, что начиная с первых десятилетий существования Колывано-Воскресенских заводов и рудников инженерно-технические кадры набирались в основном из числа иностранных подданных. Преимущественно это выходцы из Саксонии, где существовала Фрейбургская академия, которая была центром подготовки специалистов горного дела. В период становления императорского кабинетского хозяйства иностранные специалисты составляли здесь кадровое ядро аппарата управления. С 1747 по 1799 г. функции руководителя Канцелярии горного начальства и Колывано-Воскресенских заводов выполняли семь человек, пятеро из которых – выходцы из Саксонии (А.В. Беэр, И.Г. Улих, И.С. Христиани, А.А. Ирман и Б.И. Мелер). В конце XVIII в. в штате горнозаводского хозяйства иностранные специалисты составляли 22,2%, а в конце XIX в. – более 10% от общего числа служивших здесь горных инженеров и техников. Главные начальники Алтайских горных заводов и, одновременно, томские гражданские губернаторы В.А. Бекман, Г.Г. Лерхе, А.И. Фрезе придерживались лютеранской веры [34. С. 44–45].

Перепись 1897 г. зафиксировала менее 1% представителей западного христианства: католицизма и протестантизма. В целом по губернии римско-католического исповедания придерживалось 8 977 чел., более 90% поляков и литовцев, а также 81% латышей. Лютеран было 2 129 чел., или 0,11% населения. Протестантами являлись чаще всего этнические немцы (84,55%) и чуть более 10% латышей (17,8%) [2. С. 19].

В Алтайском округе проживало 1 618 представителей протестантизма. Самую большую группу составили лютеране – 1 438 чел., представителей реформаторского направления насчитывалось в округе 166 чел., и третье место занимали меннониты (14 человек) [2. С. 68–69]. Последователи Менно Сименса стали осваивать губернию активно чуть позже, в период Столыпинской аграрной реформы, расселяясь в основном по равнинной местности юга Западной Сибири – в Кулундинской степи, которая по рельефу и климату очень схожа с местами прежнего проживания.

Около 1,34% населения, или 25 876 чел. округа, относили себя к язычникам (в основном это были тюрки Томского и Кузнецкого уездов), сохранявшие традиционное вероисповедание предков [2. С. 19].

В государственно-конфессиональной политике Российской империи конца XIX в. преобладал вектор, ориентированный на создание унифицированного административного, правового и социокультурного пространства. Активное расширение границ имперского государства, присоединение к нему все новых сопредельных территорий формировали поликонфессиональный массив подвластного народонаселения. В результате на рубеже XIX–XX вв. религиозный ландшафт Томской губернии, как и всей империи, отличался уже большим разнообразием. Здесь этносы «пересекают» религиозные границы, и, наоборот, внутрь конфессий вклиниваются представители различных этнических групп.

Массовые миграции XVIII–XIX вв., коррективы в аборигенной политике государства, унификация сословной принадлежности сибирских аборигенов и русских крестьян меняли общий баланс этноконфессиональной ситуации в регионе. Томская губерния превращается постепенно в моноэтническую территорию, где подавляющее большинство составляло уже православно-русское, а не автохтонное, коренное население. Материалы переписи свидетельствуют о том, что на юго-западе Сибири этот процесс намного опережал общероссийскую динамику. В результате православные никониане составляли здесь 90,4%, православные старообрядцы – 5,14, мусульмане – 2,09, римокатолики – 0,47, представители иных нехристианских религий – 1,34%, тогда как в метрополии соотношение конфессий было другим. Самые крупные этнорелигиозные институции в порядке убывания распределялись в Европейской России следующим образом: православные – 69,3%, мусульмане – 11,1, римо-католики – 9,1 и иудеи – 4,2% [2. С. 18].

Достоверность данных Первой всеобщей переписи населения страны, разумеется, можно подвергать сомнению. Технология ее проведения, методика сбора и обработки полученной социальной информации были, действительно, еще несовершенными. Отсутствовали, например, четкие критерии определения конфессиональной и этнической принадлежности респондентов. Субъективными были анкетные сведения об опрашиваемых, которые заметно расходились с показателями текущей официальной статистики и т.д. Вместе с тем данные переписи подтверждают, что к концу XIX в. Россия уже представляла собой «многонародную» им-

перию (vielvoelker Reich, по терминологии А. Каппеллера), в которой динамика эволюции межконфессиональных отношений была увязана с политическим курсом государства на союзную интеграцию присоединенных народов. При этом имперская власть опиралась на собственные идеологические представления о допустимых границах административного вмешательства в вероисповедные дела населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котельников А. История разработки и производства всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. СПб. : Наша жизнь, 1909. 124 с.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. [Санкт-Петербург] : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 27 см. 79: Томская губерния. 1904. [4], XXVI, 246 с.
3. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск : Полиграфия, 1999. 156 с.
4. Алексеенко Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. Усть-Каменогорск : Шыгысбаспа, 1999. 113 с.
5. Борщик Н.Д. Население Курской губернии по материалам Всероссийской переписи 1897 г. // Известия Алтайского государственного университета. История. 2008. № 4–5 (60). С. 35–37.
6. Борщик Н.Д. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. 2017. № 3 (9). С. 45–53.
7. Жаркенова А.М. Население Казахстана по первой всеобщей переписи населения 1897 г. (демографический анализ) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 23 с.
8. Мамырханова А.М. Казахское население между переписями 1897–1926 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 23 с.
9. Морозов С.Д. Население России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1999. № 4. С. 32–46.
10. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.
11. Рашин А.Г., Водарский Я.Е. Население России за 400 лет: (XVI – начало XX в.). М .: Просвещение, 1973. 160 с.
12. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
13. Маркова М.Ф. Татары-мусульмане Томской губернии (1880-е годы – февраль 1917 года) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2008. 23 с.
14. Маркова М.Ф. Татары Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: миграционные процессы, численность и расселение // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2010. С. 100–106.
15. Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 108–110.
16. Шершнева Е.А. Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис.... канд. истор. наук. Барнаул, 2003. 18 с.
17. Пашкина Т.А. Перепись населения в России: историческая преемственность и новации: Социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Саратов, 2003. 18 с.
18. Воропаева С.С. Порядок составления списков населенных мест для Первой всеобщей переписи населения 1897 года // Документ: история, теория, практика. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 224–226.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly. 20 февраля – 4 марта 2012. 499–500. URL: http://www.demoskope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=44 (дата обращения: 28.11.2017).
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Города и поселения в уездах имеющие 2000 и более жителей. СПб. : Паровая типо-литогр. Н.Л. Ныркина, 1905.
21. Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул : Книга, 1990. С. 98–119.
22. Скубневский В.А. Купечество Сибири по материалам переписи 1897 г. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2: XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул : Изд-во АГУ, 1997. С. 45–54.
23. Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань : Мастер-Лайн, 1998. С. 170–175.
24. Скубневский В.А. Население Алтая по данным переписи 1897 г. // Образование и социальное развитие региона (Барнаул). 1998. № 1. С. 99–106.
25. Сибирские переселения. Документы и материалы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. Вып. 1. 198 с.
26. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Политика Российского государства по контролю за религиозной жизнью мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36 (2). С. 338–346.
27. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Разд. 1. Гл. 3. От. 3. СПб. : Изд. Мин-ва внутр. дел, 1857.
28. Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. Разд. 1. СПб. : Изд. Мин-ва внутр. дел, 1857.
29. Беликов Д.Н. Томский раскол. Исторический очерк с 1834 по 1880-е гг. Томск : Паровая типо-литогр. П.И. Макушина, 1901. 247 с.
30. Список населенных мест Томской губернии: по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск : Типо-литогр. Том. Линотдела Сибопса, 1923. 95 с.
31. Габриков Я.Е., Дин Ю.И. Материалы переписей 1890, 1897, 1920 годов как источники по истории Сахалина // XIX Чеховские чтения : материалы регион. науч. конф., 28–29 января 2016 года / Министерство культуры и архивного дела Сахалинской области; Литературно-художественный музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин». Южно-Сахалинск ; Москва : Перо, 2016. С. 85–96.
32. Этнокультурное взаимодействие в Евразии : в 2 кн. / под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина. В.А. Тишкова. М. : Наука, 2006. Кн. 1. 466 с.; Кн. 2. 342 с.
33. Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX века. СПб. : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с.
34. Гербер О.А. Иностранные специалисты как источник формирования инженерно-технических кадров Колывано-Воскресенских заводов (1744–1800 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11, ч. 3. С. 43–47.

Evgenie. M. Gostyusheva. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: altmpsi@mail.ru
Vyacheslav A. Dolzhikov. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: dolshikov@yandex.ru

THE CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE TOMSK PROVINCE ACCORDING TO THE FIRST RUSSIAN CENSUS OF 1897

Keywords: ethno-religious landscape; confessions; Tomsk province; All-Russian population census.

The article presents an analysis of confessional structure of the population of the Tomsk province on the first general population census of 1897. Authors trace top trends of formation of the religious landscape of the region, which developed by the end of the 19th century.

The research is based on a wide range of sources: normative legal acts (state-confessional legislation in general and rule-making on the organization of the first general census of the country). The second group – statistical materials of results of a census. The above-named category is supplemented significantly by regional official printing publications in which data on the religious list of residents of the Tomsk province and its cities were published. The separate group is represented by archive materials of the Russian state historical archive, the State archive of the Tomsk region, the State archive of Altai Krai.

By the end of the 19th century at the legislative level the accurate hierarchy of faiths was built. The dominant position was held by orthodox christianity whose legal status was enshrined in the highest regulations. At the second step there were "tolerant" religions. The third place was taken by sects and "intolerant" confessions. Political-legal and social-economic development of the Russian Empire in the second half of the 19th century required the elimination of marginal isolation, unification of most aspects of public, including religious, life. The results of a census confirmed process of christianization of the population of the empire (orthodox - 69.3%, muslims – 11.1%, rimo-catholic – 9.1%).

The superiority of followers of Russian orthodox Church was shown by statistical data on the Tomsk province as well. Followers of official orthodoxy in the region made 90.4%. The superiority in strength of orthodox christians in comparison with the all-Russian statistics (69.3%) visually characterizes church state policy on the outskirts of the empire: use of the state traditional institutes of religion as the instrument of impact on processes of formation of religious identity of ethnic groups, christianization of the autochthonic population and regulation of difficult interreligious communications on places.

Distinctive feature of the Tomsk province was accommodation of a large number of opponents of the reforms by Nikon (5.14%). Western Siberia became the place where from the first decades of existence of split (raskol), in search of the country of freedom of Belovodye his first follower began to be proved. On concentration of Old Believers of various branches (soglasiya) the region was high on the list in the 19th century in all Russia. The third place belonged to muslims (2.09%), presented by generally Turkic-speaking Kyrgyz and Tatars. Mass migrations of the 18-19th centuries, state policy on not orthodox and non-christian religions, amendments in the native policy of the state changed balance of an ethnoconfessional situation in the region where the vast majority made already orthodox population.

REFERENCES

1. Kotelnikov, A. (1909) *Istoriya razrabotki i proizvodstva vseobshchey perepisi naseleniya 28-go yanvarya 1897 g.* [History of the development and production of the general population census on January 28, 1897]. St. Peteresburg: Nasha zhizn'.
2. Troynitsky, N.A. (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [First General Census of the Russian Empire in 1897]. St. Petereburg: Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior.
3. Alekseenko, N.V. & Alekseenko, A.N. (1999) *Naselenie Kazakhstana za 100 let (1897–1997 gg.)* [The population of Kazakhstan for 100 years (1897–1997)]. Ust-Kamenogorsk: Poligrafiya.
4. Alekseenko, N.V. (1999) *Statisticheskie istochniki po demografii Kazakhstana* [Statistical sources on the demography of Kazakhstan]. Ust-Kamenogorsk: Shygysbaspa.
5. Borshchik, N.D. (2008) The Population of the Kursk Region according to the Materials of All-Russian Census of the Population in 1897. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – The News of Altai State University. History*. 4(5). pp. 35–37. (In Russian).
6. Borshchik, N.D. (2017) The first all-Russian population census of 1897. Record keeping and document management. *Vestnik RGGU. Ser. Dokumentovedenie i arkhivovedenie – RSUH Bulletin. Records Management and Archival Studies*. 3(9). pp. 45–53.
7. Zharkenova, A.M. (2002) *Naselenie Kazakhstana po pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897 g. (demograficheskiy analiz)* [Population of Kazakhstan according to the First General Census of 1897 (the demographic analysis)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
8. Mamyrkhanova, A.M. (2002) *Kazakhskoe naselenie mezhdu perepisyami 1897–1926 gg.* [Kazakh population between the censuses of 1897–1926]. Abstracts of History Cand. Diss. Almaty.
9. Morozov, S.D. (1999) Naselenie Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [The population of Russia at the turn of 19t –20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 32–46.
10. Pronin, V.I. (1981) Naselenie Sibiri za 50 let (1863–1913 gg.) [The population of Siberia during 50 years (1863–1913)]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 50–69.
11. Rashin, A.G. & Vodarskii, Ya.E. (1973) *Naselenie Rossii za 400 let: (XVI – nachalo XX v.)* [The population of Russia over 400 years (the 16th – early 20th centuries]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v.* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development. The 19th–early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Markova, M.F. (2008) *Tatary-musul'mane Tomskoy gubernii (1880-e gody – fevral' 1917 goda)* [The Tatar Muslims of Tomsk province (the 1880s – February 1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
14. Markova, M.F. (2010) Tatary Tomskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: migratsionnye protsessy, chislennost' i rasselenie [The Tatars of Tomsk province in the late 19th – early 20th century: migration processes, number and settlement]. In: Romanov, R.E. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Studies in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 100–106
15. Sherstova, L.I. (2013) Turkic population of Tomsk province at the turn of the 20th century: administrative structure, ethnic and religious processes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 108–110. (In Russian).
16. Shershneva, E.A. (2003) *Polozhenie musul'manskikh obshchin Tomskoy gubernii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noy politiki Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The situation of the Muslim communities in Tomsk province in the context of the state and religious policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
17. Pashkina, T.A. (2003) *Perepis' naseleniya v Rossii: istoricheskaya preemstvennost' i novatsii: sotsiologicheskiy analiz* [Population census in Russia: historical continuity and innovations: a sociological analysis]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Saratov.
18. Voropaeva, S.S. (2012) Poryadok sostavleniya spiskov naselennykh mest dlya Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897 goda [The procedure for compiling lists of populated areas for the First General Population Census of 1897]. In: Kharus, O.A. (ed.) *Dokument: istoriya, teoriya, praktika* [Document: history, theory, practice]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 224–226.
19. Anon. (2012) Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku, guberniyam i oblastyam [The First General Census of the population of the Russian Empire in 1897. The distribution of the population by native language, provinces and regions]. *Demoskop Weekly*. 499–450. [Online] Available from: http://www.demoskope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php. (Accessed: 28th November 2017).
20. Troynitsky, N.A. (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Goroda i poseleniya v uezdakh imeyushchie 2000 i bolee zhiteley* [The First General Census of the Russian Empire in 1897: towns and villages in counties with 2,000 or more inhabitants]. St. Petersburg: N.L. Nyrkin.
21. Skubnevsky, V.A. (1990) Gorodskoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [The urban population of Siberia according to the 1897 Census]. In: Skubnevsky, V.A. (ed.) *Problemy genezisa i razvitiya kapitalisticheskikh otnosheniy v Sibiri* [Problems of the genesis and development of capitalist relations in Siberia]. Barnaul: Kniga. pp. 98–119.

22. Skubnevsky, V.A. (1997) Kupechestvo Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [Siberian merchantry according to the 1897 Census]. In: Skubnevsky, V.A. et al. *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri* [Entrepreneurs and entrepreneurship in Siberia]. Issue 2. Barnaul: Altai State University. pp. 45–54.
23. Skubnevsky, V.A. (1998) Pol'skoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [The Polish population in Siberia according to the Census of 1897]. In: Valeev, R.M. & Sharifzhanov, I.I. (eds) *Pol'skaya ssylka v Rossii XIX–XX vekov: regional'nye tsentry* [The Polish exile in Russia of the 19th – 20th centuries: regional centers]. Kazan: Master-Layn. pp. 170–175.
24. Skubnevsky, V.A. (1998) Naselenie Altaya po dannym perepisi 1897 g. [The population of the Altai Republic according to the census of 1897]. *Obrazovanie i sotsial'noe razvitie regiona (Barnaul)*. 1. pp. 99–106.
25. Shilovsky, M.V. (ed.) (2003) *Sibirskie pereseleniya. Dokumenty i materialy* [Siberian resettlement. Documents and materials]. Issue 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
26. Dashkovsky, P.K. & Shershneva, E.A. (2015) The Russian Government's Policy on Control over the Religious Life of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal – Bylye Gody – Russian Historical Journal*. 36(2). pp. 338–346. (In Russian).
27. Russian Empire. (1857a) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 14. St. Petersburg: Ministry of Interior.
28. Russian Empire. (1857b) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: Ministry of Interior.
29. Belikov, D.N. (1901) *Tomskiy raskol. Istoricheskiy ocherk s 1834 po 1880-e gg.* [The Tomsk Split. A historical essay from 1834 to 1880]. Tomsk: P.I. Makushin.
30. Tomsk Guberniya Statistics Committee. (1923) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii: po dannym pozdneyshikh perepisey (1910, 1917 i 1920 gg.)* [List of settlements in Tomsk province: according to the latest censuses (1910, 1917 and 1920.)]. Tomsk: Tomsk Linotdela Sibopsa.
31. Gabrikov, Ya.E. & Din, Yu.I. (2016) [The censuses of 1890, 1897, 1920 as the sources of the history of Sakhalin]. *XIX Chekhovskie chteniya* [The 19th Chekhov Readings]. Proc. of the Regional Conference. January 28–29, 2016. Yuzhno-Sakhalinsk; Moscow: Pero. pp. 85–96. (In Russian).
32. Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. & Tishkov, V.A. (2006) *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie v Evrazii* [Ethnocultural interaction in Eurasia]. Moscow: Nauka.
33. Shaydurov, V.N. (2013) *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX veka* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: The Neva Institute of Language and Culture.
34. Gerber, O.A. (2015) Foreign experts as a source of formation of engineering and technical personnel of Kolyvan-Voskresensk plants (1744–1800). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 11(3). pp. 43–47. (In Russian).

УДК 94(470):342.7
DOI: 10.17223/19988613/59/3

В.Н. Казьмин, М.В. Казьмина

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 60-х гг. XX в. – НАЧАЛЕ XXI в.

В статье рассматривается содержание основных этапов правозащитной деятельности в СССР и современной России начиная с 60-х гг. XX в. до начала XXI в. Определены ключевые предпосылки для возникновения явления: демократизация в жизни общества, гуманизация законодательства, относительная свобода творчества. Сформулированы критерии выделения этапов правозащитной деятельности, характер отношений и методы борьбы государственных органов с правозащитниками, в том числе в регионах Западной Сибири. Выявлены характерные черты, особенности и проблемы правозащитной деятельности на современном этапе.
Ключевые слова: Россия; этапы правозащитной деятельности; репрессии; права человека.

В условиях реализации доктрины правового государства все больше обращает на себя внимание правозащитная деятельность как самостоятельная разновидность юридической деятельности, основу которой составляет совокупность взаимодействующих звеньев правового механизма, обеспечивающих защиту нарушенных прав и свобод. Правовое регулирование защиты прав и свобод человека и гражданина начинается с включения его в основы конституционного строя России, с возведения такой защиты в ранг конституционной обязанности государства. Это особо важно в силу приближения в 2018 г. 70-летнего юбилея принятия Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г.

Становление правового государства, реализация демократии в стране требуют осмысления пройденного Россией пути. В этой связи актуальным представляется изучение прошлого нашей страны связанного с зарождением инакомыслия, правозащитной деятельности, особенно в советский период времени. Цель статьи – проанализировать исторические предпосылки возникновения и содержание основных этапов правозащитной деятельности в СССР и перспективы таких действий в современной России. Определить: принципы, которыми руководствовались правозащитники; масштаб и эффективность их работы; характер взаимоотношений с властью; отношения с регионами страны, в том числе и в Западной Сибири; взаимодействие с иностранными правозащитными организациями; проблемы развития в настоящее время.

В научной литературе существуют различные точки зрения на процесс возникновения правозащитной деятельности в советское время. Классической точкой зрения считается, что правозащитные действия начинают оформляться в период хрущевской «оттепели». В это время происходит ослабление запретов на контакты с другими странами, расширение демократии и свободы слова в рамках советской системы. Это вызвало определенный оптимизм прежде всего в интеллигентской среде [1. С. 21].

Однако многие правозащитники отмечают то влияние, которое оказал на них и, как следствие, на принципы правозащитного движения предыдущий (сталинский) период. Без рассмотрения некоторых особенностей того политического режима, общественных умонастроений трудно было бы осознать причины появления правозащитников.

Важным является утверждение, что на формирование мировоззрения правозащитников периода 60–80-х гг. XX в. оказали влияние два важных компонента. Первый носил идеологический характер и включал в себя революционность в построении справедливого общества. Второй компонент носил политический характер. То есть, какими средствами и методами для достижения этой цели пользовалась власть. В период строительства социалистического общества государственная власть широко применяла насильственные, репрессивные методы в борьбе с инакомыслием.

Именно неприятие насильственных, репрессивных мер повлияет на мировоззрение правозащитников. На определенном этапе истории советского общества, когда произойдет либерализация политического режима, у представителей части интеллигенции появится возможность открыто выражать свое отношение к свободе слова, требовать исполнения прав человека, закрепленных в Конституции СССР, принятой в декабре 1936 г

После смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 г. завершился определенный период в жизни страны. Прекратились ранее проводимые политические процессы, были ликвидированы внесудебные органы. XX съезд КПСС осудил культ личности Сталина.

Существенные изменения происходят в уголовном законодательстве и нормативной базе, касающейся политических репрессий. Так, мы можем говорить о смягчении ответственности за деяния, которые классифицировались как антисоветская деятельность. Это прежде всего касается ст. 70 УК РСФСР, которая заменяла известную прежде ст. 58-10. В первоначальной редакции она звучала следующим образом: «Агитация

или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время – наказывались лишением свободы на срок от трех до десяти лет со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки» [2. С. 43]. В последующее время данная статья постоянно дополнялась в сторону усиления мер наказания.

Таким образом, изменения в правовом пространстве страны носили неоднозначный характер. Несмотря на смягчение репрессивной составляющей в Уголовном кодексе РСФСР, власть четко расставляла ограничения и барьеры в вопросах, затрагивающих идеологические основы Советского государства.

Определенные уступки со стороны центра были сделаны и в других сферах. В общественно-политической жизни страны начался период, получивший название «оттепель». Он привел к частичному восстановлению норм «социалистической демократии и права». У граждан страны появилась надежда реализовывать права, закрепленные в Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г.

Новая политическая ситуация прежде всего сказалась на деятельности интеллигенции, которая получила определенную возможность для реализации творческих начал. Это способствовало развитию многих видов науки и искусства. Возникли новые творческие коллективы и журналы. Изменилась тематика художественных произведений, где ставились проблемы дальнейшего развития гуманистических и правовых начал в стране.

Однако относительная свобода творчества вскоре начала свертываться, что вызвало протесты и недовольство среди определенных слоев граждан страны. Эти протесты начали выходить за рамки законодательства. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. возникает ряд нелегальных организаций. Например, в Ленинграде в 1964 г. был создан «Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа» (ВСХСОН). Он объявил о необходимости создания демократического государства в России. Участники этой группы пытались осуществить свою деятельность в регионах Западной Сибири. Главное направление их деятельности – распространение антисоветской литературы [3. Л. 18].

Новым явлением была бесцензурная печать («самиздат»). Это рукописные и машинописные копии текстов писателей и ученых, неугодных властям. В основном это были стихи и художественная литература. Широкое распространение получили произведения М. Цветаевой, А. Ахматовой и др. Среди интеллигенции в рукописном виде ходили и стихи И. Бродского. Таким образом, во времена лидерства Н.С. Хрущева начали созревать предпосылки для протестов в связи с нарушением прав человека государством.

Среди исследователей существует мнение, что с приходом Л.И. Брежнева к власти репрессии против правозащитников усилились. Точку зрения о том, что началась политика «ресталинизации», они связывают с судебным процессом над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, которые публиковались за границей. Их арестовали и предъявили обвинение по ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление советской власти» [2. С. 43].

Суд носил гласный характер. На нем присутствовали журналисты и простые граждане. А. Синявский и Ю. Даниель получили большие сроки лишения свободы, что дало повод для части интеллигенции заявить об усилении репрессивной политики против инакомыслия [4. С. 18]. Однако документы не подтверждают такую точку зрения.

В материалах КГБ СССР говорится, что за период с 1967 по 1975 г. по ст. 190-1 (введена в сентябре 1966 г.) и 70 УК РСФСР было осуждено 1 583 человека. Это гораздо меньше, чем за 1958–1966 гг., когда число осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду составляло 3 448 человек. За 1958 г. (период «оттепели») по политической статье было осуждено 1 416 человек [5. С. 93]. Таким образом, приведенная статистика позволяет утверждать, что в 1967–1975 гг. число лиц, привлеченных по ст. 190-1 и 70 УК РСФСР в сравнении с 1958–1966 гг. сократилось в 2,2 раза.

О более жестких мерах в борьбе с инакомыслием в период хрущевской оттепели свидетельствуют и документы регионального характера. Например, в г. Томске в антисоветской деятельности был обвинен ряд преподавателей вузов. Среди них известный философ Э. Юдин, который был осужден на 10 лет лишения свободы [6. С. 215–218].

Небольшая часть советских людей отнеслась к суду над А. Синявским и Ю. Даниэлем как к нарушению статей Основного закона страны. С этого времени и предпринимаются попытки совершать организованные действия в защиту прав человека и советской Конституции. Первые организованные действия (демонстрация) были совершены 5 декабря 1965 г. Это и стало началом относительно массовых правозащитных действий в разных формах.

Одной из них было написание писем в органы власти о нарушениях прав человека [4. С. 19–21]. В ответ в сентябре 1966 г. в Уголовный кодекс РСФСР были внесены дополнения в ст. 190-1 и 190-3. Статья 190-1 УК РСФСР: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих

советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания» предусматривала до 3 лет лишения свободы.

Статья 190-3 УК РСФСР «Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти или повлекших нарушения работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий» предусматривала наказание до трех лет лагерей [7. С. 1038]. Принятые статьи и новые дополнения в УК РСФСР нарушали конституционные права советских граждан, что привело к усилению противоречий между государством и личностью.

Логично выделить ряд этапов в правозащитной деятельности. С конца 60-х гг. XX в. начинает формироваться мировоззренческая программа правозащитников. Она излагается в статье А.Д. Сахарова «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Автор высказал ряд положений: о характере современной войны и необходимости мира; о роли сталинского террора в судьбе страны; о демографических проблемах и загрязнении среды обитания; о роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс [8. С. 11]. А.Д. Сахаров предостерегал, что разобщенность мира приведет человечество к гибели. Он выступал за сотрудничество с другими странами и свободу выражения своих взглядов.

Главное, что надо людям в современных условиях, подчеркивал А.Д. Сахаров, это «…свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков… Поэтому свобода мысли нуждается в защите всех мыслящих и честных людей. Это задача не только интеллигенции, но всех слоев общества и в особенности наиболее активной и организованной его прослойки – рабочего класса» [8. С. 13–14]. Таким образом, правозащитники получили определенную программу действий. На рубеже 1960–1970-х гг. формируются организационные структуры правозащитников. К ним следует отнести наличие центров в разных регионах страны и установление между ними определенных связей для распространения самиздата.

Первая правозащитная организация под названием «Инициативная группа защиты прав человека в СССР» была создана в мае 1969 г. В ее состав вошли более 10 человек, которые направили в Организацию Объединенных Наций (ООН) письмо, где говорилось, что в нашей стране нет реакции со стороны власти на нарушения прав человека. Защиту этих прав они связывали с действиями данной организации и ее органов [9. С. 218]. Ответа на это письмо и другие обращения в ООН не последовало.

Цели и действия группы определялись следующим образом: нести личную ответственность за защиту прав человека, за все происходящее в стране; обеспечить прогрессивное развитие страны за счет развития свободы [9. С. 220].

В начальный год существования организация опубликовала материалы в защиту арестованных правозащитников А. Марченко, Н. Горбаневской, В. Новодворской и др. [Там же. С. 222]. Со временем группа начала собирать материалы о нарушениях прав человека в регионах и создавать различные ассоциации по направлениям деятельности. Всего в деятельности данной группы можно выделить три этапа и прекращение ее работы в 1976 г. в силу арестов ряда правозащитников [1. С. 27–28]. Вскоре, в ноябре 1970 г,. была создана новая правозащитная организация – Комитет прав человека в СССР. Ключевую роль в ней играли В.Н. Чалидзе, А.Н. Твердохлебов, А.Д. Сахаров. Инициатором создания был В.Н. Чалидзе, который предложил изучать положение дел с правами человека в стране и обратился к А.Д. Сахарову с предложением информировать о нарушениях прав человека правительства зарубежных стран. А.Д. Сахаров согласился с этой идеей, но высказал опасение, что это вызовет негативную реакцию у власти страны [10. С. 191].

Организация начала свою работу 4 ноября 1970 г. Об этом было заявлено в самиздате, в частности, в одном из номеров «Хроники текущих событий» [11]. Информация о создании Комитета была опубликована в зарубежной прессе и озвучена радиостанциями, вещавшими на СССР. Со временем в деятельности Комитета прав человека стали участвовать и другие видные правозащитники: И. Шафаревич, А. Есенин-Вольпин, А. Солженицын, А. Галич.

Комитет определил следующие цели и задачи: информировать власть СССР о нарушениях конституционных прав человека; изучать международные документы о правах человека и практику их применения в советском обществе; вести правовое просвещение граждан; пропагандировать международные и советские документы по правам человека [12. С. 66].

Комитет прав человека стал первой организацией в СССР, которая была признана в зарубежных странах и ООН. В 1971 г. он вошел в состав Международной лиги прав человека и в Международный институт права. Определились конкретная проблематика и направления работы: отражение правовой тематики в советской правовой системе в сравнении с мировой практикой; право на защиту в советском суде; права лиц, признанных психически больными; содержание термина «политзаключенные» и прав этой категории лиц; содержание термина «тунеядец» и запрет на преследование лиц, отнесенных к этой категории в стране; защита прав репрессированных народов и др. [13. С. 218].

Комитет являлся неполитической организацией, и этим объяснялось то, что его члены не могли входить ни в какую политическую партию или общественную организацию. Со временем КГБ начинают преследовать членов организации. В записке Председателя Ко-

митета Государственной безопасности Ю.В. Андропова в ЦК КПСС отмечалось, что данная организация представляет угрозу для советского общества и отрицательно влияет на граждан страны. Он предлагал ее скомпрометировать, используя специальные каналы, которые распространят материалы, порочащие комитет по защите прав человека. Опасаясь арестов, члены Комитета привлекли к сотрудничеству влиятельных ученых не только Москвы, но и регионов. Например, новосибирского ученого, академика А.Д. Александрова (Институт математики СО АН СССР), которого в силу его известности было трудно скомпрометировать [9. С. 42].

Западные средства массовой информации стали широко освещать деятельность правозащитников, называя их политической оппозицией. Они писали, что влияние правозащитников расширяется, у них появляются свои лидеры, недовольные существующей политикой советских властей. Лидерами правозащитников западные средства массовой информации называли Ж. и Р. Медведевых, А. Амальрика, В. Буковского, П. Григоренко, А. Марченко, М. Растроповича, В. Чалидзе, В. Турчина, П. Капицу [12. С. 67].

Инакомыслие появилось и во многих регионах России, где развернулась деятельность самиздата и обобщались факты о нарушении прав граждан. В Западной Сибири центром инакомыслия был Академгородок в г. Новосибирске, где действовали разнообразные дискуссионный клубы. Причем студенты поднимали острые проблемы, в том числе о роли молодежи в жизни страны.

В октябре 1972 г. глава КГБ СССР и Генеральный прокурор СССР выступили перед руководством страны с новой инициативой по борьбе с инакомыслием. Они считали, что необходимо вести предупредительную работу с лицами, которые склонны к нарушению социалистической законности.

Для этого надо ввести официальные письменные предупреждения от имени органов власти с требованием прекращения проводимой ими политически вредной деятельности и разъяснения последствий, которые могут повлечь за собой ее продолжение. Если это не подействует, то необходимо их привлекать к уголовной ответственности [14. Л. 4].

Предложения были рассмотрены и одобрены руководством страны. В документе, который назывался «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия», отмечалось, что вводится практика объявления предостережения. Для этого лицо вызывается в органы государственной безопасности с целью профилактического воздействия. Если впоследствии лицом будет совершено преступление, то вынесенное ранее предупреждение о нанесении ущерба интересам государственной безопасности, приобщается к уголовному делу.

В дальнейшем профилактическая работа КГБ СССР станет главной в борьбе с инакомыслием в регионах страны. В особых случаях будут применяться статьи Уголовного кодекса РСФСР: 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй). Таким образом, в 70-е гг. XX в. тактика в борьбе с инакомыслием принципиально меняется. Ключевое значение для органов КГБ СССР приобрела профилактика. Этой мере воздействия по данным КГБ в 1971–1974 гг. было подвергнуто 1 839 антисоветских групп, 63 108 человек [5. С. 93].

По нашим подсчетам, в основе которых лежат статистические данные Министерство юстиции РСФСР, численность осужденных по политическим мотивам в 1976–1979 гг. (период разрядки) составляла в пределах 110–170 человек в год. По диссидентским статьям – около 70 человек. Основное внимание уделялось «профилактированию». Уголовные дела по инакомыслию от количества «профилактируемых» составляли чуть более 5% [15. С. 253]. Органы старались применять разные методы в зависимости от опасности, которую представлял, по их мнению, для страны и власти тот или иной человек. То есть наблюдалось сочетание профилактики и уголовных мер. Конечно, были затронуты и отношения с правозащитниками. Власти заявляли, что не допустят враждебных действий со стороны российских правозащитников и вмешательства во внутренние дела и со стороны международных правозащитных организаций [5. С. 94]. В результате давления власти правозащитные организации вступили в полосу кризиса, который будет продолжаться до середины 70-х гг. XX в. Многие члены организаций находились в заключении, но при этом поддерживали связь с оставшимися на свободе правозащитниками [13. С. 236].

Известный знаток истории правозащитного движения А.Ю. Даниэль, рассуждая о причинах кризиса, отмечал, что правозащитники часто переходили грань дозволенного законом и властью, им не хватало ответственности и это порождало у граждан чувство недоверия к их позиции. Они не считали их своими, и поэтому у них не было широкой поддержки в советском обществе [15. С. 242]. Это было относительно небольшое течение столичной и региональной интеллигенции. Однако следует отметить, что правозащитники в рамках этого периода прошли существенный путь от выступления одиночек до создания организаций. Они сформулировали цели и задачи, определили лидеров, установили связь с регионами и наладили систему доставки «самиздата» по стране. Доминирующими принципами являлись уважение к закону и ненасилие, открытость движения.

Новый этап в действиях правозащитников начинается со второй половины 70-х гг. XX в. Именно в это время начинает осуществляться трансформация принципов правозащитников, действия которых начали носить политический характер. Они создали организации с четкими уставными требованиями, выстроили своеобразную иерархию правозащитников (лидеры, исполнители). В этот время образуется Московская Хельсинская группа (МХГ), формированию которой способ-

ствовали, прежде всего, международные обстоятельства. В 1975 г. произошло такое важное для мира событие, как общеевропейское Совещание стран Европы и США, где был принят Заключительный акт. В документе окончательно устанавливались границы, существовавшие после Второй мировой войны, и нормы отношений с европейскими государствами.

Объявлялась политика разрядки, в рамках которой в связи с подписанием положений о правах человека место и роль правозащитников России могли измениться. Это отметили зарубежные писатели и политики. Они считали, что возможен свободный выезд из СССР, прежде всего лиц еврейской национальности, взамен на улучшение экономических отношений СССР и западных стран [16. С. 11]. Правозащитники получали благоприятные возможности для расширения своего влияния. Обычно это связывают с возникновением и работой такой правозащитной организации, как Московская Хельсинская группа. Ее становление происходило достаточно сложно. Некоторая часть правозащитников считала, что Заключительный акт – обман, и СССР не будет его выполнять, особенно в части защиты прав человека. Такая точка зрения высказывалась известным диссидентом П. Григоренко, который являлся правозащитником с 1960-х гг. и не раз подвергался арестам и заключению в психиатрическую больницу.

Однако существовали и другие взгляды на содержание Заключительного акта и отношение к нему среди правозащитников. У истоков создания группы стоял физик Ю. Орлов. Он обосновал связь между борьбой за права человека и созданием системы гарантий международной безопасности. Ю. Орлов делал вывод о том, что можно усилить влияние правозащитников, опираясь на статьи Заключительного акта, сделав акцент на установление связи с западными правительствами и общественностью [Там же. С. 12]. Для этого необходимо создать такую организацию, которая следила бы за выполнением документов совещания и давала информацию общественности через газеты и самиздат. Вскоре, 12 мая 1976 г. было объявлено о создании Группы содействия выполнения Хельсинских соглашений в СССР, или Хельсинской группы. Поставив такую задачу, по мнению историка М. Гефтера, правозащитники взяли на себя ответственность перед советским обществом, создавали предпосылки для формирования гражданского общества, устанавливали связи с мировой общественностью [17. С. 156].

Московская Хельсинская группа (МХГ) определилась с программой действий, включавшей следующее: способствовать выполнению гуманитарных статей Заключительного акта; выявлять нарушения прав человека в стране и информировать об этом общественность и правительства, стран участниц совещания в Хельсинки.

Вскоре после образования члены группы дали оценку влияния Совещания в Хельсинки на выполнение прав человека в СССР. Они заявили, что в стране существуют проблемы со стороны властей по выполнению принятых обязательств по гуманитарным статьям. Это проявлялось в том, что в местах заключения находилось достаточно много репрессированных по политическим и религиозным убеждениям. Попрежнему присутствовала практика заключения в психиатрические учреждения, преследовались независимые средства массовой информации. КПСС запрещала создавать независимые гражданские организации.

Вместе с тем тактика советской власти по отношению к инакомыслящим изменилась. Боясь потерять престиж в западных странах, власть начала маневрировать и делать некоторые уступки и послабления в отношении диссидентов. Принципиально позиция СССР по обеспечения прав человека не изменилась. Попрежнему осуществлялись аресты правозащитников и практиковалось заключение их в психиатрические больницы. Но если эти факты становились известны западной общественности, то наказания относительно смягчались. Вместе с тем и после подписания Заключительного акта в Хельсинки были арестованы несколько человек. Например, за организацию демонстрации около шведского посольства был направлен на медицинское обследование в институт им. Сербского научный сотрудник Сибирского отделения АН СССР Анатолий Уваров.

Не изменилась политика власти и по отношению к вопросам эмиграции. Так, не имели прав на выезд из страны люди, желавшие эмигрировать не для воссоединения семьи, а по политическим и религиозным мотивам. В средствах массовой информации проводилась дискредитация данных лиц. В связи с этим члены МХГ считали, что необходимо привести законодательство страны в соответствие с международным правом и конвенциями по правам человека. Они полагали, что репрессивные статьи за инакомыслие в Уголовном кодексе РСФСР противоречат статьям Конституции СССР.

Только в течение двух месяцев работы МХГ было передано западным правительствам пять информационных документов о нарушениях прав человека в стране. То есть мы видим принципиально разный подход в деятельности правозащитников во второй половине 1970-х гг. в отличии от их предшественников. Акцент смещается с развития внутреннего самиздата на сотрудничество и информирование правительств западных государств о нарушениях прав человека в стране. Таким образом, правозащитники претендовали на установление связей с западными организациями и государствами. Естественно, что, поставив такие задачи, МХГ не могла не попасть в поле зрения КГБ СССР. Вскоре ее деятельность была проанализирована органами безопасности. Было заявлено, что по существу создана опасная для государства и власти организация, связанная с западными правительствами для того, чтобы осуществлять давление на политику страны. КГБ СССР отметил и особую роль Ю. Орлова в создании такой организации и необходимости ее дискредитации [18. С. 404].

Особо опасным было то, что МХГ пыталась установить связь с правительственными органами США. Об этом говорили встречи Ю. Орлова с представителями посольства США. КГБ СССР определил меры по ликвидации группы. Положение для Советского Союза усугублялось тем, что подобные группы начали возникать в регионах страны и социалистических странах

По нашему мнению, МХГ не просто вступила в конфликт с властью, но и взяла на себя надзорные функции прокуратуры. Отсюда и стремление прокуратуры, также как и КГБ, изолировать правозащитников. Стремления к поиску компромисса, сотрудничества не было ни у одной из сторон. Хотя они могли дополнять друг друга в защите прав человека. Таким образом, правозащитники МХГ сами обострили отношения с властными структурами страны. Со временем вокруг МХГ начали группироваться специализированные правозащитные группы. В основном они занимались защитой прав лиц, заключенных в психиатрические клиники. Заключение в эти учреждения было одной из форм борьбы власти с инакомыслием. В них содержалось немало видных правозащитников. Наибольшую известность получило дело о содержании в психиатрической больнице диссидента В. Буковского.

Другой важной специализированной группой был Христианский комитет защиты прав верующих. Он также проделал значительную работу, защищая права верующих в регионах страны [15. С. 243]. Таким образом, за короткий срок восстанавливается сеть открытых правозащитных ассоциаций и устанавливаются связи с региональными правозащитниками. Но особую опасность для власти представляла деятельность МХГ. Власти необходим был лишь повод для разгрома организации и в целом правозащитного движения.

Поводом для усиления репрессивной политики послужили события января 1977 г. В это время в Московском метро был осуществлен террористический акт с человеческими жертвами. Ранения получили десятки человек. Семеро погибли. У органов появился удобный случай связать этот теракт с деятельностью правозащитников. Конечно, обвинения были не прямые. Но намеки на их причастность появлялись, прежде всего, в средствах массовой информации. Правозащитники были вынуждены реагировать на такое развитие событий. Для этого была созвана пресс-конференция. По ее итогам правозащитники опубликовали заявление, где говорилось: «…диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают призывы к насилию как средству осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением» [19].

Эти события обострили характер отношений органов КГБ и правозащитников. Когда стали известны подлинные лица, совершившие теракт, то и это не смягчило конфронтацию власти и диссидентов. Власть возложила на них нравственную ответственность за совершенный террористический акт. Борьба разгорелась с новой силой. Начинается новая кампания по их дискредитации. О реализации такого плана в ЦК КПСС докладывали Ю. Андропов и Генеральный прокурор СССР Р. Руденко. Они считали, что необходимо предпринять более жесткие меры к деятельности некоторых правозащитников на основе действующего законодательства. В записке говорилось, что меры должны показать правящим кругам запада «…бесперспективность проведения в отношения Советского Союза политики шантажа и давления. Политическое значение этих мер будет состоять в том, что они окажут свое влияние на положение дел в ЧССР, ПНР и других социалистических странах, которые сейчас подвергаются массированному нажиму со стороны враждебных элементов международной империалистической реакции» [18. С. 404].

Начались преследования, обыски и аресты наиболее активных диссидентов. Некоторые из правозащитников обратились за поддержкой и помощью к властным структурам США и получили ее [16. С. 129]. То есть правозащитники оказались втянутыми в политические отношения и претензии друг к другу двух ведущих стран. Обе стороны, исходя из своих интересов, обстоятельств, могли использовать этот фактор как способ давления друг на друга. Фактически так и произошло. США использовали этот фактор как способ давления на СССР. СССР обвинил США во вмешательстве во внутренние дела и вовлечении в шпионскую деятельность некоторых правозащитников (конкретно, Н. Щаранского и др.) [5. С. 205].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. главный удар со стороны власти был нанесен по московским правозащитникам. В Москве находились наиболее крупные ассоциации и наиболее известные правозащитники. За период 1980–1981 гг. около 40 активных правозащитников оказались в заключении. В сентябре 1982 г. прервалась деятельность Московской Хельсинской группы. Основным итогом работы КГБ СССР в 1982 г. ее руководитель В. Чебриков считал следующее: «…завершено разложение пытавшихся действовать в СССР так называемых “русской секции международной амнистии”, “хельсинских групп” и некоторых других подобных группирований; 17 наиболее активных их участников привлечены к уголовной ответственности» [Там же. С. 256].

Были подавлены основные центры инакомыслия и в регионах страны. В Западной Сибири прошла серия арестов и судебных процессов. Особый резонанс вызвало «Томское дело». В 1982 г. аресты происходят в г. Томске, что и послужило началу судебного процесса по «Томскому делу», который получил освещение в последнем номере «Хроники текущих событий». У начальника томского филиала Центральной Сибирской научно-исследовательской лаборатории криминалистики А.А. Чернышова был проведен обыск. За хранение и распространение самиздатовской литературы он был арестован [20].

Обыск был проведены и у заведующего лабораторией биологии и биофизики при Томском государственном университете А.Ф. Ковалевского. У него были изъяты самиздатовская литература, два фотоаппарата, фотоувеличитель и пишущая машинка. А.Ф. Ковалевскому предъявили обвинения по статье 190-1 [21. С. 411]. Он так вспоминает о периоде своей работы в ТГУ: «Отличительной особенностью моей работы были многие командировки в Москву, Ленинград и другие города. Пришлось многое повидать и увидеть, что далеко не гладко в нашем государстве. Ну и попытка разобраться в причинах этого, конечно, неизбежно привела к чтению самиздата. Хотелось выяснить причины многих наших неудач.

Первое, что я прочел из самиздата, была стенограмма процесса по делу поэта И. Бродского… На многое открыло глаза чтение работы А. Авторханова “Технология власти”. Потом читал все, что удавалось достать: “Архипелаг ГУЛАГ”, “Мои показания” А. Марченко, работу Л. Копелева “Хранить вечно” и др.

Прочитанное обсуждал со знакомыми. Часто с Вильгельмом Фастом, сотрудником ТГУ. Делился своими мыслями с судебным экспертом Анатолием Чернышевым. Большого криминала в чтении не видел, так как информацию не распространял среди знакомых и сотрудников. В 1982 г. во время обыска в квартире нашли и изъяли работу А. Зиновьева “Коммунизм как реальность”. Меня арестовали примерно через неделю…

Следует сказать, что никакого битья, даже оскорблений при допросах не было, но иногда звучали фразы типа: “Мы можем к вам применить не статью 190-1, а 70”. А это была гораздо более суровая статья, по которой давали, нередко, 7 лет лагерей. Главный пункт обвинения – распространение клеветнических измышлений на существующий строй…» [21. С. 412–413].

А.Ф. Ковалевскому суд определил 1,5 года лишения свободы, которые он отбыл в Асиновском лагере Томской области. В 1983 г. вышел из лагеря. В течение 5 лет его нигде не принимали на работу.

Вместе с ним в 1982 г. также был арестован и В.М. Кендель, философ, работавший научным сотрудником лаборатории конкретных социологических исследований при ТГУ. Его обвинили по статье 190-1 и приговорили к 1,5 годам лишения свободы [Там же. С. 413]. Таким образом, следует сделать вывод, что к середине 1980-х гг. деятельность правозащитников, которая была значимым фактором внутренней и международной жизни, в своих прежних формах и действиях перестала существовать.

Следующий этап правозащитной деятельности будет связан с политикой перестройки, когда на государственном уровне были провозглашены принципы развития демократии и гласности, свобод и прав человека. К выработке такой политики были причастны и правозащитники 1960–1980-х гг. Хронологически этот период можно определить второй половиной 1980-х гг. и по настоящее время. С наступлением политики перестройки, которую начал проводить М.С. Горбачев, правозащитники и граждане, недовольные властью, вновь получили возможность распространения своих взглядов и практических действий. Страна вступила в новый этап идеологических и политических потрясений.

Эпоха перестройки принесла с собой либерализацию и демократизацию политического режима в СССР. Правозащитники вступили в новый период своей деятельности. Для него характерны постепенная легализация действий, вовлечение ряда его активных членов в демократические партии, объединения, выдвижение более жестких требований в отношении власти. Опыт правозащитного и диссидентского движения 1960–1970-х гг. будет использован для формирования неправительственного правозащитного сектора в России. Одной из первых таких организаций станет восстановленная в 1989 г. Московская Хельсинская группа. В ее состав вошли ветераны правозащитного движения. В мае 1996 г. группу возглавила вернувшаяся из эмиграции в 1993 г. Людмила Алексеева, которая остается ее лидером до настоящего времени. За вклад в развитие правозащитной деятельности в России Л.А. Алексеева получила Государственную премию РФ в 2017 г.

Группа постоянно пополнялась новыми авторитетными гражданами, активными участниками движения в защиту прав человека. Главная задача группы в настоящее время – содействие практическому выполнению гуманитарных статей Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а также всех остальных международно-правовых обязательств Российской Федерации в области прав человека. В 1990-е гг. при поддержке правозащитных организаций стали активно создаваться общественные организации по защите прав отдельных групп населения, шел процесс дифференциации общественных движений. В это время были созданы следующие общественные объединения: Фонд «Право матери» (комитеты солдатских матерей), «Движение против насилия», «Движение в защиту беженцев и вынужденных переселенцев», «Женское движение», «Движение потребителей» и др. [22. С. 93].

Начиная с периода перестройки и до настоящего времени в правозащитном движении происходит появление новых направлений, течений и организаций. Деятельность их направлена на защиту социально-экономических, политических и гражданских прав человека. РФ только находится на пути к настоящему правовому государству, и ей предстоит пройти еще очень долгий путь. Можно привести множество примеров нарушения естественных, социальных прав, прав на свободу вероисповедания, права на свободу слова, нарушения избирательного права, экономических прав человека. Так, в 2015 г. количество жалоб, поступивших к Уполномоченному по правам человека в России, резко возросло на 43,6% по сравнению с 2014 г. В 2015 г. к Уполномоченному поступило 59 100 обращений граждан, государственных и общественных ор-

ганизаций. Из них 32 382 жалобы и обращения граждан. В 2016 г. Уполномоченному поступило 64 189 обращений граждан, государственных и общественных организаций и иных документов, что на 18% больше, чем в 2015 г. Из них непосредственно жалоб физических и юридических лиц – 38 093 [23].

Приоритетным направлением в развитии правозащитных организаций, в целом неправительственного сектора, является, по нашему мнению, характер взаимодействия и правового регулирования этих структур с политическими институтами государства. Определенные позитивные шаги в этом направлении сделаны в связи с созданием при Президенте РФ в 2004 г. Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (СПЧ) и Общественной палаты РФ (ОП РФ) в 2005 г. Однако это не означает, что между государством и неправительственным сектором не существует проблем. Правозащитное движение в Российской Федерации нуждается в поиске разумных, реальных средств и методов защиты человеческих и гражданских прав. Представители правозащитных организаций и движений сталкиваются с такой проблемой, как препятствие деятельности общественных активистов, позиция которых противоречит интересам отдельных представителей органов государственной и местной власти, коммерческих структур.

Существенной проблемой является недостаточность информации о выполнении правительством своих обязательств, которые установлены различными международными договорами в области прав человека. Отсюда часто возникает противостояние между государственными органами и правозащитниками. Формируется образ правозащитника как противника интересов общества и государства. Правда, следует отметить, что иногда сами правозащитниками дают повод для таких обвинений в силу юридической некомпетентности или политической конъюнктуры.

Правозащитное движение в настоящее время в России, несомненно, имеет перспективы развития внутри страны и международного сотрудничества с другими странами. Это позволит продолжить демократические преобразования, ослабить напряженность в социальной и политической областях, повысить уровень правовой культуры. В условиях сложной экономической обстановки и политического давления со стороны иностранных держав правозащитная деятельность может стать одним из стабилизирующих факторов как во внутренней жизни, так и во взаимоотношениях с другими государствами. Для этого необходима как ответственная социально-экономическая политика со стороны институтов государства, так и общественный контроль и защита прав человека со стороны негосударственных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова А.В. Общественные объединения в правозащитной деятельности. Кемерово, 2016. 234 с.
2. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991). Ч. 2: Законодательство РСФСР / сост. Н.С. Захаров, В.П. Малков. Казань, 1995. 304 с.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 28. Д. 19. Л. 18.
4. Терц А. Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989. 526 с.
5. Власть и диссиденты. Из документов КГБ и ЦК КПСС. М., 2006. 282 с.
6. Томские заморозки в период хрущевской оттепели: сборник документов и материалов. Томск, 2010. 302 с.
7. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 38.
8. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991. 336 с.
9. Клайн Э. Московский комитет прав человека. М., 2004. 232 с.
10. Сахаров А.Д. Воспоминания // Звезда. 1991. № 1.
11. Хроника текущих событий. Вып. 17. URL: //http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm
12. Казьмин В.Н. Идейно-политическая борьба в регионах России. 1971–1991 гг. Кемерово, 2009. 280 с.
13. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992. 352 с.
14. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 41. Л. 4.
15. История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. М., 2002. 504 с.
16. Голдберг П. Заключительный акт. М., 2006. 214 с.
17. Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. 480 с.
18. Козлов В.А., Мироненко С.В. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005.
19. Хроника текущих событий. Вып. 44. URL://http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm
20. Крюков В. В свете нашего опыта // Томский вестник. 1991. 19 марта.
21. Ханевич В. «Томское дело» в судьбе Александра Ковалевского // Каменный мост. Томск, 2005.
22. Ковалев С.А. Заметки на полях кризиса // Мир, страна, личность. М., 2000. 176 с.
23. Сайт Уполномоченного по правам человека Российской Федерации URL: https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html

Vladimir N. Kazmin. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: vladkaz231@yandex.ru
Margarita V. Kazmina. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: Rita-KMV@yandex.ru

HUMAN RIGHTS ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1960S - EARLY 21ST CENTURY

Keywords: Russia; the stages of human rights; repressions; human rights.

The analysis of human rights activity during the second half of the 20th century - early 21st century allows us to assert that it had gone through a number of stages. In the second half of the 1950s - mid-1960s, the preconditions for human rights actions appeared. First, this was manifested in the relative democratization of the society, the humanization of legal relations, which enabled a part of the intelligentsia to expand their opportunities for demonstrating the freedom of creativity and demand the fulfillment of human rights enshrined in 1936 Constitution of the USSR.

However, in time, the government established a rigid ideological framework to be observed, which some citizens did not accept. The ideology of dissent, which is personified, first, with human rights activists, started to form.

In the second half of the 1960s, relatively mass human rights actions began to shape in various forms: sending letters to government structures, rallies and demonstrations in connection with the violation of the citizens' rights. In the late 1960s the world outlook programs of human rights defenders were developed. A. Sakharov's article "Reflection on Progress, Peaceful Coexistence and Intellectual Freedom" was particularly important then.

At the turn of the 1960-1970s, the organizational structures of human rights defenders ("Initiative Group for the Protection of Human Rights in the USSR", "Human Rights Committee in the USSR") took shape.

Through the network of "samizdat" (self-published) literature, human rights defenders established contacts with their supporters in the regions of the country, including Western Siberia. Some human rights organizations ("Human Rights Committee in the USSR") were first recognized in foreign countries and the UNO, which caused opposition from power structures that acted thoughtfully and flexibly, combining the methods of "prevention" and criminal penalties.

A new stage in the work of human rights defenders that occurred in the second half of the 1970s is associated with the period of easing of international tension. The Moscow Helsinki Group, established in the USSR, assumed the responsibility for monitoring the implementation of humanitarian articles of the all-European meeting held in 1975. It began to inform the government and the public of Western countries about human rights violations in the country. That is the activities of human rights defenders acquired a political character. Due to the specific situation, human rights defenders became the hostages of the relations between the USSR and the United States against them in the center (Moscow) and the regions ("Tomsk case").

According to authors, in the mid-1980s, the next stage of human rights activism began, which continues to the present time. It is connected with the policy of Perestroika, the demand for dissident ideas and their active participation in the political struggle for power. The human rights movement has become legalized. Non-governmental organizations have been established to protect political, civil, social and economic human rights.

REFERENCES

1. Gavrilova, A.V. (2016) *Obshchestvennye ob"edineniya v pravozashchitnoy deyatel'nosti* [Public associations in human rights activity]. Kemerovo: Kemerovo State University.
2. Zaharov, N.S. & Malkov, V.P. (ed.) (1995) *Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1953–1991)* [The collection of documents on history of the criminal legislation of the USSR and RSFSR (1953–1991)]. Kazan: Kazan State University.
3. The Russian State Archive of the Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 28. File 19.
4. Terts, A. et al. (1989) *Tsena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Sinyavskogo i Danielya* [The price for a metaphor, or Crime and punishment of Sinyavsky and Daniel]. Moscow: Kniga.
5. Makarov, A.A., Kostenko, N.V. & Kuzovkin, G.V. (2006) *Vlast' i dissidenty. Iz dokumentov KGB i TsK KPSS* [Power and dissidents. From the documents of the KGB and the Central Committee of the CPSU]. Moscow: Moscow Helsinki Group.
6. Kupert, Yu.V. & Pril, L.N. (2010) *Tomskie zamorozki v period khrushchevskoy ottepeli* [The Tomsk frosts during the Khrushchev Thaw]. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. (1966). 38.
8. Sakharov, A.D. (1991) *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and Hope]. Moscow: Vremya.
9. Cline, E. (2004) *Moskovskiy komitet prav cheloveka* [Moscow Committee of Human Rights]. Translated from English. Moscow: Prava cheloveka.
10. Sakharov, A.D. (1991) Vospominaniya [Memoirs]. *Zvezda*. 1.
11. Anon. (n.d.) *Khronika tekushchikh sobytiy* [Chronicle of Current Events]. Issue 17. [Online] Available from: http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm.
12. Kazmin, V.N. (2009) *Ideyno-politicheskaya bor'ba v regionakh Rossii. 1971 – 1991 gg.* [Ideological and political fight in Russian regions (1971–1991)]. Kemerovo: [s.n.].
13. Alekseeva, L. (1992) *Istoriya inakomysliya v SSSR. Noveyshiy period* [History of dissent in the USSR. The newest period]. Moscow: Vest'.
14. The Russian State Archive of the Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 25. File 41.
15. Anon. (2002) *Istoriya politicheskikh repressiy i soprotivlenie nesvobode v SSSR* [The history of political repression and resistance to freedom in the USSR]. Moscow: [s.n.].
16. Goldberg, P. (2006) *Zaklyuchitel'nyy akt* [The Final Act]. Translated from English. Moscow: Moscow Helsinki Group.
17. Gefter, M. (1991) *Iz tekh i etikh let* [From those and these years]. Moscow: Progress.
18. Kozlov, V.A. & Mironenko, S.V. (2005) *Kramola: Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953–1982 gg.* [Kramola: Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1982]. Moscow: Materik.
19. Anon. (n.d.) *Khronika tekushchikh sobytiy* [Chronicle of Current Events]. Issue 44. [Online] Available from: http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm.
20. Kryukov, V. (1991) V svete nashego opyta [In the light of our experience]. *Tomskiy vestnik*. 19th March.
21. Khanevich, V. (2005) "Tomskoe delo" v sud'be Aleksandra Kovalevskogo [The "Tomsk case" in the fate of Alexander Kovalevsky]. In: Kryukov, V. (ed.) *Kamennyy most* [The Stone Bridge]. Tomsk: [s.n.].
22. Kovalev, S.A. (2000) *Mir, strana, lichnost'* [World, Country, Personality]. Moscow: Izograf.
23. The Commissioner for Human Rights of the Russian Federation. (2016) *Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in 2015*. [Online] Available from: https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html. (In Russian).

УДК 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/59/4

А.Я. Кодинцев, Д.Н. Шкаревский

ОРГАНЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ВЛАСТИ

В статье рассматривается формирование специальной юстиции в СССР в 1920–1950-е гг. Авторы пришли к выводу о том, что основы существования специальной юстиции были заложены в 1917–1920-е гг. Активное развитие специальной юстиции в 1930-е гг. связано с проведением коллективизации и индустриализации. Расцвет специальной юстиции пришелся 1941–1945 гг. Органы специальной юстиции характеризовались автономным положением; отсутствием четко определенной компетенции; вмешательством в их работу органов госбезопасности; наличием специальных учебных заведений и специального права; более высоким статусом; наличием сети органов, обеспечивающих их деятельность; зависимостью от конкретной политической ситуации. После смерти главного вдохновителя специальной юстиции И. Сталина ее деятельность была свернута.
Ключевые слова: история советской судебной системы; специальные суды СССР; специальная юстиция СССР.

В Советском государстве с момента его образования и до конца существования прослеживается несколько инструментов защиты действующего политического режима. Прежде всего, это органы *внесудебной расправы* (ВЧК / ГПУ / ОГПУ / НКВД / НКГБ / МГБ / КГБ). Во-вторых, это органы юстиции. Причем в Советском государстве существовали две параллельные системы юстиции: *«общая» юстиция* (рассматривали, как правило, дела неполитического характера) и *специальная юстиция* (включали специальные суды и прокуратуры: военные, транспортные, лагерные, которые рассматривали дела политического характера и наиболее важные с точки зрения государства уголовные дела).

Кроме них существовали *квазисудебные органы*, основная цель которых состояла в том, чтобы разгрузить органы общей и специальной юстиции от незначительных, с точки зрения государства, дел. К таким квазисудебным оганам можно отнести: комиссии для несовершеннолетних [1. Ст. 227], рабочие дисциплинарные товарищеские суды [2. Ст. 537], дисциплинарные товарищеские суды [3. Ст. 142], дисциплинарные суды [4. Ст. 531], товарищеские суды [5. Ст. 707], сельские суды [6. Ст. 531], примирительные камеры при сельсоветах (сельские общественные суды [7. Ст. 629]), производственно-товарищеские суды [8. Ст. 160], примирительно-конфликтные комиссии по жилищным делам (товарищеские суды при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах [9. Ст. 295]), кочевые общественные суды [10. Ст. 271].

В современной научной литературе достаточно полно описана деятельность внесудебных органов и органов общей юстиции. Проблемы советской общей юстиции также достаточно неплохо изучены отечественными и зарубежными исследователями [11–13]. Однако проблемы формирования и деятельности органов специальной юстиции описаны лишь фрагментарно [14] и в основном остаются вне поля зрения историков. Данная работа призвана ликвидировать этот пробел и ответить на вопросы: что представляла специальная юстиция? Каким образом и почему она появилась? Собственно, проблема «специальной юстиции» в современной науке даже не ставится. Исследователи разрозненно изучают отдельные элементы в системе органов специальной юстиции.

Формирование двух параллельных систем юстиции (общей и специальной) в Советском государстве прослеживается с издания Декрета «О суде» № 1. Согласно ему создавались местные суды для разбора гражданских дел с ценой иска до 3 тыс. руб. и уголовных дел, максимальное наказание по которым могло быть не более 2 лет лишения свободы. Кроме общих судов создавались рабочие и крестьянские революционные трибуналы для «борьбы против контрреволюционных сил… для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников» [15. Ст. 50].

Инструкция Наркомата юстиции от 19 декабря 1917 г. конкретизировала компетенцию трибуналов (восстание, саботаж, прекращение производства, злоупотребление властью и др.), их состав, ввела закрытый список возможных наказаний (штраф, лишение свободы, объявление врагом народа и др.). При них создавались коллегия правозаступников, члены которой выступали как в качестве обвинителей, так и в качестве защитников; следственная комиссия для рассмотрения вопросов о прекращении дела / направления его по подсудности / рассмотрения в составе трибунала [16. Ст. 170].

Примечательно, что за день до издания этой инструкции (т.е. 18 декабря), постановлением НКЮ при трибунале создавался революционный трибунал печати со специальной компетенцией и особыми мерами наказаний. Кроме того, в ревтрибунале печати не предусматривалось вторичное рассмотрение дела [17. Ст. 156; 18. Ст. 362].

Таким образом, выделение специальных судов из системы общей юстиции с целью защиты существующего политического режима началось с момента прихода к власти большевиков. О роли трибуналов свидетельствует тот факт, что из объема уголовных дел, касавшихся мирного населения, в 1920 г. в народных судах было рассмотрено 22,3%, в ревтрибуналах – 35,3%, в чрезвычайных комиссиях – 30,4% [19. С. 64].

Впервые термин *специальные суды* встречается в ст. 1 Декрета ВЦИК РСФСР «О третейском суде»: «Все споры по гражданским делам, за исключением лишь дел, подсудных *специальным судам* или иным установлениям, на основании законов о трудовом договоре и о социальном страховании, а также все частно-уголовные дела, по которым налагается наказание лишь по требованию жалобщика или потерпевшего (как-то: по делам о личном оскорблении и т.п.), могут быть передаваемы сторонами на разрешение третейского суда» [20. Ст. 366].

В течение 1918 г. в развитии специальных судов наблюдается шесть основных тенденций.

1. Происходит расширение компетенции ревтрибуналов («дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием советских документов, хулиганством и шпионажем»), а все дела общеуголовного характера было приказано передать в суды общей юрисдикции.

2. Сокращается их количество. Трибуналы были оставлены только «в крупных центрах (в столицах, губернских городах, крупных узловых станциях и промышленных центрах)» [21. Ст. 471].

3. С образованием Революционного трибунала при ВЦИК «для суждения по важнейшим делам, которые будут изъяты из подсудности местных революционных трибуналов», возникает внутренняя иерархия среди этих специальных органов юстиции [22. Ст. 520]. В целом ревтрибунал при ВЦИК действовал на тех же принципах, что и прочие ревтрибуналы.

4. Наблюдается ужесточение репрессивной политики. Так, в июне 1918 г. было объявлено о том, что «революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр. не связаны никакими ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определена мера в выражениях “Не ниже” такого-то наказания» [23. Ст. 523].

5. Стремление сконцентрировать в специальных органах юстиции рассмотрение наиболее крупных дел. Инструкция Наркомюста от 23 июля 1918 г. констатировала, что революционные трибуналы имеют право направлять в местные народные суды мелкие по своему значению дела по борьбе с контрреволюцией, погромами, подлогами советских документов и неправомерным пользованием этими документами, хулиганством и шпионажем [24. Ст. 597].

6. Углубление специализации данных органов юстиции. 23 июля 1918 г. приказом Наркома по военным делам были созданы фронтовые полковые (отрядные) местные суды и ротные товарищеские суды. Компетенция первых была определена следующим образом: «Эти суды решают все уголовные дела, по которым обвиняемому угрожает наказание не выше 5 лет лишения свободы». Также по приговорам этих судов не была предусмотрена апелляция. Однако «по делам, по которым присуждено денежное взыскание свыше 500 рублей или лишение свободы свыше 7 дней, допускается просьба о кассации. Кассационной инстанцией является Совет фронтовых местных судов данного участка фронта в составе постоянных судей» [25. Ст. 612].

К компетенции вторых были отнесены «незначительные проступки против воинского порядка, воинского долга и товарищества» с целью поддержания «строгого порядка и сознательной дисциплины» [26. Ст. 613]. Также на практике появляется масса чрезвычайных судебных органов: военно-полевые суды, военно-железнодорожные трибуналы и т.п.

В течение второй половины 1918 г. и первых четырех месяцев 1919 г. эта достаточно громоздкая система подвергалась некоторой корректировке, что привело к появлению новой структуры военных трибуналов в зависимости от войскового деления [27. С. 1; 28. Ст. 889; 29. Ст. 29]. К примеру, в феврале 1919 г., согласно новому Положению о революционных военных трибуналах, создавалась четырехступенчатая система трибуналов: революционный военный трибунал (далее РВТ) Революционного военного совета республики, РВТ фронтов, армий и отделы РВТ армий [30. Ст. 131]. Была предусмотрена очень широкая компетенция РВТ. Им были подсудны «все политические дела и военного характера преступления» в зависимости от занимаемой должности. Причем реорганизованным трибуналам было предоставлено «право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях» [31. Ст. 130].

Однако эта система просуществовала недолго. В апреле 1919 г. появилось очередное положение о революционных трибуналах, согласно которому «Революционные Трибуналы учреждаются со *специальной целью* рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Великой Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета советской власти. В соответствии с этим Трибуналам предоставляется ничем неограниченное право в определении меры репрессии. Оспаривание подсудности по делам, принятым в Революционном Трибунале, не допускается».

Кроме того, положение упраздняло все «Революционные Трибуналы, Военно-Полевые Суды, железнодорожные Трибуналы и иные чрезвычайные учреждения судебного характера, учрежденные в ином порядке или действующие с нарушением правил, изложенных в настоящем положении» [32. Ст. 132].

В июле–декабре 1919 г. на основании Декрета СНК РСФСР действовали полковые суды для рассмотрения «всякого рода преступлений и проступков военнослужащих Красной армии, в т.ч. и специально воинских, в пределах круга уголовных дел, подсудных в общем

порядке народному суду… поскольку таковые дела не изъяты специальными положениями и декретами в ведение революционных трибуналов и не подлежат… разрешению их в дисциплинарном порядке» [33. Ст. 326]. Однако уже в декабре 1919 г. СНК их упразднил, а дела были переданы на рассмотрение в революционные военные трибуналы [34. Ст. 588].

В ноябре 1919 г. было принято новое положение о революционных военных трибуналах, достаточно подробно раскрывавшее их подсудность. К их компетенции прежде всего были отнесены дела, создававшие «опасность для советского социалистического строя республики, укрепления в ней завоеваний революции и для ее обороны, а также и о тех деяниях, развитие коих в районе военных действий влечет за собою дезорганизацию и понижение боеспособности Красной Армии» [35. Ст. 549].

В феврале 1920 г. вновь расширяется подсудность военно-революционных трибуналов. К их ведению были отнесены дела о вооруженных грабежах, разбойных нападениях, налетах [36. Ст. 71]. В марте 1920 г. было введено в действие новое положение о революционных трибуналах «в целях объединения деятельности органов по борьбе с преступными деяниями, направленными против Рабоче-Крестьянской власти». К компетенции трибуналов были отнесены следующие дела: о контрреволюционных деяниях, о крупной спекуляции; по крупным должностным преступлениям, о явном дискредитировании власти советскими работниками, о дезертирах, признанных злостными и укрывателях дезертиров» [37. Ст. 115].

По данным П. Соломона, в 1920 г. более 80% дел, рассмотренных в ревтрибуналах, не были политическими. Трибуналы оправдали или прекратили дела в отношении 30% подсудимых. Они присудили наказания, не связанные с лишением свободы 60% осужденных, 3,5% был вынесен смертный приговор. Он также отмечает, что ревтрибуналы слушали дела обычно быстро, без защиты, обвинителей, без соблюдения формальных процедур [37. Ст. 236].

Однако, например, в Западной Сибири в первой половине 1920 г. среди рассматриваемых дел в ревтрибуналах преобладали контрреволюционные (40%). Во втором полугодии их доля составляла 33%. В целом по РСФСР доля должностных преступлений в первом полугодии 1920 г. составляла 31%, во втором полугодии 1920 г. – 27% и в первом полугодии 1921 г. – 28%. Значительной была также доля дел по борьбе с дезертирством [38. С. 142, 143, 150].

Деятельность реввоентрибуналов И. Лезов оценивает следующим образом: «...военными трибуналами наиболее часто применялась смертная казнь. В некоторых регионах страны расстрелы становились привычным, обыденным явлением… Только в 1920 г., в период резкого снижения уголовной репрессии в стране, по официальной статистике РВТ было приговорено к расстрелу 5 757 чел., что составляло 5,4% всех осужденных» [19. С. 63]. Причем деятельность РВТ иногда шла вразрез с нормами законодательства.

Также в 1920-е гг. были созданы революционные военные железнодорожные трибуналы при управлении каждой из железных дорог и Главный революционный военный железнодорожный трибунал (ГРВЖдТ). К их ведению были отнесены дела о всякого рода преступлениях железнодорожных служащих, связанных с нарушением правильной работы железных дорог или препятствующих восстановлению нормальной деятельности железнодорожного транспорта и все дела по преступлениям, совершенным в полосе отчуждения, по которым революционный военный железнодорожный трибунал усмотрит признаки деяний, угрожающих нормальному функционированию железнодорожного движения. Причем РВТ фронтов и армий присваивались функции железнодорожных трибуналов в районах, подчиненных реввоенсоветам фронтов и армий [39. Ст. 112]. Постановления этих трибуналов были окончательными, т.е. не подлежали обжалованию или кассации. Приговоры приводились в исполнение через 48 часов после информирования комиссаров железных дорог и ГРВЖдТ о нем.

Они просуществовали до 1923 г., когда «в связи с укреплением транспорта и минованием острой необходимости в особых судебных учреждениях для рассмотрения уголовных дел о преступлениях, угрожающих транспорту» Президиум ЦИК СССР постановил упразднить все местные военно-транспортные трибуналы и отнести дела, «подсудные прежним транспортным трибуналам, к подсудности *нормальных судов*» [40. Ст. 119].

В мае 1920 г. в очередной раз изменяется положение о военных трибуналах, расширившее их подсудность [41. Ст. 236]. Практически одновременно с этим «на всех водных путях Советской России» было введено военное положение, а ГРВЖдТ было поручено образовать «революционные военные трибуналы водного транспорта, распространив на них “Положение о революционных военных железнодорожных трибуналах”» [42. Ст. 198].

Причем декретом ВЦИК от 19 мая 1920 г. губернским революционным трибуналам в местностях, объявленных на военном положении, а также в местностях на кои распространяется власть РВС фронтов, было предоставлено право не пропускать жалобы или ходатайства о помиловании приговоренных к расстрелу и обращать приговор к немедленному исполнению [43. Ст. 214].

В сентябре 1920 г., вероятно, для того, чтобы разгрузить трибуналы, были созданы особые сессии народного суда и дежурные камеры, которые занимались рассмотрением дел, «поступивших из чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов… о крупной спекуляции… о наиболее важных должностных преступлениях, о нарушениях трудовой повинности в случаях особой злостности и повторности таковых; дела, предусмотренные декретом о воспрещении изготовле-

ния и продажи спирта, и дела об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям» [44. Ст. 541].

В конце 1920 г. была проведена реорганизация РВТ войск внутренней охраны в РВТ войск внутренней службы [45. С. 111]. В июне 1921 г. для рассматриваемых нами органов юстиции в качестве единого кассационного органа и органа ближайшего надзора был установлен Верховный трибунал при ВЦИК в составе пленума, 3 коллегий (судебной, военной и военно-транспортной) и областных отделений Верховного трибунала [46. Ст. 541].

Необходимо отметить, что в советских республиках, автономных республиках и автономных областях также действовали «исключительные суды (революционные трибуналы)» [47. Ст. 442].

В 1921 г. компетенция трибуналов вновь расширяется. К их ведению были отнесены «преступления и проступки, совершенные на правительственных и частных судах, плавающих в открытом море под российским флагом» [48. Ст. 471] и налоговое правонарушения [50. Ст. 557].

Ключевое значение для развития судебных органов имела Резолюция IX Всероссийского съезда Советов, поручившая возложить борьбу с нарушениями советских законов на судебные органы и сузить круг деятельности ВЧК [50. Ст. 42].

УПК РСФСР (принят 25 мая 1922 г.) внес некоторые коррективы в деятельность военных трибуналов. Согласно ст. 29 УПК РСФСР «ведению военных трибуналов… подлежат исключительно дела о воинских преступлениях, совершенных военнослужащими, и те дела о преступлениях не военнослужащих, кои были совершены ими совместно с военнослужащими или были совершены не военнослужащими в районе, где по условиям обстановки нет иных судов, кроме военных революционных трибуналов».

Согласно ст. 30. «ведению военно-транспортных трибуналов исключительно подлежат те дела о преступлениях, подсудных революционным трибуналам, кои связаны с нарушением правильной деятельности железнодорожного и водного транспорта, причем дела о преступлениях не железнодорожных служащих и не служащих водного транспорта исключительно в случаях, если указанные преступления совершены этими лицами совместно с железнодорожными служащими или служащими водного транспорта или совершены ими в пределах полосы отчуждения жел. дорог или если в данном районе нет губернских или военных трибуналов и они не обслуживаются их выездными сессиями» [51. Ст. 230].

Рассмотрение дел в ревтрибуналах отличалось тем, что там не должны были рассматриваться гражданские дела (ст. 414), допущение обвинения и защиты не являлось обязательным (ст. 415), разрешено было отступать от правил подсудности (ст. 417), в том числе по особым постановлениям ВЦИК, Верховного трибунала или Прокурора республики.

Более серьезные изменения в систему организации и деятельности этих судов были внесены Положением о судоустройстве РСФСР (11 ноября 1922 г.). В частности, для рассмотрения специальных дел создавалась *группа специальных судов.* Так, ст. 2 указывала: «Для рассмотрения *дел специальных категорий*… наряду с единой системой народных судов РСФСР, временно действуют следующие *специальные суды*: а) по делам о преступлениях, угрожающих крепости и мощи красной армии, – военные трибуналы, б) по делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту, – военно-транспортные трибуналы, в) по делам о преступлениях по нарушению Кодекса законов о труде – особые трудовые сессии народных судов, г) по делам земельным – земельные комиссии и д) по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами – состоящие при Совете Труда и Обороны и губернских экономических совещаниях центральная и местные арбитражные комиссии» [52. Ст. 902].

Однако в переработанном варианте УПК РСФСР (15 февраля 1923 г.) это разделение на общую и специальную юстицию исчезло. Тем не менее фактически такое деление продолжало существовать. Так, согласно ст. 44. Конституции СССР Верховный Суд СССР состоял из: а) пленарного заседания Верховного суда СССР; б) гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий Верховного Суда СССР; в) военной и военно-транспортной коллегий [53. Ст. 782]. Причем военная коллегия занималась «рассмотрением дел исключительной важности, принимаемых ею к своему производству не иначе как по постановлению Президиума ЦИК СССР или пленарного заседания ВС СССР…», а военно-транспортная коллегия рассматривала «...а) дела по обвинению в преступлениях по должности высших должностных лиц НКПС по особому списку… б) дела исключительной важности… по особым постановлениям Президиума ЦИК СССР и постановлениям пленарного заседания ВС СССР как по его инициативе, так и по представлению НКПС» [54. Ст. 278].

С 1924 г. в составе Верховного суда СССР появились специальные судебные присутствия по уголовным и гражданским делам для рассмотрения дел «исключительной важности, затрагивающих… интересы… союзных республик, а также и дела по обвинению в должностных или иных преступлениях членов ЦИК или СНК СССР, а равно и Председателя ВС СССР, его заместителя, членов пленарных заседаний коллегий и запасных членов ВС СССР, прокурора ВС СССР, заместителя, старших помощников» [55. Ст. 25].

Причем с 1924 г. сотрудники Военной коллегии ВС СССР были приравнены к лицам, состоящим на действительной военной службе с правом ношения военной формы [56. Ст. 49].

Разделение двух систем юстиции – общей и специальной – продолжалось и в 1924–1926 гг. после издания Основ судоустройства СССР и Союзных республик (дававших указания только общим судам) и Положения

о военных трибуналах и военной прокуратуре (дававших указания только трибуналам и оформлявшим военную прокуратуру) [57. Ст. 203; 58. Ст. 413]. Причем в подсудность военных трибуналов были отнесены дела о воинских и государственных преступлениях, о всех иных преступлениях, угрожающих крепости и мощи РККА, о всех преступлениях в местностях, где не функционируют общие суды. В этом же году была упразднена военно-транспортная коллегия ВС СССР, а дела, которые рассматривала данная коллегия, переданы в Уголовно-судебную коллегию ВС СССР [59. Ст. 222]. Положение о Верховном суде СССР и Прокуратуре Верховного суда СССР (24 июля 1929 г.) подтвердило такую структуру ВС СССР [60. Ст. 445]. Таким образом, во второй половине 1920-х гг. система специальной юстиции сохраняется, но в весьма ограниченном виде.

Однако в первой половине 1930-х гг. в связи с отказом от нэпа и переходом к политике коллективизации и индустриализации происходят серьезные изменения, которые привели к расширению и усилению органов специальной юстиции.

Данные органы восстанавливаются и их количество увеличивается, в законодательство вновь вводится и прочно закрепляется термин «специальные суды». Для них устанавливается и специальная компетенция. Так, согласно ст. 3 Постановления ЦИК СССР «О железнодорожных линейных судах» им подсудны следующие дела: «а) о злостном нарушении работниками транспорта трудовой дисциплины; б) о нарушении и невыполнении правил движения… г) о преступлениях, вызвавших скопление на местах выгрузки порожняка, также простой вагонов… д) о недоброкачественном ремонте и выпуске в эксплоатацию недоброкачественно отремонтированных паровозов, вагонов, цистерн…; е) об иных совершенных на транспорте преступлениях, нарушающих нормальную работу транспорта; ж) все дела о контрреволюционных преступлениях, связанных с работой железнодорожного транспорта» [61. Ст. 601]. Аналогичной была подсудность воднотранспортных судов [62. Ст. 251]. В 1946 г. насчитывалось 85 таких судов (в период ВОВ, переименованных в военные трибуналы) [63. Л. 29].

В 1933 г. железнодорожные суды были переданы в систему союзной юстиции, на работников было распространено действие Устава о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта, ставки их заработной платы были приравнены к ставкам соответствующих категорий работников НКПС [64. Ст. 324]. В 1936 г. это же было сделано и в отношении водных транспортных судов и прокуратуры [65. Ст. 150].

В результате ст. 102 Конституции СССР 1936 г. прямо указала на наличие специальных судов в стране: «Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами» [66. С. 1].

Также специальным судам был придан более высокий статус. Дела, которые они рассматривали, относились к категории подсудных краевым, областным судам и верховным судам автономных республик. Состав специальных судов избирался Верховным Советом СССР сроком на 5 лет. Состав же народных судов избирался гражданами района сроком на 3 года [Там же].

На основании ст. 53 закона «О судоустройстве СССР, Союзных и Автономных республик» 1938 г. в СССР к специальным судам были отнесены: военные трибуналы, линейные суды железнодорожного и водного транспорта. На основании ст. 65 в составе Верховного суда СССР действовали военная, железнодорожная, водно-транспортная коллегии [67. С. 3]. В составе Наркомата юстиции СССР действовал сначала сектор специальных судов, затем Управление специальных судов (в 1939–1940, 1953–1954 гг.). Длительное время в 1930–1950-е гг. в Прокуратуре (Генеральной) прокуратуре СССР существовал Отдел (Управление) по специальным делам.

Среди специальных судов в 1930-е гг. выделялась группа судебных органов, главным образом специализирующихся на политических преступлениях, в том числе военные трибуналы (и прокуратуры) войск НКВД (с 1946 г. МГБ), специальные коллегии областных и верховных судов и специальные лагерные суды. До 90% всех дел, которые рассматривали эти органы юстиции, составляли контрреволюционные преступления (по ст. 58 УК РСФСР).

В 1934–1938 гг. были созданы и действовали специальные коллегии краевых, областных и республиканских судов (спецколлегии), на основании Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 июля 1934 г. В июле 1935 г. в РСФСР насчитывалось 42 спецколлегии. Отбор сотрудников для работы в них проводился из числа сотрудников ОГПУ (как действующих, так и запаса) при личном контроле Наркома внутренних дел Н. Ежова [68. С. 69, 70]. Они рассматривали дела по ст. 58, 59, 74, 79, 84, 108, 109, 111, 112, 116, 120, 143, 162, 164, 165, 166, 167, 169, 182 УК РСФСР 1926 г. (контрреволюционные, против порядка управления, должностные преступления). В судебной системе они занимали особое автономное положение.

Первый реввоентрибунал войск НКВД был учрежден приказом Революционного военного совета Республики «Об учреждении Революционного военного трибунала войск ВОХР» от 11 января 1920 г. В 1930-е гг. система трибуналов войск НКВД была преобразована на основании совместного приказа НКВД СССР, Прокурора СССР и Верховного суда СССР от 7 октября 1934 г. «О реорганизации военных трибуналов и военных прокуратур пограничной и внутренней охраны».

Руководство военными трибуналами осуществлялось со стороны военной коллегии Верховного суда

СССР, где имелся отдел Военных трибуналов войск НКВД. Всего в предвоенные годы было создано 76 военных трибуналов войск НКВД. В их компетенцию входило рассмотрение дел о наиболее опасных государственных преступлениях граждан, сотрудников органов внутренних дел, государственной безопасности, уголовно-исполнительной системы, военнослужащих войск НКВД. С 1941 по 1948 г. военные трибуналы войск НКВД (МВД) СССР подчинялись Управлению военных трибуналов НКВД Наркомата (Министерства) юстиции СССР. Аналогичные прокуратуры подчинялись 2-му Управлению военных трибуналов НКВД Главной военной прокуратуры. Эти органы существовали и после 1948 г. в уменьшенном виде (отделы).

В чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны система специальных органов юстиции расширяется и милитаризируется. Специальные суды были преобразованы в военные трибуналы (специальные прокуратуры – соответственно в военные прокуратуры) с распространением на них военного законодательства. Это дополнительное доказательство единства системы специальной юстиции.

На основании Указа ПВС СССР «Об организации специальных лагерных судов» от 30 декабря 1944 г. создаются специальные лагерные суды. К 1949 г. их количество составляло 77 [69. Л. 53]. Указ относил к подсудности лагерных судов все дела о преступлениях, совершенных в лагерях и колониях НКВД, за исключением дел о преступлениях офицеров НКВД и сотрудников, имевших специальные звания госбезопасности, дела которых рассматривались военными трибуналами. В составе Верховного суда СССР создавалась особая Судебная коллегия по делам лагерных судов для рассмотрения дел по кассационным жалобам и в порядке надзора. В Министерстве юстиции СССР создали Главное управление по делам лагерных судов. В Генеральной прокуратуре Отдел (Управление) по надзору за местами заключения [70. С. 287]. На практике в их юрисдикции оказалось огромное количество людей, а именно: все заключенные старше 16 лет (кроме содержавшихся в тюрьмах); спецпоселенцы, трудмобилизованные и ссыльные, чья трудовая деятельность была связана с хозяйственной деятельностью МВД; вольнонаемные сотрудники, совершившие правонарушения на территории лагерно-производственных комплексов; и, наконец, все военнослужащие ГУЛАГа, не имевшие офицерских званий. В основном эти суды рассматривали дела о контрреволюционных преступлениях (ст. 58-10), отказе от работы (ст. 58-14), бандитизме (ст. 59-3) и побегах заключенных.

С 1948 г. наблюдается постепенный упадок органов специальной юстиции, ограничение их компетенции и деятельности. С 1953 г. в связи с отказом от проведения кампаний по «чистке» они остались без работы. При рассмотрении новых законов о судоустройстве в 1956–1958 гг. специальная подкомиссия комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР по подготовке проекта основ законодательства о судоустройстве во главе с бывшим министром юстиции СССР К.П. Горшениным предложила исключить любые упоминания о специальных судах в СССР. К тому времени этот термин был дискредитирован и ассоциировался с политической юстицией [71. Л. 96]. Поэтому упоминание о специальных судах исчезло из законов и научной литературы. Правда, появился термин «специализированная юстиция», который применяется до сих пор.

Итак, два вида органов юстиции в Советском государстве возникают в 1917 г. Первоначально система органов специальной юстиции создается на практике без детальной регламентации их деятельности как система чрезвычайных (экстраординарных) судов, основная цель которых состояла в защите существующего режима. Представляется возможным выделить некоторые общие черты системы специальных органов юстиции в СССР.

1. Отсутствие стабильной компетенции данных органов, которая неоднократно расширялась, ограничивалась, вновь расширялась и т.д. К тому же нормы, регламентирующие данную сферу, зачастую были сформулированы нечетко («каучуковые нормы»), что позволяло на практике толковать их в зависимости от политической ситуации: расширительно или ограничительно.

2. Вмешательство внесудебных (чекистских) органов в деятельность специальной юстиции. Назначение на должность в этой системе производилось после санкции чекистских органов, многие судьи и прокуроры были бывшими сотрудниками госбезопасности, процессуально (особенно после 1940 г.) судьи специальных судов попадали в зависимость от НКВД-НКГБ.

3. Для подготовки кадров органов специальной юстиции были созданы специальные учебные заведения: Военно-юридическая академия РККА, а в составе Всесоюзной правовой академии – Транспортное отделение.

4. В качестве самостоятельных отраслей специального права оформляется военно-уголовное право (В.М. Чхиквадзе, М.Я. Савицкий, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский), предпринимаются попытки по созданию специального транспортного права. Существовал целый корпус уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, которые в совокупности представляли совершенно отличный от гражданской юстиции свод правовых установлений. В большей степени процесс в органах специальной юстиции (определяемый приказами наркомов и министров) приближался к инквизиционному процессу Средневековья.

5. Была создана сеть органов, содействовавших осуществлению правосудия специальными судами. К таким органам можно отнести: дорожно-транспортные отделы НКВД (ДТО НКВД), Транспортную прокуратуру (прокуратура на железнодорожном, водном транспорте), Военная прокуратура, Военная прокуратура войск НКВД, отдел прокуратуры по надзору за местами заключения («лагерная прокуратура»). Также, для работы со «спецделами», которые составляли

весьма значительную долю в этих органах, допускались адвокаты из специального списка (со спецдопуском), т.е. de facto создается «специальная адвокатура».

6. Существование органов специальной юстиции зависело от конкретной политической ситуации и не было устойчивым. Своим появлением они обязаны тому сопротивлению, которое проявляется после прихода к власти большевиков. После стабилизации ситуации и организации нэпа надобность в них отпала, поэтому наблюдается сворачивание их деятельности (от органов специальной юстиции остались только военные трибуналы). Однако с переходом к коллективизации и индустриализации данные органы оказались востребованы вновь. Наблюдается «второе рождение» органов специальной юстиции в 1930-е гг. В период ВОВ данные органы находились на пике своего развития. Это был их «звездный час», когда они получили практически неограниченные полномочия. Во второй половине 1940-х гг. эти органы приняли достаточно активное участие в послевоенных кампаниях. Однако с 1948 г. их деятельность ограничивается, а с 1957 г. почти прекращается.

7. Более высокий статус органов и работников специальной юстиции. Органы юстиции оставались органами двойного подчинения. Ими управляли Наркомат (Министерство) юстиции СССР и соответствующее ведомство (Наркомат обороны, НКВД, Наркоматы транспорта и т.д.). Зависимость их от «профильных» ведомств была очень велика. Положительным следствием такой зависимости были более высокий статус и лучшее материальное обеспечение, чем у судей гражданской юстиции.

8. Основной целью органов специальной юстиции (кроме военных, транспортных и прочих преступлений) было осуществление политической юстиции, фактически фальсифицированного правосудия. Специальное правосудие выступало как альтернативный репрессивный механизм наряду с органами внутренних дел и госбезопасности. Иногда оно выходило на первый план, иногда дополняло их.

ЛИТЕРАТУРА

1. О комиссиях для несовершеннолетних: декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.
2. О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение): декрет СНК от 14 ноября 1919 // СУ РСФСР. 1919. № 56. Ст. 537.
3. Положение о дисциплинарных товарищеских судах: декрет СНК РСФСР от 5 апреля 1921 // СУ РСФСР. 1921. № 23–24. Ст. 142.
4. Положение о дисциплинарных судах: постановление 2-й сессии ВЦИК X созыва от 7 июля 1923 // СУ РСФСР. 1923. № 54. Ст. 531.
5. О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 августа 1928 // СУ РСФСР. 1928. № 114. Ст. 707.
6. Об организации сельских судов: постановление Президиума ЦИК СССР от 29 сентября 1930 // СЗ СССР. 1930. № 51. Ст. 531.
7. О сельских общественных судах: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1930 // СУ РСФСР. 1930. № 51. Ст. 629.
8. О производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.02.1931 // СУ РСФСР. 1931. № 14. Ст. 160.
9. Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах и о ликвидации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июня 1931 // СУ РСФСР. 1931. № 36. Ст. 295.
10. Об изменениях законодательства РСФСР в связи с утверждением Положения о кочевых общественных судах: постановление СНК РСФСР от 20 ноября 1933 // СУ РСФСР. 1933. № 58. Ст. 271.
11. Кодинцев А.Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР в 30–50-е годы XX в. Куртамыш, 2008. 590 с.
12. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. 464 с.
13. Justice and the legal system in the USSR / ed. by Robert Conquest. New York ; Washington, 1969. 152 p.
14. Епифанов А.Е. Организационные и правовые основы наказаний гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. М., 2017. 703 с.
15. О суде: декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
16. О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний: инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.
17. О революционном трибунале печати: постановление НКЮ от 18 декабря 1917 // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 156.
18. О революционном трибунале печати: декрет СНК РСФСР от 28 января 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 362.
19. Лезов И.Л. Советский суд в 1917–1940 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
20. О третейском суде: декрет ВЦИК от 16 февраля 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 366.
21. О революционных трибуналах: декрет СНК РСФСР от 4 мая 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 471.
22. О Революционном Трибунале при ВЦИК: декрет ВЦИК от 29 мая 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 41. Ст. 520.
23. Об отмене всех доныне изданных циркуляров о революционных трибуналах: постановление НКЮ 16 июня 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 44. Ст. 533.
24. Об организации и действии местных народных судов (инструкция): постановление НКЮ от 23 июля 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 597.
25. О фронтовых полковых (отрядных) местных судах (Положение): приказ Народного Комиссариата по военным делам РСФСР от 23.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 55. Ст. 612.
26. О ротных товарищеских судах (Положение): приказ Народного Комиссариата по военным делам РСФСР от 23.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 55. Ст. 613.
27. От кассационного отдела ВЦИК Советов: циркуляр кассационного отдела ВЦИК // Известия. 1918. 6 октября. С. 1.
28. О народном суде РСФСР (Положение): декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
29. Об отделах юстиции губернских исполнительных комитетов: постановление НКЮ от 30.01.1919 // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 29.
30. О революционных военных трибуналах (Положение): постановление Реввоенсовета РСФСР от 04.02.1919 // СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 131.
31. О Всероссийской Чрезвычайной комиссии: постановление ВЦИК от 17 февраля 1919 // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.
32. О революционных трибуналах (Положение): декрет ВЦИК от 12 апреля 1919 // СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.
33. Об утверждении и введении в действие положения о полковых судах: декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 // СУ РСФСР. 1919. № 31–32. Ст. 326.
34. О введении в действие «Положения о полковых судах» в частях Красной Армии, входящих в состав округов Всероссийского Главного штаба, и о возложении функций полковых судов на революционные военные трибуналы на фронтах и округах, подчиненные Революционным военным советам: постановление СНК РСФСР от 23 декабря 1919 // СУ РСФСР. 1919. № 65. Ст. 588.

35. Положение о революционных военных трибуналах: декрет ВЦИК от 20 ноября 1919 // СУ РСФСР. 1919. № 58. Ст. 549.
36. О передаче лиц, обвиняемых в бандитизме суду Военно-революционного трибунала: декрет СНК РСФСР от 19 февраля 1920 // СУ РСФСР. 1920. № 11. Ст. 71.
37. О революционных трибуналах (Положение): декрет ВЦИК от 18 марта 1920 // СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.
38. Пьянова О.А. Революционные трибуналы Западной Сибири конец 1917 – начало 1923 г. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С. 142, 143, 150
39. О революционных военных железнодорожных трибуналах (положение): декрет ВЦИК от 18 марта 1920 // СУ РСФСР. 1920. № 21. Ст. 112.
40. Об упразднении военно-транспортных трибуналов: декрет ЦИК СССР от 23 ноября 1923 // СУ РСФСР. 1924. № 13. Ст. 119.
41. О введении в действие «Положения о РВТ»: приказ Реввоенсовета Республики от 4 мая 1920 // СУ РСФСР. 1920. № 54. Ст. 236.
42. О введении военного положения на водных путях Советской Республики: постановление СТО от 12 мая 1920 // СУ РСФСР. 1920. № 44. Ст. 198.
43. О порядке приведения в исполнение губернскими революционными трибуналами приговоров к ВМН в местностях, объявленных на военном положении, а также в местностях, на кои распространяется власть РВС фронтов: декрет ВЦИК от 19 мая 1920 // СУ РСФСР. 1920. № 48. Ст. 214.
44. Об особых сессиях народного суда и дежурных камерах: постановление НКЮ от 16 сентября 1920 // СУ РСФСР. 1920. № 100. Ст. 541.
45. О реорганизации РВТ войск внутренней службы: приказ РВС Республики, Народного комиссариата внутренних дел и Революционного военного трибунала республики от 25 ноября 1920 № 2611 // Сборник приказов РВСР. 1920. № 14. С. 111
46. Об объединении всех революционных трибуналов республики: декрет ВЦИК от 23 июня 1921 // СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294.
47. Об организации высших судебных центров для исключительных судов (революционных трибуналов) в независимых советских республиках, независимых договорных советских республиках, автономных республиках и автономных областях: декрет ВЦИК от 25 августа 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 62. Ст. 442.
48. О преступлениях и проступках, совершенных на судах, плавающих под российским флагом: декрет СНК РСФСР от 5 сентября 1921 // СУ РСФСР. 1921. № 64. Ст. 471.
49. Инструкция по применению постановления Совета Народных комиссаров от 15 июля 1921 г. «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене» и о порядке возбуждения и направления дел об этих нарушениях: декрет СНК РСФСР от 3 октября 1921 // СУ РСФСР. 1921. № 21. Ст. 557.
50. О ВЧК: резолюция IX Всероссийского съезда Советов, опубликованная в «Известиях» 30 декабря 1921 // СУ РСФСР. 1922. № 4. Ст. 42.
51. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 25 мая 1922 // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
52. О введении в действие Положения о судоустройстве РСФСР: постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
53. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик // СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782
54. Положение о Верховном суде СССР: декрет ЦИК СССР от 23 ноября 1923 // СУ РСФСР. 1924. № 29–30. Ст. 278.
55. Наказ Верховному суду СССР: постановление ЦИК СССР от 14 июля 1924 // СЗ СССР. 1924. № 2. Ст. 25.
56. О милитаризации Военной коллегии Верховного суда СССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 1 августа 1924 // СЗ СССР. 1924. № 4. Ст. 49.
57. Основы судоустройства СССР и Союзных республик: постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 // СЗ СССР. 1924. № 23. Ст. 203.
58. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре: постановление ЦИК и СНК СССР от 20 августа 1926 // СЗ СССР. 1926. № 57. Ст. 413.
59. Об упразднении военно-транспортной коллегии Верховного суда СССР: постановление Президиума ЦИК СССР от 3 декабря 1926 // СЗ СССР. 1927. № 20. Ст. 222.
60. Положение о Верховном суде СССР и Прокуратуре ВС СССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 24 июля 1929 // СЗ СССР. 1929. № 50. Ст. 445.
61. О железнодорожных линейных судах: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 27.11.1930 // СЗ СССР. 1930. № 57. Ст. 601.
62. Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07 июня 1934 // СЗ СССР. 1934. № 33. Ст. 251.
63. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 6. Д. 15. Л. 29
64. О передаче железнодорожных линейных судов и транспортной прокуратуры железных дорог из системы НКЮ Союзных республик в систему Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 27 августа 1933 // СЗ СССР. 1933. № 55. Ст. 324.
65. О передаче всех водных транспортных судов и всей водной транспортной прокуратуры в непосредственное подчинение ВС СССР и Прокуратуры СССР: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1936 // СЗ СССР. 1936. № 18. Ст. 150.
66. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 06.12.1936. № 283. С. 1.
67. О судоустройстве СССР, Союзных и Автономных республик: закон от 16 августа 1938 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11. С. 3.
68. Тязин Е.Н. Проблемы укрепления законности в СССР и деятельность специальных судебных коллегий краевых, областных судов и верховных судов автономных республик в 1937–1938 гг. (на материалах Мордовской АССР) // Социально-политические науки. 2012. № 1. С. 69, 70.
69. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 15. Л. 53.
70. Иванова Г.М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 // Труды Института российской истории. М., 2004. Вып. 4. С. 287.
71. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 76. Л. 96.

Alexander J. Kodintsev. Surgut State University (Surgut, Russia). E-mail: balsak1@yandex.ru
Denis N. Shkarevsky. Surgut State University (Surgut, Russia). E-mail: shkarden@mail.ru

THE ORGANS OF SPECIAL JUSTICE OF THE SOVIET STATE AS A TOOL FOR THE PROTECTION OF THE REGIME

Keywords: history of the Soviet judicial system; special courts of the USSR; special justice of the USSR.

The modern scientific literature does not raise the question of special justice in the USSR. However, it is possible to single out several levels in the mechanism of protection of the political regime in the USSR. The first can be attributed extrajudicial bodies (Cheka / GPU / OGPU / NKVD / NKGB / MGB / KGB). To the second - special judicial authorities (various tribunals, courts on railway and water transport, special colleges of regional and supreme courts and special camp courts).

The purpose of the article is to highlight the differences between the bodies of special justice in comparison with the organs of general justice.

The research is based on unpublished archival sources, which made it possible to trace the number of special courts, determine the policy pursued by state authorities in relation to them. The published sources (normative and legal acts) made it possible to determine the structure, composition, competence, peculiarities of the functioning of special justice bodies, in comparison with the organs of general justice.

In the development of special justice, there are several stages. The first – 1917-1923 years. At this stage, a chaotic formation of special judiciary bodies to combat counter-revolutionary and some criminal offenses in the field, in the army and in transport is observed. The state has made many attempts to restore order in this area. But the situation was aggravated by frequent changes in the regulatory framework. Probably during the Civil War, the staff of the tribunals were not familiar with the changes in legislation.

The second stage - 1924-1929 years. During this phase, there was a decrease in the number of special vessels, limiting their competence. Under the new economic policy, these bodies were not in demand. The third period was 1930-1941 – period of "second birth" of special justice. In the course of the policy of collectivization and industrialization, the bodies of justice in transport and special colleges were formed at the regional courts and supreme courts of the autonomous republics to deal with cases that were especially dangerous for the state. The fourth period was 1941-1945 – stage of the "heyday" of special justice. At this time, these bodies had acquired almost unlimited powers.

The fifth period was the decline and liquidation of special judicial bodies (1946-1957). After the Great Patriotic War, the number of these organs was reduced. The absence of purges after Stalin's death left them without work.

The main features of the special judicial authorities were: autonomous situation, lack of clearly defined competence, interference in their work by state security bodies, special educational institutions and special law, higher status of these bodies and their employees; the existence of a network of bodies that ensure their activities, dependence on a particular political situation.

REFERENCES

1. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1918a) O komissiyakh dlya nesovershennoletnikh: dekret SNK RSFSR ot 14 yanvarya 1918 [On commissions for minors: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 14, 1918]. *SU RSFSR*. 16. Art. 227.
2. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1919) O rabochikh distsiplinarnykh tovarishcheskikh sudakh (Polozhenie): dekret SNK ot 14 noyabrya 1919 [On workers' disciplinary fellowship courts (Regulations): Decree of the Council of People's Commissars of November 14, 1919]. *SU RSFSR*. 56. Art. 537.
3. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1921) Polozhenie o distsiplinarnykh tovarishcheskikh sudakh: dekret SNK RSFSR ot 5 aprelya 1921 [Regulations on disciplinary fellowship: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 5, 1921]. *SU RSFSR*. 23-24. Art. 142.
4. All-Russian Central Executive Committee. (1923) Polozhenie o distsiplinarnykh sudakh: postanovlenie 2-y sessii VTsIK X sozyva ot 7 iyulya 1923 [Regulations on disciplinary courts: Resolution of the 2nd session of the All-Russian Central Executive Committee of the 10th convocation of July 7, 1923]. *SU RSFSR*. 54. Art. 531.
5. All-Russian Central Executive Committee. (1928) O tovarishcheskikh sudakh na fabrichno-zavodskikh predpriyatiyakh, v gosudarstvennykh i obshchestvennykh uchrezhdeniyakh: postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 27 avgusta 1928 [On friendly ships at factory plants, in state and public institutions: Decree of the All-Russian Central Executive Committee and SNK RSFSR of August 27, 1928]. *SU RSFSR*. 114. Art. 707.
6. Presidium of the CEC of the USSR. (1930) Ob organizatsii sel'skikh sudov: postanovlenie Prezidiuma TsIK SSSR ot 29 sentyabrya 1930 [On the organization of rural courts: Decree of the Presidium of the CEC of the USSR of September 29, 1930]. *SZ SSSR*. 51. Art. 531.
7. All-Russian Central Executive Committee. (1930) O sel'skikh obshchestvennykh sudakh: postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 10 oktyabrya 1930 [On the rural public courts: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 10, 1930]. *SU RSFSR*. 51. Art. 629.
8. All-Russian Central Executive Committee. (1931a) O proizvodstvenno-tovarishcheskikh sudakh na fabrikakh, zavodakh, v gosudarstvennykh i obshchestvennykh uchrezhdeniyakh i predpriyatiyakh: postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 20.02.1931 [On the production-friendly ships in factories, factories, in state and public institutions and enterprises: the decree of the Central Executive Committee and SNK of the RSFSR of February 20, 1931]. *SU RSFSR*. 14. Art. 160.
9. All-Russian Central Executive Committee. (1931b) Ob organizatsii tovarishcheskikh sudov pri zhilishchnykh i zhilishchno-arendnykh kooperativnykh tovarishchestvakh i pri domovykh trestakh i o likvidatsii primiritel'no-konfliktnykh komissiy po zhilishchnym delam: postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 30 iyunya 1931 [On the organization of fellowship courts at housing and housing-rental cooperative partnerships and at house trusts and on the liquidation of conciliation and conflict commissions on housing matters: Resolution of the Central Executive Committee and SNK RSFSR of June 30, 1931]. *SU RSFSR*. 36. Art. 295.
10. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1933) Ob izmeneniyakh zakonodatel'stva RSFSR v svyazi s utverzhdeniem Polozheniya o kochevykh obshchestvennykh sudakh: postanovlenie SNK RSFSR ot 20 noyabrya 1933 [On changes in the legislation of the RSFSR in connection with the approval of the Regulation on nomadic public courts: Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of November 20, 1933]. *SU RSFSR*. 58. Art. 271.
11. Kodintsev, A.Ya. (2008) *Gosudarstvennaya politika v sfere yustitsii v SSSR v 30-50-e gody XX v.* [State policy in the field of justice in the USSR in the 1930–1950s]. Kurtamysh: Kurtamyshskaya tipogrfiya.
12. Solomon, P. (2008) *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Criminal Justice under Stalin]. Translated from English by L. Maksimenkov. Moscow: Rosspen.
13. Conquest, R. (ed.) (1969) *Justice and the legal system in the USSR*. New York; Washington: Bodley Head.
14. Epifanov, A.E. (2017) *Organizatsionnye i pravovye osnovy nakazaniy gitlerovskikh voennykh prestupnikov i ikh posobnikov v SSSR* [Organizational and legal foundations of punishment of Hitler war criminals and their accomplices in the USSR]. Moscow: Unity.
15. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1917) O sude: dekret SNK RSFSR ot 24 noyabrya 1917 [On the court: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of November 24, 1917]. *SU RSFSR*. 4. Art. 50.
16. Ministry of Justice of the RSFSR. (1917a) O revolyutsionnom tribunale, ego sostave, delakh, podlezhashchikh ego vedeniyu, nalagaemykh im nakazaniyakh i o poryadke vedeniya ego zasedaniy: instruktsiya NKYu ot 19 dekabrya 1917 [On the revolutionary tribunal, its composition, cases subject to its jurisdiction, the penalties imposed by it and the procedure for conducting its meetings: instruction of the Ministry of Justice of December 19, 1917]. *SU RSFSR*. 12. Art. 170.
17. Ministry of Justice of the RSFSR. (1917b) O revolyutsionnom tribunale pechati: postanovlenie NKYu ot 18 dekabrya 1917 [On the revolutionary tribunal of the press: Decision of the Ministry of Justice of December 18, 1917]. *SU RSFSR*. 10. Art. 156.
18. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1918b) O revolyutsionnom tribunale pechati: dekret SNK RSFSR ot 28 yanvarya 1918 [On the revolutionary tribunal of the press: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 28, 1918]. *SU RSFSR*. 28. Art. 362.
19. Lezov, I.L. (1998) *Sovetskiy sud v 1917–1940 gg.* [Soviet court in 1917–1940]. Law Cand. Diss. Moscow.
20. All-Russian Central Executive Committee. (1918a) O treteyskom sude: dekret VTsIK ot 16 fevralya 1918 [On the Arbitration Court: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of February 16, 1918]. *SU RSFSR*. 28. Art. 366.
21. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1918c) O revolyutsionnykh tribunalakh: dekret SNK RSFSR ot 4 maya 1918 [On the revolutionary tribunals: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of May 4, 1918]. *SU RSFSR*. 35. Art. 471.
22. All-Russian Central Executive Committee. (1918b) O Revolyutsionnom Tribunale pri VTsIK: dekret VTsIK ot 29 maya 1918 [On the Revolutionary Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee: Decree of the Central Executive Committee of May 29, 1918]. *SU RSFSR*. 41. Art. 520.

23. Ministry of Justice of the RSFSR. (1918a) Ob otmene vsekh donyne izdannykh tsirkulyarov o revolyutsionnykh tribunalakh: postanovlenie NKYu 16 iyunya 1918 [On the abolition of all formerly issued circulars on the revolutionary tribunals: Resolution of the Ministry of Justice on June 16, 1918]. *SU RSFSR*. 44. Art. 533.
24. Ministry of Justice of the RSFSR. (1918b) Ob organizatsii i deystvii mestnykh narodnykh sudov (instruktsiya): postanovlenie NKYu ot 23 iyulya 1918 [On the organization and operation of local people's courts (instruction): Resolution of the Ministry of Justice of July 23, 1918]. *SU RSFSR*. 53. Art. 597.
25. The People's Commissariat for Military Affairs of the RSFSR. (1918a) O frontovykh polkovykh (otryadnykh) mestnykh sudakh (Polozhenie): prikaz Narodnogo Komissariata po voennym delam RSFSR ot 23.07.1918 [On front-line regimental (detachment) local courts (Regulations): Order of the People's Commissariat for Military Affairs of the RSFSR of July 23, 1918]. *SU RSFSR*. 55. Art. 612.
26. The People's Commissariat for Military Affairs of the RSFSR. (1918b) O rotnykh tovarishcheskikh sudakh (Polozhenie): prikaz Narodnogo Komissariata po voennym delam RSFSR ot 23.07.1918 [On company fellowship courts (Regulations): Order of the People's Commissariat for Military Affairs of the RSFSR of July 23, 1918]. *SU RSFSR*. 55. Art. 613.
27. All-Russian Central Executive Committee. (1918c) Ot kassatsionnogo otdela VTsIK Sovetov: tsirkulyar kassatsionnogo otdela VTsIK [From the cassation department of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets: Circular of the cassation department of the All-Russian Central Executive Committee]. *Izvestiya*. 6th October.
28. All-Russian Central Executive Committee. (1918d) O narodnom sude RSFSR (Polozhenie): dekret VTsIK ot 30 noyabrya 1918 [On the people's court of the RSFSR (Regulation): Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 30, 1918]. *SU RSFSR*. 85. Art. 889.
29. Ministry of Justice of the RSFSR. (1919) Ob otdelakh yustitsii gubernskikh ispolnitel'nykh komitetov: postanovlenie NKYu ot 30.01.1919 [On the Departments of Justice of the provincial executive committees: Resolution of the Ministry of Justice dated January 30, 1919]. *SU RSFSR*. 2. Art. 29.
30. The Revolutionary Military Council of the RSFSR. (1919) O revolyutsionnykh voennykh tribunalakh (Polozhenie): postanovlenie Revvoensoveta RSFSR ot 04.02.1919 [On the revolutionary military tribunals (Regulations): Resolution of the Revolutionary Military Council of the RSFSR of February 4, 1919]. *SU RSFSR*. 13. Art. 131.
31. All-Russian Central Executive Committee. (1919a) O Vserossiyskoy Chrezvychaynoy komissii: postanovlenie VTsIK ot 17 fevralya 1919 [On the All-Russian Emergency Commission: Resolution of the Central Executive Committee of February 17, 1919]. *SU RSFSR*. 12. Art. 130.
32. All-Russian Central Executive Committee. (1919b) O revolyutsionnykh tribunalakh (Polozhenie): dekret VTsIK ot 12 aprelya 1919 [On the revolutionary tribunals (Regulations): decree of the All-Russian Central Executive Committee of April 12, 1919]. *SU RSFSR*. 13. Art. 132.
33. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1919a) Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie polozheniya o polkovykh sudakh: dekret SNK RSFSR ot 10 iyulya 1919 [On approval and implementation of the provision on regimental courts: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 10, 1919]. *SU RSFSR*. 31-32. Art. 326.
34. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1919b) O vvedenii v deystvie "Polozheniya o polkovykh sudakh" v chastyakh Krasnoy Armii, vkhodyashchikh v sostav okrugov Vserossiyskogo Glavnogo shtaba, i o vozlozhenii funktsiy polkovykh sudov na revolyutsionnye voennye tribunaly na frontakh i okrugakh, podchinennye Revolyutsionnym voennym sovetam: postanovlenie SNK RSFSR ot 23 dekabrya 1919 [On the enactment of the Provision on Regimental Courts in the units of the Red Army that are part of the districts of the All-Russian General Staff, and on assigning the functions of regimental courts to revolutionary military tribunals on fronts and districts subordinated to the Revolutionary Military Councils: Resolution of the People's Commissariat for Military Affairs of the RSFSR of December 23, 1919]. *SU RSFSR*. 65. Art. 588.
35. All-Russian Central Executive Committee. (1919b) Polozhenie o revolyutsionnykh voennykh tribunalakh: dekret VTsIK ot 20 noyabrya 1919 [The position of the revolutionary military tribunals: Decree of the Central Executive Committee on November 20, 1919]. *SU RSFSR*. 58. Art. 549.
36. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1920) O peredache lits, obvinyaemykh v banditizme sudu Voenno-revolyutsionnogo tribunala: dekret SNK RSFSR ot 19 fevralya 1920 [On the transfer of persons accused of banditry to the court of the Military Revolutionary Tribunal: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of February 19, 1920]. *SU RSFSR*. 11. Art. 71.
37. All-Russian Central Executive Committee. (1920a) O revolyutsionnykh tribunalakh (Polozhenie): dekret VTsIK ot 18 marta 1920 [On the revolutionary tribunals (Regulations): Decree of the Central Executive Committee of March 18, 1920]. *SU RSFSR*. 22-23. Art. 115.
38. Pyanova, O.A. (2002) *Revolyutsionnye tribunaly Zapadnoy Sibiri konets 1917 – nachalo 1923 gg.* [Revolutionary Tribunals of Western Siberia, the end of 1917 – early 1923]. History Cand. Diss. Omsk. pp. 142, 143, 150
39. All-Russian Central Executive Committee. (1920b) O revolyutsionnykh voennykh zheleznodorozhnykh tribunalakh (polozhenie): dekret VTsIK ot 18 marta 1920 [On the revolutionary military railway tribunals (provisions): Decree of the Central Executive Committee of March 18, 1920]. *SU RSFSR*. 21. Art. 112
40. The Central Executive Committee of the USSR. (1924) Ob uprazdnenii voenno-transportnykh tribunalov: dekret TsIK SSSR ot 23 noyabrya 1923 [On the abolition of military transport tribunals: Decree of the CEC of the USSR on November 23, 1923]. *SU RSFSR*. 13. Art. 119.
41. The Revolutionary Military Council of the RSFSR. (1920a) O vvedenii v deystvie "Polozheniya o RVT": prikaz Revvoensoveta Respubliki ot 4 maya 1920 [On the enactment of the "Regulations on the Revolutionary Military Tribunals": Order of the Revolutionary Military Council of the Republic of May 4, 1920]. *SU RSFSR*. 54. Art. 236.
42. The Council of Labor and Defense. (1920) O vvedenii voennogo polozheniya na vodnykh putyakh Sovetskoy Respubliki: postanovlenie STO ot 12 maya 1920 [On the introduction of martial law on the waterways of the Soviet Republic: Resolution of the The Council of Labor and Defense of May 12, 1920]. *SU RSFSR*. 44. Art. 198.
43. All-Russian Central Executive Committee. (1920c) O poryadke privedeniya v ispolnenie gubernskimi revolyutsionnymi tribunalami prigovorov k VMN v mestnostyakh, ob"yavlennykh na voennom polozhenii, a takzhe v mestnostyakh, na koi rasprostranyaetsya vlast' RVS frontov: dekret VTsIK ot 19 maya 1920 [On the execution by the provincial revolutionary tribunals of capital punishment in areas under martial law, as well as in areas subject to the authority of the Revolutionary Military Council of Fronts: Decree of the Central Executive Committee of May 19, 1920]. *SU RSFSR*. 48. Art. 214.
44. Ministry of Justice of the RSFSR. (1920) Ob osobykh sessiyakh narodnogo suda i dezhurnykh kamerakh: postanovlenie NKYu ot 16 sentyabrya 1920 [On special sessions of the People's Court and Duty Chambers: Resolution of the Ministry of Justice of the RSFSR dated September 16, 1920]. *SU RSFSR*. 100. Art. 541.
45. The Revolutionary Military Council of the RSFSR. (1920b) O reorganizatsii RVT voysk vnutrenney sluzhby: prikaz RVS Respubliki, Narodnogo komissariata vnutrennikh del i Revolyutsionnogo voennogo tribunala respubliki ot 25 noyabrya 1920 № 2611 [On the reorganization of the Revolutionary Military Tribunal Troops of the Internal Service: Order of the Revolutionary Military Council of the Republic, the People's Commissariat of Internal Affairs and the Revolutionary Military Tribunal of the Republic of November 25, 1920 No. 2611]. *Sbornik prikazov RVSR*. 14. p. 111
46. All-Russian Central Executive Committee. (1921a) Ob ob"edinenii vsekh revolyutsionnykh tribunalov respubliki: dekret VTsIK ot 23 iyunya 1921 [On the unification of all the revolutionary tribunals of the Republic: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of June 23, 1921]. *SU RSFSR*. 51. Art. 294.
47. All-Russian Central Executive Committee. (1921b) Ob organizatsii vysshikh sudebnykh tsentrov dlya isklyuchitel'nykh sudov (revolyutsionnykh tribunalov) v nezavisimykh sovetskikh respublikakh, nezavisimykh dogovornykh sovetskikh respublikakh, avtonomnykh respublikakh i avtonomnykh oblastyakh: dekret VTsIK ot 25 avgusta 1921 g. [On the organization of the highest judicial centers for exclusive courts (revolutionary tribunals) in the independent Soviet republics, the independent contractual Soviet republics, autonomous republics and autonomous regions: Decree of the Central Executive Committee of August 25, 1921]. *SU RSFSR*. 62. Art. 442.

48. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1921a) O prestupleniyakh i prostupkakh, sovershennykh na sudakh, plavayushchikh pod rossiyskim flagom: dekret SNK RSFSR ot 5 sentyabrya 1921 [On crimes and offenses committed on vessels flying the Russian flag: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 5, 1921]. *SU RSFSR*. 64. Art. 471.
49. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1921b) Instruktsiya po primeneniyu postanovleniya Soveta Narodnykh komissarov ot 15 iyulya 1921 g. "Ob otvetstvennosti za narushenie dekretov o natural'nykh nalogakh i ob obmene" i o poryadke vozbuzhdeniya i napravleniya del ob etikh narusheniyakh: dekret SNK RSFSR ot 3 oktyabrya 1921 [Instructions for the application of the resolution of the Council of People's Commissars of July 15, 1921 "On liability for violation of the decrees on in-kind taxes and exchange" and on the procedure for initiating and directing cases on these violations: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 3, 1921]. *SU RSFSR*. 21. Art. 557.
50. The All-Russian Congress of Soviets. (1922) O VChK: rezolyutsiya IX Vserossiyskogo s"ezda Sovetov, opublikovannaya v "Izvestiyakh" 30 dekabrya 1921 [On the All-Russian Extraordinary Commission: Resolution of the 9th All-Russian Congress of Soviets, published in "Izvestia" on December 30, 1921]. *SU RSFSR*. 4. Art. 42.
51. All-Russian Central Executive Committee. (1922a) Ob Ugolovno-Protsessual'nom Kodekse (vmeste s Ugolovno-Protsessual'nym Kodeksom RSFSR): postanovlenie VTsIK ot 25 maya 1922 [On the Code of Criminal Procedure (together with the Code of Criminal Procedure of the RSFSR): Resolution of the Central Executive Committee of May 25, 1922]. *SU RSFSR*. 20-21. Art. 230.
52. All-Russian Central Executive Committee. (1922b) O vvedenii v deystvie Polozheniya o sudoustroystve RSFSR: postanovlenie VTsIK ot 11 noyabrya 1922 [On the introduction of the Regulation on the Judicial Organization of the RSFSR: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 11, 1922]. *SU RSFSR*. 69. Art. 902.
53. The USSR. (1923) Osnovnoy Zakon (Konstitutsiya) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [The Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics]. *SU RSFSR*. 81. Art. 782
54. The Central Executive Committee of the USSR. (1924a) Polozhenie o Verkhovnom sude SSSR: dekret TsIK SSSR ot 23 noyabrya 1923 [Regulations on the Supreme Court of the USSR: Decree of the CEC of the USSR of November 23, 1923]. *SU RSFSR*. 29-30. Art. 278.
55. The Central Executive Committee of the USSR. (1924b) Nakaz Verkhovnomu sudu SSSR: postanovlenie TsIK SSSR ot 14 iyulya 1924 [Order of the USSR Supreme Court: Resolution of the USSR Central Executive Committee of July 14, 1924]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 2. Art. 25.
56. The Central Executive Committee of the USSR. (1924c) O militarizatsii Voennoy kollegii Verkhovnogo suda SSSR: postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 1 avgusta 1924 [On the militarization of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR: Resolution of the CEC and the Council of People's Commissars of the USSR of August 1, 1924]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 4. Art. 49.
57. The Central Executive Committee of the USSR. (1924d) Osnovy sudoustroystva SSSR i Soyuznykh respublik: postanovlenie TsIK SSSR ot 29 oktyabrya 1924 [Fundamentals of the judicial system of the USSR and the Union Republics: Decree of the CEC of the USSR of October 29, 1924]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 23. Art. 203.
58. The Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1926) Polozhenie o voennykh tribunalakh i voennoy prokurature: postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 20 avgusta 1926 [The Regulation on Military Tribunals and the Military Prosecutor's Office: Decree of the CEC and the Council of People's Commissars of the USSR of August 20, 1926]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 57. Art. 413.
59. The Central Executive Committee of the USSR. (1927) Ob uprazdnenii voenno-transportnoy kollegii Verkhovnogo suda SSSR: postanovlenie Prezidiuma TsIK SSSR ot 3 dekabrya 1926 [On the abolition of the military transport board of the Supreme Court of the USSR: Resolution of the Presidium of the Central Election Commission of the USSR of December 3, 1926]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 20. Art. 222.
60. The Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1929) Polozhenie o Verkhovnom sude SSSR i Prokurature VS SSSR: postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 24 iyulya 1929 [Regulations on the Supreme Court of the USSR and the Prosecutor's Office of the USSR Supreme Council: Resolution of the CEC and the Council of People's Commissars of the USSR of July 24, 1929]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 50. Art. 445.
61. The Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1930) O zheleznodorozhnykh lineynykh sudakh: postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 27.11.1930 [On railway linear courts: Decree of the CEC of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR dated November 37, 1930]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 57. Art. 601.
62. The Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1934) Ob organizatsii vodnykh transportnykh sudov i vodnoy transportnoy prokuratury: postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 07 iyunya 1934 [On the organization of water transport courts and water transport prosecutor's office: Decree of the CEC of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR of June 07, 1934]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 33. Art. 251.
63. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9492. List 6. File 15.
64. The Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1933) O peredache zheleznodorozhnykh lineynykh sudov i transportnoy prokuratury zheleznykh dorog iz sistemy NKYu Soyuznykh respublik v sistemu Verkhovnogo suda SSSR i Prokuratury SSSR: postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 27 avgusta 1933 [On the transfer of railway linear courts and transport prosecutor's office of railways from the system of the Ministry of Justice of the Union Republics to the system of the Supreme Court of the USSR and the Prosecutor's Office of the USSR: Resolution of the CEC and Council of People's Commissars of the USSR dated August 27, 1933]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 55. Art. 324.
65. The Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1936) O peredache vsekh vodnykh transportnykh sudov i vsey vodnoy transportnoy prokuratury v neposredstvennoe podchinenie VS SSSR i Prokuratury SSSR: postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 7 aprelya 1936 [On the transfer of all water transport courts and the entire water transport prosecutor's office into direct subordination to the USSR Armed Forces and the USSR Prosecutor's Office: Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of April 7, 1936]. *SZ SSSR – Legislative Bulletin of the USSR*. 18. Art. 150.
66. The USSR. (1936a) Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utv. Postanovleniem Chrezvychaynogo VIII S"ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) [The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by Decree of the Extraordinary 8th Congress of the Soviets of the USSR of May 12, 1936)]. *Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. 283. p. 1.
67. The Supreme Soviet of the USSR. (1938) O sudoustroystve SSSR, Soyuznykh i Avtonomnykh respublik: zakon ot 16 avgusta 1938 [On the judicial system of the USSR, the Union and Autonomous Republics: Law of August 16, 1938]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 11. pp. 3.
68. Tyazin, E.N. (2012) Problemy ukrepleniya zakonnosti v SSSR i deyatel'nost' spetsial'nykh sudebnykh kollegiy kraevykh, oblastnykh sudov i verkhovnykh sudov avtonomnykh respublik v 1937–1938 gg. (na materialakh Mordovskoy ASSR) [Problems of strengthening the rule of law in the USSR and the activities of special judicial boards of regional and regional courts and the supreme courts of autonomous republics in 1937–1938 (a case study of the Mordovian ASSR)]. *Sotsial'no-politicheskie nauki – Sociopolitical Sciences*. 1. pp. 69, 70.
69. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9492. List 6. File 15.
70. Ivanova, G.M. (2004) Lagernaya yustitsiya v SSSR. 1944–1954 [Camp Justice in the USSR. 1944–1954]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii*. 4. p. 287.
71. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 45. File 76.

УДК 94:344.131.4(571.12)
DOI: 10.17223/19988613/59/5

Н.В. Кудрявцев

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ И УКЛОНЕНИЕМ ОТ СЛУЖБЫ В КРАСНОЙ АРМИИ В ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются дозволительные меры в борьбе с проявлениями уклонения от прохождения службы и дезертирством в рядах Красной армии, зафиксированные в нормативных документах органов центральной власти РСФСР и директивах Тюменской губернии в заключительный период Гражданской войны. Анализируется распорядительная документация под грифом «Секретно», изданная Губернской комиссией по борьбе с дезертирством. Дана оценка разрешительных мер, закрепленных в соответствующей директивной документации советской власти.

Ключевые слова: дезертирство; Красная армия; Тюменская губерния; Гражданская война.

Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны в РСФСР являлась одной из самых острых проблем, которую пытались решить власти как в центре, так и на местах. В советское время серьезных исторических исследований, связанных с изучением дезертирства в Красной армии, по понятным причинам не проводилось. Некоторые труды были изданы в основном в 1920-е гг. В советский период первыми, кто как-то обозначил проблему дезертирства в своих трудах, стали А.М. Колонтай [1], М. Баторский [2], А. Казаков [3], а особенно С.П. Оликов, который сам вел борьбу с дезертирами в Украине в составе комиссии по борьбе с дезертирством и в своем труде предлагал пути совершенствования этой борьбы [4]. Однако труды указанных советских авторов сложно назвать научными, так как в них, как правило, констатировались некоторые факты, и указывались определенные недостатки в борьбе с дезертирством. Основной массив научных изысканий, посвященных изучению дезертирства и борьбы с ним, произошел в постсоветский период, когда идеологические запреты были сняты и появился широкий доступ к архивным материалам. Труды стали выходить преимущественно с 2000-х гг. Среди таких исследователей можно выделить работы В.Л. Кукушкина [5], Г.Ф. Кривошеева [6], А.В. Долговой. Последняя поднимала вопросы изучения историографии первых лет советской власти по проблемам дезертирства в годы Гражданской войны [7], а также тему причин дезертирства из Красной армии [8]. Из крупных, недавно вышедших следует выделить труды К.В. Левшина, который, в том числе, посвятил и кандидатскую диссертацию исследованию дезертирства в Красной армии в годы Гражданской войны на Северо-Западе России [9–11].

Современные авторы в основном поднимают вопросы причин дезертирства, становления и развития института комиссий по борьбе с дезертирством и уклонением от службы в Красной армии, вопросы антидезертирской пропаганды, а также рассматриваются методы борьбы с дезертирами. Авторами в большинстве случаев, делается акцент на анализе материалов статистки, отчетов, рапортов, сводок, донесений, в которых отражались вопросы борьбы с дезертирами и уклонистами от службы в Красной армии. Однако исследователями глубинно не анализировались содержательные части нормативных актов и региональных директивных документов и не устанавливалась их корреляционная взаимосвязь. Кроме того, сегодня отсутствуют специальные исследования, посвященные борьбе с дезертирством в воинских формированиях армии большевиков в Тюменской губернии периода Гражданской войны.

В основу данного исследования положен комплекс нормативных актов центра и тюменских региональных директив, посвященных вопросам борьбы с дезертирством и уклонением от службы в Красной армии в период заключительного этапа Гражданской войны. Анализируются опубликованные в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» законодательные акты центрального уровня, а также директивные акты Тюменской губернии, хранящиеся в фонде Р-10 «Ишимский уездный комиссариат по военным делам Ишимского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тюменской губернии» Государственного архива в г. Ишиме Тюменской области, которые впервые вводятся в научный оборот.

Изначально у большевиков в планах было создать Центральную комиссию по борьбе с дезертирством, которая бы решала эту проблему, однако вскоре было принято решение о создании в стране региональноразветвленной системы по борьбе с уклонистами и дезертирами [4. С. 18]. Причины дезертирства были разными. Как справедливо отмечает А.В. Долгова, «дезертирство вызывалось, как правило, многими или несколькими причинами. Условно их можно объединить в четыре группы: экономические, политические, социальные и психологические» [15. С. 49]; кроме того,

автор отмечает: «Сказывалось и то, что в советских и партийных структурах, в частях Красной Армии были зажиточные, кулацкие элементы. Их влияние на крестьянскую массу нередко становилось весьма заметным, хотя во многих крестьянских семьях мужчины либо уже были на фронте, либо подлежали призыву. Именно со стороны таких красноармейцев – советских или партийных работников – крестьянские семьи подвергались произволу, что не способствовало популярности Советской власти и Красной Армии, усиливало нежелание в ней служить… Дискредитация Красной Армии в глазах большинства мобилизованных, как следствие бесконтрольного произвола контрреволюционных элементов в ее рядах, а также в советских и партийных структурах – являлось одной из причин дезертирства» [8. С. 51].

Год от года большевиками разрешительные меры в борьбе с дезертирами усиливались. Начиная с 1918 г. центральные органы издали значительное количество регламентирующих нормативно-правовых документов, которые касались вопросов борьбы с уклонением от мобилизации и дезертирства в Красной армии. Мы остановимся лишь на последних из них.

3 марта 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны издает Декрет № 94, подписанный В.И. Лениным, «О мерах борьбы с дезертирством». Документ предписывал всем учреждениям следить за отношением сотрудников к отбыванию воинской повинности, вести строгий учет военнообязанных лиц. За укрывательство дезертира должностные лица должны были подвергаться заключению на срок до пяти лет, а за невнимательность и халатное отношение при проведении мероприятий по борьбе с дезертирством, а также за несвоевременное принятие соответствующих мер могли сесть на срок до трех лет. Хозяева квартир, укрывающие дезертиров, могли лишиться свободы сроком до пяти лет. [12. С. 145–146].

В этом же году, 13 декабря было опубликовано Постановление № 573 Совета рабочей и крестьянской обороны «О предоставлении Губернским Комиссиям по борьбе с дезертирством права Революционных Трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров». Данным документом Совет обороны постановил предоставить всем губернским комиссиям по борьбе с дезертирством те же права, что были у революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров при условии введения в Губернскую комиссию по борьбе с дезертирством представителя от Губернского революционного трибунала [Там же. С. 817]. В тот же день Совет рабочей и крестьянской обороны Постановлением № 594 «О предоставлении уездным комиссиям по борьбе с дезертирством права наложения наказания на укрывателей дезертиров» предоставил всем уездным комиссиям по борьбе с дезертирством право наказывать дезертиров с уведомлением об этом губернских комиссий [12. С. 145–146].

Далее права органов на местах только расширялись. Так, 7 февраля 1920 г. Совет рабочей и крестьянской обороны издает очередное Постановление № 58 «О предоставлении Полевым Комиссиям по борьбе с дезертирством права наложения взысканий на укрывателей дезертиров». Тем самым полевым комиссиям предоставлялось также право применять определенные санкции против дезертиров [13. С. 74–75].

Нормативная регламентация деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на местах появилась в 1920 г., когда 8 апреля вышел в свет Декрет ВЦИК № 126 «О комиссиях по борьбе с дезертирством», подписанный М.И. Калининым. В данном документе подробно указывались санкции, которые могли применяться в отношении дезертиров и их пособников. Устанавливалось, что в отношении лиц, которые самовольно оставили военную службу в виде побега или самовольной отлучки, уклонялись от службы, подстрекали, занимались пособничеством или укрывали дезертиров, могли налагаться такие санкции, как: передача в штрафные роты, полная или частичная конфискация имущества (строений, скота, земледельческих орудий), лишение земельного надела или его части навсегда или на определенный срок.

Дела о дезертирах, признанных злостными, подстрекателях, пособниках и укрывателях должны были передаваться после следственного производства губернскими комиссиями по борьбе с дезертирством в губернские революционные трибуналы. В Декрете были обозначены категории лиц, относящиеся к злостным. К ним относились: бежавшие из части во время боя, бежавшие из части после приказа об отправлении на фронт, оказавшие сопротивление при задержании, похитившие при побеге форменную одежду (казенное обмундирование), кроме носимого на себе, укравшие (унесшие) с собой оружие и снаряжение, дезертиры из числа лиц командного состава, перешедшие на сторону противника, дезертиры, объединившиеся в вооруженные банды, укрыватели, действующие организованной группировкой, изготовляющие и распространяющие фальшивые воинские документы, укрывающие дезертиров с корыстной целью, советские должностные лица, виновные в умышленном укрывательстве или пособничестве дезертирству [13. С. 184–185].

С целью проведения всех мер по борьбе с дезертирством в Тюменской губернии была организована Комиссия по борьбе с дезертирством, в обязанности которой входила организация и управление уездными комиссиями по борьбе с дезертирством, проведение массовых кампаний против злостных дезертиров, контроль учреждений с целью обнаружения случаев попустительства дезертирства и принятие мер к устранению недочетов, способствующих последним, проведение агитации против дезертирства через губернские органы, проведение в жизнь директив вышестоящих органов. Тюменская губернская комиссия функционировала при Тюменском губернском комиссариате по военным делам. Общее руководство комиссией, организация и управление уездными комиссиями, связь с

Окружной комиссией и другими учреждениями возлагались на председателя Губернской комиссии или его заместителя. На одного из членов Губернской комиссии возлагалось общее руководство судебно-следственной частью. Уполномоченные Губернской комиссии (как правило, не более двух человек) являлись непосредственными помощниками председателя Комиссии. Общее ведение дел Комиссии (делопроизводство) возлагалось на управление делами [14. Л. 163].

Как известно, в начале 1920-х гг. на территории Тюменской губернии, несмотря на установление советской власти после победы большевиков над армией А.В. Колчака, сохранялась нестабильная ситуация. В период военных действий против армии Колчака процент не явившихся по мобилизации в некоторых уездах достигал до 70% [Там же. Л. 10 об.]. Местные большевистские власти, после основных событий в ходе Гражданской войны, напуганные большими потерями Красной армии, а также проблемами, с которыми они столкнулись при мобилизации, стали издавать директивы под грифом «Секретно», нацеленные на борьбу с дезертирством и уклонением от службы в армии, для восстановления необходимой численности в вооруженных силах.

Летом 1920 г. была объявлена мобилизация лиц 1901 года рождения, в связи с этим 22 июня 1920 г. за № 3 Губернская комиссии по борьбе с дезертирством при Тюменском губернском комиссариате по военным делам издает приказ за № 3 под грифом «Секретно» для неуклонного исполнения и направляет его во все уезды. Данным документом декларировался порядок действий в период призыва. Так, вменялось вести агитацию и предписывалось, что уполномоченные комиссии по борьбе с дезертирством должны проверять на месте учетные данные, производить фактическую поверку населения, пользуясь информацией военных комиссаров и личными документами призывников. Должна была вестись поверка явившихся и поиск уклонившихся, осуществлялось наблюдение за правильностью доставки мобилизованных лиц на пункты сбора. После окончания призыва уполномоченные должны были остаться в волости для вылавливания дезертиров [14. Л. 91].

В документе также подчеркивалось, что особо злостных задержанных необходимо подвергать репрессиям, однако не уточнялось, каким именно. Также приказывалось проводить облавы по волостям. На всех крупных пунктах сбора вменялось проверять уходящие эшелоны мобилизованных. Ежедневно в комиссии по борьбе с дезертирством необходимо было представлять отчет по количеству подлежащих призыву, неявившихся по мобилизации, задержанных уклонистов от учета, задержанных от явки на призыв и бежавших со сборных пунктов, а также в пути следования и сколько из них было задержано, а кроме того, обо всех эшелонах, их пунктах назначения и количестве туда направленных мобилизованных лиц [Там же. Л. 91 об.].

Особо остро стояла проблема с дезертирством в эшелонах по маршрутам движения Окмолинск – Омск и Каркаринск – Павлодар. В связи с этим на данных проблемных участках, а также в пунктах назначения эшелонов, где предполагалось большое скопление мобилизованных, предписывалось проводить особо тщательную поверку. Приказывалось отправлять от уездных комиссий особо надежных уполномоченных на главные пункты прибытия эшелонов, дислоцированных в населенных пунктах: Омск (пристань, вокзал), Петропавловск, Татарск, Барнаул, Павлодар, Семипалатинск (пристань), Тара (пристань). Для особо тщательной проверки отправлялись уполномоченные-проверяющие от Тюменской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в Новониколаевск и Барабинск для проверки проходящих эшелонов [14. Л. 92].

20 октября 1920 г. заместитель председателя Губернской комиссии по борьбе с дезертирством при Тюменском губернском комиссариате по военным делам издал приказ № 15 под грифом «Секретно». В нем констатировалось, что мобилизация проходит неуспешно. Неявка на сборные пункты и уклонение мобилизуемых были достаточно высоки, что подтверждалось ежедневными донесениями с мест. В приказе подчеркивалось, что данная ситуация сложилась, в том числе, ввиду слабого принятия мер по предупреждению дезертирства. В связи с плачевной ситуацией по мобилизации и скорым окончанием призыва упомянутым распорядительным документом вменялось вооруженным силам «немедленно провести широкую кампанию облав по городу и деревням, выловить без исключения уклонившихся и широко применять репрессивные меры к дезертирам и укрывателям, заставлять заработать в этом направлении все волостные, сельские власти и милицию, подгоняя ленивых и привлекая к ответственности не оказывающих содействия, развить широкую агитацию за добровольную явку, совместно с Компартом, политпросветом и комячейкам на местах, т.е. другими словами поднять весь аппарат по борьбе с дезертирством на ноги с тем, чтобы в течение десяти дней по окончании мобилизации извлечь всех дезертиров» [14. Л. 127].

Предписывалось также извлечь из тыла весь «шкурнический» элемент, вносящий дезорганизацию, и возвратить в ряды армии, а также создать у всего населения такое впечатление о деятельности комиссий по борьбе с дезертирством, что от них нельзя уйти, скрыться и жить безнаказанно. Ставилась задача создать в глазах населения эффект убеждения, что дезертировать и скрываться невозможно, поскольку перед комиссиями по борьбе с дезертирством стоит цель полного очищения территории от дезертиров, в связи с чем приказывалось, чтобы в каждой оперсводке значилось не менее 4–5 облав. Заместитель председателя особо подчеркивал: «Раз и навсегда запомнить, что я зорко наблюдаю за работой Уездных Комиссий, заключавшейся в сводках, и за малейшее ослабление карательной и иной деятельности буду жестко наказывать вплоть до предания суду» [Там же].

2 февраля 1921 г. ВЦИК совместно с СНК издает Декрет «О борьбе с дезертирством», подписанный В.И. Лениным и М.И. Калининым. Данный документ ограничивал права губернских и уездных комиссий по борьбе с дезертирством, отменяя изданные ранее нормативные акты, в которых содержалась норма делегирования полномочий по вынесению приговоров. Теперь «устанавливался исключительно судебный порядок рассмотрения дел о дезертирах, их укрывателях, пособниках и попустителях». Все дела должны были передаваться либо в народные суды, либо революционные военные трибуналы фронтов, армий и округов. Более того, упразднялись отделения губернских революционных трибуналов по дезертирским делам [15. С. 106–107].

7 мая 1921 г. Губернская комиссия по борьбе с дезертирством издает директивное письмо № 81/сек. под грифом «Секретно-экстренно», которое в срочном порядке было направлено в уездные комиссии Тюмени, Тобольска, Ялуторовска, Ишима. В нем сообщалось о необходимости сохранения в достаточном количестве личного состава Красной армии для нанесения последнего удара по остаткам белогвардейских формирований. В документе особо обращалось внимание на следующее: «Наблюдается: во-первых, усиленное дезертирство из красноармейских частей с фронта и трудовых армий, во-вторых, развивающееся дезертирство из частей ВОХР, и караулчастей, особенно перед предстоящими перебросками частей, что совершенно недопустимо и что обуславливает первое и второе на местах, в некоторых уездах борьба с дезертирством не ведется достаточно организованно» [14. Л. 10].

Для неповторения некогда печально сложившейся ситуации в пик Гражданской войны Тюменская губернская комиссия по борьбе с дезертирством приказывала провести совещание из представителей уездвоенкома, уездчека, ВОХР, уездисполкома и уездкомпартии, на которых должны были обсуждаться вопросы о принятии экстренных мер – проведению борьбы с дезертирством из Красной армии и трудового фронта. На совещании предписывалось оценить партийные и боевые силы, когда можно их направить по своему уезду для проверки документов, агитации и обследования нужд семей красноармейцев. Уездным исполкомам и парткомам приказывалось оказать помощь семьям красноармейцев по засеву полей и выдаче денежных ссуд на поддержание хозяйств, а также создать условия, чтобы у каждого красноармейца, после его призыва хозяйство не пришло в упадок [Там же. Л. 10 об.].

К письму прилагался общий план борьбы с дезертирством при проведении мобилизации. Этим планом Губернская комиссия в первую очередь давала указания заняться подбором кадров на должности уполномоченных уездных комиссий. Каждый уполномоченный закреплялся к определенному району размером от одной до трех волостей. В распоряжение каждому уполномоченному давались вооруженные красноармейцы, а также агитаторы от парткома и писари. Согласно плану уполномоченные обязаны были проверять учетные данные, сверяя их с фактическим состоянием. При этом, принимая во внимание возможную неточность и неправильность учетных данных, уполномоченный обязан был собрать по возможности все сведения с гражданина, подлежащего призыву, пользуясь метрическими выписями, опросом населения и проверками по внешнему виду лиц, которые соответствовали возрасту призывников. Кроме того, должны были приниматься меры к оцеплению мест размещения их караулами и патрулями для предотвращения возможности дезертирства. На каждого неявившегося велся особый лист, в котором отмечался год розыска, наказания, наложенные на дезертира и его семью. При этом стоит отметить, что в документе значился пункт № 21: «Одновременно с сим Уездкомдезертир принимает меры к воздействию на дезертира и его семью путем применения репрессии в пределах прав, предоставленных Комдезертир» [14. Л. 35], что напрямую противоречило изданному в феврале 1921 г. Декрету ВЦИК и СНК «О борьбе с дезертирством», так как проведение каких-либо репрессий местным комиссиям было дозволено постановлениями № 573 и 594 от 13.12.1919, изданными Советом рабочей и крестьянской обороны, которые данным декретом отменялись, о чем свидетельствует пункт первый указанного документа.

В населенных пунктах, где остро стояла проблема с дезертирством, ответственность за пресечение дезертирства при мобилизации возлагалась на так называемые тройки. Тройки могли действовать через своих уполномоченных, принимая меры к пресечению дезертирства в соответствии с выработанной для них инструкцией, проводя операции, широкую агитацию и т.п. [Там же. Л. 35 об.]. В состав троек входили: представитель военизированной охраны, уполномоченный от Окружной комиссии по борьбе с дезертирством и представитель губревкома [16. Л. 60].

Таким образом, количество изданных нормативных директив как центральной властью, так и в Тюменской губернии подчеркивает остроту вопроса и обеспокоенность большевиков проблемой дезертирства в Красной армии, с которой власть пыталась бороться с помощью специально созданных органов – комиссий по борьбе с дезертирством. Из нормативных документов прослеживается политика «кнута и пряника». С одной стороны, дезертиры, уклонисты и помогающие им лица карались такими мерами, как конфискация имущества, лишение земельного надела, передача в штрафные роты; с другой стороны, для семей тех, кто был мобилизован в Красную армию, нормативно была закреплена определенная компенсационная социальная поддержка – выдача ссуд на поддержание хозяйства. При этом стоит отметить, что ни в одном из вышеупомянутых документов не значилась такая мера наказания за дезертирство или уклонение, как лишение свободы или расстрел, поскольку пойманные лица принудительно

мобилизовывались для прохождения службы, а строгие карательные меры привели бы Красную армию к потере численности военнослужащих. В то же время лишение свободы применялось к чиновникам, которые допускали халатность при учете лиц, подлежащих призыву. Губернским и уездным комиссиям по борьбе с дезертирством предоставлялись весьма широкие полномочия. Они должны были осуществлять контроль за ведением учета военнообязанных, осуществлять их поверки, выявлять уклонистов и дезертиров, осуществлять их поиски, контролировать процесс следования эшелона к месту дислокации, а с 1919 г. и вплоть до 1921 г. комиссии могли самостоятельно применять репрессивные меры к дезертирам, уклонистам и их пособникам. Местные директивные документы в Тюменской губернии издавались под грифом «Секретно». В таких документах более подробно прописывался и разъяснялся порядок действий комиссий и их уполномоченных лиц по борьбе с дезертирством. Однако нередко в них обозначалось минимальное число облав (не менее 4–5), которые должны были проводить комиссии по борьбе с дезертирством, что могло приводить как к подлогу оперсводок, так и формальному проведению облав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллонтай А.М. Не будь дезертиром. Киев: Всеукраинское издательство при Исполнительном Комитете Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1919.
2. Баторский М.А. Бандитизм и борьба с ним. Б.м: РИО при РВС Зап. фронта, 1921.
3. Козаков А. Общие причины возникновения дезертирства и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9.
4. Оликов С.П. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. Л. : Изд-во воен. типогр. Упр. делами НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР, 1926. 128 с.
5. Кукушкин В.Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919–1921 годах // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3. С. 189–202.
6. Кривошеев Г.Ф. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 94.
7. Долгова А.В. Тема дезертирства в годы гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии в первые годы советской власти // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 12. С. 46–49.
8. Долгова А.В. Причины дезертирства из армии в годы гражданской войны // Перспективы науки. 2011. № 3. (18) С. 49–54.
9. Левшин К.В. Деятельность Петроградской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. № 4. С. 82–87.
10. Левшин К.В. Дезертирство в Красной Армии в годы гражданской войны на Северо-Западе России, 1918–1921 гг. : дис. … канд. ист. наук. СПб., 2012. 300 с.
11. Левшин К.В. Агитация и пропаганда в борьбе с массовым дезертирством красноармейцев в годы Гражданской войны // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 158–176.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943, 886 с.
13. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943, 818 с.
14. Государственный архив в г. Ишиме. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 8.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944, 1198 с.
16. Российский государственный военный архив. Ф. 17590. Оп. 1. Д. 55.

Nikolay V. Kudryavtsev. Tyumen state university (Ishim, Russia). E-mail: nvkudryavtsev@mail.ru

TO THE QUESTION OF DESERTION AND DRAFT EVASION CONTROL IN RED ARMY IN THE TYUMEN PROVINCE AT THE END OF THE CIVIL WAR

Keywords: desertion; Red Army; the Tyumen province; the Civil war.

The research objective is to create a posteriori idea of the desertion and draft evasion control in Red Army in the Tyumen province at the very end of the Civil war. The complex of the enactments published in the Collection of legitimations and orders of the government as well as the directive acts of the Tyumen province regarding the questions of desertion and draft evasion control in Red Army kept in R-10 fund «Ishim district commissariat on military affairs of the Ishim Council of working, country and Red Army deputies of the Tyumen province» of the State Archive in Ishim of the Tyumen region is the basis for the given research.

The assessment of the activity of Red Army during the Civil war is one of the essential problems in modern historiography, and some authors' conclusions are highly plural and often contradictory. In these conditions, there is a need to turn to the sources on the history of Soviet Army again. During the Civil war, the desertion and draft evasion in Red Army were a significant problem. In this regard the documents that can answer the question how such problems of Red army as the desertion and draft evasion were solved are of great interest. The denotate of the given research is the system of punitive measures officially established by the bodies of the central power and, in particular, in the Tyumen province in relation to deserters and draft evaders in Red Army at the end of the Civil war. The main predicate of the research is the activity of the anti-desertion officers of the Tyumen provincial commission on desertion control.

As a result of the research the author came to the following conclusions. The main punitive measures in relation to deserters and draft evaders were: confiscation of property, deprivation of the hideland, transfer to penal companies. And from 1919 until 1921 these measures could be carried out by the provincial commissions on desertion control independently. Those who helped the deserters and draft evaders as well as the officials who allowed negligence at the accounting of people being subject to call were imprisoned. The routes of the echelons where the problem of desertion was the most acute were: Okmolinsk-Omsk and Karkarinsk-Pavlodar. The problem destination points of the echelons were: Omsk, Petropavlovsk, Tatarsk, Barnaul, Pavlodar, Semipalatinsk, Tara where it was supposed to send especially reliable anti-desertion officers for inspection to. The directive documents of the Tyumen provincial commission on desertion control designated the minimum number of battues that could lead to both the forgery of the reports and the formal actions connected with the deserters and draft evaders hunting. The Tyumen provincial and district commissions on desertion control had to control the accounting of reservists, carry out the checkings, reveal the deviators and draft evaders, hunt them, control the process of following the echelon to the place of dislocation.

REFERENCES

1. Kollontai, A.M. (1919) *Ne bud' dezertirom* [Do not be a deserter]. Kyiv: All-Ukrainian Publishing House under the Executive Committee of the Soviets of Workers', Peasants and Red Army Deputies.
2. Batorsky, M.A. (1921) *Banditizm i bor'ba s nim* [Banditry and the fight against it]. [s.l.]: RVS Zap. fronta.
3. Kozakov, A. (1921) Obshchie prichiny vozniknoveniya dezertirstva i krest'yanskikh vosstaniy [General causes of desertion and peasant uprisings]. *Krasnaya Armiya*. 9.
4. Olikov, S.P. (1926) *Dezertirstvo v Krasnoy armii i bor'ba s nim* [Desertion in the Red Army and the fight against it]. Leningrad: NARKOMVOENMOR i RVS SSSR.
5. Kukushkin, V.L. (2000) Armeyskoe i trudovoe dezertirstvo v srede vologodskogo krest'yanstva v 1919–1921 godakh [Army and labor desertion among the Vologda peasantry in 1919–1921]. *Vologda: Kraevedcheskiy al'manakh*. 3. pp. 189–202.
6. Krivosheev, G.F. (2001) O dezertirstve v Krasnoy Armii [On desertion in the Red Army]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 6. p. 94.
7. Dolgova, A.B. (2009) Tema dezertirstva v gody grazhdanskoy voyny v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii v pervye gody sovetskoy vlasti [Desertion during the civil war in Russian and foreign historiography in the early years of Soviet power]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12. pp. 46–49.
8. Dolgova, A.V. (2011) The Reasons for Desertion from the Army during the Civil War. *Perspektivy nauki – Science Prospects*. 3(18). pp. 49–54. (In Russian).
9. Levshin, K.V. (2011) The activity of Petrograd Provincial Commission on struggle against desertion in 1919–1921. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya – Vestnik of St. Petersburg University. History*. 4. pp. 82–87. (In Russian).
10. Levshin, K.V. (2012) *Dezertirstvo v Krasnoy Armii v gody grazhdanskoy voyny na Severo-Zapade Rossii, 1918–1921 gg.* [Desertion in the Red Army during the Civil War in the North-West of Russia, 1918–1921]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
11. Levshin, K.V. (2013) Agitatsiya i propaganda v bor'be s massovym dezertirstvom krasnoarmeytsev v gody Grazhdanskoy voyny [Agitation and propaganda in the fight against the mass desertion of the Red Army during the Civil War]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 14. pp. 158–176.
12. The Council of People's Commissars of the USSR. (1943a) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1919 g.* [Collection of laws and orders of the Government for 1919]. Moscow: [s.n.].
13. The Council of People's Commissars of the USSR. (1943b) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1920 g.* [Collection of laws and orders of the Government for 1920]. Moscow: [s.n.].
14. The State Archives in Ishim. Fund R-10. List 1. File 8.
15. The Council of People's Commissars of the USSR. (1944) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1921 g.* [Collection of laws and orders of the Government for 1921]. Moscow: [s.n.].
16. The Russian State Military Archive. Fund 17590. List 1. File 55.

УДК 94:070(571.122)"1987/1991"
DOI: 10.17223/19988613/59/6

Э.К. Мантикова, В.В. Шевцов

ПРОБЛЕМЫ СОЦКУЛЬТБЫТА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТРОИТЕЛЕЙ НИЖНЕВАРТОВСКОЙ ГРЭС В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ НА СТРАНИЦАХ ВЕДОМСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ «ОГНИ ВАХА» В 1987–1991 гг.

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Статья вводит в научный оборот историю газеты управления строительства Нижневартовской ГРЭС «Огни Ваха» – ее возникновение, материально-техническую базу, редакционный состав, круг корреспондентов и читателей, основное тематическое содержание. Малотиражное ведомственное издание, выходившее в период перестройки, освещало процесс возведения одного из последних крупнейших энергетических объектов в СССР, возникавшие в ходе его строительства производственные, управленческие, социальные и культурно-бытовые проблемы. Менявшаяся в стране и регионе общественно-политическая ситуация приводила к деидеологизации и либерализации издания, усилению критического отношения и недоверия к происходившим экономическим и политическим преобразованиям.

Ключевые слова: электроэнергетика СССР; Ханты-Мансийский автономный округ; Нижневартовская ГРЭС; перестройка; ведомственная печать; «Огни Ваха».

Возведение Нижневартовской ГРЭС мощностью 4800 МВт было одной из последних грандиозных энергетических строек СССР [1. Л. 21]. В сложнейших природно-климатических и социально-бытовых условиях Крайнего Севера энергостроители со всех регионов страны, с различным опытом работы, уровнем образования и квалификации возводили электростанцию и необходимую для ее функционирования инфраструктуру. Процесс возведения объектов электроэнергетики, имеющих важнейшее значение для социалистической экономики, получал широкое освещение в центральных советских периодических изданиях. Между тем, более полную и детализированную картину строительства конкретных электростанций возможно обнаружить в ведомственных периодических изданиях, которые были призваны выступать важным мобилизующим фактором деятельности трудовых коллективов, индикатором общественного мнения, связующим звеном между центральными и отраслевыми управленческими структурами. В условиях отдаленность строительных площадок от городских и культурных центров, бездорожья и перебоев в доставке почты такие издания выполняли важнейшую информационно-коммуникативную функцию, в том числе и в отношении вопросов местного практического характера. Инициатива создания ведомственных газет принадлежала местным партийно-хозяйственным руководителям.

С конца 1987 г. при Управлении строительства Нижневартовской ГРЭС начала выходит газета «Огни Ваха» (строительство велось в районе реки Вах, освещаемом огнями стройплощадок и возводимых объектов). Несмотря на сохранность всех ее номеров (чего нельзя сказать о других подобных изданиях), эта газета не привлекла особого внимания исследователей. Сведения о ней отсутствуют в краеведческих и юбилейных изданиях, посвященных Нижневратовску и истории электроэнергетики [2–4]. Между тем в ней освещался процесс выполнения производственных планов по возведению объектов энергетической инфраструктуры и гражданского назначения; описывались возникавшие в процессе строительства жилищные, бытовые, снабженческие и иные проблемы, предлагались пути их решения; публиковались списки распределения жилья и путевок в дошкольные образовательные учреждения; подвергались критике руководители среднего звена управления строительства и обслуживающих население организаций. В условиях гласности широко обсуждался курс действий правительства страны, а также публиковались избирательные программы кандидатов в депутаты различных уровней. Трижды газета занимала третьи призовые места в соревнованиях ведомственных газет Минэнерго СССР, награждалась Почетной грамотой Минэнерго СССР и ЦК отраслевого профкома [5. 1989. 4 янв. № 1].

Полный комплект газеты хранится в архиве Администрации Нижневартовского района [6]. В 2013 г. сотрудниками районной *Межпоселенческой библиотеки была проведена работа по оцифровке номеров «Огней Ваха»*, которые доступны читателем и исследователям при обращении к электронному ресурсу «Электронная библиотека» [7].

В августе 1986 г. вопрос об издании газеты был поручен Нижневартовским горкомом КПСС и Управлением строительства Нижневартовской ГРЭС Нине Николаевне Зинченко (1947–2014), имевшей большой опыт работы с ведомственной и областной периодикой, а с 1983 г. – в должности главного редактора городского радио.

Начальник управления строительства Нижневартовской ГРЭС В.В. Лигинченко и секретарь парторга-

низации А.С. Рожнов выделили для редакции небольшую комнату в детской библиотеке рабочего поселка Излучинск Нижневартовского района. В ней были стол и три лавки. В середине 1988 г. редакция переехала в более просторное помещение в здании Управления снабжения Нижневартовской ГРЭС в поселке Финском. Материальная база была расширена уже до трех столов со стульями, пишущей машинки и канцелярских принадлежностей [8].

Тюменская областная типография изготовила клише названия газеты и рубрик, а сама многотиражка в количестве 1 000 экземпляров печаталась в Нижневартовской городской типографии управления издательств, полиграфии и книжной торговли Тюменского облисполкома. Тираж соотносим с численностью рабочего коллектива Нижневартовской ГРЭС, который на 1 января 1986 г. составлял 2 144 человека [9. Л. 4], что позволяет говорить о широком охвате читательской аудитории. Газета выходила еженедельно, по четвергам, и распространялась бесплатно по подписке и путем раздачи на производстве.

Кроме Н.Н. Зинченко основными сотрудниками газеты были: В.И. Слюсаренко – художник-оформитель, Н.И. Гынгазов – фотограф, Л.В. Гельмер, Т.В. Бутина, Л.А. Копылова – корреспонденты. Постоянную рубрику «Рабкоровский пост сообщает» вел ветеран Великой Отечественной войны И.Я. Бондаренко. Содействие в наполнении первых номеров газеты было оказано З.И. Криволаповой – редактором газеты «Трибуна строителя» комсомольско-молодежного треста «Мегионгазстрой», председателем Нижневартовской городской журналистской организации и членом Союза журналистов России [10. С. 142–143]. Был задействован и административный ресурс – В.В. Лигинченко рекомендовал руководящим работникам Управления содействовать в сборе и подготовке материалов для газеты.

Композиционно-графическая модель издания была простой. В центре – название, напечатанное волнообразными буквами жирного шрифта, с волной внутри слова «Ваха». Слева от названия – схематичное изображение металлической конструкции с надписью «ГРЭС». Над названием издания светлым курсивом с подчеркиванием был набран обязательный для всех советских периодических изданий слоган – «Пролетарий всех стран, соединяйтесь!». Под названием в две строки указывался издатель – Орган партийного комитета, администрации, объединенного профкома и комитета ВЛКСМ управления строительства Нижневартовской ГРЭС. Справа от названия располагались календарные сведения (год издания, месяц, число, день недели, номер выпуска, дата основания газеты), оформленные в рамке из тонких прямых линеек в виде отрывного календарного листка. Номер состоял из двух страниц формата А3 (298×420 мм), на которых материал располагался в шесть колонок (от 80 до 105 строк в колонке), с достаточным «воздухом» между ними. Как правило, на каждой странице размещалась одна небольшая фотография. С целью отделения одного материала от другого и разделения подборок на одной странице номера применялись прямые тонкие линейки, а для отделения расположенных друг над другом газетных текстов – концовки или кончики, т.е. короткие тонкие линейки разной величины. Двойные линейки, из которых одна была с полужирным утолщением, отделяли статейные материалы от выходных данных на второй странице газеты. Особенностью «Огней Ваха» является отсутствие на второй странице колонтитула с указанием названия газеты, даты ее выхода, номера страницы и выпуска. Выходные сведения, помещаемые внизу последней страницы, содержали адрес и телефоны редакции, периодичность выхода газеты, название типографии, номер заказа, тираж. Они были оформлены боковиком, т.е. информация набрана в формате стандартных четырех колонок.

Первый номер газеты, вышедший 18 декабря 1987 г., накануне Дня энергетика, содержал поздравления от Нижневартовского городского комитета КПСС и коллег из других местных газет, «слово к читателю» о необходимости политического и нравственного воспитания энергостроителей, интервью с В.В. Лигиченко о перспективах строительства электростанции и объектов социально-культурного назначения. Уже в первом номере печатались критические материалы – о трудовом конфликте, письма читателей о проблемах культурного и бытового характера [5. 1987. № 1. 18 дек.]. Постоянными рубриками газеты стали: «Идет стройка», «Строится ГРЭС», «Продовольственная программа», «Пишу тебе, газета», «Острый сигнал», «В парткоме», «Отчет о командировке», «Навстречу выборам», «Юридическая консультация». Основными героями материалов выступали энергостроители всех уровней, а также их семьи, проживающие в поселках Излучинске, Финском, и, в меньшей степени, в Нижневартовске. За период 1987–1991 гг. вышло 172 номера «Огней Ваха», содержащих 1 700 статей и 250 фотографий (табл. 1). Газетные материалы возможно объединить в четыре тематических группы – «Экономика», «Культурно-бытовая и повседневная сфера», «Социальная сфера», «Общественно-политическая жизнь» (табл. 2). Последний номер вышел 3 июня 1997 г. по причине приостановки строительства Нижневартовской ГРЭС и смене учредителя Управления строительства.

Таблица 1

Количество выпусков и характер материалов газеты «Огни Ваха» в 1987–1991 гг.

Период	Количество		
	Номера	Статьи	Фотографии
С декабря 1987	2	11	1
1988	52	574	70
1989	49	477	75
1990	43	356	84
1991	26	282	20
Итого	172	1 700	250

Таблица 2

Тематика содержания статей газеты «Огни Ваха» в 1987–1991 гг.

Тематическая группа	Предметная направленность статьи	1987	1988	1989	1990	1991	Итого
Экономика	Строительство Нижневартовской ГРЭС	3	135	118	47	46	349
	Международное сотрудничество	–	2	2	–	1	5
	Объявления экономического характера	–	3	22	17	16	58
Культурно-бытовая и повседневная сфера	Культура поведения	–	15	23	7	17	62
	Образование и профессиональная подготовка работников	1	15	1	1	2	20
	Досуг и отдых	1	25	32	27	20	105
	Культура труда. Техника безопасности	–	7	14	13	8	42
	Проблемы организации культурно-бытовых условий		77	3	35	30	145
	Охрана природы	–	10	4	1	2	17
	Обратная связь с читателем	4	85	37	18	14	158
Социальная сфера	Межличностные отношения	1	55	61	35	16	168
	Правовая помощь	–	2	17	16	12	47
	Строительство и функционирование учреждений социального назначения	1	33	22	21	15	92
	Общественные организации и общественная работа	–	23	25	18	12	78
	Социальная поддержка	–	8	21	13	19	61
Общественно-политическая сфера	Обсуждение политических реформ	–	28	6	12	14	60
	Выборы в органы местного самоуправления	–	49	68	62	5	184
	Забастовка энергостроителей	–	2	1	–	–	3
Другое		–	–	–	13	33	46
Итого		11	574	477	356	282	1700

Основное направление тематической группы *Экономика* – информирование читателя о процессе строительства электростанции и объектов социально-культурного и бытового назначения, о ввозе продуктов и других необходимых товарах с «большой земли» и их ассортименте, критические публикации о качестве услуг в торговых точках и о возможностях отоваривания талонов на продукты питания. «Пытались купить картофель, овощи. Но и этого нет в магазинах. Вот и приходится на завтрак и ужин пить голый чай» [5. 1990. № 23. 21 июня]. В некоторых статьях прослеживается угрожающая мысль о замерзании поселков и возможности остаться без крыши над головой при замедлении темпов ввода жилья. В практическом отношении улучшить ситуацию со снабжением могли местные агропромышленные предприятия – животноводческий комплекс, карповое хозяйство [5. 1988. № 2. 18 янв.], тепличный овощеводческий комбинат [Там же. № 21. 8 мая]. Однако в условиях нестабильного продуктового снабжения и суровых климатических условий эти предприятия не могли удовлетворить возрастающие потребности населения и снизить социальную напряженность. Поэтому живой отклик среди работников нашла идея организации садово-огородного товарищества «Энергетик», на участках которого выращивались картофель, капуста, морковь, свекла и даже цветы. Электрические опоры приходили на огороды [5. 1989. № 14. 20 апр.], в аренду отдельным семьям предоставлялись строительные инструменты, была открыта продажа семян и проведены конкурсы «Урожай года» и «Чей участок лучше [Там же. № 35. 14 сент.]. Регулярно публиковались практические советы дачникам [Там же. № 31. 17 авг.], оптимистические статьи о перспективах садоводства на Крайнем Севере [Там же. № 17. 11 мая]. Введенные с 1988 г. коллективный подряд, кооперативы и малые предприятия, с одной стороны, воспринимались с некоторым оптимизмом («…будем получать повышенную заработную плату, все отныне зависит от нас самих» [5. 1988. № 1. 11 янв.]) и надеждой на более высокую эффективность, в сравнении с государственными предприятиями («…приходилось переделывать работу из-за несоответствия в чертежах проекта или лепить себячину из-за отсутствия нужных материалов [Там же. 1989. № 23. 22 июня]), с другой – внушали опасение («…несмотря на явные преимущества коллективного подряда, его внедрение в наших подразделениях идет очень медленно <…> при этом не устанавливаются даже план ввода объектов, плановые показатели, нет графиков производства работ, поставки материалов, нет расчета плановых затрат на производство работ» [Там же. 1988. № 13. 31 марта]).

В группе статьей, объединенных темой *Культурно-бытовая и повседневная сфера*, поднимались проблемы работы столовых, культуры поведения, нерадивого отношения к природе как со стороны предприятий, так и жителей рабочих поселков. Широко освещались победы участников спортивных соревнований по футболу, волейболу, настольному теннису и в конкурсах коллективов художественной самодеятельности. Обращают на себя внимание публикации биографий участников Великой Отечественной войны и информирование о патриотических мероприятиях, организуемых воинами-афганцами. Газеты принимала участия в создании благотворительного общества «Молодежь за милосердие» и оказывала содействие в организации помощи пенсионерам, тяжело больным, семьям воинов-афганцев, многодетным и неполным семьям, воспитанникам детских домов [5. 1989. № 4. 2 фев.; № 6. 16 фев.]. 100 тысяч рублей нижневартовские энергостроители собрали для пострадавших в результате зем-

летрясения в Армении [5. 1988. № 50. 15 дек.]. Между тем высказывались и отрицательные мнения в отношении благотворительности: «Я десять лет работаю и все десять лет добровольно-принудительно отдаю деньги во все фонды. А не дашь, будут смотреть как на врага народа. <…> Деньги забирают, а отчитываться забывают. Но я вижу, что жизнь вокруг меня не меняется в лучшую сторону. Поэтому уж простите, не верю я в ваш фонд» [5. 1990. № 36. 4 окт.].

В рамках развернутой в стране антиалкогольной кампании в газете сообщалось о рейдах правоохранительных органов, нарушениях режима реализации винно-водочной продукции, пресечении ее спекулятивной продажи [Там же. № 35. 19 апр.], обнародовались фамилии рабочих, оказавшихся в нижневартовском медвытрезвителе (однако таких публикаций было немного). Нездоровый образ жизни порицался как с начальственной стороны, так и в письмах женской аудитории. Хотя и мужчины парировали: «Женщин тоже нельзя назвать ангелами. Если зачастую новая знакомая старается ни в чем не уступить мужчине: пьет, курит, вульгарщина с нее льется через край, так какая же с нее будет жена, а тем более мать?» [5. 1988. № 35. 1 сент.]. Освещалась работа Комиссии по борьбе с пьянством, решения которой, однако, носили лишь рекомендательный характер: ходатайство перед участковым о направлении на принудительное лечение, организация дежурства в общежитии, оборудованиеь комнаты отдыха и т.д. [Там же. № 22. 2 июня].

В тематической группе *Социальная сфера* реализовывалась коммуникативные и организационные функции «Огней Ваха». Вопросы, адресованные редакции решались с привлечением квалифицированных специалистов. Так, например, на множество вопросов о юридической защите работников в условиях Крайнего Севера при их увольнении подробные ответы давал начальник юридического отдела Управления строительства Нижневартовской ГРЭС А. Бартенева [5. 1989. № 31. 17 авг.; № 48. 21 дек.]. На станицах газеты печатались обращения школ о помощи в ремонте и об участии в различных школьных мероприятиях. В феврале 1988 г. «Огни Ваха» принимали участие в организации анкетирования энергостроителей с целью улучшения работы профсоюзных организаций по таким вопросам, как «Как идет перестройка работы профкома Вашего подразделения и объединенного комитета профсоюзов управления строительства?», «Насколько активно участвуют профкомы в разработке планов экономического и социального развития?», «Как Вы относитесь к выборам профсоюзного лидера на конкурсной основе?», «Как Вас информируют профкомы о своей работе?», «Ваши предложения по организации отдыха энергостроителей?», «Что необходимо сделать для улучшения работы профкомов?» [5. 1988. № 5. 8 февр.]. К сожалению, итоги этого анкетирования не были обнародованы.

На основании писем в редакцию о проблемах семьи и межличностных отношений возможно утверждать, что действительный социальный портрет строителя Нижневартовской ГРЭС, во всяком случае в нерабочее время, существенно отличался от официального образа сильного и волевого героя-труженика. Женатый мужчина в свободное время от работы поглощен решением материально-бытовых проблем – «выбиванием» жилья и поиском возможностей его обустройства, получением очереди в детский сад, налаживанием работы радио и телевидения, строительством дачного домика и выращиванием сельскохозяйственных культур. В оставшееся время он, уставший, без сил, лежит на диване. Его не видит семья, а дети «отца считают гостем» [5. 1988. № 2. 18 янв.].

Холостой мужчина как потенциальный супруг для приезжих молодых женщин выглядит неприглядно – нетрезвый, неопрятный, невежественный и невежливый. Между тем он высокого мнения о себе и выдвигает высокие требования к будущей жене – скромная, милая, добрая, с улыбкой и прической, на каблуках, чтобы «была верной женой, хорошей хозяйкой, мудрой матерью» [Там же. 1990. № 39. 25 окт.], умела «заглядывала в душу мужчины» [Там же. 1988. № 35. 1 сент.] Однако среди тех женщин, которых мужчины видят на строительных площадках, таких, по их мнению, нет – они работают наравне за мужчинами [Там же. 1990. № 21. 1 июня], их «одежда пропахла дымом» [Там же. 1988. № 46. 17 нояб.] и, как отмечают мужчины, зачастую выглядят также. «Женщины стали походить на нас, мужчин. Спорят о политике так, что как будто уже 30-ю государствами управляли, а теперь в последний раз власть им доверили… Крик, шум, перебранка. Гляжу на них и думаю, а где наши кроткие, мудрые, терпеливые женщины» [Там же. 1990. № 21. 1 июня]. И сами же мужчины давали по этому поводу ответ: «Мужчины не обращают внимания на слабый пол: применяют силовые приемы, чтобы прорваться [в автобус] первыми» [Там же. 1988. № 30. 28 июля].

Незамужняя женская аудитория в письмах в редакцию чистосердечно признавалась, что их переезд на Север был связан с единственным желанием – «встретить тут единственного и неповторимого, создать с ним дружную семью» [5. 1988. № 34. 25 авг.]. Но не у всех это получалось, поэтому они прямо спрашивали: «Где вы, такие парни? Отзовитесь, я хочу любить!» или «Где встретить мужа?» [Там же]. Эта категория читательниц тщательно производила отбор кандидатов и тем из них, у кого «на уме: как бы побыстрее и полегче обмануть девчонку» и не хотели создавать семью, сразу давала отставку. Именно в рождении и воспитании ребенка читательницы газеты видели предназначение женщины [Там же. 1989. № 13. 13 апр.]. Замужние женщины также высказывалась по поводу гендерных отношений: «Семья держится на женщине, и поэтому, когда мне трудно, и кажется уже невмоготу, и в душе нарастает раздражение, я достаю пакет с письмами и читаю то, что 10–14 лет назад писал мне муж. И в мою душу, а значит и в семью, приходит умиротворенность и спо-

койствие» [5. 1989. № 2. 11 янв.]. Письма разведенных женщин содержат сожаление не столько о потере мужа, сколько отца для ребенка: «…за наши ошибки, неумение понять друг друга, за наши не сдвоенные судьбы расплачиваются дети. Теперь у нас нет папы. Он счастлив, создал новую семью» [Там же. 1990. № 14. 5 апр.]. Лишь в одном письме женщина преклонного возраста в качестве причины распада семьи называет не отношения между супругами, а государство: «Слишком оно заинтересовано было в послушных работниках – мужчинах и женщинах. А таковыми могут быть те, кто безволен и ленив душой. Культура низкая, потребности низкие, удовлетворить их просто. Не надо для этого никаких средств, кроме изготовления водки» [Там же. № 39. 25 окт.].

Одинокие молодые мужчины и подростки привлекали внимание правоохранительных органов: «…оказалось, что общественные организации вместе с комсомолом, занимались своими делами, выпустили из виду несовершеннолетних. Только поэтому милиция задерживает их в нетрезвом состоянии, а оперативно-комсомольский отряд вытаскивает подростков из подвалов…» [Там же. 1988. № 4. 1 февр.]. Возможность решения проблемы асоциального поведения молодежи член комитета комсомола Управления строительства и одновременно режиссер театральной студии И. Станчикене видела в организации молодежного театра. Однако для его создания необходимо было найти помещение и техническое оснащение, а также постоянное финансирование [Там же. № 4. 1 февр.]. Проблема отдыха и досуга жителей поселка Излучинска и как результат – ее нерешенностью сказывались на общественном мнении об эффективности работы местных правоохранительных органов [Там же. 1990. № 29. 2 авг.]. Данная тема перекликается с проблемой травматизма на производстве и соблюдения техники безопасности. Наглядным доказательством важности следования этой технике были публикации в рубрике «Некролог».

В условиях развертывания политики перестройки и ее кризиса не была обойдена вниманием в ведомственной малотиражке и *общественно-политическая жизнь*. Освещался избранный партией курс на демократизацию общества и возникающие в ходе его реализации проблемы [5. 1988. № 26. 30 июня], сообщалось о выборе народных депутатов на всех уровнях советской власти [Там же. 1990. № 10. 8 марта], приводились разъяснения об изменениях в избирательной системе [Там же. № 9. 1 марта], печатались биографии и программы кандидатов в депутаты [Там же. № 11. 15 марта]. В этих программных заявлениях содержались пункты о решении продовольственной и жилищной программ, улучшении положения коренных народов округа, защите окружающей среды, выполнении социальных гарантий всем слоям населения региона. Новая избирательная система проблематизировала вопрос о разграничении полномочий между Тюменским областным советом и Ханты-Мансийским окружным советом. Призывы с мест отражали романтизм эпохи перестройки в отношении возможностей и путей реформирования системы управления государством. Так, в программе одного из кандидатов в депутаты РСФСР по Ханты-Мансийскому национальному округу «Округ – не окраина России, а Россия – не колония Союза» высказывались требования о том, что «надо резко сократить государственный сектор экономики и тем самым лишить бюрократию у власти экономической основы» [5. 1990. № 11. 15 марта]. Начавшаяся в августе 1988 г. забастовка рабочих «Энергоспецмонтажа» получила освещение в материале «Размышление над фактом». Монтажники два с половиной дня не приступали к работе и требовали собрания и отчета совета трудового коллектива, распределения коэффициента трудового участия, обеспечения «фронтом работ» и решения других накопившихся производственных и психологических проблем. «Огни Вахи» заняли позицию руководства, упрекая рабочих, словами прокурора Нижневартовского района, в «юридической дремучести» при выборе данной формы протеста. Ущерб, нанесенный производству, составил 34 805 р. [Там же. 1988. № 37. 22 сент.]. Однако, несмотря на то, что на заседании парткома были «осуждены зачинщики этих неправомерных действий», руководство «Энергоспецмонтажа» и партийное бюро приняло во внимание требования забастовщиков и провели отчетно-выборное собрание, ставшее «поворотным моментом в жизни коллектива» [Там же. № 40. 13 окт.].

Изменение общественно-политического облика газеты, вслед за происходившими в стране переменами, позволяет выделить два этапа в развитии «Огней Ваха». Первый этап (конец 1987–1989 гг.) характеризуется стремлением оптимистично осмысливать происходившие события и имеющиеся проблемы с точки зрения развертывания в стране политики гласности и ускорения социально-экономического развития. Так, статьи о ходе строительства Нижневартовской ГРЭС и объектов социального назначения отличались эмоциональной насыщенностью, привычными для советской журналистики энтузиазмом и воодушевлением рабочих масс, поддержкой нового курса партии и правительства на перестройку. В относительно нейтральном ключе сообщалось о проблемах региона: суровых природно-климатических условиях для работы и постоянного проживания, зависимости от привозных продуктов питания и товаров широкого потребления, отсутствии благоустроенного жилья и объектов соцкультбыта. Хотя факт невыполнения плановых показателей строительства Нижневартовской ГРЭС и объектов социального назначения по причине нарушения плана материально-технического обеспечения стройки признавался открыто [Там же. № 26. 30 июня]. Под действенным методом разрешения возникающих проблем понималось обращение в «центр» – в Тюмень, к начальнику главного управления торговли Тюменского облисполкома [Там же. 1989. № 29. 3 авг.] или в Москву, к министру энергетики и электрификации СССР [Там же. 1988. № 47. 24 нояб.;

№ 48. 1 дек.]. Значимым и достижимым стимулом для тех, кто «останется верным стройке» и выдержит все трудности, было обещание получить квартиру в возводимых домах [5. 1989. № 32. 24 авг.; № 39. 12 окт.]. С середины 1989 г. появляются материалы, подчеркивавшие «переломность» момента в настроениях рабочих: «На промпрощадке нет ни одного объекта, который не бил бы током», «Живу в бараке», «Люди едут на работу стоя», «Люди по два часа теряют на обеде», «Сдали 22 дом в Излучинске. Вода течет, подъезда к дому нет, люки открыты. Кто принимал этот дом?», «Если днем, случись что и понадобится экстренная помощь, там некуда обратиться, а ночью?», «Посмотрите, что творится возле складов Излучинского ОРСа. Там дежурят машины с разных областей и товары туда “уплывают”. А на наших прилавках пустота», «Поселок Финский – пороховая бочка и семейным там небезопасно жить» и т.д. [Там же. № 41. 2 нояб.]. Партком Управления строительством на основании данных сигналов с мест направил в ноябре 1989 г. телеграмму на сессию Верховного совета СССР [Там же. № 41. 2 нояб.].

Второй период выхода «Огней Ваха» (1990-е – середина 1991 г.) отмечен усилением критических настроений как со стороны редакции газеты, так и со стороны читателей. Резко возросло количество статей как в отношении проблем в электроэнергетической отрасли в целом и структур управления ею, так и о необходимости проведения серьезных экономических и демократических преобразованиях в стране. Открытой критике стала подвергаться основная руководящая и направляющая сила советского общества: «До чего же довела государственная и общественная система разнообразных кормушек за счет трудового народа! И эту систему бесконечных льгот и дотаций, надбавок и фондов создала, по сути, Коммунистическая партия во главе с ЦК, которая ведь почти безраздельно руководила всеми нами <…> на протяжении этих многих десятков лет Советской власти» [5. 1990. № 5. 1 февр.]. Под влиянием кризиса доверия к власти начался выход народных депутатов городского совета и рядовых рабочих из партии [Там же. № 30. 9 авг.]. К публикации стала допускаться и сатира от читателей – Излучай Грэсович развязно разъяснял: «Зачем семье из 4-х человек, живущей на 9 кв. м. мебель? Ну, купит он ее, начнет голову ломать, куда ее поставить или кому в аренду сдать. А если пристроит ее в гараже или у друга в квартире, покой потеряет: как она там, родимая, дефицитная в гараже стоит, не мокнет?» [Там же. № 40. 1 нояб.]. В условиях падения авторитета таких традиционных структур коммуникации власти и общества как партком и профсоюз, их место занимали новые «авторитеты» – гороскоп друидов (в котором проводилась «связь человеческих характеров с деревьями») [Там же. № 39. 25 окт.], мнение экстрасенса-целителя А.В. Чумака о необходимости отбросить условности и амбиции человеческого мира ради обретения собственного «я» [5. 1989. № 49. 28 дек.], совет главного врача медсанчасти о том, что всем «кто не хочет болеть, надо стараться быть добрее, жить размеренно и отдыхать спокойно» [Там же. № 22. 15 июня] и тому подобные примеры «снятия» возрастающей социальной напряженности.

Итак, ведомственная газета «Огни Ваха» освещала успехи и проблемы при возведении одной из последних крупнейших тепловых электростанций СССР – Нижневартовской ГРЭС. Газетные статьи позволяют детализировать и разнообразить представления об истории отечественной электроэнергетики и развитии малотиражной региональной печати. Особую ценность представляют материалы (письма, обращения), исходившие от непрофессиональных авторов – самих энергостроителей, как дошедший до нашего времени голос сложной и противоречивой эпохи перемен. На всем протяжении существования газеты ее рубрики и тематика оставались стабильными, однако строительство протекало в сложных и быстро меняющихся общественно-политических и экономических условиях, что изменяло смысловое направлений рубрик и находило отражение в тематике публикуемых материалов (алармизм и пессимизм которых усилился в период кризиса перестройки). Государственный контроль за средствами массовой печати в СССР постепенно ослабевал. Если первоначально влияние Тюменского обкома КПСС и Управления строительством на содержание и направление «Огней Ваха» было существенным, то в связи с кардинальными изменениями политической ситуации оно стало уменьшаться, а в последние годы выхода газеты и вовсе сошло на нет. В таких тематических группах, как «Социальная сфера» и «Культурно-бытовая и повседневная сфера», в отличие от групп «Экономика» и «Общественно-политическая сфера», определенный идеологический вектор воздействия на читателя был изначально слабо выражен. Газета, вместо традиционных описаний реальности и ее конструирования, по преимуществу с положительных сторон, становилась официальным и легальным каналом общественной критики и обсуждения ранее «неудобных» вопросов, площадкой для обеспечения читателя различными видами утилитарной информации, имевшей практическое применение в повседневной и личной жизни. Осознание редакцией и нарастающих противоречий проводимых реформ и ухудшения экономического положения как в стране, так и на строительной площадке и в рабочих поселках, не могло не привести к фактической деидеологизацией и либерализации газеты с целью сохранения доверия к ней со стороны читательской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив экономики. Ф. 7964. Оп. 16. Д. 1372.
2. История Нижневартовского района / Л.В. Алексеева, Я.Г. Солодкин, В.В. Цысь и др.; под общ. ред. Л.В. Алексеевой. Екатеринбург : БАСКО, 2013. 320 с.

3. Алексеева Л.В., Сапожникова Н.В., Цысь В.В. Нижневартовск как становятся городами. Нижневартовск ; Омск : Омскбланкиздат, 2017. 300 с.
4. Присягнув на верность энергетике. Нижневартовск : Нефтянник, 2008. 94 с.
5. Огни Ваха. Орган партийного комитета, администрации, объединенного профкома и комитета ВЛКСМ управления строительства Нижневартовской ГРЭС.
6. Архивный отдел Администрации Нижневартовского района (АОАНР). Ф. 57. Оп. 1. Коллекция документов личного происхождения. Зинченко Н.Н.
7. МАУ «Межпоселенческая библиотека» Нижневартовского района. URL: http://ocr.miku-bs.ru:7788/%D0%9E%D0%93%D0%9D%D0%98%20%D0%92%D0%90%D0%A5%D0%90%201987-1997%20%D0%B3%D0%B3/ (дата обращения: 12.02.2019).
8. Страбыкин А. Газеты, как люди – у каждой свой характер. URL: http://novpriob.ru/articles/media/2014/12/13/gazetyi-kak-lyudi-u-kazhdoj-svoj-harakter/ (дата обращения: 12.02.2019).
9. АОАНР. Ф. 65. Оп. 1. Д. 70а.
10. Женские истории. Нижневартовск. Нижневартовск : Самотлормедиа, 2011. 319 с.

Elmira K. Mantikova. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dimdimvyachisty@yandex.ru
Vyacheslav V. Shevtsov. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: totleben@yandex.ru

SOCIAL AND CULTURAL PROBLEMS AND EVERYDAY LIFE OF THE BUILDERS OF THE NIZHNEVARTOVSK GRES DURING THE PERIOD OF PERESTROIKA ON THE PAGES OF THE DEPARTMENTAL NEWSPAPER "OGNI VAKHA" IN 1987–1991

Keywords: electric power industry of the USSR; the Khanty-Mansi Autonomous Area; Nizhnevartovsk hydroelectric power plant (GRES); reorganization; periodical press; newspaper "Ogni Vakha".

The article is devoted to the appearing of the newspaper "Ogni Vakha", issued by the engineering office of the Nizhnevartovskaya GRES and reviews its material and technical base, editorial staff, authors, correspondents and readers, the main thematic content at the end of 1987–1991. The construction was conducted in the area of the Vakh river, lit by the lamps of the building sites. The low-circulation newspapers of the energy department did not become the object of special research due to their insufficient preservation. In this regard, "Ogni Vakha" is a unique publication, because its complete set is stored in the archive of the administration of the Nizhnevartovsk district of the Khanty-Mansi Autonomous Area and available in electronic form. The newspaper was printed in the amount of 1000 copies, came out weekly and was distributed free of charge by subscription and by distribution in the workplace. 172 issues containing 1700 articles and 250 photos were published during the period 1987-1991.

"Ogni Vakha" covered the construction process of the Nizhnevartovsk hydroelectric power plant, which was one of the last major energy facilities in the USSR. It also covered management, social, cultural and domestic problems which emerged during the construction. Of particular value are the materials (letters, appeals) coming from non-professional authors – the builders themselves, as the voice of a complex and contradictory era of change that has come down to our time. Throughout the existence of the newspaper, its rubrics and topics remained unchanged, but the construction of the plant was conducted in difficult and rapidly changing socio-political and economic conditions, which changed the meaning of rubrics and were reflected in the topics of published materials. The alarmism and pessimism of articles intensified during the crisis of Perestroika.

The changes in the socio-political image of the newspaper, following the changes in the country, make it possible to single out two stages in the development of "Ogni Vakha". The first stage (the end of 1987–1989) is characterized by a desire to optimistically comprehend the events taking place and the existing problems from the point of view of a policy of publicity and acceleration of socio-economic development. The second period of the publication of "Ogni Vakha" (1990 - mid 1991) was marked by an increasing criticism, both from the editorial board of the newspaper and from the readers. The number of articles had risen sharply, relating to problems in the electric power industry in general and its management structures, as well as concerning the need for serious economic and democratic transformations in the country.

REFERENCES

1. The Russian State Archive of Economics. Fund 7964. List 16. File 1372.
2. Alekseeva, L.V., Solodkin, Ya.G., Tsys, V.V. et al. (2013) *Istoriya Nizhnevartovskogo rayona* [History of Nizhnevartovsk District]. Ekaterinburg: BASKO.
3. Alekseeva, L.V., Sapozhnikova, N.V. & Tsys, V.V. (2017) *Nizhnevartovsk: kak stanovyatsya gorodami* [Nizhnevartovsk: On becoming a city]. Nizhnevartovsk; Omsk: OOO Omskblankizdat.
4. Zinchenko, N.N. (2008) *Prisyagnuv na vernost' energetike* [Sworn allegiance to energetics]. Nizhnevartovsk: Neftyannik.
5. *Ogni Vakha. Organ partiynogo komiteta, administratsii, ob"edinennogo profkoma i komiteta VLKSM upravleniya stroitel'stva Nizhnevartovskoy GRES* [Ogni Vakha. The press organ of the party committee, the administration, the joint trade union committee and the Komsomol committee of the construction management of the Nizhnevartovskaya TPP].
6. The Archive Department of the Administration of Nizhnevartovsk District (AOANR). Fund 57. List 1.
7. *The Intersettlement Library of Nizhnevartovsk District*. (n.d.) [Online] Available from: http://ocr.miku-bs.ru:7788/%D0%9E%D0%93%D0%9D%D0%98%20%D0%92%D0%90%D0%A5%D0%90%201987-1997%20%D0%B3%D0%B3/. (Accessed: 12th February 2019).
8. Strabykin, A. (2014) *Gazety, kak lyudi – u kazhdoy svoy kharakter* [Newspapers like people: each has its own character]. [Online] Available from: http://novpriob.ru/articles/media/2014/12/13/gazetyi-kak-lyudi-u-kazhdoj-svoj-harakter/. (Accessed: 12th February 2019).
9. The Archive Department of the Administration of Nizhnevartovsk District (AOANR). Fund 65. List 1. File 70a.
10. Anon. (2011) *Zhenskie istorii. Nizhnevartovsk* [Women's stories. Nizhnevartovsk]. Nizhnevartovsk: Samotlormedia.

УДК 654.1
DOI: 10.17223/19988613/59/7

В.В. Миркин

СРЕДСТВА СВЯЗИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ В СССР (1970-е – НАЧАЛО 1980-х гг.)

Статья подготовлена при поддержке Германской службы академических обменов (DAAD) в рамках стипендиальной программы Forschungsaufenthalte für Hochschullehrer und Wissenschaftler, 2016.

Рассматриваются проблемы перлюстрации почтово-телеграфной корреспонденции, прослушивания телефонных переговоров в 1970-е гг. как инструмента политической цензуры и борьбы с инакомыслящими, диссидентским движением в СССР. Несмотря на то что Советское государство декларировало защиту личной жизни своих граждан, тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, на практике органы государственной безопасности использовали средства связи для негласной слежки за гражданами, имевшими контакты с «внешним миром». При этом контролировалась и зачастую блокировалась не только международная, но и «подозрительная» внутренняя почтово-телеграфная переписка, а также телефонные переговоры.
Ключевые слова: почта; телеграф; телефонная связь; перлюстрация корреспонденции; диссидентское движение.

Проблема перлюстрации корреспонденции, несмотря на актуальность, не пользуется популярностью у отечественных историков и до сих пор не получила отражения в научной публицистике. Информация об использовании средств связи в целях слежки за советскими гражданами и борьбы с инакомыслящими крайне скудна. Это объясняется тем, что документальные материалы по данной тематике до сих пор засекречены и хранятся в ведомственных архивах ФСБ, доступ к ним ограничен. Отдельные сведения по теме можно найти в публикациях Т.М. Горяевой, В.С. Измозика, А.И. Пожарова и некоторых других [1–3 и др.]. Представление о том, как именно использовалась связь для цензуры информации в СССР, дают также и зарубежные источники. К ним относятся, в том числе, воспоминания бежавших из страны офицеров государственной безопасности [4]. В перечисленных работах можно найти информацию о контроле и перлюстрации почтово-телеграфных отправлений, однако при этом почти не рассматривается проблема прослушивания телефонной связи в советский период.

Жорес Медведев в своей работе «Тайна переписки охраняется законом» пришел к выводу, что советская цензура читала *всю* международную корреспонденцию. Вместе с тем, по его мнению, *практика изъятия* не одобряемой государством корреспонденции (писем, бандеролей, посылок) *является изобретением советской власти*. Мнение Ж. Медведева о всеобъемлющем политическом контроле в сфере почтовой связи разделяет также и специалист по истории пенитенциарного права, доктор юридических наук Александр Сергеевич Смыкалин, посвятивший отдельную монографию проблеме перлюстрации почтовой корреспонденции в истории России [5]. Если в царской России подобного рода негласная деятельность носила выборочный характер, то в советский период она стремилась к полному охвату всего общества. При этом важным для проверяющих органов являлось не собственно содержание задерживаемых отправлений, а субъекты информационного обмена – отправитель и / или адресат. К началу 1980-х гг. подобный дискриминационный подход советской связи к доставке международной корреспонденции стал принимать официальный характер.

В условиях закрытых границ и полного отсутствия возможности свободного выезда в другие страны мира использование почтово-телеграфной и телефонной связи в контактах с «внешним миром» приобретало в Советском Союзе исключительно важное значение. Однако свободный обмен информацией с зарубежьем, несмотря на долгое формальное отсутствие каких-либо гласных административных барьеров, на практике был невозможен в точности, как и физическое перемещение за пределы страны.

Формирование органов контроля за внутренним и внешним информационным обменом началось в первые годы советской власти и было связано с деятельностью ВЧК. К началу войны по положению о Главном военном цензоре при СНК СССР цензура осуществляла две функции: охрану государственных (военных, экономических и политических) тайн и политико-идеоло-гический контроль, а *также контроль внешней и внутренней почтовой и телеграфной переписки*. В 1955 г. распоряжением Совета министров СССР № 805-484сс от 26 апреля 1955 г. был организован 6-й спецотдел, занимавшийся перлюстрацией телеграфной и почтовой корреспонденции на протяжении всего послевоенного периода [1. С. 315].

В 1965 г. Коллегия КГБ СССР обсудила состояние дел с перлюстрацией корреспонденции (ПК), в результате чего был подготовлен единый план службы ПК (операция «Алмаз»), согласно которому основное внимание уделялось потоку *исходящей международной корреспонденции*. 28 ноября 1967 г. вступила в силу

«Инструкция по негласному контролю почтово-телеграфных отправлений органами Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР» [5. С. 217].

Цензуре подвергалась не только международная, но и внутренняя почтово-телеграфная корреспонденция. Однако если перлюстрация «домашних» писем осуществлялась выборочно, в соответствии со списками имен, фамилий и адресов определенных лиц, а также характера почерка (в случае использования анонимного имени), то для международных отправлений выборки не существовало. Все без исключения лица, участвовавшие в международной переписке, стояли на учете; каждое международное отправление просматривалось. Личные письма, в противовес открыткам, обычно задерживались. Среди журналов и книг пропускались, как правило, издания научного, идеологически нейтрального содержания. Например, работа о проблеме разоружения, отправленная Юрию Орлову в 1975 г. директором Американской федерации ученых Джереми Стоуном, бесследно пропала; при этом отправленный им же словарь благополучно доставили адресату. Терялись по пути из-за границы и вполне безобидные печатные издания, пользующиеся, однако, большим спросом на «стерильном» литературном рынке СССР: журнал «National Geographic», исторические романы о викингах и пр. [6. С. 5].

Примеры бесследного исчезновения международных отправлений в 1970-е гг. многочисленны. Так, в 1975 г. во время 22-дневной голодовки Владимира Слепака в Москве из посланных на его имя четырех тысяч телеграмм адресат получил лишь одну. Ни одной из многочисленных международных телеграмм ко дню рождения 27 апреля 1976 г. не получила Ида Нудель. Разумеется, задерживалась и нежелательная корреспонденция, отправленная из Советского Союза. Как показывали эксперименты, проводившиеся диссидентами по отправке своих писем из других населенных пунктов и другими людьми, зачастую речь шла о блокировании международной корреспонденции определенных лиц, проживавших по определенным адресам, в независимости от содержания отправлений.

Примечательно, что даже в таком вполне очевидном требовании, как право получения компенсации за недоставленные адресатам заказные письма с уведомлением о вручении, советским диссидентам обычно отказывали. А официальный розыск пропавших отправлений и переписка с ответственными ведомствами могли при этом продолжаться годами.

Показательным в этом отношении является грузинское «почтовое дело» 1977 г. На протяжении 1972–1977 гг. тбилисский почтамт изымал всю международную корреспонденцию, отправляемую или адресованную братьям Гольдштейнам и Елизавете Быковой. При этом сам факт изъятия (а не пропажи) отправлений подтверждался демонстрацией некоторых из этих писем во время допросов в следственном изоляторе КГБ Грузии. Выдержки из заявлений и жалоб потерпевших в судебные инстанции и прокуратуры различных уровней, а в особенности ответы из этих учреждений наглядно демонстрировали не столько нарушение «советской законности» и циничный бюрократизм, сколько непрофессионализм и юридическую безграмотность судебных и исполнительных органов. Так, например, Коллегия по гражданским делам Верховного суда ГССР, оправдывая отказ в выплате возмещения за пропавшую корреспонденцию, ссылалась на информацию, размещенную на оборотной стороне почтовой квитанции, гласившую, что «в соответствии с Уставом связи СССР почта отвечает за принятое отправление только в течение 6 месяцев после сдачи отправления...». И поскольку иск был якобы предъявлен с нарушением данного срока, а также на основании того, что «невозможно установить, потерялись или нет отправления, и по чьей вине...» [7. С. 2–3], то истцам следует отказать.

Однако судебные органы совершенно игнорировали (или попросту не знали) тот факт, что размещенная на оборотной стороне почтовой квитанции информация относилась к срокам подачи рекламации, а не исков о пропаже. Согласно действовавшим в СССР почтовым правилам тот факт, что почта в течение шести месяцев после подачи рекламации не сообщала о доставке письма адресату и не выплачивала возмещения, являлся основанием для подачи отправителем иска в суд [8. Ст. 103–106, 214–215], что и было сделано истцами в установленные законом сроки. К тому же, в соответствии с теми же почтовыми правилами, за международные заказные письма ведомство несло ответственность в течение года, а не шести месяцев.

Последовавшие за судебными решениями ответы прокурорских работников по юридической некомпетентности и абсурдности даже превзошли отписки из Верховного суда республики. Впрочем, вероятно, не совсем правильно обвинять должностные лица республиканского суда и прокуратуры в непрофессионализме, поскольку очевидно, что решение подобных вопросов лежало далеко не в юридической, правовой плоскости. Ведь содержанием многих из этих писем являлось обращение к Л.И. Брежневу с призывом соблюдать Хельсинкские соглашения, а также принять добровольный отказ авторов от советского гражданства.

Были и другие подобные примеры. Отказник Евгений Пашин с мая 1977 г. не мог добиться рассмотрения в Воркутинском городском суде Коми АССР дела о взыскании 108 рублей за недоставленные адресатам и якобы утерянные восемь писем в Израиль и одно письмо в США. Более трехсот писем, посланных Нийоле Садунайте из Англии, вернулись к отправителям. Из более чем тысячи писем Галине Саловой и нескольких сотен писем Крониду Любарскому, посланных организацией Amnesty International, не было доставлено ни одного. То же происходило с бандеролями и посылками, присылаемыми из Израиля, США, Англии и других стран. Особо следует отметить факты недоставки при-

глашений (вызовов) из Израиля. Отмечались также случаи отказа в приеме телеграмм ввиду их якобы антисоветского содержания.

Ситуация с международным почтовым обменом СССР в 1970-е гг. стала предметом обсуждения в Конгрессе и Палате представителей США. Так, в декабре 1977 г. конгрессмен Бенджамин Гилман обращался по этому поводу с письменной жалобой к членам советской делегации на Белградской конференции по наблюдению за выполнением хельсинкских соглашений. В ноябре 1977 г. Гилман представил свой отчет о проблемах прохождения международной корреспонденции в Советский Союз в комиссию Конгресса США по делам почты и государственной службы. В апреле 1978 г. он выступил в Конгрессе с просьбой к президенту США заявить протест против вмешательства советских властей в работу почты, поднять этот вопрос на конгрессе Всемирного почтового союза в Бразилии (в 1979 г.), а также обратиться за поддержкой к делегациям других стран – членов Союза. В июне 1978 г. Гилман предложил Конгрессу принять резолюцию с призывом к американскому Президенту выступить с формальным протестом по поводу нарушения СССР международных почтовых правил [9. С. 2].

В сентябре 1979 г. предложенная Бенджамином Гилманом резолюция была одобрена сначала Комиссией по делам почты и государственной службы, а затем и Комиссией по иностранным делам Палаты представителей США. 25 сентября 1979 г. Палата представителей единогласно одобрила резолюцию, обвиняющую Советский Союз в «систематическом воспрепятствовании доставке почты из Америки евреям, представителям различных религиозных и национальных групп, а также деятелям науки и культуры, проживающим в СССР». Однако ни эта, ни последующие резолюции и решения американских органов власти повлиять на советское почтовое ведомство, конечно же, не могли.

Как известно, СССР являлся членом Всемирного почтового союза и в качестве такового ратифицировал Всемирную почтовую конвенцию [10], а также Устав Всемирного почтового союза от 14 ноября 1969 г. и 5 июля 1974 г. [11]. Однако это совершенно не мешало советской почте вводить ограничения, не основанные ни на одном из международных нормативно-правовых актов.

Вмешательство в работу международной почты ложилось нелегким финансовым бременем на советскую почтовую администрацию, одновременно дезорганизуя деятельность зарубежных почтовых и судебных органов. Статья 40 п. 2 соглашения Всемирного почтового союза 1969 г. предусматривала выплату возмещения в размере 40 франков за утерю заказного письма (что составляло в те годы порядка 12 рублей) [12]. По примеру участников движения за права человека в Советском Союзе многие их зарубежные коллеги с начала 1970-х гг. пробовали использовать это положение в целях оказания давления на советскую почту.

Так, например, в 1977 г. западногерманский журнал «Spiegel» опубликовал статью, посвященную деятельности целого ряда частных лиц и правозащитных организаций на территории ФРГ, которые регулярно требовали компенсацию за недоставленную в Советский Союз корреспонденцию. Один из них, житель Франкфурта Ицхак Кац, отправил в СССР 52 заказных письма, содержавших официально изданную ООН брошюру с текстом Всеобщей декларации прав человека на русском языке, и получил за «утерю» этих писем компенсацию в сумме 2 058 западногерманских марок плюс 4% пени. Известны и другие примеры успешных компенсаций за «утерянные» Советским Союзом отправления. Однако внутри страны, как показано выше, подобного рода компенсации были практически невозможны.

Реакцией советской стороны на усилившееся давление в отношении международного почтово-телеграфного обмена стало дальнейшее «закручивание гаек». К концу 1970-х гг. использование средств связи для борьбы с неугодными государству людьми и организациями приняло фактически открытую форму. Приказом КГБ от 12 июля 1977 г. была утверждена «Инструкция по оперативному учету в КГБ при Совете министров СССР»; своя система учета предусматривалась в том числе у 6-го отдела (перлюстрация корреспонденции) ОТУ (оперативно-технического управления) КГБ.

Для этой цели велась «централизованная картотека инокорреспондентов (иностранных граждан, организаций, учреждений, осуществляющих почтово-телеграфную переписку); централизованная фототека почерков неизвестных отправителей, скрывающих свои адреса при направлении корреспонденции в зарубежные и капиталистические страны». Велся также «учет зарубежных организаций и граждан капиталистических стран, от имени которых систематически направляются враждебным элементам в СССР посылки и материалы» и «учет советских граждан, ведущих переписку с инокорреспондентами» [5. С. 217–218].

Информация об использовании такого рода списков вскоре стала просачиваться в диссидентскую печать. В 1981 г. стало известно о том, что во Внешпосылторге СССР циркулировали списки лиц, которым было запрещено вручать любые посылки из-за рубежа; существовал также и список иностранных отправителей, посылки которых на территории Советского Союза не вручались. В качестве примера такого лица в СССР был назван украинский политссыльный Зиновий Антонюк. Об этом Внешпосылторг официально сообщил западногерманской компании «Линдекс», занимавшейся отправкой посылочной корреспонденции в СССР. Вскоре Внешпосылторг уведомил ту же компанию о своем запрете принимать посылки на имя Сильви Кукк, вдовы погибшего в лагере эстонского политзаключенного Юри Кукка. Такие же сообщения получила швейцарская компания «Мела» относительно жены политзаключенного священника Глеба Якунина и москвички, участницы движения за права человека Ирины Корсунской [9. С. 5].

Под таким же жестким контролем, как международная почтово-телеграфная связь, находились и телефонные

сети. В этом случае намеренное вмешательство государства доказать было так же сложно – представители телефонного ведомства, как правило, ссылались на то, что проблемы со связью вызваны техническим сбоем или происходят исключительно по вине зарубежных коллег.

Практика выключения телефонов началась в мае 1972 г. накануне первого визита американского президента Ричарда Никсона в СССР. В то время было выключено 12 телефонов у активистов борьбы за право евреев репатриироваться в Израиль [13. С. 1]. В ответ на запросы владельцы выключенных телефонов получали уклончивые устные ответы о «повреждении кабеля», «неисправности линии» и т.п. 31 августа того же года, пытаясь придать вид законности фактам отключения телефонов, Совет министров СССР издал постановление о дополнении ст. 74 Устава связи СССР [9. С. 206] пунктом, запрещающим «использование телефонной связи... в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку» [15. С. 8]. Однако, даже невзирая не тот факт, что данный пункт входил в явное противоречие с Конституцией СССР[1], возникает вопрос, каким образом можно было определить, используется ли телефон «в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку», обеспечивая тайну телефонных переговоров? Ответ очевиден: дополнение к ст. 74 Устава связи являлось официальным признанием факта прослушивания телефонных переговоров в Советском Союзе. При этом в законе не оговаривалось, какой конкретно государственный институт правомочен выносить вердикт о соответствии телефонного разговора «государственным интересам». Ведь отключение телефонов производилось – по крайней мере, технически – соответствующим узлом связи, явно не обладавшим такими полномочиями.

По свидетельству некоторых членов общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, на практике ст. 74 применялась таким образом: после нескольких сеансов телефонной связи с иностранными абонентами, во время которых передавалась любая не одобряемая государством информация, телефон, как правило, отключался без предупреждения. Такой нежелательной информацией могли быть сведения об узниках совести, преследовании инакомыслящих, тексты заявлений в защиту преследуемых, а также встречные сообщения о реакции западной общественности на резонансные политические события в СССР. Прослушивание абонента распространялось не только на международные, но и на междугородные и внутригородские контакты. Нередкими были случаи отключения телефонной связи просто по факту владения ею неугодным человеком.

Телефонная связь у провинившегося абонента отключалась на срок до полугода, после чего включалась с предупреждением более не использовать ее для нежелательных контактов. Нередкими были случаи безвозвратного отключения телефона и передачи его номера другому абоненту. Среди таких абонентов оказались многие известные в 1970-е гг. правозащитники: писатель В. Войнович, председатель советской группы Международной амнистии В. Турчин, Ю. Орлов и многие другие.

В тех случаях, когда меры по отключению «провинившегося» абонента от телефонной сети по каким-то причинам считались излишними (как в случае с академиком А. Сахаровым), или абонент пользовался общественной телефонной связью (городскими переговорными пунктами, ведомственной связью), также предпринимались меры по прослушиванию. При этом подозрительные сеансы связи, как правило, заглушались или прерывались в принудительном порядке. Правозащитниками были также зафиксированы многочисленные случаи, когда таким абонентам в процессе ожидания сеанса связи сообщалось, что «разговор не состоится, так как второй абонент не явился», «телефон абонента не отвечает» и т.п. [6. С. 4].

В «Материалах самиздата» приводится множество примеров борьбы за право беспрепятственного пользования телефонной связью. Пострадавшие абоненты обращались с многочисленными заявлениями по поводу неправомерных действий к начальникам служб связи вплоть до министра связи СССР. Содержание письменных официальных ответов, однако, зачастую обескураживало. Так, в 1973 г. начальник орджоникидзевского телефонного узла г. Тбилиси Р. Николайшвили в ответ на заявление И.А. Гольдштейна и Е.И. Быковой, в котором они просили восстановить телефонную связь в их квартире, сообщал, что «в результате принятых мер работа Вашего телефона нормализована»; начальник ГТС Кубанишвили в ответ на ту же жалобу сообщал, что указанный телефон действительно был поврежден в кабеле; однако «в настоящее время повреждение устранено, дано указание начальнику телефонного узла района им. Орджоникидзе взять на учет» его работу. При этом в устных ответах должностные лица признавались, что телефон находится «на консервации» и «отключен за разговоры с Западом по указанию из КГБ» [16. С. 2].

Подобные жалобы на «организованную на Московском телефонном узле службу подслушивания» направлял министру связи СССР и руководителю Хельсинкской группы москвич Пётр Григоренко. Организованная за ним телефонная слежка не позволяла связаться с проживавшим в ФРГ сыном, поскольку параллельно включенный аппарат мешал установлению соединения. Как объяснял потерпевший, таким образом его наказывали за то, что он не явился «для беседы» по вызову КГБ. Автор обращения винил в сложившейся ситуации лично начальника московского телефонного узла, которому, по мнению Григоренко, «официально вменено в обязанность отключать телефоны за ведение разговоров, “противоречащих интересам государства”», а следовательно, он «уполномочен и на то, чтобы вести подслушивание и запись телефонных переговоров» [17. С. 2–3]. Впоследствии подозрения автора о наличии на

телефонном узле своеобразной службы прослушивания и «помех телефонным переговорам» многократно подтверждались. Парадоксально, но П. Григоренко, по-видимому, чувствуя всю безнадежность затеянной им тяжбы, в своих обращениях просил не прекращения очевидно противоправных действий, а передачи этого дела в руки профессионалов, которые, осуществляя прослушивание, не будут блокировать телефонную связь и позволят ему поговорить со своим сыном[2].

Во многих случаях на запросы выключенных абонентов следовало устное разъяснение: «телефон выключен в соответствии с п. 74 Устава связи СССР». При этом добиться какого-либо письменного объяснения или обжаловать эти действия было невозможно. Так, например, Ирина Жолковская-Гинзбург отправила порядка десяти писем в различные инстанции: районный телефонный узел, городской телефонный узел, Министерство связи СССР, Президиум Верховного Совета СССР, однако ни на одно из них не получила ответа [14. С. 4]. Все попытки владельцев отключенных телефонов добиться судебного решения спора с узлами связи были тщетны, так как суды отказывались принимать такие дела к рассмотрению.

Таким образом, несмотря на то что формально Советский Союз принял в Хельсинки обязательство «улучшить обмен информацией», на практике одно из важнейших средств такого обмена – почтово-телеграфно-телефонная связь – использовалось в совершенно противоположных целях. Как показывали практика и документы, значительная часть почтово-телеграфной корреспонденции, обмениваемой между СССР и зарубежными странами, не доходила до адресатов, «терялась по дороге». Это касалось главным образом инакомыслящих, правозащитников, евреев и немцев – отказников, представителей «неофициальных религиозных групп» и т.п. И если почтовая военная цензура в своих ограничениях прав граждан была официальной и гласной, то перлюстрация гражданской корреспонденции, так же как и прослушивание телефонных переговоров, носили ярко выраженный антиконституционный характер и относились к совершенно секретной деятельности органов государственной безопасности. К концу 1970-х –началу 1980-х гг. данный инструмент политического давления использовался параллельно с начавшейся кампанией арестов и внесудебных расправ с идеологическими оппонентами режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет о ст. 56: «Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом». [16. С. 48].
[2] Цитата из заявления Григоренко: «Я даже не просил об отмене безусловно противозаконной инструкции, узаконивающей телефонное подслушивание и наделяющей начальника узла связи не свойственными его должности чрезвычайными полномочиями. Я лишь просил в пределах этой инструкции добиться ликвидации не предусмотренных ею хулиганских помех» [17. С. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009. 407 с.
2. Измозик В.С. Система государственной информации: создание и деятельность // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в 1920–1930 гг. Москва ; Великий Новгород, 2000.
3. Пожаров А. И. Некоторые аспекты деятельности органов госбезопасности СССР в 1950-е – первой половине 1960-х гг. // Исторические чтения на Лубянке. ФСБ РФ. Москва ; Великий Новгород, 1999.
4. Авзегер Л. Я вскрывал ваши письма… (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ) // Время и мы. Нью-Йорк, 1980. № 55. С. 224–253; № 56. С. 254–278.
5. Смыкалин А.С. Перлюстрация почтовой корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. М., 2015. 268 с.
6. АС № 2543. 4 члена ОГС (Ю. Орлов и др.), «Информация о нарушениях контактов между людьми в сфере международной почтовой и телефонной связи» (Москва), 27.05.1976 // Материалы самиздата. Вып. 22/76. 25 июня 1976 г. 8 с.
7. АС № 2897. Г. и И. Гольдштейны и Е. Быкова, Рассказ «Нарушения советскими учреждениями законности, выразившиеся в пресечении международной переписки Гольдштейнов», Тбилиси, февраль 1977 // Материалы самиздата. Вып. 15/77. 20 июня 1977 г. 5 с.
8. Устав связи СССР // Собрание постановлений правительства СССР. 1971. № 10. Ст. 83. С. 186–222.
9. Вишневская Ю. О некоторых проблемах международного почтового обмена с Советским Союзом. РС 200/83 // Радио Свобода. Исследовательский бюллетень. № 41. 12.10.1983. 5 с.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Всемирной почтовой конвенции, Соглашения о письмах и ящиках с объявленной ценностью и Соглашение о почтовых посылках // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 9 (941). Ст. 66. С. 187.
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Устава и других актов Всемирного почтового союза // Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 1 (1919). Ст. 1. С. 5.
12. Всемирный почтовый союз. Устав, дополнительный протокол к уставу, конвенция и соглашения Всемирного почтового союза. (Токио, 1969 г.). М. : Министерство связи СССР, 1971. 475 с.
13. АС № 2153. 28 московских евреев, Открытое письмо «В Международный комитет телефонной связи» о произволе телефонной службы СССР, Москва, без даты, но вероятно апрель или начало мая 1975 г. // Материалы самиздата. Вып. 23/75. 6 июня 1975 г. 3 с.
14. АС № 3238. 6 членов Московской ОГС (Е. Боннэр и др.), Документ № 30 (или 25). О продолжающихся нарушениях контактов между людьми в сфере почтово-телеграфно-телефонной связи, с 3-мя приложениями, (Москва), 02.02.1978 // Материалы самиздата. Вып. 20/78. 26 мая 1978 г. 9 с.
15. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М. : Политиздат, 1977. 127 с.
16. АС № 2897-а. И. Гольдштейн и Е. Быкова, Заявление «Министру связи ГССР» по поводу отключения телефона, с 2-мя приложениями, Тбилиси, 29.03.1977 // Материалы самиздата. Вып. 15/77. 20 июня 1977 г. 3 с.
17. АС № 2990. Пётр Григоренко, 3 заявления министру связи СССР с протестом против помех в его телефонных разговорах, Москва, 07.12.1976, 11 и 21.01.1977 // Материалы самиздата. Вып. 20/77. 22 июля 1977 г. 9 с.

Vladimir V. Mirkin. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vvmvcv@gmail.com
COMMUNICATIONS AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL CENSORSHIP (1970S - EARLY 1980S).
Keywords: mail service; telegraph; telephone communication service; correspondence perusal; dissident movement.

Based on a wide range of literature and sources, the author of the article sets a goal - to analyze the methods of using communications as an instrument of political censorship and the fight against dissent in the USSR in the 1970s. The formation of bodies for control over internal and external information exchange is considered, the specifics of the use of various sub-types of communication for state political supervision are determined: in particular, postal and telegraph and telephone communications (international, intercity). In the conditions of the "Iron Curtain" and the complete absence of the possibility of free travel abroad, post service, telegraph and telephone service were the only channel of information exchange in contacts with the "outside world" in the Soviet Union.
The work shows that censorship was exposed not only international, but also internal postal and telegraph correspondence. However, if the perusal of "home" letters was carried out selectively, according to the lists of names, surnames and addresses of certain persons, and the nature of the handwriting, there were no such lists for international dispatches.
Analysis of the documentary evidence confirms the fact that the Soviet telephone networks were under the same strict control as postal and telegraph communication. However, as in the case of the postal service, it was practically impossible to prove the implicit intervention of the state. The authorities denied any involvement in unlawful actions and referred, as a rule, to technical problems or accused foreign communication services. The testimonies of contemporaries of the events in question show that it was also impossible to obtain material compensation for the "missing" correspondence. Judiciary under various pretexts refused to initiate lawsuits. At the same time, the official search for items on the line of communication services and correspondence with various authorities lasted for years.
Thus, the author comes to the conclusion that the free exchange of information with abroad, in spite of the formal absence of any open administrative barriers, was practically impossible in practice, just like physical movement outside the country. While in tsarist Russia this kind of private activity was selective, in the Soviet period it was striving for the full coverage of the whole society. At the same time, important for the controlling bodies was not the actual content of the detained items, but the subjects of information exchange themselves – the dispatcher and / or the addressee. The perusal of the civil correspondence, as well as the hearing of telephone conversations, were clearly anti-constitutional in nature and related to the top secret activity of the state security bodies. By the early 1980's such discriminatory approach by the Soviet Union to the delivery of international correspondence began to take on an official character.

REFERENCES

1. Goryaeva, T.M. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow: Rosspen.
2. Izmozik, V.S. (2000) Sistema gosudarstvennoy informatsii: sozdanie i deyatel'nost' [The system of state information: creation and activity]. In: Komissarov, V.N. (ed.) *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. Otechestvennye spetssluzhby v 1920–1930 gg.* [Lubyanka Historical Readings. Russian special services in 1920–1930]. Moscow, Velikiy Novgorod: FSS.
3. Pozharov, A.I. (1999) Nekotorye aspekty deyatel'nosti organov gosbezopasnosti SSSR v 1950 e – pervoy polovine 1960-kh gg. [Some aspects of the activities of the state security organs of the USSR in the 1950s - the first half of the 1960s]. In: *Istoricheskie chteniya na Lubyanke* [Lubyanka Historical Readings. Russian special services at the turn of the ages: the late 19th – 1922]. Moscow; Velikiy Novgorod: Academy of the FSS of Russia.
4. Avzeger, L. (1980a) Ya vskryval vashi pis'ma… (iz vospominaniy byvshego taynogo tsenzora MGB) [I opened your letters ... (from the memories of the former secret censor of the MSS)]. *Vremya i my*. 55. pp. 224–253.
5. Avzeger, L. (1980b) Ya vskryval vashi pis'ma… (iz vospominaniy byvshego taynogo tsenzora MGB) [I opened your letters ... (from the memories of the former secret censor of the MSS)]. *Vremya i my*. 56. pp. 254–278.
6. Smykalin, A.S. (2015) *Perlyustratsiya pochtovoy korrespondentsii i pochtovaya voennaya tsenzura v Rossii i SSSR* [Perusal of postal correspondence and postal military censorship in Russia and the USSR]. Moscow: Yuridicheskiy tsentr.
7. Orlov, Yu. Et al. (1976) Informatsiya o narusheniyakh kontaktov mezhdu lyud'mi v sfere mezhdunarodnoy pochtovoy i telefonnoy svyazi. (Moskva), 27.05.1976 [Information on contact violations in the sphere of international postal and telephone communications, (Moscow), May 27, 1976]. *Materialy samizdata*. 22/76. 25th June. AS № 2543.
8. Goldstein, G., Goldstein, I. & Bykova, E. (1977) Rasskaz “Narusheniya sovetskimi uchrezhdeniyami zakonnosti, vyrazivshiesya v presechenii mezhdunarodnoy perepiski Gol'dshteynov”, Tbilisi, fevral' 1977 [Soviet institutions violated the law, expressed in the suppression of the international correspondence of the Goldsteins, Tbilisi, February 1977]. *Materialy samizdata*. 15/77. 20th June. AS № 2897.
9. USSR. (1971) Ustav svyazi SSSR [The Charter of Communications of the USSR]. *Sobranie postanovleniy pravitel'stva SSSR*. 10. Art. 83. pp. 186–222.
10. Vishnevskaya, Yu. (1983) O nekotorykh problemakh mezhdunarodnogo pochtovogo obmena s Sovetskim Soyuzom. RS 200/83 [On some problems of international postal exchange with the Soviet Union. RS 200/83]. *Radio Svoboda. Issledovatel'skiy byulleten'*. 41.
11. The Supreme Soviet of the USSR. (1959) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o ratifikatsii Vsemirnoy pochtovoy konventsii, Soglasheniya o pis'makh i yashchikakh s ob"yavlennoy tsennost'yu i Soglashenie o pochtovykh posylkakh [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on ratification of the Universal Postal Convention, the Agreement on Letters and Value-Added Boxes and the Agreement on Postal Parcels]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 9(941). Art. 66. p. 187.
12. The Supreme Soviet of the USSR. (1978) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o ratifikatsii Ustava i drugikh aktov Vsemirnogo pochtovogo soyuza [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on the ratification of the Charter and other acts of the Universal Postal Union]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1(1919). Art. 1. p. 5.
13. Universal Postal Union. (1971) *Ustav, dopolnitel'nyy protokol k ustavu, konventsiya i soglasheniya Vsemirnogo pochtovogo soyuza. (Tokio, 1969 g.)* [Charter, Additional Protocol to the Charter, Convention and Agreements of the Universal Postal Union. (Tokyo, 1969)]. Moscow: USSR Ministry of Communication.
14. Anon. (1975) 28 moskovskikh evreev, Otkrytoe pis'mo “V Mezhdunarodnyy komitet telefonnoy svyazi” o proizvole telefonnoy sluzhby SSSR [28 Moscow Jews, Open Letter “To the International Telecommunications Committee” about the arbitrariness of the USSR Telephone Service]. *Materialy samizdata*. 23/75. 6th June. AS № 2153.
15. Bonner, E. et al. (1978) Dokument № 30 (ili 25). O prodolzhayushchikhsya narusheniyakh kontaktov mezhdu lyud'mi v sfere pochtovo-telegrafno-telefonnoy svyazi, s 3-mya prilozheniyami, (Moskva), 02.02.1978 [Document No. 30 (or 25). On the ongoing violations of contacts between people in the field of postal, telegraph and telephone communication, with 3 applications, (Moscow), February 2, 1978]. *Materialy samizdata*. 20/78. 26th May. AS № 3238.
16. USSR. (1977) *Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: Prinyata na vneocherednoy sed'moy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 goda* [Constitution (main law) of the Union of Soviet Socialist Republics: Adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977]. Moscow: Politizdat.
17. Goldstein, I. & Bykova, E. (1977) Zayavlenie “Ministru svyazi GSSR” po povodu otklyucheniya telefona, s 2-mya prilozheniyami, Tbilisi, 29.03.1977 [Statement to the Minister of Communications of the GSSR on the disconnection of the telephone, with 2 annexes, Tbilisi, 03.29.1977]. *Materialy samizdata*. 15/77. 20th June. AS № 2897-a.
18. Grigorenko, P. (1977) 3 zayavleniya ministru svyazi SSSR s protestom protiv pomekh v ego telefonnykh razgovorakh, Moskva, 07.12.1976, 11 i 21.01.1977 [3 statements to the Minister of Communications of the USSR with a protest against interference in his telephone conversations, Moscow, July 12, 1976, Janiary 11 and 21, 1977]. *Materialy samizdata*. 20/77. 22nd July. AS № 2990.

УДК 94(571.16)"1905/1917"
DOI: 10.17223/19988613/59/8

О.А. Харусь

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК СИБИРСКИХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ В НАЧАЛЕ XX в.

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

На основе определения ключевых социографических параметров предпринят анализ состава депутатов Сибири в Государственных думах первых четырех созывов. Выявлены типичные для депутатского корпуса страны в целом и специфичные для представителей региона социокультурные характеристики. Определены основные мотивы электоральных предпочтений в Сибири и тенденции в изменении электорального поведения граждан в начале XX в.

Ключевые слова: Государственная дума; депутаты; электорат; Сибирь; XX в.

Устойчивый исследовательский интерес к истории парламентаризма в России не является случайным. Обращение к этой проблематике связано с поиском ответов на ключевые вопросы о судьбах и перспективах политической модернизации страны. Важной составляющей процесса формирования гражданского и правового сознания, зарождения демократической культуры общества в начале XX в. стали выборы в Государственную думу. Избирательные кампании и их итоги как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне получили основательное освещение в многочисленных научных трудах. Не составляет исключения в этом плане и электоральный процесс в Сибири. Специалистами собран и систематизирован значительный массив фактического материала, позволяющего формировать комплексное представление о ходе выборов в Государственную думу всех четырех созывов [1–3]. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что при анализе результатов предвыборной борьбы исследователи, как правило, смещают основной акцент на определение партийно-политических ориентаций кандидатов, одержавших победу над конкурентами, а сами результаты трактуют, прежде всего, как показатель «расстановки партийно-политических сил» в конкретно-исторической ситуации.

Такой подход, по-видимому, в известной степени можно считать наследием советской историографии, для которой было характерно рассмотрение социально-политических процессов исключительно через призму классовой борьбы и, соответственно, в контексте расстановки партийно-политических сил. Между тем едва ли есть основания преувеличивать степень вовлеченности населения Российской империи в политическую борьбу и оценивать электоральное поведение в терминах осознанного выбора в пользу представителей определенных политических партий и течений, поскольку вплоть до 1906 г., когда состоялись выборы в I Государственную думу, у граждан страны не было ни повода, ни, тем более, реальной возможности для политической самоидентификации. Большинство избирателей, высказываясь в поддержку того или иного кандидата, вероятнее всего, руководствовались не столько симпатиями к определенной политической партии, поддержкой ее программных положений и стратегий поведения, сколько субъективными, зачастую неотрефлексированными представлениями о том, кому из претендентов на депутатское кресло можно доверить отстаивание их интересов. Это предположение подтверждается свидетельствами современников, которые, в частности, констатировали: крестьян «не программа интересует, а живой человек» [4. С. 27]. Именно поэтому для выявления предпочтений электората, повлиявших на результаты выборов, значимыми представляются социокультурные характеристики депутатов Государственной думы. Анализ этих характеристик до сих пор не находился в фокусе исследовательских интересов. Пожалуй, единственным исключением в этом отношении можно считать публикацию Ю.П. Родионова, в которой представлена краткая сравнительная характеристика облика депутата-крестьянина и депутата-интеллигента от Сибири по таким параметрам, как возраст, уровень образования, политические предпочтения [5].

Безусловно, проецировать итоги избирательной кампании непосредственно на оценку доминировавших в конкретный период общественных настроений невозможно. Результаты выборов в представительные органы власти определяются совокупным действием целого ряда факторов объективного и субъективного характера: особенности избирательного законодательства, установленная процедура выборов и практика реализации нормативных актов, использование административного ресурса для «корректировки» хода избирательной кампании, состав заявивших о своем намерении принять участие в выборах акторов (индивидуальных и коллективных), интенсивность и качество их агитационно-пропагандистской деятельности,

уровень активности избирателей и их заинтересованности в ходе и исходе выборов и т.д. и т.п. Тем не менее состав избранных депутатов может рассматриваться как индикатор предпочтений электората в заданных обстоятельствах конкретной избирательной кампании. Поэтому реконструкция социокультурного облика сибирских парламентариев призвана внести определенный вклад в исследование настроений общественности региона в ходе выборов в Государственную думу.

Кроме того, сравнительный анализ социографических параметров, характеризующих состав депутатов Сибири в Государственных думах четырех созывов, может служить основанием для выявления изменений в электоральных настроениях и электоральном поведении граждан в начале XX в., а следовательно, и для определения тенденций в развитии политической культуры населения. Несомненный интерес представляет и сопоставление социокультурного облика сибирских парламентариев с социокультурными характеристиками всей совокупности депутатов Российской империи. Решение этой исследовательской задачи позволяет определить, насколько «типичным» на общем фоне российских парламентариев был состав депутатов, избранных населением региона с ярко выраженными особенностями статуса, социальной структуры, экономических и политических условий. Наконец, комплексная характеристика состава сибирских депутатов с учетом различных социокультурных параметров имеет значение и для оценки их потенциальных способностей к представительству интересов региона и компетентному участию в законотворческой деятельности.

Необходимый фактографический материал для реконструкции социокультурного облика сибирских парламентариев к настоящему времени широко представлен в публикациях специалистов, занимавшихся изучением различных аспектов общественно-политической жизни в регионе начала XX в. Большая работа по обобщению имеющихся в распоряжении исследователей фактов была проведена в рамках проекта, инициированного Законодательной думой Томской области в 2010 г. Одним из его практических результатов стало размещение на сайте биографических справок о всех сибирских депутатах Государственной думы в начале XX в. [6]. Взаимодополнение, уточнение и систематизация имеющихся в распоряжении исследователей сведений о сибирских депутатах Государственной думы первых четырех созывов обеспечили основу для реализации исследовательского замысла данной статьи.

Для комплексной реконструкции социокультурного облика сибирских парламентариев был разработан формуляр, охватывающий такие персональные характеристики, как: Ф.И.О., дата и место рождения, национальность, вероисповедание, уровень образования, род занятий, опыт общественной деятельности, подверженность репрессиям, партийная принадлежность / политические предпочтения. Такой набор переменных определяется пониманием социокультурного облика как совокупности признаков, характеризующих положение представителей определенной группы людей в обществе, их социальные связи, ценностные ориентации, одним из ситуативных компонентов которых являются и политические предпочтения. Все учитываемые при характеристике социокультурного облика парламентариев параметры относятся к моменту их избрания в депутаты Государственной думы соответствующего созыва. Показатели рассчитывались с учетом численного состава депутатов от Сибири (от населения Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей, Сибирского и Забайкальского казачьих войск), избранных в ходе общих выборов (данные о депутатах III Думы, избранных взамен выбывших по разным причинам представителей региона, приводятся отдельно): 15 депутатов I Думы, 20 – II [1. С. 87], по 11 – III и IV [2. С. 77].

Диапазон возрастных параметров сибирских парламентариев отличался широтой. Самому молодому депутату I Думы крестьянину Д.Н. Немченко (Томская губерния) было 26 лет, а его земляку крестьянину Г.И. Ильину в 1906 г. исполнился 61 год. Во II Думе разрыв в возрасте сибиряков оказался не столь существенным: самым молодым представителем региона стал крестьянин А.Г. Мягкий (30 лет), а самым старшим по возрасту – правительственному агроному Н.Л. Скалозубову и крестьянину Е.И. Шишкину – было по 46 лет. Возраст самых молодых депутатов в III и IV Думе составил 28 лет (Н.В. Некрасов – в III, В.Н. Пепеляев – в IV), при этом самым старшим в III Думе был В.К. Штильке (57 лет), а в IV Думе – В.И. Дзюбинский, которому на момент избрания исполнилось 52 года.

Таблица 1

Возрастной состав сибирских депутатов

Возрастная категория	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 30 лет	1	6,7	–	–	1	9,1	1	9,1
30–39 лет	9	60	14	70	5	45,5	6	54,5
40–50 лет	4	26,6	6	30	3	27,3	3	27,3
Старше 50 лет	1	6,7	–	–	2	18,2	1	9,1

При анализе возрастного состава сибирских парламентариев обращает на себя внимание заметное преобладание в первых двух Думах депутатов в возрасте до 40 лет (66,7% – в I Думе, 70% – во второй). Однако едва ли на этом основании можно делать однозначные выводы о повышенном радикализме их настроя и, соответственно, настроя избравших их сибиряков. Политическая биография некоторых сибирских парламентариев позволяет поставить под сомнение наличие корреляционной зависимости между зрелым возрастом и усилением консервативных настроений. С одной стороны, пример депутата III Думы от Енисейской губернии, бывшего народовольца, члена кадетской партии с

1905 г. В.А. Караулова (1854 г.р.), заметно «поправевшего» к финалу своей политической карьеры, выглядит, казалось бы, убедительным доказательством тезиса о влиянии количества прожитых лет на степень радикализма взглядов представителей интеллигенции [5. С. 160–161]. С другой стороны, члену фракции партии народной свободы В.К. Штильке то обстоятельство, что он был на четыре года старше В.А. Караулова, не помешало сохранить приверженность либеральным идеям. С возрастом не претерпели сколько-нибудь существенных изменений и политические позиции В.И. Дзюбинского, вступившего в начале 1880-х гг. в народовольческую организацию, активно пропагандировавшего социалистические идеи и ставшего одним из активнейших членов фракции трудовиков в III, а затем и в IV Думе.

Примечательно, что сибирские депутаты в возрасте до 40 лет явно доминировали по отношению к другим возрастным группам также в III и IV Государственных думах (54,6 и 63,6% соответственно), выборы в которые проходили на основе принципиально иного избирательного закона от 3 июня 1907 г. Ситуацию в пользу парламентариев в возрасте от 40 до 50 лет в III Думе несколько изменили дополнительные выборы, в результате которых численность представителей двух возрастных категорий – от 30 до 40 лет и от 40 до 50 – сравнялась и составила по пять человек в каждой. Однако в целом состав сибирских депутатов «омолодился», поскольку вновь избранные представители Сибири были заметно моложе своих предшественников. Так, избранный от Томской губернии в 1908 г. священник В.В. Климов был на 18 лет моложе В.К. Штильке, которого он заменил в Думе в связи со смертью последнего. Депутату от Томской губернии А.А. Скороходову было 40 лет на момент избрания вместо отказавшегося от депутатского кресла (по болезни) Ф.И. Милошевского, который стал депутатом в 45 лет. Разница в возрасте скончавшегося в 1910 г. В.А. Караулова и заменившего его в качестве депутата от Енисейской губернии в 1911 г. С.В. Вострotина составляла 10 лет, первому на момент избрания в III Думу было 53 года, второму – 47 лет. В целом же по возрастным параметрам сибиряки заметно выделялись на общем фоне депутатов, большая часть которых перешагнула 40-летний рубеж [7].

Вместе с тем национальный и конфессиональный состав сибирских парламентариев не отличался своеобразием в сравнении с общими характеристиками депутатского корпуса: абсолютное большинство в их среде составляли русские (I Дума – 86,6%, II – 80%, III – 91%, IV – 100%) и православные (I Дума – 93,3%, II – 80%, III – 91%, IV – 100%). Не обнаруживает сколько-нибудь существенной специфики и анализ образовательного уровня представителей Сибири в Думе. Показатели относительной численности лиц с высшим и с самым элементарным образованием в составе сибирских депутатов и депутатского корпуса России в целом являются вполне сопоставимыми, хотя процент сибиряков с высшим образованием или когда-либо обучавшихся в высших учебных заведениях был несколько ниже (в среднем примерно на 5%), как, впрочем, и процент лиц с низшим образованием (табл. 2).

Таблица 2

Уровень образования сибирских депутатов

Уровень образования	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Высшее / неоконченное высшее	5/1	33,3/6,7	9	45	4/1	36,4/ 9,1	4/1	36,4/ 9,1
Среднее	1	6,7	5	25	4	36,4	4	36,4
Низшее (в т.ч. домашнее и самообразование)	8	53,5	6	30	2	18,1	2	18,1

В данном случае есть основания экстраполировать выводы исследователей по поводу уровня образования депутатского корпуса всех четырех дум в целом на характеристику сибирских депутатов по этому параметру. Во-первых, уровень образования членов Государственной Думы был значительно выше, чем в целом по стране, 70,7% граждан которой оставались неграмотными (в Сибири же грамотные составляли всего 12,3% населения). Во-вторых, очевидно повышение образовательного уровня парламентариев с каждыми новыми выборами. Можно предположить, что эта тенденция была связана с постепенным формированием у избирателей мнения о способности депутатов, обладавших специальными знаниями, определенным культурным уровнем, широким кругозором, навыками публичного выступления, более компетентно представлять их интересы. По мере накопления опыта парламентаризма электоральное поведение становилось менее эмоционально окрашенным, а выбор избирателей приобретал рациональный характер.

Дать корректную характеристику сословного состава депутатов от Сибири не представляется возможным ввиду неполноты имеющихся сведений об их сословном происхождении. Впрочем, в начале XX в. значимость этого параметра как индикатора социального статуса постоянно снижалась в связи с интенсивным разрушением сословной структуры российского общества. Сословное происхождение не оказывало детерминирующего влияния на выбор жизненного пути и определение места человека в социуме. Сыновьями священников были врачи А.И. Макушин (депутат I Думы от Томской губернии) и А.К. Виноградов (депутат II Думы от Акмолинской области), присяжный поверенный П.В. Вологодский (депутат II Думы от Томской губернии), профессор Н.В. Некрасов (депутат III и IV Думы от Томской губернии). Мещанин С.И. Колокольников к моменту избрания депутатом I Государственной думы от Тобольской губернии являлся купцом I гильдии, а выходец из купеческого со-

словия, депутат II Думы от Енисейской губернии И.К. Юдин служил конторщиком, доверенным в оптовом магазине, а позднее – управляющим пароходства. Дворянами по происхождению были депутаты III Думы частный поверенный В.А. Караулов (Енисейская губерния) и учитель В.К. Штильке (Томская губерния). Есть основания полагать, что род занятий, профессиональная деятельность этих и многих других участников предвыборных кампаний имели для избирателей большее значение, чем сословное происхождение.

Таблица 3

Профессиональная деятельность сибирских депутатов

Род занятий	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Врачи, фельдшеры	3	20	2	10	1	9,09		
Учителя	1	6,7	3	15	2	18,18	2	18,18
Священнослужители			1	5				
Присяжные поверенные, судьи			2	10	2	18,18		
Профессора			1	5	1	9,09	1	9,09
Чиновники	2	4,8	3	15				
Мелкие служащие	1	6,7	3	15	2	18,18	3	27,27
Крупные предприниматели	1	6,7					1	9,09
Мелкие предприниматели	2	4,8	1	5			3	27,27
Агрономы					2	18,18	1	9,09
Земледельцы и скотоводы	5	33,3	4	20	1	9,09		

Анализ состава сибирских парламентариев по роду основных занятий (табл. 3) обнаруживает ряд особенностей в сравнении с профессиональным составом депутатского корпуса в целом. Наиболее существенными из них являются следующие: 1) вполне естественное с учетом специфики социально-экономического развития региона отсутствие в числе депутатов помещиков, относительная численность которых была значительной в Думе всех четырех созывов [7]; 2) отсутствие представителей рабочих, обусловленное незначительным удельным весом, низкой концентрацией и невысоким уровнем политической активности этой группы населения.

Очевидной тенденцией, характеризующей изменения в составе сибирских депутатов от первого созыва Думы к четвертому, стало сокращение числа лиц, занятых в сфере сельского хозяйства (земледелие и / или скотоводство). В данном случае определенную роль сыграли изменения в избирательном законодательстве, связанные с резким сокращением представительства от крестьянского населения Сибири. А вот более чем скромное представительство священнослужителей в составе сибирских депутатов, вполне возможно, объяснялось «состоянием умов» избирателей края, повышенным градусом оппозиционного настроя по отношению к правительству, который мог распространяться и на служителей церкви, оказывавших поддержку политике центральных властей. В ходе избирательной кампании во II Государственную думу жители Енисейской губернии поддержали кандидатуру минусинского священника о. Александра Бриллиантова. Однако считать этот выбор данью уважения к духовному сану не приходится. А.И. Бриллиантов снискал популярность и авторитет у местного населения, прежде всего, активным участием в общественной жизни. Он состоял членом сельскохозяйственного общества, являлся товарищем (заместителем) председателя общества начального образования, а после издания Манифеста 17 октября 1905 г. был избран членом комитета по устройству митингов. По своим политическим взглядам А.И. Бриллиантов примыкал к эсерам, позднее стал членом этой партии и в Думе вошел во фракцию социалистов-революционеров. С высокой степенью вероятности можно предположить, что и избрание в 1908 г. депутатом III Думы от Томской губернии вместо скончавшегося В.К. Штильке священника В.В. Климова также объяснялось, в первую очередь, его активной общественной деятельностью: он заведовал церковно-приходской школой, являлся председателем «попечительства о бедных» при Александро-Невской церкви, состоял членом бийского отделения Томского епархиального училищного совета. На предвыборных собраниях В.В. Климов публично заявлял о необходимости реформирования общественного устройства страны, а будучи избранным депутатом вошел во фракцию прогрессистов.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что непоследнее значение для выбора избирателей в пользу того или иного кандидата имели его активная гражданская позиция и участие в общественной жизни. Это предположение подтверждают сведения об имевшемся у победителей предвыборного марафона опыте общественной деятельности (табл. 4).

Таблица 4

Общественная деятельность сибирских депутатов

Формы социальной активности	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Выборные должности в органах местного самоуправления и сословных организациях	5	33,3	7	35	3	27,3	4	36,4
Членство в общественных организациях (культурно-просветительные, профессиональные, благотворительные)	1	6,7	7	35	8	73	7	63,6
Участие в оппозиционных выступлениях (митинги, стачки, забастовки, акции протеста)	3	20	5	25	1	9	4	36,4

Относительная численность лиц, имевших некоторый опыт работы на выборных постах в органах мест-

ного самоуправления и сословных организациях (например, гласный городской думы, волостной старшина, городской староста, сельский староста, доверенный крестьян и т.п.), в составе сибирских парламентариев сохраняла устойчивые значения во всех четырех думах. Вероятно, одним из мотивов, которым руководствовались отдававшие им свои голоса избиратели, являлось желание делегировать в представительное учреждение людей, имевших хотя бы некоторый опыт такого рода деятельности. Кандидаты в депутаты, являвшиеся активными членами культурно-просветительных, профессиональных, благотворительных организаций, были, как правило, хорошо известны избирателям и пользовались у них хорошей репутацией. Поэтому увеличение числа таких людей в составе сибирских парламентариев также представляется вполне закономерным. Наконец, нельзя не отметить, что избиратели оказывали поддержку и тем кандидатам, которые к моменту проведения очередной предвыборной кампании проявили себя как участники различных протестных акций. Были в числе одержавших победу на выборах и лица, чья гражданская активность не осталась незамеченной властями и была отмечена применением по отношению к ним различных мер административного или судебного воздействия (ссылка, арест, увольнение, исключение из университета). В числе сибирских депутатов I Думы таких было 3, во II – 3, в III – 2, в IV – 5. Можно предположить, что по отношению к ним часть электората испытывала определенное сочувствие, что так свойственно российскому менталитету: они были окружены неким ореолом невинно пострадавших поборников справедливости.

Повышенный на фоне общероссийского уровень оппозиционности населения Сибири, обусловленный дискриминационной политикой центральных властей в отношении региона, нашел отражение в отказе поддерживать на выборах консервативно настроенных кандидатов. Единственным исключением в этом плане стало избрание в 1906 г. депутатом I Государственной думы от Томской губернии члена «Союза 17 октября» Е.С. Ерлина.

Таблица 5

Политические ориентации сибирских парламентариев

Политические ориентации депутатов	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Консервативные («Союз 17 октября»)	1	6,7						
Либеральные	6	40	4	20	5	45,45	6	54,55
Революционно-демократические	3	20	9	45	5	45,45	5	45,45
Нейтральные	5	33,3	7	35	1	9,1		

Поскольку основной задачей данного исследования являлось определение доминировавших во время выборов общественных настроений, в табл. 5 зафиксированы политические предпочтения кандидатов, заявленные ими в ходе избирательной кампании. Впрочем, включение в парламентскую деятельность не повлекло за собой сколько-нибудь принципиальных изменений в их политических позициях. Примеров, связанных с уточнением сибирскими депутатами своего политического выбора, не так много. В частности, представители Тобольской губернии Т.В. Алексеев и А.Н. Ушаков, будучи избранными в I Думу по кадетским спискам, вошли во фракцию трудовиков. В свою очередь, депутаты от Томской губернии Г.И. Ильин, Д.И. Немченко, Е.П. Пуртов, не заявлявшие о принадлежности к какой-либо партии, примкнули в I Думе к кадетам. Однако по мере формирования основ парламентской культуры интенсифицировался и процесс политической самоидентификации граждан: как тех, кто претендовал на депутатское кресло, так и тех, кто делал выбор в пользу определенных кандидатов. Неслучайно в числе победителей на выборах IV Государственной думы не было ни одного представителя Сибири, который бы оставил избирателей в неведении относительно своих политических пристрастий.

Однако отмечая начавшийся процесс политической самоидентификации населения Сибири, нельзя не признать, что важным фактором, определявшим логику электорального поведения в начале XX в., оставались представления о способности того или иного кандидата отстаивать специфические интересы региона. Можно предположить, что способностями такого рода сибиряки были склонны наделять прежде всего уроженцев края и тех, кто прожил здесь бо́льшую часть своей сознательной жизни. Действительно, коренные сибиряки были представлены довольно широко: 7 (46,7%) в I Думе, 13 (65%) во II, 4 (36,4%) в III, 7 (63,6%) в IV. Некоторые депутаты к моменту избрания прожили в Сибири более 15 лет: в I Думе – 1, во II, III и IV – по двое в Думе каждого созыва. И все же, по-видимому, место рождения и длительность проживания кандидатов в Сибири не имели решающего значения для определения преференций выборщиков, которые не связывали напрямую с этими обстоятельствами потенциал кандидата как представителя и защитника интересов региона. Опыт парламентской деятельности подтвердил отсутствие зависимости такого рода. Депутаты III Думы Н.В. Некрасов и Н.К. Волков к моменту избрания прожили в Сибири менее 5 лет, что не помешало им стать едва ли не самыми активными поборниками интересов региона в Думе. Неслучайно на выборах в IV Государственную думу избиратели в очередной раз отдали им свои голоса. К тому же как в третьей, так и в четвертой Думе именно Н.К. Волков в качестве избранного председателя возглавлял сибирскую парламентскую группу, основная миссия которой состояла в разработке и внесении в Думу законопроектов, касающихся Сибири.

Предпринятый анализ социокультурных характеристик сибирских парламентариев позволяет сделать сле-

дующие выводы. Во-первых, более высокий образовательный уровень депутатов III и IV Государственной думы по сравнению с их предшественниками, а также заметное увеличение в рядах победителей на выборах числа лиц, известных активным участием в общественной жизни, свидетельствуют об изменении предпочтений избирателей в пользу кандидатов, обладавших бо́льшими интеллектуальными ресурсами и определенным опытом общественной деятельности. Во-вторых, более молодой на общем фоне депутатского корпуса состав сибирских парламентариев, как и приверженность их либеральным и демократическим ценностям можно объяснить особенностями доминировавших в регионе общественных настроений: осознание неравноправного статуса Сибири в Российской империи питало критическое отношение к политике правительства, а стремление к преодолению этого статуса и понимание всей сложности отстаивания интересов региона перед центральной властью побуждало делегировать соответствующие полномочия людям достаточно зрелым, но при этом обладавшим необходимой энергией и амбициями.

В целом по мере накопления опыта парламентаризма электоральное поведение становилось все более осознанным, а выбор депутатов от региона – все более рациональным. При этом и потенциал сибирских парламентариев, необходимый для реализации представительских и законотворческих функций, также усиливался, свидетельством чего являлись их возраставшая с каждым новым созывом Государственной думы активность в выдвижении законодательных инициатив и формировании депутатских запросов, деятельное участие в работе разнообразных думских комиссий и партийных фракций. Отмеченные обстоятельства в совокупности можно расценивать как значимый показатель поступательного процесса развития парламентской культуры в России начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири. 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 86–110.
2. Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в III и IV Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С. 77–96.
3. Шиловский М.В. Организация и проведение выборов в I–IV Государственные думы в Сибири (1906–1913 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 29–34.
4. Родионов Ю.П. Отношение населения Сибири к Государственной думе в начале XX в. (1907–1912 гг.) // Омский научный вестник. Исторические науки. 2009. № 3 (78). С. 24–28.
5. Родионов Ю.П. Социокультурные характеристики сибирских депутатов Государственной думы начала XX века // Вторые архивные чтения памяти М.В. Грабаря : тезисы докладов и сообщений. Омск : Изд-во полигр. центр ОмГМА, 2005. С. 156–162.
6. Сибиряки – депутаты Государственной думы (1906–1917 гг.) // Законодательная Дума Томской области. 2019. URL: https:// duma.tomsk.ru/content/sibirjaki__deputaty_gosudarstvennoj_dumy_19061917_gg
7. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с. URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/BOOKS/DUMA/CHAPTER_3.HTM (дата обращения: 06.03.2019).

Olga A. Kharus. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

SOCIAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE SIBERIAN DEPUTIES OF THE STATE DUMA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Keywords: State Duma; deputies; voters; Siberia; twentieth century.

The author aims to identify peculiarities and dynamics of the electoral sentiments in Siberia at the beginning of the 20th century basing on the analysis of the social and cultural characteristics of the Siberian deputies in the first four State Dumas. The empirical base of the research was formed by the improvement and systematization of the odd bits of information on the Siberian deputies from the scientific literature. To reconstruct the socio-cultural image of deputies, the author developed a form containing the following personal characteristics: name, date and place of birth, nationality, confession, education, occupation, social activity experience, political orientation. The analysis showed that, in many aspects, the specificity of composition of the Siberian deputy corps was determined by the public sentiments that were dominating in the region. In all elections, voters always supported those candidates who had liberal and social-revolutionary views. Such electoral behavior was mostly motivated by dissatisfaction with the discriminatory policy of the central authorities towards the region. In comparison to other deputies of the Duma, Siberian representatives were younger. It can be explained by the desire of the voters to delegate authority to people who had enough energy and ambitions to defend regional interests. Comparative analysis of the sociographic characteristics of the corps of Siberian deputies in the first four State Dumas allows for the conclusion that voters' preferences shifted in favor of the candidates who had more intellectual resources and some experience in public activity. It is evident from the higher level of education that deputies of the Third and Fourth Duma had compared to their forbearers, and from the notable increase of the number of deputies who were famous for their reputation of active members of cultural, educational, professional, and charity organizations. In addition to that, the process of the political self-identification of voters intensified. On the elections to the first State Duma, 5 of the 15 winning candidates did not have clear political preferences, and, during the Second Duma campaign, 7 of the 20 elected deputies stated their political neutrality. But, among the elected deputies of the Fourth Duma, there were no Siberian representatives who had not made their political affiliations or interests clear to the voters. In the whole, basing on the analysis of the socio-cultural characteristics of the corps of Siberian deputies in the first four Dumas, the author concludes that the parliamentary culture in Russia was progressively developing in the beginning of the twentieth century. Among other things, it showed itself in the increase of rational motives in electoral preferences and behavior.

REFERENCES

1. Rodionov, Yu.P. (1994) Khronika izbiratel'nykh kampaniy v I i II Gosudarstvennye dumy v Sibiri [Chronicle of election campaigns in the I and II State Dumas in Siberia]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri. 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia. 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–110.

2. Rodionov, Yu.P. (1995) Khronika izbiratel'nykh kampaniy v III i IV Gosudarstvennye dumy v Sibiri [Chronicle of election campaigns in the III and IV State Dumas in Siberia]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri. 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia. 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–96
3. Shilovskiy, M.V. (2013) Organization and Conduct of the I - IV State Dumas Elections in Siberia (1906-1913). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(25). pp. 29–34. (In Russian).
4. Rodionov, Yu.P. (2009) The attitude of Siberian inhabitants towards State Duma at the beginning of the 20th century (1907–1912). *Omskiy nauchnyy vestnik. Istoricheskie nauki – Omsk Scientific Bulletin. History*. 3(78). pp. 24–28. (In Russian).
5. Rodionov, Yu.P. (2005) Sotsiokul'turnye kharakteristiki sibirskikh deputatov Gosudarstvennoy dumy nachala XX veka [Socio-cultural characteristics of the Siberian deputies of the State Duma at the beginning of the 20th century]. In: *Vtorye arkhivnye chteniya pamyati M.V. Grabarya* [Second Archival Readings in memory of M.V. Grabar]. Omsk: OmGMA. pp. 156–162.
6. The Legislative Duma of Tomsk Region. (2019) *Sibiryaki – deputaty Gosudarstvennoy dumy (1906 – 1917 gg.)* [Siberians deputies of the State Duma (1906–1917)]. [Online] Available from: https:// duma.tomsk.ru/content/sibirjaki__deputaty_gosudarstvennoj_dumy_19061917_gg.
7. Kiryanov, I.K. & Lukyanov, M.N. (1995) *Parlament samoderzhavnoy Rossii: Gosudarstvennaya Duma i ee deputaty, 1906–1917* [The parliament of autocratic Russia: the State Duma and its deputies, 1906–1917]. Perm: Perm State University.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 32+33
DOI: 10.17223/19988613/59/9

Б.А. Исаев, И.Ф. Игнатьева

СТРУКТУРА ГЕОПОЛИТИКИ

В статье анализируются взгляды классиков геополитики (Фридриха Ратцеля, Рудольфа Челлена, Эриха Обста) на структуру геополитики как науки. Характеризуются особенности современного геополитического пространства и его влияние на современное геополитическое знание. Формулируется представление о средно-сферной структуре современной геополитической науки, включающей такие научные субдисциплины, как геоистория, геоэкономика, геокультурология, геоэтнополитика, геоконфессиология, геоконфликтология, глобалистика, геофутурология и др.

Ключевые слова: структура геополитики; дифференциация геополитики по сферам; дифференциация геополитики по субсферам; средно-сферная структура современной геополитики; научно-дисциплинарная структура современной геополитики.

Проблемы структурирования геополитики сегодня чрезвычайно актуальны. Анализ структуры современной геополитики поможет ученым и политикам-практикам лучше понять тенденции развития современной геополитики, ее состояние, внутреннее устройство и перспективы развития. В статье, посвященной взаимосвязи геоэкономики и геополитики, мы вскользь касались вопросов структуры геополитики и геополитического знания, утверждали, что геополитика – «это одна из дисциплин политологии. Она занимает в науке о политике важное место, и своим предметом считает исследование детерминации политики географией, зависимости силы и влияния государств от их расположения на поверхности Земли, а также все многообразие взаимоотношений государств» [1].

Однако невозможно изучать элементы структуры геополитического знания, не затрагивая представление о его структуре в целом. Целью данной статьи являются анализ структуры современной геополитики, описание взглядов классиков, основателей геополитики, и современных геополитиков на структуру данной науки.

Структура геополитики в работах ее основателей

Отец-основатель геополитики, немецкий географ Фридрих Ратцель (1844–1904) отдельно не ставил и не решал проблему структуризации своей науки. Тем не менее в его произведениях просматриваются определенная логика изложения, связь и последовательность элементов, составлявших, по его мнению, новую науку. Интересно, что эту новую науку он называл политической географией, и только его последователь шведский государствовед Рудольф Челлен нарек ее геополитикой. Отметим также, что Ратцель был уверен, что создает совершенно новую науку, в то время как другие геополитики полагали ее лишь методологическим подходом в решении задач взаимоотношений ведущих держав на мировой арене или, говоря современным языком, методом теории международных отношений.

Если говорить о предыстории геополитики, т.е. о процессе вызревания геополитики как науки, то ее элементами, дающими нам представление о ее структуре, по мнению Ратцеля, были:

– география растений, в развитии которой он признавал решающий вклад А. Гумбольдта, Валенберга, Де Кандоля, Гризебаха;

– географии животных, в создании которой Ратцель особо отмечал заслуги Циммермана, Шмарда, Планктона, Дарвина. При этом, в связи с задачей исследования различий влияния суши и моря на жизнь живых существ, он разделил географию животных на географию сухопутных животных и географию морских животных.

Все эти «географии» можно понимать как структурные элементы «большой географии», из которой затем у Ратцеля вытекает география политическая, или геополитика. «При всяком изучении данного народа, мы начинаем с почвы, на которой он живет и действует, и которая нередко служит родиною уже большего числа поколений; под словом «почва» мы подразумеваем окружающую среду в самом обширном смысле этого слова, начиная с воздуха, света и небесного свода, отражающегося в его душе и до земли, возделываемой земледельцем, и глыбы камня, венчающего нередко один из красивейших его храмов. Все это и будут те географические элементы, которые являются основанием исследования и определяют его рамки» [2. С. 649]. Понятие «почва» у Ратцеля приобретает самое широкое значе-

ние и включает всю окружающую среду с ее реками и озерами, болотами и ручьями, горами и долинами, равнинами и оврагами, с климатическими зонами, с чередованием сезонов, перепадами температур, близостью или отдаленностью от экватора, северного или южного, полярного круга, тропика Козерога или Рака, близостью или отдаленностью от моря, океана, определяющими морской или континентальный характер климата данной страны.

Далее, по мысли Ратцеля, следует обратиться к народоведению, которое должно ответить на вопрос строения человеческих индивидуумов как носителей природы данного народа. Следовательно, следующим структурным элементом ратцелевской политической географии должна стать и действительно стала научная дисциплина антропология как совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением происхождения, развития, распространения человека по земле, его существования в природной среде. Затем, полагает Ратцель, объективный исследователь обращается к анализу материальной и духовной культуры народа, ее изучает этнография как наука.

Итак, структура ратцелевской политической географии (геополитики) вырастала на основе географии физического мира, его ландшафта и климатических зон, географии растений и животных, географии миграций флоры и фауны, создававшей ту самую «почву» для вызревания данного человеческого общества в данных географических условиях.

Кроме того, Ратцелю важно было учесть в своих научных построениях, что человеческое общество формируется не только одними географическими условиями. Как мы показали выше, он, безусловно, понимал, что общество в процессе исторического развития создает собственные культурные образцы, свою искусственную среду обитания. Поэтому для исследования и понимания данного общества следует учитывать не только его «почву», но и его «кровь», привлекать данные не только географии, но и истории, антропологии, этнографии, культурологии.

Именно на стыке этих наук: географии, истории, антропологии, этнографии, культурологии, а для высокоразвитых обществ еще и литературы, искусства, религии, формировалась ратцелевская политическая география, включившая в свою структуру как элементы «почвы» (физической географии, географии растений, животных, человека), так и элементы «крови», т.е. истории, антропологии, этнографии, культурологии человеческого общества. Эти научные дисциплины и составляют, по представлениям Ратцеля, структуру создаваемой им политической географии.

Если отталкиваться не от чисто научного пути и исследовательских задач Ратцеля, а от реальных условий, в которых развивается человечество, то новая ратцелевская наука, как он сам это признавал, может быть структурирована по сферам природы, т.е. разделена на геосферу (территория суши); гидросферу (водная среда); атмосферу (воздушная среда).

Именно от качеств этих сред, их соотношения, наличия или отсутствия гор, равнин, больших рек, выхода к морю многое зависело в формировании конкретных народов и построении ими своих государств.

Кроме того, судя по названиям главных геополитических произведений Ратцеля (Земля и жизнь: Сравнительное землеведение. 1901; Народоведение. 1882–1891; Политическая география, 1897), структура его новой науки включала: дисциплины о Земле с разнообразием ее природных условий; дисциплины о разных человеческих сообществах, живущих в разных природных и географических условиях; дисциплины о государствах, созданных в разных обществах, существующих в разных географических условиях.

При этом дисциплины о земной природе и о различных человеческих обществах играют как бы вступительную роль, отдавая главную дисциплине о государствах. А законы геополитики строятся Ратцелем исходя из того, какое место на планете занимают эти государства, какое население составляет его гражданское общество.

Последователь Ратцеля, автор термина «геополитика» шведский государствовед и географ Рудольф Челлен (1864–1922) также не ставил проблемы структуры геополитики, однако в его главной книге красной нитью проходит назревшая необходимость создать более широкую теорию государства, чем представление о последнем только как о субъекте права. Он связывает государство с геополитикой, определяя ее как «учение о государстве как о географическом организме или явлении в пространстве, о государстве как о земле, или, точнее, прежде всего, – как о территориальном господстве» [3. С. 94]. Как видим, автор названия науки геополитики понимал эту науку довольно узко. В его учении о государстве, которому он посвятил свою знаменитую книгу «Государство как господство. Геополитика», геополитика занимает только одну главу. Раздвигая пределы государства, Челлен одновременно сужает область применения геополитики, под которой он понимал то, что сегодня считается внутренней геополитикой.

Ратцелевско-челленовская модель изучения государства предполагает «пять различных его сторон: территорию, хозяйство, народ, общество и власть. В соответствии с этими сторонами наука о государстве должна быть разделена на пять научных направлений: геополитику, экополитику, демополитику, социополитику, кратополитику» [4].

Челлен, внимательно изучивший работы своего предшественника Ратцеля и особенно его «Политическую географию», постоянно следивший за процессом международной политики и взаимодействием ведущих государств на мировой арене, стал понимать последние не только как юридические субъекты, но и как живые, развивающиеся организмы, взаимодействующие с окружающей средой и вступающие во взаимоотношения с подобными себе (Ратцель). Для такой «расширенной» модели государства Челлену потребовалось не

только изменение взгляда на его природу и внутреннее строение, но и на его внутриполитическую и международную деятельность. Структуру геополитики как науки о государстве в смысле территории должны составлять следующие дисциплины.

1. Топополитика (гр. topos – место), которая изучает положение государственной территории по отношению к территориям соседних государств. Топополитику интересует не столько географическое положение государства, сколько давление, которое оно оказывает на соседние страны или испытывает от них. Топополитика у Челлена – не географическая и политическая дисциплина. Она исследует не географическое, а политическое окружение государства, политическое устройство и количество населения соседних стран. Со ссылкой на Зупана Челлен использует термин «коэффициент давления»[1]. «Зупаном предложено особое математическое выражение, которое он называет коэффициентом давления и которое он получает путем деления суммы населения всех прилегающих государств на население данного государства» [4].

2. Морфополитика (гр. morphos – форма) – это учение о форме государственной территории. По мнению Челлена, ее можно было бы назвать «картополитикой, т.е. исследованием фигуры, которая образуется границами государства на географической карте. Главное внимание морфополитики должно быть сосредоточено на изучении внешних очертаний территорий государств, т.е. государственных границ, образующих ту или иную форму» [Там же]. Морфополитика также призвана была исследовать влияние развития путей сообщения, сокращение сроков перемещения грузов и пассажиров внутри этой государственной «формы», возможностей пересечения границ и т.д. Вообще морфополитика, по мысли Челлена, должна была изучать все факторы «государственной фигуры», так или иначе влияющие на «внутреннюю спаянность территории».

3. Физиополитика, изучающая проблемы физического заполнения территории государства. Здесь приобретают важное значение географические показатели: широта, долгота, рельеф и естественные богатства.

Челлен решил двойную задачу. Во-первых, он определил место геополитики в системе пяти родственных наук о государстве. Эта система, по его мнению, состоит из геополитики (наука о государстве как географическом пространстве); экополитики (наука об экономике, где государство выступает как народное хозяйство); демополитики (наука о населении, в которой государство представляет собой народ); социополитики (наука об обществе, которое управляется государством); кратополитики (наука о власти, в которой государство выступает как система господства и управления). Во-вторых, если у Ратцеля геополитика – это наука о связи географии и политики, о детерминации политики государства его географическим положением, то у Челлена геополитика – наука об одной из ипостасей государства, государстве как географическом пространстве. Если геополитика Ратцеля – совершенно самостоятельная наука, то Челлен помещает геополитику в систему государстведческих наук, геополитика у него занимает место «первой среди равных» научных дисциплин о государстве.

Итак, если структура самой геополитики у Ратцеля четко не определена и может быть представлена и в виде системы смежных дисциплин, и в виде «почвы и крови», за которыми маячат дисциплины о земле и дисциплины об обществе, и в виде системы дисциплин о земле, человеческом обществе и государстве, то структура геополитики у Челлена строго и определенно состоит из топополитики, морфополитики и физиополитики.

Классический период в развитии геополитики длился, по нашему мнению, от первых геополитических работ Ратцеля (1880-е гг.) до окончания Второй мировой войны (1945 г.), когда произошел новый передел мира, была создана ООН, появилось оружие массового уничтожения, значительно сократились возможности развязывания войн, завоеваний и аннексии территорий и перестали действовать классические законы «пространственного роста государств»[2], выведенные основателем геополитики.

Еще одним из известных геополитиков, творчество которого приходится на классический период развития этой науки и было тесно связано со структурированием геополитики, был Эрих Обст. В работе «Англия, Европа и мир» (1931) он, правда, не столько выявляет структуру геополитики, сколько, используя геополитический подход, структурирует мир по занимаемой колониальными державами площади земной поверхности и по населению, проживающему на этой площади. В результате у него получается картина, характеризующая распределение земной поверхности и населения земного шара в 1925 г., показывающая процентное соотношение между основными государствами того периода: Британской империей, Китаем, Россией, США, Францией, Германией, Японией, Голландией и др.

Затем, зафиксировав эти две главные структурные характеристики геополитики (площадь территории и количество населения государств) на 1913 г., Обст сумел сравнить довоенную и послевоенную структуры мира. Свои выводы он изобразил в виде четырех диаграмм: «Земная поверхность» на 1913 и 1925 гг. и «Население земного шара» на те же годы [6. С. 106–107].

Целью немецкого геополитика было показать, как неравномерно и несправедливо переделены в результате Первой мировой войны территории и население колоний между колониальными державами и насколько необходим новый передел мира для восстановления «попранной справедливости» по отношению в первую очередь к Германии.

Структуру же геополитики как науки, по Обсту, можно предполагать (хотя он не ставил целью структуризацию этой науки) как дифференциацию ее на две составляющие, изучающие две главные ее характеристики: геополитику территорий государств и земной

поверхности; геополитику населения государств и населения Земли.

С помощью такого дуального подхода к структурированию геополитики Обсту удалось не только зафиксировать геополитическое положение и расположить государства согласно их геополитическому статусу, не только сравнить геополитические статусы одних и тех же держав в разное время их существования, но и решать одну из важнейших задач геополитики – построить геополитическую структуру мира.

Структура современной геополитики

К современной геополитике относится период начиная с конца Второй мировой войны по сегодняшний день. Современная геополитика, стараясь адекватно отражать колоссальные изменения, происходящие в мире, сильно изменилась по сравнению со своими классическими образцами, в том числе по проблеме структурирования.

Структура современной геополитики, с одной стороны, продолжает традиции, заложенные классиками, а именно: ведет ратцелево-челленскую линию на дифференциацию научных направлений геополитики; придерживается линии Обста, т.е. старается соответствовать в своей дифференциации разделению структуры мира на отдельные государства. С другой стороны, структура современной геополитики, безусловно, имеет существенные отличия от классической. Эти отличия, по нашему мнению, проявляются в следующих аспектах.

1. В более широком толковании геополитических факторов. К пространственно-географическому и политическому фактору классической геополитики современные теоретики добавляют финансово-экономический (состояние финансов, определяющее экономическую ситуацию в стране и мире), торгово-экономический (состояние национальной экономики, во многом зависящее от конъюнктуры глобального рынка), социально-политический (взаимодействие государства и гражданского общества), культурно-цивилизационный (толерантность или столкновение цивилизаций), национально-этнический (национальное единство или этнические конфликты), экологический, миграционно-демографический и ресурсный факторы.

2. В стремлении «к контролю не только реальных, но и виртуальных пространств. Современная геополитическая борьба развернулась не только в эфире и печати, но и в Интернете, а также в сфере искусств, казалось-бы, далеких от политики» [7. С. 143].

3. «В перестройке международных отношений, связанной с деколонизацией мира. Современные геополитические державы уже не стремятся строить колониальные империи и осваивать новые геопространства. Задачей их геополитики стал контроль потоков и важнейших геополитических центров» [8. С. 254].

4. «В возрастающей динамике. Геополитика XXI века столкнулась не только с быстрыми политическими изменениями, но и с необходимостью фиксировать эти постоянно меняющиеся политические реалии» [8. С. 254].

5. В геополитике появились новые влиятельные акторы. Сегодня не только государства, но и другие цивилизационные образования стали влиятельными геополитическими силами. К ним можно отнести международные транснациональные корпорации, различные межгосударственные объединения, такие как ООН, негосударственные международные организации и проч.

6. К традиционным пространствам геополитики (геосфера, гидросфера и атмосфера) добавились новые (околоземное пространство, подводное пространство, межпланетное пространство, пространство дальнего космоса). Произошло их расширение за счет глубин океана, колоссального увеличения воздушных рейсов, увеличения плотности населения и систем коммуникаций.

7. В современной геополитике появилось понятие геостратегии, т.е. практической реализации геополитических теорий. При реализации какой-либо геополитической концепции может быть применено несколько геостратегий или направлений геополитики. Например, при реализации своей геополитики, заключавшейся в завоевании выхода к морю, Петр Великий осуществил черноморскую, балтийскую и каспийскую геостратегии, добившись успеха в двух последних [9. С. 144].

Эти отличия и дальнейшее изменение мира диктуют необходимость дифференциации структуры геополитики, для того чтобы соответствовать дальнейшей дифференциации мира, получать новые возможности изучения новых реалий и соответствовать этим реалиям.

Средно-сферная структура современной геополитики. Классическая геополитика, как было отмечено Ратцелем, структурировалась по трем средам природы: геосфере (среда суши), гидросфере (морская среда) и атмосфере (воздушная среда). Современная геополитика, как сказано выше, прибавила к ним подводную среду, космос и виртуальные среды Интернета, радио-, телеэфира, среду печатной продукции. Мы можем констатировать, что в современной геополитике сложилась средно-сферная структура, позволяющая отделять геополитические явления и процессы, происходящие в разных природных и виртуальных сферах и приводящие к разделу и переделу этих сред.

Кроме того, классическая геополитика структурировалась по сферам человеческого общества. Классики геополитики не имели четкого представления о сферной структуре общества[3], тем не менее и Ратцель, и Челлен оперировали понятиями сфер политики, экономики, культуры и военной сферы. При этом Ратцель включал в сферу культуры развитых народов литературу, искусство и религию. Это можно понимать, как его намек на существование внутри каждой из сфер нескольких субсфер.

Реалии современного мира и современная геополитика доказывают это предположение классика. Современ-

ный мир теперь делится и переделяется между великими державами не только по сферам (политической, военной, экономической, культурной), но и по субсферам.

В сфере политической явно выделяются субсферы внутренней и внешней политики, в сфере экономики – субсферы жилищного строительства, производства автомобилей, энергетики, транспорта, туризма [10, 11], в сфере культуры – субсферы спорта, рокмузыки, моды. Во всех этих субсферах великие и малые державы, конкурируя между собой, стараются продемонстрировать достижения, усилить влияние, поднять свои геополитические статусы.

Например, в экономической сфере сегодня развернулась серьезная борьба в субсфере энергоносителей. Мы наблюдаем настоящую битву между Россией, США, Азербайджаном и ближневосточными нефтедобывающими странами за передел обеспечения нефтью и газом Европы. Такая же борьба идет в субсфере продажи сельскохозяйственной продукции, точнее, в субсубсфере продажи зерна между главными его производителями – США, Россией, Австралией и Канадой. Не прекращается борьба за расширение рынков сбыта (и реструктуризацию субсусфер геополитического влияния) автомобилей, компьютеров, мобильных телефонов, бытовой техники, одежды и обуви, строительных товаров, лекарственных препаратов и т.д.

Иногда эта борьба приобретает конфликтные формы, в ней используются «запрещенные приемы», как например, обвинения Китая Соединенными Штатами Америки в завышении торговых тарифов или обвинение России в «неправильном поведении», в уничтожении пассажирского Boeing над территорией Украины. Но это не опровергает, а доказывает наличие и серьезность конкуренции между великими державами буквально во всех сферах и субсферах современного мира.

Нами уже было показано, что в субсферах новой геополитической борьбы начали возникать субсубсферы. Например, в субсфере массовой культуры явно выделяются субсубсфера киноискусства, делящая мир на зоны влияния американского, индийского, европейского, российского (когда-то советского) кино, в субсфере спорта можно выделить субсубсферы наиболее популярных его видов – футбола, хоккея, баскетбола, волейбола, легкой атлетики, биатлона и других, достижения в которых в той или иной стране повышает ее влияние в мире, т.е. геополитический статус.

Сегодня можно утверждать, что не только началась, но и продолжается дальнейшая дифференциация геополитики по сферам, субсферам и субсубсферам, а следовательно, появляются и в дальнейшем будут появляться новые сферы геополитической борьбы. Эта постоянная дифференциация усложняет структуру мира и ведет к дальнейшей дифференциации сферной структуры геополитики.

Структуру современного мира также усложняет и отличает от структуры мира времени классической геополитики появление на арене геополитической борьбы наряду с государствами других акторов, а именно: транснациональных корпораций (в экономической сфере), гигантских фирм со своими зонами влияния по прокату кинофильмов и устройству путешествий (в культурной сфере), частных компаний по решению военных проблем (в военной сфере).

Кроме статического раздела мира среды и сферы, на зоны влияния государств в этих средах и сферах современную геополитику отличает от классической ее динамичность, которая определяется не только усилившимся темпом изменений, но и образованием постоянных международных потоков: информации, товаров, финансов, рабочей силы, туристов, спортсменов и болельщиков, студентов, мигрантов и др. Эти потоки усложняют геополитическую картину современного мира, вносят свои коррективы в распределение зон влияния между государствами, ставят в повестку проблему управления ими.

Таким образом, раздел и передел мира между крупнейшими державами сегодня происходит не только по величине территории и населения их колоний (Обст), и не только по величине армий (Клаузевиц), но и по темпам развития экономической, социальной, культурной сфер, по величине влияния их во всех вышеназванных и возникающих суб- и субсубсферах жизни.

Все эти структурные изменения мира изучает современная геополитика, которая, хотим мы того или нет, следует за этими переменами и приобретает соответствующие изменения своей структуры. В процессе усложнения и дифференциации международной жизни на экономическую, политическую, культурную, военную и, возможно, другие сферы, дифференциации этих сфер на суб- и субсубсферы эти образования проявляются и в структуре геополитики как научной дисциплины, изучающей структуру мира и ее изменение. Такую структуру геополитики можно назвать средно-сферной.

Научно-дисциплинарная структура современной геополитики. Выяснив, какие изменения произошли в структуризации мира и средно-сферной структуре современной геополитики, обратимся теперь к изменениям в научно-дисциплинарной структуре современной геополитики. В научно-дисциплинарной структуре современной геополитики также произошли существенные изменения, а именно:

– если во время классической геополитики ученые призывали максимально реализовать идею прогресса на основе разума и науки, то в XXI в. пришло понимание того, что наука может принести не только добро, но и серьезно навредить человечеству и даже привести к исчезновению всего живого на планете;

– если в XIX и XX вв. доминировали принципы классической науки – фундаментализм, редукционизм и социокультурная автономия знания, проявляющаяся в его независимости от социокультурного контекста, в котором оно было сформировано, то в XXI в. на смену этим принципам пришли плюрализм, антифундаментализм и экстернализм.

– для развития современной геополитики важно, что в наше время естественные науки не отделены от социальных наук непроходимой стеной, а сопрягаются с ними;

– современные ученые рассматривают нашу планету как единый постоянно развивающийся организм, начиная с момента ее возникновения и заканчивая социокультурным развитием, что, безусловно, служит ускорению развития геополитики;

– современные ученые перестают прочерчивать четкую разделительную грань между объективным миром и субъективным миром человека. То есть проблемы, поднимаемые в психологии, социологии и геополитике стали тесно соприкасаться с миром неживой природы. Это соответствует пониманию мира геополитиками;

– если во времена классической геополитики наукой отвергалась способность человечества влиять на планету и законы природы, то сейчас большой популярностью пользуется теория, согласно которой не только Земля, но и Вселенная такова, какова она есть в силу присутствия в ней человека;

– если во времена классической геополитики основное внимание было направлено на установление баланса, устойчивости в мировой политической системе, то в современной науке, и в геополитике в том числе, – на нестабильность, изменчивость и развитие;

– использование компьютеров и иной техники позволило исследователям сделать ранее невозможные эксперименты и исследования и резко увеличить их количество.

Изменения в научно-дисциплинарной структуре современной геополитики связаны с развитием самого предмета исследования, углубленным анализом различных его сторон. Появились исследования на границе геополитики и психологии. Психология геополитики пытается разработать стратегию исследования структур геополитического мышления среди политических лидеров, политических активистов и простых граждан, изучает структуры сознания, их влияние на интерпретацию геополитических проблем, восприятие отдельными лицами и группами своей идентичности, интересов и действий. В частности, Томас Джордан исследует, как определенный тип сознания может быть связан с типичным способом геополитического мышления. Общая гипотеза такого подхода заключается в том, чтобы выделить несколько различных способов мышления, различающихся определенными общими качествами когнитивных операций или структур сознания. Если такие различия существуют, они неизбежно повлияют на то, как геополитические проблемы воспринимаются и интерпретируются, а также на то, как отдельные лица и группы определяют свою идентичность, свои интересы, оценивают альтернативы своим действиям. Другими словами, определенный тип сознания может быть связан с типичным способом геополитического мышления. Это подразумевает характерные конструкции геополитических интересов: внутригрупповых («мы»), интересов внешних групп («другие»), а также характерные способы восприятия возможных результатов или стратегий в конфликте интересов [12].

Многие исследователи геополитических проблем осуществляют философскую рефлексию классических и собственных концепций. Можно говорить о развитии такого структурного элемента геополитической науки, как философия геополитики. Философия геополитики осмысливает методологию геополитического анализа. Одно дело геополитическая теория на основе марксизма и совсем другое – на основе постструктурализма и теории деконструкции (критическая и структурная геополитика). Так, Даниэль Дьюдни стремится переосмыслить геополитику как более концептуально обоснованную и сложную теорию, используя обобщенную версию аппарата марксистского исторического (производственного) материализма для конструирования геополитики [13].

Представители критической геополитики, обосновывая важность исторической и политической критики, анализируют ее вхождение в популярный языковой и политический дискурс, полагая, что отсутствие критики в отношении истории и философии геополитики легко приводит к значительным ошибкам [14]. Под влиянием постмодернизма, особенно теории «силы знания», предложенной Мишелем Фуко и теории деконструкции Жака Дерриды, ученые-геополитики переосмыслили классическую геополитику, что привело к рождению критической геополитики. Размышляя над онтологией, эпистемологией и интеллектуальной историей традиционной геополитики, критическая геополитика подвергает сомнению некоторые ее базовые гипотезы. Представители этого направления определяют ее как комбинацию ряда политических дискурсов, заявлений и практик, направленных на деконструкцию традиционных геополитических теорий и раскрытие властных отношений, скрытых в них. Такую реинтерпретацию классической геополитики дают Ху Жидинг и Лу Дадао, исходя из их цели – предложить геополитическую теорию, адаптированную к национальным условиям Китая. Геополитика имеет свои контекстуальные корреляты и содержится в реальном социальном воспроизводстве власти. Социальная и политическая «география» – разновидность земного письма, а также культурного и политического письма мирового значения [15].

Существенные изменения в научно-дисциплинарной структуре современной геополитики сегодня во многом связаны с дальнейшей дифференциацией геополитики как науки по сферам, субсферам и субсубсферам, а следовательно, появляются и будут появляться новые направления геополитической науки. В частности, можно говорить о формировании геополитики производства знания. Геополитика производства знаний как одна из структурных отраслей геополитики

изучает неравенство в его производстве. Так, например, в Центре исследований критического развития (CCDS) Университета Торонто, Скарборо совместно с междисциплинарной международной исследовательской Открытой сетью науки и развития (OCSDnet) проводится изучение вопросов когнитивной справедливости, равноправного сотрудничества в сфере производства знаний. Исследуется природа глобального производства знаний. Ученые задаются вопросом, существует ли неравенство в представленности содержания академических знаний, созданных исследователями «Глобального Юга», изучают механизмы и силовые аспекты, посредством которых активно используются структуры такого неравенства, анализируют последствия неравенства в отношении разнообразия знаний. Выясняют, оспаривает ли открытая научная практика существующую институциональную асимметрию власти или же эти новые разработки и практики еще больше маргинализуют людей, производящих знания из неведущих стран [16].

Один из исследовательских проектов данной группы [Там же] касается содержания и географического разнообразия научных журналов, влияния наличия или отсутствие таковых на производство знаний. Другой проект направлен на проблемы финансирования академической издательской индустрии, на изучение различных аспектов экономического, делового поведения представителей издательской индустрии. Выявляются возможности монополистического поведения в отрасли, чтобы понять их последствия для производства неравенства и уязвимости в производстве знаний. Имеется проект, посвященный силе и неравенству в открытой научной политике. Проект стремится раскрыть структуры власти и неравенства в производстве знаний и выработке политики, изучая конструкцию дискурса «Открытая наука» («Open Science»). Ставится проблема идеологического влияния проекта «Открытая наука» на усиление глобального неравенства в знаниях в различных областях науки. Интерес исследователей касается также «технологий контроля» торговой, антимонопольной политики в сфере производства знаний и политики в области интеллектуальной собственности.

Нам представляется, что геополитика знания или несимметричное его распределение на поверхности планеты не соответствует потребностям, числу населения ведущих и развивающихся стран. Знания генерируются в основном ведущими державами, а также небольшими странами с развитой наукой. Страны, производящие знания, распределены на земной поверхности крайне неравномерно. Большая часть их находится в Европе и в Северной Америке, а такие континенты, как Африка, Азия, Латинская Америка явно обделены в этом отношении. Кроме того, знания не просто генерируются неравномерно, но и условия генерации знания, порой усложнены. Так, в Азии непросто получить хорошее образование, опубликовать статью в ведущих научных журналах. Страны, в которых хорошо развиты образование и наука, имеют свои зоны влияния. Влияние Европейского образования и науки проявилось, например, при реформировании российской высшей школы, переводе ее на двухуровневое образование. Проблема геополитики производства знания является актуальной и применительно к изучению публицистической активности современных российских ученых. В нашей стране существует расхождение между потребностями ученых, требованиями к ним и их возможностями публикации в зарубежных изданиях.

Со времени классической геополитики [17] научно-дисциплинарная структура современной геополитики существенно расширилась и сегодня, по нашему мнению, включает: геоисторию, которая изучает взаимодействия политических акторов и расстановку сил на международной арене прошлого; геоэкономику – науку о геополитических стратегиях политических акторов; геокультурологию, исследующую культурные изменения в мире в широком смысле этого понятия, т.е. от трендов культурных ценностей и норм личности и отдельного общества до глобальных изменений культуры; геоэтнополитику – науку, изучающую проблемы расселения и миграции этносов на поверхности Земли; геоконфессиологию, изучающую географическое распространение различных религиозных конфессий; геоконфликтологию, изучающую геополитические проблемы с точки зрения возникновения и разрешения конфликтов; глобалистику (хотя она себя позиционирует как самостоятельная наука) как составную часть геополитики в том смысле, что решать любые глобальные проблемы придется с помощью согласованных решений всех государств мира; геофутурологию, занимающуюся предсказанием тенденций дальнейшего развития общества, составлением тех или иных сценариев, ситуаций, формулированием теоретически обоснованных гипотез по структуризации и реструктуризации мира, а также другие науки.

Научно-дисциплинарная, так же как и средносферная, структура современной геополитики, реагируя на бурное развитие науки, постоянно изменяется, прирастая образованием новых или разделением «старых» дисциплин на новые научные дисциплины. Исследование структуры современной геополитики поможет ученым всех отраслей науки, связанных с геополитикой, самим геополитикам и политикам-практикам лучше понимать тенденции развития современной геополитики, ее состояние и внутреннее устройство, решаемые задачи и перспективы развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кстати, если сложить количество населения всех прилегающих к современной России стран (Норвегия – 5 млн, Финляндия – 5,5 млн, Эстония – 1,5 млн, Латвия – 2,5 млн, Литва – 3,5 млн, Украина – 42 млн, Польша (граничит с Калининградской обл.) – 38 млн, Грузия – 3,5 млн, Азербайджан – 10 млн, Казахстан – 18 млн, Монголия – 2 млн, Китай – 1,4 млрд, Япония – 126 млн), то получится цифра (1 660 млн), намного превышающая население России (144 млн.), а коэффициент давления, оказываемого на нее, составляет 11,5. Это очень высокий коэффициент.

Для сравнения: коэффициент давления на США (население 330 млн) от ее соседей (Канада – 37 млн, Мексика – 130 млн) составляет всего 0,5. Сравнение коэффициентов давления современных России и США (11,5 против 0,5), с учетом того, что Америка окружена дружественными, а Россия – не совсем дружественными странами (РФ с запада окружена совсем недружественными Норвегией, Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой, Украиной), совершенно изменяет наши представления об испытываемом этими странами топополитическом давлении. Если в случае с Россией еще прибавить испытываемое ею политическое давление стран Запада в ООН, в СМИ, различных международных организациях и в двусторонних отношениях, их экономическое давление в виде санкций и ограничений в торговле, то можно констатировать, что Российская Федерация, выдерживающая такой многосторонний и разнообразный напор, – настоящий геополитический гигант. Использование челленовских формул к современной проблематике лишний раз показали теоретическую важность и практическую значимость структурирования геополитики.

[2] В своей статье «О законах пространственного роста государств» Ф. Ратцель так описывает семь законов экспансии: 1) протяженность государств увеличивается по мере развития их культуры; 2) пространственный рост государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного «притягательного излучения», прозелитизма; 3) государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости; 4) граница – это орган, расположенный на периферии государства (понятого как организм); 5) осуществляя свою пространственную экспансию, государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории; 6) изначальный импульс экспансии приходит извне, так как государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией; 7) общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает самое себя (Александр Дугин. Фридрих Ратцель. https://www.geopolitica.ru/article/fratcel) [5].

[3] Этой структуры, пожалуй, нет и сегодня, но большинство российских геополитиков придерживаются теории, утверждающей четырехсферную структуру общества, состоящего из сфер политики, экономики, культуры и социальной сферы. Эта сферная структура общества, удовлетворительно объясняющая его внутреннее устройство, не совсем подходит для понимания устройства международных отношений. Здесь более подходит структура общества, состоящая из сфер политики, экономики, культуры и сферы военных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатьева И.Ф., Исаев Б.А. Геоэкономика как структурный элемент геополитики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 213–223.
2. Ратцель Ф. Земля и жизнь сравнительное жизнеописание : в 2 т. СПб., 1906. Т. 2. 758 с.
3. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 319 с.
4. Ден В.Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики. URL: file:///C:/Users/User/Desktop/Den%20vs%20Rudolf_Kjellen.pdf (дата обращения: 03.01.2019).
5. Дугин А. Фридрих Ратцель. URL: https://www.geopolitica.ru/article/fratcel (дата обращения: 07.11.2018).
6. Обст Э. Англия, Европа и мир. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1931. 325 с.
7. Исаев Б.А. Политология. История политических идей, современные политические идеологии, политические и партийные системы, международные отношения и национальная безопасность. СПб. : Питер. 2005. Сер. Краткий курс (5-е изд.). 174 с.
8. Исаев Б.А. Геополитика : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб. : Питер, 2016. 496 с.
9. Исаев Б.А. Геополитические эпохи развития Российского государства. Политическая экспертиза // ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1, № 2. С. 140–152.
10. Игнатьева И.Ф. Многомерность туризма: философский, экономический, политический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, № 3. С. 307–315.
11. Игнатьева И.Ф. Туризм как фактор предупреждения геополитических конфликтов // Конфликтология. 2014. № S. С. 409–411.
12. Jordan Thomas. Structures of geopolitical reasoning. Outline of a constructive-developmental approach [Published as: Occasional Papers 1998:9, Kulturgeografiska Institutionen, Handelshögskolan, Göteborgs Universitet]. URL: http://www.perspectus.se/tjordan/Structuresgeopol.html. (дата обращения: 08.01.2019).
13. Deudney D. Geopolitics as Theory: Historical Security Materialism First Published March 1, 2000 Research Article. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1354066100006001004 (дата обращения: 08.01.2019).
14. Hepple W. The revival of geopolitics. Author links open overlay panelLeslie // Political Geography Quarterly. Volume 5, Issue 4, Supplement 1. October 1986. P. S21–S36. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0260982786900558 (дата обращения: 08.01.2019).
15. Zhiding H.U., Dadao L.U. Re-interpretation of the classical geopolitical theories in a critical geopolitical perspective // Journal of Geographical Sciences. № 26 (12). P. 1769–1784. URL: http://www.geogsci.com/article/2016/1009-637X/38805 (дата обращения: 08.01.2019).
16. Geopolitics of Academic Production. URL: http://knowledgegap.org/ (дата обращения: 12.01.2019).
17. Сирота Н.М. Школы и теории геополитики. СПб. : ГУАП, 2010. 158 с.

Boris A. Isaev. St. Petersburg State University of Aerospase Instrumentation (St. Petersburg, Russia). E-mail: isaevboris@yandex.ru
Irina F. Ignatyeva. The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia). E-mail: iifed@mail.ru

STRUCTURE OF GEOPOLITICS

Keywords: The structure of geopolitics; the differentiation of geopolitics by spheres; the differentiation of geopolitics by sub-spheres; the environment-sphere structure of modern geopolitics; the scientific and disciplinary structure of modern geopolitics.

The purpose of this article is to analyze the structure of modern geopolitics, the description of the views of the classics, the founders of geopolitics and modern geopoliticians on the structure of this science.

The structure of classical geopolitics is represented by the concepts of the German geographer Friedrich Ratzel, the Swedish state scholar Rudolf Chellen and the German geopolitician Erich Obst. Classics of geopolitics do not formulate the structure of their science in a complete form, but the idea of it can be derived by analyzing their works.

In particular, Ratzel concluded that to study and understand society, it is necessary to take into account not only its “soil” but also its “blood”, to involve data not only from geography, but also from history, anthropology, ethnography, and cultural studies. These scientific disciplines constitute, according to Ratzel, the structure of political geography created by him, or geopolitics. In addition, Ratzel science, as he himself admitted, can be structured according to the spheres of nature, that is, is divided into: the geosphere (land area); hydrosphere (aquatic environment); atmosphere (air).

Rudolf Chellen continued Ratzel’s geopolitical approach and applied it to the study of states. The Chellenge model of the state involves five different aspects of it: the territory, the economy, the people, society and government, and five scientific disciplines exploring these aspects: geopolitics (the science of the state as a geographical area); economy policy (science of economics, where the state acts as a national economy); demopolitics (the science of the country’s population); sociopolitics (the science of a society governed by the state); powerpolitics (the science of power, in which the state acts as a system of domination and control). Chellen defines the structure of geopolitics more strictly than Ratzel. It consists of topopolitics, morphopolitics and physiopolitics.

Erich Obst structured the world on the borders of the land surface occupied by the colonial powers and on the population living in this area. As a result, he has a picture that characterizes the distribution of the surface and population of the globe between the great powers. The structure of geopolitics as a science, according to Obst, can be represented as its differentiation into two components: the geopolitics of the territories of states and, in general, the earth's surface; geopolitics of the population of the state and, in general, the population of the Earth.

Modern geopolitics continues the traditions established by the classics. It continues the Ratzel-Chellen line of differentiation of scientific directions of geopolitics, it adheres to Obst's line on the differentiation of the world according to zones of influence of the leading powers. The modern world is now divided between the great powers not only by spheres (political, military, economic, cultural), but also by sub-spheres. In the political sphere, the sub-spheres of domestic and foreign policy are clearly distinguished, in the economic sphere, the sub-spheres of finance, production, trade, energy, transport, tourism, etc., in the cultural sphere, the sub-spheres of art, sports, fashion, etc. Modern geopolitics includes, in addition to classical environments (geosphere, hydrosphere, atmosphere), the underwater environment, space and virtual environments of the Internet, radio, TV, printed materials. In the process of complicating international life, the emergence of other spheres and subsubspheres is possible. This manifests itself in the structure of the real world, as well as in the structure of geopolitics, as a scientific discipline.

Thus, on the basis of the ideas of the classics in modern geopolitics, an environment-sphere structure has developed. Since its inception, modern geopolitics has significantly expanded the subject of its research, and today its structure includes such scientific subdisciplines as geohistory, geoeconomics, geoculturology, geoethnopolicy, geoconfessiology, geoconflictology, global studies, geofuturology, and others.

REFERENCES

1. Ignatyeva, I.F. & Isaev, B.A. (2018) Geo-economics as a structural element of geopolitics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 213–223. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/21
2. Ratzel, F. (1906) *Zemlya i zhizn': sravnitel'noe zhizneopisanie* [Earth and Life: A Comparative Biography]. Translated from German. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].
3. Kjellen, R. (2008) *Gosudarstvo kak forma zhizni* [State as a form of life]. Translated from Swedish by M.A. Isaev. Moscow: ROSSPEN.
4. Den, V.E. (n.d.) *Uchenie Rudol'fa Chellena o predmete i zadachakh geopolitiki* [The doctrine of Rudolf Kjellen on the subject and objectives of geopolitics]. [Online] Available from: file:///C:/Users/User/Desktop/Den%20vs%20Rudolf_Kjellen.pdf. (Accessed: 3rd January 2019)
5. Dugin, A. (n.d.) *Fridrikh Rattsel'* [Friedrich Ratzel]. [Online] Available from: https://www.geopolitica.ru/article/fratcel. (Accessed: 7th November 2018).
6. Obst, E. (1931) *Angliya, Evropa i mir* [England, Europe and the World]. Translated from German. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz.
7. Isaev, B.A. (2005) *Politologiya. Istoriya politicheskikh idey, sovremennye politicheskie ideologii, politicheskie i partiynye sistemy, mezhdunarodnye otnosheniya i natsional'naya bezopasnost'* [Political science. The history of political ideas, modern political ideologies, political and party systems, international relations and national security]. St. Petersburg: Piter.
8. Isaev, B.A. (2016) *Geopolitika* [Geopolitics]. St. Petersburg: Piter.
9. Isaev, B.A. (2005) Geopoliticheskie epokhi razvitiya rossiyskogo gosudarstva [Geopolitical era of the Russian state]. *Politicheskaya ekspertiza. POLITEKS*. 2005.Vol.1 № 2. pp. 140-152.
10. Ignatyeva, I.F. (2017) Multidimensionality tourism: philosophical, economic, political aspects. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 33(3). pp. 307–315. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.306
11. Ignatyeva, I.F. (2014) Tourism as the factor of the warning of geopolitical conflicts. *Konfliktologiya*. S. pp. 409–411. (In Russian).
12. Jordan, Th. (1998) Structures of geopolitical reasoning. Outline of a constructive-developmental approach. *Occasional Papers*. 9. [Online] Available from: http://www.perspectus.se/tjordan/Structuresgeopol.html. (Accessed: 8th January 2019).
13. Deudney, D. (2000) Geopolitics as Theory: Historical Security Materialism. *European Journal of International Relations*. 6(1). DOI: 10.1177/1354066100006001004. (Accessed: 8th January 2019).
14. Hepple, W. (1986) The revival of geopolitics. *Political Geography Quarterly*. 5(4). pp. 21–36. DOI: 10.1016/0260-9827(86)90055-8
15. Zhiding Hu & Dadao Lu. (2016) Re-interpretation of the classical geopolitical theories in a critical geopolitical perspective. *Journal of Geographical Sciences*. 26(12). pp. 1769–1784. DOI: 10.1007/s11442-016-1357-1
16. The Knowledge GAP. (n.d.) *Geopolitics of Academic Production*. [Online] Available from: http://knowledgegap.org/. (Accessed: 12th January 2019).
17. Sirota, N.M. (2010) *Shkoly i teorii geopolitiki* [Schools and Theories of Geopolitics]. St. Petersburg: GUAP.

УДК 32:930.9+33:930.9
DOI: 10.17223/19988613/59/10

Н.С. Малышева

США И НАЧАЛО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ УГЛЯ И СТАЛИ (1952–1957 гг.)

Статья посвящена проблеме взаимодействия США и первой интеграционной группировки Западной Европы – Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). На основе документов Государственного департамента США и воспоминаний американских политических деятелей автор исследует проблему соответствия принципов общего рынка угольной и сталелитейной продукции экономическим и политическим интересам США в 1950-е гг. Рассматривается вопрос о выполнении европейскими странами заложенных в договоре об учреждении ЕОУС антикартельных положений и попытках американского правительства содействовать их реализации.
Ключевые слова: внешняя политика США; план Шумана; экономическая либерализация; трансатлантические отношения.

Важными вехами, обозначившими начало европейских интеграционных процессов XX в., стало подписание весной 1951 г. и вступление в силу летом 1952 г. Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Его задачами являлись снятие таможенных ограничений в торговле продукцией сталелитейной и угледобывающей промышленности, создание общего рынка тяжелой промышленности шести западноевропейских стран, содействие полной занятости в этой отрасли, а также повышение уровня жизни населения стран-участниц. Реализации Договора о ЕОУС предшествовали напряженные переговоры между Францией, ФРГ, Италией, Нидерландами, Бельгией и Люксембургом, предусматривающие урегулирование таких вопросов, как франко-германские отношения, антикартельное законодательство, статус важнейшего европейского металлургического пула – Рура и ряд других вопросов. Серьезную дипломатическую поддержку оказали США, рассматривавшие будущее интеграционное объединение как способ разрешить кризисные явления в европейской экономике и как средство франко-германского урегулирования. В то же время дальнейшее взаимодействие Соединенных Штатов с новой организацией складывалось неоднозначно.

В отечественной и зарубежной историографии сюжет о политике США в отношении ЕОУС на начальном этапе его функционирования, как правило, не является предметом отдельного исследования. Тем не менее в существующих работах, посвященных роли США в развитии европейской интеграции, отмечается тесная связь между американской поддержкой плана Шумана и его реализацией. При этом взаимодействие американского правительства со странами-участницами плана Шумана рассматривается как часть европейской политики США [1–8] либо как внешний фактор европейской интеграции [9–13]. В работах, посвященных политике США в отношении европейской интеграции, ЕОУС представлено наряду с другими интеграционными проектами – Европейское оборонительное сообщество, Евратом, Европейское экономическое сообщество и т.д. При этом первое интеграционное объединение, предусматривавшее более «скромные» задачи – наднациональное управление угольной и сталелитейной промышленностью, несколько меркнет на фоне последующего создания общего рынка. Таким образом, изучение взаимодействия США с ЕОУС в первые годы его деятельности представляют большой научный интерес. Соответствовала ли работа Единого европейского рынка угля и стали экономическим и политическим интересам Соединенных Штатов?

Идея либерализации международной торговли являлась основополагающей в послевоенной экономической политике США. Либеральные принципы торговли должны были быть в первую очередь применены к разрушенной экономике Европы, где в довоенные годы преобладали протекционизм и стремление к созданию закрытых торговых блоков. Для этого еще в 1940-х гг. было подписано Генеральное соглашение по тарифам и торговле, а также учрежден Международный валютный фонд. Предоставление экономической помощи странам Западной Европы в рамках плана Маршалла (1948–1952 гг.) также было обусловлено снижением таможенных тарифов и увеличением импортных квот. План Шумана, озвученный 9 мая 1950 г., должен был внести свой вклад в развитие свободной торговли, поскольку предполагал создание конкурентной среды для производителей угля и стали, а общий рынок угля и стали должен был воплотить основную задачу экономической либерализации – снятие таможенных барьеров. В учредительном договоре Европейского объединения угля и стали также содержались антикартельные статьи, запрещающие соглашения между предприятиями, направленные на установление цен, контроль над производством и инвестициями, раздел рынков, потребителей или источников продукции [14]. Начиная с 1950 г. американские эксперты консультировали Ж. Монне в основном по вопросам антитрестового законодательства. Выражаясь словами британского историка Дж. Киллика, план Шумана, будучи французской инициативой, был «американским по своему духу» [15. P. 144].

В то же время формирование общего рынка угля и стали выглядело своеобразным экспериментом, не имеющим примеров в экономической истории. К тому же у американских политиков присутствовали опасения, что, несмотря на антикартельные статьи, в среде европейских промышленников очень прочно укоренилась идея воссоздания стального и угольного картеля. Накануне вступления в силу Договора о ЕОУС в июле 1952 г. в американском правительстве развернулась дискуссия о будущем формате отношений США с создаваемой организацией и о возможных сложностях, с которыми они могут столкнуться. Свои соображения высказал Отдел по европейским региональным вопросам в лице заместителя директора Дж. Парсонса. Первой проблемой он обозначил сохраняющуюся опасность обхода европейскими странами антикартельного законодательства и формирования картельной системы производства и продаж. Во-вторых, Парсонс предполагал, что европейские страны будут настаивать на смягчении или полной отмене принятых ими ранее в рамках ГАТТ обязательств, для того чтобы снизить внутренние торговые пошлины, оставив внешние тарифы на прежнем уровне. В связи с этим для наблюдения за функционированием ЕОУС Дж. Парсонс предлагал назначить постоянного представителя США при Высшем руководящем органе, сведущего в вопросах антикартельного законодательства, но не обладающего, впрочем, каким-либо официальным статусом при ЕОУС. Такой статус позволил бы избежать упреков в давлении на европейских союзников, при этом сохраняя «руку на пульсе» европейской интеграции. Немаловажным было то, что отсутствие официально прикрепленного к ЕОУС чиновника позволило бы избежать и финансовых обязательств со стороны США [16. P. 86–87].

Вопрос о финансировании американской стороной ЕОУС действительно обсуждался в Государственном департаменте, и единого мнения во внешнеполитическом ведомстве США не было. Еще в 1951 г. Администрация по экономическому сотрудничеству предлагала выделить 350 млн долларов для обеспечения деятельности Высшего руководящего органа и краткосрочной поддержки промышленных предприятий Западной Европы [17. P. 518–519]. С другой стороны, эксперты Отдела по европейским региональным вопросам считали, что для дальнейшего развития европейской интеграции ЕОУС должно показать свою устойчивость и самостоятельность. Предоставление помощи со стороны США будет поощрять чрезмерную зависимость Европы от США и подпитывать антиамериканские настроения [16. P. 87]. Схожего мнения придерживался специальный представитель США в Европе У. Дрэйпер: нельзя настраивать европейцев на мысли о том, что весь успех ЕОУС должен зависеть от материальной поддержки США [Ibid. P. 105–106]. Поскольку начало работы институтов ЕОУС совпало с ведением переговоров об учреждении Европейского оборонительного сообщества, вопрос о финансировании в 1952 г. был отложен.

Наконец, еще одним аспектом взаимоотношений США и ЕОУС являлась перспектива возможной конкуренции европейской и американской продукции на стальном и угольном рынках. Сталелитейные компании США скептически рассматривали возможности расширения экспорта американской продукции в Западную Европу в основном из-за высоких транспортных расходов и низкой покупательской способности европейских стран в послевоенное время. Будучи ориентированными на внутренний рынок, а также на страны Латинской Америки, в 1945–1955 гг. поставки сталелитейной продукции США в страны ЕОУС составляли 7% от всего экспорта [18. P. 63]. В свою очередь, эксперты Консультативного совета по вопросам совместной обороны при Президенте полагали, что американская экономика слишком устойчива, чтобы рост европейского импорта представлял угрозу отечественным производителям. После окончания Второй мировой войны США оказались безусловным рекордсменом в металлургической промышленности, обеспечивая 45% мирового производства стали. Пик послевоенного производства стали пришелся в США на 1951 г., при этом спрос на продукцию был обусловлен как внутренней потребностью американской экономики, так и военными расходами, возросшими в связи с началом войны в Корее. На первые позиции выдвинулась основанная еще в 1901 г. «ЮС Стил», которая обеспечивала 30% всего производства стали в США. Вместе с тем госсекретарь США Д. Ачесон не исключал некоторых рисков для американской экономики, однако считал, что для укрепления стратегической альянса с Западной Европой придется пойти на уступки [19. P. 613; 20. P. 202].

Таким образом, накануне учреждения Европейского объединения угля и стали в американском правительстве в общих контурах были определены следующие подходы: отслеживать соблюдение странами Западной Европы антикартельного законодательства, не торопиться с предоставлением финансовой помощи, но при этом безоговорочно поддерживать становление общего рынка. 24–25 июля 1952 г. в Париже прошло двухдневное совещание министров стран – участниц плана Шумана, завершившееся вступлением в силу учредительного Договора. США стали первым государством, признавшим новую организацию в августе 1952 г. В Брюсселе было открыто Представительство США при ЕОУС, а в Вашингтоне учреждено европейское представительство организации.

10 февраля 1953 г. официально начал функционировать общий рынок угля, железной руды и лома. Европейским предприятиям был предоставлен 5-летний переходный период до февраля 1958 г., в течение которого они должны были адаптироваться к новым условиям наднационального управления. Шесть стран-участниц также взяли на себя обязательство ежегодно предоставлять в ГАТТ отчет о выполнении условий Договора. Таким образом, помимо наблюдения за созданием общего рынка угля и стали со стороны пред-

ставителя США (которым с 1953 по 1956 г. являлся бывший посол США во Франции Д. Брюс), мониторинг был возложен и на Генеральное соглашение по тарифам и торговле.

Переход к новым условиям функционирования угольного и сталелитейной рынка сопровождался сложностями. Уже осенью 1953 г. Отдел по экономической защите и торговой политике Госдепартамента США обратил внимание на то, что страны ЕОУС нарушают статьи договора, вступив в фактический картельный сговор. Так, в октябре 1953 г. Бельгия и ФРГ установили ограничения на импорт дешевого американского угля. В ответ на протест американской стороны, высказанный в частном порядке, бельгийское и западногерманское правительства утверждали, что данный вопрос уполномочен решать Высший руководящий орган [16. P. 372]. Американская сторона сочла нежелательным выносить этот вопрос на обсуждение в ГАТТ, предпочтя неформальное обсуждение этой проблемы с председателем Высшего руководящего органа ЕОУС Ж. Монне.

Особую важность это приобрело на фоне затянувшейся ратификации Договора об учреждении Европейского оборонительного сообщества. Опасение того, что под угрозой могут оказаться и дальнейшие шаги по экономической западноевропейской интеграции, заставило Правительство США вернуться к отложенному ранее вопросу о финансовой поддержке ЕОУС. В частности, на этом настоял госсекретарь Дж. Даллес, полагая, что финансовая помощь прежде всего необходима Высшему руководящему органу [Ibid. P. 378]. Для эффективного функционирования ЕОУС в апреле 1954 г. Экспортно-импортный банк США предоставил кредит в 100 млн долларов.

Поводом для нового беспокойства стал второй ежегодный отчет о работе Европейского объединения угля и стали, представленный на девятой сессии ГАТТ 1 февраля 1955 г. [20]. По его итогам 5 февраля 1955 г. глава Совета по внешнеэкономической политике сенатор Дж. Додж направил в Госдепартамент меморандум, в котором обращал внимание на открытое нарушение странами ЕОУС антикартельного законодательства. Примерами такого нарушения были согласование производителями экспортных цен, распределение рынков сбыта, централизованная закупка лома. Сенатор указывал, что предоставлением кредита США косвенно поддержали такие действия, «противоречащие правилам и принципам, применяемым в американской промышленности» [21. P. 262]. По мнению Доджа, в данном случае целесообразным было бы пересмотреть политику американского правительства в отношении Объединения.

В ответ на меморандум Дж. Доджа был подготовлен доклад Государственного департамента США, в котором эксперты признавали наличие ценового сговора между европейскими производителями. В то же время отмечалась успешная деятельность Высшего руководящего органа ЕОУС по созданию конкурентной среды и борьбе с ограничительными практиками [21. P. 263–266]. Позже, в октябре 1955 г., Госдепартамент подготовил еще один доклад, в котором давал положительную оценку предпринимаемым в ЕОУС антитрестовым мерам. Подчеркивалось, что предоставленный США кредит был направлен на модернизацию 59 угольных предприятий, ни одно из которых не было замечено в нарушении антикартельного законодательства [21. P. 342].

Таким образом, во внешнеполитическом ведомстве США сложилось особое видение происходящих на общем рынке угля и стали процессов: в переходный период ЕОУС нужно подходить с пониманием, не ожидая быстрого перехода от привычного европейским предприятиям монополизма к экономическому либерализму. Нарушение странами – участницами ЕОУС статей, запрещавших устанавливать национальный контроль над производством и инвестициями, ценами и рынками носило регулярный характер. К примеру, для местных перевозчиков действовали более низкие железнодорожные тарифы, чем для иностранных, а компании продолжали продавать продукцию по своей цене [22. P. 175–177; 23. P. 280]. Попытки Высшего руководящего органа бороться с ограничительными практиками поддерживались Соединенными Штатами, но саботировались европейскими компаниями и правительствами. Таким образом, экономический результат первых лет функционирования ЕОУС оказался намного скромнее, чем можно было ожидать. Намеченные американским правительством планы либерализации западноевропейского рынка так и не были реализованы. В то же время в условиях противостояния с Советским Союзом большее значение приобретал вопрос об обеспечении единства европейских стран и консолидации западных демократий, нежели вопрос об экономических выгодах ЕОУС для американской торговли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Eichengreen B. The European Economy Since 1945: Coordinated Capitalism and Beyond. Princeton : Princeton University Press, 2008. 520 p.
2. Baldwin R., Wyplosz S. The Economics of European Integration. New York : McGraw Hill Inc., 2015. 560 p.
3. Dobson A., Marsh S. The US Foreign Policy since 1945. Second Edition. New York : Routledge, 2006. 283 p.
4. Gillingham J. Coal, Steel and Rebirth of Europe, 1945–1955: The Germans and French from Ruhr Conflict to Economic Community. New York : Cambridge University Press, 1991. 392 p.
5. Hogan M. The Marshall Plan. America, Britain, and the reconstruction of Western Europe, 1947–1952. New York : Cambridge University Press, 1987. 482 p.
6. Lundestad G. “Empire” by Integration: The United States and European Integration, 1945–1997. New York : Oxford University Press, 1998. 200 p.
7. Milward A. The Reconstruction of Western Europe, 1945–1951. Berkely : University of California Press, 1984. 458 p.
8. Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. М. : Деловая литература, 2003. 464 с.
9. Лисовский В.И. «План Шумана» – орудие агрессии американских империалистов // Советское государство и право. 1951. № 7. С. 62–68.
10. Лекаренко О.С. США и процесс объединения стран Западной Европы в 1955–1963 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 408 с.

11. Селезнев Г.К. «Общий рынок» и США. М. : Наука, 1962. 166 с.
12.Симмс Б. Европа. Борьба за господство : пер. с англ. М. : АСТ, 2017. 736 с.
13. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали // Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее : в 6 т. Т. I: Договоры, учреждающие Европейские сообщества. М. : Международная издательская группа «Право», 1994. С. 21–94.
14. Killick J. The United States and European Reconstruction, 1945–1960. London : Fitzroy Dearborn Publishers, 2000. 209 p.
15. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1952–1954. Vol. VI. Part I: Western Europe and Canada. Wash., D.C. : U.S. Government Printing Office, 1986. 1737 p.
16. FRUS. 1951. Vol. IV. Europe: Political and Economic Developments (in two parts). Wash., D.C. : U.S. Government Printing Office, 1985. 1912 p.
17. Stein J. Running Steel, Running America: Race, Economic Policy and the Decline of Liberalism. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1998. 410 p.
18. Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. New York : Norton, 1969. 798 p.
19. Murphy R. Diplomat among Warriors. New York : Doubleday, 1964. 462 p.
20. Second Annual Report of the Member States of the European Coal and Steel Community. URL: https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/GATT/217.PDF
21. FRUS 1955–1957. Vol. IV. Western European Security and Integration. Wash., D.C. : U.S. Government Printing Office, 1986. 659 p.
22. Diebold W. The Schuman Plan: a Study in Economic Cooperation, 1950–1959. New York : Praeger, 1959. 755 p.
23. Gehrels F. The Economic Gains of European Integration // The Journal of Political Economy. 1955. Vol. 63, № 4 (Aug.). P. 275–292.

Nina S. Malysheva. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: nina.barnaul@gmail.com

THE USA AND THE BEGINNING OF THE EUROPEAN COAL AND STEEL COMMUNITY (1952–1957)

Keywords: US foreign policy; the Schuman Plan; economic liberalization; transatlantic relationship.

The article is devoted to the US policy toward the European Coal and Steel Community (the ECSC) at the first stage of its establishment. The objective of the study is to analyze economic and political motives of the US government in supporting the ECSC in 1950s, which set up supranational institutions for the fields of coal and steel in Western Europe. The study is based on historical sources, such as documents of the US State Department and American diplomats' memoirs. The author concludes that the USA encouraged the creation of the European Coal and Steel Community in 1951 not because of political matters only, but also in order to promote a common market, free of trade barriers. Most American supporters of the ECSC project believed that integration would expand beyond coal and steel and it would serve as a first step toward deeper European integration. At the same time, there were some concerns among American diplomats that the participating countries would try to rebuild pre-war cartels in Europe. In that regard, American experts insisted on the anti-cartel provisions to be included in the Treaty of 1951. The European Coal and Steel Community created a framework of rules that banned cartels, eliminated subsidies and forbade price discrimination. The High Authority of the ECSC was authorized to deal with restrictive arrangements and to take an anti-trust action. However, in 1950s the ECSC rules were regularly ignored by European firms and governments. In fact, the steel producers of the European Coal and Steel Community have established a cartel to fix minimum prices for export from the Community. Although the US government tried to discuss the case of the export cartel with the ECSC' members, no positive results were accomplished.

The author came to conclusion that the USA's attempts to support the High Authority in the dismantling of the cartels have failed. European governments were concerned with facilitating national industrial growth, not with American plans of economic liberalization. However, while the Community's progress in combating restrictive practice had been slow, American government continued to support European integration on the whole. That support was indirect, because American intervention was politically risky and could be seen as an American attempt to reshape Europe, rather than a European project. But in second half of 1950s, after the collapse of the European Defense Community, the US government became more active in promoting further economic integration.

REFERENCES

1. Eichengreen, B. (2008) *The European Economy Since 1945: Coordinated Capitalism and Beyond*. Princeton: Princeton University Press.
2. Baldwin, R. & Wyplosz, S. (2015) *The Economics of European Integration*. New York: McGraw Hill Inc.
3. Dobson, A. & Marsh, S. (2006) *The US Foreign Policy since 1945*. 2nd ed. New York: Routledge.
4. Gillingham, J. (1991) *Coal, Steel and Rebirth of Europe, 1945–1955: The Germans and French from Ruhr Conflict to Economic Community*. New York: Cambridge University Press.
5. Hogan, M. (1987) *The Marshall Plan. America, Britain, and the reconstruction of Western Europe, 1947–1952*. New York: Cambridge University Press.
6. Lundestad, G. (1998). *"Empire" by Integration: The United States and European Integration, 1945–1997*. New York: Oxford University Press.
7. Milward, A. (1984) *The Reconstruction of Western Europe, 1945–1951*. Berkely: University of California Press.
8. Borko, Yu.A. (2003) *Ot evropeyskoy idei – k edinoy Evrope* [From the European idea - to a united Europe]. Moscow: Delovaya literatura.
9. Lisovsky, V.I. (1951) "Plan Shumana" – orudie agressii amerikanskikh imperialistov [The "Schumann's Plan" – an instrument of aggression by the American imperialists]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 62–68.
10. Lekarenko, O.S. (2012) *SShA i protsess ob"edineniya stran Zapadnoy Evropy v 1955–1963 gg.* [The USA and unification in Western Europe in 1955–1963]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Seleznev, G.K. (1962) *"Obshchiy rynok" i SShA* ["Common Market" and the United States.]. Moscow: Nauka.
12. Simms, B. (2017) *Evropa. Bor'ba za gospodstvo* [Europe. The Struggle for Supremacy]. Translated from English by V. Zhelninov. Moscow: AST.
13. The EU. (1994) Dogovor ob uchrezhdenii Evropeyskogo ob"edineniya uglya i stali [Treaty on the Establishment of the European Coal and Steel Community]. In: Borko, Yu.A. (ed.) *Evropeyskiy Soyuz: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [European Union: Past, Present, Future]. Vol. 1. Moscow: Pravo. pp. 21–94.
14. Killick, J. (2000) *The United States and European Reconstruction*, 1945–1960. London: Fitzroy Dearborn Publishers.
15. The USA. (1986) *Foreign Relations of the United States*. Vol. 6. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.
16. The USA. (1985) *Foreign Relations of the United States*. Vol. 4. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.
17. Stein, J. (1998) *Running Steel, Running America: Race, Economic Policy and the Decline of Liberalism*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
18. Acheson, D. (1969) *Present at the Creation: My Years in the State Department*. New York: Norton.
19. Murphy, R. (1964) *Diplomat among Warriors*. New York: Doubleday.
20. The EU. (n.d.) *Second Annual Report of the Member States of the European Coal and Steel Community*. [Online] Available from: https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/GATT/217.PDF
21. The USA. (1986) *Foreign Relations of the United States*. Vol. 4. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.
22. Diebold, W. (1959) *The Schuman Plan: a Study in Economic Cooperation, 1950–1959*. New York: Praeger.
23. Gehrels, F. (1955). The Economic Gains of European Integration. *The Journal of Political Economy*. 63(4). pp. 275–292.

УДК 94(420)"1457/1485"
DOI: 10.17223/19988613/56/11

А.Г. Праздников

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ БИТВЫ ПРИ ТАУТОНЕ 29 МАРТА 1461 г.

Битва при Таутоне была крупнейшим сражением в истории Англии, в котором принимало участие несколько десятков тысяч человек. На основании различных по характеру письменных источников удалось реконструировать 117 имен участников, принадлежавшим к различным социальным группам. Анализ их социальных карьер и активности показал разделение на два основных типа, имеющих почти одинаковое статистическое выражение: пассивные участники, не вовлеченные в события войн роз ни до, ни после битвы (47%), и активные приверженцы враждующих династий (45%). Оставшиеся в подавляющем меньшинстве – это лица, сменившие приверженность «партии» в ходе конфликта.
Ключевые слова: войны роз; битва при Таутоне.

Битва при Таутоне 29 марта 1461 г. считается крупнейшим сражением в истории Англии, произошедшим на ее территории. Она – одно из ключевых событий военно-политического конфликта второй половины XV в., известного в англоязычной историографии как войны роз. Хотя событийная сторона войн достаточно подробно изучается уже более двух столетий, однако тут имеется ряд спорных моментов, в том числе касающихся упомянутой битвы.

Деревня Таутон расположена в 19 км к юго-западу от Йорка. В 12 милях (примерно 19 км) к югу от нее находится Феррибридж, где, как считается, произошли первые столкновения армий Йорков и Ланкастеров 28 марта, а на следующий день, в Пальмовое воскресенье, развернулись основные боевые действия. Тим Сазерленд высказал предположение, основываясь на различиях в восприятии времени средневековыми и современными людьми, что все боевые действия были в один день, 29 марта [1]. Большинство высказанных им аргументов можно считать вполне убедительными. Единственное сомнение вызывают расстояния, которые должны были пройти армии к месту битвы в течение 4 или 5 часов – около 20 км каждая. В любом случае не вызывает сомнений, что события, развернувшиеся между Феррибриджем и Таутоном рассматривались современниками как части одного конфликта, поэтому и мы должны именно так оценивать их.

Однако наиболее важно для понимания войн роз как социального явления рассмотрение степени их влияния на общество и участие в этих событиях представителей различных конкретных социальных групп. В этом отношении их история изучена лишь в самых общих чертах: в исследованиях речь идет либо о социальных слоях в целом, либо об отдельных участниках конфликта (причем преимущество отдается представителям высших слоев). Первым часто не хватает конкретики, тогда как вторые относятся к биографическому жанру. Для получения более объективных данных нужно сочетание этих двух подходов: масштабные исследования, основанные на конкретном фактическом материале. Наиболее оптимальным для решения этой задачи представляется просопографический метод.

Изучение социального состава участников крупнейшей битвы войн роз является лучшим способом апробации данного метода. С одной стороны, изучаемая группа будет являться достаточно представительной (насколько это возможно, учитывая характер источников, о чем пойдет речь ниже), с другой – ее можно сравнить с участниками других сражений для построения динамических моделей их социального поведения.

Поименный список участников битвы был реконструирован на основании различных по характеру источников. Самым близким к битве по времени среди них является письмо Уильяма Пастона и Томаса Плейтерса Джону Пастону, брату Уильяма, написанное 4 апреля [2. P. 266–268]. Авторы не были участниками или свидетелями самой битвы, но Уильям был близок к придворным кругам, он состоял в браке с Энн, родной сестрой командующего армией Ланкастеров герцога Сомерсета, что может объяснить скорость, с которой им была получена информация о сражении. В письме названы имена 20 его участников, кроме того, на листе бумаги, по словам первого издателя переписки Пастонов Джона Фенна, прикрепленного к нему, перечислялись 15 имен дворян, павших на поле битвы.

Другое письмо с рассказом о битве было написано 7 апреля Джорджем Невиллем, епископом Экзетерским, для папского легата Франческо Коппини [3. P. 99–101]. Он был братом графа Уорика и племянником лорда Факонберга, командующих в армии йоркистов, и, несомненно, получил сведения от них.

В тот же день, 7 апреля, письмо папскому легату отправил другой епископ – Ричард Бошам, епископ Солсберийский, тоже сторонник йоркистов [3. P. 101–102]. Как и Джордж Невилль, он находился в Лондоне и должен был получить информацию от свидетелей

битвы. В течение следующих десяти дней разными людьми было написано еще шесть аналогичных писем, причем к одному из них был прикреплен список с именами 14 погибших дворян [3. P. 103–106]. 23 мая был созван первый парламент Эдуарда IV, в Свитках которого поименно перечислено 82 человека, обвиненных в государственной измене и лишенных прав за участие в битве при Таутоне [4. P. 477].

Среди хроник второй половины XV в. особое значение для достижения поставленной цели имеет «Хроника Грегори», также содержащая список из 29 участников битвы при Таутоне [5. P. 216–217]. Хроника названа по имени ее первого автора – мэра Лондона (1450–1451 гг.) Уильям Грегори (ум. 1467 г.), которым были описаны события с 1189 до 1452 г. Вторая часть произведения (именно в ней встречаются описания битв войн роз) написана анонимным продолжателем Грегори и доведена до 1469 г. В ряде других хроник содержится лишь более или менее подробное описание событий 29 марта 1461 г., без указаний имен их участников, за исключением нескольких лордов, командующих армиями йоркистов или ланкастерцев или погибших в ходе столкновения и вскоре после него (от полученных ран или казненных победителем).

Еще одним источником информации является анонимная поэма «Роза Руана» [6. P. 198], описывающая битву при Таутоне, которая была создана, предположительно, в том же году. Поэма восхваляет Эдуарда IV, родившегося в Руане, когда его отец был командующим английскими войсками во Франции. Автор поэмы называет 15 лордов и 8 городов, чьи люди участвовали в ней, причем 8 имен не встречаются в других источниках.

Все авторы, писавшие о битве, сходятся в том, что это действительно было крупнейшее сражение периода Войн Роз, а возможно, во всей истории Англии, однако данные о конкретной численности воюющих армий сильно разнятся. Историк Эдуард Холл сообщил о 60 тыс. человек в рядах ланкастерцев и, ссылаясь на списки об оплате военной службы, о 48 660 человек под знаменами Эдуарда IV [7. P. 255]. Анонимный продолжатель Грегори, а также Ричард Бошам сообщают о 200 тыс. сторонников Ланкастеров [3. P. 102; 5. P. 216], а в «Краткой английской хронике» говорится, что на каждой стороне было по 100 тыс. воинов [8. P. 77].

Столь же велики и цифры жертв битвы. В нескольких источниках фигурирует одно и то же общее число погибших – 28 тыс. чел. [2. P. 268; 3. P. 100, 102; 9. P. 175], по данным мастера Антонио, врача папского легата Франческо Каппони, находящегося в Брюгге, это было 30 тыс. человек с обеих сторон [3. P. 106]; продолжатель Грегори называет 35 тыс. человек [5. P. 217], а автор «Краткой английской хроники» – удивительно точную для такого рода произведений цифру в 36 777 человек [8. P. 77]. По данным продолжателя хроники Кройленда, на стороне Йорка пало 8 тыс. человек, а на стороне Ланкастеров – 30 тыс. человек, не считая тех, кто утонул в реке во время бегства [10. P. 425–426]. По словам Николаса О'Фланагана, епископа Элфинского из Ирландии, вскоре после битвы писавшего из Лондона, на стороне Ланкастеров пало 28 тыс. человек, а на стороне Йорков – 800 человек [3. P. 103]. По данным Просперо ди Камулио, миланского посла во Франции, писавшего 12 апреля 1461 г., на стороне Ланкастеров погибло 20 тыс. солдат и 14 дворян, на стороне Йорков – 8 тыс. солдат и 4 дворян. Военный историк Майкл Миллер, опираясь на данные этих источников, а также путем вычислений боевых построений армий, приходит к выводу, что у ланкастерцев в армии могло быть не более 19 тыс. чел., а у йоркистов – 16 тыс. чел. [11].

По сравнению с этими цифрами количество известных по именам участников битвы несравнимо мало – всего 117 чел. К сожалению, в средневековых источниках не содержится более подробной информации, причем по сравнению с другими сражениями Войн Роз это довольно высокий показатель. Количество ланкастерцев среди этих лиц более чем в четыре раза превышает число йоркистов. Это объясняется тем, что в приводимых в источниках списках названы либо погибшие, либо объявленные изменниками. Среди первых преобладали сторонники Ланкастеров, вторыми были только они.

Битва при Таутоне была не только масштабнейшим столкновением на поле боя в истории войн роз, но и самым большим по количеству участвовавших в нем представителей светской знати – более 30 человек (таблица).

Социальный состав участников битвы при Таутоне 29 марта 1461 г.

Социальный статус	Ланкастеры	Йорки
Король	–	1
Герцоги	2	1
Графы	3	2
Виконты	1	1
Лорды	12	8
Рыцари	30	8
Сквайры	21	–
Джентльмены	10	–
Йомены	9	–
Клирики	5	–
Горожане	3	–
Всего	*96*	*21*

В то же время большинство из них сражались на стороне Алой или Белой роз уже не в первый раз. На стороне Ланкастеров таковыми были оба герцога – 25-летний командующий Генри Бофор герцог Сомерсет и Генри Холланд герцог Экзетер; два графа – павший в битве Генри Перси граф Нортамберленд и казненный после нее Томас Кортни граф Девон; лорд Ранульф Дакр, лорд Джон Ловелл, лорд Томас Рус, Ричард Уэллс лорд Уиллоугби, Ричард Вудвилль лорд Риверс, Энтони Вудвилль лорд Скэйлз, лорд Джон Клиффорд, Томас Грей лорд Ричмонд Грей, лорд Джон Невилль (женатый на сестре герцога Экзетера), лорд Лионель

Уэллс (причем четверо последних погибли в бою). «Новичками» были лишь четыре лорда-ланкастерца: Ральф Невилль граф Уэстморленд, Ральф Бигот лорд Маули, Джон Грей лорд Феррерс Гроби (первый муж Елизаветы, дочери Ричарда Вудвилля, будущей королевы Англии) и виконт Уильям Бомон (сын Джона Бомона, погибшего в битве при Нортгемптоне). Оба лорда погибли в битве, виконт Бомон был объявлен государственным изменником.

Сам Эдуард IV также был опытным командиром: он участвовал уже в четвертой битве, каждая из которых была победой для Йорков. Не менее известными командирами были два других лидера йоркистов – Ричард Невилль граф Уорик и его дядя Уильям Невилль лорд Факонберг. Верными сторонниками самого Эдуарда и его отца, герцога Ричарда Йорка, были виконт Генри Буршье, лорд Джон Клинтон, Джон Невилль лорд Монтегю (брат графа Уорика) – они уже четвертый раз, начиная с 1455 г., поддерживал их с оружием. Трижды на полях сражений Йорков поддерживали Джон Буршье лорд Бернерс (брат Генри Буршье) и Джон Туше лорд Одли. Во второй битве за Йорка сражались Джон Моубри герцог Норфолк (чье появление при Таутоне в разгар сражения обеспечило победу йоркистам), Уильям ФицАлан граф Эрандел, лорд Эдмунд Грей Ратин, лорд Джон Скроуп Болтон. Лишь двое лордов впервые встали на сторону Белой Розы, до этого не участвуя в сражениях и не поддерживая явно ни ту ни другую «партию»: Джон Рэдклифф лорд ФицУолтер, погибший в столкновении при Феррибридже незадолго перед основным сражением, и лорд Томас Стэнли.

Самой многочисленной группой среди известных нам участников битвы при Таутоне были представители среднего и низшего дворянства, которых в следующем столетии принято будет обобщенно называть «джентри»: рыцари, сквайры и джентльмены (в общей сложности 69 чел.). Дворянство действительно составляло ядро воюющих армий. Что касается битвы при Таутоне, то Дэвид Граммит считает, что на поле боя было представлено «три четверти английского дворянства» [12. P. 72].

Среди сторонников Ланкастеров выделяется группа из 20 дворян, которые были наиболее верными последователями правящего дома. Они сражались на стороне Генриха VI и Маргариты Анжуйской в предшествующие или последующие годы, некоторые из них погибли, другие отправились в изгнание вместе со своими лидерами. Далее эти дворяне перечислены поименно.

1. Сэр Джон Фортескью, главный судья Суда Королевской Скамьи, будет сопровождать Маргариту Анжуйскую в изгнании [13. С. 128] и вернется вместе с ней в Англию в 1471 г.

2. Сэр Томас Финдерн из Кэмбриджшира, человек из окружения Хамфри Стаффорда герцога Бакингема, погибшего в битве при Нортгемптоне. Сэр Томас сражался на стороне Алой Розы с 1455 г. – и до и после смерти своего лорда, за что и будет казнен в 1464 г. [5. P. 225].

3. Сэр Джон Кортни, брат графа Девона, сам ставший графом после его смерти. Также будет сопровождать Маргариту Анжуйскую в изгнании на континенте [13. С. 128].

4. Сэр Томас Ормонд (или Томас Батлер), младший брат графа Уилтшира.

5. Сэр Ральф Грей из Нортамберленда, шериф Нортамберленда в 1455 и 1459 гг. [14. P. 144, 252], держатель графа Солсбери, получивший его земли на севере после конфискации в 1459 г. и перешедший на сторону Ланкастеров [12. P. 63]. Его сын Томас был женат на дочери другого ланкастерца – лорда Ральфа Грейстока.

6. Сэр Эдмунд Хэмпден, сквайр-телохранитель короля в 1437 г., шериф Мерионетшира в 1447 г. [15. P. 107]. Был в осажденном йоркистами Тауэре в 1460 г. Будет сопровождать Маргариту Анжуйскую в изгнании [13. С. 128].

7. Сэр Уильям Монтфорд, королевский кравчий (не позднее чем 1454 г. [16. P. 232]). Сражался за Генриха VI с 1459 г., будет сопровождать Маргариту Анжуйскую в изгнании [13. С. 128].

8. Сэр Джон Херон из Нортамберлада, шериф Нортамберленда в 1440–1441, 1451, 1456 гг. [14. P. 250; 17. P. 175]. Участвовал в битве при Уэйкфилде, погиб при Таутоне.

9. Сэр Генри Льюис. Участвовал в битве при Уэйкфилде, в 1461 г. обвинен в государственной измене и в дальнейшем не восстановлен в правах.

10. Сэр Уильям Тэйлбойс из Линкольншира. Сражался за Ланкастеров при Сент-Олбансе 17 февраля 1461 г., будет казнен после битвы при Хексеме в 1464 г. [18. P. 782].

11. Сэр Томас Трешэм из Нортгемптоншира. В первой битве при Сент-Олбансе, будучи по должности привратником Королевской Палаты, уже сражался против йоркистов. В 1451 и 1457–1458 гг. он был шерифом Кэмбриджшира и Хантингдогшира, в 1458–1459 гг. – шерифом Сарри и Сассекса [14. P. 251; 17. P. 204, 221], в 1459 г. – спикером палаты общин. Погибнет в битве при Тьюксбери в 1471 г.

12. Сэр Эндрю Троллоп, капитан из Кале, перешедший на сторону Ланкастеров в 1459 г. при Ладфорд-Бридже. С тех пор неизменно сражался на их стороне, был посвящен в рыцари после битвы при Сент-Олбансе 17 февраля 1461 г. В битве при Таутоне погиб.

13. Сэр Ричард Танстолл, сторонник Ланкастеров с 1459 г. и в последующие годы.

14. Сэр Филип Уэнтворт из Саффолка, сквайр-телохранитель короля в 1449 г., шериф Норфолка и Саффолка в 1447, 1459 гг. [14. P. 82; 17. P. 252]. После битвы при Таутоне обвинен в государственной измене, будет казнен после битвы при Хексэме в 1464 г. [5. P. 225].

15. Сэр Роберт Уитинхэм, хранитель гардероба королевы [19. P. 429]. Сражался за Ланкастеров начиная с

битвы при Уэйкфилде, будет сопровождать Маргариту Анжуйскую в изгнании [13. С. 128], погибнет на ее стороне в 1471 г.

16. Сэр Уильям Вакс из Нортхэмптоншира. Будет сопровождать Маргариту Анжуйскую в изгнании [Там же], погибнет при Тьюксбери.

17. Королевский сержант Уильям Джозеф. В парламенте 1455 г., созванном после поражения Ланкастеров в битве при Сент Олбансе, назван одним из трех дурных советников Генриха VI и виновников конфликта наряду с герцогом Сомерсетом и Томасом Торпом [4. P. 280]. Также будет сопровождать Маргариту Анжуйскую в изгнании [13. С. 128].

18. Уильям Гримсби, сквайр-телохранитель короля, хранитель драгоценностей и казначей Королевской Палаты с 1456 г. Сражался за Генриха VI с 1459 г. и будет сражаться в дальнейшем, будет сопровождать Маргариту Анжуйскую в изгнании [Там же].

19. Джон Джоскин из Хертфордшира. Поддерживал Ланкастеров с 1459 г., погиб в битве.

20. Джон Линч из Вустершира. Поддерживал Ланкастеров с 1459 г., будет восстановлен в правах только в 1485 г. [20. P. 334].

Большинство дворян сражались за Ланкастеров впервые и не проявляли к ним преданности в дальнейшем. Особенно это касается йоменов и джентри. Даже те из них, кто занимал должности в графствах или при дворе и был лишен прав, сумели затем восстановить свой статус.

В хрониках упомянуты лишь семь рыцарей и ни одного сквайра или джентльмена, сражавшихся на стороне Эдуарда IV. Пятеро из них станут лордами: сэр Уолтер Деверьё, ранее стюард герцога Ричарда Йорка в Уэльсе, в том же году был объявлен лордом Феррерсом Чартли; муж его сестры сэр Уильям Герберт из Монмутшира, шериф Глэморгана и констебль Уска в 1460 г. [19. P. 549], сторонник йоркистов с 1459 г. – лордом Гербертом; сэр Уильям Гастингс из Лестершира, шериф Уорикшира и Лестершира в 1455 г. [14. P. 144] – лордом Гастингсом и лордом-чемберленом; сэр Хамфри Стаффорд, шериф Сомерсетшира и Дорсетшира в 1460 г., сражавшийся на стороне Эдуарда Марча при Мортимер Кросс, – лордом Сутвайком; сэр Уолтер Блаунт из Дербишира, человек графа Уорика, бывший при нем казначеем в Кале [21. P. 252], поддерживавший Йорков как минимум с 1459 г. [19. P. 568], станет лордом Маунтджоем в 1465 г. и лордом-казначеем в 1464 г. О погибшем в битве сэре Джоне Стаффорде известно лишь то, что он был братом Фулька Стаффорда, шерифа Вустершира 1455–1457 гг., поддерживавшего йоркистов в 1459 г., и сам был членом парламента от этого графства в 1460–1461 гг. Еще об одном погибшем йоркисте – сэре Ричарде Дженни и о сэре Роджере Корби информации найти не удалось.

В официальных документах XV в. йоменами называли представителей переходного слоя, расположенного между низшим дворянством и верхушкой свободного крестьянства. Как правило, это слуги простого, недворянского происхождения. Среди них Джайлс Сент-Ло, шериф Норфолка и Саффолка в 1448 г. [17. P. 103], хранитель гардероба принца Уэльского с 1457 г. [19. P. 334]; грум Королевской Палаты Томас Карр и другие, о ком не известно ничего, кроме графства, откуда они происходили. Лишь о Джоне Чэпмене из Дорсетшира известно как о верном ланкастерце, который будет обвинен в государственной измене, продолжит сражаться за свергнутую династию и окажется в числе казненных после сражения при Хексэме в 1464 г. [5. P. 225].

В списках обвиненных в измене ланкастерцев фигурируют также имена представителей духовного и городского сословий. Самый известный среди них – Джон Мортон, советник Маргариты Анжуйской, будет сопровождать ее в изгнании [13. P. 128], а в будущем станет епископом Илийским и архиепископом Кентерберийским. Видимо, королеву сопровождал и Ральф Мэккерел, так как он упомянут среди участников битвы при Тьюксбери в 1471 г. Скорее всего, он был одним из тех ее секретарей, которых упоминает в своем письме сэр Джон Фортескью [13. P. 128]. Декан Виндзора Томас Мэннинг в последующие годы будет скрываться вместе с Генрихом VI на севере и взят вместе с ним в плен в 1465 г. Также упомянуты викарий Уэйкфилда Джон Престон (капеллан графа Уилтшира) и Джон Уэлпдейл из Стаффоршира, который был с ланкастерцами уже в битве при Уэйкфилде.

Что касается трех горожан, то о них известно лишь кто они и откуда: купец из Йорка Ричард Кокирелл; Джон Херрисон из Беверли (погиб в битве [22. P. 141]); гросер Томас Литли из Лондона.

С точки зрения вовлеченности в события войн роз участники битвы при Таутоне могут быть разделены на несколько социальных типов. В центре внимания источников оказались наиболее преданные сторонники враждующих династий. К таковым можно отнести 16 йоркистов, которые не только поддержали Эдуарда IV в 1461 г., но и отстаивали права его отца герцога Йорка. Среди сторонников Ланкастеров 35 человек продолжат поддерживать их даже в последующие годы, уже после прихода к власти Йорка – вплоть до 1471 г., когда погибнут все претенденты на престол со стороны Алой Розы. Несмотря на более чем двойное превосходство ланкастерцев над йоркистами, первые составляли приблизительно треть от представителей своей «партии», тогда как вторые – три четверти. Однако эта разница объясняется уже упоминавшейся особенностью источников, в которых названо значительно больше сторонников свергнутой династии, погибших на поле боя или подвергнутых репрессиям. Йоркистов упомянуто на порядок меньше, и это главным образом те, кто внес значительный вклад в победу Эдуарда IV. В целом же можно заключить, что люди, упорно сохранявшие лояльность выбранной стороне конфликта, составляли почти половину (45%) среди тех, кто сражался на поле битвы при Таутоне.

Более половины сражавшихся на стороне Ланкастеров (50 чел.) не упоминаются в источниках в числе их сторонников ни в предыдущие, ни в последующие годы. Среди йоркистов таких лишь четверо. Вместе они составляют 47% всех сражавшихся. Таким образом, число тех, кто явился выполнить свой долг, но не желал нести бремя изгнания или лишний раз рисковать жизнью и собственностью, было сопоставимо с количеством преданных сторонников.

Не исключено, что частично во второй группе оказались также те ланкастерцы, которые примирились с новым режимом после Таутона, однако в силу своего не очень высокого социального статуса они не фигурируют в источниках. В основном известны лишь имена лордов, сражавшихся за Ланкастеров, но после битвы преклонивших колено перед Эдуардом IV. Причем они также являют пример двух различных моделей социального поведения. К первым относятся те, для кого приход Йорков стал «неизбежным злом». Признав Эдуарда IV, они более не поддерживали бежавших Генриха VI, его жену и сына, но и не стали своими людьми при новом дворе. Таковы лорд Джон Ловелл, Ричард Уэллс лорд Уиллоугби, сэр Генри Стаффорд (сын герцога Бакингема, павшего на стороне Ланкастеров в битве при Нортхэмптоне в 1460 г.). Сэр Хамфри Дакр, брат погибшего в битве лорда Ранульфа Дакра, в следующем году тоже примирился с Йорком. Существует предположение, что этот переход был вызван тем, что шотландцы из армии Маргариты Йоркской разорили его земли, хотя сэр Хамфри был сторонником Ланкастеров [23. P. 78] (тем не менее, это не помешало ему еще год сражаться за них).

К третьей группе относятся те, кто не только примирился с новым режимом, но и стал его активным сторонником. Среди лордов таких было четверо, причем два из них совершили свою измену еще в прошлом году (Уильям ФицАлан граф Эрандел и лорд Эдмунд Грей Ратин, хотя настоящим предателем в глазах современников был лишь второй из них). Отец и сын Вудвилли (лорды Риверс и Скэйлз) были просто примирившимися до тех пор, пока их дочь и сестра Элизабет не вступила в брак с Эдуардом IV.

Таким образом, от приверженности Ланкастерам отказались лишь 4 лордов и всего 8 человек из 115 участников битвы при Таутоне, несмотря на то, что тяжесть поражения превращала их из реальных претендентов на престол в политических маргиналов. Поэтому можно сделать вывод, что предательство и измена хотя и имели место в период войн роз, вовсе не являлись общепринятой моделью поведения ни в среде нобилитета, ни среди дворянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sutherland Tim. Killing Time: Challenging the common perceptions of three medieval conflicts – Ferrybridge, Dintingale and Towton // Journal of Conflict Archaeology. 2009. Vol. 5, № 1. P. 1–25.
2. Paston Letters. 1422–1509 / ed. J. Gairdner. London : Chatto & Winds ; Exeter : James G. Commin, 1904. Vol. 3.
3. Calendar of State Papers and Manuscripts relating to English Affairs existing in the Archives and Collections of Venice and in other libraries of northern Italy / ed. R. Brown. London, 1864. Vol. 1 (1202–1509).
4. Rotuli Parliamentorum. London, 1832. Vol. 5.
5. Gregory's Chronicle // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / ed. J. Gairdner. L. : Nicholas and sons, 1876.
6. Blood Red Roses / ed. by V. Fiorato and others. Oxbow Books, 2000.
7. Hall's Chronicle / ed. H. Ellis. London, 1809.
8. A Short English Chronicle // Three Fifteenth century Chronicles / ed. J. Gairdner. London : J.B. Nichols and sons, 1880.
9. Vitellius A XVI // Chronicles of London / ed. by C.L. Kingsford. Oxford : At the Clarendon Press, 1905.
10. Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland: With the Continuations by Peter of Blois and Anonimous Writers / trans. from the Latin with notes by H. Riley. London, 1854.
11. Miller M.D. Wars of the Roses. An Analysis of the causes of the Wars and the course which they took (2003). Ch. 56. URL: http://www.warsoftheroses.couk
12. Grummitt D. A Short History of the Wars of the Roses. London : I.B. Tauris & Co Ltd, 2013.
13. Ландер Дж. Войны Роз. СПб., 2013.
14. Calendar of Fine Rolls. Vol. 19 (1452–1461). L., 1939.
15. Calendar of the Patent Rolls. Henry VI. Vol. 5 (1446–1452). L., 1971.
16. Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England. Vol. VI (1443–1461) / ed. H. Nicolas. London, 1837.
17. Calendar of Fine Rolls. Vol. 18 (1445–1452). London, 1939.
18. Worcester W. Annales rerum anglicanum // The Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth / ed. J. Stevenson. London, 1864. Vol. 2, pt 2.
19. Calendar of the Patent Rolls. Henry VI. Vol. 6 (1452–1461). L., 1971.
20. Rotuli Parliamentorum. L., 1832. Vol. 6.
21. Hicks M. Warwick the Kingmaker. Oxford, 1998.
22. Report of the Manuscripts of the Corporation of Beverly. L., 1900.
23. Booth P.W.N. Landed Society in Cumberland and Westmorland, c.1440–1485. The Politics of the Wars of the Roses. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Leicester, 1997.

Andrey G. Prazdnikov. Vyatka State Agricultural Academy (Vyatka, Russia). E-mail: andrei-selek@mail.ru

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE PARTICIPANTS OF THE BATTLE OF TOWTON 29 MARTH 1461

Keywords: the Wars of the Roses; battle of Towton.

The object of study is the personal composition of participants of the battle of Towton 29 March 1461, the aim is to study the relationships and behaviors in the period of socio-political crisis known as the Wars of the Roses. The study is based on the prosopographic method. Were used sources, containing the names of the participants in the battle. These include letters of contemporaries with the description of the battle (letters of Willim Paston to her brother, the letters of George Neville, bishop of Exeter, Richard Beauchemp, bishop of Salisbury, Nicolas O'Flanagan, bishop of Elphyn, and physician Master Antonio to the legate of the Pope Francesco Coppini, bishop of Teramo), Parliamentary Rolls with the names of 82 persons, recognized to the atteinder for participating in the battle, Grego-

ry's Chronicle, the poem Rose of Rouen with praise of Edward IV. A list of 117 people (96 Lancasters and 21 Yorkists) was compiled on the basis of these sources. The most numerous among them were representatives of the nobility – dukes, counts, viscounts, lords (31 people) – and the gentry – knights, squires and gentlemen (69 people), but also meet the yeomen (9 men), clerics (5 men) and burghers (3 men). Their biographies were reconstructed on the basis of sources containing personal information (these include mainly the Patent Rolls and Fine Rolls). A significant number of kinship and matrimonial ties between the parties, and the vassal-liege relationships was revealed. Representatives of both single and of the opposite "parties" were associated by it. The study identified three patterns of social behavior of the participants. First, it is the most faithful supporters of Lancaster and York, who have supported them in the previous battle and after it, - they accounted for 45 % of the participants. The second, largest group (47 %) are those who only once fought on the side of one of the two "parties". They did their duty, but did not want to become exiles and emigrants. Lancasters reconciled to the victory of Edward IV also join this group. The smallest group consists of 8 people sided with the York after the battle and actively supported the new king in the future. For example, Richard Woodville, Earl Rivers, and his eldest son Anthony Lord Scales were among them. They were only bowing to the regime until their daughter and sister Elizabeth became Queen of England. Violation of allegiance during the Wars of the Roses was not a common model of social behavior.

REFERENCES

1. Sutherland, T. (2009) Killing Time: Challenging the common perceptions of three medieval conflicts – Ferrybridge, Dintingale and Towton. *Journal of Conflict Archaeology*. 5(1). pp. 1–25. DOI: 10.1163/157407709X12634580640173
2. Gairdner, J. (ed.) (1904) *Paston Letters. 1422–1509*. Vol. 3. London: Chatto & Winds; Exeter: James G. Commin.
3. Brown, R. (ed.) (1864) *Calendar of State Papers and Manuscripts relating to English Affairs existing in the Archives and Collections of Venice and in other libraries of northern Italy*. Vol. 1 (1202–1509). London: [s.n.].
4. *Rotuli Parliamentorum*. (1832) Vol. 5. London.
5. Anon. (1876) Gregory's Chronicle. In: Gairdner, J. (ed.) *The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century*. London: Nicholas and sons.
6. Fiorato, V. et al. (ed.) (2000) *Blood Red Roses*. Oxbow Books.
7. Ellis, H. (1809) *Hall's Chronicle*. London: [s.n.].
8. Anon. (1880) A Short English Chronicle. In: Gairdner, J. (ed.) *Three Fifteenth Century Chronicles*. London: J.B. Nichols and sons.
9. Anon. (1905) Vitellius A XVI. In: Kingsford, C.L. (ed.) *Chronicles of London*. Oxford: At the Clarendon Press.
10. Anon. (1854) *Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland: With the Continuations by Peter of Blois and Anonimous Writers*. Translated from Latin with notes by H. Riley. London: [s.n.].
11. Miller, M.D. (2003) *Wars of the Roses*. An Analysis of the causes of the Wars and the course which they took. [Online] Available from: http://www.warsoftheroses.couk.
12. Grummitt, D. (2013) *A Short History of the Wars of the Roses*. London: I.B. Tauris & Co Ltd.
13. Lander, J. (2013) *Voyny Roz* [The Wars of the Roses]. Translated from English by A.A. Kralina. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
14. *Calendar of Fine Rolls*. (1939) 19(1452–1461).
15. *Calendar of the Patent Rolls*. (1971) 5(1446–1452).
16. Nicolas, H. (ed.) (1837) *Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England*. Vol. VI (1443-61). London: [s.n.].
17. *Calendar of Fine Rolls*. (1939) Vol. 18 (1445–1452).
18. Worcester, W. (1864) Annales rerum anglicanum. In: Stevenson, J. (ed.) *The Letters and Papers Illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth*. Vol. 2(2). London: [s.n.].
19. *Calendar of the Patent Rolls*. (1971) Vol. 6 (1452–1461).
20. *Rotuli Parliamentorum*. (1832) Vol. 6.
21. Hicks, M. (ed.) (1998) *Warwick the Kingmaker*. Oxford: Wiley.
22. *Report of the Manuscripts of the Corporation of Beverly*. (1900).
23. Booth, P.W.N. (1997) *Landed Society in Cumberland and Westmorland, c. 1440–1485. The Politics of the Wars of the Roses*. PhD Thesis. Leicester.

УДК 94(430)
DOI: 10.17223/19988613/59/12

Г.Г. Супрыгина

ДЕТИ ГЕРМАНИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Статья посвящена почти неисследованной в отечественной литературе теме – детям Германии в годы Первой мировой войны. В ней выявлены глубокие изменения в положении детей в семье, школе, обществе. В работе показаны влияние голода на подрастающее поколение Германской империи в 1914–1918 гг., участие детей в решении семейных проблем. В статье анализируется политика вовлечения учащихся в кампании по укрепления тылового общества ради победы рейха; указываются основные направления пропаганды среди детей.
Ключевые слова: «фронт родины» Германии в Первой мировой войне; дети.

Первая мировая война, начало которой большинство немцев встретило с воодушевлением, вскоре принесла им тяжелые утраты и потери, которые в той или иной мере затронули каждую семью. На протяжении всей войны социально-экономическое положение тылового общества Германской империи ухудшалось. По данным немецкого исследователя Г.-У. Велера, за годы Первой мировой войны производство общественной продукции в рейхе сократилось на 60%, реальная зарплата трудящихся упала на 30–40%. Уже в первые месяцы войны рядовые немцы столкнулась с лишениями, голодом, болезнями, резким падением жизненного уровня. В январе 1915 г. были введены карточки на хлеб, затем рационирование было распространено почти на все продукты питания. В 1916 г. обеспеченность немцев мясом по сравнению с 1913 г. составила 31%, в 1918 г. – 12%, рыбой – 51 и 5%, растительным маслом – 39 и 17% соответственно. Потребление картофеля за годы войны сократилось на 71% [1. S. 70].

Дефицитом стали и товары повседневного спроса, поскольку первостепенной задачей правительства было снабжение армии, тыловому населению были предложены многочисленные эрзац-продукты и товары, которые изготавливались из некачественного сырья. Большинство родителей не могли обеспечить подрастающих детей качественной одеждой. Неспособность правительства снабжать население вскоре привела к возникновению черного рынка с непомерными ценами. Постоянным явлением военного времени стала инфляция, принявшая летом 1917 г. галопирующий характер. Всю войну острой проблемой населения тыла была нехватка топлива. Одной из причин бедственного положения немцев стала морская блокада Великобритании, которая отрезала Германию, почти не имеющую колоний, от региональных и мировых рынков, в том числе финансовых.

Уже в первые месяцы этой невиданной ранее по масштабам войны в положении детей ГИ произошли разительные перемены, они стали ее первыми жертвами. Большинство детей, прежде всего городских, вместе со взрослыми голодали и жили в неотапливаемых домах и квартирах. Миллионы семей остались без кормильца, так как за военные годы на фронт было призвано более 13,25 млн мужчин (что составило 85% мужского населения в возрасте 17–50 лет) [2. S. 4]. Военные потери немцев составили 2 млн, в итоге 513 тыс. женщин остались вдовами, сиротами – 1,2 млн детей [1. S. 101]. Многие из них остались круглыми сиротами, поскольку из-за голода и болезней возросла и женская смертность: в 1916 г. она была на 11,5% выше довоенной, в 1917 г. – даже на 30,4% [3].

Катастрофическое положение с продовольствием в рейхе в первую очередь пагубно сказалось на детях. Все воюющие державы ощущали его нехватку, но нигде она не была столь острой, как в Германии, в которой за годы войны от голода погибло 763 тыс. человек, большинство из них были дети и пожилые люди. Особую уязвимость детей подтверждает статистика: к 1917 г. по сравнению с 1913 г. смертность их увеличилась на 50% [4. S. 83].

Хроническое недоедание и переохлаждение ослабляли иммунитет детей, что привело к росту числа заболеваний среди них. Наиболее часто они страдали от анемии, туберкулеза, пневмонии, испанского гриппа и др. Медицинские обследования военного времени выявили большие отклонения в росте от сложившейся ранее нормы. Так, осмотры 1916/17 учебного года показали, что вес 14-летних подростков в среднем был меньше обычного на 2 кг. Рост учащихся народных и средних школ оказался ниже нормы на 2 см, в 1917/18 году – даже на 3 см. Среди первоклассников, пришедших в школу в сентябре 1917 г., малорослых было в три раза больше, чем в довоенный период [5].

Из-за неурожая картофеля и пшеницы, а также организационного хаоса самым тяжелым временем Первой мировой войны оказалась зима 1916–1917 г. Немцы назвали ее «брюквенной», поскольку в лавках предлагали только брюкву, которая для многих немцев была единственным пищей. «Брюквенная зима» стала символом «голода» в Первую мировую войну, от него в первую очередь страдали дети. На городских улицах нередко можно было встретить детей, которые просили у прохожих хлеб [6. S. 169].

Вальтер Кох, глава саксонского продовольственного ведомства в Дрездене (и редкий образец кристально

честного чиновника), который не испытывал финансовых затруднений, но по моральным мотивам отказывался покупать дополнительное продовольствие на черном рынке, считая это вкладом семьи в победу рейха, оставил воспоминания об этом времени. В них Кох пишет, что сам он из-за недоедания потерял 15 кг своего веса, но самым тяжелым для него было видеть страдания детей: «У меня болезненно сжималось сердце, когда я смотрел на 15-летнего Манфреда и 11-летнюю Веру, которые приходили из школы и безмолвно бросались в кладовую или в буфет в поисках чего-нибудь съестного, чтобы утолить свой голод». Не менее печальной была его борьба с женой, которая свою и так скудную порцию подсовывала детям, подрывая свое здоровье [4. S. 85].

Чтобы хоть частично улучшить продовольственное снабжение особо бедствующих групп населения, органы местного самоуправления стали организовывать у школ, спортзалов и в других общественных местах «народные кухни». В определенное время нуждающиеся, в первую очередь дети, могли получить у полевых кухонь теплую пищу и хлеб. В годы войны такие «народные кухни» действовали в 2 400 городах рейха, и они спасли многих детей от голодной смерти [6. S. 170].

Ощутимой поддержкой для малоимущих семей была и отправка детей для оздоровления из особо бедствующих городов в Голландию, Данию, Швецию. Наибольшее количество детей – 307,4 тыс. – за границу было отправлено в 1917 г. Но с конца 1917 г. число таких поездок резко сократилось в связи с подготовкой решающих наступлений на фронте. Военные власти крайне нуждались в транспортных средствах для перевозки войск, орудий, боеприпасов, раненых и перестали выделять поезда для эвакуации ослабленных детей [7].

Хотя на территории Германии военные действия почти не велись, но тяжелым испытанием для ее малолетних жителей стали сотни воздушных бомбардировок англо-французских авиаторов. Они начались в октябре 1914 г. с целью устрашения населения и уничтожения немецкой военной индустрии и продолжались всю войну. Их целью являлись военные заводы Рурско-Рейнской, Майнской, Саарской областей и Лотарингии, но жертвами бомбежек, особенно ночных, часто становились жители этих районов, в том числе дети, которые гибли или получали тяжелые увечья и стрессы [8. S. 34].

Радикально изменилась школьная жизнь учащихся. Уже в первые месяцы войны заметно снизилось качество обучения. Одной из причин этого явилась острая нехватка учителей, так как преобладающая их часть были мужчины, подлежащие призыву. Многие учителя, особенно городские, охваченные ура-патриотическими настроениями, не дожидаясь мобилизации, ушли на фронт добровольцами. Из-за отсутствия педагогов некоторые школы были даже вынуждены прекратить занятия. Но большинство из них все же продолжали обучение детей, поскольку их руководство привлекало к дополнительной (и часто неоплачиваемой) работе оставшихся коллег, учителей пенсионного возраста, студентов. Однако обучение проводилось по сокращенной программе, часто в одном помещении собиралось до 65 школьников из разных классов, с которыми занимался один учитель. В годы войны из учебных программ были исключены предметы, «не важные в условиях военного времени».

«Индустриальная война» 1914–1918 гг. сопровождалась применением новейшего оружия большой поражающей способности, что обусловило с первых дней невиданный ранее поток раненых. По распоряжению военного командования во многих школах размещались лазареты, а также командование, военные части, резервисты и ополчение. Для их переподготовки отводилась классы, спортзалы, школьные дворы, превращенные в плац, и все они стали недоступными для учащихся.

Число учебных занятий сокращалось и в связи с их отменой в дни празднований побед немецких вооруженных сил, в которых ученики должны были обязательно участвовать. Начало этой традиции заложили проведенные с большим размахом торжества по поводу победы немецких войск над русской армией в сражении под Танненбергом в Восточной Пруссии в августе 1914 г. За ними последовали празднества в честь победы Пруссии над Францией под Седаном з сентября 1870 г. и 14 октября – в честь Лейпцигской битвы 1813 г. С 1915 г. в ноябре ежегодно проводились дни памяти павших (большей частью молодых) в битве при Лангемарке во Фландрии. Вследствие всех этих перемен в системе школьного образования резко ухудшилось качество обучения, получаемого школьниками, что негативно сказалось на их интеллектуальном развитии и жизненных перспективах.

В школьные программы вскоре был внесен дух войны. Школа превратилась в инструмент «воспитания верноподданных, которые в случае необходимости с радостью пожертвуют жизнью ради фатерланда». Так, история преподавалась преимущественно как история войн, которые вели немцы. В изучении географии большое значение приобрели карты территорий, завоеванных немцами, схемы битв, выигранных ими. На уроках математики школьники высчитывали, сколько используется снарядов на фронте в указанное время, сколько кубометров земли будет выкопано при подготовке окопа заданных размеров, сколько можно сэкономить хлеба в рейхе, если все жители тыла три раза в день будут оставлять от своей порции 6 г [9].

Атмосфера «коллективного экстаза», охватившая в начале войны многих немцев, повлияла и на подростков. Учащиеся гимназий, кадеты, члены спортивных объединений подавали коллективные заявления с просьбой отправить их на фронт добровольцами. Многие из них прибавляли себе годы, добиваясь разрешения на вступление в вооруженные силы рейха. Уже в августе 1914 г. в обход правил в запасные батальоны были приняты Штейнгардт из Мангейма (15 лет) и кадет Виллерт из Нойкёльна, которому было 14 лет и 9 месяцев [10]. Газетчики использовали патриотичес-

кие порывы «детей-солдат» (Kindersoldat), превозносили их самоотверженность и готовность пролить кровь за отечество. Пример подростков давал возможность военным более успешно проводить кампании по вербовке взрослых добровольцев [11].

Особенностью Первой мировой войны является то, что наряду с крупными сражениями на фронтах, гибелью миллионов солдат она впервые в истории втянула в жесточайшее противостояние и общества воюющих государств. Уже в 1915 г. власти ГИ поставили задачу создать «фронт родины» («Hematfront»), который должен был играть роль «фронта тыла», «второго фронта» и внести свой вклад в достижение победы. Его задачей явилась мобилизация всех граждан тыла, включая детей.

Несмотря на тяготы военной жизни, дети порой из последних сил старались помочь взрослым в решении семейных проблем, по возможности заменить отцов, ушедших на фронт. Чтобы поддержать работающих матерей, которым пришлось стать главами семей, они взяли на себя значительную часть домашней работы, опекали младших братьев, сестер и старших родственников. Наряду со взрослыми подростки вели тяжелую борьбу за «каждодневный хлеб» – добывали продукты. Вместе с матерями они многие часы, иногда с полуночи, стояли в длинных очередях в продовольственные лавки. Случалось, получив известие, что продукты заканчиваются, взрослые брали штурмом двери и прилавки магазинов, и в толчее они сбивали детей с ног, опрокидывали их на пол, наносили им физические и моральные травмы.

Дети были широко вовлечены в массовые поездки голодающих горожан в сельскую местность с целью покупки у фермеров (по ценам ниже, чем на черном рынке) продуктов для пополнения крайне скудного рациона семей. В лексиконе немцев в годы войны стало популярным понятие «hamstern», которое буквально переводилось как «торговаться», «мешочничать». Но в годы войны оно стало употребляться в смысле «выторговать», «урвать», «добыть из-под полы», «обжулить», допуская при этом мошенничество и мелкое воровство. Хотя эти поездки были сопряжены с трудностями, взрослые, чаще всего женщины, брали с собой в качестве помощников детей. Сайт «История Вестфалии» содержит описание такой поездки: в каждый уик-энд рано утром изможденные голодом дети с корзинами, сумками, рюкзаками вместе со взрослыми втискивались в доверху набитые людьми вагоны, ехали в тамбурах, порой – с угрозой для жизни – висели на ступеньках вагонов, судорожно вцепившись в поручни, чтобы доехать до сельской местности; задыхаясь, они стремились обогнать поток мешочников, чтобы первыми добраться до крестьянского двора; до позднего вечера, еле волоча ноги, они группками или парами брели от усадьбы к усадьбе, надеясь уговорить фермера продать картофель, сало, шпик, масло, яйца. Вместе со взрослыми дети ночевали в холодных сараях или в шалашах на опушке леса, пристанищах в кустарниках, сооруженных в темноте при свете фонариков. Холодные ночевки, долгие переходы, отсутствие теплой пищи изнуряли детский организм.

Однако присутствие подростков приносило пользу: они охраняли добытые продукты, когда взрослые отлучались, несли доверху нагруженные рюкзачки. Их отправляли вперед на разведку, чтобы выяснить, нет ли поблизости жандармов, которым было предписано «не допускать в интересах отечества несанкционированный вывоз продовольствия» и конфисковать его у мешочников в случае обнаружения [12]. Нередко дети с молчаливого согласия взрослых выступали в роли добытчиков. Пока старшие торговались во дворе с хозяином, подростки в отдаленной части усадьбы старались тайком накопать картофеля, поймать курицу и др. Немецкий писатель Э. Глазер вспоминает в своем автобиографическом романе «Год рождения 1902», изданном в 1928 г., как он 12-летним мальчиком участвовал в поездке за продуктами: «...нам, детям, была по душе эта перемена, потому что она порождала чувство авантюризма. Это было опасно и в то же время прекрасно: выскользнуть с запретно украденными яйцами с фермерского двора, броситься в траву, если где-то вдали всплывала фигура жандарма, и по ударам сердца считать минуты. Это было волшебно и возвышенно – оставить с носом этого жандарма, и после счастливо закончившегося победного рывка быть встреченным матерью в качестве героя» [6. S. 211]. Такие маленькие победы объясняют мотивы охотного участия многих подростков в мешочничестве, несмотря на его тяготы. Поездки давали им возможность хотя бы на время отрешиться от полной лишений жизни в городе, побыть на природе, приобрести новый, порой весьма рисковый жизненный опыт.

В отсутствие отцов, при крайней загруженности большинства матерей, неспособности школы контролировать учащихся, многие из них оказались безнадзорными и заброшенными. Это позволяло подросткам, в первую очередь мальчикам, расширять диапазон свободы и избавляться от надзора и опеки семьи. Война способствовала их раннему прощанию с детством. Эта преждевременно обретенная свобода обусловила рост асоциальных поступков среди подростков и даже криминальных актов, в первую очередь краж продовольствия и топлива. Число осужденных среди них выросло в 1918 г. по сравнению с 1913 г. почти в два раза: с 54,15 тыс. до 99, 5 тыс. [6. S. 210].

В годы войны старшие дети вовлекались в решение важных задач «фронта родины». Так, в условиях острого дефицита рабочей силы в рейхе они использовались как один из ее резервов. В 1918 г. в промышленности Германской империи работали 421 тыс. юношей моложе 16 лет. Почти все они не имели профессионального образования и не обладали квалификацией, но их труд неплохо оплачивался в условиях нехватки кадров [13]. Большинство из них помогали своим заработком семьям, другие использовали свой новый статус, чтобы ослабить семейные связи и обрести бóльшую самостоятельность.

Военное руководство рейха формировало в рамках «фронта родины» «школьный фронт», который должен был мобилизовать учащихся для участия в кампаниях по укреплению тыла ради победы рейха в «большой войне». Поскольку у фермеров катастрофически не хватало рабочих рук, осенние каникулы во многих школах переносились на август следующего года, чтобы «более сильные физически учащиеся из старших классов смогли помочь в уборке и захоронении урожая» сельским хозяевам [14. S. 115]. Наибольшей эксплуатации дети подвергались в семьях фермеров, которые вовлекали в производство собственных детей ради наращивания производства. Девочек привлекали к устройству огородов в парках и скверах городов, выращиванию в них овощей, столь необходимых жителям.

В течение всей войны немецкие дети участвовали в кампании по сбору вторичного сырья, так как Германия, оказавшаяся в тисках морской блокады, испытывала его острую нехватку. Школьники регулярно получали задания по сбору металлолома, макулатуры, резины, одежды, тряпья, костей, стекла, любых горючих материалов и старались выполнить их.

Германский рейх, лишенный доступа на внешние финансовые рынки, был вынужден вести войну преимущественно за счет внутренних займов. Первый заем в 4,5 млрд марок был сделан уже в 1914 г. Всего за годы войны правительство сумело получить у собственного населения 9 займов, общая сумма которых составила почти 98 млрд марок [15]. Такого успеха организаторы добились благодаря крупномасштабным вербовочным кампаниям, в которых участвовали и дети. Одетые в специально сшитую военную форму они отрядами ходили по улицам городов и населенных пунктов с броскими плакатами, на которых было написано: «Кто подпишется на военный заем, тот приблизит конец войны». Маленьких немцев отправляли на центральные улицы городов с кружками в руках собирать пожертвования у прохожих. В школе детям давали задания убедить матерей и родственниц сдать свои золотые украшения в приемные пункты в фонд финансирования войны.

В течение всей войны к Рождеству во внеклассное время школьники готовили для фронтовиков так называемые подарки любви (Liebesgabe). В них они вкладывали рисунки, предметы гигиены, кулечки со сладостями, сигареты, самодельные елочные игрушки и пр. Обязательным атрибутом этих подарков были теплые носки, шарфы и перчатки для солдат, связанные девочками [16].

Еще одним невиданным ранее направлением работы с детьми явилась массированная пропаганда, которая была нацелена на воспитание милитаристского, ксенофобского сознания, содействующего их мобилизации [17]. Внедрение в етское сознание подобных идей происходило через наполнение ими содержания образовательных программ, проведение специальных «военных уроков», занятий по военной подготовке учащихся старших классов, вовлечение в кампании национального масштаба. Воспитание в духе милитаризма самых маленьких детей осуществлялось посредством широкого распространения игрушек, являвшихся миниатюрными изображениями военной техники, солдат, лазаретов, окопных сооружений, которые заполонили детские комнаты и уголки. Этой же цели служили детские книги и журналы. Общая численность таких изданий, выпущенных в годы войны, превысила 200 тыс. [17. С. 75].

Война оказала крайне негативное воздействие на детей Германии. Они не знали нормального детства, на годы были лишены нормальной пищи, тепла, полноценного общения с родителями, семейных и школьных поездок, утратили многие возможности для плодотворного физического и духовного развития. Голод и лишения подорвали здоровье большей части детей Германской империи, что сказалось на их будущем. Они внесли немалый вклад в решение задач, поставленных перед «фронтом родины» военным руководством и правительством рейха. Многим подросткам пришлось рано пойти на работу, опекать нуждающихся в помощи членов семьи. Война принесла множеству детей сиротство, но и те, чьи отцы выжили, надолго оставались одинокими в период взросления, не получали родительских советов и наставлений. Даже когда мужчины вернулись домой после войны, их дети нередко чувствовали себя полусиротами, так как сотни тысяч солдат были инвалидами и раненными. Поражение в «большой войне» подорвало психику значительной части солдат рейхсвера, истощило нравственно, поэтому они нередко не могли вернуться к роли главы семьи и ответственно воспитывать детей. Фронтовики принесли в семьи авторитарный стиль общения, который и ранее был присущ немецким семьям. В итоге после возвращения отцов положение многих детей не улучшилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. 7. Auflage. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1994.
2. Der Erste Weltkrieg Alltag und Propaganda // Politik & Unterricht. Zeitschrift für die Praxis der politischen Bildung. Hetft 3/4-2013.
3. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8_%D0%B2_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B (дата обращения: 10.04.2019).
4. Meiners A. Die Stunde der Frauen zwischen Monarchie, Weltkrieg uns Wahlrecht. 1913–1919. München : Sandmann Verlag, 2013.
5. Damals. Das Magazin für Geschichte. 2014. № 3.
6. Flemming Th., Ulrich B. Heimatfront. Zwischen Kriegsbegeisterung und Hungersnot – wie die Deutschen den Ersten Weltkrieg erlebten. München : Bucher Verlag, 2014.
7. URL: http://www.deuframat.de/konflikte/krieg-und-aussoehnung/der-erste-weltkrieg-im-kollektiven-gedaechtnis-der-deutschen-und-der-franzosen/jugend-und-schule-im-krieg/jugendkompanien.html (дата обращения: 10.04.2019).

8. URL: https://www.erster-weltkrieg.clio-online.de/_Rainbow/documents /einzelne/Luftkrieg14_181.pdf. (дата обращения: 10.04.2019).
9. URL: http://www.hausarbeiten.de/faecher/vorschau/36006.html (дата обращения: 10.04. 2019).
10. URL: http://www.volksbund.de/fileadmin/img/LV/bayern/PDF/63639_Handreichung_Kindersoldaten.pdf (дата обращения: 10.04.2019).
11. URL: http://www.zeitlupe.co.at/werbung/propaganda.html.1 (дата обращения: 10.04.2019).
12. URL: http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/finde/langDatensatz.php?urlID=257&url_tabelle=tab_medien (дата обращения: 10.04.2019).
13. URL: http://www.damals.de/de/8/Erster-Weltkrieg-Kriegspropaganda-in-Kinderbuechern.html?aid=191305&cp=24&action=showDetails (дата обращения: 10.04.2019).
14. Kellerhof S.-F. Heimatfront: der Untergang der heilen Welt – Deutschland im Ersten Weltkrieg. Köln : Quadriga, 2014.
15. URL: http://boerse.ard.de/boersenwissen/boersengeschichte-n/die-finanzquelle-des-krieges100.html (дата посещения: 10.04.2019).
16. URL: http://www.fr-online.de/campus/erster-weltkrieg-kinder-propaganda-fuer-kinder,4491992,26915782.html (дата обращения: 10.04.2019).
17. Супрыгина Г.Г. Дети Германии в прицеле пропаганды в годы Первой мировой войны // Тоталитаризм и тоталитарное сознание / под ред. В.С. Шутова. Томск : Кит, 2015.

Galina G. Suprygina. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: askis@ngs.ru

THE CHILDREN OF GERMANY IN THE FIRST WORLD WAR

Keywords: "front of the homeland" in Germany in the First World War; children.

The problem is, the article is particularly relevant, as in domestic science participation of Germany in the First World War was seen almost exclusively from the military and political point of view. The society of Reich had been explored fragmentary, but the German kids life remains a white stain. The article focuses on the examination of the situation and the role of the children at the "front of the homeland" during the First World War.

The research is based on analyzing in German such scholars as: Flemming Th., Kellerhof S.-F., Meiner A., Ulrich B., Wehler H.-U. These authors had prepared their works to 100-anniversary of the First World War. Internet resources were also used, that were the materials produced by a number of academic and political and educational centers.

The article shows that in connection with the transfer of all resources to the military industry the society situation deteriorated rapidly and children grew up in conditions of hunger, lack of fuel, lack of basic necessities. Doctors documented deterioration of children's health and increased mortality. The quality of teaching became lower due to the shortage of teachers, premises, reducing the training sessions. The most acute problem of rear during the war was hunger, from which about 700 thousand died. German children in the absence of fathers tried to help mothers in search of food, took care of younger siblings, older relatives. Many unaccompanied teenagers often committed antisocial and criminal acts that resulted in an increase in the number of convicted prisoners among them.

During the war children were involved in the achievement of major objectives of the development of the society. With the shortage of workforce in Germany children were used in the war economy, were attracted in the campaign for the collection of recyclable materials, because there was deficit due to the British naval blockade. The Government funded the war through domestic borrowings, which involved children.

The war had a negative impact on children of Germany. They were not aware of normal childhood, their health has been undermined, that was the threat to their future. Many war children became orphans. But after the return of the fathers the situation of many children had not changed radically for the better, as many war veterans returned home disabled, mentally depleted and could not again become heads of families.

REFERENCES

1. Wehler, H.-U. (1994) *Das deutsche Kaiserreich 1871 – 1918*. 7th ed. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
2. Weber, R. (ed.) (2013) *Der Erste Weltkrieg Alltag und Propaganda*. Vol. 3/4.
3. Wikipedia. (n.d.) [Online] Available from: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8_%D0%B2_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B. (Accessed: 10th April 2019).
4. Meiners, A. (2013) *Die Stunde der Frauen zwischen Monarchie, Weltkrieg uns Wahlrecht. 1913–1919*. Munich: Sandmann Verlag.
5. *Damals. Das Magazin für Geschichte*. (2014) 3.
6. Flemming, Th. & Ulrich, B. (2014) *Heimatfront. Zwischen Kriegsbegeisterung und Hungersnot – wie die Deutschen den Ersten Weltkrieg erlebten*. Munich: Bucher Verlag.
7. Schneider, G. (n.d.) *Der Erste Weltkrieg im kollektiven Gedächtnis der Deutschen und der Franzosen*. [Online] Available from: http://www.deuframat.de/konflikte/krieg-und-aussoehnung/der-erste-weltkrieg-im-kollektiven-gedaechtnis-der-deutschen-und-der-franzosen/jugend-und-schule-im-krieg/jugendkompanien.html. (Accessed: 10th April 2019).
8. *Clio*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.erster-weltkrieg.clio-online.de/_Rainbow/documents /einzelne/Luftkrieg14_181.pdf. (Accessed: 10th April 2019).
9. Schlott, R. (2005) *Kinder und Propaganda im Ersten Weltkrieg*. [Online] Available from: http://www.hausarbeiten.de/faecher/vorschau/36006.html. (Accessed: 10th April 2019).
10. Bulitta, E. & Bulitta, H. (n.d.) *Um die Jugend betrogen – Kindersoldaten*. [Online] Available from: http://www.volksbund.de/fileadmin/img/LV/bayern/PDF/63639_Handreichung_Kindersoldaten.pdf. (Accessed: 10th April 2019).
11. Anon. (n.d.) *Kinder und Propaganda*. [Online] Available from: http://www.zeitlupe.co.at/werbung/propaganda.html.1. (Accessed: 10th April 2019).
12. LWL. (n.d.) *Das Internet-Portal zur Westfälischen Geschichte*. [Online] Available from: http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/finde/langDatensatz.php?urlID=257&url_tabelle=tab_medien. (Accessed: 10th April 2019).
13. Wissenshaft.de. (2014) *Erster Weltkrieg: Kriegspropaganda in Kinderbüchern*. [Online] Available from: http://www.damals.de/de/8/Erster-Weltkrieg-Kriegspropaganda-in-Kinderbuechern.html?aid=191305&cp=24&action=showDetails. (Accessed: 10th April 2019).
14. Kellerhof, S.–F. (2014) *Heimatfront: der Untergang der heilen Welt – Deutschland im Ersten Weltkrieg*. Cologne: Quadriga.
15. Boerse.ARD.de. (2014) *Die Finanzquelle des Krieges*. [Online] Available from: http://boerse.ard.de/boersenwissen/boersengeschichte-n/die-finanzquelle-des-krieges100.html. (Accessed: 10th April 2019).
16. Fr.de. (n.d.) *ERster Welkrieg Kinder Propaganda*. [Online] Available from: http://www.fr-online.de/campus/erster-weltkrieg-kinder-propaganda-fuer-kinder,4491992,26915782.html. (Accessed: 10th April 2019).
17. Suprygina, G.G. (2015) Deti Germanii v pritsele propagandy v gody Pervoy mirovoy voyny [Children of Germany in the propaganda focus during WWI]. In: Shutov, V.S. (ed.) *Totalitarizm i totalitarnoe soznanie* [Totalitarianism and totalitarian consciousness]. Tomsk: Kit.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94(497.5)
DOI: 10.17223/19988613/59/13

Д.Е. Алимов

ОТ ИЛЛИРИИ К ХОРВАТИИ: РАННЕЕ ПРОШЛОЕ ХОРВАТСКО-СЛАВОНСКОГО КОРОЛЕВСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ ЮРАЯ РАТТКАЯ

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время».

В статье анализируется описание древней и раннесредневековой истории Хорватии в книге первого хорватского (хорватско-славонского) историографа Юрая Ратткая «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (1652). Ставя перед собой задачу выявления внутренней логики в нарисованной Ратткаем картине раннего прошлого Хорватско-Славонского королевства, автор фокусирует внимание на этническом дискурсе историографа и соотношении в его повествовании этнических и политических категорий.
Ключевые слова: Хорватско-Славонское королевство; хорватская историография; иллиризм; Юрай Ратткай.

Юрай Ратткай (1613–1666), выдающийся церковный, политический и культурный деятель Хорватско-Славонского королевства[1], входившего в состав «короны св. Стефана» композитарной монархии Габсбургов, родился в семье барона Петра Ратткая и графини Барбары Эрдёди. Образование юный аристократ получил в гимназии и университете Граца – столицы герцогства Штирии, став в возрасте 19 лет членом иезуитского ордена. Пробыв некоторое время преподавателем коллегиумов в Загребе и Дьёре, Ратткай вышел из ордена в 1639 г., не оставив, однако, церковного поприща. С тех пор как в 1640 г. Ратткай стал каноником капитула кафедрального собора в Загребе, его жизнь и карьера были главным образом связаны с загребской епископской кафедрой. В 1648 г. Ратткай стал архидиаконом и каноником-лектором, и его кандидатура была выдвинута на место загребского епископа. Избрание Ратткая епископом, впрочем, не состоялось, так как вскоре после смерти его покровителя бана Ивана Драшковича (1640–1648), верх в капитуле взяли соперники Ратткая. Неизменно играя важную роль в жизни капитула, Ратткай время от времени исполнял ответственные поручения политического характера. Так, в 1646 и 1649 гг. он был представителем хорватско-славонских сословий на заседаниях Венгерского государственного собрания, а в 1651 г. был назначен баном Николой Зринским (1647–1664) поверенным по так называемой влашской проблеме. Участвовал загребский каноник и в военных действиях – против османов (в 1641 и 1651 гг.) и, на заключительном этапе Тридцатилетней войны, против шведов [3; 4. S. 44–47].

Ведя активную общественнную жизнь, соответствовавшую его высокому социальному статусу, Ратткай, вместе с тем, уделял большое внимание самообразованию и был человеком весьма начитанным. К тому же он прекрасно владел словом, о чем, к примеру, свидетельствует его речь, посвященная памяти венгерского короля Ласло. Эта речь, произнесенная Ратткаем в 1641 г. в венском соборе св. Стефана, снискала большой успех у публики [5. S. 7–8]. В 1652 г. в Вене на латинском языке был опубликован большой исторический труд Ратткая «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (*Memoria regum et banorum regnorum Dalmatiae, Croatiae et Sclavoniae*) [6, 7], ставший первым опытом систематического изложения истории Хорватско-Славонского королевства с древнейших времен до современной автору эпохи, т.е. если, исходя из перспективы нациестроительства, дать более презентистское определение жанра, – первым шагом на пути формирования хорватского национального исторического нарратива. Из слов самого автора следует, что книга писалась по заказу бана Ивана Драшковича, что, как справедливо заметил венгерский ученый Ш. Бене, автор глубокого исследования биографии и творчества Ратткая, позволяет говорить о том, что фактически на загребского каноника были возложены обязанности государственного историографа Хорватско-Славонского королевства, при той, однако, оговорке, что официально такой позиции в королевстве не существовало [5. S. 15]. Хотя труд Ратткая, глубоко проникнутый патриотическим духом, несомненно, можно расценивать как результат эволюции самосознания хорватско-славонской знати, приобре-

тавшего протонациональный характер [4. S. 51], появление этой книги во многом было связано со специфическими политическими обстоятельствами, сложившимися в Хорватско-Славонском королевстве в 1640-е гг. По мнению современных исследователей, катализатором формирования в стране протонациональной идеологии стали два острых раздражителя – пассивная и нерешительная, с точки зрения местной элиты, политика Габсбургов в отношении османов, удерживавших под своей властью огромные, ранее принадлежавшие королевству территории, а также двусмысленная позиция двора по так называемой влашской проблеме, когда «влахам» – православным жителям, бежавшим в Хорватско-Славонское королевство с территории Османской империи, в обход местных законов предоставлялись привилегии, по сути, игнорировавшие формально признаваемые двором суверенные права сословий королевства и препятствовавшие интеграции «влахов» в его правовое поле [5. S. 15–16; 8. S. 272–276].

Таким образом, исторический труд загребского каноника стал не только плодом возросшего среди представителей хорватско-славонской элиты интереса к истории своего отечества, но и ответом на конкретный политический запрос, суть которого сводилась к необходимости исторической легитимизации попиравшихся центральной властью прав сословий Хорватско-Славонского королевства. Основным элементом формирующейся в это время идеологии политически активной части местного социума стало стремление к максимальному утверждению самостоятельности Хорватско-Славонского королевства в составе монархии Габсбургов, что, несмотря на никем не оспаривавшийся факт вхождения его в состав «короны св. Стефана», практически должно было выражаться в его полном равноправии с Венгрией [5. S. 77–87; 8. S. 274–276].

Хотя в историографии труд Ратткая и особенно та его часть, где автор описывал события, современником которых он сам являлся, неизменно рассматривались как ценный источник информации о хорватской истории раннего Нового времени, начальные главы книги, посвященные древней и средневековой истории, пользовались вниманием исследователей лишь в минимальной степени. Отношение к этим главам долгое время обусловливалось характерным для позитивистской историографии рассмотрением историографического процесса с точки зрения развития критического метода. Следствием такого подхода явилось то, что, обращая внимание на ошибочные, а местами и откровенно фантастические, с точки зрения современной науки, детали в повествовании Ратткая о древнейшем прошлом, историки-позитивисты подчас невысоко оценивали его вклад в разработку ранней хорватской истории (см. обзор историографии: [5. S. 28–38]). Современные исследователи справедливо исходят из того, что для адекватной оценки исторической концепции Ратткая, в том числе его взгляда на раннее прошлое, необходимо исходить не из абстрактных критериев «критической историографии», а из конкретных целей книги загребского каноника, связанных с необходимостью исторического обоснования политических идеалов хорватско-славонских сословий, и обусловленных данными целями более узких жанровых характеристик книги в целом и ее отдельных частей (см. особенно: [5. S. 39–68; 8. S. 271–293]). При всей адекватности такого подхода следует все же заметить, что он невольно способствует тому, что внимание исследователей оказывается сфокусированным на сугубо идеологических аспектах книги, вследствие чего в историческом повествовании Ратткая идентифицируются и анализируются, прежде всего, те элементы, которые так или иначе отвечают идее политической самостоятельности Хорватско-Славонского королевства. Другой аспект книги Ратткая – выстраивание в привычных для той эпохи дискурсивных категориях линии преемственности от далекого прошлого к настоящему – либо отходит на второй план, либо вовсе остается вне поля зрения историков. Между тем стоявшая перед Ратткаем задача создания связного и непротиворечивого исторического повествования, в котором находила бы свое максимальное выражение этнокультурная и этнополитическая индивидуальность Хорватско-Славонского королевства, была ничуть не менее важной и не менее сложной, чем обоснование с помощью исторических аргументов политических идеалов и устремлений хорватско-славонских сословий.

Если учесть, что основным средством создания любого национального исторического нарратива является проецирование в прошлое современных написанию труда этнических и квазиэтнических (этносоциальных и этнополитических) категорий и соответствующее этому структурирование прошлого в виде истории определенного этноса и соответствующей этому этносу конкретной политии, становится очевидным, что наибольшие трудности у историка-первопроходца, каковым был Ратткай, должно было вызвать описание именно самой ранней эпохи. Ведь именно в ней ему предстояло отыскать начала своих народа и страны и, ясно обозначив исторический континуитет, обрести искомую традицию непрерывной истории конкретного этнополитического организма – Хорватско-Славонского королевства. Речь, таким образом, идет о творческом акте, который может и должен рассматриваться в рамках так называемого изобретения традиции, как со времен появления влиятельной книги Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера [9] в историографии все чаще стали именоваться разнообразные попытки утверждения и легитимизации модерных наций и национальных государств, а также более ранних форм этнических групп и этнополитических единиц посредством их проецирования в прошлое и обусловленного этой проекцией «структурирования», т.е. фактически конструирования этого прошлого. Этой ключевой, с точки зрения обретения традиции, эпохе посвящены в обширном труде Ратткая, основная часть которого состоит из шести

«книг» (глав), первая и вторая книги. В то время как в первой книге описывается период от Сотворения мира до римского завоевания Иллирика, а также дается общая историко-географическая характеристика королевств Далмации, Хорватии и Славонии [6. P. 17–39; 7. S. 123–140], вторая книга, начинающаяся описанием христианизации Иллирика апостолами, освещает период истории трех соединенных между собой королевств до конца XI столетия [6. P. 40–60; 7. S. 141–157].

С целью хотя бы отчасти восполнить обозначенный нами выше пробел в исследовании исторической концепции Ратткая в настоящей статье будет предпринята попытка выявить внутреннюю логику, скрытую за нарисованной Ратткаем довольно причудливой, с точки зрения сегодняшних представлений, картиной раннего прошлого Хорватско-Славонского королевства. При этом, рассматривая эту картину с точки зрения поиска ее автором традиции, которая бы исторически легитимизировала существование Хорватско-Славонского королевства как особого этнополитического организма, свою основную задачу мы видим в выявлении тех аспектов повествования Ратткая о раннем прошлом, которые были обусловлены этническим дискурсом, т.е. исторически обусловленным способом структурирования социальной, политической и культурной реальности в этнических категориях. Понимание специфики этнического дискурса Ратткая, в свою очередь, позволит, как нам представляется, пролить дополнительный свет на те «ошибки», за которые, как было отмечено выше, укоряла труд историка-первопроходца позитивистская историография.

Королевства Далмации, Хорватии и Славонии, истории которых посвящен труд Ратткая, рассматривались им как три составные части Иллирика – страны, населенной «иллирским народом» (*natio Illyrica*). Глубокий и всесторонний анализ различных образов Иллирика в южнославянской историографии XVI–XVII вв. был недавно осуществлен З. Блажевич [8]. Как показала хорватская исследовательница, идея «иллирского народа», сформировавшаяся, главным образом, в среде далматинских и дубровницких гуманистов XV–XVI вв., была характерным продуктом этнического дискурса эпохи позднего Ренессанса, южнославянским аналогом польского сарматизма, немецкого тевтонизма, шведского готицизма и других похожих раннемодерных дискурсивных концептов [8. S. 51–87]. Существовавшая в воображении интеллектуалов и находившихся под их влиянием представителей политической элиты, бытовавшая в текстах, но практически не находившая отражения в практиках обиходной групповой идентификации южных славян, иллирская идентичность была примером так называемой нарративной идентичности [8. S. 34–35]. Вместе с тем авторы, использовавшие в своих трудах понятие «иллиры», идентифицировали эту воображаемую общность, главным образом, на основании такого объективного критерия, как славянская языковая принадлежность, вследствие чего Иллириком, как правило, именовалась область расселения южных славян, а иногда – в специально оговариваемом, широком смысле – вся населенная славянами часть Европы [8. S. 101–103].

Ко времени появления книги Ратткая протонациональная идеология иллиризма, корни которой уходят в XV в., насчитывала богатую историю, вследствие чего о прошлом «иллирского народа» можно было узнать из целого ряда сочинений разного жанра. С некоторыми из них – трудами Мавро Орбини (около 1550–1614), Ивана Томко Мрнавича (1579–1637), Франьо Главинича (1585–1652) – Ратткай, как показывают содержащиеся в его книге соответствующие отсылки, был хорошо знаком. Описывая в начале первой книги границы Иллирика, Ратткай цитирует известный труд Мрнавича «Изобилие иллирской царственной святости» (*Regiae sanctitatis Illyricanae foecunditas*) (1630 г.), согласно которому Иллириком должна именоваться территория между Черным, Эгейским и Адриатическим морями, с севера ограниченная рекой Дунаем [6. P. 19; 7. S. 124]. Однако, как далее, ближе к концу главы, поясняет наш автор, названное пространство отвечает Иллирику в самом широком смысле этого понятия, тогда как Иллирик в узком смысле состоит из девяти королевств (*regna*). Это Далмация, Хорватия, Славония, Босния, Болгария, Сербия, Фракия, Дардания и Албания [6. P. 34; 7. S. 136]. Ввиду того что из числа этих девяти королевств, как было ясно уже из названия книги, Ратткая интересовали только первые три, то перед нашим автором вставала задача вычленить их историю из истории Иллирика. Это, прежде всего, требовало от него ответа на вопрос о соотношении этих королевств друг с другом и с Иллириком в целом. Искать ответы на эти вопросы в предшествующей историографии было делом по большей части безнадежным: в литературе иллиризма неизменно описывалась история Иллирика как единого целого. Иными словами, хотя иллирский исторический нарратив в том или ином виде существовал, он совершенно не был адаптирован для описания истории государства со столицей в Загребе.

Из представленного Ратткаем в первой книге описания древнейшей истории иллиров видно, что в его представлении, иллиры, определенно составляя этническое единство (*natio Illyrica*), тем не менее, подразделялись на ряд народов (*nationes*). Объясняя появление этих народов, Ратткай воспроизводит античную легенду о «праотце» Иллире, приводимую Аппианом Александрийским. Согласно этой легенде Иллир, сын обитавших на Сицилии киклопа Полифема и нимфы Галатеи, переселился на континент вместе со своим братом по имени Кельт. Сыновьями Иллира были Дардан и Аутариат, а сыновьями Аутариата – Паннон или Пеон и Скордиск. Сообщая, что сыном Пеона был Трибал (эпоним народа трибалов), Ратткай добавляет, что подобным же образом обстояло дело и с остальными (иллирскими) народами, также получившими названия от своих прародителей [6. P. 17–18; 7. S. 123–124]. Даль-

нейшее изложение Ратткаем истории иллиров, фактически представляющее собой основывающееся на материалах античных источников описание древней истории Балкан, пестрит названиями разных «иллирских» народов – далматов, либурнов, трибалов, фракийцев, дарданцев и др. Примечательно, что наряду с народами, названия которых были почерпнуты автором из античных источников, в древней истории иллиров, по версии Ратткая, фигурировали и народы, которые в указанных источниках не упоминались, например болгары (*Bulgari*): они якобы были союзниками дарданцев во время борьбы иллиров с Филиппом Македонским [6. P. 21; 7. S. 126]. Неудивительно поэтому, что одним из иллирских народов, в представлении Ратткая, были и хорваты, под которыми Ратткай понимал жителей Хорватского королевства в узком смысле слова. Описывая в соответствующем разделе первой книги королевство Хорватию, Ратткай, со ссылкой на Антонио Бонфини, сообщает, что Хорватией именуется часть Далмации, получившая свое название «Корвация» по имени покорившего эту землю римского полководца Корвина Месалы [6. P. 36; 7. S. 139]. Воспроизведя данное (совершенно фантастическое) мнение авторитетного автора, Ратткай воздерживается от комментария: очевидно, такое истолкование названия страны казалось ему приемлемым. Вместе с тем, рассказывая во второй книге, как сын готского короля Строгила Свейолад завоевал «срединную Далмацию» (*Dalmatia Mediterranea*), «которая ныне именуется Хорватией» (*quae nunc Croatia dicitur*), Ратткай не только счел необходимым снова пояснить, что населяющий ее народ некогда именовался корватами (*Corvati*), но и добавил, что прежние латинские авторы именовали их куретами (*Curetae*) и что последние были прославлены стихами поэта Лукана [6. P. 42; 7. S. 143]. Как видно, в данном случае Ратткай воспроизвел давнюю традицию, восходящую к труду Фомы Сплитского «История архиепископов Салоны и Сплита» (середина XIII в.), где хорваты действительно отождествляются с древним народом куретов и цитируется фрагмент из эпической поэмы «Фарсалия» Марка Аннея Лукана (39–65 гг.) [10. С. 35–36].

Итак, можно заключить, что хорваты / корваты, подобно упоминаемым в античных источникам далматам, рассматривались Ратткаем как один из древних «иллирских» народов, и если далматам территориально соответствовала Далмация, то хорватам – Хорватия, выделившаяся из Далмации еще в древности: картина, как видим, столь же ясная, сколь и простая. Сложнее обстояло дело с понятием «славяне» (*Sclavi*), которое в историографической традиции иллиризма обычно выступало как синоним понятия «иллиры». Начало отождествлению этих понятий положил далматинский гуманист, уроженец Хвара Винко Прибоевич в своей речи (*oratio*) «О происхождении и славе славян» (*De origine successibusque Slavorum*) (1532) [11]. Утверждая автохтонное происхождение всех славяноязычных жителей Далмации, Прибоевич поставил знак равенства между воображаемым сообществом иллиров и народом славян, отвергнув характерное для жителей далматинских приморских городов-коммун, гордившихся своим античным происхождением, представление о «славянах», т.е. в даннном контексте – обитателях сельского хинтерланда, как о «варварах» и пришельцах с севера [12]. Отождествления иллиров со славянами придерживался и «далматинский Фукидид» – дубровницкий историк Мавро Орбини, автор книги «Королевство славян» (*Il Regno degli Slavi*) (1601) [13, 14], ставшей весьма влиятельной в историографии эпохи барокко. Использовав в своих этногенетических построениях элементы немецкого тевтонизма и польского сарматизма [8. S. 51–87], Орбини локализовал прародину славян в Скандинавии. В представлении дубровницкого интеллектуала, в ту далекую эпоху предки славян еще не именовались славянами, будучи известны в Европе под именем готов. Выйдя из Скандинавии в 1460 г. до Р.Х. (что соответствует дате исхода готов из Скандинавии, содержащейся в труде Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (VI в.)), «праславяне»-готы переселились в Сарматию (территория между Вислой, Азовским морем, Карпатами и Сарматским океаном), откуда спустя столетия начали расселяться по Европе и завоевывать для себя новые земли. Именно в ходе своих завоеваний они и приобрели имя «славяне», т.е. «славные». Славяне, отправившиеся на юг, по версии Орбини, в 606 г. заняли Иллирик, который, однако, к тому времени уже был населен другим народом славянского происхождения – иллирами. Приписывая иллирам и их восточным соседям – фракийцам славянское происхождение, Орбини, тем не менее, не выводил их из Скандинавии. Переходя к истории этих народов, дубровницкий историк отмечал: «...я перейду теперь к другим народам, которые, хотя и не вышли из Скандинавии, тем не менее все были славянского рода» [14. С. 173]. Это несколько парадоксальное замечание явилось следствием соединения в труде Орбини «скандинавской теории» происхождения славян с хорошо знакомой дубровницкому автору автохтонистской этногенетической концепцией Прибоевича, отождествлявшего славян с иллирами.

Противоречие между «скандинавской теорией» происхождения славян и «сицилийской теорией» происхождения иллиров, не до конца проясненное в книге Орбини, Ратткай снимает с помощью акцентирования хронологического промежутка между двумя событиями – свершившимся в глубокой древности распространением «предков славянского языка» из Сарматии на широкое пространство от гор Тавра до Сицилии и от Адриатики до Северного моря и произошедшим, по Ратткаю, гораздо позже переселением праотца иллиров с острова Сицилии на континент [6. S. 17; 7. S. 123]. Более того, в отличие от Орбини, опиравшегося на известия византийских источников о расселении склавинов на Балканах, Ратткай совсем не говорит о переселении славян в Иллирик в начале VII в., а известную

ему информацию Константина Багрянородного о появлении в Далмации в VI–VII вв. сначала славян (в составе аваров), а затем хорватов интерпретирует вне какой бы то ни было миграционистской перспективы (см. ниже). Таким образом, с точки зрения Ратткая, никакого переселения славян на Балканы в эпоху раннего Средневековья просто не было, а все миграции (из Скандинавии в Сарматию и из Сарматии на земли будущего Иллирика) свершились еще задолго до того, как выходец с Сицилии по имени Иллир дал начало народу иллиров.

Казалось бы, такой взгляд Ратткая на происхождение славяноязычных иллиров открывал дорогу для отождествления иллиров со славянами, т.е. провозглашения иллиров одним из славянских народов. Между тем при внимательном чтении книги Ратткая становится видно, что использование им понятия «*Sclavi*» совершенно выбивается из традиции Прибоевича–Орбини. Так, уже при описании скандинавской «прародины» Ратткай не говорит эксплицитно, что речь идет о прародине славян или тех, кто станет именоваться славянами, отмечая лишь, что эту обширную землю заняли потомки библейского Иафета, «которые положили начало славянскому языку» (*qui Sclavicae linguae principium fecere*) [6. S. 17; 7. S. 123]. Описывая затем широкое расселение по Европе выходцев из Сарматии, Ратткай снова словно намеренно избегает называть их славянами, предпочитая этнически нейтральную формулировку: «Поэтому не удивительно, что язык здешних так широко распространен по всему свету…» (*unde nec mirum, quod nostratum lingua tam late per Orbem universum pateat*) [Ibid.]. Окончательно же расставляет точки над «i» комментарий, который Ратткай делает в заключительной части первой книги после перечисления им девяти королевств Иллирика, прежде чем перейти к подробному географическому описанию каждого из них. Ввиду важности этого комментария для понимания этнического дискурса Ратткая процитируем его полностью: «Действительно, Орбини и Ранцано утверждают, что название Склавонии является общим, так как язык этого народа распространился обширнее всех прочих, ибо простирается от Адриатики до Северного океана. Ведь, *кроме самих славян* (курсив мой. – *Д.А.*), им пользуются далматинцы, хорваты, боснийцы, болгары, фракийцы, истрийцы, мораване, чехи, албанцы, поляки, лужичане, силезцы, литвины, рутены, московиты, руссы, пруссы, жители Скандинавии и других территорий вплоть до Константинополя, и притом он все еще в ходу среди турок, и не считается там достойным уважения тот, кто его не знает. А потому говорит Ранцано в первом индексе *Epitome rerum Hungaricarum*: “Эта область обрела такую славу, что от нее получила название вся Далмация с соседними областями Иллирии и Либурния. И они одним названием почти всеми народами в обыденной речи вследствие этого именуются, по тем, кто ими владеет, склавонами”. Однако, мы лучше будем использовать название “иллиры” как употребляемое почти всеми историками»[2]. В следующем сразу после вышеприведенного комммментария описании королевства Славонии Ратткай снова говорит о происхождении названия «славяне», приводя две этимологии – от названия реки Сава (упоминаемая в книге Ранцано) и от «славы» [6. S. 34; 7. S. 137].

Итак, из приведенного пассажа явствует, что славяне для Ратткая – это обозначение лишь одного из иллирских народов, а именно жителей «королевства Славонии», одного из девяти королевств Иллирика, но никак не синоним понятия «иллиры». Принципа восприятия славян лишь как одного из иллирийских народов, а именно славонцев, Ратткай неукоснительно придерживается и при изложении древней истории иллиров. Например, описывая кампанию Александра Македонского против иллирских народов, Ратткай сообщает, что Александр победил фракийцев, трибалов, болгар, славян и гетов, причем славяне оказали ему особое сопротивление [6. S. 22; 7. S. 128]. Описывая восстание иллиров под руководством Батона против римского господства, Ратткай сообщает, что далматы тогда заключили союз со славянами и паннонцами [6. S. 31; 7. S. 134]. Тиберий, согласно Ратткаю, совершил поход на славян, далматов и паннонцев [6. S. 33; 7. S. 136].

Что же обусловило такое «узкое» понимание Ратткаем славянской общности, а именно привязку ее к одному лишь Славонскому королевству? Как мы видели, рассуждая о славянах, Ратткай ссылался на Орбини и Ранцано. Однако, в отличие от Ратткая, Орбини, использовавший понятие «славяне» для обозначения всех славяноязычных народов, не привязывал славян к Славонскому королевству, да и вообще не писал о нем в своей книге. Иное дело – посвященный истории Венгрии труд Пьетро Ранцано (около 1420/28–1492 гг.), сицилийского гуманиста, долгое время проведшего в Венгерском королевстве. В его «Извлечении из дел венгерских» (*Epitome rerum Hungaricarum*), в части, где описывалась Славония, высказывалась мысль о распространении названия «славяне» отсюда на соседние земли [15. P. 40]. Отождествляя славян со славонцами, Ранцано основывался на известном ему самоназвании жителей Славонского королевства, которые, в отличие от хорватов, именовали себя славянами (местная форма этнонима «славяне» в XVI–XVII вв. – *Slovenci*) [2. S. 209]. Как известно, название «славяне», т.е. «словене» (*Slovene*), издревле являлось самоназванием всего славяноязычного населения Карпатской котловины, включая земли будущего королевства Славонии. Заметим, что этот факт является важным аргументом в пользу присутствующего в историографии мнения о том, что именно Подунавье и прилегавшие к нему районы были первичной зоной распространения славянской идентичности, в то время как за пределами этой территории название «словене» распространилось позднее, главным образом, в результате рецепции кирилло-мефодиевской традиции и связанной с ней «языковой» версии славянской идентичности (см. особенно:

[16]). Процитированный выше пассаж из сочинения Ратткая ясно показывает, что еще в середине XVII в. использование названия *Sclavi* в качестве общего обозначения всех славяноязычных народов было чуждым и непривычным для Славонии, где это название использовалось в качестве латинского эквивалента этнонима *Slovenci*, т.е. самоназвания жителей Славонии, напрямую восходящего к этнониму «словене».

В этой связи интересно сопоставить подход Ратткая к славянской идентичности с представлением об истории Славонии, отраженном в стихотворении государственного нотария Хорватско-Славонского королевства Ивана Закмарди. Текст этого стихотворения, написанного в 1643 г., был прикреплен к крышке сундука, в котором хранились государственные документы Хорватско-Славонского королевства, и наверняка был известен Ратткаю [4. S. 81–82]. В этом тексте в яркой аллегорической форме – от имени самой Славонии – прославлялись история и политическое положение Славонского королевства, соединенного с Хорватией. Среди прочего здесь говорилось о том, что Славония помогла в войнах Александру Великому, вследствие чего ее народ был пожалован особой привилегией[3].

История о том, как Александр Македонский, высоко оценив воинскую доблесть славян, предоставил им в специальной грамоте господство над половиной Европы, была хорошо известна в славянской исторической литературе раннего Нового времени [18. С. 45–94]. Считается, что соответствующая традиция сложилась в Чехии, где она впервые фиксируется в XIV в., хотя не исключено и ее южнославянское происхождение [19. S. 109–124]. Так или иначе, в южнославянской историографии текст грамоты был впервые представлен в вышеупомянутой речи Прибоевича. Подробно данный сюжет был изложен и в труде Орбини, а в написанной по-хорватски книге францисканского автора Франьо Главинича «Цветок святых» (*Czvit szvetih*), изданной в Венеции в 1628 г., был впервые дан перевод грамоты на хорватский язык [8. S. 199]. В отличие от всех названных авторов, в стихотворении Закмарди грамота Александра Великого ассоциировалась именно со Славонией, а не со славяноязычным миром в целом. Видимо, так же понимал грамоту и Ратткай, который, воспроизводя ее текст по книге Главинича, поместил его после рассказа о том, как иллирские народы боролись с македонцами, причем славяне, по его словам, особенно сопротивлялись захватчикам [6. P. 24–25; 7. S. 129]. И все же утверждать это с определенностью нельзя: притом что в использованном Ратткаем тексте Главинича понятие «словинский народ» (*narod Szlovinski*) использовалось в характерном для иллиризма широком смысле, само название «славяне», т.е. «словинцы» (*Slovinczi*), Главинич, подобно Ранцано, производил от славонской реки Сава, считая, что первоначально «словинцы» именовались «савинцами» (*Szavinczi*) [8. S. 200]. Такая этимология названия «славяне» в книге Главинича, по-видимому, писавшего свой труд в монастыре св. Леонарда близ города Самобор в Славонии [20. S. 437], могла быть созвучной представлениям загребского каноника, колебавшегося, как мы видели, между узким, «славонским», и широким, «иллирским», пониманием термина «славяне».

Трактовку славянской идентичности, наблюдаемую в книге Ратткая, было бы интересно сопоставить и с тем, что писал о славянах соотечественник и младший современник Ратткая – Павел Риттер-Витезович (1652–1713). В историографии присутствующие в трудах этого выдающегося энциклопедиста формы и стратегии этнической категоризации населения Иллирика обычно рассматриваются в связи с формированием хорватской национальной идеологии: в работах, написанных им вскоре после в 1699 г., Витезович, участвовавший в комиссии по территориальному разграничению с Османской империей по результатам победоносной для монархии Габсбургов войны 1684–1699 гг., с помощью многослойной и сложно структурированной аргументации обосновывал тождество славян, иллиров и хорватов, выстраивая таким образом границы дискурсивной «целокупной Хорватии» (*totia Croatia*) [17]. Между тем в более ранней работе Витезовича – «Хронике, или истории веков всего света» (*Kronika aliti szpomen vszega szvieta vikov*), изданной в Загребе в 1696 г. [21], еще можно обнаружить следы узкого понимания славянской идентичности, весьма близкого тому, что наблюдается в труде Ратткая. «Хроника» Витезовича, написанная на хорватском языке (кайкавским наречием), была специально предназначена для ознакомления с историей широкого читателя и пользовалась немалой популярностью в Хорватско-Славонском королевстве, о чем хорошо свидетельствует факт ее переиздания в 1744 г. [22. S. 112]. В специальном приложении (*Pridavak*), помещенном в конце книги, Витезович разъяснил читателю, что славянами (*Szlovenci*) в своей хронике он именовал не только жителей территории между Савой, Дравой и Дунаем, т.е. Славонии, «но и всех других областей, которые у греков и римлян именовались Иллирией», после чего дал обширный список народов, использующих славянский язык [21. S. 468–471]. Напрашивается вывод: коль скоро существовала необходимость в подобном разъяснении, значит славянами («словенцами») в Славонии еще в конце XVII в. именовали только славонцев. Такова была обиходная этническая идентификация, основывавшаяся на многовековом социальном опыте жителей Славонии. С нею так или иначе приходилось считаться и местным интеллектуалам, освоившим книжную, «панславянскую», традицию использования этнонима «славяне», таким как Ратткай и Витезович.

Подводя итог рассмотрению этнического дискурса Ратткая, можно заключить, что историческому труду загребского каноника была присуща система этнической деноминации, основанная на сочетании элементов далматинско-дубровницкого иллиризма с присущими ему панславянскими коннотациями и местной, славон-

ской, традиции этнической категоризации, вытекавшей из социально-исторического опыта Славонского королевства. При этом весьма примечательно, что подобная гетерогенная картина этнической деноминации прекрасно соответствовала стоявшей перед автором задаче репрезентации в этнических категориях трех иллирских королевств – Далмации, Хорватии и Славонии, ведь получалось, что эти три королевства были отечествами трех, хотя и родственных, но все же отдельных, а не тождественных друг другу народов – далматов (далматинцев), хорватов и славян (славонцев), которые, наряду с болгарами, боснийцами, сербами и прочими, входили в состав большой «нации иллиров». Притом, что каждый их этих народов, как показал Ратткай, имел свою древнюю историю, восходящую к Античности, из описания ранней истории иллиров, представленной в первой книге сочинения Ратткая, вытекало, что славяне (славонцы) играли среди иллирских народов особо выдающуюся роль, так как именно их язык стал господствующим среди иллиров, а слава их была такова, что и другие иллирские народы стали со временем именоваться славянами.

Еще один важный вопрос, на который должен был дать в своей книге ясный ответ первый историограф Хорватско-Славонского королевства, заключался в том, когда Далмация, Хорватия и Славония стали королевствами и каким образом они составили политическое триединство внутри Иллирика? Ответом на этот вопрос стало подробное описание им истории державы, будто бы основанной в середине VI в. на землях Иллирика Строгилом, братом готского короля Тотилы.

История этой легендарной державы, а точнее правивших ею королей, была впервые представлена в средневековом историческом памятнике жанра «деяния королей» (*gesta regum*) – так называемой Летописи попа Дуклянина [23], написанной в XII в. в городе Бар в Дуклянском королевстве (современная Черногория) неизвестным автором из рядов местного клира (по одной из версий – барским архиепископом Григорием (1172–1196) [24]). В представлении средневекового автора, пришедшие с севера готы, завоевавшие в конце V в. римские провинции Далмацию и Превалис, создали на этих территориях обширное королевство, из которого впоследствии выросла Дуклянская держава. Притом, что некоторые из числа упоминаемых летописцем легендарных королей, возможно, соответствовали тем или иным реальным правителям раннесредневековых славянских княжеств, оказавшихся к концу XI в. под властью могущественной дуклянской династии Воиславичей, присутствующая в летописи привязка начала дуклянской истории к завоеванию готами римского Иллирика, очевидно, была обусловлена этническим дискурсом романских жителей побережья Адриатики, называвших готами славянское население хинтерланда [25]. Иными словами, основываясь на характерном для романской среды этого уголка Средиземноморья отождествлении «славяне = готы», образованный барский клирик связал с дуклянскими славянами известные ему из книжной традиции сюжеты из истории готов. Так, история о трех братьях готского короля Сенулада – Брусе, Тотиле и Остроиле, – с которой начинается историческое повествование барского клирика, позволяет, по мнению словенского историка Й. Руса, говорить об искаженном воспроизведении в начальных главах летописи истории остготской династии Амалов, так как очень напоминает рассказ готского историка Иордана о сыновьях Вандалария [26]. С течением времени дуклянская историческая традиция проникла в Хорватское королевство, где в эпоху позднего Средневековья была составлена на хорватском языке так называемая Хорватская хроника [27], текст которой содержательно соответствует (с более или менее существенными расхождениями в отдельных деталях) первым 23 главам текста дуклянского автора с присоединением к ним рассказа о гибели хорватского короля Звонимира (1075–1089 гг.). В отличие от Летописи попа Дуклянина, в Хорватской хронике отсутствует привязка готского королевства к Дукле, что, вкупе с включением Звонимира в число королей – преемников легендарного Остроила, основавшего, согласно Летописи попа Дуклянина, королевство на землях покоренного готами Иллирика, означало то, что в Хорватской хронике история готской державы была интерпретирована как история Хорватского королевства.

Воспроизводя во второй книге своего труда историю королей из династии Остроила, Ратткай опирался главным образом на латинский перевод Хорватской хроники, который был ошибочно приписан им дубровницкому историку Людовику Цриевичу-Туберону (1458–1527) [6. P. 46; 7. S. 146]. На самом деле это был перевод, выполненный в 1510 г. сплитским гуманистом Марко Маруличем. В переводе Марулича, носящем название «Деяния королей Далмации и Хорватии» (*Croatiae Dalmatiaeque regum gesta*) [28], Далмация является более широким понятием, чем Хорватия, что вполне отвечало ренессансным антикизирующим тенденциям [29. S. 152]. Интерпретация готских королей как далматинских, утвердившаяся со времен Марулича в историографии Венецианской Далмации и Дубровницкой республики, определила и их трактовку в книге Ратткая. В духе ренессансного иллиризма Ратткай совершенно не акцентирует внимание на готском происхождении Остроила (которого он, вслед за Маруличем, именует Строгилом (*Strogillus*)), ограничившись лаконичным сообщением, что тот был братом Тотилы [6. P. 42; 7. S. 142]. Заметив о Строгиле, что он силою домогался «Иллирского королевства», Ратткай последовательно описывает завоевание им и его сыном Свейоладом (*Svejoladus*) Боснии, Далмации и «срединной Далмации, которая именуется Хорватией» [6. P. 42; 7. S. 143]. Таким образом, Далмация, Хорватия и Босния изображаются Ратткаем как составные части единого королевства, что всецело соответствует традиции, восходящей к Летописи попа Дуклянина.

Почерпнув из труда Марулича начальную дату в истории «готского» королевства – 547 г. (вторжение Строгила в Далмацию), Ратткай на протяжении всего последующего повествования о деяниях королей VI–XI вв. стремился выстроить точную хронологию их правления. Само по себе это было значительной новацией, так как ни в тексте Марулича, ни в других ранних произведениях, где описывались деяния легендарных королей из династии Остроила, даты правления королей не указывались. Определяя даты, Ратткай тем самым придавал абстрактному повествованию средневековых и ренессансных авторов конкретно-исторический характер, что было совершенно необходимо для сочинения, одной из целей которого была максимально убедительная историческая репрезентация раннего прошлого Хорватско-Славонского королевства. В датировании правления легендарных королей Ратткаю помогают не только указывавшиеся в тексте Хорватской хроники сроки их правления, что позволяло получать «исторические даты» простым прибавлением чисел к начальной хронологической точке – 547 г., но и комбинирование информации Хорватской хроники со сведениями других источников, которое давало возможность еще больше «историзировать» легендарные события.

Ярким примером такого комбинирования является соединение Ратткаем известий Хорватской хроники о приходе к власти короля Будимира (*Budimerius*), в правление которого в королевстве, некогда основанном язычниками-готами, произошло официальное принятие христианства, с известиями трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) о переселении хорватов в Далмацию и их крещении в правление императора Ираклия (610–641). Так, при описании вторжения в Иллирик аваров Ратткай отмечает, что, по свидетельству византийских авторов Феофилакта Симокатты и Константина Багрянородного, аваров, вместе с готами, считали славянами. Никак не комментируя это ошибочное представление средневековых авторов, Ратткай сразу же отмечает, что они (по контексту, видимо, славяне) по призыву императора Ираклия восстали против завоевателей и освободили землю своих отцов. Приняв крещение из Рима, они, по словам Ратткая, украсили своих правителей титулом королей хорватов и далматинцев [6. P. 44; 7. S. 144]. Совершенно очевидно, что в данном пассаже Ратткай опирался на информацию из трактата Константина Багрянородного, где говорилось о победе хорватов над аварами и принятии ими христианства из Рима [30. С. 137]. Однако описываемую Константином Багрянородным борьбу хорватов с аварами Ратткай интерпретирует как восстание славян, являвшихся, по его мнению, исконными обитателями Иллирика против господства пришедших извне «варваров». Не вполне ясно лишь, какое именно значение Ратткай, колебавшийся, как мы видели, между широким и узким пониманием славянской общности, вкладывал здесь в понятие «славяне» (*Sclavi*). Это могло быть как обобщенное обозначение иллирских народов (в духе иллирской традиции), так и название славонцев.

Определяя дату прихода к власти Будимира, который, согласно Хорватской хронике, правил в течение 40 лет, Ратткай, помимо свидетельства Константина Багрянородного о крещении хорватов в правление Ираклия, задействовал воспроизводившее информацию средневекового источника известие из восьмого тома «Церковных анналов» Цезаря Барония (1599) об отправке папой Иоанном IV в 641 г. специальной миссии в Далмацию с целью выкупа из плена христиан, захваченных варварами. По мнению Ратткая, это были христиане, попавшие в плен в правление короля Разимира, который, согласно Хорватской хронике, был язычником и преследовал христиан. В свете всей этой информации Ратткай датирует правление Будимира 641–681 гг. [6. P. 44; 7. S. 144]. В историческом нарративе Ратткая Будимир играет важную роль «короля-апостола», обратившего в христианство иллирские народы, впавшие в язычество вследствие господства варваров. Более того, роль Будимира в истории иллиров прямо уподобляется Ратткаем роли «короля-апостола» Иштвана в истории Венгрии [6. P. 48–49; 7. S. 148], что имело важное значение в контексте идеи политического равноправия Хорватско-Славонского и Венгерского королевств в составе монархии Габсбургов [8. S. 284–285]. О важности фигуры Будимира для исторической репрезентации Хорватско-Славонского королевства свидетельствует и помещенная на фронтисписе книги Ратткая гравюра, на которой ее автор, известный гравер Степан Бродарич, очевидно, по согласованию с Ратткаем, поместил изображения ключевых исторических фигур и святых покровителей Хорватско-Славонского королевства, фигурирующих в книге Ратткая. Один из девяти медальонов с портретами, составляющими композицию, содержит портрет Будимира, где он представлен в короне и со скипетром, с окаймляющей надписью: «Будимир, король и апостол Далмации, Хорватии и Славонии» [7. S. III].

Подпись на гравюре – ясное указание на то, что Ратткай представлял себе Славонию составной частью королевства Будимира. Между тем в средневековой дуклянской традиции и основывавшейся на ней Хорватской хронике, к которой в своем описании истории Далмации обращались далматинские и дубровницкие авторы XVI–XVII вв., о Славонии – территории, лежавшей к северу от Далмации и Боснии и не попадавшей в поле зрения барского клирика XII столетия, ничего не говорилось. В состав королевства, основанного Остроилом-Строгилом, эта территория была эксплицитно включена Маруличем, чей перевод Хорватской хроники использовал Ратткай. Описывая произошедшее в правление короля Будимира разделение королевства на провинции, Марулич упомянул пространство между реками Сава и Драва [28. S. 120], уточнив таким образом известие Хорватской хроники о северной ча-

сти королевства Будимира, располагавшейся в бассейнах рек, впадающих в Дунай (в Хорватской хронике, однако, судя по контексту, имелась в виду не Славония, а Босния [27. S. 118]). И хотя, согласно Маруличу, король Будимир назначил в каждую из провинций королевства своего наместника (бана), в последующем повествовании об истории «королей Далмации и Хорватии», в котором нередко упоминались баны тех или иных областей, славонские баны не фигурировали.

Таким образом, Ратткай и здесь должен был выступить в роли первооткрывателя: ему необходимо было решить сложный вопрос о месте его родной Славонии в политической структуре, возглавлявшейся потомками Строгила. Сделать это было непросто, так как ко времени появления труда Ратткая не существовало исторического произведения, которое бы содержало целостное представление о ранней истории Славонии. Даже в использованном Ратткаем собственно славонском историческом сочинении – «Хронике» Антуна Врамца (1578 г.) [31], содержавшей хронологическое изложение всемирной истории, Славония, а точнее «Словенская земля» (под которой Врамец, судя по всему, понимал не только «королевство Славонию», но и в целом зону распространения словенской идентичности в западной части Карпатской котловины), применительно к древнейшему периоду истории упоминалась лишь эпизодически. Таким образом, перед Ратткаем вставала трудная задача «реконструкции» раннесредневековой истории Славонии, и притом – в соответствии с логикой поисков в далеком прошлом истоков всех трех королевств – в качестве особой политической единицы. Задача эта была тем более сложной, что в раннее Средневековье никакого королевства Славонии в действительности не существовало, о чем ни Ратткаю, ни другим его современникам не могло быть доподлинно известно. Дополнительной сложностью было то, что эту «реконструкцию» необходимо было соотнести с той, заимствованной из литературы иллиризма, рамочной исторической схемой, которая определялась восходящим к Средневековью представлением о существовании на землях Иллирика королевства, основанного готами.

Если исходить из таких критериев оценки концепции историка, как логичность и соответствие имеющимся в его распоряжении историческим материалам, то следует признать, что Ратткай блестяще справился со всеми указанными сложностями. Притом, что в целом Славония в повествовании Ратткая о событиях раннего Средневековья фигурирует не слишком часто, это логично, учитывая, что она была лишь одной из составных частей более крупной политической структуры с центром на территориии Далмации, содержащиеся в труде загребского каноника известия о славонских правителях вполне позволяли внимательным читателям понять, каким образом Славония стала королевством и в каком соотношении это королевство находилось с Далмацией и Хорватией. Так, одним из правителей Славонии являлся в представлении Ратткая Кеан, прямо именуемый в книге королем Славонии (*Cheanus Rex Sclavoniae*) [6. P. 54; 7. S. 152]. Информация об этом правителе была почерпнута загребским каноником из венгерской историографии, воспроизводившей в данном случае известный сюжет средневековых венгерских хроник о противоборстве первого венгерского короля Иштвана и некоего Кеана, именуемого в них правителем болгар и славян (*dux Bulgarorum et Sclavorum*). Есть основания полагать, что исторический Кеан был болгарским правителем в южной части Трансильвании с резиденцией в Альба-Юлии, хотя существует мнение, что Кеаном – именем, вероятно, произведенным от титула «каган», – в венгерских хрониках мог именоваться сам болгарский царь Самуил [32. P. 145]. Воспроизводя данный сюжет, Ратткай в полном согласии со своими источниками называет Кеана наследником болгарского царя Самуила, однако именование в них Кеана правителем не только болгар, но и славян позволяет автору связать его со Славонией. По словам Ратткая, Кеан был столь славен своей силой и великодушием, что «потому его и славяне себе возжелали» (*hunc Sclavi suum quoque voluere*), после чего, поставленный королем славян (*inauguratus igitur Cheanus Rex Sclavorum*) и увеличив военную силу, он вознамерился отомстить за неправды, нанесенные в прошлом болгарам и приобрести власть над «гуннами», т.е. венграми [6. S. 54; 7. S. 152–153]. Как видно, превращение Кеана в короля Славонии на страницах сочинения Ратткая было обусловлено этническим дискурсом Ратткая, т.е. отождествлением славян со славонцами. Свою роль, несомненно, сыграло и то, что Болгария, как и Славония, считалась одним из девяти исторических королевств Иллирика.

В отличие от случая с Кеаном, причина, побудившая Ратткая считать баном Славонии бана Привуния [6. S. 56; 7. S. 154], упоминаемого в трактате Константина Багрянородного [30. С. 139], остается неизвестной: в оригинальном тексте императора Константина никакая Славония, конечно, не упоминается, но Ратткай мог быть введен в заблуждение другим интерпретатором еще весьма слабо известного в то время источника. Так или иначе, но привязка Ратткаем бана Привуния к Славонии открыла дорогу для следующего далеко идущего построения хорватско-славонского историографа. Сопоставляя известие Константина Багрянородного о свержении Привунием хорватского правителя Мирослава, сына Крешимира с информацией источников о хорватском короле Звонимире, наследовавшем Крешимиру, и ошибочно смешивая двух разных правителей по имени Крешимир, Ратткай разрешил возникшее противоречие предположением, что Крешимир имел двоих сыновей и что свергнутый Привунием Мирослав правил в Славонии [6. S. 56; 7. S. 154]. Как видно, в данном случае само убеждение автора в существовании в раннем Средневековье Славонии как особой политико-административной единицы позволило

связать с ней определенный сюжет из ранней хорватской истории.

Следующим после Мирослава правителем Славонии, в представлении Ратткая, был Годескальк (*Godescalcus*) [6. S. 58; 7. S. 156]. Образ этого короля в повествовании Ратткая был особенно важен, так как он был не просто правителем, а благочестивым королем-мучеником, убитым язычниками за свою стойкую приверженность христианской вере. О значимости фигуры Годескалька для создававшейся Ратткаем концепции истории Хорватско-Славонского королевства свидетельствует изображение этого короля с подписью «Годескальк, король Славонии и мученик» на упомянутой гравюре Бродарича [7. S. III]. Медальон с портретом короля-мученика представлен здесь в одном ряду с изображениями короля-апостола Будимира и ставшего в XVII в. весьма почитаемым в Хорватско-Славонском королевстве св. Иоанна Пустынника, образ которого в свое время проник в историческую литературу иллиризма из чешской традиции, где Иоанна считали сыном хорватского короля Гостумила, совершенно неизвестного по другим источникам [33]. Откуда же появился в повествовании Ратткая очередной, да еще столь значимый для исторической репрезентации Славонии образ славонского короля? Ответ на этот вопрос дает сам Ратткай, когда, описывая трагическую историю Годескалька, ссылается на труд Цезаря Бария «Церковные анналы», служивший для хорватско-славонского историографа одним из основных источников при описании сюжетов, так или иначе связанных с церковной историей. В одиннадцатом томе труда Бария (1605) действительно речь идет о Годескальке, «короле Склавонии» (*Rex Sclavoniae*), правившем в середине XI в. [34. P. 266–267]. Однако Склавонией в труде Бария, воспроизводившего в данном случае рассказ немецкого автора XI столетия Адама Бременского, именуется, конечно, не Славонское королевство со столицей в Загребе, которое в XI в. не существовало, а совсем другая «страна славян», а именно держава ободритов на Балтийском море, правителем которой в это время был король по имени Готшальк (Годескальк).

Фигура славонского короля Годескалька оказалась искусно встроена хорватско-славонским историографом в общую канву истории объединенного Далматинско-Хорватско-Славонского королевства. Так, в интерпретации Ратткая после гибели Годескалька знать оставшейся без короля Славонии будто бы обратилась к Звонимиру, правившему тогда Хорватией и Далмацией, «чтобы королевства, которые почти всегда радовались одному правителю, снова соединились правлением одного короля и политическим союзом» (*ut quae sere semper Regna eodem gaudebant Principe, jam rursum ejusdem Regis imperio, ac societatis foedere jungerentur*) [6. S. 59; 7. S. 156]. А основание венгерским королем Ласло, пришедшим к власти в трех королевствах после смерти женатого на его сестре Звонимира, Загребской епископии, о чем Ратткай рассказывает уже в начале следующей, третьей книги своего труда, было очень удачно, с точки зрения логики развития событий, истолковано им как стремление нового короля-апостола утвердить христианство в той самой стране, где ранее восторжествовали язычники [6. P. 62; 7. S. 159]. Современный читатель может, наверное, задаться вопросом: искренне ли заблуждался Ратткай, провозглашая ободритского Готшалька славонским королем и включая его таким образом в галерею исторических правителей Хорватско-Славонского королевства, или намеренно дезориентировал своего читателя, стремясь подобной комбинацией в очередной раз возвеличить свое отечество? На наш взгляд, это тот случай, когда неверной и способной повести по ложному пути является сама формулировка вопроса. Как уже отмечалось выше, для славонцев середины XVII в. не существовало славянского мира в том виде, в каком он изображался тогда далматинскими и дубровницкими авторами. Название *Sclavi* традиционно использовалось здесь для обозначения самих славонцев и – несколько шире – славян Карпатской котловины. В этой связи логику автора, привязавшего Годескалька к Славонии, можно понять, уподобив ее логике современных нам национальных исторических нарративов, где по большому счету действует тот же принцип – выстраивание исторических связей под углом зрения этнического дискурса.

Итак, можно заключить, что картина раннего прошлого Хорватско-Славонского королевства, представленная Ратткаем на страницах своего исторического нарратива, отнюдь не являлась результатом механического соединения сведений разнородных источников. Какой бы странной эта картина не казалась современному читателю, взирающему на нее с высоты достижений историографии второй половины XIX в., когда было введено в оборот и критически изучено большое количество исторических источников и стала складываться иная, ставшая со временем канонической, версия ранней хорватской истории, при внимательном чтении соответствующих разделов труда Ратткая выявляется ясная логика его повествования о раннем прошлом. В ее основе – репрезентация королевств Далмации, Хорватии и Славонии, с одной стороны, как составных частей единого этнополитического организма, а с другой – как обладающих собственной исторической индивидуальностью этнополитических единиц. В своем повествовании Ратткай придерживается представления о существовании трех иллирских народов – далматов, хорватов и славян, каждый из которых населял «свое» королевство. Вместе с тем все три народа входили в состав единой «нации иллиров» и использовали славянский язык. Политическим эквивалентом этого этнического единства было единство состоявшего из трех королевств «иллирского» королевства, как правило, находившегося под властью одного правителя, и лишь изредка нарушавшееся дроблением его на уделы. Лежавшее в основе исторической концепции Ратткая представление о неразрывной связи между

народом (*natio*) и политическим организмом (*regnum*) способствовало соединению в его книге элементов иллиризма как протонациональной идеологии с традициями сословного далматинско-хорватско-славонского патриотизма. Проецируя эту «гибридную» идентичность вглубь веков, Ратткай соответствующим образом структурировал всю доступную ему информацию о раннем прошлом. Таким образом, Ратткай предстает перед нами не столько идеологом, использовавшим прошлое как средство легитимизации настоящего, сколько историком, пытавшимся, как это вынужден делать любой историк, описать и объяснить прошлое через настоящее. Найденный Ратткаем баланс между этническими и политическими параметрами исторической репрезентации Хорватско-Славонского королевства стал той основой, на которой впоследствии формировался хорватский национальный исторический нарратив в собственном смысле слова. Таким образом, можно сказать, что иллирско-далматинско-хорватско-славонская историческая концепция Ратткая стала промежуточной, но необходимой, остановкой на пути «от Иллирии к Хорватии».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Понятие «королевство Славония» (*regnum Sclavoniae*) восходит к XIII в., когда область между Дравой, Савой и Железными Альпами, находившаяся до конца XI в. в составе Хорватского королевства и утраченная им незадолго до объединения с Венгрией (1102), была превращена в особую политико-административную единицу в составе Венгерско-Хорватского королевства. В результате понятие «*Sclavonia*», первоначально использовавшееся в венгерских документах для обозначения всей территории Хорватии от Дравы до Адриатического моря, закрепилось за ее северной частью – территорией, находившейся в церковной юрисдикции загребского епископа [1]. Вероятно, определенную роль в этом сыграло и то обстоятельство, что ко времени унии Хорватского и Венгерского королевств под скипетром династии Арпадов на территории будущей Славонии еще не успел утвердиться этноним «хорват»: местные жители называли себя просто славянами. С юга с «королевством Славонией» соседствовало «королевство Далмации и Хорватии», где под Далмацией в соответствии с давней традицией разумелись приморские территории. В свою очередь, произошедшее в XVI в. в результате османской экспансии значительное сужение территории как Хорватского, так и Славонского королевств способствовало процессу их взаимной интеграции. Продолжавшееся со времен Средневековья распространение в Славонии хорватского этнонима стало в раннее Новое время особенно интенсивным вследствие миграционных процессов, а тенденция к воссоединению двух королевств, необходимость в котором диктовалась задачами эффективного управления и совместной борьбы с османами, привела к слиянию в середине XVI в. сословных собраний Хорватии и Славонии в один сословно-представительный орган, что, с формальной точки зрения, привело к конституированию Хорватско-Славонского королевства как единого политического организма. В XVII в. название объединенного королевства со столицей в Загребе еще не вполне стабилизировалось: оно могло именоваться Хорватским, Славонским, Хорватско-Славонским и Далматинско-Хорватско-Славонским [2. S. 77].

[2] «Sane Orbinus et Ranzanus Sclavoniae nomen generale esse volunt, eo quod lingua gentis hujus latissime omnium aliare pateat, quippe quae a mari Adriatico ad Oceanum Septentrionalem extenditur; nam praeter ipsos Sclavos ea utuntur Dalmatae, Croatae, Bosnenses, Bulgari, Thraces, Istrii, Moravi, Bohemi, Albani, Poloni, Lusatii, Silesii, Lithuani, Prutheni, Moscovitae, Russi, Prussi, Scandinaviae incolae, et aliae Regiones Constantinopolim usque, adeo, ut etiam ejus usus inter Turcas sit, nec ibidem dignus honore putetur, qui eam ignoret. Quare Ranzanus in Epitome rerum Hungaricarum Indice primo: "Ea Regio, inquit, hoc sibi claritudinis vendicavit, ut ab ipsa nomen acceperit universa Dalmatia cum sibi conterminis Illyride atque Liburnia, quae uno vocabulo ab omnibus pene nationibus vulgo ita vocitantur, qui vero ipsas tenent, Sclavones". Verum nos Illyrii nomine potius utimur, velut apud omnes pene Historicos usitatiori» [6. S. 34].

[3] «Illa Ego Sclavonia, ac unita Croatia tellus, / Pars quondam Illlyrii, Pannonique Soli: / Adstiti Alexandro per Bella Monarchica Magno; / Gentem etiam Indultis extulit ille meam…» [4. S. 81–82; 17. S. 107].

ЛИТЕРАТУРА

1. Bali T. Slavonski meandar: Prostor i pojam Slavonije u XIII. stoljeću. Zagreb : Srednja Europa, 159 s.
2. Budak N. Hrvatska i Slavonija u ranome novom vijeku. Zagreb : Leykam International, 2007. 250 s.
3. Korade M. Kronologija života Jurja Rattkaya // Rattkay J. Spomen na kraljeve i banove Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / Preveli Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb : Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij, 2016. S. 1–3.
4. Šišić F. Priručnik izvora hrvatske povijesti. Dio I. Čest 1. (Do god. 1107.). Zagreb : Kraljevska zemaljska tiskara, 1914. 653 s.
5. Bene S. Ideološke koncepcije o staleškoj državi zagrebačkoga kanonika // Rattkay J. Spomen na kraljeve i banove Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / Preveli Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb : Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu — Hrvatski studij, 2016. S. 4–103.
6. Rattkay J. Memoria regum et banorum, regnorum Dalmatiae, Croatiae & Sclavoniae inchoata ab origine sua, et usque ad praesentem annum M.DC.LII. deducta. Faks. pretisak izd. iz 1652. god. Zagreb : Hrvatski institut za povijest, 2000. [18], 277, [32] s.
7. Rattkay J. Spomen na kraljeve i banove Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / Preveli Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb : Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij, 2016. 374 s.
8. Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma. Zagreb : Golden marketing: Tehnička knjiga, 2008. 400 s.
9. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 321 p.
10. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / вступ. ст., пер., ком. О.А. Акимовой. М. : Индрик, 1997. 320 с.
11. Pribojević V. O podrijetlu i slavi Slavena / Preveli V. Gortan, P. Knezović. Zagreb : Golden marketing: Narodne novine, 1997. 211 s.
12. Madunić D. Strategies of distinction in the work of Vinko Pribojević // Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discources in early modern East Central Europe / ed. by B. Trecsényi, M. Zászkaliczky. Leiden ; Boston : Brill, 2010. P. 177–202.
13. Orbini M. Kraljevstvo Slavena / Prevela S. Husić; priredio i uvodnu studiju napisao F. Šanjek. Zagreb: Golden marketing: Narodne novine, 1999. 623 s.
14. Орбини М. Славянское царство / пер. Ю. Куприкова. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 575 с.
15. Ranzano P. Epitome rerum Hungaricarum velut per indices descripta. Budae : Typis Veronicae Nottensteinin, 1746. viii, 298, [22] p.
16. Homza M. A few words about the identity of the Slavs, yesterday, today, and tomorrow // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2018. № 1 (23). С. 3–41.
17. Blažević Z. Vitezovićeva Hrvatska između stvarnosti i utopije: ideološka koncepcija u djelima postkarlovačkog ciklusa Pavla Rittera Vitezovića (1652.–1713.). Zagreb : Barbat, 2002. 279 s.
18. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1996. 320 с.
19. Morović H. Sa stranica starih knjiga. Split : Matica hrvatska, 1968. 219 s.
20. Filić K. Franjo Glavinić, hrvatski kulturni pregalac XVII. stoljeća // Bogoslovska smotra. 1974. Vol. 43, br. 4. S. 438–453.
21. Vitezović Ritter P. Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696 / Priredio A. Jembrih. Zagreb : ArTresor naklada, 2015. 626 s.

22. Klaić V. Život i djela Pavla Rittera Vitezovića (1652–1713). Zagreb : Matica hrvatska, 1914. 296 s.
23. Летопис Попа Дукљанина / Ур. Ф. Шишић. Београд; Загреб : Заклада тискаре Народних новина, 1928. 480 с.
24. Peričić E. Sclavorum Regnum Grgura Barskog. Zagreb : Kršćanska sadašnjost, 1991. 370 s.
25. Алимов Д.Е. «Готско-славянское» королевство: раннесредневековый Иллирик в дискурсивном пространстве этнопоэзиса // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2017. Т. 27, вып. 4. С. 516–525.
26. Rus J. Kralji dinastije Svevladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614. Ljubljana : Univerzitetna tiskarna J. Blasnika, 1931. 208 s.
27. Hrvatska kronika: 547–1089 / Priredio I. Mužić. Split : Matica hrvatska, 2001. 263 s.
28. Mužić I. Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina. Split : Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2011. 343 s.
29. Jovanović N. Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje // Marulić M. Latinska manja djela II. Split : Književni krug, 2011. S. 125–168.
30. Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева ; пер. Г.Г. Литаврина. М., 1991. 496 с.
31. Vramec A. Kronika. Zagreb; Varaždin: Zavod za znanstveni rad: Kršćanska sadašnjost, 1992. 140 s.
32. Madgearu A. The Romanians in the Anonymous Gesta Hungarorum. Truth and fiction. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute, 2005. 218 p.
33. Premerl D., Kurelac I. Sveti Ivan pustinjak u hrvatskoj historiografiji i ikonografiji 17. i 18. stoljeća // Croatica Christiana Periodica. 2012. Vol. 69. S. 11–31.
34. Caesaris Baronii Annales Ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab Augustino Theiner. Vol. XVII. 1046–1093. Barri-Ducis : Ludovicus Guerin, 1849. 648 p.

Denis E. Alimov. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.alimov@spbu.ru

FROM ILLYRİA TO CROATİA: THE EARLY PAST OF THE KİNGDOM OF CROATİA-SLAVONİA İN JURAJ RATTKAY'S HİSTORİCAL NARRATİVE

Keywords: Kingdom of Croatia-Slavonia; Croatian historiography; illyrianism; Juraj Rattkay.

The article analyzes the description of the early Croatian history presented in Juraj Rattkay's book "History of the kings and bans of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia" (*Memoria regum et banorum regnorum Dalmatiae, Croatiae, et Sclavoniae*) (1652), which was the earliest consistent presentation of the history of Croatia (Croatian-Slavonian Kingdom) as a separate entity from the very beginning to modern era. Based on the fact that the main means of creating a national history is projecting contemporary ethnic categories into the distant past, the author of this article focuses on identifying those aspects of Rattkay's narrative on the early Croatian history that were caused by what is usually called ethnic discourse, that is a historically determined way of structuring social, political, and cultural reality in ethnic categories. In doing so, the author shows that the picture of the early past of the Croatian-Slavonian Kingdom, presented by Rattkay in his historical narrative, was in no way a result of connecting mechanically pieces of heterogeneous historical evidence. On the contrary, Rattkay's picture of the early past had a clear internal logic. The basis of this logic was the representation of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia, on the one hand, as three components of one ethno-political organism, and on the other, as three ethno-political units, each of them having their own historical individuality. In his narrative, Rattkay adheres to the idea of the existence of three Illyrian tribes (*nationes*) – Dalmatians, Croats, and Slavs, each of whom, in his view, inhabited its own kingdom. At the same time, all three tribes were parts of a single "Illyrian nation" and used the Slavic language. The political equivalent of this ethnic unity was the unity of the "Illyrian" kingdom, which embraced all the three kingdoms, and, as a rule, was under the rule of a single king. The idea of the existence of inseparable ties between an ethnic group (*natio*) and a polity (*regnum*) resulted in Rattkay's combining elements of Illyrianism, which was a South Slavic proto-national ideology characteristic especially for Dalmatia and the Republic of Dubrovnik, with those of the patriotism of the Croatian-Slavonian estates. Unlike the Dalmatian authors of Illyrianist tradition (Priboević, Orbini, etc.), Rattkay did not use the term "Slavs" (*Sclavi*) as a designation of all Slavic peoples, but identified Slavs with the inhabitants of the kingdom of Slavonia, which was a characteristic feature of the Slavonian usage of the term. By identifying this feature of Rattkay's ethnic discourse, the author explains the genesis of such figures of Rattkay's narrative as Slavonian kings Keanus and Godescalcus. The author concludes that Rattkay's notion of the early past of the Croatian-Slavonian Kingdom was a result of his projecting a specific "hybrid" identity, consisting of elements of the proto-national Illyrianism and Croatian-Slavonian patriotism, deep into the centuries.

REFERENCES

1. Bali, T. (2014) *Slavonski meandar: Prostor i pojam Slavonije u XIII. stoljeću* [The Slavonian Meander: The space and notion of Slavonia in the 13th century]. Zagreb: Srednja Europa.
2. Budak, N. (2007) *Hrvatska i Slavonija u ranome novom vijeku* [Croatia and Slavonia in the early modern period]. Zagreb: Leykam International.
3. Korade, M. (2016) *Kronologija života Jurja Rattkaya* [Chronology of the life of Juraj Rattkay]. In: Rattkay, J. *Spomen na kraljeve i banove Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije* [Memory of kings and bans of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia]. Translated by Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij.
4. Šišić, F. (1914) *Priručnik izvora hrvatske povijesti* [Handbook of Croatian History Sources]. Part 1. Zagreb: Kraljevska zemaljska tiskara.
5. Bene, S. (2016) Ideološke koncepcije o staleškoj državi zagrebačkoga kanonika [Ideological concepts of a Zagreb canon about an estate-based state]. In: Rattkay, J. *Spomen na kraljeve i banove Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije* [Memory of kings and bans of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia]. Translated by Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij.
6. Rattkay, J. (2000) *Memoria regum et banorum, regnorum Dalmatiae, Croatiae et Sclavoniae inchoata ab origine sua, et usque ad praesentem annum MDCLII deducta*. Facsimile of the edition of 1652. Zagreb: Hrvatski institut za povijest.
7. Rattkay, J. (2016) *Spomen na kraljeve i banove Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije* [Memory of kings and bans of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia]. Translated by Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij.
8. Blažević, Z. (2008) *Ilirizam prije ilirizma* [Illyrianism before illyrianism]. Zagreb: Golden marketing: Tehnička knjiga.
9. Hobsbawm, E. & Ranger, T. (eds) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Thomas of Split. (1997) *Istoriya arkhiepiskopov Splita i Salony* [History of Bishops of Salona and Split]. Translated from Latin by O.A. Akimova. Moscow: Indrik.
11. Pribojević, V. (1997) *O podrijetlu i slavi Slavena* [On the origin and glory of the Slavs]. Translated by V. Gortan, P. Knezović. Zagreb: Golden marketing: Narodne novine.
12. Madunić, D. (2010) Strategies of distinction in the work of Vinko Pribojević. In: Trecsényi, B. & Zászkaliczky, M. (eds) *Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discources in early modern East Central Europe*. Leiden; Boston: Brill. pp. 177–202.
13. Orbini, M. (1999) *Kraljevstvo Slavena* [The Kingdom of Slavs]. Translated by S. Husić. Zagreb: Golden marketing: Narodne novine.
14. Orbini, M. (2010) *Slavyanskoe tsarstvo* [The Kingdom of Slavs]. Translated by Yu. Kuprikov. Moscow: OLMA Media Grupp.

15. Ranzano, P. (1746) *Epitome rerum Hungaricarum velut per indices descripta*. Budae: Typis Veronicae Nottensteinin.
16. Homza, M. (2018) A few words about the identity of the Slavs, yesterday, today, and tomorrow. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(23). pp. 3–41. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2018.101
17. Blažević, Z. (2002) *Vitezovićeva Hrvatska između stvarnosti i utopije: ideološka koncepcija u djelima postkarlovačkog ciklusa Pavla Rittera Vitezovića (1652–1713)* [Vitezović's Croatia between reality and utopia. Ideological conception in the Post-Karlowitz cycle of works by Pavao Ritter Vitezović (1652–1713)]. Zagreb: Barbat.
18. Mylnikov, A.S. (1996) *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy: Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII veka* [The picture of the Slavic world: the view from Eastern Europe: ethnic legends, preassumptions, protohypotheses (16th – early 18th century)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
19. Morović, H. (1968) *Sa stranica starih knjiga* [From pages of old books]. Split: Matica hrvatska
20. Filić, K. (1974) Franjo Glavinić, hrvatski kulturni pregalac XVII stoljeća [Franjo Glavinić, a Croatian cultural worker of the 17th century]. *Bogoslovska smotra*. 43(4). pp. 438–453.
21. Vitezović Ritter, P. (2015) *Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696* [Chronicle or History of the Whole World Centuries: 1696]. Zagreb: Ar-Tresor naklada.
22. Klaić, V. (1914) *Život i djela Pavla Rittera Vitezovića. (1652–1713)* [The life and works of Pavao Ritter Vitezović (1652–1713)]. Zagreb: Matica hrvatska.
23. Šišić, F. (ed.) (1928) *Letopis Popa Dukljanina* [The Chronicle of the Priest of Dioclea]. Belgrade; Zagreb: Zaklada tiskare Narodnih novina.
24. Peričić, E. (1991) *Sclavorum Regnum Grgura Barskog* [Gregory of Bar's Sclavorum Regnum]. Zagreb: Kršćanska sadašnjost.
25. Alimov, D.E. (2017) "Gothic-Slavic kingdom": Early medieval Illyricum in the discursive space of ethnopoiesis. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 27(4). pp. 516–525. (In Russian).
26. Rus, J. (1931) *Kralji dinastije Svevladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614*. [Kings of the Svevlad Dynasty, the Oldest Common Rulers of the Croats and Serbs]. Ljubljana: Univerzitetna tiskarna J. Blasnika.
27. Mužić, I. (ed.) (2001) *Hrvatska kronika: 547–1089* [The Croatian Chronicle: 547–1089]. Split: Matica hrvatska.
28. Mužić, I. (2011) *Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina* [The Croatian Chronicle in the Chronicle of the Priest of Dioclea]. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika.
29. Jovanović, N. (2011) Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje [Marulić's translation of the Croatian Chronicle and this edition]. In: Marulić, M. *Latinska manja djela II*. [Latin little works II]. Split: Književni krug. pp. 125–168.
30. Constantine VII Porphyrogennetos. (1991) *Ob upravlenii imperiyey* [On the administration of the empire]. Translated by G.G. Litavrin. Moscow: Nauka.
31. Vramec, A. (1992) *Kronika* [Chronicle]. Zagreb; Varaždin: Zavod za znanstveni rad: Kršćanska sadašnjost.
32. Madgearu, A. (2005) *The Romanians in the Anonymous Gesta Hungarorum. Truth and Fiction*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute.
33. Premerl, D. & Kurelac, I. (2012) Sveti Ivan pustinjak u hrvatskoj historiografiji i ikonografiji 17. i 18. stoljeća [St. John Hermit in the Croatian historiography and iconography in the 17th and 18th centuries]. *Croatica Christiana Periodica*. 69. pp. 11–31.
34. Caesar Baronius. (1849) *Annales Ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab Augustino Theiner*. Vol. 17. Barri-Ducis: Ludovicus Guerin. pp. 1046–1093.

УДК 394.014+93/94
DOI: 10.17223/19988613/59/14

Л.В. Белгородская, Н.И. Дроздов

АЛЬБОМ «РУССКИЕ РИСУНКИ КИТАЯ» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КРАСНОЯРСКОГО БИБЛИОФИЛА Г.В. ЮДИНА (БИБЛИОТЕКА КОНГРЕССА США): ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена исследованию художественной коллекции по этнографии Китая из собрания купца-библиофила красноярца Г.В. Юдина. Внимание уделено американской части, находящейся сейчас в Библиотеке Конгресса США. Выявлены причины интереса собирателя к китайской тематике, лакуны в исследовании художественной коллекции из 333 рисунков. Установлено авторство ряда работ, дана атрибуция изображений; сформулировано положение о роли художника 14 Духовной миссии Л.С. Игорева в художественном и публицистическом осмыслении повседневной жизни Китая середины XIX в.
Ключевые слова: коллекция Г.В. Юдина; русский альбом видов Китая; Библиотека Конгресса США; Л.С. Игорев; русские художники в Китае; этнография Китая.

Среди книжных и документальных собраний, сформированных частными лицами в дореволюционной России, выделяется своим богатством и сложной судьбой книжно-документальная коллекция купца-библиофила красноярца Геннадия Васильевича Юдина (1840–1912 гг.). Первая коллекция составляла 80 тыс. книг (по некоторым данным, около 100 тыс.) и около 500 тыс. единиц документальных материалов. Это была самая большая и ценная частная библиотека в дореволюционной России. В силу целого ряда причин, включая семейные, финансовые, опасение за судьбу собрания в условиях революции она была продана Библиотеке Конгресса США в 1906 г. В 1907 г. книжное собрание и часть рукописного собрания (преимущественно по русско-американским отношениям) поступили в Вашингтон, где большая часть коллекции в настоящее время и хранится. Позднее была собрана вторая библиотека, она осталась в России.

Установлено, что Г.В. Юдина всегда тянул загадочный Китай, уже в преклонном возрасте он приглашал своего корреспондента и, как ему казалось, возможного покупателя коллекции, А.А. Титова поехать с ним на Дальний Восток, а потом махнуть в Харбин [1. С. 264]. В американской части коллекции находятся сотни изданий и документов, связанных с этнографией восточной страны. В настоящее время Краевая научная библиотека Красноярского края располагает 13 трудами по истории Китая [2. № 184–194, 206] и 17 книгами по географии страны (многие многотомные) из второй библиотеки купца, собранной между 1906–1912 гг. [3. № 454–466].

Новейший вектор научных исторических исследований проходит в области источниковедческого прочтения визуальных источников. Особый интерес представляют находящиеся в отделе репродукций и фотографий БК[1] гравюры, литографии, рисунки из Юдинской коллекции. Речь идет, в частности, о 333 рисунках, собранных в один альбом, собирательно названный научными сотрудниками «Russian drawings of China» (русские рисунки Китая). Коллекция микрофильмирована, оцифрована, значительная часть визуальных изображений (51 ед.) выложена на сайте Библиотеки Конгресса. Текстовые описания даны всем изображениям. Это собрание не изучено ни историками, ни искусствоведами. Авторам предстоит раскрыть многочисленные загадки художественного альбома – от изучения авторства изображений, анализа тематики изображений, атрубуции визуализированных образов и обстоятельств создания китайской серии рисунков до истории бытования альбома в течение более чем столетия [4][2].

Историография истории Юдинского собрания весьма обширна. В свет вышли монографические исследования, сборники документов. Юдинские чтения проходили в 1990, 1992, 2000, 2004, 2007, 2010, 2012, 2015 гг. в Красноярске, материалы нашли отражение в нескольких сборниках докладов [5]. В Сибирском федеральном университете в 2018 г. выходит в свет книга об обстоятельствах продажи знаменитой коллекции с комментариями сибирских историков. Американские библиографы тоже внесли большой вклад в юдиноведение. Например, недавно американские специалисты обнаружили переписку Президента США Теодора Рузвельта с двумя директорами Библиотеки о целесообразности приобретения ценной коллекции [6]. Книжная и документальная части американского собрания исследованы хорошо, а художественная коллекция – нет. Авторы статьи в разное время бывали в Библиотеке Конгресса, знакомились с выставками документов из Юдинской коллекции. Мысли о богатстве и неисследованности «распыленных» по отделам и недостаточно изученных исторических визуальных изображений,

собранных сибиряком, появилась именно во время непосредственного знакомства с американскими материалами.

В России в настоящее время ведется работа под эгидой Санкт-Петербургского университета над проектом «Китай в произведениях российских художников XVIII–XIX веков» (роль визуальных образов в истории культурного взаимодействия)». Руководитель проекта – профессор Восточного факультета СПбГУ, зав. кафедрой Н.А. Самойлов, члены группы – В.С. Мясников (академик, д-р ист. наук, профессор, зав. отделом ИНИОН РАН), Г.Н. Голдовский (зав. отделом живописи XVIII – первой половины XIX в. Государственного Русского музея), другие научные и музейные работники. О Юдинской коллекции рисунков в Вашингтоне этому научному коллективу ничего не известно. Можно лишь полностью согласиться с мнением руководителя проекта Н.А. Самойлова, который написал в статье, посвященной промежуточным итогам работы над темой: «Кроме того, совершенно очевидно, что круг имеющихся картин и рисунков существенно шире и не ограничивается теми, что находятся в указанных выше (российских. – *Л.Б., Н.Д.*) музеях» [7. С. 39].

Изображения из «Русского альбома» выполнены в разных техниках; мастера использовали чернила, карандаш, темперу, уголь и акварельные краски. Большая часть рисунков черно-белые, есть в собрании и немногочисленные красочные цветные изображения. Размеры рисунков нестандартные и не повторяются, в среднем они меньше или несколько больше нынешних стандартов А6 (105 × 148) и А4 (210 × 270). Приведем варианты размеров изображений, хранящихся в БК: 11,9 × 7,3; 19 × 33,8; 15 × 22,5; 24,3 × 32,3; 25,7 × 33; 21,2 × 26,7; 20 х 17,2. Размеры изображений никогда не повторяются. Работы выполнены на бумаге.

Изображения можно разделить на следующие группы: 1) портреты мужские и женские; 2) образы детей; 3) виды городов и других населенных пунктов; 4) природные ландшафты; 4) городские и деревенские жанровые сцены, разнообразные виды сельскохозяйственных работ; 5) образы христианских и буддийских храмов; 6) интерьеры общественных и частных зданий; 7) изображения животных.

Большей частью визуальный материал представляет наброски к будущим картинам. Немногие изображения содержат пометки на русском и китайском языках. Сведения о наличии русских помет даны библиографами в описаниях, но сами тексты не приведены.

Сотрудники Библиотеки Конгресса атрибутировали время создания рисунков временным интервалом с 1860 г. по 1910 г. Поскольку год продажи коллекции известен точно, то заявленная в американском варианте атрибуции верхняя граница представляется спорной, ее надо ограничить, по крайней мере, 1906 г. В других материалах библиотеки указывается, что рисунки и гравюры могли быть выполнены в 1860 г. или в интервале от 1860 до 1900 г. Этот вариант атрибуции выглядит убедительным, по меньшей мере, в отношении части работ. Дело в том, что на представленных изображениях есть виды христианских храмов Пекина (Собора Святого Иосифа и Собора Непорочного Зачатия) в том виде, в каком они существовали до конца XIX в. Во время беспорядков в 1900 г., вызванных Боксерским восстанием, соборы сгорели. Нынешние здания построены уже в XX в.

Нижняя временная граница, вероятно, связана с заключением Пекинского договора между Россией и Китаем. Граница между двумя странами была установлена по Амуру, Уссури и Сунгари, через оз. Ханка, до р. Тумыньдзян. Россия получила право беспошлинной торговли вдоль всей восточной границы. Возросшие экономические и культурные контакты двух стран стали материализовываться в документально-художественных образах. Европейцы на части рисунков изображены в униформе 1850–1860-х гг., времени активных действий русских, использовавших противоречия Китая с французами и англичанами, во время Второй опиумной войны. Изображения европейских воинов в одеждах, характерных именно для этого времени, служат дополнительным доводом в пользу такой временной атрибуции визуальных материалов.

К настоящему моменту не выяснены история создания и обстоятельства появления альбома в собрании красноярского купца. Хорошо известно, что Геннадий Васильевич Юдин был очень педантичен. С 13 лет хранил копии всех писем, театральные билеты, афиши, расписки, записки, вел ежедневные приходо-расходные записи. Эту привычку сохранил до последних дней своей жизни. Все бумаги Юдин сохранял в величайшем порядке. Трудно предположить, что информация о приобретении коллекции не нашла отражения в документах личного происхождения.

Библиографом и историком И. Половниковой установлено, что в Красноярске служащий П.А. Шилков, по заданию Г.В. Юдина, в течение пяти лет описывал архивные документы, к 1907 г. рукопись составила 7 150 страниц. Каталог не был отправлен за океан, это касалось и других справочных книг по архиву. Но после революции эти рукописи исчезли. Описание состояния красноярской части архива к моменту ее перевоза в музей (1923 г.) было ужасно: в здании были сломаны двери; бумаги, сломанные рамы, порванные гравюры лежали на полу; часть папок падала на дорогу во время переезда, их подбирали вездесущие мальчишки [8. С. 268]. Можно допустить, что описание обстоятельств приобретения купцом альбома пропало именно в это время.

Задача современного исследователя состоит в обзоре изображений и атрибуции рисунков. Нас не будут интересовать собственно художественные характеристики и достоинства изображений. Для историка важны другие смыслы визуальных источников. Задача состоит в идентификации видов Монголии, Китая и исследовании вопроса об особенностях отражение реалий повседневной жизни Поднебесной второй половины XIX в.

Надписи на китайском языке расположены на отдельных листах справа и слева от изображения, что характерно для национальной школы живописи. Часть китайских текстов прочитана библиографами. В рассматриваемом собрании находится рисунок «Китайская начальная школа с учителем, курящим длинную трубку, и учениками, включая приведенные характеристики на китайском языке», «Оживленная уличная сцена в Пекине» с аутентичными вывесками, дающими основание идентифицировать их как «чайную комнату» и «магазин для продажи алкоголя».

Названия изображениям давали сотрудники библиотеки, исходя из задачи как можно подробнее словесно описать представленный визуальный образ. Примером могут быть следующие описания изображения: «Рисунок показывает уличную сцену в городе с чиновниками или бизнесменами в центре, каждый из которых несет палку с тросом, на котором висит клетка с птицей. Слева – две женщины, одна в модном кимоно и высокой деревянной обуви, у другой перебинтованы ноги, она курит длинную трубку. Справа расположены четыре человека, одетые в деревенском стиле, они играют в домино за пределами чайной или ресторана. Двое животных едят из корыта. Городские ворота видны в фоновом режиме». «Танцоры или акробаты с тарелками и барабанами». «Уличная сценка, возможно около храма, с фигурами взрослых и детей, некоторые приветствуют друг друга; уличный зазывала изображен справа; две свиньи изображены в фоновом режиме». «Высокий арочный мост через реку; уличный торговец, продающий ледяной сливовый сок, изображен на переднем плане»

Авторы статьи атрибутировали, опираясь на иные дошедшие до нас изображения Пекина, включая рисунок из широкоизвестного альбома К.А. Скачкова, северный вид Русского подворья. Архитектурный образ церкви, форма и количество окон, расположение зданий комплекса, геометрия стены ансамбля позволяют нам сделать это заключение. Рисунок-план в настоящее время описывается сотрудниками БК как «церковь в Пекине, окруженная стеной» [4].

Большинство изображений отражают жизнь традиционного Китая, не затронутого серьезно модернизационными процессами. На рисунке с двадцатью женскими головками представлены разнообразные варианты национальных причесок; есть в собрании рисунки деформированных женских ножек, которые современники назывались «золотыми лотосами». Изображения дают также представление об особой миниатюрной обуви – «туфельках-лотосах». Традиционные виды сельскохозяйственных работ представлены в эскизе «Китайцы занимаются различными видами труда: сбор урожая, вырубка леса, посадка риса, перенос грузов».

Часть рисунков позволяет зафиксировать первые западнические веяния в бытовом укладе жизни Цинского Китая. Жанровые сценки повседневной жизни Китая представляет акварельный рисунок «Празднование в китайском общественном доме», где рядом с предметами традиционного быта соседствуют иностранные вещи: настенные часы с гирями (ходики), кухонная плита, европейская скамейка. Рисунки «Европеец по имени Джун в китайской одежде», «Лежащая пятнистая собака, возможно, английский спаниель» тоже служат видимыми маркерами контактов с западным миром [4].

Сотрудники БК атрибутировали часть изображений как рисунки, сделанные в Сибири и Монголии. Вполне можно допустить, что это так. Что касается Сибири, то необходимо иметь в виду, что географические границы региона для англоязычного мира необычайно широки: она простирается на исторических и географических картах от Урала до Тихого океана. Понятие «Дальний Восток» используется в ограниченном числе строго научных исследований. Историческая карта «Россия» с маркировкой границ Сибири в новейшем (15) издании Британской энциклопедии полностью подтверждает это суждение [9. P. 983]. Небольшую группу изображений составляют так называемые русские виды. Среди них – «Русские повозки, представляющие часть каравана, с юртами справа и видами гор на заднем плане», «Интерьер дома в западном стиле, возможно, русский пограничный пост с западными картинами на стенах». Монгольские виды представлены несколькими рисунками, среди которых «Дом с бумажными окнами и монгольской юртой в садике перед домом».

Абсолютное большинство изображений представляют различные виды Китая. На это указывают узнаваемые архитектурные объекты и исторические ландшафты. Речь идет о рисунках Пекинского дворца, где «император встречал министров каждое утро», рисунок «Мальчик, ведущий осла с сидящей на нем женщиной, около секции Великой Китайской стены за пределами Пекина», «Вид с высоты птичьего полета на Мукденский дворец», рисунки христианских храмов столицы, арочный Лунный мост.

Перед исследователем встает вопрос об авторстве рисунков и набросков и обстоятельствах их создания. Что касается американских исследователей, то в их работах встречаются разные оценки. Некоторые утверждения, без всяких сомнений, не соответствуют исторической реальности. Работа известного американского историка Д. Мьюнгелло «Великая встреча Китая и Запада, 1500–1800», вышедшая четырьмя изданиями, в последнем содержит иллюстрацию с видом Южного собора Пекина из анализируемого альбома с указанием, что этот рисунок выполнил Г.В. Юдин [10. P. 79]. Ясно, что библиофил был только владельцем художественной коллекции. В материалах БК речь идет то об одном авторе, то о группе художников.

Для уточнения информации об истории альбома авторы обратились к крупнейшему специалисту по Юдинской коллекции в Библиотеке Конгресса США Харольду Лайху. Он познакомился с альбомом в Отделе репродукций и фотографий; оказалось, что на его

задней обложке собрания есть ярлык В.И. Клочкова, знаменитого петербургского библиофила, антиквара, издателя и книготорговца. При его активном участии была составлена библиотека Г.В. Юдина. Обстоятельства покупки альбома не данный момент неизвестны. Изучение архива В.И. Клочкова может помочь в дальнейшем научном поиске.

Из переписки с Х. Лайхом стало известно, что работавший научным сотрудником славянского и центрально-европейского отдела БК в 1951–1985 гг. Роберт Аллен изучал ранее вопрос об авторе китайских изображений. Результатом исследований стал подготовленный им в 1978 г. Меморандум (служебная записка) на имя руководителя Отдела репродукций и фотографий БК Дж. Купера «Возможное происхождение китайских рисунков из Юдинской коллекции». Автор полагал, что рисунки могли быть выполнены кем-то из участников 14-й Русской духовной миссии в Пекине. Им было выдвинуто предположение, что автором рисунков мог быть художник Лев Степанович Игорев. Менее вероятно, но автором мог быть участник миссии врач П.Ф. Корниевский. Среди возможных авторов живописных изображений Р. Аллен назвал также военного топографа Я.Г. Шимковича, который служил при генерал-майоре Н.П. Игнатьеве. Эта информация не нашла отражения в публикациях и выступлениях на конференциях, осталась документом «для служебного пользования» сотрудников библиотеки. Р. Аллен опирался на документальные свидетельства, содержание которых не раскрыто в тексте Меморандума.

Рассмотрим эту версию атрибуции рисунков как рабочую гипотезу. За прошедшие десятилетия появились новые публикации по истории Китая, введен в оборот новый корпус исторических источников по российско-китайским культурным контактам в XIX в. В составе 14 Духовной миссии (1858–1864 гг.) действительно были художник Л.С. Игорев и врач П.А. Корниевский. Е.Е. Нестерова исследовала новые архивные материалы о Российской духовной миссии в Пекине и начале русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства. Внимание к этнографической тематике всех четырех художников за всю историю духовной миссии в Китай было продиктовано сверху. Министерство иностранных дел еще в 1825 г. обратилось в Академию художеств с просьбой готовить художников со знанием китайского языка для работы в стране. Предполагалось обучить их китайскому языку, живописи, портрету, научить технологии анализа состава китайских красок. Президент Академии художеств наставлял художников, отправлявшихся в Китай: «Должны вы все ваше старание приложить к изучению составлять и употреблять китайские настоящие водяные и другого всякого приготовления краски», вам необходимо «неослабно заниматься рисованием с натуры всякого рода необыкновенного одеяния и костюмов, домашнего скарба, орудий, употребляемых в разных ремеслах, музыкальных инструментов, оружий, конской сбруи для верховой езды и для извоза, строений, разного рода домашних или диких животных, дерев, цветов, плодов и проч., и проч.» Художников призывали к тому, чтобы «все видимое и рисуемое было представлено точно так, как оно в натуре находится, не украшая ничего…. воображением» [11. С. 130].

Л.С. Игорев (1821/22–1893/94 гг.?) – живописец, иконописец, родился в Саратовской губернии в многодетной семье пономаря. С десяти лет учился в Петровском духовном училище в Саратове, в 1838 г. продолжил учебу в Саратовской духовной семинарии. По окончании был зачислен в Петербургскую духовную семинарию с тем, что после необходимой подготовки он получит должность учителя рисования в одном из духовных училищ. С 1848 г. одновременно с обучением в семинарии посещал классы Императорской Академии художеств. В 1850 г. получил от Академии звание художника, в 1854 г. за портрет ректора Петербургской духовной академии преосвященного Макария (1853) удостоен звания академика. Весной 1855 г. получил «определение в должность» – преподавателем живописи и иконописания в Петербургскую духовную семинарию.

В январе 1857 г. согласно выраженному им желанию зачислен художником в штат Пекинской духовной миссии. По пути в Китай останавливался в Иркутске и Кяхте. Из Пекина отбыл вместе с миссией в 1863 г., прибыв в Петербург в феврале 1864 г. После завершения поездки художник выставил в Академии художеств в 1865 г. восемь картин, включая работу «Китайские нищие на холоде», находящуюся сейчас в Третьяковской галерее. Кроме этого полотна он выставлял изображения «различных китайских типов»: «Чиновники в младшем чине», «Чиновники в летнем платье», «Начальник отделения иностранных дел», «Солдат желтого знамени, христианин, 75-ти лет от роду», «Татарин», «Купец, родом манджур», «Врач, родом китаец» и др. [12. С. 452]. Установлено, что альбом с этнографическими видами Китая был поднесен наследнику престола (вероятно, это был старший сын Александра II Николай), художнику в благодарность преподнесли булавку с бриллиантом. Судьба петербургского альбома на данный момент неизвестна.

Кроме картины «Китайские нищие…» и одного портрета, датированного 1860 г., местонахождение других произведений Игорева, выполненных им в Китае, на данный момент, как утверждают специалисты по истории живописи, краеведы Саратова, неизвестно. Последняя информация важна для нас[3].

Художник оставил «Воспоминания академика АХ Л.С. Игорева». Многие точно идентифицируемые по изображениям места Китая Лев Степанович посещал и делал там зарисовки. Речь идет о некоторых участках Великой Китайской стены, окрестностях Пекина, буддистских и христианских храмах. В 1862 г. статью «Поездка русского художника в окрестные горы Пекина» напечатала в 18-м номере первая в Забайкалье газе-

те «Кяхтинский листок». Из статьи ясно, что многие темы изображений, этнографические сюжеты работ прямо корреспондируются с путевыми впечатлениями художника. Он писал, что его поразили китайские нищие: «Боже! Что это здесь за нищие! Сердце замирает при взгляде на них». Удивило его, что на улицах он встречал мало женщин, китаянки считали недостойным передвигаться пешком. Глупым художнику показалась традиция перебинтовывать и уродовать ноги, чтобы они казались маленькими. Поразили его «беленые» лица китаянок, казавшиеся «совершенно гипсовыми» [13. С. 5, 11]. Художник фиксировал виды столицы и типы людей в многочисленных рисунках. Конечно, всех европейцев поражали похожие особенности повседневного уклада жизни китайцев.

Приведем убедительные искусствоведческие доводы. Консультации с заслуженным художником Российской Федерации, членом-корреспондентом Российской академии художеств, профессором, заведующим кафедрой графики, руководителем творческой мастерской станковой графики живописи Красноярского художественного института В.П. Тепловым, который изучил виды из «Русского альбома», позволяют предположить, что несколько рисунков коллекции принадлежат российскому автору. Следующие работы – портреты азиата, китайца-ученого, чиновника или джентльмена, молодого ученого – можно атрибутировать как работы профессионала, работавшего в реалистической, похожей на русскую манере письма. Профессиональный живописец убирал лишние детали, выглаживал форму, грамотно создавал фон. Видна рука мастера, получившего качественное профессиональное художественное образование. К тому же между рисунком «Портрет азиата» и точно атрибутированной картиной «Китайские нищие…» много общего в передаче черт лица, изображении рук, композиции. Есть основания полагать, что перед нами работы Л.С. Игорева.

Часть рисунков альбома выполнена китайскими мастерами. На это указывают специфика композиций работ, склонность авторов к обобщениям, приверженность к развернутым фронтальным изображениям. Наконец, наличие сложных текстов справа и слева на китайском языке позволяет атрибутировать их как работы китайских мастеров. Тем более, как установлено российскими исследователями, картины этнографического характера нередко заказывались россиянами китайцам. В переписке Игорева несколько раз встречаются упоминания о знакомстве и сотрудничестве с китайскими художниками. Игорев просто не мог нарисовать вид Храма Непорочного зачатия (восточного храма), он лежал в годы его проживания в Пекине в руинах. В письме 1860 г. он сообщал корреспонденту в Иркутске, что из четырех католических храмов Пекина «...Южный остался как был, хотя стоял несколько лет с золотившим кирпичом входом… Восточный вовсе не существует, но осталась одна окружающая его стропила, ему принадлежащая. Северного храма остался один фундамент и окружавшие его строения. Западного же храма известно только одно место, где он был» [14. С. 17]. Собор Святого Иосифа, известный как «Восточный собор», несколько раз за свою историю исчезал с карты города: только в XIX в. горел в 1807 г., отстроен заново в 1884 г., вновь разрушен в 1900 г. Художник описывал его руины в середине века.

Наконец, Л.С. Игорев, это явствует из его воспоминаний, опубликованных в последний год жизни, знал только разговорный китайский: «…язык изучал, но не книжный, а разговорный, без которого обойтись невозможно. Научился болтать» [15. С. 371]. Никаких сложных надписей и подписей на рисунках, сделанных на китайском языке, он просто не мог выполнить.

Некоторые изображения предполагали знакомство с топографическими тонкостями. Речь идет о планах и так называемых видах с высоты птичьего полета. Изображения планов городов, имений мог выполнить человек, скорее всего, со специальным топографическим образованием. С определенной долей вероятности это мог быть Я.Г. Шимкович. В 1859–1861 гг. военный топограф Шимкович, находясь при посольстве генерал-майора Н.П. Игнатьева в Китае, произвел маршрутные съемки от Кяхты до Пекина и от Пекина до Бей-Таня, а также составил точные планы городов Пекин и Тутьужоу с окрестностями [16. С. 341]. Топограф выполнил качественную съемку по всему древнему Улясутайскому тракту [17. С. 22].

Что касается доктора П.А. Корниевского, то мы располагаем точной информацией, что его рукописное наследие включает «не 29 китайских рисунков, сделанных для генерала Игнатьева в 1860 г.» (так сказано в тексте Меморандума Аллена), а «описание китайских рисунков (сделано для генерала Игнатьева в 1860 г.) (29 л.)» [18]. В Пекинском дневнике врача, составляющем 587 страниц машинописного текста, впервые обнаруженном в 1965 г., нет сведений о занятиях врача художественным творчеством или создании рисунков этнографического характера. Автор общее впечатление о политической жизни страны в 1858–1862 гг. выразил в прозорливых строках: «Одним словом, здесь все падает и падает, поправить, чтобы то ни было в этом разваливающемся, подгнившем здании, каков теперь Китай, управляемый маньчжурами, едва ли есть какая возможность» [19. С. 141–142].

Изображения из «Русского» (Китайского) альбома бытуют в США и Китае и в наши дни. Ряд зарубежных компаний предлагает потребителям репродукции-постеры с китайскими видами из коллекции Юдина за умеренную плату (10–15 $). Эта информация размещена свободно в Интернете [20]. Образы Юдинского собрания растиражированы по миру достаточно широко. Образы христианских храмов репродуцируются в зарубежных исследованиях по истории христианизации Китая.

Таким образом, американская часть коллекции Г. Юдина содержит ценный художественный и этнографический материал по истории Евразии XIX в.

Он отражает традиционные черты китайской и жизни и первые модернистские процессы в обществе. Рисунки представляют жизнь разных по социальному статусу страт общества. Состав коллекции свидетельствует о художественных контактах россиян с представителями китайского сообщества. Установлено, что в собрании представлены работы российских авторов и китайских художников. Атрибуционная работа российских и зарубежных исследователей должна быть продолжена.

Художественные образы дают представление об исчезнувших или реконструированных позднее артобъектах Китая. Альбом следует комплексно изучить, он достоин издания с подробными комментариями историков, этнографов и искусствоведов.

Собрание видов Китая дает яркое представление об интересе россиян к Востоку во второй половине XIX в. Вторая волна моды на «китайщину» появилась в нашей стране значительно раньше, чем в европейских государствах. В российской части Юдинского собрания есть другие материалы по этнографии Китая и Монголии, которые еще не стали предметом научного анализа. Исследование культурных контактов России и Китая в XIX в. нашло яркое выражение в творчестве российских художников (включая четырех художников из духовных миссий), визуально и в публицистике открывавшем современникам повседневную жизнь Китая.

Авторы выражают благодарность научному сотруднику Библиотеки Конгресса США Харольду Лайху, профессору Валентину Павловичу Теплову и научному консультанту и преподавателю Екатерине Сергеевне Тищенко (Красноярск) за помощь в научных разысканиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Библиотека Конгресса США (Вашингтон).

[2] Поскольку репродуцирование рисунков сопряжено с соблюдением норм зарубежного законодательства об авторских правах, авторы отсылают читателей к визуальным изображениям, размещенным на сайте Библиотеки Конгресса [4].

[3] Весной 2018 г. артгалерея «AntiqArt» (Москва) выставила на продажу картину «Молодая китаянка», представив ее в качестве полотна кисти Л.С. Игорева, выполненного между 1856–1865 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Половникова И.В. Геннадий Васильевич Юдин. Жизнь. Библиотека. М. : Типография «Новости», 2010. 456 с.
2. Юдинское собрание Красноярской краевой научной библиотеки: каталог. Вып. 13: География. Красноярск, 2004. 118 с.
3. Юдинское собрание Красноярской краевой научной библиотеки: каталог. Вып. 14: История. Красноярск, 2006. 215 с.
4. Russian drawings of China. URL: https: //www.loc.gov/pictures/resource/cph.3b32419/ (дата обращения: 20.01.2018–30.04.2018)
5. Восьмые Юдинские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 13–16 окт. 2015 г.: в 2 ч. Красноярск : ГУНБ, 2015. 240 + 292 с.
6. Лайх Х. Переписка директора Библиотеки Конгресса с президентом США: к истории приобретения библиотеки // Библиотековедение. 2013. № 4. С. 82–86.
7. Самойлов Н.А. Китай в произведениях российских художников XVIII–XIX веков // Вестник РФФИ. Гуманиарные и общественные науки. 2016. № 1 (82). С. 25–41.
8. Половникова И.В. Геннадий Васильевич Юдин. Жизнь. Библиотека. М. : Типография «Новости», 2010. 456 с.
9. The New Encyclopedia Britannica. 15 ed. Chicago : Encyclopedia Britannica, 2005. Vol. 26.
10. Mungello D.E. The Great Encounter of China and the West, 1500–1800. 4 ed. New York, Toronto, Plymouth, 2012. 165 p.
11. Нестерова Е.В. Российская духовная миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства (новые архивные материалы) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие российской духовной миссии в Китае. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. С. 127–133.
12. Собко Н.П. Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней (IX–XIX вв.). СПб., 1895. Т. II, вып. 1. Стлб. 451–452.
13. Игорев Л.С. Поездка русского художника в окрестные горы Пекина // Кяхтинский листок. 1862. № 18. С. 5–12.
14. Ларченко В.Ю. Католическое миссионерство в Китае глазами Льва Степановича Игорева // Успехи современной науки и образования. 2016. № 8. С. 16–19.
15. Игорев Л.С. Воспоминания академика АХ Л.С. Игорева Саратовский край. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 363–372.
16. Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. М. : СиДиПресс, 2001. 592 с.
17. Бойкова Е.А. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX века). М. : ИВ РАН, 2014. 264 с.
18. Рукописное наследие русских китаеведов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Rukopis_nasled/text.htm (дата обращения: 1.04.2018).
19. Ефимов Г.В. Пекинский дневник врача Российской духовной миссии П.А. Корниевского // Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С. 141–142.
20. Photo: Ladies' hair styles, heads of 20 Chinese women, 1860–1910. URL: https://www.amazon.com/Photo-Ladies-Chinese-1860-1910 (дата обращения: 10.03.2018).

Lyudmila V. Belgorodskaya. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia,). E-mail: blv.kr@yandex.ru
Nikolay I. Drozdov. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia,). E-mail: kfurao@mail.ru

THE ALBUM "RUSSIAN DRAWINGS OF CHINA" FROM THE COLLECTION OF THE KRASNOYARSK BIBLIOPHILE G.V. YUDIN (LIBRARY OF CONGRESS): EXPERIENCE OF SOURCE ANALYSIS

Keywords: G.V. Yudin's collection; Russian Album of China; Library of Congress; L.S. Igorev; Russian artists in China; ethnography of China.

The purpose of the article is to study the drawings of China from the collection of the Krasnoyarsk merchant-bibliophile G.V. Yudin. It's about 333 drawings, which are now in the Library of Congress. They are named "Russian drawings of China" by the researchers . The authors are to uncover the numerous riddles of the art album – from studying authorship, analyzing the subject matter of images and the circumstances of creating drawings to the history of the album for a century.

Images can be divided into the following groups: 1) portraits of men and women; 2) images of children; 3) the types of cities and other settlements; 4) natural landscapes; 4) urban and rural genre scenes, various types of agricultural work; 5) images of Christian and Buddhist temples; 6) interiors of public and private buildings; 7) images of animals.

Images from the “Russian album” are made in different techniques: the masters used ink, pencil, tempera, charcoal and watercolor paints. Most of the drawings are black and white, there are a few color images in the collection. The sizes of the drawings are non-standard and do not repeat. The work is done on paper.

For the most part, visual material presents sketches to future pictures. Few images contain notes in Russian and Chinese. Information on the presence of Russian litter is given by bibliographers in the descriptions, but the texts are not listed. Most images reflect the life of traditional China, not seriously affected by modernization processes. In the figure with twenty female heads, various variants of national hairstyles are presented; there are in the collection drawings of deformed female legs, which were called “golden lotuses”. Images also give an idea of the special miniature shoes – “lotus shoes”. Traditional types of agricultural work are presented in the sketch “The Chinese are engaged in various types of labor: harvesting, deforestation, planting rice, carrying cargo”.

Part of the drawings allows us to fix the first Westernistic tendencies in the everyday life of Ch’ing China. It is established that the collection includes works by Russians, for example, the artist 14 Spiritual Mission in China L.S. Igorev, Chinese artists. Attribution work of images should be continued.

REFERENCES

1. Polovnikova, I.V. (2010) *Gennadiy Vasilievich Yudin. Zhizn'. Biblioteka* [Gennady Vasilyevich Yudin. A life. Library]. Moscow: Novosti.
2. Shindina, A.B. (ed.) (2004) *Yudinskoe sobranie Krasnoyarskoy Kraevoy nauchnoy biblioteki: catalog* [The Yudin Collection of the Krasnoyarsk Regional Research Library: A catalog]. Issue 13. Krasnoyarsk: GUNB.
3. Shindina, A.B. (ed.) (2006) *Yudinskoe sobranie Krasnoyarskoy Kraevoy nauchnoy biblioteki: catalog* [The Yudin Collection of the Krasnoyarsk Regional Research Library: A catalog]. Issue 14. Krasnoyarsk: GUNB.
4. The Library of Congress. (n.d.) *Russian drawings of China* [Online] Available from: https: //www.loc.gov/pictures/resource/cph.3b32419/. (Accessed: 20th February 2018).
5. Kalugin, A.P. (ed.) (2015) *Vos'myye Yudinskiye chteniya* [The Eighth Yudin Readings]. Krasnoyarsk: GUNB.
6. Leich, H. & Kornienko, A.A. (2013) Correspondence of the Director of the Library of Congress with the President of the United States: on the History of Acquisition of the Collection of G.V. Yudin. *Bibliotekovedenie – Library and Information Science*. 4. pp. 82–86. (In Russian). DOI: 10.25281/0869-608X-2013-0-4-82-86
7. Samoylov, N.A. (2016) Kitay v proizvedeniyakh rossiyskikh khudozhnikov XVIII-XIX vekov [China in the works of Russian artists of the 18th – 19th centuries]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1(82). pp. 25–41.
8. Polovnikova, I.V. (2010) *Gennadiy Vasilievich Yudin. Zhizn'. Biblioteka* [Gennady Vasilyevich Yudin. A life. Library]. Moscow: Novosti.
9. Encyclopedia Britannicaю (2005) *The New Encyclopedia Britannica*. 15th ed. Vol. 26. Chicago: Encyclopedia Britannica.
10. Mungello, D.E. (2012) *The Great Encounter of China and the West, 1500–1800*. 4th ed. New York, Toronto, Plymouth: Rowman & Littlefield.
11. Nesterova, E.V. (1993) Rossiyskaya dukhovnaya missiya v Pekine i nachalo russko-kitayskikh kontaktov v sfere izobrazitel'nogo iskusstva (novye arkhivnye materialy) [Russian spiritual mission in Beijing and early Russian-Chinese contacts in fine arts (new archival materials)]. In: Bogolyubov, M.N. (ed.) *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke. 275-letie rossiyskoy dukhovnoy missii v Kitae* [Orthodoxy in the Far East. 275th anniversary of the Russian spiritual mission in China]. St. Petersburg: Andreev i synov'ya. pp. 127–133.
12. Sobko, N.P. (1895) *Slovar' russkikh khudozhnikov s drevneyshikh vremen do nashikh dney (IX-XIX vv.)* [Dictionary of Russian artists from ancient times to our days (9th – 19th centuries)]. Vol. 2(1). St. Petersburg: [s.n.]. pp. 451–452.
13. Igorev, L.S. (1862) Poezdka russkogo khudozhnika v okrestnye gory Pekina [A trip of a Russian artist to the neighboring mountains of Beijing] *Kyakhtinskiy listok*. 18. pp. 5–12.
14. Larchenko, V.Yu. (2016) Catholic missionary in China from Lev Igorev’s point of view. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya – Success of Modern Science and Education*. 8. pp. 16–19. (In Russian).
15. Igorev, L.S. (1893) Vospominaniya akademika AKh L.S. Igoreva [Memories of Academician of the Fine Arts Acasdemy L.S. Igorev]. *Saratovskiy kray*. 1. pp. 363–372.
16. Sergeev, S.V. & Dolgov, Yu.I. (2001) Voennye topografy russkoy armii [Military topographers of the Russian army]. Moscow: SiDiPress.
17. Boykova, E.A. (2014) *Rossiyskie voennye issledovateli Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Russian military researchers of Mongolia (second half of the 19th – early 20th century)]. Moscow: Institut Vostokovedeniya.
18. Vostlit.info. (n.d.) *Rukopisnoe nasledie russkikh kitaevedov* [Manuscripts of Russian Sinologists]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Rukopis_nasled/text.htm. (Accessed: 1st April 2018)
19. Efimov, G.V. (1965) Pekinskiy dnevnik vracha Rossiyskoy dukhovnoy missii P.A. Kornievskogo [The Bejing diary of the doctor of the Russian spiritual mission P.A. Kornievsky]. *Narody Azii i Afriki*. 6. pp. 141–142.
20. Infinite Photographs. (n.d.) *Photo: Ladies' hair styles, heads of 20 Chinese women, 1860–1910*. [Online] Available from: https://www.amazon.com/Photo-Ladies-Chinese-1860-1910-hairstyles/dp/B06X9BRZNX. (Accessed: 10th March 2018).

УДК 394.3
DOI: 10.17223/19988613/59/15

И.М. Верещагина, М.Е. Савинцева

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В ПРИОБРЕТЕНИИ НОВЫХ ЗНАНИЙ О ПРОШЛОМ ОБЩЕСТВА

Рассматриваются понятие, виды и функции исторической реконструкции как любительского движения. Актуализирована значимость исторической реконструкции как действенного способа получения и аккумуляции новых знаний о прошлом общества в контексте образования и воспитания подрастающего поколения. Отмечается, что в России это движение приобрело массовый характер с 1990-х гг., тогда как в Европе успело приобрести устойчивую культурную репутацию и нарастить соответствующую инфраструктуру.

Ключевые слова: историческая реконструкция; моделирование; реконструкторские любительские практики; ролевая игра живого действия.

В современной России воспитание гражданственности у населения, популяризация национальных и общечеловеческих ценностей являются одной из приоритетных задач государства. Деятельность, направленная на реконструкцию культурной, бытовой и военной жизни людей прошедших эпох, позволяет лучше понять генезис собственного народа, определить место в развитии европейской цивилизации, расширить исторические знания, привить молодому поколению любовь к Родине и родному краю.

За рубежом реконструкция и обслуживающая его индустрия, существуя уже несколько десятилетий, успели приобрести устойчивую культурную репутацию и нарастить соответствующую инфраструктуру. В России принято считать, что данное направление начало интенсивно развиваться с начала 90-х гг., когда активные люди, интересующиеся историей, археологией, этнографией, стали объединяться в клубы, однако, по мнению ряда исследователей, инициатива российских реконструкторов стала проявляться гораздо раньше, с 70-х гг. прошлого столетия.

Именно в это время на базе некоторых военно-патриотических клубов, существовавших под эгидой партийной молодежи, началось изучение и восстановление военных событий предыдущих эпох. Первыми военными реконструкторами в СССР стали клубные энтузиасты, которых интересовала война с Наполеоном в 1812 г. Первоначально был создан клуб «Солдат» французской армии, а уже позднее – русской, и благодаря этому появилась Ассоциация любителей истории наполеоновской эпохи. В 1989 г. состоялось первое масштабное военно-патриотическое мероприятие – реконструкция Бородинского сражения, которая с этого дня стала проводиться в России ежегодно [1]. На сегодняшний день историческая реконструкция существует в двух основных исследовательских направлениях: как эффективный метод научного знания и как полностью самоорганизующееся разновозрастное любительское движение, отличающиеся целями, задачами и своеобразием подходов к процессу реконструкции.

Научная реконструкция ставит перед собой цель «в рамках исследования добиться максимально возможной аутентичности элемента материальной культуры или комплекта с учетом типологий, материалов и технологий», а также реализовать «системный подход к изучению материала, применение экспериментального метода для реконструкции как отдельных объектов материальной культуры, так и комплекта в целом» [2].

Реконструкция как вид досуга, или любительская реконструкция, представляет собой социокультурное явление, по нашему мнению, один из действенных способов получения новых знаний о прошлом социума. Участники реконструкции исследуют исторические материалы об изготовлении предметов быта, одежды, пищи для того, чтобы воспроизвести их по старинным технологиям; также анализируют и воссоздают обычаи и нравы той или иной эпохи. Многие увлекаются военной историей, изготовлением оружия, доспехов и всего того, что относится к военной тематике, занимаются историческим фехтованием, боями на мечах и другими боевыми искусствами.

В ключевом понятии «историческая реконструкция» принято выделять две тенденции: «живая история» и военные сражения (турниры). «Живая история» связана с воссозданием определенного исторического периода в жизни общества, его уклада, традиций, мировосприятия, а также бытописания в мельчайших подробностях: способы строительства жилища, его внутреннее убранство, ремесла, вид одежды, предметы рукоделия, кухонные принадлежности и пр. Процесс реконструкции может проходить в форме создания «музея живой истории», организации фестиваля, шоу-программ, проведения уроков «живой истории» в школе или вузе.

Практика показала, что, например, занятие по истории, проведенное непосредственно на месте события, сопровождаемое демонстрацией реальных предметов прошедшей эпохи, в окружении людей в старинных одеждах позволит открыть то новое о жизни предков,

что сокрыто временем и будет иметь больший воспитательный результат, чем традиционные лекции и беседы о патриотизме, любви к родному краю.

Важно отметить, что в «живой истории» есть место научным изысканиям, поскольку она соприкасается с такими научными дисциплинами, как экспериментальная археология, этнография, музейное дело, педагогика, психология. Отсюда следует, что реконструкция служит целям просвещения и расширения кругозора, что важно человеку любого возраста.

Кроме того, реконструкторы всегда тесно взаимодействуют с историками, поскольку «историк может сообщить воссоздателю былых эпох сведения о деталях костюмов, оружия, утвари, а реконструктор помогает ученому понять такие важные вещи, как, например, сколько сил и времени нужно было затратить на изготовление меча или как долго воин мог махать им, не уставая при этом. Подобные сведения весьма ценны, ибо их нельзя найти в книгах, да и спросить уже не у кого» [1].

Военные сражения (турниры), в основе которых лежит ролевая игра живого действия, позволяют не только изучать военное искусство определенной эпохи, но и применять его в любительских практиках. Турниры бывают постановочные, в виде театрализованных представлений, и спортивные, в последнем случае оцениваются прежде всего сила и умение. Мужское влечение к оружию, необходимость снятия стресса и выброса естественной агрессии, стремление к общению с такими же любителями – все это служит мотивацией для занятий военно-исторической реконструкцией, которая «из разновидности хобби преобразуется в самостоятельную отрасль систематизации знаний об истории и культуре, а также в систему их эффектного визуального представления» [3. С. 12].

По мнению И.В. Глухарева, «такая область деятельности человека, как военное дело, на сегодняшний день остается малоисследованным явлением. Несмотря на то, что она была одной из доминирующих, наряду с религиозной, торговой, ремесленной и другими составляющими древней и средневековой культуры, именно военная деятельность стала объектом применения военно-исторической реконструкции, породившей новые методы в исторических науках, музейном деле, археологии и этнографии, а порой даже в социологии и антропологии» [4. С. 5].

И.М. Савельева и А.В. Полетаев, говоря о реконструкции как методе научного познания, подчеркивают, что существуют всего два чистых типа классического исторического исследования – интерпретация прошлого и реконструкция прошлого [5. С. 624]. И.В. Дёмин уточняет, что «такой способ конструирования исторического прошлого, как интерпретация, используется в основном для понимания мотивов действий исторических персонажей. В этом случае для проникновения в мир действующего историк полагается на собственный опыт. Эмоционально-личностная идентификация с исторической личностью подкрепляется рациональными суждениями о возможных соображениях индивида, которые рассматриваются как причина его действия» [6. С. 39].

Однако некоторые исследователи полагают, что в этом и кроется «проблема интерпретации, а также идеализации, т.е. подгонки материала под определенные стандарты, идеологию власти, культуру либо видение автора. Реальность – это факты, а научная интерпретация фактов – это версии, теории и т.д. Получается два искажения фактов, первое: во времена, когда создавались изобразительные и письменные источники, и второе: их научная интерпретация. Поэтому любое заявление о “полной реконструкции” какого-либо объекта материальной культуры, а тем более комплекта, должно быть подкреплено серьезной доказательной базой с учетом сравнительного анализа и критики источника» [1].

По мнению известного ученого Ю. Лотмана, в ходе исторического анализа осуществляется двойной процесс ретроспективной трансформации, так как историческое исследование по своему характеру и ретроспективно, и реконструктивно. «Первая трансформация происходит в момент фиксации исторического события или результата, когда из многих возможностей реализуется какая-то одна. Затем историк приступает к процессу реконструкции, в результате которого хаотичная для простого наблюдателя картина выходит из рук историка вторично организованной» [7. С. 34].

Результаты исследования последнего времени показывают, что историческая реконструкция как способ получения исторических знаний в научном и любительском направлениях является достаточно эффективной в подтверждении или опровержении факта изготовления или использования обнаруженного предмета. Однако в любом случае реконструкцией является только тот предмет или комплекс предметов, который восстановлен на основе достоверных сведений.

Согласно этому положению реконструкция базируется на широком спектре исторических источников, являющихся ее основой. Как правило, к ним относят: 1) сохранившиеся до нашего времени образцы предметов и вещей из музеев, частных коллекций; 2) археологические находки; 3) синхронные изобразительные источники; 4) синхронные письменные источники (жизнеописания, хроники, описи имущества, завещания и т.п.) [8]. Между тем в работе с каждым видом источников нередко возникают определенные трудности, поскольку предшествующие поколения вовсе не ставили целью донести до потомков подробности своей жизни и быта.

Чтобы адекватно осмыслить изобразительные или письменные археологические находки, кем и для чего они были созданы, нужно быть хорошо осведомленным об истории общества исследуемого периода, его материальной и духовной культуре, системе ценностей, а значит, для работы с источниками необходимо вырабатывать и применять определенную методику, со-

гласно которой найденные артефакты будут воссоздаваться с высокой степенью вероятности. Проблема кроется еще и в том, что зачастую доступ к археологическим ресурсам бывает ограничен по ряду причин, поэтому реконструкторы используют в своей работе фотографии, прорисовки изучаемого предмета, описания в научно-исторических книгах.

Рассмотрим, какие источники могут быть полезны реконструктору на примере реконструкции средневекового русского костюма. Источники, в соответствии с вышеприведенной классификацией, разбиты на четыре группы.

1. Коллекции. Предметы и вещи из Государственного исторического музея, Оружейной палаты, Эрмитажа; музеев народного творчества, исторических и краеведческих музеев в областных и районных центрах России. Каталоги выставок отечественных и иностранных музеев. Материалы о коллекциях и сокровищницах из ресурсов Интернета (сайты музеев, сайты по продаже антиквариата и т.п.).

2. Археологические данные. Описания и анализ находок в книгах из серии «Археология СССР», труды известных археологов: А.В. Арциховского, А.Н. Кирпичникова, Г.С. Лебедева, Б.А. Рыбакова, М.В. Седова, В.Л. Янина.

3. Изобразительные источники. Это могут быть гравюры из летописей, иконы, настенная роспись, мозаика, рисунки на бересте, а также синхронные зарубежные источники с изображениями русских людей. Все эти ресурсы находятся в каталогах и книгах по искусству Древней Руси и сопредельных стран.

4. Синхронные письменные источники. К ним относят летописи (русские, византийские, арабские), грамоты, описи имущества, завещания, договоры, частную переписку, кроильные и разрядные книги, «Домострой» и т.д.

Кроме того, весьма целесообразными для реконструкции могут оказаться этнографические и фольклорные источники, такие как сказки, былины, песни; исследовательские материалы по костюму и быту, собранные этнографическими экспедициями. Наиболее интересны в этом плане книга известных историков Н.И. Костомарова и И.Е. Забелина «О жизни, быте и нравах русского народа» (1996), раскрывающая различные грани жизни русского народа в XVI и XVII столетиях [9], и монография Н.Л. Пушкаревой «Женщины Древней Руси» (1989) [10].

Акцентируя внимании на феномене любительской формы исторической реконструкции как способе получения новых знаний о прошлом общества, отметим, что занятие реконструкцией весьма многогранно: аналитическая работа с разного рода источниками, поисковая деятельность в археологических экспедициях, изучение и владение старинным оружием, древними ремеслами, такими как гончарное, кузнечное, ювелирное, шорное, участие в турнирах, соревнованиях, фестивалях, выставках и различных шоу.

В результате такой творческой деятельности люди всех возрастов и профессий в рамках научных и любительских объединений имеют возможность получить представление об артефакте из далекого прошлого, а также попытаться самостоятельно изготовить реплику того или иного предмета повседневного обихода. В этом и заключается суть «живой истории», когда человек своими руками воспроизведет вещь, предмет или действие, а не просто визуально ознакомится с первоисточником или прочитает о нем.

Как и большинство молодежных движений, историческая реконструкция широко представлена в Интернете. Сайты клубов, специализированные форумы, интернет-магазины, предлагающие товары для любых хобби, тематические сайты, посвященные научному изучению реалий, обеспечивают всех любителей обширным материалом для знакомства с теорией и практикой восстановления прошлого. На сегодняшний день особой популярностью пользуется сайт Reconlog.ru, на котором представлен единый каталог клубов исторической реконструкции, фехтования, военно-исторических и ролевых клубов России и стран СНГ, а также мероприятий, дифференцированных по реконструированным периодам, от Античности до мировых войн [11, 12].

Как показали результаты мониторинга движения реконструкторов, в последнее время появилось много разновидностей военно-исторической реконструкции – от времен Древнего Рима и Древней Руси до Второй мировой войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., некоторые из них стали приобретать государственное значение, например, реконструкция Куликовского сражения или Бородинской битвы, также множатся закрытые мужские клубы любителей истории военного дела.

Благодаря военно-исторической реконструкции стали реальными переоценками прошедшей жизни, прежде всего, русского народа, обогащение новыми знаниями о его мироощущении, традициях, нравственности, укладе и других культурных вехах социума.

«Практическое изучение материального и духовного наследия в рамках движения исторической реконструкции, а также использование элементов музейной педагогики и экспериментальной археологии позволяет говорить о военно-исторической реконструкции как об оригинальной форме исследования прошлого» [3. С. 12]. Военно-историческая реконструкция является уникальным феноменом культуры, в котором переплетаются такие виды деятельности и в то же время формообразующие сферы жизни, как наука, искусство, военное дело, спорт, туризм. Движение «с каждым годом приобретает все большую популярность, превращаясь в разновидность международного культурного сотрудничества» [Там же. С. 23].

Важно подчеркнуть, что изучение истории методом реконструкции является инновационным средством получения знаний, выступает способом воспитания и образования личности и общества в целом. Прежде всего это относится к работе со школьниками и студентами вузов, образовательная цель которой реализуется

через доклады с демонстрацией, эксперименты, ролевые игры, контрольно-корректируюшие беседы, лекции. В ходе самостоятельного исследования молодые люди имеют возможность непосредственно соприкоснуться с материальной культурой предков, получить сведения о нравах и обычаях русской нации.

Воспитательная цель «реализуется путем создания “обстановки трудностей”, преодоление которых требует сплочения, коммуникации, быстрого процесса социализации, происходящего в полевых условиях, способствует осуществлению развивающей цели. В общении друг с другом и руководителями молодые люди расширяют кругозор, получают навыки совместной жизни, развивают коммуникативные и аналитические способности, совершенствуют свои таланты. Развивающая цель реализуется через создание атмосферы доброжелательности в проведении соревнований, конкурсов ремесел» [13].

На наш взгляд, заслуживает особого внимания опыт российских образовательных учреждений, создающих клубы исторической реконструкции в рамках внеклассной работы с учащимися старших классов. Цель деятельности такого клуба – углубленное изучения истории, а также повышение уровня интеллектуального, физического, эстетического и нравственного развития подрастающего поколения. Таким образом, есть основание утверждать, что историческая реконструкция, формируя культурное пространство «живой истории», активно выступает одним из способов образования и воспитания подрастающего поколения.

Наряду с военно-историческими реконструкциями, также популярны в молодежной среде бытовые течения, такие как спортивное, музыкальное, народные промыслы, праздничная реконструкция. Что касается ремесла, то на фестивалях и мастер-классах умельцы-любители демонстрируют свои результаты: изготовление глиняной посуды, материи, резьбу по кости, пошив кожаных изделий, обработку дерева, вязание костяной иглой, плетение из бисера, лозы, березы. Восстановление традиций технологических процессов – познавательное занятие, которое открыто для участия в нем женщин и школьников среднего звена.

Все это говорит о том, что, являясь формой креативной деятельности человека, историческая реконструкция предоставляет ему не только возможность творческого самовыражения и самореализации (в качестве руководителя, исполнителя, зрителя) в организации интересного и продуктивного досуга, но и возможность освоения новых знаний, развития толерантных взаимоотношений в коллективе, межкультурных коммуникаций и других элементов взаимодействия в социуме.

Главная задача исторической реконструкции – воссоздание не только первоначального облика старинных предметов, но и цельной картины мира, каким его воспринимал человек той или иной эпохи. В этой связи важно исследовать духовную культуру народа, его систему ценностей, мировоззрение, проанализировать документы, отражающие политическую, социальную и экономическую стороны жизни общества. В этом случае используется историческое моделирование – это «создание комплекса методик и мероприятий, позволяющих восстановить целостную, не противоречащую известным фактам картину жизни (модель) как отдельного человека, так и общества в определенной местности и эпохе. На показательных выступлениях, исторических фестивалях и ролевых играх эта модель проходит проверку на прочность» [8].

В качестве наглядного примера подобной модели приведем краткое описание исторической реконструкции, воплощенной любителями в одном из сибирских городов. Так, в связи с юбилеем Томской губернии, города Томска и Томской области в сентябре 2014 г. были проведены военно-исторические реконструкции, демонстрирующие эпоху освоения Сибири. На познавательной площадке Воскресенской горы (место зарождения Томска) было осуществлено воссоздание боя казаков, основавших Томск, с разбойниками из местных племен. Театрализованная историческая постановка участников реконструкции продемонстрировала строительство Томского острога, показала прогрессивную деятельность купцов и меценатов, открывших в городе первые школы, библиотеки и больницы, воссоздала в мельчайших подробностях томскую старину, например, исконные названия улиц и площадей или конный извоз, навсегда ставший важной страницей томской истории. Значимость событию придавала площадка у Театра юного зрителя, на которой стояли орловские рысаки и располагалась кузня, где подковывались лошади. Зрители могли подходить к животным, расчесывать и заплетать им гривы, чтобы хоть немного почувствовать себя причастными к ямщицкому сословию. У фонтана на Новособорной площади большой воспитательный эффект произвела установка восьмиметрового сердца, символизирующего любовь жителей к родному городу, его историческому прошлому, без которого, как известно, нет будущего [14. С. 172].

Приведенный материал свидетельствуют о том, что «живая история», воплощенная в исторической реконструкции, становится основным образовательным инструментом в рамках досуговой деятельности.

Вместе с тем «широкий кругозор привлекательности исторической реконструкции дает возможность молодежи реализовать свои духовные потребности в самоидентификации и культурной социализации, что позволяет рассматривать историческую реконструкцию как эффективный элемент в процессе воспитания патриотизма. Являясь функциональным элементом социальной системы, историческая реконструкция в силу определенных закономерностей оказывает причинно-следственное воздействие на мышление, действия и образ жизни молодого поколения» [15. С. 9–10].

Важно отметить, что степень углубленности в реконструкцию, ролевую игру живого действия не отрывает людей от сегодняшней жизни. Наше наблюдение показало, что погружение в тяжелый быт тысячелетней

давности позволяет любителям по-новому оценить комфорт современного быта, а приобретаемые знания и навыки простой жизни, от пошива одежды, приготовления пищи до паттернов поведения и владения сложными ремеслами, добавляют им уверенности в себе, поскольку жизнь без роскоши, когда человек может обходиться малым и не испытывать при этом депрессии, – залог жизнеспособности общества.

Как уже было отмечено, в основе реконструкции лежит ролевая игра живого действия, в которой любой участник может выступать от лица того или иного исторического персонажа. Ролевая игра в этом схожа со спектаклем, однако она отличается от него тем, что в игре текст полностью основан на импровизации, тогда как в спектакле существует конкретный текст, произносимый актером.

Ролевая игра живого действия – это, прежде всего, коллективная познавательная творческая деятельность, в которой участники взаимодействуют друг с другом и окружающим миром. В результате сам процесс игры предстает как моделирование определенной исторической ситуации с ясным и понятным финалом. Историческую реконструкцию «можно охарактеризовать как специфическое игровое экспрессивное движение альтернативного типа, направленное на воссоздание боевых практик и событий прошлого, обрядов и ритуалов» [15. С. 12].

Как правило, в ролевой игре живого действия моделируются социальные, экономические, политические взаимоотношения конкретного временного периода. «Прожить исследуемого персонажа так, как хороший актер проживает свою роль – вот цель исследователя, изучающего эпоху методом исторической реконструкции. Несомненной является научно-познавательная и культурная ценность подобной работы» [8].

Повышенный интерес любителей к прошлому общества явился стимулом к появлению различных исторических шоу, проводимых под лозунгом «Развлекая – просвещай». Известно, что знания лучше усваиваются тогда, когда они подаются ненавязчиво, в увлекательной, игровой форме. Таким образом, ролевая игра живого действия, лежащая в основе исторической реконструкции, вызывает потребность личности в самоактуализации, творческой реализации, в общении и ярких впечатлениях. Все это и многое другое, как нам думается, указывает на то место, которое занимает феномен исторической реконструкции в поисках знаний о прошлом в коммуникативном пространстве досуга.

Мы приходим к выводу, что в настоящее время в России историческая реконструкция успешно становится актуальным видом социально-культурной деятельности, так как способствует: овладению новыми знаниями, умениями и навыками, необходимыми для успешной адаптации в обществе; социализации личности, реализуя потребности в общении и приобретении необходимого жизненного опыта; формированию психологической культуры личности, нравственных идеалов, становлению эмоционально-волевой сферы характера и развитию качеств успешной личности; воспитанию подлинных чувств патриотизма и гражданственности, глубокого уважения к истории Отечества и родного края; обеспечению активного отдыха с элементами спортивного, познавательного и туристско-краеведческого характера; развитию творческих способностей, эстетического восприятия и художественного вкуса; приобщению к знаниям в области отечественной и мировой культуры; компенсации личностной неудовлетворенности социально безопасным способом [14. С. 172–173].

Данный вывод подтверждается размещенным в Интернете расписанием 33 исторических фестивалей и турниров, запланированных на 2017 г. Одно такое грандиозное историческое зрелище «Времена и Эпохи», проводимое ежегодно, состоится в Москве в июне и соберет, как ожидают организаторы, более шести тысяч реконструкторов из России, Германии, Англии, Франции и других стран. Для зрителей на тридцати московских площадках будут представлены разные эпохи, инновационные подходы и форматы [16].

Примечательно, что в числе организаторов значатся Департамент национальной политики, межрегиональных связей и туризма г. Москвы и агентство исторических проектов «Ратоборцы». Это свидетельствует о том, что стратегия государственной молодежной политики, учитывая потребность молодого поколения в неординарных видах досуга, направлена сегодня на поддержку развития движения исторической реконструкции, обеспечивая организационно-функциональную взаимосвязь всех участников данного игрового процесса.

Итак, мы полагаем, что историческая реконструкция как социокультурный феномен способствует приобретению и аккумуляции новых исторических знаний, а также стремлению личности к самовыражению и культуротворчеству. Многоаспектные культурно-просветительские и дидактические реконструкторские практики учат молодое поколение бережному, уважительному отношению к историко-культурным корням, формируя таким образом в личности патриотический настрой и чувства гражданственности. Взаимосвязь исторического опыта прошлого и опыта современного делает движение исторической реконструкции в общественной и культурной жизни России актуальным, перспективным и все более привлекательным для людей всех возрастов и статусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евсеев А. Реконструкция хобби или профессия? URL: http://www.pravda.ru/society/how/relax/03-09-2012/1126672-reconstruction-0 (дата обращения: 20.04.2017).
2. Тарасов Д.А. Историческая реконструкция, проблемы развития. URL: http://www.proza.ru/2012/04/04/1543 (дата обращения: 16.02.2017).

3. Богданов С.В. Культуротворческий и воспитательный потенциал движения военно-исторической реконструкции в России : дис. ... канд. культурол. наук. Саратов, 2015. 148 с.
4. Глухарев И.В. Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен : дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000. 132 с.
5. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М. : Языки русской культуры, 1997. 800 с.
6. Дёмин И.В. Д 30 Философия истории в постметафизическом контексте. Самара : Самар. гуманит. акад., 2015. 251 с.
7. Лотман Ю.М. Сборник работ (Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа). М. : Гнозис, 1994. 560 с.
8. Быков А.В. Историческая реконструкция. URL: http://wiki.goldenforests.ru/index.php (дата обращения: 23.04.2017).
9. Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М. : Просвещение, 1996. 576 с.
10. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М. : Мысль, 1989. 286 с.
11. Магазин товаров Средневековья «Donjon» (Донжон). URL: http://donjon.ru/ (дата обращения: 20.04.2017).
12. Единый каталог исторической реконструкции России и СНГ. URL: http:// http://www.reconlog.ru (дата обращения: 24.04.2017).
13. Хитрых А.В. Историческая реконструкция как метод исследования истории отечества. URL: www.tstu.ru/education/elib/pdf/st/2008/hitrch.pdf
14. Курбатов В.П. Праздничная культура как способ воспитания и образования. Томск : Изд-во Том. гос. архитект.-строит. ун-та, 2014. 196 с.
15. Божок Н.С. Движение исторической реконструкции как феномен молодежной культуры : дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2013. 156 с.
16. Расписание исторических фестивалей, турниров и маневров на 2016 год. URL: http://ludota.ru/istoricheskie-festivali-2017 (дата обращения: 27.04.2017).

Irina M. Vereshhagina. Tomsk state university of architecture and building (Tomsk, Russia). E-mail: willow760@mail.ru
Marina E. Savintceva. Tomsk state university of architecture and building (Tomsk, Russia). E-mail: msavintseva@yandex.ru

PHENOMENON OF HISTORICAL RECONSTRUCTION IN RECEIVING NEW KNOWLEDGE OF THE PAST OF SOCIETY

Keywords: historical reconstruction; modeling; reconstruction amateur practices; role-playing game of live action.

The article deals with a phenomenon of historical reconstruction as youth amateur movement. Positive interpretation of the specified subject can serve as an additional material for further profound studying of such diverse phenomenon as reconstruction.
The article purpose is to actualize the importance of the historical reconstruction, acting as an effective way of receiving new knowledge of the past of society in the context of education and upbringing of the younger generation.
The source base of our research was made by a wide range of various sources: 1) the documents of the movement, including charters of clubs of historical reconstruction, the rules, the program, the regulations for running events etc.; 2) the Internet resources, presented by the websites and associations of clubs of historical reconstruction, which give the chance to expand the source base, and also to fill the niche, which was formed due to the lack of appropriate number of publications about this movement in Russia.
The methodology and technique of the research is based on the principles of scientificity, the principles of dialectical connection of the cultural phenomena and processes; methods of theoretical and applied cultural science, and also the cultural and anthropological method, allowing to consider culture as the instrument of broadcast of new knowledge and practical skills in cultural and leisure domain of society.
Despite the considerable amount of literature on various aspects of historical reconstruction, there is insufficiency of scientific developments on the subject of our research. At the same time, different types of reconstruction on the problems of its educational potential, gaming and cultural phenomenon have been examined by S.V. Bogdanov, N.S. Bozhk, E.M. Veselova, I.V. Glukharev, A.N. Milyukov, etc.
While conducting the research, the authors have come to the conclusions that the amateur movement, including elements of the scientific direction, promotes development of interest in historical roots of people, knowledge of features of cross-cultural communication. The Internet resources, which provide the programs of numerous clubs of historical reconstruction, conducting scientific search, carrying out cultural and educational and general education work, serve as the confirmation to it.
The monitoring of the concrete movement practices has shown that accumulation of knowledge of the past of society passes along most effectively in the form of thematic feasts, role-playing games of live action, show, which communicative space creates a unique opportunity to acquire new knowledge by preparation for game action.
Thus, the prospects for further development of the phenomenon of historical reconstruction in getting to know the past of society consists in the analysis of various activities of participants of the movement on preservation of material and non-material cultural heritage, on reconstruction of ancient technologies under modern conditions, and also in continuous link of times, generations, traditions, providing inviolability of moral values and patriotic spirit among young people.

REFERENCES

1. Evseev, A. (2012) *Rekonstruktsiya khobbi ili professiya?* [Reconstruction of a hobby or profession?]. [Online] Available from: http://www.pravda.ru/society/how/relax/03-09-2012/1126672-reconstruction-0. (Accessed: 20th April 2017).
2. Tarasov, D.A. (2012) *Istoricheskaya rekonstruktsiya, problemy razvitiya* [Historical reconstruction, development problems]. [Online] Available from: http://www.proza.ru/2012/04/04/1543. (Accessed: 16th February 2017).
3. Bogdanov, S.V. (2015) *Kul'turotvorcheskiy i vospitatel'nyy potentsial dvizheniya voenno-istoricheskoy rekonstruktsii v Rossii* [Cultural and educational potential of the movement of military-historical reconstruction in Russia]. Culture Studies Cand. Diss. Saratov.
4. Glukharev, I.V. (2000) *Dvizhenie voenno-istoricheskoy rekonstruktsii kak sotsiokul'turnyy fenomen* [The movement of military-historical reconstruction as a sociocultural phenomenon]. Culture Studies Cand. Diss. Moscow.
5. Savelieva, I.M. & Poletaev, A.V. (1997) *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [History and Time. In Search of the Lost]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Demin, I.V. (2015) D 30. *Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste* [D 30 Philosophy of history in a post-metaphysical context]. Samara: Samara Academy for the Humanities.
7. Lotman, Yu.M. (1994) *Sbornik rabot* [Collected Works]. Moscow: Gnozis.
8. Bykov, A.V. (n.d.) *Istoricheskaya rekonstruktsiya* [Historical reconstruction]. [Online] Available from: http://wiki.goldenforests.ru/index.php. (Accessed: 23rd April 2017).
9. Kostomarov, N.I. & Zabelin, I.E. (1996) *O zhizni, byte i nravakh russkogo naroda* [About life and customs of the Russian people]. Moscow: Prosveshchenie.
10. Pushkareva, N.L. (1989) *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow: Mysl'.
11. Donjon.ru. (n.d.) *Magazin tovarov Srednevekov'ya "Donjon" (Donzhon)* [Shop of Middle Age goods "Donjon" (Donjon)]. [Online] Available from: http://donjon.ru/. (Accessed: 20th April 2017).

12. Reconlog.ru. (n.d.) *Edinyy katalog istoricheskoy rekonstruktsii Rossii i SNG* [The uniform catalog of historical reconstruction of Russia and the CIS]. [Online] Available from: http://www.reconlog.ru. (Accessed: 24th April 2017).
13. Khitrykh, A.V. (n.d.) *Istoricheskaya rekonstruktsiya kak metod issledovaniya istorii otechestva* [Historical reconstruction as a method for studying the history of the Fatherland]. [Online] Available from: www.tstu.ru/education/elib/pdf/st/2008/hitrch.pdf.
14. Kurbatov, V.P. (2014) *Prazdnichnaya kul'tura kak sposob vospitaniya i obrazovaniya* [Festive culture as a way of upbringing and education]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
15. Bozhok, N.S. (2013) *Dvizhenie istoricheskoy rekonstruktsii kak fenomen molodezhnoy kul'tury* [The historical reconstruction movement as a phenomenon of youth culture]. Sociology Cand. Diss. Saratov.
16. Ludota.ru. (2017) *Raspisanie istoricheskikh festivaley, turnirov i manevrov na 2016 god* [Schedule of historical festivals, tournaments and maneuvers for 2016]. [Online] Available from: http://ludota.ru/istoricheskie-festivali-2017. (Accessed: 27th April 2017).

УДК 930/94(47).08
DOI: 10.17223/19988613/59/16

А.Н. Худолеев

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ Д.И. ИЛОВАЙСКОГО В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

Рассматриваются историко-критические работы Д.И. Иловайского в отечественной дореволюционной исторической периодике. Выделяется несколько ключевых подходов в оценке Д.И. Иловайским исторических взглядов современников. С точки зрения Д.И. Иловайского, анализируются объективность и аргументированность позиций авторов, репрезентативность источниковой базы их исследований. Делаются выводы о важности критических замечаний Д.И. Иловайского для развития отечественной исторической мысли второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Дмитрий Иванович Иловайский; историческая мысль; антинорманизм; дореволюционная историография.

Известный дореволюционный историк Д.И. Иловайский прославился не только как убежденный антинорманист и автор оригинальной «Истории России», но и как исследователь, внимательно следивший за развитием отечественной исторической науки, тенденций в ней, за публиковавшимися трудами. Он с удовольствием вступал в дискуссии, давая, порой, нелицеприятные оценки тем или иным историческим концепциям.

Д.И. Иловайский предпочитал публиковать историко-критические статьи и полемизировать с оппонентами на страницах «Русского архива» и «Русской старины». В журнале П.И. Бартенева Д.И. Иловайский охотно отвечал критикам его «Истории России» и высказывал мнения по новейшим публикациям в области средневековой Руси. Так, он негативно отнесся к исследованию преподавателя Императорского Александровского лицея Е.А. Белова «Об историческом значении русского боярства до конца XVII в.». В частности, Дмитрий Иванович не был согласен с оценками личности и деятельности Ивана IV. На его взгляд, Е.А. Белов нанес вред научному познанию тем, что старался «не только обелить Грозного, но и возвести его в великие люди и для сего не стесняется в толковании фактов действительных и в измышлении небывалых» [1. С. 364]. Стоит отметить, что Д.И. Иловайский причислял Е.А. Белова к лагерю норманистов, чем, во многом, и объяснялась резкость суждений о нем [2]. Е.А. Белов ответил Д.И. Иловайскому, обвинив его в предвзятом, поверхностном отношении, в передергивании аргументации и в научном снобизме, поскольку «г. Иловайский справедливость мнений считает по мере приближения к его мнению» [3. С. 221]. Это заставило Дмитрия Ивановича вновь вернуться к работе Е.А. Белова. Он отметил, что личные выпады автора исследования о русском боярстве свидетельствуют только о дилетантизме и неспособности вести настоящую научную полемику [4. С. 129].

Если у Е.А. Белова было историческое образование (окончил Казанский университет) и за ним Д.И. Иловайский признавал наличие элементарных студенческих знаний, то исторические штудии предводителя московского дворянства Д.Д. Голохвастова крайне возмутили Дмитрия Ивановича. Д.Д. Голохвастов решил посоревноваться в правильности понимания терминологии средневековой Руси как с Д.И. Иловайским, так и с покойным С.М. Соловьевым. В частности, он назвал ошибочным понимание ими термина «кормление» как получение дохода с территории и настаивал, что «кормление» означало «управление» [5]. На это Д.И. Иловайский язвительно заметил, что предводитель дворянства занимается «сизифовым трудом», поскольку вопрос о «кормлениях» достаточно изучен и раскрыт в научной литературе и получается, что «значение слова “кормление” ему лучше известно, чем самому летописцу XVI в.» [4. С. 130–131]. Любопытно, что позицию Д.И. Иловайского полностью поддержал В.О. Ключевский, не соглашавшийся с ним по многим вопросам древней и средневековой русской истории [6].

В начале 1890-х гг. у Д.И. Иловайского появился серьезный оппонент – новый профессор кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета С.Ф. Платонов. С.Ф. Платонов опубликовал обширную и детальную рецензию на вышедший в 1890 г. третий том «Истории России» Д.И. Иловайского. Соглашаясь с хвалебными отзывами рецензентов первых двух томов, петербургский историк отказался признать научное значение третьего тома, потому что «перед нами не исследование фактов, от которого мы могли бы ожидать полной ученой самостоятельности, новизны изысканий, мелочного изучения источников, свежести выводов» [7. С. 183]. С.Ф. Платонов упрекал Д.И. Иловайского в многочисленных опечатках, описках, текстологических ошибках, в недостаточном внимании автора к своему тексту, в неверном толковании фактов, исторических понятий и событий, противоречивости изложения. Вывод рецензента был категоричен – книга является примером популярного изложения русской истории и может быть интересна только неспециали-

стам, и «мы отрицательно отнеслись к той мысли, что труд г. Иловайского может влиять на развитие нашей историографии или отражать во всей полноте ее современные успехи» [7. С. 199]. Отвечая на рецензию С.Ф. Платонова, Д.И. Иловайский назвал критику оппонента мелочной, поверхностной, тенденциозной и корректурной, что не красит профессора русской истории столичного университета и бросает тень на его научную добросовестность. Дмитрий Иванович отметил, что никакого серьезного анализа его научной концепции С.Ф. Платонов не провел, не выдвинул никаких аргументов против нее, а сосредоточился только на текстологических ошибках и недосмотрах. Кроме того, «из его критики даже неясно, что он разумеет собственно под научной стороной или под исторической наукой в строгом смысле» [8. С. 110]. Д.И. Иловайский разъяснил молодому коллеге, почему он считает уместным называть свой труд историографическим: «Г. Платонов вообще сильно восстает против того, что я свой труд называю «историографическим», и видит в этом названии великие притязания с моей стороны. А между тем я употребляю этот термин просто в смысле труда, имеющего своей задачей систематическое и разностороннее обозрение всей русской истории – термин, которым, пожалуй, можно отличить такой труд от сочинений “монографических”» [Там же. С. 113]. В заключении Дмитрий Иванович посоветовал уважительно и тактично относиться к людям, имеющим признанные заслуги в области исторической науки.

В ответе С.Ф. Платонову Д.И. Иловайский обратил внимание на одну тенденцию в развитии отечественной исторической мысли второй половины XIX в. – редкость единоличных многотомных трудов и сосредоточенность исследователей на разработке узкопрофильных тем. По его мнению, из-за громадного количества материала и литературы предмета в будущем будет возможен только коллективный труд в попытке осветить во всей полноте общую историю страны. Дальнейшее развитие отечественной исторической мысли полностью доказало правоту Дмитрия Ивановича. Тот же С.Ф. Платонов, так яростно его критиковавший, не пошел дальше изучения определенных периодов в истории России.

Не обошел вниманием Д.И. Иловайский и очередной выпад против него со стороны гимназического преподавателя В.Ф. Боцяновского, который, еще являясь студентом, «авторитетно» отрецензировал третий том «Истории России» Д.И. Иловайского [9]. На этот раз В.Ф. Боцяновский заявил, что компилятивный характер «Истории России», составленной из Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, широко известен [10. С. 578]. Дилетантские публикации В.Ф. Боцяновского в «Историческом вестнике» вынудили Дмитрия Ивановича обратить внимание читающей аудитории на «массу научной недобросовестности, партийности, недомыслия и подчас прямого невежества, которая широкой волной вторгается в область научных предметов», благодаря подобным «легкомысленным» органам печати [11. С. 105]. Ненаучный характер «Исторического вестника» связывался с фигурой его редактора библиофила С.Н. Шубинского, не имевшего исторического образования и увлекавшегося русской историей XVIII в. Серьезный материал, считал Д.И. Иловайский, предлагать в «Исторический вестник» не стоит, потому что кредо журнала – «пренебрегать серьезным отношением к делу и постоянно гоняться за угождением вкусам публики с помощью разных картиночек и всякого легкого чтения!» [Там же. С. 106].

Как и в научных сочинениях, в историко-критических размышлениях Д.И. Иловайского важное место занимала борьба с различными, неславянскими теориями происхождения русской государственности. Так его внимание привлекла публикация докторской диссертации профессора русской истории Императорского Варшавского университета И.П. Филевича «История древней Руси. Т. 1. Территория и население». Автор предлагал галицко-угорскую теорию происхождения Руси, шаткость которой, по мнению Д.И. Иловайского, «бросается в глаза с первого же взгляда» [12. С. 275]. Дмитрий Иванович указал на многочисленные недостатки работы И.П. Филевича, которой не хватало вдумчивости и логики, зато слишком много было произвольных, гадательных умозаключений в силу непонимания автором вопроса происхождения Руси во всем его объеме и со всех его сторон, а «неточность в ссылках и голословие г. Филевича способны бросить тень на его профессорскую добросовестность» [13. С. 304].

Такой же суровой оценке подверглись взгляды филолога, профессора Ю.А. Кулаковского, пытавшегося пролить свет на историю древнего славянства. С точки зрения Д.И. Иловайского, его исследования дают только отрицательные результаты, так как автор «понятия не имеет о важнейших исторических законах и о научном значении исторических аналогий» [14. С. 636]. Единственно, что хорошо получается у Ю.А. Кулаковского, – это «рабски» следовать немецким авторитетам в вопросах славянской теории [15. С. 143]. Возмущение Д.И. Иловайского вызвала позиция П.Н. Милюкова по вопросу происхождения русского государства, высказанная на XI Археологическом съезде в Киеве. Поддержка норманизма и отрицание тождественности руси и роксолан, звучавшие не только в выступлении бывшего приват-доцента Московского университета, вынудила Дмитрия Ивановича признать, что, несмотря на все его усилия, «Байеро-Шлецеровская школа» проросла на почве российской исторической науки и ей, в итоге, удалось «на целые полтора столетия задержать правильную постановку начальной русской истории» [Там же. С. 147]. Ярким примером, доказывавшим правоту данного тезиса, стала для Д.И. Иловайского магистерская диссертация преподавателя Варшавского университета А.Л. Погодина «Из истории славянских передвижений». Он резюмировал, что «она является сборником все тех же старых домыслов и антиистори-

ческих теорий, которые были придуманы немецкими учеными и повторяемые их славянскими последователями, начиная Шафариком и кончая современными западными и русскими славистами» [16. С. 563].

Не менее интересны историко-критические заметки Д.И. Иловайского, публиковавшиеся в журнале М.И. Семевского. В частности, на страницах «Русской старины» Д.И. Иловайский раскритиковал сторонника норманизма библиотекаря Императорской Санкт-Петербургской академии наук Н.П. Ламбина, посвятившего немало времени доказательству объективности «Повести временных лет». Он категорически не принимал точку зрения Дмитрия Ивановича о мифологичности, недостоверности, баснословности и сказочности летописи. Отрицание Д.И. Иловайским призвания варягов, мнение о легендарности фигуры Рюрика, нечеткости образа конунга Олега, размытости его деяний в древнерусской истории, выглядели для Н.П. Ламбина кощунственно. На его взгляд, все это исходило только из желания Д.И. Иловайского «хозяйничать с известиями нашей летописи» и ублажать свое высокомерное самолюбие [17. С. 125]. Околонаучные выпады Н.П. Ламбина вынудили Дмитрия Ивановича с сожалением констатировать, что «в сущности приходится вести борьбу не против существенных основ норманнской теории, а против того способа полемики, к которому прибегают защитники этой теории» [18. С. 420]. Тем не менее он счел нужным разъяснить оппоненту, почему не считает сказание о походе Олега в 907 г. на Константинополь достоверным. В летописном своде посреди этого сказания вставлены отрывки из предварительного договора 912 г. Эти вставки так очевидны, что указывать на них «можно разве только в школе при чтении летописи с учениками, а не в научной полемике» [Там же. С. 421]. К тому же византийские источники не упоминали о данном походе. Легенду о Рюрике с двумя братьями Д.И. Иловайский относил к творчеству новгородцев, которые придумали ее в качестве ответа на киевскую легенду о Кие также с двумя братьями. В итоге, как бы не старались норманисты доказать невозможное, «никакие натяжки не помогут, и для науки басня всегда останется басней» [19. С. 569].

Гораздо более снисходительно Д.И. Иловайский отнеся к труду коллеги по антинорманскому направлению Н.И. Костомарова, заступившись за него после критики профессора Марбургского университета Германа [20]. Несмотря на ряд «несущественных» недостатков в восприятии польских мемуаров и мелких «небрежностей» в стилистической обработке текста, по мнению Дмитрия Ивановича, автор посредством живого литературного изложения представил «русской читающей публике возможно полное и популярное изложение важнейших событий, приведших Польшу к потере самобытности» [21. С. 186].

Интересны оценки, данные Д.И. Иловайским исторической концепции В.О. Ключевского. Д.И. Иловайский упрекал В.О. Ключевского в увлечении «варяжством», однако был одним из его оппонентов на защите докторской диссертации «Боярская дума Древней Руси» и, в целом, дал на работу положительный отзыв, хотя и отмечал в ней серьезные недостатки. Преамбула выступления Д.И. Иловайского на диспуте сводилась к следующему тезису: «<…> книга достоуважаемого В.О. Ключевского составляет очень ценный вклад в науку по отношению к XV–XVII вв. нашей истории. К сожалению, предыдущие века, т.е. первые главы, портят общее впечатление» [22. С. 619]. Первые главы диссертации В.О. Ключевского посвящались древнерусскому периоду. Во-первых, Д.И. Иловайский не поддержал теорию В.О. Ключевского о торгово-экономической основе Киевской Руси. Во-вторых, по мнению Дмитрия Ивановича, работе не хватает национального духа, поэтому «в начале русской истории мы здесь почти не находим русского народ» [Там же. С. 616]. В-третьих, Д.И. Иловайский считал, что соискатель, прямо об этом не говоря, поддерживает норманнскую школу, так как много пишет о варягах, мало о русских и игнорирует его исследования по этому вопросу.

На страницах «Русской старины» Д.И. Иловайский вновь вернулся к вопросу о значении слова «кормление». Поводом стала статья одного из авторитетных теоретиков славянофильства П.Д. Голохвастова, в которой критиковались позиции Д.И. Иловайского и В.О. Ключевского. Автор упрекал их в научном высокомерии, самолюбовании, спесивости, в неумении быть истинными учеными и ставить науку «выше злобы дня», в предвзятом отношении к любителям русской истории [23. С. 241]. На это Д.И. Иловайский заметил, что дело не в неуважении профессионалов к любителям вообще, а конкретно в малом знакомстве господ П.Д. и Д.Д. Голохвастовых с исторической наукой, в незнании ими элементарных приемов исторической критики. Тем не менее они имеют смелость «и очень мало научных сведений, чтобы поднять спор о значении слова “кормление” против ученых специалистов» [24. С. 429].

Подводя итог оценкам историко-критическим размышлениям Д.И. Иловайского в дореволюционных отечественных исторических журналах, можно сделать следующие выводы. Спектр вопросов, интересовавших ученого, был довольно широк и касался проблем изучения древней и средневековой Руси. В критических замечаниях Д.И. Иловайского ясно прослеживается акцент на борьбу с норманнской теорией и ее представителями. В то же время, как, например, в случае с В.О. Ключевским, научность, профессионализм, фундаментальность работы, несмотря на неприятие ее концепции, всегда поддерживались и приветствовались. В целом историко-критические статьи Д.И. Иловайского позволяют проследить дискуссионные темы в изучении древней и средневековой Руси в отечественной исторической науке второй половины XIX – начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иловайский Д.И. Историко-критические заметки // Русский архив. 1889. Т. 68, вып. 1–4. С. 362–370.
2. Иловайский Д.И. Поборники норманизма и туранизма // Иловайский Д.И. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гунскому. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. С. 1–49.
3. Белов Е.А. Ответ моим критикам // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 262. С. 215–225.
4. Иловайский Д.И. Моим возражателям // Русский архив. 1889. Т. 69, вып. 5–8. С. 129–137.
5. Голохвастов Д.Д. Историческое значение слова «кормление» // Русский архив. 1889. Т. 68, вып. 1–4. С. 650–655.
6. Ключевский В.О. По поводу заметки Д. Голохвастова об историческом значении слова «кормление». Письмо к издателю // Русский архив. 1889. Т. 69, вып. 5–8. С. 138–145.
7. Платонов С.Ф. История России. Сочинение Д. Иловайского. Т. III: Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890 // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Ч. 274. С. 180–199.
8. Иловайский Д.И. Корректурная критика профессора русской истории // Русский архив. 1891. Т. 75, вып. 5–8. С. 105–117.
9. В.Б. История России. Сочинение Д. Иловайского. Том III. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890 // Исторический вестник. 1891. Т. 43. С. 251–255.
10. В.Б. Ковалевский П. Иван Грозный и его душевное состояние. Харьков, 1893 // Исторический вестник. 1893. Т. 54. С. 578–579.
11. Иловайский Д.И. Какие ныне печатаются статьи по русской истории // Русский архив. 1894. Т. 83, вып. 1–4. С. 105–112.
12. Иловайский Д.И. Два профессора русской истории о происхождении Руси // Русский архив. 1896. Т. 91, вып. 9–12. С. 275–282.
13. Иловайский Д.И. Еще заметка о номенклатурной теории г. Филевича // Русский архив. 1897. Т. 92, вып. 1–4. С. 302–305.
14. Иловайский Д.И. Новый поборник отживших теорий. Историко-критическая заметка // Русский архив. 1898. Т. 95, вып. 1–4. С. 632–636.
15. Иловайский Д.И. Историко-критические заметки. Еще о поборниках отживших теорий // Русский архив. 1900. Т. 101, вып. 1–4. С. 141–147.
16. Иловайский Д.И. Противоисторическое направление славистики // Русский архив. 1902. Т. 107, вып. 1–4. С. 563–567.
17. Ламбин Н.П. Действительно ли поход Олега на Царьград – сказка? (Вопрос г. Иловайскому) // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. 168. С. 115–127.
18. Иловайский Д.И. К вопросу о происхождении русского народа. Заметка о новом возражателе // Русская старина. 1873. Т. 8, вып. 7–12. С. 420–426.
19. Иловайский Д.И. К вопросу о начале Руси. Тмутараканская Русь г. Ламбина // Русская старина. 1874. Т. 9, вып. 1–4. С. 569–574.
20. Иловайский Д.И. О критике Германа // Русская старина. 1874. Т. 9, вып. 1–4. С. 791–795.
21. Иловайский Д.И. Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870 // Русская старина. 1874. Т. 10, вып. 5–8. С. 186–189.
22. Иловайский Д.И. Поборники норманизма и туранизма // Русская старина. 1882. Т. 36, вып. 10–12. С. 585–620.
23. Голохвастов П.Д. Боярское кормление // Русский архив. 1890. Т. 72, вып. 5–8. С. 209–248.
24. Иловайский Д.И. Историко-критические заметки // Русская старина. 1890. Т. 68, вып. 10–12. С. 423–437.

Aleksey N. Khudoleev. Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russia). E-mail: khudoleev73@mail.ru

THE HISTORICAL AND CRITICAL MUSINGS OF D.I. ILOVAISKY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORICAL JOURNALS

Keywords: Dmitry Ivanovich Ilovaisky, historical thought, antinormanism, pre-revolutionary historiography.

Dmitry Ivanovich Ilovaisky, being a competent and a well-known scholar in the field of ancient and medieval Russian studies, a careful and a meticulous researcher, closely followed the relevant scientific publications, not hesitating to express his opinion on their quality. Most of his reviews were written during the same period as “The History of Russia”. Excellent knowledge of sources and historiography made it possible for Ilovaisky to identify in the works of his contemporaries all the weak points, as well as any infidelity, artificiality and attempts to mythologize certain conclusions. His special concerns were the problems of Slavic antiquity, the origins of the Russian statehood, and the questions of attribution and interpretation of chronicles. The article aims at the analysis of the historical and critical articles of D.I. Ilovaisky, published in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries, which helps to identify the role of D.I. Ilovaisky in the Russian historical and critical thought of the period. The article deals with D.I. Ilovaisky’s critical reviews on the researches of E.A. Belov, S.F. Platonov, I.P. Filevich, N.P. Lambin, V.O. Klyuchevsky and others. The reviews were published mainly in two leading pre-revolutionary historical journals Dmitry Ivanovich closely and productively cooperated with throughout his scientific activities, “The Russian Archive” and “The Russian Antiquity”. It is noted that the historical and critical assessments of D.I. Ilovaisky were strict and fastidious; they marked his uncompromising struggle against the Norman theory and its adherents in the Russian historical studies. This sometimes led to the resentment and irritation of the opponents, accusing D.I. Ilovaisky of snobbery and arrogance. However, taking the example of his criticism of V.O. Klyuchevsky’s theory, it becomes clear that D.I. Ilovaysky mainly evaluated scientific scrupulousness, professionalism and fundamentality of historical studies. He could give a general positive assessment of the work, basically disagreeing at the same time with many of its methodological points. In his historical and critical reviews D.I. Ilovaisky drew attention to an important tendency in the development of the Russian historical studies in the second half of the 19th century. The researchers concentrated mainly on narrow-focused topics and seldom wrote multi-volume works. In his opinion, due to the enormous amount of material and literature on the subject only collective work will be possible in the future to highlight the history of the country at large. Further development of the Russian historical thought fully proved his point. In conclusion, the article states that the historical and critical works of D.I. Ilovaisky can help to trace the struggle of various trends and point out the most controversial topics in the studies of ancient and medieval Russia in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

REFERENCES

1. Ilovaysky, D.I. (1889) Istoriko-kriticheskie zametki [Historical and critical notes]. *Russkiy arkhiv*. 68(1-4). pp. 362–370.
2. Ilovaysky, D.I. (1886) *Dopolnitel'naya polemika po voprosam varyago-russkomu i bolgaro-gunskomu* [Additional polemics on the Varangian-Russian and Bulgarian-Hun issues]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 1–49.
3. Belov, E.A. (1889) Otvet moim kritikam [The response to my critics]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 262. pp. 215–225.
4. Ilovaysky, D.I. (1889) Moim vozrazhatelyam [To my opponents]. *Russkiy arkhiv*. 69(5-8). pp. 129–137.
5. Golokhvastov, D.D. (1889) Istoricheskoe znachenie slova “kormlenie” [The historical meaning of the word “kormlenie”]. *Russkiy arkhiv*. 68(1-4). pp. 650–655.
6. Klyuchevsky, V.O. (1889) Po povodu zametki D. Golokhvastova ob istoricheskom znachenii slova “kormlenie”. Pis'mo k izdatelyu [On D. Golokhvastov's note about the historical meaning of the word “kormlenie”. A letter to the publisher]. *Russkiy arkhiv*. 69(5-8). pp. 138–145.

7. Platonov, S.F. (1891) Istoriya Rossii. Sochinenie D. Ilovayskogo. Tom III. Moskovsko-tsarskiy period. Pervaya polovina ili XVI vek. M., 1890 [Russian History by D. Ilovaysky. Vol. III. The Moscow-Tsar period. The first half or the 16th century. M., 1890]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 274. pp. 180–199.
8. Ilovaysky, D.I. (1891) Korrekturnaya kritika professora russkoy istorii [The proofreading criticism of professor of Russian history]. *Russkiy arkhiv*. 75(5-8). pp. 105–117.
9. V.B. (1891) Istoriya Rossii. Sochinenie D. Ilovayskogo. Tom III. Moskovsko-tsarskiy period. Pervaya polovina ili XVI vek. M. 1890 [Russian History by D. Ilovaysky. Vol. III. The Moscow-Tsar period. The first half or the 16th century. M., 1890]. *Istoricheskiy vestnik*. 43. pp. 251–255.
10. V.B. (1893) Kovalevsky, P. Ivan Groznyy i ego dushevnoe sostoyanie. Khar'kov, 1893 [Kovalevsky P. Ivan the Terrible and his state of mind. Kharkiv, 1893]. *Istoricheskiy vestnik*. 54. pp. 578–579.
11. Ilovaysky, D.I. (1894) Kakie nyne pechatayutsya stat'i po russkoy istorii [What articles on Russian history are published now]. *Russkiy arkhiv*. 83(1-4). pp. 105–112.
12. Ilovaysky, D.I. (1896) Dva professora russkoy istorii o proiskhozhdenii Rusi [Two professors of Russian history on the origin of Russia]. *Russkiy arkhiv*. 91(9-12). pp. 275–282.
13. Ilovaysky, D.I. (1897) Eshche zametka o nomenklaturnoy teorii g. Filevicha [Another note on G. Filevich's nomenclature theory]. *Russkiy arkhiv*. 92(1-4). pp. 302–305.
14. Ilovaysky, D.I. (1898) Novyy pobornik otzhivshikh teoriy. Istoriko-kriticheskaya zametka [New advocate of obsolete theories. Historical critical note]. *Russkiy arkhiv*. 95(1-4). pp. 632–636.
15. Ilovaysky, D.I. (1900) Istoriko-kriticheskie zametki. Eshche o pobornikakh otzhivshikh teoriy [Historical critical notes. More about the advocates of obsolete theories]. *Russkiy arkhiv*. 101(1-4). pp. 141–147.
16. Ilovaysky, D.I. (1902) Protivoistoricheskoe napravlenie slavistiki [Anti-historical direction of Slavic Studies]. *Russkiy arkhiv*. 107(1-4). pp. 563–567.
17. Lambin, N.P. (1873) Deystvitel'no li pokhod Olega na Tsar'grad – skazka? (Vopros g. Ilovayskomu) [Is Oleg's trip to Tsargrad really a fairy tale? (Question to Ilovaisky)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 168. pp. 115–127.
18. Ilovaysky, D.I. (1873) K voprosu o proiskhozhdenii russkogo naroda. Zametka o novom vozrazhatele [On the origin of the Russian people. A note about the new opponent]. *Russkaya starina*. 8(7-12). pp. 420–426.
19. Ilovaysky, D.I. (1874a) K voprosu o nachale Rusi. Tmutarakanskaya Rus' g. Lambina [On the beginning of Russia. The Tmutarakan Russia of Mr. Lambin]. *Russkaya starina*. 9(1-4). pp. 569–574.
20. Ilovaysky, D.I. (1874b) O kritike Germana [On Herman's criticism]. *Russkaya starina*. 9(1-4). pp. 791–795.
21. Ilovaysky, D.I. (1874c) Kostomarov N.I. Poslednie gody Rechi Pospolitoy. St. Petersburg, 1870 [Kostomarov N.I. The last years of the Polish-Lithuanian Commonwealth. SPb., 1870]. *Russkaya starina*. 10(5-8). pp. 186–189.
22. Ilovaysky, D.I. (1882) Poborniki normanizma i turanizma [The supporters of normalism and turanism]. *Russkaya starina*. 36(10-12). pp. 585–620.
23. Golokhvastov, P.D. (1890) Boyarskoe kormlenie [The boyar "kormlenie"]. *Russkiy arkhiv*. 72(5-8). pp. 209–248.
24. Ilovaysky, D.I. (1890) Istoriko-kriticheskie zametki [Historical and critical notes]. *Russkaya starina*. 68(10-12). pp. 423–437.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 316.334.56
DOI: 10.17223/19988613/59/17

Д.Е. Брязгина

«ЭТНИЧЕСКИЕ» РЫНКИ ИРКУТСКА: МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

Предложен анализ «этнического» рынка как особой локальности в городе, с точки зрения изучения его восприятия горожанами. Рынок рассматривается в качестве элемента городского пространства, который играет важную роль в процессах его преобразования, в том числе через образ, формирующийся в сознании горожан. В основе исследования лежит методика ментального картирования, разработанная в трудах К. Линча, которая позволила визуализировать важнейшие характеристики рынка, выделяющие его в качестве особой городской локальности и определяющие его роль для пространственного развития г. Иркутска.

Ключевые слова: «этнический» рынок; городское пространство; образ города; ментальные карты.

Исследования городских процессов в последние годы получают все большее внимание со стороны представителей различных научных направлений. Во многом это связано с тем, что города понимаются как зоны активных социальных изменений [1. С. 15]. Однако в связи с динамикой изучаемых процессов возникают трудности в фиксации и реализации качественного анализа социальных трансформаций, концентрирующихся в городах. Одним из ярких примеров, в этом отношении, служит исследование открытых вещевых рынков, которые являются неотъемлемой чертой в описании жизни и пространства многих постсоветских городов. Они стали важной частью процесса перехода от социалистического способа организации жизни общества к новой модели его функционирования, а также узлами новой системы трансграничной торговли [2. С. 16].

В результате этих процессов во многих городах стали возникать «этнические» рынки – места сбыта товаров, привезенных из-за рубежа (преимущественно, Китая) и концентрации экономической активности мигрантов. В условиях экономического спада рынки достаточно быстро интегрировались в экономическую жизнь города и его жителей, играя роль источника доступных недорогих товаров для местного населения. Таким образом, рынки превратились из экзотики в привычный элемент повседневной жизни горожан и городской среды: сначала в качестве инфраструктуры, обслуживающей жителей города, а затем – важнейшего актора, преобразующего его пространство.

Несмотря на значение и распространенность феномена рынков, исследований в этой области практически не проводилось, в результате чего рынки становятся «ушедшей натурой» [Там же. С. 104], сохраняясь в памяти людей как символ переходной эпохи. В настоящее время сохраняются особые формы и элементы торговли, присущие рынкам, которые существенно сужают возможности для исследования, но, тем не менее, продолжают оказывать воздействие на пространственное развитие города.

Говоря о рынках как об элементе городского пространства, следует помнить, что оно включает в себя не только материальные объекты, но и отношения и взаимодействия, в которые вовлечены люди [1. С. 202]. В контексте идей А. Лефевра о социальной сконструированности пространства и его последователей, например Э. Сойи, который утверждал, что «места сконструированы вдвойне: большинство построены или в некотором роде физически вырезаны. Они также еще интерпретируются, описываются, воспринимаются, чувствуются, понимаются и воображаются» [3. С. 174], «этнические» рынки оказываются не просто местом локализации мигрантов и их трудовых или экономических практик, но и важным узлом формирования представлений и образов, оказывающих влияние не только на восприятие и отношение к городу и мигрантам, но и на способы взаимодействия людей с городом и в городе [4. С. 180]. В этом контексте проблема восприятия городской среды ее населением приобретает особое значение.

В связи с этим, целью настоящего исследования было проследить, какой образ складывается в сознании горожан в отношении «этнических» рынков г. Иркутска. На примере одной из крупнейших рыночных локальностей города – рынка «Шанхай» – будут рассмотрены особенности восприятия горожанами пространства рынка. Это, в свою очередь, позволит определить не только основные черты и способы формирования образа рынка, но и его воздействие на социально-пространственное измерение значения рынка для города.

Представления людей об их собственной жизни и окружении, эмоции и смыслы, которыми они насыщают свой жизненный мир, являются одним из ключевых элементов процесса конструирования социального пространства [5]. В связи с этим, анализ образов, формирующихся в процессе взаимодействия человека с городом, позволит определить и объяснить характер этих взаимодействий, что лежит в их основе, почему формируются те или иные практики, которые составляют основу повседневной жизни людей в городе, как их следует интерпретировать.

В методологическом отношении вопрос изучения образа города и восприятия пространства является открытым. Существует ряд проблем, решению которых традиционные методы не отвечают (нерефлексируемость образов, тесная взаимосвязь с окружением и его сменой в процессе передвижения по городу, трудность артикуляции чувственных категорий) [6. С. 44–45]. Вследствие этого все большее внимание уделяется новым методикам исследования, фокусирующихся на исследовании мобильностей, анализе цифровых и визуальных источников и т.п. Одной из таких методик является анализ ментальных карт, который позволяет изучить визуализированный информантами образ города. Карты фиксируют ключевые элементы пространства, их отражение в сознании горожан, а также взаимосвязи между ними. Таким образом, ментальное картирование позволяет визуализировать образ городского окружения, который формируется под воздействием социальных, географических, экологических и других факторов и фактически представляет собой изображение субъективных переживаний горожан, их личного опыта в привязке к конкретному месту [4. С. 180].

Ментальная карта представляет собой схему или изображение, созданное информантом по заданию исследователя. Наиболее широкое представление о применении данного метода в области городских исследований дает К. Линч. Его сравнительное исследование трех американских городов, в ходе которого он разрабатывает не только методику ментального картирования, но и закладывает предпосылки для концептуализации полученных данных, фокусируется на анализе визуальных характеристик города, а точнее, их когнитивного отражения в сознании горожан. Такой подход основан на идее вообразимости пространства, которая заключается в том, что читаемость городского пространства является его ключевой характеристикой, так как способна вызывать определенные реакции, представления и эмоции, которые можно артикулировать. Эти представления, в свою очередь, наполняют содержанием образ города, а значит, имеют обратное воздействие и способны оказывать влияние на материальное окружение [7. С. 21–24]. Более того, исследователь отмечает, что образ городского окружения существует не сам по себе, а всегда имеет тесную связь с материальным окружением, тем самым способствуя объединению субъекта (человека) и объекта (города) в целостную систему, влияние на которую способно оказать воздействие на конечный образ [7. С. 24]. В свою очередь, М. де Серто отмечает, что данные взаимосвязи являются неотъемлемой частью регулярных взаимодействий и процессов. Иными словами, читаемость (воображаемость) города не только определяет его образ, но и формирует городскую повседневность [8. С. 208–210].

Содержание образа, согласно К. Линчу, включает в себя ряд абстрактных элементов [7. С. 50–53], которые являются универсальными для восприятия города его жителями [9. С. 21–22]. К ним исследователь относит, прежде всего, пути – основные коммуникации, пронизывающие всю структуру города. Они определяют маршруты и траектории перемещения людей, а также степень опознаваемости города. К. Линч установил прямую корреляцию между значимостью путей для образа города и степенью освоенности и распознаваемости его пространства [7. С. 16–19]. Несмотря на то, что пути являются самым распространенным элементом ментальных карт, именно структура путей и маршрутов определяет характер восприятия города и практик взаимодействия с его пространством [Там же. С. 53–55]. Степень их выраженности и распространенности обычно указывает на слабое знание структуры города либо на низкий уровень читаемости городского пространства.

Такую же функцию в восприятии города играют районы – укрупненные участки города, объединяемые / выделяемые из общей структуры на основе исторических, топографических, функциональных, культурных и других предпосылок. Линч отмечает, что абсолютное большинство людей упорядочивает городское пространство по районам. Районы могут выступать не только как ориентиры в пространстве, но и как механизм формирования локальной идентичности, демонстрации социального статуса и т.д. [Там же. С. 66–69]. Важно отметить, что расчленение города на районы горожанами может отличаться от административного деления территории, отражая куда более значимые для образа характеристики: степень видимости его границ, изолированности по отношению к другим районам, особенности внутренней структуры, взаимосвязи между центром и периферией и т.п. [Там же. С. 71–72].

Следующая часть образа города – границы, которые служат не только в качестве линий разделения пространства на сегменты, но и выполняют связующую функцию. Пространственные границы в образе отличаются широким разнообразием форм и степенью их преодолимости: это могут быть как естественные, географические или топографические границы, так и условные, воображаемые рубежи, выраженные в любых физических объектах в качестве символа разграничения двух и более территорий [Там же. С. 63–64].

Не менее важными элементами образа городского окружения являются узлы и ориентиры. Первые представляют собой места плотной концентрации различ-

ных функций, чаще всего связанных с расчленением или, наоборот, со слиянием путей. Их местоположение в пространстве обычно выделено из общего окружения за счет визуальных особенности, символического значения, частоты и характера взаимодействий, что усиливает их особые черты и определяет эффективность их функционирования в качестве узлов. Кроме того, разнообразие ролей и форм, которые воплощают в себе узлы, способствуют тому, что одни и те же места могут выступать одновременно не только как узлы, но ориентиры и даже районы [7. С. 75–76].

Наконец, ориентиры – точки в пространстве, которые горожане вычленяют из общего контекста для соотнесения отдельных частей города друг с другом, определения местоположения какого-либо объекта, включая себя, и обозначения контрольных точек в пространстве. Ориентиры, так же, как и другие элементы образа города, отличаются по масштабу и размеру. Особой чертой ориентиров является их уникальность и контрастность по отношению к окружению, на основе которых ориентиры выделяются из общего фона и выполняют свою функцию [Там же. С. 76–80].

Таким образом, К. Линч определил основные группы элементов, которые составляют содержимое образа города и позволяют анализировать изнутри, с точки зрения горожанина. Однако, как отмечает сам исследователь, особый интерес здесь представляют не столько сами элементы образа, сколько взаимосвязи между ними и их сочетания [Там же. С. 80–83]. При различных взаимодействиях, условиях локализации и особенностях ландшафта пути, ориентиры, узлы и пр. могут как взаимно усиливать, так и конфликтовать друг с другом, что сказывается на общем контексте и определяет формируемые образы. В то же время, предложенная методика ментального картирования не позволяет зафиксировать и отразить подобные отношения, что является существенным недостатком. В связи с этим, исследование, подразумевающее использование данного метода, требует комплексного подхода, в рамках которого сбор и анализ ментальных карт будут сопровождаться дополнительными методами, которые позволят получить более глубокое и широкое представление о вышеуказанных процессах и сопоставить ментальную репрезентацию города с его материальным обликом и пространственными особенностями.

В основе данной работы лежат качественные методы исследования, позволяющие выявить и проанализировать скрытые, нерефлексивные черты пространства «этнического» рынка «Шанхай», а также повседневных практик жителей г. Иркутска, связанных с его посещением. В качестве основного метода использовалось ментальное картирование, которое сопровождалось полуформализованным интервью для выявления образа рынка, визуализированного и детально описанного информантами. В результате было опрошено 10 человек во время посещения рынка. В ходе интервью перед информантами стояла задача изобразить на бумаге карту / схему, которая отобразила бы то, чем, *в их представлениях*, является рынок «Шанхай». Создание карты сопровождалось детальными объяснениями и комментариями об изображаемых объектах.

Для получения более точного и объективного представления об изучаемой локальности были задействованы материалы полевых наблюдений, включающие нарративное описание особенностей территории рынка и практик, сопровождающих его функционирование в качестве особой городской инфраструктуры; фотоматериалы, сделанные в ходе исследования; данные геолокационных систем и др.

Пространство рынка в контексте исследования рассматривается с позиции изучения отдельной городской локальности, обладающей специфическими чертами, выделяющими ее из общей структуры города. К ключевым из них относится, прежде всего, этническая маркированность рынка, которая визуализирована во внешнем облике рынка: вывески, стилизованные под китайскую иероглифографику, в традиционной для Китая красно-желтой расцветке с характерным наименованием, отсылающим к «китайскости» (рис. 1).

Рис. 1. Внешний облик «этнического» рынка

Следует отметить, что за визуализацией «этнических» особенностей рынка, которые сформировались еще в 1990-е гг., скрывается сложная система трансграничных связей, которые давно переросли образ «китайского» рынка, трансформировав его в узел поликультурных и мультиэтничных отношений между участниками деятельности «Шанхайки». Тем не менее образ китайского базара, материализованный в дизайне его территории, демонстрирует устойчивость социальных практик, характерных для рынка начала девяностых, сохраняющихся несмотря на многочисленные попытки модернизировать эти практики [10].

На этапе выполнения задания, связанного с изображением рынка, у информантов возникали ряд вопросов и рефлексия в отношении рынка. Для респондентов было сложно определить, что включает в себя рынок, откуда он начинается, чем обозначены его границы. Для информантов было очевидно, что рынок четко ло-

кализован внутри и вокруг здания торгового центра «Шанхай-Сити молл», внутри которого расположены основные торговые ряды. Однако определение того, какие объекты следует изобразить, чтобы максимально точно отразить их восприятие рынка, вызвало множество трудностей. В этом отношении можно выделить две основные стратегии: большинство информантов пыталось выделить ключевые элементы из окружения торгового центра, несколько же респондентов попытались изобразить его внутреннюю планировку.

Что касается содержательной стороны ментальных карт, здесь следует отметить, что обобщенный образ рынка включает в себя несколько основных компонентов. Во-первых, вышеупомянутый ТЦ «Шанхай-Сити молл», который изначально имел форму традиционного базара с ярко выраженным преобладанием китайских товаров и присутствием мигрантов из КНР, но в процессе реализации мер по благоустройству городской среды был преобразован в торговый центр. Важно подчеркнуть, что изначально сформировавшееся пространство рынка, существенно видоизменившее визуальный облик в процессе его преобразования в современный торговый центр, остается важнейшим ориентиром для горожан. Во многом из-за названия и элементов китайского колорита в дизайне здания, которое досталось «Шанхай-Сити» от рынка. Таким образом здание визуализирует не только «этничность» территории, но и преемственность между старой «Шанхайкой» и современным «Шанхай-Сити», которая воплощается не только в визуальном облике, но и в социальном наполнении практик, характерных для рынка, структуре и форме торговли.

Вторая составляющая обобщенного образа рынка – дорога с обозначением ее основных элементов (остановки общественного транспорта, перекрестки, светофоры, пешеходные переходы, трамвайные пути) и направлений движения (транспортного и пешеходного). Это один из ключевых элементов, задающий конфигурацию пространства, структуру которого очень сложно уловить. На всех картах дорога расположена по центру, а сам рынок – по разным сторонам от дороги (рис. 2). Таким образом, информантам удалось визуализировать одну из важнейших функций «Шанхая» в городе – функцию транспортного узла. В ходе наблюдений удалось зафиксировать, что вокруг рынка складывается разветвленная сеть различных общественных маршрутов – городских, пригородных и даже междугородных. В образе рынка это так же фиксируется, хоть и в очень ограниченной форме. Прежде всего, на это указывают отмеченные на картах направления движения по городу, в то время как пригородное и междугородное транспортное сообщение выпадает из данной картины. Вероятно, что респонденты вовсе не знают о последнем, так как на схемах отсутствует зона, где расположена стоянка автобусов, идущих до Бишкека. В первую очередь, это связано с тем, что они опять не являются частью их повседневной жизни, а также с тем, что данная функция является более актуальной не для горожан, а для работников рынка и мигрантов.

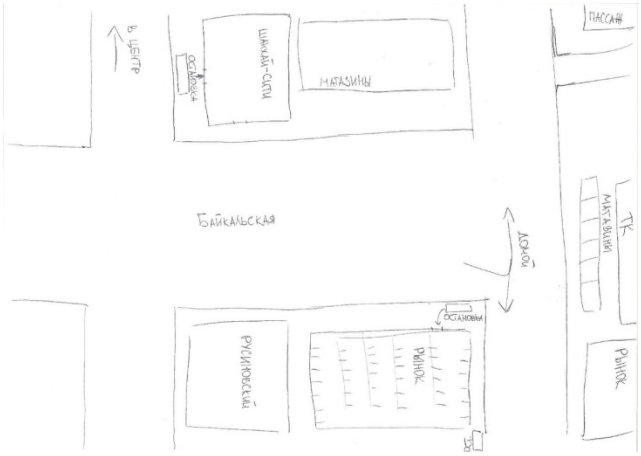

Рис. 2. Ментальная карта «этнического» рынка. Схема № 1

С одной стороны, дорога рассекает пространство рынка, выделяя четко выраженные сегменты и, тем самым, структурируя его. С другой – она выступает в качестве обозначения границ рынка, отделяя две торговые площади (ТЦ «Шанхай-Сити» и Торговая площадь им. П. Чекотова) друг от друга. В этом случае пространство «Шанхайки» воспринимается узко и ассоциируется напрямую с «китайским» торговым центром. Примечательно, что репрезентация подобного образа носит обобщенный характер и отличается изображением укрупненных элементов города. Тем самым это подтверждает предположение К. Линча о корреляции степени освоения городского пространства и значение и выраженность путей в образе [7. С. 53–54].

Показательным является и характер изображения не только дороги, но и ее элементов. Во-первых, это направления, которые связаны с перемещениями по городу и частично демонстрируют маршруты, пролегающие через пространство рынка. В большинстве случаев попытка отобразить свой маршрут через рынок у информантов вызывала затруднения. Информанты объясняли это тем, что их перемещения по рынку хаотичны и, в связи с этим, их сложно визуализировать. Представляется, что немаловажную роль здесь играет незнание структуры рынка, которая при попытке ее изображения отличается у всех информантов, а в некоторых случаях является нечитаемой. Единственными элементами маршрутов (и структуры рынка) являются входы / выходы.

С точки зрения концепции Линча, следует обратить внимание на составляющие, которые были обозначены выше в качестве элементов дороги, а именно остановки общественных маршрутов, перекрестки и т.д. Исследователь рассматривал подобные объекты как самостоятельные сегменты изучаемого образа, которые он обозначил узлами, поскольку они представляют собой стратегические точки, определяющие поведение, траектории движения, смену направления и др. В этом

отношении изображенные информантами перекрестки, светофоры и остановки действительно выполняют роль узлов. Один из респондентов, объясняя свой маршрут, прокомментировал карту следующим образом: «*Здесь просто так перейти на другую сторону не получится, т.к. движение очень плотное. Приходится возвращаться к светофору, ждать, а потом бежать к остановке, чтобы успеть залезть в маршрутку...*».

Таким образом, совокупность узлов, которыми насыщено пространство рынка, определяет регулярный маршрут респондента, которому в силу особенностей ландшафта, а не по собственной воле, приходится менять траекторию и скорость движения. Иными словами, узлы встраиваются в транспортную систему города, видоизменяя практики, связанные с путями, и усиливая характеристики изучаемого пространства.

Следует подчеркнуть, что в изображениях присутствует не только торговая инфраструктура, но и другие элементы – кафе, гостиницы, музей, банк и др., которые были условно определены как близлежащая к рынку инфраструктура. Их включение в образ «Шанхайки» показывает, что горожане чувствуют, что рынок представляет собой не просто зону, связанную с торговлей, а гораздо более сложное образование, выполняющее множество функций в городе. Информанты отмечают, что их посещение рынка чаще связано не с целью совершения покупок, а с тем, чтобы назначить место встречи со знакомыми, перекусить во время обеденного перерыва, осуществить культурные практики (посетить музей, попробовать восточную кухню) или просто пройти или проехать мимо. Фактически, рынок обеспечивает не только экономические потребности людей, но и социальные досуговые, культурные и др., и его образ наглядно отображает эти функции.

На вопрос о значении нанесенных на карту элементов инфраструктуры рынка сложно ответить однозначно. Некоторые элементы, изображенные на картах, присутствуют в качестве ориентира в пространстве «Шанхая», внутренняя структура которого, как уже отмечалось ранее, отличается низкой степенью опознаваемости. Например, нанесение гостиницы на схему, респондент обосновывала тем, что «*где-то здесь находится кафе, мы проезжаем мимо гостиницы, заворачиваем на светофоре и там шашлычка, в которой мы с мужем иногда обедаем…*» (рис. 3). Таким образом, для информанта гостиница не представляет интереса с точки зрения ее прямого назначения, она служит скорее ориентиром – точкой в пространстве, которая указывает на местоположение другой части рынка, которая включена в их повседневность.

Другое значение объектов инфраструктуры, включенных в образ рынка, – обозначение его границ. К примеру, на предыдущей схеме (рис. 2) ряд магазинов, изображенные в верхней части, по словам информанта, *«не относятся к "Шанхайке", а просто показывают, где она кончается. Вокруг рынка же много других магазинов, есть еще один рынок. Но они не относятся к этому рынку, поэтому я выделил ту часть, которая уже не является рынком, но находится как бы между ними…»*. Таким образом, респондент обозначает границу «этнического» рынка, выделяя его из более широкого, торгового пространства, частью которого он является. Более того, данная схема примечательна тем, что граница рынка визуализирована лишь с одной стороны. В остальных направлениях она обрамлена элементами рынка, а часть схемы слева практически пуста, поскольку информант не знает точно, какие конкретно объекты расположены за пределами рыночного пространства. Это еще раз подчеркивает нечитаемость пространства рынка, которая в данном случае дополнительно выражена в неясности границ в его образе.

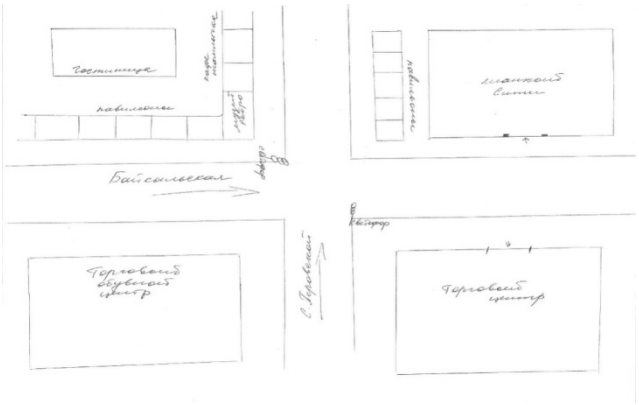

Рис. 3. Ментальная карта «этнического» рынка. Схема № 2

В целом анализ ментальных карт на предмет выявления границ рынка, воспринимаемых горожанами в качестве таковых, продемонстрирован на рис. 4. При сравнении становится очевидно, что реальная территория рынка включает в себя значительно бóльшую площадь и количество объектов, чем фиксируют горожане. В целом границы, зафиксированные с помощью ментального картирования, соответствуют первоначальному расположению рынка. Со временем произошло расширение границ, которое во многом связано с его стихийным развитием, а также с вмешательством городской администрации в работу рынка. Эти меры были проведены с целью благоустройства территории и включали в себя неоднократные попытки ликвидации рынка. Однако вследствие этих действий мигранты перемещались на соседние территории, в результате чего рынок разрастался и приобрел значительные масштабы.

Различие между образом и реальными масштабами демонстрирует, прежде всего, степень освоенности пространства рынка горожанами, так как восприятие рынка основано на личном опыте. Иначе говоря, можно предположить, что часть рынка, выходящая за пределы визуализированного в картах образа, не задействована в повседневных практиках горожан либо не фиксируется как значимая. Действительно, в тех зоны, которые не вошли в образ рынка, располагаются парковка меж-

дугородних автобусов, склады с товаром, закрытые, нефункционирующие здания, которые никак не могут быть задействованы в повседневных практиках горожан.

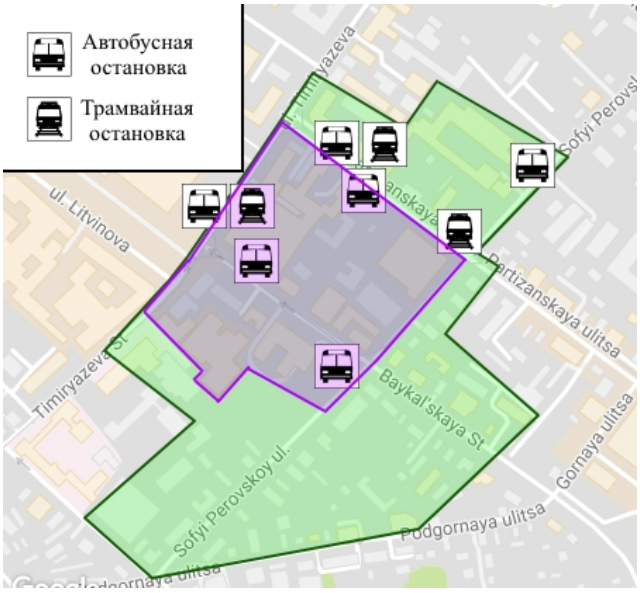

Рис. 4. Границы «этнического» рынка

Помимо степени освоения пространства «Шанхая», различия, выявленные при сравнении образа с действительностью, указывают на устойчивость восприятия рынка, поскольку границы в образе рынка отражают действительность прошлого, в котором рынок занимал значительно меньшую территорию. Несмотря на то, что за несколько десятилетий он претерпел ряд внешних и структурных трансформаций, его образ практически не изменился.

Работа с информантами: процесс создания карт. С. Милграм – один из исследователей, использовавших методику ментального картирования, отмечает, что анализ ментальных карт начинается с наблюдения за информантами в процессе выполнения ими задания. Наблюдение за процессом составления карт может рассказать, что представляется информантам наиболее значительным [11. С. 98]. При этом местоположение объектов, точность выполнения карты в таком случае, по мнению К.П. Глазкова, играют незначительную роль [12. С. 42].

В рамках данного исследования, при обращении к порядку отображения рынка на бумаге, можно выделить два основных способа визуализации его образа. Первый – изображение ТЦ «Шанхай-Сити молл» в качестве главного объекта, вокруг которого далее на бумагу наносятся остальные элементы. Такой порядок, с одной стороны, отражает представления горожан об иерархии (форме организации) пространства, которая напоминает схему концентрических кругов Р. Парка и Э. Берджесса [13]: есть центр или ядро – «Шанхай-Сити», в котором сосредоточены основные процессы и практики (значимые для горожан), а вокруг него располагаются остальные элементы, в меньшей степени задействованные в жизни города и его жителей. С другой стороны, данная стратегия отражает сложность в определении того, что такое рынок. Очевидным для всех является, что это торговый центр, названный в честь «китайского» рынка «Шанхай-Сити» (его информанты рисуют без особых колебаний), а далее – другие объекты, которые напрямую не относятся к рынку, в связи с чем возникают трудности. Процесс рисования с этого этапа становится более вдумчивым, поскольку информанты не только сомневаются в том, что нужно рисовать, но и где. В этом случае респонденты опять же обращаются к изображению торгового центра, который в данном случае служит отправным ориентиром для отображения частей целого образа.

Второй способ заключается в том, что сначала рисуется дорога, которая задает сетку (композицию), на нее уже нанизываются другие объекты (здания, магазины, остановки и т.д.). Это указывает на значимость путей для ориентации человека в пространстве, о которой упоминал К. Линч в своей работе [7. С. 53–55]. Однако нанесение на карту в первую очередь дороги, в этом случае, указывает скорее на способ ориентации человека в пространстве, чем на ее значимость в образе рынка. Следует отметить, что вторым элементом, изображаемым на карте таким способом, снова являлся ТЦ «Шанхай-Сити молл», и далее информанты воспроизводили стратегию, описанную выше.

Не менее важным для анализа образа представляется то, чего информанты не смогли отобразить на своих картах. Прежде всего, это касается структуры рынка. Для большинства информантов это оказалось незначительным, поэтому обобщенный образ состоит из укрупненных объектов, изображенных контурно без каких-либо подробностей. Некоторые респонденты пытались показать внутреннюю структуру рынка, однако все попытки воспроизвести расположение павильонов или торговых рядов «по памяти» представляли собой абсолютно разные картины, которые не совпадают ни друг с другом, ни с реальным расположением (рис. 5). На некоторых картах торговые павильоны в структуре рынка изображаются схематично в форме сетки, но эти схемы не являются информативными, так как не содержат каких-либо сведений о торговых павильонах, их взаимном расположении и т.д.

Отчасти это связано с динамичностью и изменчивостью, которые отличают пространство «этнического» рынка: он постоянно трансформируется, павильоны переносятся, меняются арендаторы и владельцы магазинов. Кроме того, в расположении прилавков отсутствует какая-либо логика, а структура хаотична. Все это обеспечивает нечитаемость пространства, а значит, и необходимость в постоянном освоении преобразованного пространства, которое сопровождает практически каждое посещение рынка горожанами.

Еще один элемент, который не удалось визуализировать информантам, – это вышеупомянутая «этнич-

ность» рынка, которая прочно укоренилась в его материальном облике. К «китайскости» рынка отсылает лишь название торгового центра, который занимает ключевое место во всех картах. На картах это нашло отражение только в названии «Шанхай-Сити», однако киргизский (центральноазиатский) сегмент из этого образа выпал.

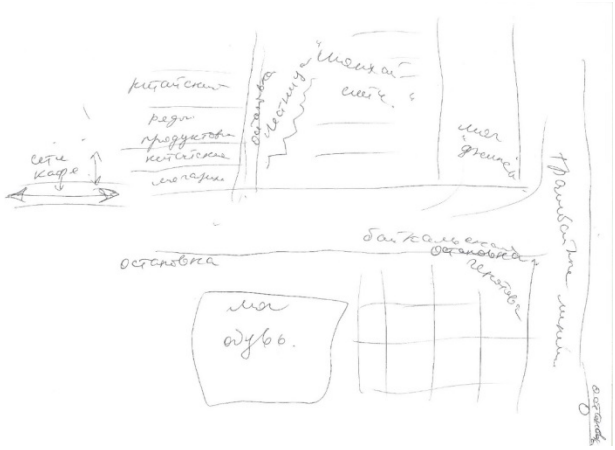

Рис. 5. Ментальная карта «этнического» рынка. Схема № 3

В целом ментальная репрезентация «этнического» рынка г. Иркутска, отображающая образ пространства, который формируется в сознании людей, включает явные и неявные характеристики, зашифрованные в создаваемых изображениях. Иными словами, это визуализация конструкта, который определяет отношение людей к рынку, а также характер их практик и взаимодействий.

Исследование демонстрирует неоднозначность и сложность образа крупнейшего «этнического» рынка г. Иркутска, которая связана не столько с трудностями освоения и осознания внутренней структуры рынка его посетителями, которая отражается не только в самих картах, но и в процессе их создания, сколько с особенностями социально-пространственного развития рынка и взаимосвязями между физическим ландшафтом и его ментальной репрезентацией. В частности, следует отметить, что образ рынка, описанный выше, отличается характеристиками, которые были присущи рынку в начале его существования. Однако процессы преобразования городского пространства, развернувшиеся особенно активно в последние годы, привели к тому, что современная «Шанхайка» претерпела ряд изменений. В результате внешний облик рынка существенно трансформировался как с точки зрения размера занимаемых территорий, так и организации торговли. Тем не менее образ новой «Шанхайки» обозначен старыми границами и сосредоточен вокруг «Шанхай-Сити молла», расположенного на территории бывшего открытого рынка. Это указывает не только на устойчивость образа, но и на фиксацию горожанами преемственности старого и нового рынка, которая отчасти обусловлена эксплуатацией образа, закрепленной в наименовании торгового центра и его оформлении.

Укоренение образа «этнического» рынка находит отражение не только в физическом пространстве, но и в социальном, так как несмотря на внешние изменения, внутренняя организация нового «Шанхая», практики взаимодействия на рынке остаются практически неизменными. Пространство рынка, пережившего ряд значительных изменений, все еще отличается нечитаемостью внутренней структуры, низкой степенью освоенности горожанами, обусловленной динамикой происходящих изменений, а также пространственными взаимосвязями рынка с другими городскими системами, которые определяют многофункциональную природу пространства рынка и делают его одним из ключевых факторов пространственного развития города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
2. Дятлов В.И. «Этнические» рынки в современной России – ускользающий объект исследовательского внимания // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 16–41.
3. Мокроусова А.К. Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 3, т. 15. С. 173–181.
4. Недосека Е.В., Волков В.В. Ментальная репрезентация пространства молодежи г. Мурманска // Регионология. 2014. № 4 (89). С. 179–189.
5. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015.
6. Бунич Е.А. Методы изучения восприятия городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6 (112). С. 43–47.
7. Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982.
8. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
9. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5–29.
10. Григоричев К.В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 86–104.
11. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб. : Питер, 2000.
12. Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.
13. Park R.E., Burgess E.W. The City. London; Chicago : The University of Chicago Press, 1925.

Diana E. Bryazgina. Tomsk State University (Tomsk, Russia), Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: br.diana21@gmail.com

THE “ETHNIC” MARKETS IN IRKUTSK: MENTAL REPRESENTATION OF URBAN SPACE

Keywords: the “Ethnic” Market; Urban Space; Image of the City; Mental Maps.

The main purpose of this article is studying of special features of space perception in relation to one of the hugest “ethnic” markets in Irkutsk which is called “Shanhai”. The focus of the research is to visualize the image of this market. The investigation discovered hid-

den, non-reflective characteristics that influence both citizens' attitude towards the market, different interaction practices with it and transformation and development of urban space.

Design of this study is based on methodological strategy of K. Lynch. The crucial data collection method is mental mapping of the territory. Generally, this research instrument is complemented by an interview. The mental maps, created by informants on researcher's assignment, were analyzed through Lynch's theory where he distinguished the number of universal elements. This scheme is the base for the primary data analysis.

The interpretation of mental maps demonstrates the image of the "ethnic" market consists of basic elements that K. Lynch mentioned about in his research. The complex of these elements points out that from citizens' perspective the space of the market is heterogeneous and non-readable. The respondents had some difficulties revealing the structure of the market and marking its boundaries. At the same time, there was clear understanding of market's localization in the citizens' consciousness. Besides, the comparison of the mental representation and real picture which was constructed from field observations showed that the image of the "ethnic" market complies with the features that were typical for this market in the past. Some characteristics of the mental maps (like space boundaries and specificity of landscape) defines that this image was formed during creating the market. However, the following changes that were connected with the measures for the improvement of urban environment are not reflected on the maps. In other words, the image of the "ethnic" market has special sustainability because there are no any transformations which happened and changed significantly the space of the market.

Nevertheless, the mental representation of the market is based on the image of elder "Shanhai" but still has strong link with the new market. This fact means that there is an idea of continuity between two stages of existing of the market in its image. In this relation, the social interactions at the markets should be understood as the part of this processes because its forms and importance have the same persistence in spite of changes of external shape.

REFERENCES

1. Trubina, E.G. (2010) *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The City in Theory: Experience in Understanding Space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Dyatlov, V.I. (2015) "Etnicheskie" rynki v sovremennoy Rossii – uskol'zayushchiy ob"ekt issledovatel'skogo vnimaniya ["Ethnic" markets in modern Russia – an elusive object of research]. In: Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: a trading space and a meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 16–41.
3. Mokrousova, A.K. (2012) Obrazy goroda kak resurs analiza sotsial'nogo prostranstva [Images of the city as a resource for the social space analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 3(15). pp. 173–181.
4. Nedoseka, E.V. & Volkov, V.V. (2014) Mental Representation of the Youth Space in the City of Murmansk. *Regionologiya – Regionology*. 4(89). pp. 179–189. (In Russian).
5. Lefevre, A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Production of Space]. Translated from French by I.K. Staf. Moscow: Strelka Press.
6. Bunich, E.A. (2012) Metody izucheniya vospriyatiya gorodskogo prostranstva [Methods of studying the perception of urban space]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 6(112). pp. 43–47.
7. Linch, K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Translated from English by V.L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat.
8. Serto, M. de. (2013) *Izobretenie povsednevnosti* [The invention of everyday life]. Translated from French. St. Petersburg: Europa University Press in St. Petersburg.
9. Veselkova, N.V. (2010) Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktika ispol'zovaniya [City mental maps: questions of methodology and practice of use]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie – Sociology : Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. 31. pp. 5–29.
10. Grigorichev, K.V. (2015) Bazar i gorod: "kitayskiy" rynok kak tochka sborki gorodskogo prostranstva [Bazar and the city: "Chinese" market as a point of urban space assemblage]. In: Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: a trading space and a meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 86–104.
11. Milgram, S. (2000) *Eksperiment v sotsial'noy psikhologii* [Experiment in Social Psychology]. Translated from English by N. Malgina et al. St. Petersburg: Piter.
12. Glazkov, K.P. (2013) Mental maps: ways of analysis, distortion and space metric. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 3. pp. 39–56. (In Russian).
13. Park, R.E. & Burgess, E.W. (1925) *The City*. London; Chicago: The University of Chicago Press.

УДК 39
DOI: 10.17223/19988613/59/18

Г.В. Грошева

МЕЖДУ «СТАРОЙ» И «НОВОЙ» РОДИНОЙ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

Работа написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Статья посвящена изучению представлений о родине и факторов их формирования у русскоязычных немцев – поздних переселенцев (Spätaussiedler), прибывших в Германию из стран бывшего СССР в 1990-е гг. У респондентов исследуемой группы прослеживается тенденция трансформации понятия родина «историческая», одновременно складывается концепция «двух родин». Германия, как «новая Родина», наделяется такими характеристиками, как социально-экономическая стабильность, правовые гарантии, предсказуемость. «Старая» Родина воспринимается как источник значимых личных смыслов и внутреннего психологического удовлетворения.

Ключевые слова: Родина; идентичность; поздние переселенцы; русские немцы; Германия.

Образ Родины является основанием не только коллективной идентичности, но и стержнем самоидентификации человека. Особый интерес вызывают представления о родине людей, оказавшихся вне места своего рождения, переехавших на постоянное место жительства в другую страну. В нашем случае – это русскоязычные немцы, прибывшие в Германию по программе поздних переселенцев (Spätaussiedler) из стран бывшего Советского Союза в 1990-е гг., в период четвертой волны иммиграции. Неизменный рост численности немцев-переселенцев в современной Германии и сохраняющиеся сложности их интеграции в немецкое общество обусловливают необходимость изучения факторов формирования идентичности русскоязычных немцев, оказывающей непосредственное влияние на процессы их социальной адаптации.

Согласно статистике Федерального административного ведомства Германии, с 1990 по 2017 г. из стран СНГ переехало 2 127 338 переселенцев [1. P. 5; 2]. В 2017 г. наибольшее число переселенцев приехало из Российской Федерации – 2 078 человек, из Казахстана – 1 785, Украины – 510, Кыргызстана – 88, Белоруссии – 76 человек. К примеру, из стран Восточной Европы в этом же году в Германию прибыло 11 человек, в том числе с территории Польши – 7, Румынии – 3, бывшей ЧССР – 1 [3]. За январь–июнь 2018 г. в страну прибыло еще 2 716 человек [2] В целом на июнь 2018 г. численность русскоязычных немцев из стран бывшего СССР составила 2 391 478 человек (1950–2018 гг.).

В российской науке существует множество работ, посвященных различным аспектам изучения вопросов эмиграции русскоязычных немцев-переселенцев в Германию, их интеграции и социальной адаптации, опыта реэмиграции и др. Среди известных исследователей, работающих в этой области, можно назвать М.С. Савоскул, Е.В. Казарцеву, И.В. Лебедеву, М.А. Ефремову, Ю.В. Иванову-Бучатскую, Е.Ю. Протасову и многих других. Имеются специальные работы по изучению институциональных условий интеграции российских немцев в Германии, деятельности отдельных общественных организаций русскоязычных немцев-переселенцев (Е.В. Бадалова, Л.О. Самсонова) [4, 5], интеграции русскоязычной молодежи в немецкое общество (Е.В. Казарцева, В. Стерликов) [6, 7].

Особый интерес в контексте рассматриваемой темы имеют работы, посвященные такой проблематике, как идентичность и трансформация самосознания немцев-переселенцев. Так, например, К. Менг и Е.Ю. Протасова анализируют попытки советских (российских) немцев заново определить свою этническую принадлежность – не только по крови, но и по языку и культуре; описывают как под влиянием прежней исторической памяти и нового переселенческого опыта менялась их самоидентификация (в частности, отраженная в самоназвании) [8]. В.Д. Попков в своих работах осмысляет такие сюжеты, как владение русскоязычными переселенцами (русские немцы, русские евреи, русские) информацией о Германии до миграции, восприятие ими СССР и советской действительности, личная оценка причин переезда, внешние поведенческие модели и самоидентификация. Автор характеризует сети связей русскоязычных иммигрантов в Германии (особенности формирования внутренних границ, кроссгрупповые границы в русскоязычном сообществе, связи со странами исхода) [9, 10]. На основе исследований делается вывод, что не только русский язык и культура, но и ценности и поведенческие нормы, сформированные в ходе социализации и инкультурации в бывшем Советском Союзе, не исчезли с распадом СССР, а продолжают транслироваться мигрантами из СССР в местах их настоящего проживания. Ю.В. Иванова-Бучатская описывает, как проявляет себя идентичность пересе-

ленцев в культуре оформления жилого пространства [11]. В работах перечисленных выше авторов поднимается и проблема трансформации образа Родины в сознании немцев-переселенцев, и влияние этого процесса на формирование их идентичности и интеграцию в немецкое общество, однако эта тема до сих пор не стала предметом специального изучения.

Цель статьи – выявить характер представлений о Родине в среде русскоязычных немцев-переселенцев из стран бывшего Советского Союза и факторы их формирования. В нашем случае это представители этнически смешанных русско-немецких семей, переехавшие в основном из России, а также из Казахстана и Кыргызстана. В общественном дискурсе Германии, эта категория иммигрантов, несмотря на страну исхода, именуется «российскими» или «русскими» немцами. Термин «русские немцы» также является одной из форм самоназвания поздних переселенцев, определяющими характеристиками самосознания которых часто являются не этничность и гражданство, а язык («русскоязычность») и культурные практики [8. С. 16–18; 9. С. 144–145]. Использование этого термина в статье также обусловлено спецификой эмпирической базы исследования – обращением к анализу материалов интервью с респондентами, состоящими в этнически смешанных русско-немецких браках или рожденными в смешанных браках (имеющими русско-немецкое этническое происхождение).

Поднимаемая в работе проблематика требует осмысления в рамках методологии транснационализма, согласно которому оказывается возможным отказ от анализа феномена миграции через призму национального государства, а мигранты могут рассматриваться как обладатели двух и более идентичностей, включенные в социокультурную среду, экономическую и, часто, политическую жизнь как принимающих государств, так и стран исхода [12, 13]. В отношении русскоязычных немцев-переселенцев этот подход активно применяют в своих работах М.С. Савоскул и В.Д. Попкова. М.С. Савоскул дает характеристику основных типов трансграничных связей российских немцев, выявляет факторы, определяющие типы и интенсивность этих связей, оценивает их вклад в развитие региона выхода, описывает внутренние сети взаимодействия немцев-переселенцев [14–16]. В.Д. Попков анализирует созданное русскоязычными мигрантами трансгосударственное / транснациональное русскоязычное пространство, пишет о выстраивании ими между страной поселения и странами исхода связей высокой интенсивности и частоты [9].

В исследовании используется микроисторический подход, в центре внимания которого находятся, прежде всего, конкретный человек, его внутренний мир и социальные практики. Выбор микромасштаба дает возможность взглянуть на происходящие процессы с позиции их участников [17. С. 92], реконструировать жизненные стратегии, видимые «только с очень близкого расстояния» [18. С. 17], увидеть, как в судьбу «маленького человека» вписалась большая история [19. С. 8]. При анализе материалов интервью, составивших источниковую базу работы, в качестве вспомогательного применялся метод лингвистического дискурс-анализа, суть которого состоит в интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой коммуникации людей, осуществляемой в конкретных культурно-исторических условиях [20]. Это позволило выявить основные характеристики образа Родины и проследить реализацию установок в отношении данного концепта, проявляющихся на вербальном уровне.

Работа основана на эмпирическом материале, собранном в 2014 г. в Филлинген-Швеннингене (федеральная земля Баден-Вюртемберг, ФРГ). Методы исследования включали полуструктурированные глубинные групповые и индивидуальные интервью, а также включенное наблюдение. Во время интервью затрагивались такие темы, как история переезда в Германию, преимущества и сложности жизни в Германии, особенности взаимоотношений между российскими немцами и немцами Германии, проблемы самоидентификации переселенцев и их интеграции в немецкое общество и др. Тема Родины в интервью не задавалась специально, обращение к ней происходило естественным образом в ходе рассуждений. Тем не менее материалы интервью составили полноценную источниковую базу для изучения обозначенной темы, дают комплексное представление о формировании образа Родины в сознании исследуемой группы русских немцев.

Интервью проводились на русском языке, в виде свободной беседы, и записывались на диктофон с согласия собеседников на условиях сохранения конфиденциальности, поэтому при цитировании материалов в статье используется шифрование с указанием пола, возраста и места рождения респондентов. В фокусе исследовательского интереса оказались три молодые супружеские пары, каждый из супругов в которых родился в этнически смешанной русско-немецкой семье (активное участие в интервью принимали 5 человек). Молодые респонденты переехали в Германию с родителями в 1995–1997 гг. в возрасте 8–14 лет, создали там семьи и на момент интервью уже имели собственных детей. Все респонденты этой группы успешно освоили немецкий язык, получили высшее – Hochbildung (3 муж. и 1 жен., родились в России) и среднее специальное – Ausbildung (2 жен., место рождения – Казахстан и Киргизия) образование и работают по специальности. В поле внимания оказались и представители старшего поколения – две супружеские пары в возрасте 58–65 лет, являющиеся родителями части из указанных выше респондентов (активных собеседника – 3 человека). Это явилось важным моментом, позволяющим обратиться к вопросу о роли семьи в социокультурной адаптации и формировании идентичности представителей молодого поколения мигрантов. Три респондента

старшего поколения (1 муж. и 2 жен.) имеют высшее образование, у одного – среднее специальное. Каждому из них удалось найти постоянное место работы в Германии, но лишь один трудоустроился по специальности (1 муж., высшее образование). Переезд для этой группы респондентов, за исключением одного случая, сопровождался снижением социального статуса. Три респондента (2 муж. и 1 жен.) из этой группы родились в России, один (жен.) – в Казахстане. На момент переезда в Германию обе супружеские пары проживали в России. Всего в центре внимания, учитывая метод включенного наблюдения, оказались 15 человек (представители трех поколений: молодые супружеские пары, их дети и родители).

Указанным респондентам, с целью углубления изучения их представлений о Родине и выявления динамики этих представлений, в 2018 г. было предложено дистанционно принять участие в полуструктурированном анкетировании. В содержание гайда были включены такие вопросы, как «Что такое Родина?», «Где сейчас Ваша родина?», «Что Вам приходит на ум, когда Вы слышите об СССР? О России?», «Что сейчас чаще всего вспоминается о жизни в СССР? В России?». Формулировка вопросов была заимствована из составленного В.Д. Попковым «Путеводителя тематически-центрированного интервью» (Тема 5. Идентичность) [9. С. 462–463] с целью сопоставления результатов исследований автора путеводителя и автора настоящей статьи. Замысел реализовать не удалось, поскольку на предложение об участии в анкетировании откликнулось всего 2 человека. Использование же материалов анкетирования в статье позволило проследить динамику изменений в установках респондентов на индивидуальном уровне и зависимость этих установок от внутренних и внешних факторов.

Эмпирическая база исследования позволяет систематизировать материал в соответствии со следующими выделенными сюжетами: причины переезда в Германию и рассуждения о потере «старой» Родины, образ Родины в контексте ностальгии по СССР и стране исхода, проблема идентичности и роль представлений о Родине в ее формировании, понятие Родины в контексте проблем интеграции и социальной адаптации, отношение респондентов к современным России и Германии.

Причины переезда в Германию и рассуждения о потере «старой» Родины. В 1990-е гг., на которые приходится переселение участников опроса в Германию, страны СНГ переживали тяжелые времена. Следствием распада СССР стали экономическая разруха, неустойчивая политическая ситуация, угроза разрастания военных конфликтов и др. Отсутствие видимых перспектив улучшения ситуации побуждали русскоязычных немцев к выезду из стран постсоветского пространства. Для немцев-переселенцев из республик СССР – это и начавшиеся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы дискриминации по этническому признаку, приводившие к их частичной языковой и социальной изоляции (как русскоязычного населения) и побуждавшие к выезду в Германию. Многими немцами двигало желание вернуться на свою историческую родину. Начало массовой эмиграции немцев из республик бывшего СССР было положено принятием в 1986 г. указа М. Горбачева «О въезде и выезде из СССР», однако пик переселения приходится на период 1991–1995 гг., когда на постоянное место жительства в Германию уехали 825 546 этнических немцев [21. С. 156]. Переезд в Германию поздними переселенцами связывался с наличием более широких перспектив собственной реализации и лучшего будущего для своих детей. Переселенцами двигало желание стать частью общества с более высоким жизненным стандартом с определенными социальными гарантиями и стабильной правовой системой.

Все участники интервью, вне зависимости от возраста и этнического происхождения (немецкого, русского, смешанного немецко-русского), отметили, что основной причиной эмиграции из стран постсоветского пространства для них было не возвращение на историческую родину, а болезненная экономическая трансформация и ухудшение социально-политической ситуации в стране исхода вследствие развала СССР, тревога за будущее своих детей.

«Если бы не развал Советского Союза, не было бы такого массового переселения. Было бы как в 70-х годах уезжали… Поехали не потому, что остро затосковали, не потому, что хотят на свою родину, в Германию. <…> А потому, что там развалили то, где мы родились, к чему привыкли. <…> И вот просто от того, что начался хаос, по-другому и не сказать, многие семьи спасали своих детей от того беспредела, чтобы они не стали там наркоманами, еще кем-то. <…> И поехали в ту страну, где было благоприятней для своей семьи. Все. Элементарно, вот чувство выживания людьми тогда двигало» (Ж., 58 лет. Казахстан)[1]. В 2018 г. эта же респондентка пишет о Советском Союзе следующее: *«Вот где Родина, ее нас лишили без нашего ведома, вот и побрели полстраны по свету, чтобы детей сберечь…»*. Рассказы женщины наполнены эмоциональными моментами, она повествует не об обычных финансовых трудностях, с которыми столкнулась ее семья – для их семьи это был вопрос «спасения» и «выживания». В цитируемых рассуждениях отчетливо звучит мотив лишения родины: разрушение СССР указывается как внешняя причина ее потери.

Один из участников интервью, респондент-мужчина, отметил в качестве причины переезда страх возможного привлечения государством его сыновей к участию в военных действиях в Северо-Кавказском регионе: *«Элементарно от войн, агрессора… Чечня»* (М., 60 лет. Россия). Необходимо отметить, что его семья эмигрировала из России в 1995 г., в период Первой чеченской войны (1994–1996 гг.), дети были еще школьного возраста. Однако призывной возраст парней

пришелся бы на время Второй чеченской кампании (1999–2009).

Респонденты из числа молодежи в качестве причин переезда в Германию также отмечают социально-экономическую нестабильность и желание старших родственников обеспечить им благополучное будущее.

«Вообще мы из Сибири ехали сюда, скажем, на такой волне – все ехали. Все "за бугор" смотрели. <…> Если бы вот переместиться во времени, то мы бы вряд ли куда-то поехали. Просто тогда было очень сложно, поэтому уехали» (М., 32 года. Россия).

«Мы приехали из Казахстана. <…> В 97-м году. <…> Там развал, разруха, ужасно было. Света не было там, я не знаю, неделями. Понятное дело, что нужно было собираться. Мама моя, конечно, против была. Не совсем хотела, потому что у нее там мама осталась и брат. <…> Но моя бабушка сказала: "Езжайте!", потому что ради детей, да» (Ж., 34 года. Казахстан).

При этом респонденты продемонстрировали понимание, что цели отъезда российских немцев разных волн миграции различаются, что есть и те, кто уезжал в Германию, прежде всего, руководствуясь желанием вернуться на свою историческую родину. При этом отмечается немногочисленность таких эмигрантов и их принадлежность к переселенческой волне 1970-х гг. *«И потом еще, переселенцы – это слово одно, а оно же тоже очень многослойное. Если, допустим переселенцы 70-х годов – это одни переселенцы, 80-х – другие, 90-х – это вообще третьи. <…> Скажем, в 70-х годах, которые приехали, они интегрировались. <…> Это ехали те люди, которые, действительно, хотели на свою историческую родину. Им так внушили родители, что если будет возможность, то уезжайте в Германию – это наша Родина»* (Ж., 58 лет. Казахстан). Представители молодого поколения отмечают, что установки молодежи в подобных случаях во многом зависят от позиции их родителей, их отношения к стране исхода и принимающей стране: *«Ну, во-первых, я думаю, многое от родителей идет. Я думаю, большая часть, наверное <…> Нас там ни за кого не считали <…> Это наша родина, мы сюда приехали. Вот наша родина. Там мы вообще никто были <…> Мне кажется это детям, как-то накручивая, говорят»* (Ж., 34 года. Казахстан).

Интересно встретившееся в среде респондентов старшего поколения переживание о том, что, переехав в Германию, они лишили своих детей родины. *«Но вот у меня, например, неприятное чувство внутри есть, то, что мы у детей отобрали Родину. У них практически сейчас нет ни здесь родины, ни в России. Они как бы между двумя странами, где одной родины, ну, с великим патриотизмом, что ли, нету. Потому что мы их, как бы, разорвали. Мы дали им еще часть какой-то родины. Пусть по матери, потому что мама – немка в поколениях. А вот чувства такой Родины, действительно, отобрали. Потому что они туда приезжают – они там не совсем свои, и здесь не совсем свои. И вот чувство Родины, я думаю, такое сомнительное у многих русских переселенцев»* (М., 60 лет. Россия). Вновь звучит мотив лишения родины, однако в данном случае речь идет не о внешних причинах, а о чувстве собственной вины перед молодым поколением за то, что они «отобрали» у них родину – Родину с «с великим патриотизмом».

В рассуждениях респондентов отчетливо выражены «внешние» факторы эмиграции немцев вследствие распада СССР («развалили, «лишили»), ключевыми среди которых названы экономическая разруха, хаос, беспредел, угроза жизни. В отношении стран исхода респонденты не выразили негативных эмоций, не упоминали фактов дискриминации в свой адрес по этническому принципу, некоторые из респондентов отметили, что не уехали бы при других обстоятельствах. Для большинства эмиграция не воспринималась как возвращение на историческую родину; немецкое происхождение одного из членов этнически смешанных семей было основанием для переезда в Германию, с которой связывались надежды на благополучное будущее. В среде старшего поколения присутствует чувство вины перед детьми, оставленными без Родины («отобрали», «разорвали») / с «сомнительным» чувством Родины / «между двумя странами».

Образ Родины в контексте ностальгии по СССР и стране исхода. Достаточно интересным оказывается обращение респондентов и старшего, и молодого поколений к сюжету о ностальгии по отношению к СССР и стране исхода. Кто-то из интервьюируемых очень кратко, не разворачивая тезиса, отметил: *«Ностальгия по тем временам»* (М., 60 лет. Россия), кто-то уделил этому сюжету особое внимание. Респондентка старшего поколения из числа этнических немцев, родившаяся и жившая до 17 лет в Казахстане, затем уехавшая в Сибирь для продолжения учебы и впоследствии переехавшая туда на постоянное место жительства, на вопрос о каком месте она больше скучает о Казахстане или России, ответила: *«Нет, по Советскому Союзу, вот это вот была страна – интернациональная. И вот когда нынче в Турции мы встретили казахов – это наши казахи, это не турки, не арабы, которые скажем для нас люди другой национальности, а казахи – они наши. Вот украинцы со своими веночками на голове – это наши, чеченцы со своими чеченскими танцами – это наши, грузины со своими грузинскими танцами и со своим разноголосьем – это наши. И никак… не можем мы вот с эти согласиться, что все это "не наше" теперь, скажем. Мы все были как бы братья»* (Ж., 58 лет. Казахстан).

Такая позиция встретилась и среди собеседников из числа молодого поколения респондентов. *«Да, ностальгия немножко есть. Мне кажется, у нас ностальгия по Советскому Союзу, больше чем у тех, кто живет в России. Потому что мы приехали из того времени, и у нас остановилось это. До сих пор мы живем головой в 90-х годах, где-то. <…> В 80-х, да», «Ну как-то передается, мне кажется через родителей. Все*

равно, какие-то воспоминания, которые… даже вот мы иногда смотрим видео… мы там жили. Все равно приятные ощущения» (Ж., 31 год. Россия). Вновь отмечается роль родителей в передаче установок в отношении «старой» Родины и формировании ее образа. Стоит отметить, что отец цитируемой респондентки (русский по этническому происхождению) привез из России и сохранил ее школьную форму, пионерский галстук, прописи, тетради по различным предметам. Однако наиболее персонифицированными и эмоциональными оказались воспоминания собеседницы о родном сибирском городе, в котором она провела свое детство, о покинутых друзьях: *«И что помню из России. Детство немножко вспоминаю. И помню, что когда мы уезжали, было очень сложно. И не то, что мы покидали Россию, а просто покидали друзей. <…> Россия, да. Приятно, хорошо. Но вот больше к людям, все равно, тянет»*, *«Да, мы с папой я помню… Каждый раз я его затаскивала в кафе "Золотой ключик" в Томске. И первым делом, когда я приезжаю в Томск, я… Обязательно идем в это кафе и не знаю, по 10 мороженое там съедаю, потому, что хочется именно вот этот знакомый вкус с детства».*

Интересно замечание цитируемой выше представительницы старшего поколения, в котором она весьма рационально объясняет, почему кто-то испытывает ностальгию больше, кто-то меньше, а кто-то и вовсе ее не испытывает. *«Есть много людей, которые приехали из разных мест, русскоязычные. И в Казахстане, допустим, до одного из областных центров или до города 400 км, до другого 200 без всяких дорог – это такая деревня, где не было ни света, ни воды – ну что о ней вспоминать, скажем. Или, допустим, люди приехали из Томска, или люди приехали из Питера, или из Москвы – это ж совершенно другие люди. Или те, кто приехал с Краснодарского края, где рай – в том смысле, что в саду все само растет. <…> И скучать кому-то есть по России, а кому-то не почему. Или, допустим, из Киргизии и Казахстана многие семьи выехали прямо вместе, деревнями. Прямо были немецкие деревни и все, не осталось никого. Прямо братья, сестры, все соседи, все здесь. И еще, небольшое такое вот наблюдение. Ностальгия больше у тех людей, которые приехали из России. Не из республик, а из России»* (Ж., 58 лет. Казахстан).

В этих рассуждениях присутствует понимание того, что чувство ностальгии (ее наличие или отсутствие) зависит от отношения к малой родине, конкретному месту проживания, сохранения или потери личных связей с прежним местом жительства («выехали прямо вместе», «не осталось никого»). Тезис о том, что ностальгия больше проявляется у тех, кто эмигрировал из России, а не из других стран СНГ, может также служить косвенным свидетельством сожаления об утрате Родины как единого русскоязычного культурного пространства.

Приведенные выше высказывания респондентов являются яркой демонстрацией того, что ностальгия у русских немцев проявляется скорее не по стране проживания, а по конкретному месту, малой родине («кафе "Золотой ключик" в Томске», «…Краснодарского края, где рай»), по времени («по тем временам», «приехали из того времени», «живем головой в 90-х годах. <…> В 80-х», «знакомый вкус с детства»), людям («покидали друзей», «больше к людям… тянет»), по определенному культурно-цивилизационному пространству («была страна – интернациональная», «все были как бы братья»). Основной мотив этих рассуждений – это рассказ о «потере старой Родины», потере СССР, воплощающего в себе образ идеальной Родины – единой, сильной, многонациональной, образ транслируемый старшим поколением – младшему.

Проблема идентичности и роль представлений о Родине в ее формировании. Анализ материалов интервью показывает, что для большинства респондентов из исследуемой группы, уже долгие годы проживающих в Германии, вопрос самодентификации продолжает оставаться актуальным. В ходе бесед они определяли себя как «немцы», «российские немцы», «русские немцы», «русские», «наполовину русские, наполовину немцы» и др. Только для информантов-мужчин старшего поколения (этнических русских) свойственна четкая идентификация себя как «русских». Для молодежи в большей степени характерна двойная русско-немецкая идентичность; у представителей мужского пола – с ярко выраженным превалированием русской. Переселенцы и первого, и второго поколения живут с осознанием принадлежности к двум мирам, двум культурам. Однако в размышлениях о Родине их позиции не столь одинаковы.

«А вот насчет того, какие мы, как мы себя идентифицируем. То есть мы русские или немцы? Вот у меня вот такое представление. Вот так вот глобус. Вот здесь Россия и здесь Германия. И одна богатая, и культурная, и развитая страна, и другая богатая традициями. Я допустим вот чистая немка, я всегда… Ну, и я люблю очень сильно русский народ. Ну, вот это просто, когда любишь кого-то, ни за что, а вопреки, скажем. Ну, вот просто люблю русских. И я так счастлива, что у меня дети наполовину русские, наполовину немцы, как будто мы одной рукой держим Германию и Россию другой рукой. Мы как бы являемся посредниками» (Ж., 58 лет. Казахстан).

Для цитируемой респондентки характерны и рассуждения космополитического характера: *«И вообще, честно сказать, нет у людей родины, есть одна Земля. И только тут я поняла, что мы все одинаковые. <…> Мы вот, турки тут вот работают, или итальянцы, или греки, или русские, или немцы – мы все в одной лодке. Все. И не важно, на каком языке мы разговариваем».*

Эта же респондентка в 2018 г. в анкете на вопрос «Где сейчас ваши Родина?» ответила: *«Моя Родина – СССР. Для всех людей моего поколения из всех республик (в Москве я разговаривала с таксистом – грузином, проживающим в Москве 30 лет), Родина – СССР. Или*

для большинства. РАВЕНСТВО, БРАТСТВО, ДРУЖБА. А сейчас особенно ценим это бедное, но дружное прошлое... Спустя годы, понимаешь: лучше шоколад в газетной обертке, чем <…> Там жила душа. Здесь все блага для тела». Можно предположить, что такая эволюция суждений связана с процессами трансформации идентичности немцев-переселенцев в новых социокультурных условиях после переезда в Германию и с осмыслением современных меняющихся социальных и политических реалий.

Пример рассуждений о родине переселенца старшего поколения (этнического русского) наглядно демонстрирует соотнесение Германии как «места проживания» с комфортом, достатком и уверенностью в будущем: «*Живу я здесь, а душа моя – там. Здесь комфортнее, спокойнее. Я за детей спокоен, за их будущее. Я очень мечтал, чтобы они образованными стали. Ну, как минимум, чтобы институт закончили. Это исполнилось. Я доволен. Организовали семьи, появились внуки. Все очень хорошо. Жить здесь можно. Но както слишком спокойно, что ли… Как на кладбище.* (Смеется. – *Примеч. авт.*). *Все как на озере, вода так потихонечку течет»* (М., 60 лет. Россия). В Германии – спокойствие, удовлетворенность и предсказуемость, граничащие со скукой, а «душа» респондента – «там», в России. Понятие родины для русских по этническому происхождению респондентов старшего поколения однозначно соотносится с Россией.

Высказывания молодых переселенцев разнятся: «две родины», «родина больше в России», «родина – в России». Первые две позиции доминируют в их сознании и предполагают наличие «двух» родин. Пример этой группы респондентов, относящихся к одной социальной нише, свидетельствует о том, что разница в установках не всегда определяется уровнем владения немецким языком и степенью интеграции в немецкое общество.

«Я говорю: “У меня две Родины!” Мне Россия дала очень многое. <…> А здесь мне Германия дала и образование, и спортом мы здесь стали заниматься. Здесь и жена у меня, и ребенок. Все получается здесь. <…> Все равно ближе… Я до сих пор чувствую, что я из России, мои корни в России. И на русском я разговариваю» (М., 33 года. Россия).

«Ну, у меня супруга, она тоже можно сказать, из бывшего Советского Союза, из Киргизии. <…> Для меня всегда было важно – русская девушка, потому что менталитет такой же и культура. Все-таки, хоть я и приехал в 11 лет сюда, все равно мне ближе русская культура, менталитет»; «В 11 лет приехал, сейчас 30 лет. Прожил больше, но все равно, как бы, видимо осталось то, что было заложено в России. Все-таки, Родина больше там, конечно» (М., 30 лет. Россия).

У русскоязычных немцев-переселенцев формируется осознание своей отличительности и от коренных немцев, и от русских страны исхода. В размышлениях об идентичности переселенцев второго поколения можно обнаружить одновременно и декларируемое чувство принадлежности немецкой и русской культурам, и некий маргинальный статус пребывания вне этих культур. *«Это сосуд, в который все слили, и там это все размешалось. Вроде как, и не там, и не здесь. Вроде как, географически над Польшей зависли. И все, и не понятно где. И, вроде, не немцы, и уже не русские. Ну, мне так кажется, я так себя чувствую. Если разговаривать с русскими, с настоящими русскими в России – это другие люди, на самом деле. Все равно они по-другому мыслят, и они реагируют на слова по-другому»* (М., 32 года. Россия). Отсюда у собеседника и сложный комплекс чувств в размышлениях о родине: *«Чувство Родины мне, кажется, есть, но оно, может быть, искаженное. Кажется, что родина, все-таки, в России. <…> А ты думаешь, надеешься и желаешь самого доброго России, Родине, в принципе, по сути. То есть, патриотизм-то существует. <…> То есть, получается, что чувство Родины есть и патриотизм, но это где-то там, а я – то здесь. Поэтому нельзя все-таки категорично сказать, что Родина и Россия – вот этим я живу. Сложно, это очень сложно».* Однако в 2018 г. этот же респондент на вопрос «Где сейчас Ваша Родина?» дал уже краткий и однозначный ответ: *«Моя родина – Россия».*

Респонденты из числа второго поколения иммигрантов стараются приобщить своих детей, родившихся в Германии, к русскому языку и русской культуре. В молодых семьях разговаривают на русском языке, воспитывают детей на русских сказках, учат их читать и писать по-русски. Ответы респондентов на вопрос «Почему Вы придаете большое значение обучению детей русскому языку?» свидетельствуют о желании сохранения психологически комфортной среды общения в семье и стремлении сохранить память об исторической родине.

«Если наши дети не будут разговаривать на русском, то их дети, может уже и знать не будут, что кто-то там когда-то приехал из России. <…> Поэтому и детям это надо дать, чтобы они несли это, не стеснялись этого» (Ж., 34 года. Казахстан);

«Мне кажется нельзя забывать корни. Все равно нам очень важно, чтобы наш ребенок разговаривал по-русски. И знал где-то и корни, и историю своей страны, России. Потому что как-никак все равно мы оттуда» (Ж., 31 год. Россия);

«Внучка тоже говорит на русском (возраст девочки 4 года. – *Примеч. авт.*) *<…> На русском языке с ней говорить интереснее. С ней можно общаться, разговаривать; она знает очень много слов. <…> Песни слушает на русском. Гимн российский почти наизусть знает»* (Ж., 59 лет. Россия).

Молодежь воспроизводит модель поведения своих родителей, не давших им забыть русский язык и культуру, что является ярким примером вертикальной культурной трансмиссии – передачи культурных ценностей, убеждений, умений и мотивации от родителей к детям [24. С. 391].

Немаловажным для сохранения русской составляющей идентичности и ментальной связи с покинутой родиной стало и то, что при переезде в Германию респонденты решили сохранить себе и детям русские имена и фамилии. При получении новых документов у них, как представителей смешанных немецко-русских семей, на основании Закона о перемещенных лицах и беженцах (§ 94) [25] была возможность сменить имена и фамилии на немецкие. Также, воспользовавшись возможностями немецкого законодательства (Закона о гражданстве (§ 7) [26] и Закона о перемещенных лицах и беженцах (§ 15, п. 1 и п. 2) [27]), они сохранили себе и детям российское гражданство.

Результаты исследования свидетельствуют о взаимной обусловленности проблемы самоидентификации русских немцев и формированием их представлений о родине. Смешанная русско-немецкая идентичность, характерная для большинства респондентов независимо от их возраста, способствует формированию концепции «двух родин» в сознании переселенцев. При этом происходит трансформация представлений об «исторической родине». Можно предположить, что до переезда для большинства респондентов (этнических немцев и их детей из смешанных браков) в качестве исторической Родины воспринималась Германия, то после эмиграции таковыми выступают СССР и Россия как «центр» русского мира. В тесной связке с рассуждениями о Германии используются такие характеристики, как «богатая», «культурная», «развитая», «блага для тела», «комфортнее», «спокойнее»; о России – «Родина», «историческая родина», «корни» «богатая традициями», «русский язык», «русская культура», «менталитет», «душа», «патриотизм». Для всех респондентов характерно стремление передать русский язык и культуру детям. В размышлениях русских немцев встречается позиция, свидетельствующая об осознании себя «посредниками» между Германией и Россией. Соотнесение понятия «Родина» с Советским Союзом является временно́й проекцией самосознания («равенство, братство, дружба», «там жила душа», «бедное, но дружное прошлое»).

Понятие Родины в контексте проблем интеграции и социальной адаптации. Как следует из проведенных интервью, при видимой успешной социальной интеграции наших респондентов в немецкое общество, их психологическая интеграция является процессом незавершенным. *«Вот я бы об этой иллюзии и говорил, люди думают, что они в Германию приехали – к себе домой. А потом оказывается, что, все-таки, не совсем домой. <…> Потому, что у меня кровь немецкая, это не значит, что я – немец. Если себя не ощущаю немцем. Ну как это. Как тебе навязать, что ты – немец? Невозможно»* (М., 32 года. Россия).

Своеобразной компенсацией потери прежней родины и невозможности полноценного укоренения на новом месте становится формирование таких внутренних структур переселенческого сообщества, как русские магазины, рестораны, дискотеки, русскоязычные СМИ и интернет-сайты и др.

«Почему у наших русских здесь, или наших переселенцев, у всех стоят телевизоры с российским телевидением, почему? Музыка играет русская. В ресторанах гулять – тоже только в русских <…> Какой-то создан микромир для русских. И создали же мы сами его. Потому что, как бы, быть более-менее приближенными к России, ну или к своей Родине – Советскому Союзу, потому, что многие приехали из Казахстана, из Киргизии. <…> И все равно все, как мне кажется, чисто мысленно туда тянутся»; «Все равно живут в таких, как бы своих мирах, маленько так отдаленных от Германии. Нельзя сказать, что прямо вот в Германии, интегрировались в Германии и все. <…> обзавелись только немецкими друзьями, забыли полностью Россию. Я не могу так сказать о своих сверстниках» (М., 32 года. Россия).

«<…> мне кажется, когда-то мы все приехали из России. Все равно, мы оттуда приехали в другую, чужую страну, и охота создать что-то похожее, хотя бы немножко на то, откуда ты приехал. <…> Есть такой момент. Села за стол и ешь пельмени. Ну и тебе хочется, тебе приятно, что ты сидишь. И все знают это. И общаешься» (Ж., 31 год. Россия).

«Частицей» родины в Германии, символом принадлежности к «русскому миру» становится и православная церковь: *«Ну, во-первых, я сама крещеная в православной церкви. Крестили в советское время, и, живя там, я ходила в русскую церковь. <…> Естественно, это как-то все ближе. Для меня эти все католические церкви это все не мое. Я понимаю, я захожу туда, я не чувствую себя там хорошо. Для меня все это очень холодно. Не родное. А это так же кусочек твоего родного чего-то. Так же русская церковь, все эти обычаи, все традиции. Это все твое родное. И ты когда заходишь, у тебя («Ах!») вся душа нараспашку. Все, вплоть до мурашек…, когда ты стоишь, слушаешь пение или, там, на иконы смотришь. Ну не знаю, это частичка Родины так же осталась»* (Ж., 34 года. Казахстан). Дети в двух опрошенных молодых супружеских парах были крещены в православной церкви.

В контексте рассуждений о тяге к русским корням интересны наблюдения самих респондентов о том, что даже более молодые переселенцы (по определению интервьюируемых, «двадцатилетние», «следующая генерация»), полностью интегрировавшиеся в немецкое общество и практически не говорящие на русском языке, посещают русские клубы, русские дискотеки и пр.

«<…> в кавычках, это русская дискотека, то есть там музыка русская играет, и, вроде как, они идут на "русскую дискотеку", потому что они себя считают русскими, где-то. Но говорят они на немецком, вот. Какой-то абсурд получается. Ну, что значит "абсурд"... Они просто и не знают русского языка, потому что и родители их говорить разучились» (Ж., 31 год. Россия).

Разрыв переселенцев с родиной компенсируется и сохранением тесных связей с родственниками и друзь-

ями в России и других странах СНГ, чему способствует развитие сферы современных коммуникаций и сохраняющиеся возможности достаточно свободного пересечения государственных границ.

«Я приехал в Германию в 95 году. Мне тогда было 14 лет. На сегодняшний день мне 33 года. Уже 19 лет в Германии. <…> Ну, связывает нас с Россией, с русскими очень многое. До сих пор общаемся с друзьями, и хорошо, что есть интернет. <…> Сначала письмами можно было переписываться. У меня стопка огромная вот этих писем с друзьями. <…> Сейчас интернет, сейчас намного легче. Можно перезваниваться и, даже друзья в гости приезжали. И я ездил тоже. <…> Ну вот сколько, за 19 лет, я не знаю, раз восемь, может быть. Восемь, семь… Каждый второй, третий год» (М., 34 года. Россия).

«Ну, последний раз я был три года назад. И до этого тоже три года. А так, до тех пор, пока не женился, я там был, скажем, в среднем каждые два года. Вот» (М., 30 лет. Россия).

«Вот за 19 лет я в России был раз 14. <…> Мы с семьей сколько раз ездили. Как минимум раз шесть» (М., 60 лет. Россия).

Материалы исследования позволяют проследить взаимосвязь проблем интеграции и социальной адаптации поздних переселенцев с осознанием понятия «Родина», чувств и эмоций по отношению к ней. Свидетельством неполной психологической интеграции на «новой» Родине является использование по отношению к ней следующих характеристик: «не совсем домой», «в другую, чужую страну», «очень холодно», «не родное». Создание переселенческих внутренних структур трактуется участниками бесед как стремление воссоздать близкую к родине микросреду, вписать образ «старой» Родины в жизненные реалии «новой» («микромир для русских», «частичка Родины», «кусочек твоего родного»). При обсуждении проблем интеграции респонденты продемонстрировали важность сохранения русской культуры и развитие связей с Россией. Развитие сети интернет и частые поездки в Россию позволяют сохранять тесные связи с покинутой Родиной и актуализировать представления о ней.

Отношение респондентов к современным России и Германии. Все респонденты в ходе интервью выразили самые добрые чувства в отношении России; отметили, что в России им нравится, они любят Россию, испытывают чувство патриотизма. Свой опыт проживания в Германии они также оценивают позитивно: выражают признательность своей новой родине, удовлетворены полученным образованием, местом работы, разворачивающимися перед ними перспективами. Характеристики в отношении государств респондентами, как правило, давались в сравнительном аспекте: в Германии – порядок, достаток, но в России свободнее, душевнее и пр.

«Я Россию люблю, я люблю туда ездить. Но жить мне комфортнее в Германии… <…> Я знаю систему, я знаю язык, я все знаю, как что где работает. Мне на данный момент было бы в России очень сложно интегрироваться. Хотя если кто-то, не дай Бог, плохо про Россию что-нибудь скажет, мне так больно и так обидно, что чувствуется все равно какой-то патриотизм. Но если кто-то бы меня спросил: "Хочешь ли вернуться в Россию жить?", я бы, наверное, не захотела» (Ж., 31 год. Россия).

«На сегодняшний день все правильнее, комфортнее выстроено в Германии. <…> больше предсказуемости. И с практической точки зрения, конечно, в Германии жить удобно» (Ж., 58 лет. Казахстан).

«Мне нравится, я в Россию приезжаю, и я отдыхаю. Вот я захотел – поехал, порыбачил. Почему я разрешение какое-то должен делать в прорубь, где там столько рыбы специально выкормили? <…> Где захотел – остановился, куда захотел – отдыхать поехал» (М., 33 года. Россия).

Одним из молодых респондентов, назвавшим своей родиной Россию, было высказано желание вернуться обратно или, оставаясь в Германии, служить ее благу. *«Хотелось бы, чтобы на самом деле мои дети жили в развивающейся России, чтобы я вернулся к корням истинным. Это у меня на самом деле есть. Но я не могу сказать, что у моей жены такие же мысли… <…> Но у меня есть. Чисто у меня есть такое, такая потребность и внутренний двигатель даже»* (М., 32 года. Россия).

Можно предположить, что такая позиция характерна для определенной, пусть и небольшой части молодого поколения немцев-переселенцев (сам респондент отметил, что таких как он, мало: *«Думаю, 90% русских немцев ответили бы на вопросы иначе»*). В двойственности их культурной идентичности можно усмотреть социальный потенциал, возможность создания коммуникативных сетей в России и Германии, успешного развития российско-германских экономических, политических, культурных связей. Цитируемый выше молодой человек на момент интервью, исходя из своей позиции, сознательно сменил профессию инженера на работу менеджера в международной компании, работающей на пространстве СНГ: *«Вот мне хочется или хотелось бы какой-то вклад сделать в России. Хоть минимально, но хотелось бы что-то сделать. Если я здесь сижу и работаю по профессии на государство немецкое – это хорошо, и реализоваться можно, тоже не вопрос. Но мне хотелось бы сделать какой-то вклад…»* (М., 32 года. Россия).

Отвечая на вопросы анкеты 2018 г., респонденты ярко и образно сформулировали понятие «Родина» и эмоционально высказали свое отношение к России. Судя по текстам, это напрямую обусловлено событиями 2014 г., связанными с осложнением внешнеполитических отношений между странами Запада и Россией в связи с включением с ее состав Крыма, непризнанием этих действий со стороны международного сообщества и, как следствие, введением международных санкций против РФ.

«Россия (отвечу метафорой) – это тот мальчишка, который обычно сидит на задней парте. Он немного неопрятен, так как у его родителей временные трудности, и они не в состоянии создать ему опрятный вид. Те ребята, которые более зажиточные, и обычно являются любимчиками учителей, постоянно пытаются его унизить, собравшись в группу, так как поодиночке они трусливы. Тот парень спокоен, самодостаточен и неординарен. Он делает уроки, уважает учителей, относится к людям корректно. И как бы его не любили, все равно, странным образом, к нему испытывают глубокое уважение...» (М., 36 лет. Россия).

«Родина – это то место (или страна), куда постоянно влечет. Это то место, где твоей душе хорошо. Это место вызывает особое эмоциональное состояние. Такие чувства как сопереживание (в тяжелые времена) и радость (в более светлые времена) постоянно тебя сопровождают. Понятие "Родина" можно, в какой-то мере, сравнить с понятием "семья". Это и родитель, который тебе дал жизнь и все необходимое для жизни. Но это и дитя, за которого волнуешься, переживаешь, безвозмездно любишь и гордишься за любые успехи» (Он же).

«Родина – Мать. Как можно забыть мать, родившую тебя... Даже если о ней не думаешь и не вспоминаешь до поры, до времени, пока у нее все хорошо. Но когда ее обижают или не справедливы к ней – сразу воспламеняется любовь. Поэтому враги России должны помнить, чем хуже они относятся к России (санкции, русофобия в СМИ и т.д.), тем больше любви и патриотизма...» (Ж., 62 года. Казахстан).

Свою дальнейшую судьбу практически все из опрашиваемых связывают с Германией, обосновывая это тем, что эта страна является более благополучной в экономическом и правовом плане, в ней «правильнее», «комфортнее», «спокойнее» и др. Образ «исторической» Родины – России гораздо богаче: это и «семья», и «родитель», и «Мать», и «дитя». Международное давление в отношении России актуализировало в сознании респондентов чувства «волнения» и «сопереживания», «любви» и «патриотизма». Невозможность вернуться на родину компенсируется стремлением служить во благо России, оставаясь в Германии.

Выводы. Материалы исследования позволяют охарактеризовать представления русских немцев о родине в рамках исследуемой группы следующим образом. У респондентов четко прослеживается тенденция трансформации представлений об «исторической» родине. До эмиграции в качестве таковой воспринималась Германия, после – СССР и Россия. При довольно успешной экономической и социокультурной интеграции участников интервью в германское общество (обретение стабильных источников доходов приемлемого уровня, освоение законов и социальных механизмов, языка), на психологическом уровне полная интеграция в принимающее сообщество не состоялась. Респонденты четко отличают себя как от русских России, так и от коренных немцев, при этом данные отличия не имеет негативного или конфликтного характера. Скорее складывается концепция «двух родин», при этом собственное место в данной системе координат рассматривается, как некое посредничество.

Наблюдается явно различное отношение к этим «родинам». Германия, как «новая Родина», рассматривается как дом, место проживания, в котором есть такие положительные стороны, как социально-экономическая стабильность, гарантированное будущее себя и близких, безопасность, предсказуемость. «Старая» Родина (СССР и Россия) воспринимается как источник значимых личных смыслов и внутреннего психологического удовлетворения (культура и язык, связи с людьми, бытовая свобода, ностальгия, любовь и патриотизм). Формирование внутренних структур переселенческого сообщества трактуется русскими немцами как стремление воссоздать соответствующую этим смыслам микросреду, вписать образ «старой» Родины в новые жизненные реалии. У респондентов старшего поколения наблюдается чувство вины перед детьми за то, что они «лишили их Родины». У молодых респондентов в связи с этим не отмечается претензий к родителям, хотя присутствует осознание определенных затруднений с самоидентификацией, которые, по-видимому, не представляют собой большой проблемы и не мешают адаптации в принимающем сообществе.

В сознании большинства респондентов заметное место занимает тема ностальгии по утраченной родине (СССР, России). Объектами ностальгии являются оставшиеся в стране отъезда люди, «малая» родина, элементы образа жизни (интернациональные традиции, еда, личные памятные места). Не прослеживается ностальгия по странам и государствам: респонденты обобщенно определяют объект своей ностальгии как «Советский Союз» или «Россия», маркируя этими терминами определенный жизненный и культурный мир. Для всех респондентов важна тема сохранения связей со «старой» Родиной, характерно стремление передать русский язык и культуру детям, сохранить тесные связи с Россией, причем не только личные, но и деловые, профессиональные.

Анализ контекстов показал, что все многообразие выявленных признаков концепта «Родина» в изучаемой группе русских немцев может быть представлено в двух основных семантических профилях: «новая» Родина (Германия), как «дом» и место комфортного проживания, и «старая» / «историческая» Родина (СССР / Россия и Россия) как объект ностальгии и духовного притяжения.

Основой для формирования описанных выше представлений о родине послужил ряд факторов. Важным фактором являются причины эмиграции русских немцев. Во внешнем ракурсе эти причины связаны с распадом СССР, во внутреннем – с персональными социальными страхами (прежде всего за родных и близких), которые активизировались в связи с социаль-

но-экономическим крахом прежней жизни. Некоторые респонденты указывают на отличие своих мотивов к эмиграции от мотивов переселенцев 1970-х гг.: если теми двигало желание переселиться в родную культурную среду, то отъезжающими в 1990-е гг. – стремление защититься от социальной катастрофы и обрести будущее для своих детей. У респондентов не было мотивации (или была, но слабо выраженная) к полной ассимиляции в Германии, как для себя, так и для детей и внуков. Соответственно, они не предпринимали сознательных усилий в этом направлении и не считали нужным избавляться от существующего языкового и культурного багажа.

Особое значение, как фактор формирования представлений о родине, имеет место отъезда – страна прежнего проживания. Респонденты уезжали из постсоветских республик, ставших новыми независимыми государствами. Эти государства не воспринимались ими как родина; то, что воспринималось в этом качестве – СССР, перестало существовать. Именно поэтому респонденты не демонстрируют государственного вектора своей ностальгии; она связывается с людьми, «малой» родиной, образом жизни, традициями, элементами культуры и быта СССР и / или русского мира («России») в целом. Особенно это характерно для выходцев из Казахстана и Киргизии.

Тесно связаны с формированием образа Родины этническая идентичность и возраст респондентов. Русские по этническому происхождению респонденты в качестве Родины назвали Россию (являющуюся и местом их рождения), респонденты, имеющие только немецкие корни или смешанное происхождение, в большинстве случаев заявляют о «двух» Родинах. Среди представителей старшего поколения более выражена ностальгия по СССР. Можно констатировать взаимообусловленность процессов формирования идентичности русских немцев и их представлений о Родине.

Важное место в формировании образа Родины имеют семейные установки в отношении страны исхода и принимающего государства и личный опыт интеграции русских немцев в принимающем сообществе. Практически все респонденты заявили об активном стремлении сохранить русский язык, культуру и связи с Россией для себя и своих детей и внуков, о роли семьи в практике этого сохранения. Такая позиция препятствует утрате «старой» идентичности и полной ассимиляции и постоянно актуализирует представления о «старой» Родине. Достаточно успешный опыт интеграции респондентов и благополучные условия проживания в принимающей стране позволил сформировать позитивный образ «новой» Родины.

Актуализация размышлений о «старой» и «новой» Родинах происходит и под воздействием международных событий, в эпицентре которых оказываются страны исхода и проживания переселенцев, примером чего может служить обострение в 2014 г. отношений между странами Запада и России в связи с включением в ее состав Крыма.

Развитие коммуникативной среды и открытые государственные границы позволяют сохранять в полном объеме личные связи с людьми, оставшимися в странах исхода, а развитие Интернета (в частности, инструменты социальных сетей) – и восстанавливать их. Переезд в другую страну перестал быть фактором «социальной смерти» для отъезжающих. Открытые границы, возможность путешествовать на историческую родину и самим принимать гостей оттуда также способствуют сохранению представлений о стране отъезда как о родной, развитию транснациональных связей и формированию позитивной транснациональной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Здесь и далее по тексту цитируются материалы полевых исследований автора, собранные в 2014 г. в г. Филлинген-Швеннинген (Баден-Вюртемберг, ФРГ) [22]. Использование материалов полуструктурированного анкетирования, осуществленного в 2018 г., оговаривается в тексте специально указанием года [23].

ЛИТЕРАТУРА

1. (Spät-)Aussiedler und ihre Angehörigen. Zeitreihe 1950–2016. Herkunftsstaaten. Bundesverwaltungsamt BRD. URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/Zeitreihe_1950_2016.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (accessed: 24 July 2018).
2. Registrierung / Verteilung – seit dem Jahr 2001 nach Monaten und im Vergleich. Bundesverwaltungsamt BRD. URL: https://www.bva.bund.de/DE/Organisation/Abteilungen/Abteilung_BT/Spaetaussiedler/statistik/Monat/2a.html?nn=4487534 (accessed: 24 July 2018).
3. Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Monatsstatistik September 2017. Bundesverwaltungsamt BRD. URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/09_17_Monatsstatistik.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (accessed: 24 July 2018).
4. Бадалова Е.В. Институциональные условия интеграции российских немцев в Германии // Германия на перекрестках истории проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений : сб. ст. / под общ. ред. А.А. Слинько ; отв. ред. С.И. Дмитриева. Воронеж, 2016. С. 97–104.
5. Самсонова Л.О. «Землячество немцев из России» и его деятельность в современной Германии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 1 (174). С. 55–59.
6. Казарцева Е.В. Стратегии аккультурации русскоязычной молодежи Берлина // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII, № 4. С. 122–135.
7. Стерликов В. Выявление проблем интеграции и адаптации подростков и молодежи из семей русскоязычных переселенцев в Германии // Омский научный вестник. 2007. № 2 (54). С. 62–67.

8. Менг К., Протасова Е.Ю. Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии // Этнографическое обозрение. 2015. № 6. С. 13–25.
9. Попков В.Д. Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне : Посев, 2016. 483 с.
10. Попков В.Д. «Культурная память» русскоязычных мигрантов в Германии: влияние на формирование новых идентичностей выходцев из бывшего СССР // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI, № 1 (66). С. 148–166.
11. Иванова-Бучатская Ю. В. Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры. 2010. № 2. С. 137–166.
12. Глущенко Г.И. Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 12. С. 50–57.
13. Филиппова Е.И. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности. М. : Дело, 2016. С. 305–322.
14. Савоскул. М.С. Трансграничные связи этнических мигрантов (на примере российских немцев в Германии) // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2010. № 1. С. 78–83.
15. Савоскул М.С. Формирование и эволюция российско-германской транснациональной миграционной системы : автореф. дис. ... д-ра географ. наук. М., 2016. 46 с.
16. Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг – Эрланген) // Демоскоп Weekly. 2006. № 243–244. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php (дата обращения: 24.08.2018).
17. Далгат Ф. М. К вопросу о концепции и методах антропологии в историческом исследовании // Евразийский союз ученых. 2014. № 8-4. С. 91–94.
18. Гусева И.И. Микроракурсы социального и стратегии их исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, № 2-1. С. 15–20.
19. Побережников И.В. Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 8–13.
20. Приборович А.А. Дискурс-анализ как метод выявления факта из исторического источника // Веснік БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2012. № 2. С. 38–42.
21. Самсонова Л.О. Российские немцы: трудный путь возвращения на историческую родину (1990–2000-е гг.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2016. Т. 3–4, № 3–4. С. 154–158.
22. Полевые материалы автора (г. Филлинген-Швеннинген, земля Баден-Вюртемберг, Федеративная Республика Германия, ноябрь 2014 г.) // Личный архив Г.В. Грошевой.
23. Материалы дистанционного полуструктурированного анкетирования, ноябрь 2018 // Личный архив Г.В. Грошевой.
24. Казарцева Е.В. Роль культурной трансмиссии в процессе интеграции русскоязычной молодежи Германии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 391–395.
25. Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge (Bundesvertriebenengesetz - BVFG). § 94 Familiennamen und Vornamen. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/__94.html (accessed: 2 October 2018).
26. Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/stag/StAG.pdf (accessed: 2 October 2018)
27. Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge (Bundesvertriebenengesetz - BVFG). § 94 Familiennamen und Vornamen. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/__94.html (accessed: 2 October 2018).

Galina V. Grosheva. Tomsk State Pedagogical University, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: groshevagv@mail.ru

BETWEEN "THE OLD" AND "THE NEW" MOTHERLAND: PERCEPTIONS OF RUSSIAN-GERMANS IN GERMANY

Keywords: motherland, identity, late resettlers, Russian-Germans, Germany.

The paper investigates the concept of motherland and aspects which form that vision of the Russian-speaking Germans, i.e. late resettlers (Spätaussiedler), who came to Germany from the former USSR countries (Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan) in 1990s.

Analysis of Russian historiography devoted to the issues of Russian-speaking Germans' emigration to Germany, integration of emigrants into German society, transformation of their self-consciousness, the experience of re-emigration (M.S. Savoskul, E.V. Kazartseva, I.V. Lebedev, M.A. Efremov, V.D. Popkov, etc.) confirms insufficiency of special works devoted to the issues of transformation of the motherland concept within the conscious of German resettlers.

The problem which is raised in the study is considered within trans-nationalism methodology which enables not to analyze the migration phenomenon in terms of national state and to consider emigrants as those possessing two and more identities. Micro-historical approach is used in the study which is centered on the definite person, his or her inner world and social practices. The method of linguistic discourse-analysis is used as additional one and it allowed tracing the respondents' directive towards the motherland concept on a verbal level.

The study is based on the empirical material (semi-structured in-depth group and individual interviews, overt observation) collected in Villingen-Schwenningen (Baden-Württemberg, Germany) in 2014. The data from questionnaire conducted in 2018 was used as supplementary materials.

The paper analyses several plots: the reasons for moving to Germany and discussions on the loss of "the old" motherland, the concept of motherland within the context of home-sickness on USSR and the country of origin, the problem of identity and the role of perceptions of Russia while formation of that identity, the concept of motherland considering integration and social adaptation problems, attitude of respondents to modern Russia and Germany.

The concludes. The respondents of the group under study are marked by the tendency for transformation of the perception of "historical" motherland. Prior to emigration they considered Germany as historical motherland, since then – USSR and Russia. At the same time the concept of "two motherlands" is developed. Germany, being "the new" motherland is entitled with such characteristics as social and economic stability, legal safeguards, predictability. "The old" motherland is accepted as the source of significant individual senses and inner psychological satisfaction. The factors for establishing the visions described above are the reasons for emigration and the former country of living, ethnic origin and the age of respondents, family policy towards the country of origin and host country, personal experience of integration, development of communicative environment and open state boundaries, foreign-policy developments.

REFERENCES

1. Federal Office of Administration Germany. (n.d.) *(Spät-)Aussiedler und ihre Angehörigen. Zeitreihe 1950 – 2016. Herkunftsstaaten*. [Online] Available from: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/Zeitreihe_1950_2016.pdf?__blob=publicationFile&v=3. (Accessed: 24th July 2018).

2. Federal Office of Administration Germany. (n.d.) *Registrierung / Verteilung- seit dem Jahr 2001 nach Monaten und im Vergleich*. [Online] Available from: https://www.bva.bund.de/DE/Organisation/Abteilungen/Abteilung_BT/Spaetaussiedler/statistik/Monat/2a.html?nn=4487534. (Accessed: 24th July 2018).
3. Federal Office of Administration Germany. (2017) *Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Monatsstatistik September 2017*. [Online] Available from: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangehörigkeit/Aussiedler/Statistik/09_17_Monatsstatistik.pdf?__blob=publicationFile&v=2. (Accessed: 24th July 2018).
4. Badalova, E.V. (2016) Institutsional'nye usloviya integratsii rossiyskikh nemtsev v Germanii [The institutional framework of integration of Russian Germans in Germany]. In: Slinko, A.A. & Dmitrieva, S.I. (eds) *Germaniya na perekrestkakh istorii: problemy vnutrenney i vneshney politiki v kontekste transformatsiy mezhdunarodnykh otnosheniy* [Germany at the crossroads of history: problems of internal and foreign policy in the context of transformed international relations]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 97–104.
5. Samsonova, L.O. (2016) "Association of Germans from Russia" and its activity in modern Germany. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adygeya State University. Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Culturology*. 1(174). pp. 55–59. (In Russian).
6. Kazartseva, E.V. (2009) Strategii akkul'turatsii russkoyazychnoy molodezhi Berlina [Acculturation strategies of Russian-speaking young people in Berlin]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 4. pp. 122–135.
7. Sterlikov, V. (2007) Vyyavlenie problem integratsii i adaptatsii podrostkov i molodezhi iz semey russkoyazychnykh pereselentsev v Germanii [Identification of the problems of integration and adaptation of adolescents and young people from Russian-speaking immigrant families in Germany]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 2(54). pp. 62–67.
8. Meng, K. & Protassova, E.Yu. (2015) The Transformation of Cultural-Linguistic Identity of Russian Germans in Germany. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 6. pp. 13–25. (In Russian).
9. Popkov, V.D. (2016) *Pokidaya predely etnichnosti. Postsovetskaya emigratsiya v Germanii* [Beyond the boundaries of ethnicity. Post-soviet emigration in Germany]. Frankfurt on Main: Posev.
10. Popkov, V.D. (2013) "Kul'turnaya pamyat'" russkoyazychnykh migrantov v Germanii: vliyanie na formirovanie novykh identichnostey vykhodtsev iz byvshego SSSR [The "cultural memory" of Russian-speaking migrants in Germany: Impact on the formation of new identities of immigrants from the former Soviet Union]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(66). pp. 148–166.
11. Ivanova-Buchatskaya, Yu.V. (2010) Rossiyskie nemtsy v Germanii: znakovye ob"ekty povsednevnoy zhizni i identichnost' [Russian Germans in Germany: Symbolic objects of everyday life and identity]. *Diaspory*. 2. pp. 137–166.
12. Glushchenko, G.I. (2005) Transnatsionalizm migrantov i perspektivy global'nogo razvitiya [Migrant transnationalism and prospects of global development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economics and International Relations*. 12. pp. 50–57.
13. Filippova, E.I. (2016) Diskurs ob integratsii – konservativnyy anakhronizm epokhi transnatsionalizma [Discourse on integration as a conservative anachronism of the era of transnationalism]. In: Malakhov, V. & Simon, V. (eds) *Transnatsional'nye migratsii i sovremennye gosudarstva v usloviyakh ekonomicheskoy turbulentnosti* [Transnational Migrations, Contemporary States, and Economic Turbulence]. Moscow: Delo. pp. 305–322.
14. Savoskul, M.S. (2010) Transgranichnye svyazi etnicheskikh migrantov (na primere rossiyskikh nemtsev v Germanii) [Trans-border relationships of ethnic migrants (a case study of Russian Germans in Germany)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya – Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 1. pp. 78–83.
15. Savoskul, M.S. (2016) *Formirovanie i evolyutsiya rossiysko-germanskoy transnatsional'noy migratsionnoy sistemy* [The Formation and evolution of the Russian-German transnational migration system]. Abstract of Geography Dr. Diss. Moscow.
16. Savoskul, M.S. (2006) Rossiyskie nemtsy v Germanii: integratsiya i tipy etnicheskoy samoidentifikatsii (po itogam issledovaniya rossiyskikh nemtsev v regione Nyurnberg – Erlangen) [Russian Germans in Germany: integration and types of ethnic identity (a case study of Russian Germans in Nürnberg – Erlangen)]. *Demoskop Weekly*. 243–244. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php. (Accessed: 24th August 2018).
17. Dalgat, F.M. (2014) K voprosu o kontseptsii i metodakh antropologii v istoricheskom issledovanii [On the concept and anthropology methods in historical study]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh*. 8-4. pp. 91–94.
18. Guseva, I.I. (2014) Mikrorakursy sotsial'nogo i strategii ikh issledovaniya [Social aspects and their research strategies]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 14(2-1). pp. 15–20.
19. Poberezhnikov, I.V. (2010) Mikroistoriya: deystviya i struktury v istoricheskom kontekste [Micro-history: actions and structures in historical context]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(29). pp. 8–13.
20. Priborovich, A.A. (2012) Diskurs-analiz kak metod vyyavleniya fakta iz istoricheskogo istochnika [Discourse analysis as a method of revealing a fact from a historical source]. *Vesnik BDU. Seryya 3, Gistoryya. Ekanomika. Prava*. 2. pp. 38–42.
21. Samsonova, L.O. (2016) Rossiyskie nemtsy: trudnyy put' vozvrashcheniya na istoricheskuyu rodinu (1990-2000-e gg.) [The Russian Germans: a difficult path of returning to their historical homeland (1990–2000s)]. *Golos minuvshego. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal*. 3-4. pp. 154–158.
22. Grosheva, G.V. (2014) *Polevye materialy avtora (g. Fillingen-Shvenningen, zemlya Baden-Vyurtemberg, Federativnaya Respublika Germaniya, noyabr' 2014 g.)* [Field materials of the author (Villingen-Schwenningen, Baden-württemberg, Germany, November 2014)]. Personal archive of the author.
23. Grosheva, G.V. (2018) *Materialy distantsionnogo polustrukturirovannogo anketirovaniya, noyabr' 2018* [Remote semi-structured survey materials, November 2018]. Personal archive of the author.
24. Kazartseva, E.V. (2010) Rol' kul'turnoy transmissii v protsesse integratsii russkoyazychnoy molodezhi Germanii [The role of cultural transmission in the process of integration of Russian-speaking young people in Germany]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12. pp. 391–395.
25. Bundesvertriebenengesetz – BVFG. (n.d.) *Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge (Bundesvertriebenengesetz – BVFG). § 94. Familiennamen und Vornamen*. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/__94.html. (Accessed: 2nd October 2018).
26. *Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG)*. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/stag/StAG.pdf. (Accessed: 2nd October 2018).
27. Bundesvertriebenengesetz – BVFG. (n.d.) *Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge (Bundesvertriebenengesetz – BVFG). § 94. Familiennamen und Vornamen*. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/__94.html. (Accessed: 2nd October 2018).

УДК 325/378
DOI: 10.17223/19988613/59/19

Л.В. Дериглазова

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: МОТИВАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИЗ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Анализируются мотивация и проблемы адаптации молодых россиян и европейцев, принимавших участие в программах международной академической мобильности. Исследование проводилось с 2014 г. качественными методами: фокус-группы, полуструктурированные интервью. Результаты исследования показывают, что несмотря на схожие мотивы и проблемы адаптации, которые называли участники исследования, содержательно это разный опыт, который помогает выявлять те проблемы, которые должны решить российские университеты для привлечения европейских студентов и ученых. Политики интернационализации высшего образования, которые реализуют страны ЕС и Россия, также формально могут рассматриваться как схожие, однако и здесь можно выделить существенные различия при реализации таких проектов.

Ключевые слова: академическая мобильность; молодежь; Россия; Европа; интернационализация образования.

Несмотря на ухудшение отношений между Россией и странами Европейского союза в последние пять лет, поток студентов из России в европейские страны и из европейских стран в Россию не уменьшился. Согласно отчету «Европейского пространства высшего образования» за 2018 г., Россия входит в четверку стран, куда приезжает наибольшее количество студентов из европейских стран – почти 69 тыс. студентов, и занимает пятое место по количеству мобильных российских студентов в европейские страны – почти 43 тыс. студентов [1. P. 255–256]. Феномен международной молодежной академической активности становится объектом исследований ученых в России, учитывая активную политику интернационализации, которую реализует правительство РФ последние годы [2–4]. Россия стала активным участником и спонсором академического обмена и экспорта образования относительно недавно, что почти совпало во времени с ухудшением политических отношений с европейскими странами с 2014 г.

Активная политика по продвижению академического обмена между ЕС и Россией может быть интерпретирована в рамках популярной теории «мягкой силы». Со стороны ЕС такая политика проводилась на протяжении десятилетий, когда программы академической мобильности и сотрудничества рассматривались как способ влияния на молодое поколение, будущих лидеров через демонстрацию преимуществ европейского образования не только с точки зрения его содержания, но и иной академической культуры – более демократической, открытой, ориентированной на потребности студентов [5. P. 3–4]. Активное академическое сотрудничество также было ориентировано на создание атмосферы взаимопонимания на уровне академических сообществ и общества в целом, особенно когда Россия стала полноправным участником Европейского пространства высшего образования (European Higher Education Area), выполнив формальные требования по присоединению к Болонскому процессу.

Для России интернационализация высшего образования и международное научно-техническое сотрудничество рассматривается как способ сохранения высокого уровня знаний, технологического и научного прогресса. Если в 1990-е гг. Россия была получателем помощи для реформирования системы высшего образования с активным участием американских и европейских фондов, то начиная с 2006 г. правительство РФ все активнее инвестирует в развитие и формирование новой модели высшего образования в соответствии с лучшими зарубежными стандартами. На это были направлены правительственные программы реформирования вузов в рамках создания национальных исследовательских и федеральных университетов.

Начиная с 2013 г. можно отметить стремление России формировать положительный образ страны через программы академического обмена и интернационализацию национального высшего образования. В 2013 г. был инициирован дорогостоящий проект «5-100», ориентированный на продвижение российских вузов в сотню лучших мировых университетов. С 2014 г. начала действовать программа «Глобальное образование», в рамках которой выделятся стипендии молодым россиянам для обучения за границей с обязанностью вернуться в Россию и работать на благо страны. На январь 2019 г. такой возможностью воспользовались 711 россиян [6]. Можно отметить стремление РФ также распространять свое влияние в мире через экспорт высшего образования. В 2018 г. был инициирован приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» с участием 39 российских вузов, которые будут принимать на обучении ино-

странных студентов. Согласно цели проекта, «в результате реализации проекта количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 г. до 710 тыс. в 2025 г., а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – с 1 млн 100 тыс. человек до 3 млн 500 тыс. человек» [7]. Таким образом, международная академическая мобильность между странами ЕС и Россией может рассматриваться с точки зрения нескольких разных подходов: 1) как взаимовыгодное сотрудничество, 2) как часть продвижения положительного образа в рамках теории «мягкой силы», 3) как начало конкуренции на международном рынке образовательных услуг и 4) то, что нередко называют «охотой за талантами».

Сибирский федеральный округ занимает ведущее место вслед за Центральным (Москва и Московская область) и Северо-Западным (Санкт-Петербург и Ленинградская область) по объему международного сотрудничества, начиная с 1990-х гг. Вузы Томска принимают активное участие в интернационализации высшего образования, что включает также и энергичное привлечение иностранных студентов и молодых ученых для обучения и стажировок в Томске [8. С. 190–191]. Тем не менее, по сравнению с университетами центральной части России, иностранные студенты в Томске в основном представлены выходцами из стран СНГ, Китая и весьма незначительно из стран Европы [9]. Однако именно на европейских студентов и молодых ученых возлагается ожидание о международном признании ведущих томских университетов [10]. Изучение молодежной международной мобильности в университетах Сибири стало предметом нескольких исследований, включая проблемы адаптации иностранных студентов [11, 12].

Международная академическая мобильность молодых ученых может быть отнесена к «маятниковой» миграции, которая подразумевает временное пребывание в другой стране на период обучения или стажировки. Несмотря на то, что срок проживания за границей может составлять от нескольких недель до нескольких лет, молодые люди, как правило, рассматривают данное положение как временное и планируют возвращение в страну своего происхождения. Встречное изучение международной академической мобильности российских и европейских молодых ученых дает возможность сравнить мотивацию академической мобильности, ее влияние на восприятие страны происхождения и страны пребывания, а также выявить наиболее общие проблемы адаптации, с которыми неизбежно сталкиваются молодые люди, длительно проживающие вне страны происхождения.

Томский государственный университет (ТГУ) является активным участником международной академической мобильности, и здесь несколько лет назад был инициирован проект по изучению идентичности европейских и российских молодых ученых, которые принимали участие в академической мобильности. Целью исследования было выявление того, как международная мобильность влияет на самовосприятие ученых, страны их происхождения и принимающей страны (региона) в контексте европейской идентичности. Частично результаты данного исследования были опубликованы в виде статей [13, 14].

Исследование проводилось качественными методами: личные интервью, фокус-группы и самостоятельное заполнение типовой анкеты с открытыми вопросами, по которым велось также интервью. Вопросы в исследовании были объединены в три блока: 1) общая информация о респонденте, которая включала данные об этническом происхождении и / или гражданстве, поле, возрасте, сфере академической подготовки; 2) рефлексия на тему национальной и наднациональной (европейской) идентичности; 3) оценка личного опыта академической мобильности. Здесь мы продолжаем представление результатов исследования, касающиеся сравнительного анализа мотивации европейских и российских молодых ученых, а также проблем адаптации, с которыми они сталкивались в период прохождения обучения или стажировки за рубежом. Хотелось выразить благодарность студентам-антропологам ТГУ, которые приняли участие в проведении некоторых интервью и расшифровке аудиозаписей фокус-групп и интервью. Отдельная благодарность И.Г. Поправко, доценту ТГУ, за активное участие в разработке методологии исследования, организации фокус-групп и сопровождения проекта. В данной статье также частично используются материалы, собранные Г.В. Грошевой и опубликованные в нашей совместной статье [13].

К материалам, которые использованы для получения данных о мотивации и проблемах адаптации как российских, так и европейских молодых ученых, могут быть также отнесены две публикации, которые не являлись напрямую связанными с данным проектом, но которые появились как результат международного сотрудничества с европейскими университетами в ТГУ. Это публикация «Университет будущего: стратегия развития вуза» [15], представляющая результат проектной работы 20 участников Международной летней школы «Высшее образование и академическая мобильность молодежи в современных интеграционных процессах», прошедшей в ТГУ 2–5 июля 2017 г. Участники школы проанализировали направления деятельности вуза, играющие ключевую роль в его модернизации, и предложили свои рекомендации по повышению эффективности работы вуза области интернационализации и академической мобильности. Вторая публикация представляет результаты исследовательского проекта студентки из Франции, Лолы Роузи, которая обучалась в ТГУ по программе обмена в течение года. Лола Роузи инициировала и реализовала проект по изучению оценки европейских и российских студентов работы административной системы в странах ЕС и России, включая систему университетского администрирования. Ре-

спондентами были в большей степени российские и европейские студенты, обучавшиеся в Томске [16].

Кроме того, в данной статье учитываются результаты трех фокус-групп, которые были проведены в ТГУ с участие молодых россиян и иностранцев в апреле 2014 г., июне 2015 г. и июне 2016 г. Во время первой фокус-группы отрабатывалась методология исследования. Участниками фокус-группы были российские молодые ученых, которые принимали участие в академической мобильности в страны Европы. Фокус-группа в июне 2015 г. проводилась в рамках международной конференции и носила характер экспертного обсуждения феномена международной мобильности с участием молодых ученых, которые не приняли активного участия в обсуждении. Фокус-группа в июне 2016 г. была проведена в рамках международной летней школы, посвященной проблеме международной академической мобильности, и в ней были представлены, в первую очередь, молодые ученые и студенты – 15 человек в возрасте от 19 до 29 лет из России, стран Европы (Италия, Бельгия, Беларусь), Азии (Индия, Казахстан), Ближнего Востока (Сирия). Опыт международной академической мобильности имели 10 участников группы, другие пять, не имевших такого опыта, хотели бы его получить.

Европейские участники проведенного исследования представляли разные европейские стран: Норвегия, Германия, Франция, Италия, Бельгия, Великобритания и Финляндия. В основном студенты обучались в магистерских и аспирантских программах в ТГУ. Международная мобильность осуществлялась в рамках научных стажировок или программ обучения. Сфера академической подготовки – международные отношения, история, политология и право. Российские участники обучались в разных европейских странах: Польша, Чехия, Бельгия, Германия, Нидерланды, Великобритания. В основе академической мобильности были межуниверситетские договоры об обмене, программы двойного диплома, национальные программы мобильности и программы ЕС, также индивидуальное поступление на программы обучения в европейские университеты.

Для российских молодых ученых главными мотивами международной академической мобильности были престижность и востребованность заграничного образования, возможность наработки практики английского языка и языка страны пребывания (погружение в языковую среду). Были также названы цели самореализации, возможность устроиться на работу и высокий уровень заработных плат, финансовая доступность, а также возможность попутешествовать, высокий уровень благосостояния и безопасность региона. Среди личных мотивов также указаны возможность знакомства с образовательной системой зарубежных стран, получения иного образовательного и культурного опыта, апробация способов мобильной жизни, знакомство с европейской историей и культурой, языковое родство (славянских языков), комфортный климат и др. Также были отмечены профессиональные цели: продолжить обучение в той стране, которую изучали, проверить свои профессиональные способности, профессиональные амбиции. Кроме того, было отмечено желание преодолеть замкнутый круг повторений, предсказуемость жизни, выйти из зоны комфорта, желание развития и профессионального экстрима. Выбор страны мог быть «условно случайным», когда выбирали из нескольких университетов, куда были приняты на обучение после подачи документов. Среди мотивов обучения были названы также любопытство, интерес к тому, «как там учат, чему учат, какие акценты расставляют», и оказалось, «действительно, что учат по-другому, не могу сказать, что хуже или лучше, сама система совершенно другая» [13. С. 138].

Для некоторых российских респондентов стремление поучиться в Европе тесно связано с притягательным образом Европы как «пространства культуры, науки, возможностей, как интеллектуальный кластер», и «мотивы рациональные переплетаются с эмоциональными»: академические интересы и «давнее желание побывать в той части света, историю которой подробно изучают в университете, и культурой которой восхищаются». Среди рациональных мотивов академической мобильности отмечали «высокий уровень финансирования сектора науки и образования», «большое количество университетов с мировым именем». Кроме того, назывались и совершенно прагматические мотивы, такие как возможность «лишний раз побывать в Европе за счет Европейского союза», возможность получить «бонусы при трудоустройстве».

Европейские респонденты среди мотивов международной академической мобильности назвали: возможность наработки практики русского языка (погружение в языковую среду); самореализацию; возможность путешествовать и знакомиться с историей и природой принимающего региона; возможность знакомства с образовательной системой; получение нового культурного опыта; знакомство с российской историей, культурой и обществом. Важное значение в мотивации играли профессиональные цели: продолжить обучение в той стране, которую изучали; проверить свои профессиональные способности; профессиональные амбиции; желание развития и профессионального «экстрима». Среди европейских респондентов были такие, кто видел непосредственную пользу для своей будущей работы дипломата, волонтера или исследователя-международника. Для таких студентов получение опыта жизни в разных странах, включая Россию, было частью накопления «профессионального портфолио», опыта, преодоления проблем, «выход из зоны комфорта», частью личностного роста. Такие студенты полагали, что международную академическую мобильность должно активно поддерживать правительство через систему стипендий, облегчения получения визы.

Возможность обучения в России многими европейскими студентами рассматривалась как возможность

понять суть особенностей и отличия России от европейских стран, систему университетского образования, культуру общения, повседневность, политическую систему. Некоторые респонденты отмечали, что в европейских странах существует негативный образ России, формируемый средствами массовой информации, и который во многом исчезает после непосредственного опыта жизни и обучения в России. Несколько респондентов указывали на то, что международная мобильность помогает лучше понять свою страну, начать ее больше ценить, не принимать как само собой разумеющиеся те положительные аспекты жизни, которые становятся заметными после жизни в России.

Для российских респондентов проблема адаптации в Европе была оценена как «легкая», «быстрая и безболезненная», «без потрясений». Среди факторов, осложняющих процесс адаптации, большинство опрашиваемых назвали: языковой барьер, провоцирующий появление других, сложность в адаптации, ограничение круга общения, различия в менталитете, в правилах поведения в обществе, правилах оказания услуг, настороженность местного населения, обусловленная историческим прошлым. Знание иностранного языка не всегда обеспечивало легкую адаптацию, особенно вне академической среды. Как отметил один респондент, «понять беглую разговорную французскую речь оказалось решительно невозможно, чего нельзя сказать о размеренном понятном французском языке преподавателей». Среди факторов, облегчающих преодоление барьеров, названы: собственные усилия (интенсивное изучение языка), наличие русскоговорящих (в том числе бывших соотечественников), рационально организованные формы повседневности («наличие информации о транспорте, туристических достопримечательностях и т.п.»). Среди факторов, способствующих адаптации, были также названы помощь волонтеров программы Эразмус+ и популярные материалы, которые готовят для иностранных студентов.

Непривычными оказались возможность «безграничного» перемещения в рамках Шенгенской зоны («быстрого перемещения между регионами страны и сопредельными странами, не ограничиваемая формальностями»), развитость инфраструктуры, ощущение безопасности, спокойствия и комфорта в стране пребывания. Среди положительных моментов для студентов были названы хорошо организованная система общественного транспорта, возможность бесплатно посещать музеи и сравнительно дешево путешествовать по всей Европе.

Среди особенностей принимающего общества были названы чрезмерное соблюдение правил этикета, отзывчивость граждан и уровень их правосознания и высокий уровень жизни в целом. Некоторые респонденты говорили о психологических проблемах привыкания к инокультурной среде, о страхе выйти в публичное пространство, необходимости дополнительных усилий для того, чтобы общаться, понять особенности принимающего общества, его практики, принятые модели поведения. Особенно эта проблема возникала у тех, у кого был небольшой опыт мобильности вообще (даже в рамках своей страны), и тех, кто уезжал надолго и должен быть полностью встроиться в принимающее общество.

Оценивая те жизненные практики, которые россияне хотели бы перенести на «российскую почву», называли стиль общения преподавателей и студентов как «первоначальной идеи университета как корпорации профессоров и студентов», культуру общения с уважением к различиям, к личному пространству, большей личной ответственности за собственную жизнь. Однако был единичный ответ с прямо противоположной оценкой, когда респондент указывал на негативные аспекты жизни в европейских столицах: бездомные, грязь на улицах, а свой опыт оценил, что «можно было бы и не приезжать, но хорошо, что съездил, по крайней мере, набрался впечатлений».

Европейские студенты называли следующие проблемы адаптации в России: языковой барьер, непрозрачность администрирования в университетах, серьезные бытовые отличия, наличие гендерных барьеров [16], фрустрация от неспособности выразить себя на родном языке. Как отметил один респондент, проблемы особенно ощутимы в самом начале пребывания в новой стране, где не все говорят по-английски, а сам студент не говорит по-русски, когда все кажется новым и в общественных местах, и в университете, и в общежитии, и «вначале не совсем понятно, как себя вести». Но потом, с течением времени, когда устанавливается общение внутри университета, в общежитии, «понимаешь, что все очень доброжелательные, готовы помочь». Это замечание совпадает с ощущениями, которые были высказаны и российскими студентами.

Некоторые европейские респонденты отмечали низкую культуру в общественных местах (транспорт, общепит), где работающие не знают иностранного языка и не готовы проявлять вежливость и терпение в отношении иностранцев. Также некоторые респонденты отмечали нежелание россиян, даже обладающих хорошим иностранным языком, входит в близкие отношения со студентами-иностранцами, их неспособность выстроить дружественные отношения с принимающим обществом. Были и такие респонденты, кто говорил о России как о почти «второй родине», по которой они скучают в отличие от страны своего происхождения. Адаптироваться помогали предыдущий опыт путешествий, а также понимание временности пребывания в другой стране.

И российские и европейские респонденты отмечали влияние, которое оказывала международная академическая мобильность на их профессиональное и личное развитие: расширение возможностей в коммуникации (как на бытовом, так и на профессиональном уровне), улучшение знания языка, появление новых знакомств, расширение кругозора, появление новых знаний о си-

стеме образования, менталитете, культуре, традициях и обычаях принимающего общества, появление большего стремления к самообразованию, большей целеустремленности, избавление от негативных стереотипов о русских, обретение большей уверенности в себе, в собственных силах, способности справляться с жизненными ситуациями в незнакомой обстановке, профессионально развиваться в инокультурной среде, лучше организовывать свою жизнь, планировать и быть ответственным за свое благополучие. Российские респонденты отмечали обретение большей внутренней свободы, открытости, умения прислушиваться к себе, к собственным потребностям, меньшей зависимости от условностей, социального давления и контроля.

Для российских респондентов было характерным восприятие европейцев обобщенно, выделение их «общих черт»: понимании свободы, отношение к собственности, взаимоотношения государства и общества, готовность бороться за свои права, большее внимание к проблемам экологии, более высокий уровень общей культуры, общая система ценностей (цели, идеалы, убеждения, отношение к жизни), менталитет; устойчивые социокультурные установки (отчасти мифологизированные), отличающие их от людей Востока и России, и маркирующих их принадлежность к Европе и / или западной цивилизации; географический фактор (одна территория, общие границы); принадлежность к ЕС (политический, экономический, правовой уровни) и Шенгенской зоне. Хотя встретилось единичное критические рассуждение по поводу способности ЕС создать европейскую идентичность, как навязанную сверху, как механический процесс «перемешивания» людей, при том, что европейская идентичность имеет только один смысл – «географический». Сами европейские респонденты чаще определяли себя через национальную идентичность, однако отмечали и наличие европейской идентичности, как объединяющей представителей разных стран ЕС. Это подтверждает результаты исследования, которые проводят службы опроса общественного мнения в ЕС «Евробарометр». Согласно этим опросам, у жителей стран ЕС на первом месте стоит национальная и локальная идентичность, затем следуем «европейская идентичность» и затем идентичность, связанная с ЕС [17. С. 14–16].

Для европейских студентов россияне несомненно относились к особой, не обязательно связанной с Европой, общностью. Это отношение было высказано следующим образом: «...может быть они и европейцы, но очень другие»; «Россия – европейская страна, россияне – «славяне русские-европейцы»; «для меня вопрос, хотят ли сами россияне считаться европейцами»; «они русские и национальная идентичность выражена очень сильно, по сравнению с другими европейскими народами»; «евразийская страна». Другие считали, что «на чувство принадлежности к Европе влияет принадлежность к социальной группе»; «и да, и нет (несмотря на общий цивилизационный опыт, скорее Евразийская страна, слишком большая и слишком протянувшаяся на Восток)». Некоторые респонденты соотносили данный вопрос с принадлежностью к Европейскому союзу: «Россия не член ЕС, но, если россияне хотят быть европейцами, они имеет на это право, особенно, если они переезжают жить в страны ЕС». Некоторые респонденты отмечали положительные качества русских – «более терпеливые, меньше жалуются на жизнь, проблемы». Однако можно было услышать и прямо противоположную оценку русских, связанную с публичным пространством, – транспорт, магазины. Тогда респонденты указывали, что без знания иностранного языка в России к иностранцам часто проявляют раздражение, не хотят помочь, быстро теряют терпение.

Сравнивая и суммируя полученные ответы европейских и российских респондентов, можно выделить нескольких общих и различающихся моментов в оценках ожиданий (мотивация) и полученного опыта, и оценки процесса адаптации в принимающем обществе. Результаты проведенных опросов показывают, что такие исследования помогают выявить общие закономерности и неизбежно выявляют влияние субъективного опыта, который определяются в том числе и особенностями личности, большей или меньшей степени готовности человека к жизни и активному функционировании в иной культурной среде.

У всех респондентов, европейцев и россиян, профессиональные цели – получение новых и / или апробация полученных знаний, которые помогут в дальнейшем профессиональном росте, указывались как главные. Без исключений респонденты говорили о том положительном профессиональном опыте, который они получили и который будет полезным в их дальнейшей профессиональной деятельности. Дополнительные мотивы мобильности, на которые указывали респонденты, были связаны с общей ориентацией на международный характер профессиональной деятельности, и здесь были важными личные мотивы и личностные особенности человека, готового к «путешествию»: любознательность, желание знакомиться с другими странами, народами, культурной. Понимание особенности международной мобильности, как попадания в инокультурную среду, приводило к готовности подстроиться, преодолеть дискомфорт, испытать «экстрим», выйти из зоны комфорта. Тогда адаптация и проблемы адаптации понимались как неизбежная часть «путешествия».

Однако наше исследование показало, что нет прямой линейной зависимости между наличием предыдущего опыта и оценки опыта пребывания в России или в европейских странах. Наличие большого опыта мобильности в европейских странах, вероятно, создавало у некоторых европейских респондентов ожидание схожей легкой и быстрой адаптации в России. Неоправданные ожидания вызывали фрустрацию именно потому, что предыдущий опыт мобильности в Европе был легким и отсюда возникало много претензий именно к

России как к стране сложной для жизни и обучения. Иногда сложности адаптации были вызваны личностными, психологическими особенностями самого человека, и тогда было важно, чтобы человек это понимал и находил возможность справиться с этой проблемой. В зарубежных университетах, которые проводят активную политику интернационализации, существуют специальные программы, предоставляющие не только логистическую и культурно-языковую помощь иностранным студентам, но и психологическую службу. Российским вузам, несомненно, стоит изучить этот опыт.

Знание языка принимающей страны было важным фактором для облегчения адаптации. У тех европейских студентов, кто владел русским языком, такой проблемы почти не отмечалось, они легко интегрировались и легко находили друзей и совершенствовали свои профессиональные знания и навыки межкультурного общения. То же самое может быть сказано и о российских студентах. Однако российские студенты, как правило, более положительно высказывались по поводу организации образовательного процесса, характера общения с администрацией и преподавателями европейских вузов. Европейские студенты часто ссылались на проблемы организации процесса обучения, проживания в общежитиях, т.е. саму систему администрирования международной мобильности на уровне российских университетов.

Здесь стоит рекомендовать офисам российских вузов, работающих с иностранными студентами, продолжать активную работу по обеспечению легкого, постоянного контакта студентов с сопровождающими службами, помощь в освоении и совершенствовании русского языка для иностранных студентов. Можно было бы применить опыт проведения культурной адаптации, как знакомства с наиболее характерными особенностями российского общества, особенностями организации общественного пространства, системой университетского управления. Возможно, необходимо продумать и реализовывать что-то наподобие вводного интенсивного курса «погружения» в культурную и языковую среду перед началом занятий. Такой мини-курс культурно-языковой адаптации поможет студентам познакомиться в сжатые сроки с теми повседневными особенностями принимающего общества, с которыми они будут сталкиваться в течение всего времени обучения. Проведение такого курса в небольшой группе для студентов-иностранцев поможет создать положительные связи как между студентами-иностранцами, так и с принимающим университетом и городом.

Обсуждение особенностей организации международной мобильности российскими вузами как для европейских студентов, так и для россиян, показало, что российским университетам предстоит еще многое сделать для организации эффективной системы сопровождения международной мобильности и преодолеть костной административной системы, не всегда приспособленной для работы с разнообразными проблемами, возникающими у иностранных студентов [15]. Для понимания сути этой проблемы стоит учитывать и результаты исследования российского экономиста С.В. Шендеровой, которая изучала особенности и проблемы реализации программ двойного диплома между финскими и российскими университетами. По мнению С.В. Шендеровой, международная академическая мобильность выявляет проблему удвоения «транзакционной стоимости» реализуемых программ с учетом сохраняющихся административных и нормативных различий, которые умножаются особенностями академической и бюрократической культуры европейских стран и России [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. The European Higher Education Area in 2018: Bologna Process Implementation Report. Luxembourg : Publications Office of the European Union. European Commission. EACEA. Eurydice, 2018.
2. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О., Лопач О.В. Политика международной академической мобильности Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 4 (13). С. 108–115.
3. Маркина Д.М. Социально-экономические факторы, оказывающие влияние на мотивацию обучения в России иностранных студентов на примере РАНХИГС // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13, № 2. С. 58–63.
4. Чернова В.Ю. Роль международного научно-технического сотрудничества в формировании тенденций миграции научных кадров // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 257–260.
5. Tempus IV. Reform of higher education through international university cooperation. Fifth call application guidelines. EACEA 25/2011. 2011. European Commission. Tempus. URL: https://erasmusplus.rs/wp-content/uploads/2017/01/5th_call_application_guidelines_en.pdf (дата обращения: 8.04.2019).
6. Государственная программа «Глобальное образование». URL: http://educationglobal.ru/ns/employers/become_employer/ (дата обращения: 8.04.2019).
7. Проект «Экспорт образования». URL: http://government.ru/info/27864/ (дата обращения: 8.04.2019).
8. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : статистический сборник / Министерство образования и науки Российской Федерации. М. : Центр социологических исследований, 2015. Вып. 12. 196 с.
9. Россия в цифрах. 2018: Краткий статистический сборник. М. : Росстат, 2018. 522 с.
10. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Итоги научно-исследовательской деятельности в 2017 г. Томск, 2018. 167 с.
11. Абрамова М.О., Рыкун А.Ю., Сухушина Е.В., Южанинов К.М. Образовательные, трудовые и миграционные ориентации студентов томских университетов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 5–18.
12. Алексеев Т.Д. Включенность молодых ученых в международное сообщество: инструмент профессионального развития «на родине» или стимул к внешней мобильности? // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 4 (116). С. 111–126.
13. Грошева Г.В., Дериглазова Л.В. Влияние международной академической мобильности на идентичность молодежи // Европейский путь для России: за и против. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. С. 135–148.

14. Грошева Г.В., Дериглазова Л.В., Поправко И.Г. Изучение международной молодежной академической мобильности качественными методами // Антропология в поисках нового языка описания : тезисы. Томск, 2016. С. 58–59.
15. Дериглазова Л.В., Балякин А.А., Погорельская А.М., Шабалина А.Д., Катаман Д.О., Трифонова Д.Д., Шведов Д.В., Лескина Н.В., Михайлов А.М., Озубекова М., Смоленчук О.Ю., Чугунова Н.Е. Университет будущего: стратегия развития вуза // Вестник Томского государственного университетата. История. 2018. № 52. С. 71–81.
16. Роузи Л. Модернизация органов государственной власти в Европейском союзе и Российской Федерации: взгляд молодежи (на английском языке) // Европа и Европейский союз глазами ученых / ред. Л.В. Дериглазова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 97–134.
17. Standard Eurobarometer, 2018. Standard Eurobarometer 89. European citizenship. March. Published June 2018.
18. Shenderova Svetlana. Permanent uncertainty as normality? Finnish-Russian double degrees in the post-Crimea world //Journal of Higher Education Policy and Management. October 2018. P. 1–19.

Larisa V. Deriglazova. Tomsk State University (Tomsk, Russia). Email: dlarisa@inbox.ru

INTERNATIONAL ACADEMIC MOBILITY: MOTIVATION AND ADAPTATION PROBLEMS OF YOUNG SCIENTISTS FROM RUSSIA AND EUROPE

Keywords: academic mobility; youth; Russia; Europe; internationalisation of education.

Article analyses motivation and adaptation problems of young Russians and Europeans who participated in international academic mobility. The study was conducted since 2014 by qualitative methods - focus groups and semi-structured interviews. The results of the study show that along similar motivation and adaptation problems indicated by participants of the study, contextually it is different experience. The study reveals problems that Russian universities should address to be more attractive for European students and scholars. Russian Federation and European countries pursue internationalisation policy that formally could be considered as similar, although there are essential differences in the way it is implemented.

All respondents – Russian and European, put affront professional goals for the academic mobility – to receive new knowledge or to approbate received knowledge that would help them in their further professional growth. Without exception respondents talked about positive professional experience, that they received, and that would be useful in their professional carrier. Respondents referred to additional motives for the mobility that were connected with general orientation towards international character of their profession and personal motivation. The success of mobility requires some personal characteristics that are important a person who is ready for 'travel': curiosity, desire to learn about other countries, peoples and cultures. Our study demonstrated that there is no linear correlation between previous mobility experience and evaluation of academic mobility in Russia or in Europe. Extensive international experience in Europe could create expectations of easy and fast adaptation in Russia. Unfulfilled expectations could cause frustration exactly because of previous experience and this caused complains towards Russia as a country to be difficult to live in and to study. Sometime adaptation problems originated from personal specifics of the very person and it was important when a person understands this and finds ways of dealing with such problems. Foreign universities that pursue active internationalisation normally create special programs aimed at providing logistic, cultural and language assistance to international students, including psychological aid. Russian universities should examine this experience.

Good language skills were important factors for adaptation. Those European students who have good Russian language skills, didn't mention adaptation problems, they easily integrated, found friends and improved their knowledge and skills. The same is true for Russian students. At general Russian students were more positive regarding organisation of academic process, university's administration system and communication with teaching staff at European universities. European students on contrary often criticised organisation of education process, administration system of international mobility at Russian universities.

REFERENCES

1. The European Union. (2018) *The European Higher Education Area in 2018: Bologna Process Implementation Report*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. European Commission. EACEA. Eurydice.
2. Tsvetkova, N.A., Yarygin, G.O. & Lopach, O.V. (2015) Policy of international academic mobility of the Russian Federation. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – ASR: Economics and Management*. 4(13). pp. 108–115. (In Russian).
3. Markina, D.M. (2018) Socio-Economic Factors Exerting Impact on Motivation of Training in Russia of Foreign Students on the Example of the RANEPA. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and Economic Phenomena and Processes*. 13(2). pp. 58–63. (In Russian). DOI: 10.20310/1819-8813-2018-13-2-58-63
4. Chernova, V.Yu. (2018) The role of international scientific and technical cooperation in forming trends in migration of scientific personnel. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – ASR: Economics and Management*. 1(22). pp. 257–260. (In Russian).
5. The European Commission. (2011) *Tempus IV. Reform of higher education through international university cooperation. Fifth call application guidelines. EACEA 25/2011. 2011. European Commission. Tempus*. [Online] Available from: https://erasmusplus.rs/wp-content/uploads/2017/01/5th_call_application_guidelines_en.pdf.
6. Russian Federation. (n.d.) *Gosudarstvennaya programma "Global'noe obrazovanie"* [The state program "Global Education"]. [Online] Available from: http://educationglobal.ru/ns/employers/become_employer/. (Accessed: 8th April 2019).
7. Russian Federation. (n.d.) *Proekt "Eksport obrazovaniya"* ["Education Export" Project]. [Online] Available from: http://government.ru/info/27864/. (Accessed: 8th April 2019).
8. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2015) *Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossiyskoy Federatsii* [Training of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation]. Issue 12. Moscow: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy.
9. Rosstat. (2018) *Rossiya v tsifrakh. 2018: Kratkiy statisticheskiy sbornik* [Russia in numbers. 2018: A brief statistical compilation]. Moscow: Rosstat.
10. TSU. (2018) *Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet. Itogi nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v 2017 g.* [National Research Tomsk State University. Results of research activities in 2017]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Abramova, M.O., Rykun, A.Yu., Sukhushina, E.V. & Yuzhaninov, K.M. (2014) Contemporary regional students and their educational, employment and migration plans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(25). pp. 5–18. (In Russian).
12. Alekseev, T.D. (2013) Vklyuchennost' molodykh uchenykh v mezhdunarodnoe soobshchestvo: instrument professional'nogo razvitiya "na rodine" ili stimul k vneshney mobil'nosti? [Involvement of young scholars into the international community: a tool for professional development "at home" or an incentive for external mobility?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 4(116). pp. 111–126.
13. Grosheva, G.V. & Deriglazova, L.V. (2017) Vliyanie mezhdunarodnoy akademicheskoy mobil'nosti na identichnost' molodezhi [The influence of international academic mobility on the identity of young people]. In: Akulshina, A.V. (ed.) *Evropeyskiy put' dlya Rossii: za i protiv* [To be European in Russia: pro and contra]. Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU, 2017. pp. 135-148.

14. Grosheva, G.V., Deriglazova, L.V. & Popravko, I.G. (2016) Izuchenie mezhdunarodnoy molodezhnoy akademicheskoy mobil'nosti kachestvennymi metodami [Study of international youth academic mobility with qualitative methods]. In: Funk, D.A. & Nam, I.V. (eds) *Antropologiya v poiskakh novogo yazyka opisaniya* [Anthropology in Search of a New Language of Description]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 58–59
15. Deriglazova, L.V., Balyakin, A.A., Pogorelskaya, A.M., Shabalina, A.D., Kataman, D.O., Trifonova, D.D., Shvedov, D.V., Leskina, N.V., Mikhaylov, A.M., Ozubekova, M., Smolenchuk, O.Yu. & Chugunova, N.E. (2018) University of the future: the development strategy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 52. pp. 71–81. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/52/13
16. Rosi, L. (2018) Modernizatsiya organov gosudarstvennoy vlasti v Evropeyskom soyuze i Rossiyskoy Federatsii: vzglyad molodezhi [Modernization of public authorities in the European Union and the Russian Federation: a youth perspective]. In: Deriglazova, L.V. (ed.) *Evropa i Evropeyskiy soyuz glazami uchenykh* [Europe and the European Union in the eyes of scholars]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 97–134.
17. The European Comission. (2018) *Standard Eurobarometer, 2018. Standard Eurobarometer 89. European citizenship*. March. Published June 2018.
18. Shenderova, S. (2018) Permanent uncertainty as normality? Finnish-Russian double degrees in the post-Crimea world. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 40(6). pp. 1–19. DOI: 10.1080/1360080X.2018.1529134

УДК 30
DOI: 10.17223/19988613/59/20

Е.А. Омельченко

ИНТЕРВЬЮ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ И ПЕДАГОГАМИ «РУССКИХ ШКОЛ» КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ЭМИГРАНТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЗА РУБЕЖОМ

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Рассматривается возможность использования интервью с представителями администраций и педагогических коллективов зарубежных образовательных учреждений в качестве источника для изучения проблематики интеграции иноэтничных мигрантов. Из всего массива образовательных организаций, работающих за рубежом, выбраны так называемые русские школы – образовательные организации с преподаванием русского языка или на русском языке. Обосновывается возможность и важность привлечения описываемого типа источников для исследований интеграции мигрантов средствами образования и просвещения.

Ключевые слова: русскоязычное образование; интеграция; диаспора; адаптационные стратегии; мигранты.

В то время как в ряде стран постсоветского пространства сфера образования на русском языке сужается и претерпевает значительные изменения, в государствах «традиционного» зарубежья в течение последних 5–10 лет наблюдается активное развитие и рост числа образовательных учреждений с преподаванием русского языка и обучением на русском языке. Большинство из них – это частные детские сады и школы, которые созданы эмигрантами из России, Украины, Казахстана и других сопредельных стран (т.е. в целом – постсоветского пространства). Разнообразие форматов велико: это и школы выходного дня, и языковые курсы, и центры дополнительного образования, и фольклорные студии, и родительские клубы, и полноценные школы – как чисто русскоязычные, так и билингвальные и даже трилингвальные. Как правило, основная цель, которую ставят перед собой подобные образовательные организации, – сохранение детьми из русскоязычных семей языковой и культурной идентичности или, проще говоря, владения русским языком и знаний о русской культуре. Автор настоящей статьи хорошо осведомлена об этом, поскольку более 15 лет работает в программах по развитию образования на русском языке в рамках деятельности Международного педагогического общества в поддержку русского языка, основанного в 2004 г. и успешно действующего в разных странах мира[1].

Но данная цель – далеко не единственная. Многолетние наблюдения за работой таких образовательных организаций убедили автора настоящей статьи в том, что названной цели сопутствуют две, различающиеся между собой адаптационные стратегии выходцев из России и других стран постсоветского пространства – семей обучающихся. Одна из них – желание сделать интеграцию своих детей в принимающее инокультурное общество более «мягким» и психологически комфортным процессом, без потери связи с родным языком и культурой. Другая, скорее, демонстрирует неготовность к быстрой социально-культурной и психологической адаптации в принимающее общество (при этом освоение языка может быть завершено достаточно быстро, т.е. проблема явно не в языковой адаптации) и, соответственно, выстраивается на противопоставлении «своего» «чужому».

В связи с вышесказанным гипотеза настоящего мини-исследования заключается в возможности изучения адаптационных стратегий семей русскоязычных иммигрантов через выбор той или иной образовательной траектории для своего ребенка в рамках получения им как основного, так и дополнительного образования. Под этим подразумевается и выбор типа школы обучения, и количество часов, отведенных на изучение (сохранение) родного языка, и готовность или неготовность к платному обучению ребенка в «русской школе». Корректность сформулированной выше гипотезы может быть в будущем проверена путем массового социологического исследования – предпочтительно в формате анкетного опроса в среде русскоязычной диаспоры за рубежом. Но на данном этапе для ее предварительной проверки предлагается привлечь в качестве доступного на данный момент источника материалы интервью и публичных выступлений руководителей и учителей, работающих в зарубежных образовательных организациях с изучением русского языка или преподаванием на русском языке.

Территориальные рамки настоящего исследования ограничиваются, в основном, странами Европы и постсоветского пространства. Хронологические рамки используемых материалов – интервью и публичных высказываний учителей и директоров охватывают пятилетний период, с 2013 по 2018 г.

Два основных термина, на которые опирается автор настоящей статьи в своих исследованиях, – это адаптация и интеграция иммигрантов. Под адаптацией автор понимает процесс, состояние и результат приспособления иноэтничных мигрантов к новой среде обитания, влекущий за собой изменения, переживаемые, прежде всего, самим иммигрантом. Интеграция понимается автором как процесс, состояние и результат обоюдных изменений в среде мигрантов и принимающего их общества, который обеспечивает полноценное включение иммигрантов в социокультурную структуру российского общества и определенное изменение самой социокультурной структуры под воздействием этих процессов. По мнению автора, адаптация предшествует интеграции и является ее непременным условием [1. С. 157–163].

Главными составляющими интеграционного процесса, по мнению автора данного исследования, являются языковая, культурная, социальная и психологическая адаптация.

Языковая адаптация подразумевает интенсивное обучение государственному языку и приобретение в результате необходимых языковых компетенций. Именно возможность общения, приобретение коммуникативных умений и навыков лежит в основе процесса языковой адаптации. Мотивы изучения языка могут быть инструментальными и интегративными. Инструментальными они являются, прежде всего, при получении работы или образования, а если язык изучается еще и для лучшего понимания принимающего большинства, то мотивация становится еще и интегративной [2. С. 800].

В лингвистике (лингводидактике) процесс овладения языком подразумевает освоение «лингвокультурного кода», на основе которого человек становится способным успешно осуществлять коммуникацию [3. С. 2]. Говоря по-другому, это усвоение норм, устоев, ценностей принимающего общества, проявляющихся и в повседневной, и в политической культуре. Этот процесс (этап) можно считать «культурной адаптацией» мигранта, и происходит это освоение «культурных кодов» принимающего общества через знакомство с основами его истории и культуры, законами страны, этикетом и нормами повседневного общения. С понятием «культурный код» в определенной степени сближается понятие «менталитет», определяемое как комплекс коллективных культурных и социальных установок, особенностей повседневного мышления, фиксируемых в метафорах, поговорках, символах [4. С. 49].

Социальная адаптация сопутствует культурной адаптации и позволяет мигрантам лучше осваивать новые статусы и роли, вырабатывать адекватные стратегии поведения и успешно адаптироваться к окружающей среде. Очевидно, что быстрее всего процесс социальной адаптации происходит в детском возрасте, в школе, среди сверстников – представителей принимающей страны.

Процесс «социальной адаптации» включает два этапа. Первый – это знакомство с местным законодательством, освоение норм и правил социального поведения, способов взаимодействия в новом для мигранта обществе. Это этап, при котором мигрант обладает, по словам Ю.В. Арутюняна, «гостевой» идентичностью [5. С. 40]. Второй этап начинается при долговременном (от года и более) проживании на новом месте – запускается процесс формирования у мигранта чувства принадлежности к новому обществу, гражданской идентичности. Случается, что при приобретении гражданства «по браку» второй этап опережает первый, но в этом случае гражданская идентичность является только формально-правовой, а никак не внутренне осознанной. Цель же – неформальное, внутреннее осознание иммигрантом сопричастности к новой для него общности. Разумеется, приобретение новой гражданской идентичности отнюдь не противоречит сохранению собственной этнической идентичности.

Эксперты полагают, что в условиях современной городской среды социальная и культурная категоризации перемешиваются. Например, разделение труда способствует закреплению и акцентированию культурных различий. В основе категоризации социальных групп мигрантов – яркие индикаторы, например необычная внешность, речь с акцентом, непривычные нормы поведения. А в ситуации, когда люди оказываются разделенными не только культурной, но и статусной границей, наблюдается эффект увеличения воспринимаемых межкультурных различий, увеличения культурной дистанции, в результате чего создается реальная почва для формирования негативных межэтнических установок [6. С. 41]. Это говорит о необходимости целенаправленных усилий по социальной адаптации всех категорий мигрантов и прежде всего – детей из семей мигрантов, на которых часто «переносится» отношение к их родителям.

Психологическая адаптация при вхождении в иную культурную среду подразумевает ясное понимание личностной и этнической идентификации, хорошее душевное здоровье и общую способность достигать чувства личного удовлетворения в обществе пребывания, а также преодоление иммигрантом культурного шока и личную способность воспринимать изменения и подвергаться им.

Адаптация может и не завершиться интеграцией. Это означает, что иноэтничный мигрант будет иметь внешние признаки адаптации: он найдет работу и жилье, но при этом не будет интегрированным в принимающее общество, продолжит жить по иным социальным нормам и правилам, не овладеет «социальным языком» норм и правил поведения этого общества. О такой незавершенной интеграции и пойдет речь в настоящей статье.

Эксперты признают, что исторический максимум числа людей в мире, в той или иной степени владеющих русским языком, был достигнут к моменту распада Советского Союза, к 1990 г. [7. С. 83]. Тогда эта цифра, по разным данным, составляла от 297 до 312 млн человек [7. С. 83; 8. С. 17]. В 2010 г. общее

число владевших русским языком составило около 260 млн человек [7. С. 87], и на протяжении последнего десятилетия сокращение продолжается. При этом уменьшение на почти 50 млн за двадцать лет произошло, в основном, за счет стран СНГ (в том числе на 8 млн в РФ), восточноевропейских и балканских стран, а также азиатского региона [Там же. С. 87–88]. Почти не изменилось между 1990 и 2010 гг. число говорящих по-русски в странах Западной Европы и Северной Америки, в основном, за счет продолжающейся эмиграции русскоговорящих постсоветского пространства [Там же. С. 88].

Система образования всегда являлась одним из важнейших факторов поддержки и распространения языка – как государственного (для интеграции и ассимиляции в принимающее общество), так и родного (для сохранения этнокультурной идентичности). Несмотря на то, что общее число людей, владеющих русским языком, продолжает снижаться, в последнее время в ряде европейских стран, а также в некоторых других регионах мира наблюдается рост числа школ и других образовательных организаций с изучением русского языка и работающих на русском языке. Официальные данные мониторинга Министерства образования и науки свидетельствуют о том, что в постсоветских республиках количество русскоязычных и билингвальных школ (с русским в качестве одного из языков обучения) сократилось за 15 лет на 11,2 тыс. единиц [Там же. С. 97–98], а число школьников, обучающихся на русском языке, – в 2,5 раза, по сравнению с 1990/91 учебным годом [Там же. С. 101]. При этом в некоторых странах Европы тенденция противоположна: фиксируется не только сохранение, но даже рост количества подобных образовательных организаций. Примерами могут служить Словакия, Чехия, Словения, Хорватия (но есть и страны, где сокращения значительны – Германия, Польша, Болгария и др.).

Принципиально важно отметить, что рост происходит, как правило, не за счет государственных образовательных учреждений, а за счет частного сектора образования – детских садов и школ, использующих преимущественно частное финансирование [9. С. 58; 10]. Однако, так не везде: за исследуемый период больше государственных школ с программами русского языка стало, например, в Австрии (на 66 школ), в Италии (на 5 школ), на Кипре (на 5 школ) [7. С. 106]. По данным на 2015 г., в большинстве стран Западной Европы детей, изучающих русский язык, стало больше: такая ситуация наблюдается в Австрии, Швеции, Италии, Ирландии, Норвегии, на Мальте [7. С. 108]. Приводимые численные данные показывают, что во многих странах образовательные организации с преподаванием русского языка и/или обучением на русском языке являются значимой частью «образовательного ландшафта» страны, поэтому интервью с руководителями и членами коллективов таких школ могут вполне быть использованы в качестве источников для проведения разного рода антропологических и этносоциологических исследований.

По результатам исследования Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, проведенного в 2016 г. по материалам из 185 стран мира, востребованность русского языка за рубежом (с точки зрения востребованности кадров со знанием русского языка, перспектив в области бизнеса, образования, военно-технического и гуманитарного сотрудничества) соответствует целевой аудитории примерно в 125 млн человек [11]. Самый большой спрос сохраняется в странах СНГ, где количество заинтересованных в изучении русского языка составляет 100 млн человек. В масштабе 3 млн человек оценивается потребность в русском языке в Европе, в Китае, в странах Африки; по 2 млн – в Северной и Южной Америке. Спрос примерно в 1,5 миллиона обеспечивают Индия и Южно-Африканская Республика, 1 млн человек – Япония, Южная Корея, страны АСЕАН, а также арабские страны. И, что существенно в контексте темы данной статьи, примерно в 10 млн человек оценивается спрос на изучения языка в семьях соотечественников, которые проживают в других странах, но хотят сохранить у своих детей языковую и культурную идентичность [11]. В настоящее время число уже владеющих русским языком в традиционной Европе колеблется в пределах 8 млн человек, постоянно «подпитываясь» эмиграцией и трудовой миграцией из России и бывшего СССР [12].

В ноябре 2015 г. президент РФ утвердил концепцию «Русская школа за рубежом», разработанную Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) совместно с Министерством иностранных дел и Министерством образования и науки России. Данная концепция предлагает свою классификацию зарубежных учебных заведений с русским языком обучения: это, во-первых, школы при посольствах и консульских учреждениях МИД РФ (работающие по российским программам); во-вторых, российские образовательные организации, действующие на территории иностранных государств (тоже по российским программам); в-третьих, образовательные организации, созданные в соответствии с международными договорами РФ (и тоже работающие по российским программам); и, в-четвертых, государственные и негосударственные иностранные организации, осуществляющие образовательную деятельность полностью или частично на русском языке [13. С. 4–5]. Эта классификация, утвержденная официальным документом, не является полным и не охватывает все разнообразие форм обучения на русском языке и преподавания на русском языке, имеющееся в настоящее время за рубежом. Большинство образовательных организаций, о которых идет речь в данной статье, подпадают под четвертую категорию. При этом билингвальные и многоязычные школы – очень условно, поскольку не все-

гда учитывают в своей работе российские федеральные образовательные стандарты, а чаще ориентируются только на местные законы и нормативы, что вполне объяснимо.

Можно говорить о том, что в силу целого ряда социальных и культурных факторов феномен образования на русском языке в конце второго десятилетия XXI в. характеризуется увеличением разнообразия моделей и форм предоставления образовательных услуг с русским компонентом. Среди действующих в Западной Европе форм доминирует билингвальное образование, способствующее решению таких социокультурных задач, как сохранение преемственной этнокультурной идентичности индивида [14] при одновременной интеграции в принимающее общество и формировании новой гражданской идентичности. Вот как говорит об этом один из активных деятелей, развивающих образование на русском языке в Италии:

Полина Г., руководитель общественной организации, действующей в Северной Италии*: «Сохранением русского языка как родного и русских традиций у детей из смешанных семья и в семьях иммигрантов первого и второго поколений на сегодняшний день занимаются, в основном, так называемые школы дополнительного образования… Существование русских зарубежных школ возможно исключительно благодаря волонтерской деятельности руководителей школ, взявших на себя миссию поддержания и сохранения русского языка и русской культуры вне России…».*

Многие из создаваемых в последние два десятилетия в Европе и других регионах мира учреждений дополнительного образования с русским языком обучения, а также билингвальных школ – это фактически «авторские школы», где очень многое зависит от позиции руководителя. Именно руководители школ берут на себя юридическую ответственность за деятельность организаций, подбирают педагогический коллектив, а также заботятся о престиже русского языка и русской культуры в стране проживания. Поэтому изучение социально-культурных ориентаций директоров и учителей таких школ, их отношения к современным международным отношениям, к роли и месту России в современных мировых глобальных процессах крайне важно, по мнению автора настоящего исследования, и оказывает немалое влияние на формирование отношения к России среди населения городов и стран, где осуществляется такая деятельность.

Елена М., учитель многоязычной школы в Португалии: *«В начале своей карьеры я не до конца осознавала, насколько трудно быть в ответе за то, что происходит в твоей родной стране… ведь преподаватель, входя в иностранную аудиторию, становится борцом на ринге, готовым в любую минуту держать удар и защищать свой язык, культуру, историю, страну».*

Таков взгляд учителя – выходца из России, члена диаспоры российских соотечественников. Приведем также мнения учителей русского языка, не входящих в число иммигрантов – местных по происхождению, четко идентифицирующих себя со своими странами (об этом говорят маркеры «интерес к русскому языку в **моей** стране», «**вы** не плохие» и т.п.). Они также говорят о необходимости выполнения определенной «миссии», а не только передачи детям знаний о русской грамматике и фонетике:

Николина Ш., руководитель одной из частных школ Польши*: «Я долго искала свое место в жизни, и в конце концов пришла к выводу, что смогу помочь пробудить интерес к русскому языку в моей стране… Теперь русский не является обязательным для изучения во всех школах, а значит, те, кто приходят ко мне, хотят изучать его для себя, а не ради оценки в аттестате».*

Анна О., учитель русского языка в одном из грузинских сел: *«Один мальчик сказал мне: "Я должен выучить русский язык, потому что это язык моего врага"… и я поставила перед собой цель – сделать все возможное, чтобы ни у одного моего ученика больше никогда не возникало подобной мысли… Теперь уже для меня главным стало не только обучение детей русскому языку, но и убеждение в том, что вы не плохие».*

Эльмира П., учитель школы, г. Алматы: *«Именно от меня зависит то, как дети будут воспринимать русскую речь и русскую культуру. Многие из моих ребят, к моему большому сожалению, рассуждали о русском языке как языке-тиране, поработившем, поглотившем их (и мой!) родной язык!».*

Как мы видим, нередкой является ситуация, когда учителя так называемых русских школ и классов, где преподается русский язык, невольно оказываются в ситуации определенного «противостояния» с доминирующим языком и культурой, вынуждены вставать на защиту русского языка и России, и характер их взаимодействия с обучающимися приобретает не только чисто учебный, но и мировоззренческий оттенок. Это не может не оказывать влияния на учеников и – опосредованно – их родителей и, безусловно, вносит коррективы в адаптационную стратегию, реализуемую семьями иммигрантов из России и других стран постсоветского пространства, осложняет, на взгляд автора исследования, их культурную и психологическую адаптацию.

Конечно, ситуация очень сильно зависит от страны и характера ее политических отношений с современной Россией. Так, в Азербайджанской Республике в последние несколько лет наблюдается серьезный ажиотаж вокруг школ «русского сектора», где основе обучение осуществляется на русском языке. В школах выстраивались огромные очереди, а в адрес местных органов власти поступало много жалоб. Чтобы снизить общественное напряжение, возникшее вокруг этой темы, была введена онлайн-запись в школы[2].

Любовь Я., представитель общественной организации, объединяющей учителей русскоязычных образовательных учреждений в Азербайджане: *«В последние годы количество родителей, которые хотят, чтобы их дети изучали русский язык и школьные предметы на*

русском языке с первого класса, резко выросло; мест в школах не хватает. Ажиотаж вокруг школ русского сектора вызван тем, что, по мнению родителей, у детей больше перспектив для получения высшего образования в России… кроме того, считается, что в русских школах уровень подготовки выше по всем предметам, хотя, честно говоря, все не так однозначно».

Мнение о более высоком уровне образования в школах с преподаванием на русском языке характерно и для ряда новых граждан Европы, с которыми автору статьи приходилось взаимодействовать. Кто-то объяснял это наличием домашних заданий (в отличие от многих «местных школ») и более строгой дисциплиной, кто-то – применением определенных методик и подходов к организации учебного процесса.

Ирина К., представитель одной из успешных частных школ с преподаванием на русском языке, работающих в Германии: *«Конечно, в наши школы стоит очередь из желающих там учиться граждан Германии, даже не всегда русских по происхождению. Ведь в обычной германской школе с подростка даже спросить ничего не могут: его право ничего не делать нужно уважать, в соответствии с принятыми в Европе нормами. Он еще и на учителя, сделавшего ему замечание, нажалуется… потом проблем не оберешься. Мы тоже соблюдаем немецкие законы, но родители, отдающие детей в нашу школу, осознанно делают выбор в пользу учебы».*

Светлана Ш., учредитель одной из билингвальных школ Латвии*: «Высокий уровень образования, предъявляемый родителям, помогает нам выигрывать конкуренцию у государственных и латышских частных школ, а русскому языку – сохранять свои позиции в Риге».*

Конечно, в подобных высказываниях можно увидеть срез проблем и определенный кризис, который испытывают сегодня системы образования ряда европейских стран [15–17]. Но автора настоящей статьи интересует на данном этапе несколько другое: как с помощью «своих» подходов к образованию можно, по всей видимости, наблюдать процесс формирования у некоторых русскоязычных граждан Германии своей, особой идентичности.

Арина Ж., учредитель одной из частных русскоязычных школ в Северной Италии: *«Посмотрела я пару лет на то, как и чему учатся мои дети, и решила, что нужно выручать и их, и детей других наших соотечественников. Итальянский они уже выучили, пусть теперь получают качественное образование на русском: надеюсь, это не помешает им в будущем».*

На последующий вопрос автора, не лучше ли было полностью погрузить детей в социокультурные реалии современной Италии, со всеми их преимуществами и недостатками, в целях обеспечения полноценной интеграции, был получен следующий ответ: *«Во всей Европе сейчас столько людей из России и Украины, говорящих по-русски, что зачем нужна эта интеграция? Даже мой муж итальянец меня поддерживает… но законы мы соблюдаем, конечно…».*

Наталья Л., основатель одной из русских школ в Испании: *«Я все чаще встречаю людей, которые жаловались мне на то, что их дети – преимущественно подростки – не только стали забывать о своих корнях, но и в своем поведении стали совсем уж, так сказать, европейцами: потеряно уважение к старшим, не хотят и не умеют общаться, забывают русский язык… в нашей школе мы помогаем им "оставаться русскими", но это не мешает им быть гражданами своей новой страны».*

Оксана А., учитель русской школы в городе Салоники (Греция): *«Учеба в нашей школе помогает не только детям, она очень сильно помогает их мамам. Они думали, что здесь, в Греции, "медом намазано", вышли замуж, а, оказывается, все не так, как они предполагали: приходится семью тянуть. Многие уже так и говорят: мы возвращаться не будем, но у наших детей должна быть такая возможность, поэтому пусть учат русский».*

Ирина К., учредитель билингвальной школы полного дня во Франции*: «Мы работаем с разными категориями населения: как с потомками старых эмигрантов, так и с новой русскоязычной диаспорой. Она очень разнородна, но я считаю себя обязанной предоставлять всем желающим возможность получения качественного, творческого и полноценного образования на русском языке».*

Таким образом, можно предположить, что процесс развития в Европе образования на русском языке направлен не только на сохранение родного языка и культуры. С его помощью защищается не только русский язык, но и, например, ценностный взгляд на образование и его цели. В определенной степени этот процесс, судя по всему, помогает какой-то части выходцев из России и других стран постсоветского пространства позиционировать свои отличия от современных европейцев – в социальном, культурном и психологическом плане. Для проверки этой гипотезы, конечно, потребуются данные более детальных исследований, в том числе написанных на основе анализа результатов разного рода массовых опросов. В этом случае можно будет более точно ответить на вопрос, какую роль играют эти образовательные организации в сохранении языковой и этнокультурной идентичности детей русскоязычных эмигрантов – как полуторного, так и второго поколения мигрантов.

Ситуация сильно различается, в зависимости от страны проживания респондента. Так, автору настоящей статьи очень редко приходилось слышать о желательности возвращения в Россию, например, детей из семей эмигрантов, проживающих сейчас в Великобритании, или, например, в Федеративной Республике Германии. Здесь, скорее, говорят о важности получения билингвального или даже трилингвального образования и с этой целью чаще действуют прагматично, выбирая

для своих детей частные школы, поскольку в государственной системе этих стран русский язык – редкость.

Марина Б., руководительница одной из крупнейших сетей билингвальных образовательных организаций ФРГ: *«Мы с большим интересом и удовлетворением наблюдаем возникновение и развитие нового направления в институциональной поддержке детей – возникновение все большего количества детских садов и школ с поддержкой детского билингвизма и многоязычия. Это помогает семьям сохранять язык и культуру и при этом оставаться полностью интегрированными в германское общество».*

Александр П., один из учредителей частной русскоязычной школы в Великобритании*: «Главный запрос родителей, приходящих к нам, – в сохранении (или выучивании "с нуля") русского как основы для будущего ведения бизнеса с Россией, использования русского языка в учебе и науке».*

Некоторые упоминаемые выше руководители образовательных учреждений, где русский язык не только изучается, но и используется для преподавания предметов школьной программы, в свое время добились получения частичного финансирования на эти цели со стороны принимающих государств. Вместе с тем последние несколько лет одной из выявленных тенденций развития образовательных организаций с преподаванием русского языка и образования на русском языке за рубежом является отказ от любых форм государственной поддержки. Особенно характерно эта тенденция для ряда стран, переживших миграционный кризис 2015–2016 гг. и принявших значительное число новых жителей из стран Северной Африки и Передней Азии. Руководители негосударственных образовательных организаций объясняют отказ от финансирования нежеланием адаптации своих программ и своих учеников к действующим требованиям. Одним из значимых мотивов является также желание сохранить преимущественно русскоязычный контингент своих школ, кружков и детских садов, отсутствие готовности включать в число своих учеников представителей других мигрантских сообществ, для которых русский язык не является родным.

Елена Н., представитель Бельгийской ассоциации русских школ: *«С принятием государственного финансирования – как помощи в сфере образования этнических меньшинств – мы были обязаны принимать в нашу школу всех жителей района, в том числе тех, которые совсем не горят желанием учить русский. Поэтому мы осознанно отказались от грантов и субсидий и рассчитываем только на свои силы. Таков запрос семей, приводящих к нам своих детей на платной основе».*

Показателем чего может служить данная ситуация? На наш взгляд, она свидетельствует о неготовности определенной части российской диаспоры к полноценной социально-культурной интеграции в европейское общество, несогласия с его современными реалиями. И это при том, что как в отдельных европейских странах, так и на уровне всего Европейского Союза с конца 1990-х гг. очень много сделано для содействия интеграции иммигрантов. В 2005–2010 гг. действовала так называемая Гаагская программа, уделявшая особое внимание вопросам интеграции иностранцев и членов их семей [18]. В 2005 г. была также одобрена общая программа ЕС по интеграции иностранных мигрантов [19]. В Европе создан Европейский фонд интеграции, который через ряд программ содействует обеспечению интеграции (социальной, религиозной, языковой, культурной, образовательной и т.п.) [20]. Институциональные структуры Евросоюза рассматривают интеграцию иностранцев в качестве одного из стратегических политических приоритетов [21]. Но все это, как мы предполагаем, в полной мере не дает того эффекта, на который рассчитывали европейские политики. И наибольшие противоречия наблюдаются, кстати, не между «коренным» населением и русскоязычными иммигрантами, а между русскоязычными иммигрантами и иммигрантами новой волны, прибывшими в европейские государства из Сирии и других стран Ближнего Востока в течение последних пяти лет. Но это уже тема другого исследования.

Как видно из приведенных примеров, интервью с руководителями и педагогами русских школ за рубежом представляют собой достаточно обширный и ценный материал для исследования не только положения русского языка за рубежом, но и адаптационных стратегий семей русскоязычных иммигрантов разных поколений. Автор продолжит свои изыскания на данном направлении и надеется в ближайшем будущем представить более подробный анализ данного тематического материала, подготовленный уже с использованием данных некоторых анкетных опросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробная информация о деятельности Международного педагогического общества в поддержку русского языка представлена на сайте http://www.etnosfera.ru.

[2] Подробнее об этом см. в новостной ленте портала «Русский мир». YRL: https://russkiymir.ru/news/251687/ (дата обращения: 21.01.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Омельченко Е.А. Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт. М. : Этносфера, 2018. 460 с.
2. Дробижева Л.М. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Миграция в России 2000–2012 гг. : хрестоматия / под ред. И.С. Иванова: в 3 т. М. : Спецкнига, 2013. Т. 1, ч. 2. С. 789–801.
3. Черничкина Е.К. Парадигмальность проблемы билингвизма. URL: http://www.bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view= category&id=4&Itemid=37&lang=ru (дата обращения: 24.07.2017).
4. Ядов В.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. 2010. № 3.

5. Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 38–44.
6. Рыжова С.В. Идентичность москвичей (опыт исследования) // Социологические исследования. 2008. № 8.
7. Арефьев А.Л. Русский язык в системах образования стран мира // Грани российского образования. М. : Центр социологических исследований, 2015.
8. Weber G. Top Language // Language Monthly. 1997. December. № 3.
9. Бурд М. Институциональная поддержка билингвов в мире: 25 лет организации соотечественников // Этнодиалоги. Научно-информационный альманах. 2016. № 2 (51).
10. Не надо создавать русские школы: надо создавать билингвальные. URL: https://matveychev-oleg.livejournal.com/6600059.html (дата обращения: 15.01.2019).
11. Портал «Образование на русском». URL: https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=4942 (дата обращения: 24.01.2019).
12. Интервью с А.Л. Арефьевым. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/1/Arefiev_interview.pdf (дата обращения: 21.01.2019).
13. Концепция «Русская школа за рубежом». Утверждена Президентом РФ 04.11.2015 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/50643 (дата обращения: 05.01.2019).
14. Курка М.А., Млечко Т.П. Зарубежное образование на русском языке: новый социокультурный абрис // Этнодиалоги. Научно-информационный альманах. 2018. № 2 (56). С. 15–17.
15. Бодрова Е.В., Никитина С.Б. Кризис системы образования. Поиск новой парадигмы образования на рубеже XX–XXI вв. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Bodrova%26Nikitina.pdf (дата обращения: 23.01.2019).
16. Татаринцева Е.М. Система образования Латвии в условиях экономического кризиса. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sistema-obrazovaniya-latvii-v-usloviyah-glubokogo-ekonomicheskogo-krizisa-1 (дата обращения: 23.01.2019).
17. Кризис среднего образования в Европе. Сводный реферат. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2001-03-055-058-krizis-srednego-obrazovaniya-v-evrope-svodnyy-referat (дата обращения: 23.01.2019).
18. Policy Plan on Legal Migration, COM (669/2005) final. Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the European Union, 2004 (Annex 1). URL: http://europa.eu/legislation_summaries/justice_freedom_security/free_movement_of_persons_asylum_immigration/114507_en.htm (дата обращения: 21.01.2019).
19. Common Agenda for Integration, Framework for the Integration of Third-country Nationals in the European Union, COM (389/2005). URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52005DC0389 (дата обращения: 18.01.2019).
20. Council Decision of 25 June 2007, Establishing and European Fund for the integration of third-country national for the period 2007–2013 (Solidarity and Management of Migration Flows). Системные требования: Adobe Reader. URL: http://www.olai.public.lu/en/legislation/fonds-programme-ini/D-2007-06-25/decision_435_2007_EN.pdf (дата обращения: 18.01.2019).
21. Commission of the European Communities. Communication on the Hague Programme: Ten Priorities for the Next Five Years. The Partnership for European Renewal in the Field of Freedom, Security and Justice. COM (2005) 184 final. Brussels, 2005.

Elena A. Omelchenko. Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia). E-mail: etno1@dol.ru

INTERVIEWS WITH ADMINISTRATORS AND TEACHERS OF "RUSSIAN SCHOOLS" AS A SOURCE TO RESEARCH ADAPTATION STRATEGIES OF EMIGRANTS FROM RUSSIA AND OTHER POST-SOVIET COUNTRIES ABROAD

Keywords: Russian-language education; integration; diaspora; adaptation strategies; migrants.

The author of the article studies the possibilities to use interviews with directors and teachers of schools, working abroad, as a source to research the problems of ethnic migrants' integration. Of the whole array of such schools, so called "Russian schools" are selected. These are schools where Russian language is taught, or where some subjects are taught in Russian. Despite the fact that the total number of people who speak Russian on our planet is becoming less, in some regions of the world the number of schools with Russian language teaching is growing. Such trends are typical now, for example, for many European countries. Speeches dedicated to the role of Russian language and Russian schools in the contemporary political situation, made by the directors and teachers of such schools, have become the main source for this article.

The basic target of Russian schools is clear – to save Russian language and elementary knowledge of the Russian culture among the children from the Russian families. However, this target is followed by two different adaptation strategies, which are used by the students' families – emigrants from Russia and other post-Soviet countries. One of them represents a wish to make children's integration into the receiving society with alien culture a more "soft" and psychologically comfortable process, without losing links with native language and native culture. The other one represents an unwillingness to become a part of the receiving society from the socio-cultural point of view. It can be even the strategy for people who have a good level of new language and are visibly integrated into the economic life of the society. The hypothesis of this research is the following: it is possible to study adaptation strategies of the families of Russian-language migrants via a choice of this or that educational trajectory for their children within the system of basic or supplementary education.

The author of the article is sure that the role of educational system is crucial for ethnic migrants' integration into a new environment. That is why directors and teachers of Russian schools are aware of the problems of children's adaptation to the society with alien culture, as well as they reveal how they understand their own "mission" in the work with the children – both from the diaspora and the local community. Geographically the frames of this research are mostly the countries of Europe and post-soviet space. Chronologically the frames of the materials used are 5 years, from 2013 to 2018.

The article presents and analyses the speeches of the directors and teachers of Russian schools from Belgium, Great Britain, Germany, Greece, Spain, Italy, Latvia, Poland, Portugal, Azerbaijan, Georgia and Kazakhstan. The results of the mini-research show the possibility and importance to attract the described type of source to make researches in the sphere of migrants' integration via education.

REFERENCES

1. Omelchenko, E.A. (2018) *Integratsiya migrantov sredstvami obrazovaniya: rossiyskiy i mirovoy opyt* [Integration of migrants by means of education: Russian and international experience]. Moscow: Etnosfera.
2. Drobizheva, L.M. (2013) Problemy tolerantnosti v otnoshenii k migrantam [Problems of tolerance to migrants]. In: Ivanov, I.S. (ed.) *Migratsiya v Rossii 2000–2012 gg.* [Migration in Russia, 2000–2012]. Vol. 1(2). Moscow: Spetskniga. pp. 789–801.
3. Chernichkina, E.K. (n.d.) *Paradigmal'nost' problemy bilingvizma* [Paradigm character of bilingualism]. [Online] Available from: http://www.bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=category&id=4&Itemid=37&lang=ru. (Accessed: 24th July 2017).
4. Yadov, V.A. (2010) On the Nation-Specific Features of Modernization in Russia. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 3.
5. Arutyunyan, Yu.V. (2009) Ob etnicheskikh komponentakh rossiyskoy identichnosti [On the ethnic components of Russian identity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 38–44.

6. Ryzhova, S.V. (2008) Identichnost' moskvichey (opyt issledovaniya) [The identity of Moscow residents (a research experience)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8.
7. Arefiev, A.L. (2015) Russkiy yazyk v sistemakh obrazovaniya stran mira [Russian language in the education systems of the world]. In: Gorshkov, M. (ed.) *Grani rossiyskogo obrazovaniya* [Dimensions of Russian Education]. Moscow: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy.
8. Weber, G. (1997) Top Language. *Language Monthly*. 3.
9. Burd, M. (2016) Institutsional'naya podderzhka bilingvov v mire: 25 let organizatsii sootechestvennikov [Institutional support for bilinguals in the world: 25 years of organizing compatriots]. *Etnodialogi. Nauchno-informatsionnyy al'manakh*. 2(51).
10. Matveychev, O. (2014) *Ne nado sozdavat' russkie shkoly: nado sozdavat' bilingval'nye* [Do not establish Russian schools: they should be bilingual]. [Online] Available from: https://matveychev-oleg.livejournal.com/6600059.html. (Accessed: 15th January 2019).
11. Pushkin State Russian Language Institute. (2016) *Novye dannye o vostrebovannosti russkogo yazyka za rubezhom* [New data on the demand for Russian language abroad]. [Online] Available from: https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=4942. (Accessed: 24th January 2019).
12. Arefiev, A.L. (n.d.) *Interv'yu s A.L. Aref'evym* [Interview with A.L. Arefiev]. [Online] Available from: http://www.socioprognoz.ru/files/File/1/Arefiev_interview.pdf. (Accessed: 21st January 2019).
13. President of the Russian Federation. (2015) *Kontseptsiya "Russkaya shkola za rubezhom". Utverzhdena Prezidentom RF 04.11.2015 g.* [The concept of "Russian school abroad". Approved by the President of the Russian Federation on November 4, 2015]. [Online] Available from:: http://www.kremlin.ru/acts/news/50643 (Accessed:: 05.01.2019 g.).
14. Kurka, M.A. & Mlechko, T.P. (2018) Zarubezhnoe obrazovanie na russkom yazyke: novyy sotsiokul'turnyy abris [Foreign education in Russian: a new sociocultural abris]. *Etnodialogi. Nauchno-informatsionnyy al'manakh*. 2(56). pp. 15–17.
15. Bodrova, E.V. & Nikitina, S.B. (n.d.) *Krizis sistemy obrazovaniya. Poisk novoy paradigmy obrazovaniya na rubezhe XX–XXI vv.* [The crisis of the education system. Search for a new education paradigm at the turn of the 20th – 21st centuries]. [Online] Available from: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Bodrova%26Nikitina.pdf. (Accessed: 23rd January 2019).
16. Tatarintseva, E.M. (n.d.) *Sistema obrazovaniya Latvii v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa* [The education system of Latvia in the economic crisis]. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/v/sistema-obrazovaniya-latvii-v-usloviyah-glubokogo-ekonomicheskogo-krizisa-1. (Accessed: 23rd January 2019).
17. Semeko, G.V. (2001) *Krizis srednego obrazovaniya v Evrope. Svodnyy referat* [The crisis of secondary education in Europe. A summary essay]. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/2001-03-055-058-krizis-srednego-obrazovaniya-v-evrope-svodnyy-referat. (Accessed: 23rd January 2019).
18. The European Union. (2004) *Policy Plan on Legal Migration, COM (669/2005) final. Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the European Union, 2004 (Annex 1)*. [Online] Available from: http://europa.eu/legislation_summaries/justice_freedom_security/free_movement_of_persons_asylum_immigration/114507_en.htm. (Accessed: 21st January 2019).
19. The European Union. (n.d.) *Agenda for Integration, Framework for the Integration of Third-country Nationals in the European Union, COM (389/2005)*. [Online] Available from: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52005DC0389. (Accessed: 18th January 2019).
20. The European Union. (2007) *Council Decision of 25 June 2007, Establishing and European Fund for the integration of third-country national for the period 2007–2013 (Solidarity and Management of Migration Flows)*. [Online] Available from: http://www.olai.public.lu/en/legislation/fonds-programme-ini/D-2007-06-25/decision_435_2007_EN.pdf. (Accessed: 18th January 2019).
21. The European Union. (2005) *Commission of the European Communities. Communication on the Hague Programme: Ten Priorities for the Next Five Years. – The Partnership for European Renewal in the Field of Freedom, Security and Justice. COM (2005) 184 final*. Brussels: [s.n.].

УДК 39; 94(575.3)
DOI: 10.17223/19988613/59/21

М.А. Олимов, С.К. Олимова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В МИГРАЦИИ: ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ)

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Статья посвящена взаимодействию религиозного и этнического факторов в жизни мигрантов из Таджикистана, работающих в России, трансформации идентичности мигрантов, роли религиозных общин и мечетей, исламских религиозных деятелей в этих процессах. На основе материалов опросов таджикских мигрантов в России и интервью с религиозными лидерами, проведенных в 2010, 2014 и 2017 гг., анализируются особенности религиозности таджикских мигрантов в сравнении с населением Таджикистана; изучаются изменения этнического, религиозного, гражданского компонентов идентичности в динамике постсоветского развития.

Ключевые слова: идентичность, трудовые мигранты, ислам, этничность, Россия, Таджикистан.

Вот уже полвека наиболее дискуссионным вопросом в мусульманском мире является комплекс проблем, связанный с взаимоотношениями ислама и национализма, ислама и национального государства. С 2010-х гг. главным аргументом в этих дискуссиях стало оружие. Кризис светских национальных государств с мусульманским населением на фоне подъема исламистских радикальных движений стал одним из главных вызовов для международного сообщества в XXI в.

Как правило, исследователи, которые работают над темой отношений ислама и национализма, исследуют концепции и идеи, государственную религиозную политику в различных странах, политические и идеологические движения и партии. Однако эти работы затрагивают идеи, институты и течения, существующие в отдельных странах или группе стран, в то время как современный мир находится в движении, а общества приобрели подвижный характер. Миграции сталкивают постмодернистские и консервативные ранее изолированные общества, а цифровая революция ускоряет движение мира. Соответственно отношения ислама и национализма разворачиваются в мобильном мире без границ или в конфликте с границами. Кризис национальной идентичности сосуществует и взаимодействует с развитием глобальных форм ислама.

Одним из важных аспектов этой темы является изучение трансформации идентичности мигрантов, включающей гражданский, конфессиональный и этнический компоненты, роль мусульманских общин, религиозных деятелей и институтов религиозной жизни мигрантов (мечетей, молельных комнат, религиозных групп и сетей) в этих процессах. Эта тема важна так как в постсоветских странах процессы мусульманского религиозного возрождения, глобализация и развитие миграций развиваются одновременно со строительством национальных государств. Это же обстоятельство объясняет исключительную сложность отношений между государством и исламом в наших странах. Хотя в последние годы опубликовано значительное число работ, посвященных глобальному или глобализированному исламу [1–4] в странах Центральной Азии таких публикаций мало. Отчасти это объясняется трудностями проведения исследований в условиях непростых отношений между государством и религией. В то же время исследования показывают, что жесткость государственной религиозной политики часто скрывает противоречия между различными направлениями ислама [5, 6]. Глубоко скрытая фрагментация и борьба исламских движений и направлений между собой и с государством затрудняет изучение религиозной сферы в Центральной Азии. Тем не менее в последнее десятилетие появились новые работы, направленные на изучение механизмов функционирования религиозных общин в социальном и политическом контексте. С. Дюдюадьон с помощью религиозной истории Худжанда (Таджикистан) показал, как борьба за власть на местном уровне связана с борьбой за религиозную легитимность в локальном контексте [7]. Автор также обращает внимание на трансформацию отношений в религиозной среде и изменение роли отдельных религиозных властей и групп в этих процессах [7, 8]. Ряд работ посвящен религиозным лидерам и меняющейся роли религиозных деятелей в жизни стран Центральной Азии [9–11].

Несмотря на появление отдельных исследований, которые показывают изменения в религиозной жизни разных поколений [12, 13], динамика и направления трансформации религиозной жизни в «переходных обществах» по-прежнему изучена недостаточно. Особый интерес вызывают изменения религиозной жизни, связанные с масштабными миграциями, охватившими страны Центральной Азии и Россию. Это преимущественно трудовые миграции, которые вызваны экономическими причинами. В то же время религия играет важную роль в жизни мигрантов. Ислам предоставляет

моральную поддержку и зачастую является нормативно-этическим регулятором социальных отношений в мигрантской среде [14, 15].

Ряд исследователей отмечает рост религиозности среди мигрантов, работающих в России [16–18]. Н. Такер считает, что молодые трудовые мигранты из Центральной Азии воспринимают ислам острее, чем на родине, потому что религия предлагает солидарность, чувство принадлежности и разъяснение по поводу экономических трудностей и дискриминации, которую они испытывают [18. С. 3]. Материалы проведенных нами исследований также показывают, что миграция в Россию двояко влияет на мигрантов: с одной стороны, увеличивается число не практикующих мусульман, агностиков, атеистов, новообращенных в другие религии; а с другой стороны, растет доля строго практикующих мусульман и религиозных активистов [15. С. 192]. Эти наблюдения соответствуют глобальной картине религиозной жизни мигрантов. Ряд исследований показал, что многие иммигранты, в том числе мусульмане, стали более религиозными, когда они иммигрировали в страны Запада [19].

Опыт США и стран Европы показывает, что религиозная жизнь мигрантов протекает в основном в виде общинной деятельности в культовых местах, культурных центрах, этнических объединениях, организациях диаспоры, которые поддерживают связи с правительствами стран происхождения мигрантов. Однако с течением времени появляются новые поколения европейских и американских мусульман, которые воспринимают себя европейцами и активно участвуют в общественной и политической жизни в своих странах, представляя не диаспоры, а европейский или американский ислам.

В отличие от мигрантов-мусульман в странах Запада мигранты из Центральной Азии редко формируют этнические общины вокруг мечетей в России. Это можно объяснить различной историей взаимоотношений ислама и христианства в России и в странах Запада. Тем не менее, помимо исторического контекста, существует множество факторов, связанных с миграцией и влияющих на религиозную сферу. Одним из таких факторов является трансформация идентичности мигрантов. Необходимость понять, как формируется идентичность мигрантов в транснациональном движении, связывающем страны Центральной Азии и Россию, поставила следующие вопросы:

Как становление гражданских идентичностей и трансформация этнических идентичностей в странах Центральной Азии влияет на идентичность мигрантов в России? Какую роль во всем этом играет ислам? Как трансформация идентичности воздействует на религиозную жизнь мигрантов и распространение тех или иных течений ислама в мигрантской среде?

Данное сообщение посвящено взаимодействию религиозного и этнического факторов в религиозной жизни мигрантов из Таджикистана, работающих в России, трансформации идентичности мигрантов, роли религиозных общин и мечетей, исламских религиозных деятелей в этих процессах. Эмпирической основой статьи стали материалы интервью с мигрантами-религиозными активистами и религиозными деятелями, проведенными в 2014–2017 гг. в Москве и Душанбе, а также в 2016 г. в Томске в рамках реализации проекта «Этнические, религиозные и профессиональные сообщества в Северной и Центральной Азии перед вызовами глобализации: социально-антропологический анализ групповых идентичностей и сетей взаимодействия» (руководитель – проф. Д.А. Функ). Были также использованы данные опроса мигрантов, проведенного в России в 2014 г. (725 респондентов), опросов, проведенных в Таджикистане в 1996 (1 500 респондентов), в 2010 (1 193 респондента) и в 2015 гг. (2 000 респондентов). В тексте статьи данные опросов будут приведены с указанием года проведения и количества респондентов.

Трансформация идентичности в контексте постсоветского транзита. Говоря о трансформации идентичности мигрантов, надо, прежде всего, иметь в виду транснациональный характер трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. Большую часть составляют сезонные и циркулярные мигранты, которые курсируют между местами постоянного проживания и территориями, где они работают. Поэтому миграционные сообщества во многом, хотя и не полностью, воспроизводят социальную структуру и организацию материнского общества,

Общество в Таджикистане характеризуется высоким уровнем религиозности. Абсолютное большинство населения Таджикистана является верующим и исповедует ислам. Традиционно на территории Таджикистана доминирует ханафитский мазхаб суннизма, население Горного Бадахшана исповедует исмаилизм – ответвление шиизма. Так, согласно материалам опроса, в 2010 г. 99% респондентов, представляющих население Таджикистана, сообщили, что верят в бога; 94,8% признали себя мусульманами, 0,4% – христианами; 0,2% – неверующими. Из мусульман 87,1% назвали себя *суннитами*, 3,2% – *исмаилитами*, 1,4% – *шиитами*, 7,1% не сообщили, к какому течению ислама они принадлежат, 1,1% отказались отвечать. На территории Республики Таджикистан на 1 января 2017 г. действовали 3900 официально зарегистрированных мечетей, в том числе 48 центральных соборных мечетей, 326 соборных мечетей, 3 551 пятикратная мечеть. Также официально зарегистрированы и действуют три исмаилитских джамоатхоны (центры отправления культа).

После распада СССР и образования независимых государств происходило быстрое изменение идентичности. В странах Центральной Азии, также, как и в других территориях с мусульманским населением, наибольшие изменения претерпела гражданская идентичность, однако и конфессиональная идентичность не осталась неизменной. Этот факт уже был отмечен ис-

следователями. Г. Емельянова и З. Салморбекова указывали на возрождение интереса к исламу как к части духовного наследия и национальной культуры среди молодого поколения, а также подчеркивали различия религиозных взглядов между поколениями [20]. Однако наши опросы демонстрируют более сложную картину изменений религиозной идентификации от поколения к поколению.

Сравнение результатов опросов 1996 г. и 2010 г. в Таджикистане показывает, что за 15 лет число людей, которые являются мусульманами по убеждению, а не по завету предков увеличилось в 4 раза. Также заметно возросла доля тех, кто воспринимает ислам, прежде всего, как конфессию, а не как культуру, систему ценностей или образ жизни. Тем не менее в 2010 г. две трети опрошенных стали мусульманами «по наследству»: в качестве главных причин принадлежности к Исламу назывались конфессиональная принадлежность родителей – 28,6% респондентов, культурная традиция – 26,1%. Этноконфессиональную идентичность («всякий таджик должен быть мусульманином») имели 14,4% респондентов, 28,4% сообщили, что они признают ислам единственно верным вероучением, две трети из этой группы составляли молодые люди.

Через пять лет по результатам опроса молодежи в 2015 г. половина респондентов видела в исламе единственно верное учение, мировоззрение и конфессию [21. С. 114].

На вопрос о том, что дает исповедание ислама на персональном уровне респонденты отметили следующее: вера (*иман*) – 29,9% респондентов, чувство моральной чистоты, моральные устои – 22,6%, понимание смысла жизни – 13,1%, надежда на жизнь после смерти – 9,7%, надежда на справедливость – 8,4%, достижение благосостояния – 5,3%, упорядоченность жизни – 5,2%, уважение окружающих – 4,9% [13].

Хотя материалы опросов показывают возрастание значимости конфессиональной идентичности, все же наиболее важной стала гражданская идентичность. Так, в 2010 г. 57,1% указали, что они считают наиболее важной частью своей идентификации гражданскую принадлежность («Я – гражданин своей страны»). Для 17,7% опрошенных наиболее важна религиозная принадлежность, для 15% – этническая принадлежность. Остальные сочли наиболее важной для себя региональную, локальную идентичность или отметили, что все части идентичности одинаково важны.

Говоря о взаимосвязях между различными компонентами идентичности, свойственной обществу в Таджикистане, следует отметить, что они входят в один «портфель» и не конкурируют между собой. В то же время они не создают единую идентичность, где этноним «таджик» включает гражданство и конфессиональную принадлежность. Также не распространена этноконфессиональная идентичность, как, например, в Боснии, Пакистане, Индии, где существует понятие «этнический мусульманин». Это происходит потому что территория современного Таджикистана, наряду с Узбекистаном была «сердцем ислама», т.е. территорией абсолютного доминирования ислама, где иноверцы были редким явлением. Всеобщность ислама объединяла множество народов и народностей, проживавших на этих территориях.

Трансформация идентичности в миграции: религия и этничность. Важнейшими компонентами идентичности мигрантов, также как и населения Таджикистана в целом, являются этничность, конфессиональная идентичность, региональная / локальная идентичность и гражданство. Опросы мигрантов, в том числе проведенные в России, указывают на следующую, редко варьирующуюся иерархию идентичностей: таджик, мусульманин, носитель таджикского языка, гражданин. Реже упоминалась региональная принадлежность.

Эмпирические данные показывают, что идентичность и социокультурный багаж мигрантов в процессе адаптации к новым условиям неизбежно трансформируется. Мигранты меняются в ходе создания специфических моделей взаимодействия, которые позволяют им поддерживать контакты и с отправляющим, и принимающим обществами.

Миграция трансформирует идентичность: а) на персональном уровне – меняется содержание, вес и соотношение отдельных компонентов идентичности. Что касается таджикских мигрантов, то наибольшим изменениям подвергается гражданская идентичность и этничность. Если в Таджикистане этнический компонент идентичности по сравнению с гражданством слабо выражен, то в России он приобретает первостепенную значимость. В России таджик – это этноним, который во многом определяет его правовое положение, социальный статус, место проживания, круг общения, уровень заработной платы и т.д. Приобретение российского гражданства ведет к глубокой трансформации и гражданского компонента, и этничности, и конфессиональной идентичности: б) на уровне социальных институтов – растет влияние мигрантских земляческих сетей, религиозная община приобретает сетевой характер; в) на уровне религиозных институтов – российские мечети меняются и гибко подстраиваются в ответ на массовый приток мусульман из различных стран, изменения религиозных общин меняют функции мечетей, лингвистические практики, характер и методы религиозного образования.

Рассмотрим трансформацию идентичности мигрантов в сравнении с населением Таджикистана в целом. Прежде всего, среди мигрантов намного меньше людей, которые идентифицируют себя с таджикским или узбекским гражданством. Более важной становится этническая принадлежность.

Интервью с сотрудником ресторана, Москва: *«…мы, прежде всего таджики. Гражданство не очень важно… То, что мы самаркандцы – это во вторую очередь».*

Мигранты значительно сильнее ориентируются на Россию, чем население Таджикистана. Среди них на треть больше респондентов, которые гордятся культурной и исторической связью с Россией. Подавляющее большинство опрошенных мигрантов считает, что Россия является важнейшим стратегическим партнером и сюзереном Таджикистана. Однако 72,8% на вопрос «В какой стране Ваш дом?» ответили – в Таджикистане, 19,2% назвали Россию, 2,6% – другую страну, 5,4% респондентов затруднились с ответом [22. С. 47–48]. Поиски идентичности заставляют мигрантов и представителей таджикской диаспоры в РФ обращаться к прошлому, вспоминать общую страну СССР. Среди них распространена ностальгия по СССР. Что касается этнического компонента идентичности, то в России он выступает ключевым компонентом идентичности мигрантов – этничность считают наиболее важной для себя 34% респондентов – мигрантов. Это заметно контрастирует с весом этничности в идентичности жителей Таджикистана.

Очень интересные процессы происходят среди мигрантов из Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Все больше представителей памирских этнических групп отказывается от этнонима «таджик», предпочитая собирательный термин «памирец». Среди мигрантов – этнических шугнанцев формируется самостоятельная этническая идентичность.

Заметным отличием идентичности мигрантов является повышенное значение региональной / локальной идентичности. Для трети респондентов-мигрантов (30%) она является наиболее важной. Она более важна, чем национальность, ислам, и гораздо более важна, чем гражданство Республики Таджикистан. Высокая значимость региональной идентичности объясняется инкорпорированностью мигрантов в сети, организованные на региональной основе. Мигранты адаптируются в России преимущественно в рамках мигрантских сетей, соответственно региональное происхождение является для них исключительно важным маркером идентичности. Религиозная идентичность имеет наибольшую важность только для 21% опрошенных мигрантов (опрос 2010 г.).

Наиболее интенсивно трансформация идентичности идет в диаспорах. Для них свойственны кризис и размывание идентичностей, особенно во втором поколении диаспоры, частично утрачивающем знание языка родителей, связи с конкретной местностью (регионом Таджикистана) и государством происхождения. Даже более устойчивая к внешним воздействиям религиозная идентичность иногда подвергается эрозии, особенно в смешанных семьях [22. С. 48–49]. В то же время формируется религиозная идентичность с наполнением, свойственным России.

Интервью с религиозным деятелем, Москва: *«…мусульмане, которые сегодня получают образование в школах и вузах России, мыслят иначе. Они выросли в России, а не в Таджикистане. У них другие представления жизни, другие интересы и ценности. Если даже взять с точки зрения понимания Ислама, они понимают его исходя из жизни в России».*

Изменения религиозного компонента идентичности мигрантов. Таджикские мигранты отличаются высоким уровнем религиозности: 94,5% опрошенных верят в бога, 2,6% не считают себя верующими, остальные не определились (сравним с данными опроса молодежи Таджикистана 2016 г., согласно которым 100% опрошенных верили в бога) [21. С. 114].

Среди верующих около 3% считают себя последователями христианства, бахаи, зороастризма, буддизма, остальные считают себя мусульманами; 62,4% мигрантов-мусульман назвали себя «просто мусульманами», а каждый четвертый сообщил, что он суннит (опрос 2014). Для 93% мигрантов религия – важная часть их жизни. (сравним: 97% респондентов, представляющих население Таджикистана, указали, что религия – это важная часть их жизни – опрос 2010).

Интервью с мигрантом-строителем, активистом мечети, Москва: *«Да, мы таджики-мусульмане, мы должны молиться, держать пост, идти по правильному пути».*

Что касается следования тем или иным школам и направлениям ислама, то среди мигрантов можно выделить две группы: 1) традиционалисты-ханафиты, которые негативно относятся к салафитам, Хизбут-Тахрир и другим «нетрадиционным» течениям; 2) приверженцы новых течений глобального ислама. Особняком находятся исмаилиты. Однако большинство опрошенных мигрантов-мусульман плохо понимают различия между мазхабами; 41% респондентов не смогли идентифицировать себя с какой-либо исламской школой; 18,5% уклонились от ответа. Можно предположить, что эти ответы объясняются не только слабыми религиозными знаниями, но и распространенным в среде мигрантов отказом от разделения на мазхабы. Несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов-мигрантов из Таджикистана идентифицируют себя как мусульмане, доля практикующих мусульман среди них заметно ниже, чем на родине.

Интервью с мигрантом из Таджикистана, водителем, Москва: *«Каждый день намоз (молитву) не читаю – некогда. Хожу 2–3 раза в неделю в мечеть на Проспекте Мира или на Новокузнецкой. У нас в Москве есть проблема мечети. На пятничных молитвах нет мест для совершения молитвы. Многие не ходят на пятничные молитвы, потому что не могут найти себе место».*

Мечеть и мигранты. В жизни мигрантов очень важна роль мечети. Почти все мигранты посещают мечеть с разной степенью периодичности. Наиболее часто ходят в мечеть в России мигранты из Таджикистана, придерживающиеся традиционного суннизма – среди них 36,4% посещают мечеть еженедельно или чаще. Реже всего молятся в мечети те, кто не знают своего мазхаба, либо отвергают разделение на мазхабы (опрос 2014 г.).

В работах, посвященных исламу в Евразии, мечеть обычно рассматривают как центр религиозной жизни, религиозного образования, пропаганды тех или иных течений ислама. Это действительно так, однако функции мечети в мигрантской среде значительно шире и разнообразнее. Самой важной для мигрантов функцией мечети является религиозное, морально-этическое руководство в духовной и повседневной жизни, которое предоставляют имамы и в целом джамоат (религиозная община) [15. С. 194].

Мечети объединяют религиозных активистов, практикующих верующих, дают им навыки социальной активности, предоставляют возможность изучать исламские науки. Для мигрантов – непрактикующих мусульман посещение мечети хотя бы два раза в год во время мусульманских праздников имеет символическое значение принадлежности к исламу и мусульманской умме. Часто мигранты интегрируются в принимающее общество именно через мечеть, находя там не только моральную поддержку, но и социальные контакты, обеспечивающие решение основных жизненных задач – легализацию, поиск жилья, трудоустройство [15. С. 196–197]. Исключительно важна роль мечети в организации благотворительности. Наряду со сбором средств в виде религиозного налога «*закят*» в мечетях организуется сбор денег, направленный на помощь конкретным людям в случае необходимости.

Интервью с религиозным деятелем-мигрантом, Москва: *«В каждой мечети и магазинах мечети (Халял) стоят сундуки от фонда "Закят", куда люди могут бросать деньги. У фонда "Закят" есть свой сайт, лицевой банковский счет. Есть люди, которые вкладывают деньги на счет этого фонда. Всем этим занимается бухгалтерия мечети. Также из этих средств предоставляется помощь по перевозке тел (умерших или погибших мигрантов) на родину, помощь больным и т.п.».*

Важную роль мечети играют в трансформации идентичности мигрантов. Об этом свидетельствуют не только самопрезентации мигрантов, но и внутренние изменения ислама, касающиеся религиозной практики, институциональной организации религиозной жизни, взглядов на участие ислама в политической и частной жизни, распространения новых религиозных взглядов и течений среди мигрантов. В мечети сталкиваются догматический и национальный ислам, локальные традиции и глобальные формы ислама.

Мигранты испытывают кризис религиозной идентичности в столкновении с принимающим обществом, включая столкновения с местными мусульманами в крупных городских мечетях. Различия в богослужении являются одной из дискуссионных проблем для имамов мечетей. Каждая община формирует собственный ответ на этот вопрос. В некоторых мечетях считают приемлемой комбинацию различных вариантов молитвы, в то время как в других мечетях имамы считают это нежелательным. В ряде мечетей имамы пытаются создать определенный порядок для разных мазхабов и школ ислама. Как правило, религиозные лидеры стремятся избежать «этнизации» мечетей.

Интервью с мигрантом из РТ – религиозным деятелем, Томск: *«Мечеть – это дом Бога, мечеть открыта для всех людей, независимо от того, кто они. Мечеть строится обществом для людей. Нет татарской, узбекской или иной мечети».*

И все же в религиозных общинах существуют противоречия между представителями тех или иных этносов, придерживающихся разных локальных форм ислама. Интервью с религиозным деятелем, Душанбе*: «Сотни лет татары живут на территории России. Десять лет тому назад татары составляли абсолютное большинство представителей мусульманской общины. Но теперь изменился национальный состав мусульман России. К сожалению, этого не понимают мусульманские деятели. Они, по-прежнему, продолжают считать себя татарскими муфтиями и работают, преимущественно, с татарским населением».*

В ряде российских городов сохраняется практика, когда имамами-хатибами в мечетях становятся в основном этнические татары. Интервью с религиозным деятелем, Москва: *«Никакого разделения нет, и нет отдельных мечетей для тех или иных категорий людей. Никаких разделений по национальности тоже нет. Имам-хатибы мечетей почти все татары. В других регионах России имамы в мечетях – в основном, татары. Их ноибы / заместители – таджики».*

Необходимость ответа на изменение и расширение национального состава паствы российских мечетей заставляет расширять состав сотрудников мечетей, включая заместителей имам-хатибов, принадлежащих к той или иной этнической группе и иногда представляющих локальные формы ислама. Включение мигрантов в жизнь российских мечетей институционализировано не только через институт заместителей имам-хатибов-мигрантов, но и через лингвистическую практику – чтение проповедей на арабском, татарском, русском и языке мигрантов – таджикском, узбекском, киргизском или смешанном тюркском [23]. Так происходит адаптация к религиозной действительности в России, в ходе которой происходит трансформация религиозной идентичности.

Интервью с религиозным деятелем, Москва: *«Необходимость мечети для мигрантов чувствуется, но только, чтобы она не принадлежала этнической или еще какой-либо группе. В столице России, городе Москва все должно быть на русском языке. Русский язык – официальный государственный язык. Кто бы ни был имамом, он должен говорить на русском языке».*

***Вопрос**: «Может кто-то из посетителей не знает русского языка?»*

«Он может после чтения намаза спросить у имама. Ему могут объяснить на узбекском или таджикском языке».

Среди прихожан больших мечетей возникают микрообщины. Группы верующих, объединенные общим

происхождением, этничностью, языком, локальной формой ислама встречаются в мечети и обсуждают вопросы веры с заместителями имам-хатибов, с мусульманскими интеллектуалами, религиозными активистами – представителями своей этнической группы. Интервью с религиозным деятелем, Москва: *«Если даже таджики соберутся в мечети и будут обучать друг друга Корану или хадисам, им никто не будет мешать, препятствовать в этом».*

Тем не менее формирование этнических групп внутри религиозной общины прихожан той или иной мечети не является повсеместной практикой. Обычно мечети редко поддерживают отношения с представителями диаспорных организаций (национально-культурными автономиями) и практически не контактируют с представителями посольств стран происхождения мигрантов. И все же в ходе проведения исследования встречались случаи, когда мечети или отдельные имамы устанавливали связи с диаспорными организациями для решения проблем мигрантов. Интервью с мигрантом из Кыргызстана, Томск: *«Иногда, когда появляются проблемы, их решает имам. Он контактирует с киргизской автономией, выходят на власти и решают. (Это распространено) особенно среди строителей».*

Сети. Мечети – не единственный институт, определяющий религиозную жизнь мигрантов. Не менее важную роль играют мигрантские и религиозные сети, в которых действуют религиозные активисты и неформальные мусульманские деятели. Согласно данным наших исследований последних лет, мигрантские сети выполняют самые разнообразные функции. Они помогают легализоваться – способствуют оформлению патентов, регистрации, позже – организуют выезд и въезд через ближайшую границу для оформления новой регистрации, трудоустраивают мигрантов, обеспечивают жильем, помогают им в начальный период устройства, предоставляют финансовую помощь, осуществляют патронаж, дают профессиональное обучение, создают условия для удовлетворения религиозных потребностей мигрантов. Сети имеют неформальный характер, хотя и взаимодействуют с государственными институтами принимающего общества – диаспорными организациями, национально-культурными автономиями, НКО, масс-медиа, мечетями. По сути дела, именно сети выполняют функции посредничества между транснациональными мигрантами и принимающим и отправляющим национальными государствами [15]. Структурно сети основаны на разных уровнях солидарности – локальный уровень (село, квартал-махалла), родственный, земляческий уровень.

Сети на родственной основе – это, как правило, узкие сети. Они включают маленькие мигрантские группы (бригады) или отдельных мигрантов. Если мы посмотрим, кому доверяют мигранты, то увидим, что мигранты, в отличие от остального населения Таджикистана, не доверяют духовным лидерам – ни местным муллам, ни национальным духовным авторитетам – эшонам и муфтиям, ни муллам в российских мечетях. Как правило, наибольшим доверием пользуются бригадиры. Бригадир обычно является старшим родственником, соседом или земляком, которые зачастую играют роль халифа – руководителя молитв и религиозной жизни в целом. Одновременно родственные сети вписаны в широкие земляческие сети. Самостоятельное значение имеют родственные сети предпринимателей, мелких торговцев-продавцов сельхозпродукции, которые используют сетевую солидарность не только для трудоустройства, поиска жилья, оформления документов и т.д., но и в своем бизнесе. Кроме родственных и земляческих сетей, существуют также сети, основанные на товариществе. Это группы сверстников, которые периодически встречаются (обычно раз в месяц), обмениваются мнениями, обсуждают широкий круг вопросов и просто развлекаются.

Сетевые связи пронизывают миграционные сообщества. Раньше диаспоры и миграционные сообщества мало и плохо контактировали друг с другом. Однако исследования последних пяти лет показали, что сообщества таджикских мигрантов стали сближаться с диаспорой и объединяться с ней, т.е. происходит приспособление к условиям России, где этничность играет исключительно важную роль и этнические формальные и неформальные организации являются контрагентами власти. Таким образом, прибывающие мигранты с помощью сетей адаптируются к российскому обществу и с помощью диаспоры интегрируются в него.

Следует помнить, что для сетей не важны этничность и гражданство, но очень важна религиозность, так как сети миграции – это сети доверия. Доверие обеспечивается социальными нормами и ценностями мигрантов, сформированными на родине. Тем не менее в миграции эти нормы и ценности подвергаются экзамену, они постоянно пересматриваются как в рамках жизни мигрантов в России, так и в параллельной жизни на родине. Поэтому религия так важна в жизни таджикских мигрантов. В краткосрочных контактах в период миграции приверженность нормам ислама является эквивалентом хорошей репутации. Она обеспечивает доверие и хорошие контакты с единоверцами-мусульманами – гражданами РФ.

Тот факт, что функционирование таджикских миграционных сетей во многом определяется мусульманскими нормами и ценностями, объясняет вовлеченность сетей в религиозную активность. Именно сети, землячества, бригады обеспечивают религиозно-ритуальные потребности большинства мигрантов. Они организуют похороны, поминки, проведение религиозных ритуалов: 34,8% всех опрошенных мигрантов организовывали выполнение таких обрядов, как похороны, поминки, 18,9% организовывали проведение религиозных ритуалов [24. С. 39].

Выводы. В мобильном транснациональном сообществе мигрантов и их домохозяйств, которые живут в

постоянном движении между Таджикистаном и Россией, образуются сложные многокомпонентные идентичности, в которых присутствует и Таджикистан, и Россия. Среди мигрантов почти в два раза меньше людей, которые идентифицируют себя с таджикским гражданством. В то же время этничность приобретает большую значимость. Меняется и конфессиональный компонент идентичности.

Адаптация к условиям России, формирование новых идентичностей, соединяющих гражданство России и Таджикистана, резко усилившуюся этничность и конфессиональную идентичность, с одной стороны, создают почву для появления идентичности этнического мусульманина, а с другой – обостряет ощущение нахождения в глобальной умме. Фрагментация идентичностей мигрантов наряду с формированием этноконфессиональной идентичности способствует растущей диверсификации направлений ислама, углублению конфликтов между ними и распространению глобального ислама. В разноголосице мнений и позиций мигранты переходят из одного течения ислама в другое, обращаются к самостоятельному чтению и трактовке текста Корана, попадают под влияние различных проповедников. Все это является процессом глобализации ислама, который признает только Коран.

Трансформация идентичности мигрантов оказывает влияние на религиозную сферу в России, меняя и расширяя функции мечетей, меняя организацию религиозной жизни, увеличивая разнообразие практик взаимодействия между мигрантскими религиозными общинами и мечетями, этническими организациями различного рода и государством.

Исламский интегризм и международная миграция создают транснациональные исламские сети. Новые коммуникационные технологии и Интернет соединяют локальные мусульманские общины в Таджикистане, мигрантские общины в России с другими регионами мира, включая Южную Азию, Ближний Восток, Европу. Это приводит к диверсификации исламских ориентаций, формированию глобального исламского халифата, а также к конфликтам между молодежью и старшим поколением по широкому кругу вопросов веры и религии [25–27]. Мигрантские религиозные общины и мечети находятся на острие этих процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Roy O. Globalized Islam: the search for a new Ummah. New York : Columbia University Press, 2004.
2. Mandaville P.G. Transnational Islam in South and Southeast Asia movements, networks, and conflict dynamics. Seattle, Wash : National Bureau of Asian Research, 2013.
3. Csordas T.J. Transnational transcendence: essays on religion and globalization. Berkeley : University of California Press, 2009.
4. Collier E.W., Strain Charles R. (ed.). Religious and Ethical Perspectives on Global Migration. Plymouth (UK) : Lexington Books, 2014.
5. Dudoignon S. From ambivalence to ambiguity? Some paradigm of policy making in Tajikistan // L. DeMartino, ed. Tajikistan at a crossroad: the politics of decentralization. CIMERA situation report, January, 2004. P. 120–151.
6. Olimova S., Tolipov F. Islamic Revival in Central Asia: The cases of Uzbekistan and Tajikistan, Documentos CIDOB ASIA 26, 2011.
7. Dudoignon S. 'From revival to mutation: the religious personnel of Islam in Tajikistan, from de-Stalinization to independence (1955–91)' // Central Asian Survey. 2011. Vol. 30 (1). P. 53–80.
8. Dudoignon S. Noack Ch. Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s). Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2014. 541 p.
9. Epkenhans T. Muslims without learning, clergy without faith. Institutions of Islamic learning in the Republic of Tajikistan // M. Kemper, R. Motika and S. Reichmuth (eds) Islamic education in the Soviet Union and its successor states. Abingdon : Routledge, 2010. P. 313–348.
10. Babadjanov B., Malikov K., Nazarov A. Islam in the Ferghana Valley: Between National Identity and Islamic Alternative // Starr F. et al. eds. Ferghana Valley: The Heart of Central Asia. NY. : Sharpe, 2011.
11. Roche Sophie (ed). Central Asian intellectuals on Islam: between scholarship, politics and identity. Berlin : Klaus Schwarz, 2014.
12. Stephan M. Moral Education, Islam and Being Muslim in Tajikistan, in Chris Hanned, Religion, Identity, Postsocialism. Halle/Saale : Max Planck Institute for Social Anthropology, 2010.
13. Olimova S. Islam and Muslim Youth in Tajikistan // Islam & Muslim Youth in Central Asia and Caucasus ICYF-DC Baku. 2018. P. 80–104.
14. Boboyorov H. Kinship and Islam: The Role of Collective Identities in Shaping Institutional Order of Patronage in Southern Tajikistan. PhD Dissertation. Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn, 2011.
15. Олимова С., Олимов М. Миграционные сети и ислам: религиозная жизнь таджикских трудовых мигрантов в России //Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии / под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. М. : Дело, 2017. С. 179–202.
16. De Cordier B. The (in)visible Hand of Muhajirat: a Field Observation on Labour Migration, Social Change and Religion in the Vakhsh Valley, Tajikistan // Handbook of Research on Development and Religion / Matthew Clarke (ed.). Cheltenham, UK ; Northampton, MA, USA : Edward Elgar, 2013. P. 521–538.
17. Roche Sophie. The Role of Islam in the Lives of Central Asian Migrants in Moscow // CERIA. Brief 2 (2 October). 2014. URL: http://centralasiaprogram.org/blog/2014/11/18/islam-and-migrants-in-moscow (дата обращения: 12.11.2018).
18. Tucker N. Islamic State Messaging to Central Asian Migrant Workers in Russia. Central Eurasia - Religion in International Affairs (CERIA) Briefs, G.Washington University Central Asia Program. 23 February 2015. URL: athttp://centralasiaprogram.org/blog/2015/02/23/islamic-state-messaging-tocentral-asians-migrant-workers-in-russia (дата обращения: 5.12.2016).
19. Foley M.W., Hoge D.R. Religion and the New Immigrants. How Faith Communities Form Our Newest Citizens. Oxford University Press, 2007.
20. Yemelianova G., Salmorbekova Z. Islam and Islamism in the Ferghana Valley // Yemelianova G. (ed.) Radical Islam in the Former Soviet Union. New York : Routledge, 2010. P. 226–227.
21. Олимов М., Сахибов Ш. Молодежь Центральной Азии. Таджикистан. Алматы, 2017. 396 с.
22. Мукомель В.И. Диаспора – партнер по развитию Таджикистана. Душанбе : Международная организация по миграции, 2014. 149 с.
23. Бухари-заде Н. Старые и новые мусульмане Москвы: осторожные отношения // Фергана. 2015. 26 янв. URL: http://www.fergananews.com/articles/8383
24. Olimova S., Kumar K. Migration and Development in Tajikistan – Emigration, Return and Diaspora. Moscow : International Labour Organization, 2010.
25. Olimova S. The current state of religious education in Tajikistan: an overview of the situation with recommendations // Bitter J.N. et al. (eds). From confidence building towards co-operative coexistence.The TajikexperimentofIslamic-secularдialogue. Demokratie, Sicherheit, Frieden 172. Baden-Baden : Nomos, 2005. P. 239–254.

26. Harris C. Muslim youth. Tensions and traditions in Tajikistan. Boulder : Westview Press, 2006.
27. Олимова С. Молодежь и ислам в Таджикистане (социологический анализ проблемы) // Расы и народы : ежегодник. М. : Наука, 2006. Вып. 32. С. 157–179.

Muzaffar A. Olimov. Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan). E-mail: muzaffarolimov@mail.ru
Saodat K. Olimova. Research Center Sharq (Oriens), (Dushanbe, Tajikistan). E-mail: s_olimova@mail.ru

TRANSFORMATION OF IDENTITY IN MIGRATION: ETHNICITY AND RELIGION (ON THE EXAMPLE OF TAJIK LABOUR MIGRATION IN RUSSIA)

Keywords: identity; labor migrants; Islam; ethnicity; Russia; Tajikistan.

This paper studies the interaction between religious and ethnic factors in religious lives of Tajik migrants in Russia, the transformation of the identity of migrants, the role of religious communities and mosques, and the role of religious leaders in these processes. The paper uses survey results of Tajik migrants in Russia and interviews with religious leaders in 2010, 2014 and 2017 and studies religiousness of Tajik migrants in comparison with the population of Tajikistan, changes in ethnic, religious and civil components of identity in the context of the post-Soviet transition.

In the mobile transnational community of migrants and their households who live in a constant movement between Tajikistan and Russia, complex multicomponent identities are formed, in which both Tajikistan and Russia are present. Among migrants, there are almost half as many people who identify themselves with Tajik citizenship. At the same time, the ethnic identity becomes more significant and the religious component of identity is also changing.

The paper shows that migration transforms identity: a) on a personal level: the content, weight, and ratio of individual components of identity change; b) on a level of social institutions: growing influence of migrant compatriot networks, religious communities acquire a network character; c) on a level of religious institutions: Russian mosques are adapting and flexibly adjusting in response to a massive influx of Muslims from different countries.

Changes in a composition of religious communities transform functions of mosques, organization of their activities, and linguistic practices. However, migrants rarely form ethnic communities around mosques in Russia. Mosques, and migrant networks contribute to formation of new identities of migrants, connecting the citizenship of Russia and Tajikistan with an increased importance of ethnic and religious identity. On the one hand, this creates a basis for emergence of an “ethnic Muslim” identity, and on the other, it sharpens a sense of solidarity with the global Ummah.

The influx of migrants to Russian mosques contributes to the exacerbation of contradictions between Islamic integrationism and nationalism, local traditions and global Islam. Along with this, Islamic integrationism and international migration create transnational Islamic networks. New communication technologies and the Internet connect local Muslim communities in Tajikistan, and migrant communities in Russia with other regions of the world. This leads to a diversification of Islamic orientations and a spread of global Islam.

REFERENCES

1. Roy, O.(2004).*Globalized Islam: the search for a new Ummah*. New York: Columbia University Press.
2. Mandaville, P.G.(2013) *Transnational Islam in South and Southeast Asia movements, networks, and conflict dynamics*. Seattle, Washington: National Bureau of Asian Research.
3. Csordas,T.J. (2009) *Transnational transcendence: essays on religion and globalization*. Berkeley: University of California Press.
4. Collier, E.W. & Strain, Ch.R. (eds) (2014) *Religious and Ethical Perspectives on Global Migration*. Plymouth (UK): Lexington Books,
5. Dudoignon, S. (2004) From ambivalence to ambiguity? Some paradigm of policy making in Tajikistan. In: DeMartino, L. (ed.) *Tajikistan at a crossroad: the politics of decentralization*. CIMERA situation report. January. pp. 120–151.
6. Olimova, S. & Tolipov, F. (2011) Islamic Revival in Central Asia: The cases of Uzbekistan and Tajikistan/ *Documentos CIDOB ASIA*. 26.
7. Dudoignon, S. (2011) From revival to mutation: the religious personnel of Islam in Tajikistan, from de-Stalinization to independence (1955–91). *Central Asian Survey*. 30(1). pp. 53–80. DOI: 10.1080/02634937.2011.557857
8. Dudoignon, S. & Noack, Ch. (2014) *Allah’s Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s)*. Berlin: P Klaus Schwarz Verlag.
9. Epkenhans, T. (2010) Muslims without learning, clergy without faith.Institutions of Islamic learning in the Republic of Tajikistan. In: Kemper, M., Motika, R. & Reichmuth, S. (eds) *Islamic education in the Soviet Union and its successor states*. Abingdon: Routledge. pp. 313–348.
10. Babadjanov, B., Malikov, K. & Nazarov, A. (2011) Islam in the Ferghana Valley: Between National Identity and Islamic Alternative. In: Starr, F. et.al. (eds) *Ferghana Valley: The Heart of Central Asia*. New York:Sharpe.
11. Roche, S. (ed). (2014) *Central Asian intellectuals on Islam: between scholarship, politics and identity*. Berlin: Klaus Schwarz.
12. Stephan, M. (2010) Moral Education, Islam and Being Muslim in Tajikistan. In: Hanned, Ch. *Religion, Identity, Postsocialism*. Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology.
13. Olimova, S.(2018) Islam and Muslim Youth in Tajikistan. In: ICYF-DC. *Islam &Muslim Youth in Central Asia and Caucasus*. Baku: [n.d.]. pp. 80–104
14. Boboyorov, H. (2011) *Kinship and Islam: The Role of Collective Identities in Shaping Institutional Order of Patronage in Southern Tajikistan.* PhD Dissertation. Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn.
15. Olimova, C. & Olimov, M. (2017) Migratsionnye seti i islam: religioznaya zhizn' tadzhikskikh trudovykh migrantov v Rossii [Migration networks and Islam: religious life of Tajik labor migrants in Russia]. In: Makhmutov, T.A. (ed.) *Migratsionnyy krizis: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i natsional'nye strategii* [Migration crisis: international cooperation and national strategies]. Moscow: Delo.
16. De Cordier, B. (2013) The (in)visible Hand of Muhajirat: a Field Observation on Labour Migration, Social Change and Religion in the Vakhsh Valley, Tajikistan. In: Clarke, M. (ed.) *Handbook of Research on Development and Religion*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar. pp. 521–538.
17. Roche, S. (2014) The Role of Islam in the Lives of Central Asian Migrants in Moscow. *CERIA Brief. 2.* (2nd October). [Online] Available from: http://centralasiaprogram.org/blog/2014/11/18/islam-and-migrants-in-moscow/. (Accessed: 12th November 2018).
18. Tucker, N. (2015) Islamic State Messaging to Central Asian Migrant Workers in Russia. Central Eurasia – Religion in International Affairs. *(CERIA) Briefs, G.Washington University Central Asia Program*. 23rd February. [Online] Available from: http://centralasiaprogram.org/blog/2015/02/23/islamic-state-messaging-tocentral-asians-migrant-workers-in-russia/. (Accessed: 5th December 2016).
19. Foley, M.W. & Hoge, D.R. (2007) *Religion and the New Immigrants. How Faith Communities Form Our Newest Citizens*. Oxford University Press
20. Emelianova, G. & Salmorbekova, Z. (2010) Islam and Islamism in the Ferghana Valley. In: Emelianova, G (ed.) *Radical Islam in the Former Soviet Union*. New York: Routledge.
21. Olimov, M. & Sakhibov, Sh. (2017) *Molodezh' Tsentral'noyAzii. Tajikistan* [Youth in Central Asia. Tajikistan]. Almaty: [s.n.].
22. Mukomel, V. (2014) *Diaspora – partner po razvitiyu Tadzhikistana* [Diaspora as partner in development of Tajikistan]. Dushanbe: IOM.

23. Bukhari-zade, N. (2015) *Starye i novye musul'mane Moskvy: ostorozhnye otnosheniya* [Old and New Muslims of Moscow: Careful Relations]. [Online] Available from: http://www.fergananews.com/articles/8383. (Accessed: 8th June 2016).
24. Olimova, S. & Kumar, K. (2010) *Migration and Development in Tajikistan – Emigration, Return and Diaspora*. Moscow: ILO.
25. Olimova, S. (2005) The current state of religious education in Tajikistan: an overview of the situation with recommendations. In: Bitter, J.N. et al. (eds) *From confidence building towards co-operative coexistence. The Tajik experiment of Islamic – secular dialogue*. Baden-Baden: Nomos
26. Harris, C. (2006) *Muslim youth. Tensions and traditions in Tajikistan.* Boulder: WestviewPress.
27. Olimova, S. (2006) Molodezh' i Islam v Tadzhikistane (sotsiologicheskiy analiz problemy) [Youth and Islam in Tajikistan (a sociological analysis of the problem]. In: Abashin, S.N. & Bushkov, V.I. (ed.) *Rasy i narody* [Races and Peoples]. Vol. 32.

УДК 39
DOI: 10.17223/19988613/59/22

С.В. Рязанцев

ВИДИТ ЛИ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ЧЕЛОВЕКА? (АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ)

Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ (проект № НШ-3781.2018.6); статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Рассматривается социально-экономическая и демографическая роль иммиграции для современного российского общества. Отмечается огромный компенсационный вклад иммиграции в сокращение численности населения России. Анализируются масштабы и структура основных миграционных потоков в Россию, в том числе миграция на постоянное место жительства и временная миграция (трудовая, образовательная). Выделены ключевые проблемы российской миграционной политики, в том числе несоответствие миграционных практик концептуальным идеям, а также отсутствие гуманитарного подхода в миграционных сервисах. Обосновывается необходимость перевода системы управления миграцией из силового пространства в экономическое поле на основе гуманитарной составляющей.

Ключевые слова: миграционная политика, Россия, соотечественники трудовые мигранты, образовательные мигранты, демографический потенциал, иммиграционные резервы, гуманизация миграционной политики.

Актуальность и цели исследования. После распада СССР Россия стала активно принимать иммигрантов из бывших союзных республик. В большинстве своем это были «возвратные иммигранты» – этнические русские и их потомки, многие из которых вернулись как вынужденные мигранты в Россию. В 2000-е гг. иммиграция в Россию трансформировалась и приобрела форму трудовой миграции, в которую уже включились представители различных этнических групп из бывших советских республик. Несмотря на то, что иммиграция компенсировала снижение численности населения России на протяжении длительного времени, а также включала в себя значительную долю этнических русских и трудоспособных людей, сами иммигранты и иммиграция в целом в российском обществе до сих пор воспринимаются как неоднозначное, а порой как негативное явление.

Хотя политиками на самом высшем уровне, в том числе президентом России, неоднократно поднимается вопрос о необходимости увеличения численности населения и демографического потенциала страны, о привлечении соотечественников и высококвалифицированных специалистов в Россию. И, казалось бы, в этой связи в российском обществе уже должно было сложиться понимание об иммиграции как ресурсе развития. Однако, до сих пор многие политики, политические партии, представители силовых структур, лидеры профсоюзов, простые люди считают иммиграцию, в том числе трудовую, негативным явлением и даже угрозой национальной безопасности, а иммигрантов рассматривают как конкурентов на рынке труда для российских граждан, нарушителей правопорядка и преступников. Причем негативное отношение к иммигрантам и иммиграции усиливается в периоды выборов разных уровней и экономических кризисов. А порой даже создается впечатление, что со стороны некоторых сил предпринимаются небезуспешные попытки путем переключения внимания на иммиграцию и иммигрантов отвлечь население от других насущных проблем.

К сожалению, во всех этих ситуациях страдают простые люди, которые участвуют в миграции. Например, последний взрыв в Магнитогорске в жилом доме спровоцировал проверки и задержания полицией трудящихся-мигрантов из Центральной Азии. Зачастую в Москве и Санкт-Петербурге можно наблюдать как полицейские патрули останавливают людей в метро, на вокзалах и в аэропортах для проверки документов, которые выглядят, по их мнению, как мигранты. И хотя полицейские наверняка знают, что это трудовые мигранты, они проверяют их документы, пытаясь найти какие-то нарушения, чтобы подвергнуть штрафу или задержанию. Смотря какая задача перед ними стоит. Еще один пример: центр по выдаче документов мигрантам в Москве вынесен за пределы городской черты, в отдаленный поселок Сахарово. Туда мигрантам нужно долго добираться общественным транспортом. По свидетельству людей, обращавшихся к услугам центра, там весьма специфическая, психологически напряженная атмосфера. Она обусловлена наличием излишней охраны, зачастую возникают конфликтные ситуации и напряжение между мигрантами и работниками центра из-за того, что документы принимаются с большими придирками, при этом не разъясняются процедуры и правила оформления документом, что вызывает справедливое недовольство людей.

Российское государство в этом случае своими действиями как будто бы демонстрирует: «Мигранты – это другая категория населения, отличная от российских

граждан», хотя при этом постоянно говорится и пишется о необходимости адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. И было бы вполне разумно и рационально принимать у них документы в многофункциональных центрах, открытых в разных районах Москвы. Ведь адаптация мигрантов начинается ни после получения документов и ни в «миграционных гетто», а в обычной жизни, через повседневные практики общения иммигрантов с местным населением и взаимодействия с государственными сервисами. Который год в России планируется принять специальный закон об адаптации и интеграции мигрантов. Но закон почему-то упорно не принимается и скорее всего не будет принят никогда. А если даже и будет принят, то не обеспечит автоматически успешной интеграции иммигрантов в российское общество. Главная причина заключается в том, что нет объективных оснований и интеграционной инфраструктуры в стране, в которой большинство государственных структур, пытающихся управлять миграцией. рассматривают ее как угрозу, а иммигрантов – как чужеродный элемент или источник для зарабатывания денег. И речь идет не только о коррупционной компоненте, распространенной на низовом уровне, а на уровне управленцев, которые видят в продаже патентов и других миграционных документов источник пополнения бюджетов.

Российская миграционная политика упорно рассматривает иммиграцию исключительно в силовом контексте. Последним нерациональным действием государства была передача функций управления иммиграцией силовому министерству: в 2016 г. практически самостоятельная Федеральная миграционная служба России была трансформирована в Управление по делам миграции в составе Министерства внутренних дел России. Хотя задача полиции совершенно иная – сохранение общественного порядка, предотвращение и борьба с преступностью. Этим действием российское государство априори показало, что считает миграцию опасным явлением, а мигрантов если даже не преступниками, то потенциальными нарушителями закона. Не случайно основными категориями, применяемыми в документах МВД, являются: «пресечение незаконной (нелегальной) миграции», «рейды по проверке миграционного режима», «нарушение правил регистрации и постановки на миграционный учет», «резиновые квартиры». Более того, в России было введено уголовное наказание за нарушения в вопросах регистрации иностранных граждан, и даже состоялось несколько показательных процессов в регионах России над обычными людьми, которые из благих намерений просто оказывали помощь иностранным гражданам в регистрации в своих квартирах.

Почему же российская миграционная политика попрежнему лежит в силовом пространстве? Почему миграционная политика, особенно в части практики реализации на низовом уровне (полиция, миграционные сервисы и пр.), вступает в явное противоречие с демографическими и социально-экономическими интересами российского государства? Почему российская иммиграционная политика практически лишена гуманитарной составляющей и практически не считается с интересами отдельного человека? На эти вопросы пытается ответить настоящая статья.

Целью данного исследования была гуманитарная оценка миграционной политики России через призму соблюдения прав и интересов человека как составной части государственных интересов России. Концептуальной идеей автора является то, что *соблюдение интересов государства в миграционной политике невозможно без обеспечения прав и интересов отдельного человека.* А учитывая специфику миграционной ситуации на постсоветском пространстве, это вдвойне актуально. Во-первых, потому что многие мигранты в России являются этническими русскими, представителями этнически смешанных семей, происходят из единого государства (бывшего СССР), владеют русским языком, рассматривают Россию как первую или вторую родину, хотят и готовы работать и жить в российском обществе. Это замечательный демографический ресурс, которого нет у других стран мира. Во-вторых, российское общество испытывает депопуляцию, старение населения, сокращение трудовых ресурсов, падение рождаемости, сокращение численности молодежи. В этом социально-демографическом контексте миграция скорее должна рассматриваться как ресурс развития общества и «подушка демографической безопасности» страны, а не как угроза национальной безопасности.

Демографический контекст иммиграции в России. Депопуляция в России продолжалась почти два десятилетия и характеризовалась ухудшением большинства демографических показателей. В общей сложности за 1991–2017 гг. Россия потеряла 13,2 млн человек за счет значительного превышения смертности над рождаемостью (естественной убыли). По справедливому определению Л.Л. Рыбаковского, эта *цифра примерно равна потерям военного и гражданского населения России в годы Великой Отечественной войны.* В периоды 1996–2000 и 2001–2005 гг. потери России за счет естественной убыли составляли 4,1 и 4,4 млн человек соответственно. Фактически Россия подошла к необратимой черте демографического развития и находилась накануне «демографического коллапса». Единственным источником компенсации демографических потерь стал миграционный прирост, а именно иммиграция. *За 1991–2017 гг. за счет миграционного прироста страна получила 9,5 млн человек, что практически на 72% компенсировало потери в результате естественной убыли населения* [1. С. 106].

Свой вклад в формирование населения России внесли два основных потока иммигрантов. *Первый поток – иммигранты на постоянное место жительства.* Это люди, которые переехали или остались жить в России по разным социально-экономическим причинам. Многие жители республик бывшего СССР целенаправ-

ленно приезжают жить в Россию, а кроме того, многие временные трудовые и образовательные мигранты остаются жить в России переходят в другой правовой статус, превращаясь в постоянных мигрантов. Максимальные значения миграционного прироста пришлись на вторую половину 1990-х гг., когда в Россию активно возвращались этнические русские и русскоязычные из государств бывшего СССР, в которых осталось после распада страны примерно 28–29 млн русских. Иммиграция не только вносила существенный вклад в формирование численности населения, но и увеличивала численность трудовых ресурсов.

Роль миграции была особенно велика в первое десятилетие после распада СССР. Например, в 1991–1995 гг. Россия получила за счет миграции на постоянное место жительства около 2,6 млн человек, а в следующем пятилетии (1996–2000 гг.) – еще 2,1 млн человек. В 2001–2005 гг. отмечалось сокращение миграционного прироста до 1,3 млн человек, в 2006–2010 гг. – прибыло 1,6 млн, а в 2011–2015 гг. – до 1,4 млн человек [1. С. 107]. Миграционные потоки в Российскую Федерацию главным образом шли из стран бывшего СССР – Украины, Казахстана, Центральной Азии и Закавказья. Роль отдельных стран менялась в разные годы, но в целом в 1990-е гг. это была возвратная миграция этнических русских и представителей российских народов в Россию, а с середины 2000-х гг. по мере исчерпания миграционного потенциала этнических русских в странах СНГ усилился приток представителей титульных народов бывших союзных республик в Россию. В результате в России сформировались крупные диаспоры из стран бывшего СССР. На протяжении 2001–2017 гг. около 2,2 млн человек из стран бывшего СССР получили российское гражданство [Там же. С. 108]. Многие из них перешли из категорий трудовых и учебных мигрантов в число постоянных жителей Российской Федерации, пополнив демографический и трудовой потенциал страны. Благодаря миграции на постоянное место жительства из стран бывшего СССР в Российской Федерации были в значительной мере «погашены» масштабы депопуляции.

Второй поток – временные трудовые мигранты – люди, которые приезжают на работу в Россию. Временная трудовая миграция стала востребованным ресурсом российской экономики в 1990-е гг. по мере усугубления проблемы с трудовыми ресурсами. Своего «пика» численность трудовых мигрантов в России достигла в 2000-е гг. [2. С. 23]. В настоящее время российский рынок труда является привлекательным для трудоспособного населения из стран Центральной Азии, Закавказья, некоторых стран Азии и Восточной Европы. Официальная численность трудящихся-мигрантов в России основана на данных количества разрешительных документов, выданных ФМС (теперь главным управлением по делам миграции МВД России). В 2014 г. было выдано 3,7 млн разрешительных документов, в том числе 2,4 млн патентов и 1,3 тыс. разрешений на работу [3. С. 35]. Однако последний экономический кризис снова сократил число выданных разрешительных документов на работу в России в 2017 г. до 1,9 млн, в том числе 1,7 млн патентов и 148 тыс. разрешений на работу [1. С. 107]. Несмотря на то, что трудовые мигранты приезжают в Россию на временную работу, их вклад в демографическое развитие весьма ощутим.

Исследования показывают, что несмотря на «временность» пребывания в России трудовые мигранты вносят существенный вклад как в рождаемость, так и смертность. Около 1% детей в России и до 10% детей в крупных российских мегаполисах рождены матерями – иностранными гражданками, т.е. иммигрантками. Например, в Москве *каждый седьмой ребенок рождается у женщин, которые имеют отношение к внутренней или международной миграции и не являются постоянными жительницами столицы*, а участие иностранных мужчин в рождении детей в России не поддается учету из-за отсутствия данной статистики. Основной вклад в рождаемость в категории иностранных граждан вносят мамы из стран СНГ, т.е. оттуда происходит большинство трудовых мигрантов в России (страны Центральной Азии и Южного Кавказа) [4. С. 43]. И хотя трудовые мигранты происходят из мусульманских стран с довольно традиционными установками на рождение большого числа детей исключительно в официальном браке. Но очевидно, что массовое вовлечение в трудовую миграцию как мужчин, так и женщин разрушает эти стереотипы. Распространяется феномен «гостевых» и «параллельных» браков, в которых участвуют трудовые мигранты. Еще одним социальным последствием данного процесса можно назвать рост числа отказов от рожденных детей женщинами – трудовыми мигрантками в России. Согласно данным Департамента семейной и молодежной политики Москвы, около трети всех брошенных детей в столице приходится на детей именно трудовых мигрантов [5. С. 102]. В некоторых населенных пунктах на фоне потерь местного населения трудовые мигранты становятся заметной группой населения, дети мигрантов пополняют контингент школьников. То есть демографическое влияние трудовой миграции весьма ощутимо для России.

В настоящее время Российская Федерация является страной, принимающая наибольшее количество иммигрантов. Она занимает в рейтинге ООН третье место: в 2015 г. численность населения США, родившегося за границей, составила 46,6 млн человек; в Германии – 12 млн, а в России – 11,6 млн человек. В 2015 г. за пределами России были рождены 8,2% российских жителей. И хотя нам еще далеко до лидеров этого списка: ОАЭ (88,4%), Катар (75,5%), Кувейт (73,6%), Швейцария (29,6%), Австрия (17,4%), Швеция (16,9%), Германия (14,5%), темпы прироста числа иммигрантов в России (+0,4% в 2010–2015 гг.) были на уровне некоторых европейских стран (аналогичные темпы в Германии и

Болгарии, во Франции (+0,5%), в Бельгии (+0,7%). Более значительными темпами росла численность иммигрантов в Норвегии (+3,6%), Швейцарии (+2,9%), Нидерландах (+2,7%), Австрии (+2,2%), Швеции (+2,1%)) [6. P. 25–28]. Это свидетельствует о том, что Россия постепенно превращается в иммигранто значимую страну в сравнении с бывшим СССР.

Кардинальным отличием российской ситуации является этнодемографическая структура иммиграционных потоков: в 1990–2000-е гг. они в большей степени состояли из этнических русских (по данным Росстата, в 1993–2000 гг. их доля составила 60,8% в потоке иммигрантов на постоянное место жительства), во-второй половине 2000-х и 2010-е гг. – из «титульных» народов республик бывшего СССР (в 2007 г. доля русских составила только 33,4% иммигрантов) [3. С. 36]. С 2008 г. данные об этническом составе иммигрантов в Россию перестали собираться, поэтому можно опираться только на наблюдения и экспертные оценки. В иммиграционном потоке в Россию постепенно сокращается доля этнических русских, людей хорошо владеющих русским языком, особенно среди молодежи. Но все-таки очевидно, что большинство иммигрантов имеют представление о России, ориентированы на приезд именно сюда, способны осваивать русский язык, могут адаптироваться в российском обществе при условии развития адаптационно-интеграционных программ и доступа к курсам русского языка.

Исторический и международный контекст иммиграции в России. История миграции показывает, что некоторые страны благодаря привлечению иммигрантов смогли нарастить демографический потенциал, стимулировать свое социально-экономическое развитие, освоить отдаленные территории. Странами классической иммиграции являются США, Канада, Бразилия, Аргентина, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, Израиль. Они в разные периоды своей истории активно привлекали иммигрантов на основе специальных программ, обеспечивая им возможности интеграции, извлекая при этом выгоды и обеспечивая стимулы для развития национальной экономики. США стимулировали освоение Дикого Запада благодаря бесплатной раздаче земли иммигрантам из Европы. Бразилия и Аргентина развили промышленность и освоили сельские районы благодаря привлечению европейских переселенцев. Привлечение иммигрантов из бывшего СССР и других регионов мира в Израиль обеспечивает демографический потенциал государства и соответствующий этнодемографический баланс населения.

Наиболее масштабным привлечением иммигрантов в Россию можно считать приглашение европейских переселенцев в период правления Екатерины II. В этот период Российская империя значительно увеличила свою территорию, присоединив Крым, Причерноморье, часть Речи Посполитой. Для заселения и хозяйственного освоения новых плохо заселенных территорий империи был подписан манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (1763 г.). Он был переведен на французский, немецкий и английский языки и через российских дипломатов распространялся в европейских странах, преследуя целью привлечение переселенцев в Россию. Иммиграционный поток в Россию из Европы вырос, прежде всего, за счет выходцев из юго-восточной Германии. Позднее были подписаны манифест «О даруемых иностранным переселенцам авантажных и привилегиях» и указ «Об учреждении опекунства иностранных переселенцев». В этих документах были даны невиданные преференции иностранным переселенцам в России: личную свободу и поселение на выбор в любой местности; освобождение от любых налогов до пяти лет в городах и до тридцати лет в сельской местности; организовавшим производство, разрешалось торговать и вывозить товары за пределы страны беспошлинно в течение десяти лет; предоставлялись ссуди без процентов на срок до десяти лет для обустройства на новом месте. По выражению историка Шлецера, началось настоящее бегство европейцев в Россию. Меры дали очень хороший результат: было увеличено население и освоены регионы Нижнего Поволжья, появились сотни немецких поселений, развивалось передовое сельское хозяйство.

В силу исторических, социо-культурных, экономических факторов, Россия пока остается достаточно привлекательной в миграционном отношении страной в евразийском и постсоветском пространстве. Во-первых, еще не до конца исчерпан потенциал этнических русских и желающих переселиться в силу разных причин в Россию из стран бывшего СССР. Во-вторых, в некоторых российских регионах и отраслях российской экономики существует объективная потребность в населении в целом и трудовых ресурсах в частности. В настоящее время отрасли экономики и отдельные предприятия в России нуждаются в некоторых категориях иностранных рабочих и специалистов, система образования – в иностранных студентах, а реализация идеи «инновационного развития» страны невозможна без привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа.

К сожалению, в российском обществе иммигранты по-прежнему воспринимаются как «чужеродный элемент». Причем этнические русские из Центральной Азии также часто воспринимаются настороженно и не принимаются обществом. Сильны предубеждения в отношении иммигрантов не только среди представителей правоохранительных и силовых структур, чиновников разного уровня, но и среди некоторых социальных слоев населения. По данным опросов «Левада-центра», отношение россиян к мигрантам за последние десять лет ухудшилось [7]. Например, опрос 2017 г. показал, что 32% респондентов полагают, что мигранты, как правило, – малообразованные люди, способные только на неквалифицированный труд, а десять лет

назад так считали 28% респондентов. При этом сократилось число тех, кто называет мигрантов трудолюбивыми людьми, готовыми много работать (с 30 до 26%), и кормильцами, заботящимися о своих семьях (с 38 до 25%). Около 67% россиян считают, что правительству необходимо попытаться ограничить приток приезжих – максимума этот показатель достигал в октябре 2013 г. (78%) и в марте 2016 г. (80%). Изменилось и отношение к выходцам из конкретных стран: так, число респондентов, плохо относящихся к мигрантам с Украины, выросло с 9 до 19%, из Белоруссии – с 8 до 13%, из республик Центральной Азии – с 31 до 38%, зато немного улучшилось отношение к трудовым мигрантам из стран Закавказья. У каждого второго россиянина отмечается нетерпимое отношение к какой-либо категории трудовых мигрантов, другая половина опрошенных относится к ним толерантно. Хуже всего россияне относятся к мигрантам с Северного Кавказа и из стран Центральной Азии, за десять лет значительно выросла неприязнь к приезжим с Украины [7].

Иммиграционные резервы и возможности России в приеме иммигрантов. Россия находится в уникальной ситуации: демографические резервы присутствуют уже в самой стране и их не нужно приглашать или привозить из-за рубежа. В силу разных причин их нет в статистике, но они фактически находятся в стране и могут сравнительно быстро пополнить численность населения. Прежде следует сказать, что Росстат продолжает упорно работать с категорий «постоянного населения» и в значительной степени недоучитывают категорию «наличное население» в стране. В результате возникают огромные разрывы между данными текущего учета и переписями. Например, в результате переписей населения 2002 и 2010 гг. были обнаружены по 2 млн. неучтенных людей. В большинстве своем это было мигранты различных категорий, которые присутствовали в стране на момент проведения переписи. Хотя в то же время в самих переписях был как минимум 10%-й недоучет наличного населения [8. С. 45]. О точности этих цифр можно спорить. Однако, безусловно, многих из этих людей можно рассматривать как демографический ресурс пополнения российского населения. Это так называемая *внутренняя иммиграционная компонента*, которая включает две основных категории иммигрантов.

Во-первых, *иностранные студенты, обучающиеся* в российских вузах. В настоящее время их около 200 тыс. человек [2. С. 25]. Это немного, но все они молодые, обучаемые, адаптированные к российскому рынку труда. Именно такие иммигранты нужны стране. Их надо не только приглашать в Россию на учебу, их надо всеми возможными способами пытаться удерживать в стране после окончания обучения. Самый лучший и простой способ – вместе с дипломом об окончании университета им следует предлагать российское гражданство. Они могут пополнить демографический капитал, трудовые ресурсы, интеллектуальный потенциал российского общества. Процедуры их натурализации следует довести до автоматизма. Однако российская миграционная политика инертна и неуклюжа. Закончил вуз – надо выехать из России, получать рабочую визу, если найдешь работодателя. Бывшие студенты теперь получить гражданство в упрощенном порядке не могут.

Во-вторых, *трудовые мигранты*, которых в России, по официальным данным, насчитывается около 2–3 млн человек (ежегодное количество разрешений на работу и патентов, выдаваемых иностранным гражданам для доступа на российский рынок труда, а также граждане стран ЕАЭС, для которых не нужны разрешительные документы). Возможно, еще около 3–5 млн человек находятся в стране без необходимых видов документов [9. С. 6]. Они происходят из стран бывшего СССР, некоторые хорошо говорят по-русски, ориентированы на жизнь в России, разделяют социокультурные ценности местного населения. Конечно, многие из них нуждаются в прохождении интеграционных программ, прежде всего, в части изучения русского языка, повышения общего культурного уровня. Но затраты на эти программы вполне посильны для страны, потому что это или близкое в этнокультурном отношении население к местным жителям России. И если бы Россия имела разумную политику интеграции мигрантов и реально развивали каналы обучения трудовых мигрантов русскому языку, то могла бы получить сравнительно дешево значительную категорию «новых граждан».

Однако пока категория трудовых мигрантов рассматривается властями разного уровня как временная группа, которая «поработает и уедет из России». А зря, потому что, это не только дешевая в плане заработной платы и интеграции группа мигрантов, но и достаточно близкая россиянам в социокультурном отношении группа населения, а также группа, имеющая общие экономические интересы и стремление жить в России. Между тем в мировой экономике будет обостряться конкурентная борьба за трудовые ресурсы. Уже сейчас мигранты из Центральной Азии активно осваивают рынки труда Ближнего Востока, Восточной Азии, Европы и Северной Америки. В этой ситуации Россия может проиграть в конкурентной борьбе и лишиться притока иммигрантов из стран Центральной Азии. Уже сейчас сократился приток трудовых мигрантов из КНР, Закавказья, Украины, Молдовы и Беларуси. Им выгоднее ехать в Европу или на Ближний Восток, но не в Россию. В КНР выросла заработная плата, и китайцам стало просто не выгодно ехать на работу в Россию.

Кроме того, в России присутствуют и другие группы временных мигрантов, которых можно сравнительно быстро и беззатратно интегрировать в российское общество (образовательные, семейные, квалифицированные трудовые мигранты, вынужденные мигранты из Украины). Если снять бюрократические препоны на пути приобретения желающими из числа этих мигрантов разрешения на временное проживание, вид на жи-

тельства и гражданство, то можно увеличить население России сравнительно быстро на 10–15 млн человек [2. С. 27]. Достаточно много эксперты в России говорят о необходимости миграционной амнистии, которая может легализовать миллионы человек, превратив их в добропорядочных трудящихся-мигрантов или российских граждан. Подобный подход уже был реализован в отношении граждан Таджикистана, Молдовы, Кыргызстана. Оказалось, что многие мигранты проживали и работали в России по 10–15 лет, но не могли приобрести жилье, получить регистрацию, разрешительные документы на трудовую деятельность, вступить в процедуры гражданства. Фактически жесткая миграционная политика их поставила в безвыходные условия.

Кроме того, за пределами России можно выделить определенные резервы для пополнения численности населения России. Это можно назвать *«внешней миграционной компонентой»*.

Она представлена категорий, которая определяется в российском законодательстве как «соотечественники». Они очень разные. Около 30 млн человек, а может и более, русскоговорящего населения живут за пределами России [10. С. 45]. Причем не только этнические русские, по и другие общины близкие населению России (например, адыгские народы). Есть такие группы русскоговорящего населения, которые мифологизируют Россию и считают своей этнической родиной. Как, например, староверы в Америке и Австралии. А есть мигранты последних волн, которые весьма прагматично смотрят на ситуацию в России и могут вернуться в нее только при улучшении социально-экономической ситуации. Многие живут на две страны, имеют два паспорта, в том числе сохраняют российское гражданство (как правило, для того, чтобы проще путешествовать в Россию). Благодаря эмиграции и инвестициям из России сформировалась «русскоязычная экономика» за рубежом, масштабы которой могут быть сопоставимы с ВВП самой России [11. С. 50].

Эти группы надо привлекать в Россию на основе более долгосрочного партнерства. Мотивацию сохранения у них гражданства следует стараться развивать в сторону социально-экономического сотрудничества с Россией. «Соотечественники» могут внести значительный вклад в приток инвестиций, открытие бизнесов, формирование позитивного имиджа России за рубежом [12. С. 94]. Например, в настоящее время староверы стали целевой группой для работы Министерства по развитию Дальнего Востока, которое пытается стимулировать процесс их переселения на российский Дальний Восток. Нет никакого смысла усложнять жизнь российским эмигрантам, сохраняющим российское гражданство, напротив, их нужно привлекать льготными режимами налогообложения, простотой открытия и ведения бизнеса в России, снижением бюрократических процедур при выдаче документов и пр. В условиях депопуляции Россия должна активно привлекать своих соотечественников и не должна бояться своих бывших, настоящих и будущих сограждан. При лояльном и прагматичном подходе государства можно получить дополнительные иммиграционные и экономические ресурсы в виде соотечественников и русскоговорящих сообществ, которые являются, по разным оценкам, вторыми или третьими по численности в мире после китайских и индийских диаспор, находящимися за пределами материнской страны [13. С. 501; 14. P. 160].

Российская Федерация занимает первое место по площади территории и только девятое место по численности населения в мире. В настоящее время здесь живет только 147 млн человек, что гораздо меньше, чем в США. В то время как успешно развивающиеся страны в мировой экономике опираются на мощный демографический потенциал и трудовые ресурсы, а также имеют восходящую демографическую динамику (КНР, Индия, США, Бразилия). Плотность населения во многих регионах России – меньше одного человека на один квадратный километр, а среднее расстояние между населенными пунктами достигает 200 км. По сути Россия является слабозаселенной страной с огромной территорией, удержать которую без населения невозможно. Отсутствие населения и нехватка трудовых ресурсов становятся все более ощутимыми в некоторых регионах страны. А в ближайшей перспективе это будет препятствовать экономическому развитию территорий и населенных пунктов. Для России остается актуальной проблема отрицательной демографической динамики в стране в целом и значительные потери населения («демографическое сжатие») восточной части страны (Сибири и Дальнего Востока) в частности. Из-за Урала происходит интенсивный отток населения, которое стремится в европейскую часть, прежде всего, в крупные города. Для оптимизации расселения в России может быть применена канадская модель: система более рационального расселения населения и размещения трудовых ресурсов с концентрацией в комфортных для проживания регионах южной части страны с одновременным использованием вахтовой миграции для освоения ресурсных регионов в северной части. Приблизительные расчеты показывают, что на территории России могли бы расселиться около 300 млн человек даже с учетом сложностей климатических условий [15. С. 65].

Гуманитарная составляющая концепции миграционной политики и миграционных практик в России. Как было отмечено выше, несмотря на положительный вклад иммиграции в социально-демографическое развитие, миграционная политика России крайне далека от совершенства.

Многие российские и зарубежные ученые и правозащитники на протяжении последних лет отмечали и критиковали непоследовательность российской миграционной политики (принцип «Шаг вперед – два шага назад»), а также ее жесткость и антигуманность. Например, в работах и выступлениях ученых (Ж. Зайончковская, И. Ивахнюк, О. Воробьева, Л. Рыбаков-

ский, В. Малахов, В. Дятлов, В. Мукомель, Ю. Флоринская, К. Шенк, А. Кубал, Б. Даве), журналистов (Л. Графова), правозащитников (Г. Джураева, Р. Керимов, С. Ганнушкина, В. Чупик и др.) неоднократно отмечались эти недостатки российской миграционной политики.

Вместе с тем за относительно короткий исторический отрезок времени в России на государственном уровне было утверждено несколько концептуальных документов, в которых задается абсолютно разумный подход: отмечается позитивная роль иммиграции в формировании населения страны, необходимость привлечения некоторых категорий иммигрантов в интересах демографического развития, важность развития адаптационно-интеграционных программ для иммигрантов в российское общество. В частности, в 2007 г. была утверждена Концепция демографической политики, в ней миграция рассматривалась как компонента наращивания демографического потенциала страны [16].

В 2012 г. в унисон вышеназванному документу была утверждена Концепция государственной миграционной политики до 2025 г., в которой миграция рассматривалась впервые не только как фактор риска, но и как важный компонент социально-экономического и демографического развития страны: *«Миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. За последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения»* (п. 6, раздел II) [17].

В Концепции 2012 г., которой были заложены идеи привлечения *иммигрантов на постоянное место жительства в Россию для пополнения численности населения страны в целом и ее регионов, привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития* (. 7, раздел II) [17]. Концепция также утверждала необходимость создания *«условий для адаптации и интеграции мигрантов…»* (п. 17, раздел III); *«условий и стимулов для соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов… для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства»* (п. 24, раздел III); *«условий для миграции в Российскую Федерацию предпринимателей и инвесторов»* (п. 24, раздел III); *«условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля на долгосрочной основе»* (п. 8, раздел III) [17].

Наконец, в 2018 году утверждается новая Концепция государственной миграционной политики. В ней иммиграция определяется в качестве дополнительного источника (*после «естественного воспроизводства»*) *«восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами»* [18]. А миграционная политика называется *«вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем. Она должна быть направлена на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц, которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества»* [Там же].

В новой Концепции также декларируется *«облегчение процедур предоставления российского гражданства, получения права на пребывание (проживание) в Российской Федерации, в том числе в целях осуществления трудовой деятельности; совершенствование механизмов реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в том числе корректировка условий добровольного переселения востребованных специалистов (в том числе научных и педагогических работников, инженеров, врачей), фермеров, предпринимателей, инвесторов и выдающихся деятелей культуры и искусства с учетом их ожиданий и запросов, а также поддержка российских организаций, привлекающих таких лиц»* [Там же].

Все это представляло собой важный посыл и давало шанс российскому обществу и государственной системе управления трансформировать российскую миграционную политику в правильном направлении. Прежде всего, необходимо было идеологически и технически встроить миграционную политику в общую экономическую и демографическую стратегию развития российского государства, а также ликвидировать разрывы между концептуальными и практическими аспектами миграционной политики. Если демографическая политика ставит целью стабилизацию и рост численности населения России, то совершенно разумно в этом контексте сделать все возможное, чтобы миграция стала реальным компонентом увеличения численности и улучшения половозрастной структуры населения страны.

К сожалению, нужно признать, что многие правильные идеи, изложенные в концепциях демографической политики и государственной миграционной политики, только декларированы, но не реализованы на практике. Более того, государственные миграционные сервисы работают зачастую в диаметрально противоположном направлении положениям концепции миграционной политики. Например, люди сталкиваются со сложностями при регистрации по месту пребывания, получении разрешений на работу и проживание в России, российского гражданства. Сильно распространены коррупция, бюрократия, затягиваются сроки обработки и выдачи документов, создаются искусственные барьеры при получении миграционных документов. Например, чтобы подать документы на разрешение на временное проживание или вид на жительство через миграционный центр в Сахарово, нужно приезжать несколько раз. Вместо четких консультаций и инструк-

ций по заполнению документов, сотрудники специально ищут недостатки и ошибки в документах соискателей и отказывают им по формальным причинам. Как отмечают интервьюируемые мигранты, прошедшие эти процедуры, им приходилось подавать документы более десяти раз. А многие так и не смогли подать документы, несмотря на все имеющиеся у них основания и желание, они просто «опустили руки» и отказались от подачи документов в принципе. Недавно журналистами была описана история мигранта из Донбасса, который умер, не дождавшись разрешения на временное проживание в России, предоставление которого затягивалось из-за бюрократических процедур.

Таким образом, ключевыми проблемами миграционной политики России являются, с одной стороны, сложившийся катастрофический разрыв между концептуальными положения и практическими инструментами реализации миграционной политики в России, а с другой – несоответствие практик реализации миграционной политики в частности подходов к работе с иммигрантами государственных сервисов современным демографическим и социально-экономическим реалиям, а также перспективам развития России. Кроме того, ситуация усложнена широким распространением коррупционных практик, прежде всего, на низовом уровне. Нужно заметить, что данные проблемы не только унижают человеческое достоинство и порой прямо отталкивают людей от России, но чреваты обострением социальной напряженности и ростом недоверия иммигрантов к российскому государству и властям.

Направления оптимизации и гуманизации миграционной политики России. Миграционная политика России нуждается в оптимизации в части приведения миграционных практик и процедур в соответствии с концептуальными документами. И основными направлениями оптимизации миграционной политики должны стать направления на основе гуманизации миграционных практик, приближение их к потребностям общества и людей.

Во-первых, в настоящее время миграционная политика России имеет пассивный характер: государство скорее фиксирует миграционные потоки, а не управляет ими в национальных интересах. Единственной крупной государственной миграционной программой остается привлечение в страну соотечественников из-за рубежа. Но, во-первых, это не единственная категория иммигрантов, которую следует привлекать. А во-вторых, не все соотечественники ориентированы на переезд в Россию. Да и к самой программе остается много проблемных вопросов (обеспечение жильем, регистрация по месту жительства, получение разрешительных документов и пр.). Ограниченный характер имеет образовательная миграция. Хотя Россотрудничество через российские дипломатические представительства набирает иностранных студентов для обучения в России, количество мест очень ограничено. Потоки трудовых мигрантов происходят в Россию стихийно и практически отсутствует организованный набор (за исключением трудовой миграции из КНДР). В части трудовой миграции это приводит к тому, что большинство иммигрантов не подготовлены с точки зрения профессионально-квалификационных требований, не имеют достаточных компетенций для жизни в крупных городах России, состояние их здоровья оставляет желать лучшего. Для высококвалифицированных специалистов хотя и имеются специальные условия въезда и получения разрешительных документов, тем не менее сохраняется множество бюрократических препятствий при оформлении документов.

В последнее время между Россией и миграционными партнерами начали формироваться каналы организованного набора образовательных и трудовых мигрантов в странах-донорах. Пока они носят «точечный» характер и реализуются отдельными университетами и предприятиями, иногда подписываются соглашения на уровне регионов. Однако требуется системная и масштабная работа государства по направлению внешней миграционной политики. Это позволит снизить издержки на адаптацию и интеграцию мигрантов внутри России, поскольку большинство из них будут приезжать подготовленными к жизни в России. Необходимо «вынести форпосты миграционной политики России за ее пределы» [1. С. 110].

В сфере внешней миграционной политики ключевыми направлениями должна стать работа с правительствами посылающих мигрантов стран с точки зрения развития двусторонних соглашений о регулируемой миграции, расширение сферы распространения и использования русского языка среди потенциальных мигрантов, предвыездная подготовка профессии и социальным навыкам, развитие режима облегченного предоставления гражданства этническим русским и народам России, расширение программ привлечения зарубежной молодежи в Россию по каналам учебной миграции и культурного обмена. Необходимо целенаправленно создавать и развивать сеть опорных пунктов для рекрутинга и подготовки трудовых и учебных мигрантов. Прежде всего, эти направления работы должны быть активизированы в геополитических и экономических партнерах. Это страны Центральной и Передней Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Иран, Сирия), Восточной Европы (Молдова, Украина, Беларусь, Польша, Болгария), Южного Кавказа (Армения, Грузия), Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Филиппины, Таиланд), Латинской Америке (Куба, Венесуэла, Бразилия, Аргентина). Многие из этих стран исторически и политически ориентированы на Россию, являются устойчивыми или перспективными миграционными партнерами.

Во-вторых, в 2016 г. неожиданно для всего экспертного сообщества Федеральная миграционная служба была ликвидирована и функции управления миграцией были переданы Главному управлению по делам миграции МВД России. Это стало наглядным примером пе-

ревода управления миграцией в силовое поле. И хотя ранее действия ФМС также критиковались за отсутствие человеческого подхода, новая ситуация еще более усугубила данную проблему. МВД имеет совершенно другие цели, функции и подходы к управлению миграцией. В нашей социально-экономической и демографической ситуации миграцией должно управлять самостоятельное гражданское, не силовое ведомство. Более эффективно миграцией будет управлять Министерство иммиграции и гражданства, которое могло бы обеспечить весь комплекс управления миграционными процессами: работу с потенциальными мигрантами и соотечественниками за пределами страны, пограничный контроль, регистрацию внутри страны, выдачу разрешительных документов на работу, оценку потребности в иностранной рабочей силе, организационный набор трудовых ресурсов, предоставление вида на жительства и гражданства. Очевидно, что нужна системная подготовка кадров в миграционной сфере, специалисты должны владеть знаниями в области экономики, права, демографии, социологии. Миграция в концептуальных документах и признана в России ресурсом развития, но в нынешней конфигурации государственного управления на уровне практических инструментов она скорее ограничивается, что препятствует социально-экономическому и демографическому развитию России [19. P. 82].

В-третьих, миграционные процедуры должны отвечать стандартам и требованиям по времени и качеству оказания услуг, прежде всего быть ориентированными на людей. Человек и удовлетворение его интересов и потребностей должны быть в основе этих сервисов. Недопустимо создавать очереди, чинить препятствия, унижать человеческое достоинство, отталкивать людей, которые имеют все основания получить документы, им нужно помогать, а не требовать от них невозможного перечня документов и создавать им искусственные барьеры на пути получения документов на пребывание, работу, учебу и проживание в России. В условиях, когда наше правительство декларирует создание в стране цифровой экономики, миграционные сервисы должны быть подлинно цифровыми – они не должны зависеть от мнения отдельного чиновника и его некомпетентности. Необходим единый портал, в котором бы решения принималась прозрачно и документы рассматривались в четко установленные сроки.

В-четвертых, требуется изменение сознания и ответственности перед людьми, а также формирование гражданской позиции государственных служащих, которые реализуют миграционную политику на местах, т.е. оказывают миграционные услуги населению. В аэропортах США за спиной иммиграционного офицера висит слоган: «Иммиграционный офицер – лицо американской нации». Государственный служащие в глазах иммигранта – часть российского государства. И от того, насколько вежливым, человечным, корректным будет обращение государственного служащего с человеком, во многом будет зависеть и имидж российского государства в глазах иммигрантов. Следовательно, его лояльность и уважение к российскому государству будут формироваться в том числе в ходе общения с чиновниками.

В-пятых, практически для всех категорий иммигрантов в России сохраняется серьезная проблема доступа к регистрации по месту пребывания, которая периодически ужесточается. Российское государство упорно пытается административным инструментом регистрации, свойственным совершенно другим социально-экономическим условиям, регулировать миграционные потоки в условиях рыночных отношений. Это невозможно сделать! Главная цель регистрации – получение государством объективной информации о месте пребывания (жительства) иммигрантов – не может быть достигнута таким способом. Люди хотят, но не могут объективно проживать там, где зарегистрированы (так, сдавая жилье, собственник не хочет регистрировать человека), предприятие, университет не могут предоставлять регистрацию в своих общежитиях. И как бы бюрократическая машина не пыталась наказать работодателей и мигрантов, у них просто нет других альтернатив при регистрации. И они продолжают нарушать закон не от нежелания его соблюдать, а от безысходности. Проблема стала приобретать уже политический характер, поскольку люди депортируются из страны и им закрывается въезд в Россию на длительные сроки за нарушение регистрации. Это чревато даже осложнением отношений с некоторыми странами (например, периодически возникает напряжения по этим вопросам с Таджикистаном и Кыргызстаном). И абсолютно негуманно не только по отношению к иностранцам, но и к собственным гражданам. Уже было несколько показательных дел против россиян, которые, зарегистрировав иностранцев в своей квартире, получили не только штрафы, но и были подвергнуты уголовному преследованию. Закон о «резиновых квартирах» совершенно античеловечен, поскольку вводит уголовную ответственность практически за то, чего нельзя не нарушить. Регистрация в настоящее время стала скорее инструментом наказания и взимания взяток с мигрантов со стороны полицейских, чем средством реального контроля над их пребыванием в России. Отмена регистрации в нынешней ее форме никак не ухудшит безопасности страны. Ведь уже сейчас до пяти дней иностранец может не регистрироваться на территории России. Получается, что какая бы то ни было логика в нынешней системе регистрации в принципе отсутствует, система зиждется на мифе о том, что регистрация мигрантов обеспечивает безопасность страны и местного населения. На самом деле, никакой связи между современной формой регистрации и безопасностью нет.

В-шестых, российскому обществу жизненно необходимы адаптационно-интеграционные программы, которые будут иметь реальное и достаточное финансирование из федерального, регионального и местного

бюджетов. Власти разных уровней должны осознать, что приезд на работу и учебу, тем более на постоянное место жительства иностранных граждан должен сопровождаться развитием культурных и образовательных программ для них и местного населения. Обе группы населения, живя на одной территории, должны хотя бы иметь представление о культуре, быте, религии, питании, традициях друг друга. Прежде всего, мигранты должны иметь доступ для бесплатного и повсеместного изучения русского и другого местного языка (например, в Татарстане – татарского). Это должно стать социальным, а не коммерческим проектом для России [20]. Конечно же, необходимо отменить экзамен на знание русского языка, основ законодательства и истории России для трудовых мигрантов. Гораздо важнее создать инфраструктуру для изучения языка, вовлечь в этот процесс работодателей. Необходимо выделять гранты культурным обществам и неправительственным организациям, осуществляющим культурные, спортивные, социальные проекты с привлечением мигрантов и местных жителей. Подобный подход позволит избежать формирования «этнических анклавов», которыми обычно пугают местное население и сделать интеграцию иммигрантов в общество успешной и менее проблемной [21. P. 140].

Крайне негуманная и несовершенная миграционная политика России становится своеобразным «камнем преткновения» для социально-экономического и демографического развития российского общества. Изменение подхода к управлению миграцией от контрольно-административного к социально-экономическому прагматизму на основе гуманитарной составляющей позволит ходит стране совершить рывок в развитии. Социокультурные риски, которые несет миграция для России, пока минимальны, поскольку большинство мигрантов происходит из стран бывшего единого политического и социального пространства, владеет русским языком, имеет трудовую мотивацию и желание быть частью российского социума. И этот шанс Россия должна использовать в интересах своего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111.
2. Рязанцев С.В. Внешняя миграционная политика России: концептуальное обоснование и инструменты реализации // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 4. С. 22–29.
3. Рязанцев С.В. Приоритеты миграционной политики России // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2015. № 6. С. 34–39.
4. Акрамов Ш.Ю., Рязанцев С.В. Трудовые мигранты: репродуктивное здоровье и вклад в российскую рождаемость // Человек и закон. 2014. № 3. С. 42–50.
5. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М. : ЦСП, 2006. 255 с.
6. International Migration Report 2015: Highlights. United Nations Population Division, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2016. 250 p.
7. Мухаметшина Е. Отношение к мигрантам в России ухудшается – «Левада-центр» // Ведомости. 27 апреля 2017. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya
8. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М. : Экон-Информ, 2016. 192 с.
9. Рязанцев С.В., Красинец Е.С. Подходы к регулированию трудовой миграции в России и странах-партнерах в интересах взаимного развития // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 5–12.
10. Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П. Русские: этническая гомогенность? М. : РИНЦ ИСПИ РАН, 1998. 65 с.
11. Рязанцев С.В. Эмиграция из России: к вопросу о понятийном аппарате // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 48–53.
12. Рязанцев С.В. Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 93–104.
13. Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 499–509.
14. Ryazantsev S.V. The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, № 3. P. 155–163.
15. Рязанцев С.В., Зоидов К.Х. Демографическое будущее России // Международные процессы. 2013. Т. 11, № 1 (32). С. 63–75.
16. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://kremlin.ru/acts/bank/26299
17. Указ Президента РФ от 13.06.2012 г. «Об утверждении Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/
18. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58986
19. Ryazantsev S.V. Russia Needs a New Migration Policy // Russian Politics and Law. 2013. Vol. 51, № 3. P. 80–88.
20. Указ Президента РФ от 7.12.2018 г. «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666». URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf
21. Ryazantsev S.V. The Lingual Integration of Migrants in Russia: Declarations and Realities // Life Science Journal. 2011. № 11 (8s). P. 139–143.

Sergey V. Ryazantsev. Institute for Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences, MGIMO University under Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia). E-mail: riazan@mail.ru

DOES A RUSSIAN MIGRATION POLICY SEE A HUMAN (ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF THE RUSSIAN MIGRATION POLICY)

Keywords: migration policy; Russia; compatriots; labor migrants; educational migrants; demographic potential; immigration reserves; humanization of migration policy.

The article discusses the socio-economic and demographic role of immigration for the development of modern Russian society. There is a significant compensatory contribution of immigration to the reduction of the population of Russia, the formation of a general increase in the population of the country and individual regions. The scales and structure of the main migration flows to Russia are analyzed, including migration to a permanent place of residence, temporary labor and educational migration. It touches upon the historical aspects of the migration policy in the Russian Empire during the reign of Catherine II in the context of the formation of the migration policy of modern Russia. The key problems of the formation and functioning of the Russian migration policy are highlighted, including the incompatibility of migration practices with conceptual ideas, as well as the absence of a humanitarian approach in migration services. The necessity of transferring the migration management system from power space to the economic field on the basis of the humanitarian component is substantiated. There are six main directions of the necessary optimization of migration policy, primarily in terms of migration practices, based on the principle of its humanization in the interests of society and people. There is a problem of access of migrants to registration at the place of stay, which is periodically tightened and raises problems for the legal status of migrants in Russian society. Russian society also needs adaptation and integration programs that will have real and sufficient funding from the federal, regional and local budgets. The necessity of creating a specialized service for migration management and the implementation of key areas of migration policy in the Russian Federation is substantiated. The article concluded that the inhuman and imperfect migration policy of Russia is becoming a kind of "stumbling block" for the socio-economic and demographic development of Russian society. Changing the approach to managing migration from control and administrative to socio-economic pragmatism based on the humanitarian component will allow the country to make a breakthrough in development. The sociocultural risks that migration carries for Russia are minimal, since the majority of migrants come from the countries of the former single political and socio-economic space, speak Russian, have work motivation and a desire to be part of Russian society.

REFERENCES

1. Ryazantsev, S.V. (2018) Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 105–111. (In Russian).
2. Ryazantsev, S.V. (2016) Foreign migration policy of Russia. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 14(4). pp. 22–29. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.2
3. Ryazantsev, S.V. (2015) Prioritety migratsionnoy politiki Rossii [Priorities of Russia's Migration Policy]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo – Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 6. pp. 34–39.
4. Akramov, Sh.Yu. & Ryazantsev, S.V. (2014) Trudovye migranty: reproduktivnoe zdorov'e i vklad v rossiyskuyu rozhdaemost' [Labour migrants: reproductive health and contribution to the Russian demography]. *Chelovek i zakon – Man and Law*. 3. pp. 42–50.
5. Arkhangelskiy, V.N., Ivanova, A.E., Rybakovskiy, L.L. & Ryazantsev, S.V. (2006) *Demograficheskaya situatsiya v Moskve i tendentsii ee razvitiya* [The demographic situation in Moscow and its development trends]. Moscow: TsSP.
6. UNO. (2016) *International Migration Report 2015: Highlights*. United Nations Population Division, Department of Economic and Social Affairs. New York: United Nations.
7. Mukhametshina, E. (2017) Otnoshenie k migrantam v Rossii ukhudshaetsya – "Levada-tsentr" [Attitude towards migrants in Russia is deteriorating – "Levada-Centre"]. *Vedomosti*. 27th April. [Online] Availabe from: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya.
8. Vorobieva, O.D., Rybakovsky, L.L. & Rybakovsky, O.L. (2016) *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration policy of Russia: history and current state]. Moscow: Ekon-Inform.
9. Ryazantsev, S.V. & Krasinets, E.S. (2015) . Approaches to regulation of labor migration in Russia and partner countries for mutual developmen. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki – Scientific Review. Series 1. Human Sciences*. 4. pp. 5–12. (In Russian).
10. Kozhevnikova, N.I., Rybakovskiy, L.L. & Sigareva, E.P. (1998) *Russkie: etnicheskaya gomogennost'?* [The Russians: ethnic homogeneity?]. Moscow: RAS.
11. Ryazantsev, S.V. (2018) Emigration from Russia: about conceptual category. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 48–53. (In Russian).
12. Ryazantsev, S.V. (2016) Emigranty iz Rossii: russkaya diaspora ili russkogovoryashchie soobshchestva? [Emigrants from Russia: Russian diaspora or Russian-speaking communities?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 93–104.
13. Iontsev, V.A., Ryazantsev, S.V. & Iontseva, S.V. (2016) Novye tendentsii i formy emigratsii iz Rossii [New Trends and Forms of Emigration from Russia]. *Ekonomika regiona*. 12(2). pp. 499–509.
14. Ryazantsev, S.V. (2015) The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 6(3). pp. 155–163. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s4p155.
15. Ryazantsev, S.V. & Zoidov, K.Kh. (2013) Demograficheskoe budushchee Rossii [Russia's demographic future]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 1(32). pp. 63–75.
16. President of the Russian Federation. (2007) *Decree No. 1351 of the President of the Russian Federation dated October 9, 2007, On Approval of the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation until 2025*. [Online] Available from: http://kremlin.ru/acts/bank/26299. (In Russian).
17. President of the Russian Federation. (2012) *Decree of the President of the Russian Federation of June 13, 2012, On Approval of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation until 2025*. [Online] Available from: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/. (In Russian).
18. President of the Russian Federation. (2018a) *Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018, On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025*. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/58986. (In Russian).
19. Ryazantsev, S.V. (2013) Russia Needs a New Migration Policy. *Russian Politics and Law*. 51(3). pp. 80–88. DOI: 10.2753/RUP1061-1940510305
20. President of the Russian Federation. (2018b) *Decree of the President of the Russian Federation of December 7, 2018, On Amendments to the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025, approved by Decree No. 1666 of the President of the Russian Federation of December 19, 2012*. [Online] Available from: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf.
21. Ryazantsev, S.V. (2011) The Lingual Integration of Migrants in Russia: Declarations and Realities. *Life Science Journal*. 11(8s). pp. 139–143.

УДК 394
DOI: 10.17223/19988613/59/23

А.Ш. Тузова

ВЬЕТНАМЦЫ, ВЫРОСШИЕ В РОССИИ: КТО МИГРИРУЕТ НА РОДИНУ ПРЕДКОВ?

Проект Российского научного фонда «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», № 14-18-02149-П.

Рассматривается влияние транснациональных взаимодействий в детстве на миграционные планы взрослых вьетнамского происхождения. Практики символического транснационализма часто формируют негативное или амбивалентное отношение к этничности родителей. Хотя второе поколение осуществляет карьерный, брачный и миграционный выбор в соответствии со сформированным отношением к этничности, балансируя между ценностными системами двух культур, однако финальный прагматический выбор продиктован возможностью повысить свой статус, используя такие ресурсы, как класс семьи, этничность, владение культурным репертуаром и полученное в России образование.

Ключевые слова: антропология миграции; транснационализм; вьетнамцы в России.

Введение. Жизненные пути детей вьетнамских иммигрантов в России очень разнообразны. Констелляция таких факторов, как образование, класс семьи, трудовая занятость и происхождение родителей, включенность в этнические социальные сети, транснациональный опыт, ощущения принадлежности или стигматизированности в школьной / студенческой среде и среди коэтничных сверстников, создают уникальные жизненные траектории, только отчасти поддающиеся генерализации. В фокусе данной статьи – транснациональная мобильность и «возвращение» второго поколения на родину родителей. Рассмотрено, как молодые люди из вьетнамских и смешанных русско-вьетнамских семей, выросшие в России, балансируют между ценностными системами местного окружения и их родителей. Отношение к этничности влияет на процессы социального позиционирования, осуществляющиеся в двух системах координат. То, какие социальные роли в результате предпочитаются представителями второго поколения, как разыгрывается этничность, как миграция во Вьетнам или другие страны включена в биографии моих информантов, является результатом не только воспитания и транснациональной вовлеченности, но и прагматичного выбора детей вьетнамцев.

Описание полевой работы. Статья написана по материалам коллективного исследования, проводящегося при Европейском университете в Санкт-Петербурге в рамках проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», который финансируется Российским научным фондом (грант № 14-18-02149-П). В основу статьи легли собранные в 2015–2018 гг. 22 полуструктурированных биографических интервью с молодыми людьми вьетнамского происхождения в возрасте от 17 до 35 лет. Был осуществлен тематический анализ этих интервью, а также 10 интервью с членами их семей[1]. Материал дополнили включенное наблюдение на диаспорических мероприятиях, неформальное общение и наблюдение в соцсетях.

Мои информанты, живущие как в России, так и за ее пределами, хоть и могут быть объединены термином «второе поколение», не представляют собой гомогенную популяцию. Они находятся на разных этапах жизненного пути и часто не знакомы с теми представителями второго поколения, чья миграционная и семейная история отличается от их собственной.

Исследования миграций второго поколения. Миграция на родину родителей, как крайний случай транснационализма второго поколения, все больше привлекает внимание исследователей в последнее десятилетие. Критикуя употребление понятия «возвратная миграция» по отношению ко второму поколению, ведь формально дети иммигрантов не могут вернуться туда, где никогда не жили, Вессендорф говорит о «миграции к корням» (*roots migration*) [1] и делает акцент на чувствах ностальгии и «оторванности от корней». Так как тоска по родине предков является особенностью диаспорического самосознания, Тсуда предлагает понятия «этническая возвратная миграция» (*ethnic return migration*) и «диаспорическое возвращение» (*diasporic return*) для описания переселения второго и последующих поколений иммигрантов на родину их предков. Впрочем, он подчеркивает экономические мотивы таких мигрантов, превалирующие над желаниями воссоединиться с корнями и познать свое этническое наследие [2. P. 26]. В центре его рассмотрения движение из более бедных, развивающихся стран в развитые страны исхода своих предков. Наиболее же лаконичное и точное понятие, предложенное Ямаширо, *ancestral homeland migration* – «миграция на родину предков» [3. P. 12], уже получает распространение, ср.: [4].

Уже существует значительное число работ, спорящее с утверждением Жоу о том, что 1,5 и 2 поколения

вряд ли рассматривают возможность переезда в страну исхода их родителей, так как не имеют достаточно значимых связей с родиной родителей [5. P. 64]. Исследователи, рассматривающие феномен такой миграции[2], все же, в отличие от Тсуды, чаще фокусируются на движении из более развитых стран в менее развитые: из Северной Америки в Грецию [7], из Великобритании в страны Карибского бассейна [8], из Швейцарии в Италию [1], из США в Индию, Вьетнам, Китай [4, 9, 10]. В этих миграциях ярче актуализируется первоначальный импульс движения к своим корням. Накладываемые извне, а также собственные понимания этничности, как и ощущения «дома» и «принадлежности», стимулируют транснациональную мобильность второго поколения. Однако радужные представления о родине родителей чаще разбиваются о невозможность адаптироваться и влиться в общество. Общества исхода родителей часто не только менее развиты экономически, но и более патриархальные, с жесткими рамками гендерных ролей, которые молодые люди, выросшие в ориентированных на эгалитарные гендерные отношения обществах, принимают либо оспаривают. В данной статье речь пойдет о том, какие детали своих биографий информанты выделяют как ключевые в формировании их ориентаций и предпочтений относительно страны проживания. Далее я рассмотрю роль транснационального опыта второго поколения в формировании их отношения к этничности и в жизненных выборах, осуществляемых ими в период после окончания школы, студенчества и выхода на рынок труда.

Миграция во Вьетнам как императив вьетнамских семей. С конца 1960-х – начала 1970-х гг. Советский Союз, как и другие страны бывшего Советского блока, начал интенсивно принимать вьетнамцев на учебу в вузы, а с 1981 г. по соглашению между странами вьетнамцы начали работать на советских заводах и фабриках по контракту [11. С. 146–148]. После развала СССР в 1991 г. перед бывшими студентами и контрактными рабочими встал выбор: вернуться во Вьетнам или попытаться найти себя в новом экономическом порядке; это время расцвета «вьетнамских рынков». Но после финансовых кризисов 1998, а затем и 2008–2009 гг., Россия стала менее привлекательным направлением для миграции и планирования постоянного жительства, чем, например, Чехия и Польша: страны, входящие в Евросоюз, в советское время принимавшие вьетнамских студентов и рабочих, и с тех пор являющиеся местом жительства большого числа вьетнамцев. Особенности жизни вьетнамских семей в России представляют особый интерес и не освещены в исследовательской литературе. Несмотря на существование императива «вернуться на родину после получения детьми российского образования», индивидуальные истории возвратной миграции первого поколения «советских» семейных вьетнамцев могут значительно варьировать [12].

Жизненные пути второго поколения варьируют еще больше. Ориентации и принадлежности второго поколения дают различные варианты мобильности: 1) дети иммигрантов ассимилируются и становятся полноценной частью принимающего общества; 2) семьи иммигрантов вместе с детьми возвращаются в страну исхода после получения детьми образования; 3) дети используют свой расширенный культурный репертуар для адаптации к жизни в третьей стране. Исследователи все больше внимания посвящают транснациональным практикам, «размывающим» границы между вариантами.

Наиболее драматична ситуация, когда дети уже получили образование, и вьетнамские родители готовы уехать. Они восстановили связи с родственниками и друзьями во Вьетнаме, обеспечили себе заработок и жилье, совершили серию поездок. При этом их дети ассимилировались настолько, что видят свое будущее только в России и отказываются ехать на родину родителей[3]. Когда родители оставляют надежду на отъезд детей, происходит болезненный разрыв, сглаживаемый, впрочем, последующим транснациональным образом жизни детей или родителей. Польские исследования показывают, что разнонаправленность миграционных планов вьетнамских родителей и детей – это основа семейных конфликтов [14. P. 69]. Однако среди моих информантов встречаются и прямо противоположные ситуации. Старшие из сиблингов по мере взросления все больше ориентируются на жизнь во Вьетнаме и осуществляют попытки переезда, а родители вместе с младшими детьми планируют оставаться в России и рассматривают получение российского гражданства, что является решением, символически знаменующим связь с Россией. Таким образом, конфликт между поколениями не следует понимать как однозначный: между желаниями родителей уехать, а детей остаться. В смешанных семьях описываемый конфликт может превращаться во внутренний конфликт вьетнамского родителя [12. С. 84], так как из-за местного супруга вся семья более интегрирована в России.

Транснациональность второго поколения. Переезд во Вьетнам и реинтеграция иммигрантов первого поколения невозможны без усиления транснационального взаимодействия [Там же. С. 87]. Не имеющие транснациональных связей дети вьетнамцев ставят Вьетнам в один ряд с другими зарубежными странами и предпочли бы миграцию в страны с более высоким уровнем жизни. Часть информантов имеют обширный транснациональный опыт: будучи рожденными в России, они были отправлены родителями к родственникам во Вьетнам в дошкольный период или на учебу в начальной школе на 5–7 лет. Других отсылали к бабушкам-дедушкам на лето. Распространены и краткосрочные визиты в составе семьи. Если последний вариант больше напоминает туристические поездки и по форме, и по содержанию, то первые два часто описываются информантами как опыт травматический и сформировавший такие черты характера, как самостоятельность и дисциплинированность.

«Отдыхавшие» на каникулах больше вспоминают бытовые отличия между жизнью в городе в России и в

деревне во Вьетнаме. Описываемый телесный опыт включает страдания от непривычного распорядка дня (ранние подъемы, дневной сон), жаркого климата и плохих жилищных условий, пищи, насекомых. Воспоминания о визитах омрачены чувствами незащищенности и растерянности: следствие невозможности встроиться в социальную среду. Из-за недостаточного владения вьетнамским, дети ощущали социальную изолированность даже в среде других детей и родственников. Так Дима не хотел общаться со сверстниками: *«…потому что это были вьетнамские дети, они мне не нравились. Они... будто дерзкие какие-то очень сильно, какие-то, я бы сказал... невоспитанные, наверное. Они могли просто поматериться, побить тебя. Они просто чувствовали то, что ты как бы... как хоть и вьетнамец, но ты из другой страны и, типа, могут тебя обидеть»* (Дима, м., 17, апрель 2017 г. [15]).

Приехавшие из-за границы воспринимаются как «богатые» как родственниками, так и незнакомыми людьми, что затрудняет установление честных доверительных отношений: *«…когда приезжаешь во Вьетнам, народ чувствует это и начинаются всякие обхаживания с целью вынимания денег»* (Вита, ж., 23, февраль 2016 г. [13]).

Выросшие в России, дети критично воспринимают особый стиль взаимодействия, иносказательность выражений, жесткую иерархичность в отношениях: *«...во Вьетнаме нужно постоянно подстраиваться, как-то вот изворачиваться»* (Настя, ж., 22, июль 2017 г. [15]). Они отвергают как нормы общения, так и связанные с ними «вьетнамский менталитет и образ жизни». Одним информантам родные проводили специальный инструктаж по поведению, скрывающему их заграничное происхождение и защищающему от возможного грабежа. Другие рассказывали, что были обмануты собственными родственниками.

Обсуждая свои попытки приехать во Вьетнам на постоянное жительство, Настя и Вика вспоминают нежелание вьетнамских родственников помочь им обустроиться и делают вывод об их меркантильности:

Н: *Они рады нам только тогда, когда мы временно приезжаем...*

В: *Да, когда мы привозим подарки, тогда все рады.* (Настя, ж., 22, Вика, ж., 25, июль 2017 г. [15]).

Второе поколение ощущает себя объектом пристального внимания и сплетен со стороны многочисленных незнакомых родственников. Из-за языкового барьера, непонимания особенностей коммуникации и неумения распознать скрытые мотивы юные вьетнамцы из России ощущают себя легкими жертвами мошенничества.

Туристические поездки оставляют более позитивное впечатление. Посещая Вьетнам с родителями в детстве или самостоятельно уже в старшем возрасте с целью ознакомления с вьетнамской культурой, представители второго поколения больше отделены и защищены от «настоящего» вьетнамского быта и взаимоотношений. Например, Май восторженно отзывается о полученной возможности поучаствовать в организуемом вьетнамским правительством культурном лагере для детей вьетнамцев со всего мира: *«Мы ездили на автобусе с севера до юга. Это длилось 21 день, и каждый день мы посещали 1–2 города. <…> В общем, было очень весело, очень комфортно было находиться в таком окружении. Потому что это по сути такие же люди как ты. Те люди, которые выросли в другой стране, при этом внешность вьетнамская»* (Май, ж., 25, октябрь 2017 г. [15]).

Май повезло ощутить принадлежность, тогда как другие информанты остро переживали свою невключенность в жизнь во Вьетнаме, свою чуждость и, в свою очередь, отвергали то, что им предъявлялось родителями как родное. Стесненные в средствах семьи посещают Вьетнам по крайней необходимости: по семейным обстоятельствам (похороны родственника), для оформления документов. Приоритетным для родителей является общение с расширенной семьей, а дети остаются разочарованными:

«Ну, приехали... Было очень жарко: 36 градусов; и как-то меня не вдохновил Вьетнам в плане этого. Ну, как-то я еще не смог адаптироваться, потому что приехал на две недели. Средненько, я бы сказал. Я не узнал вьетнамской культуры. Узнал, вот, что родственники есть. Так, познакомились – и все. А так... В целом, дома сидел, потому что очень жарко. <…> Ну, увидел дом, где живут родственники. Увидел, в каких условиях Вьетнам находится, ну и все» (Тоан, м., 25 лет, март 2017 г. [Там же]).

Регулярные поездки во Вьетнам «на лето к бабушке-дедушке» считаются как родителями, так и самими детьми ключевым способом передачи вьетнамской культуры и воспитания вьетнамской идентичности [16. С. 68]. Транснациональность второго поколения и отношение к своим корням находится в прямой зависимости от класса[4]. В более обеспеченных семьях дети имеют как минимум сам опыт посещения Вьетнама, а поездки привычного туристического формата, позволяющие узнавать страну как безопасное место, – это основа для формирования эмоциональных связей с родиной родителей. Как замечают мои информанты, дети родителей, «у которых есть деньги», более склонны уезжать во Вьетнам на постоянное жительство. Отсутствие детского опыта визитов во Вьетнам и связанных с ними негативных воспоминаний может подтолкнуть к тому, что исследователи называют «туризмом к корням» [18]. Диана, выросшая в смешанной русско-вьетнамской семье, начала интересоваться Вьетнамом и всем с ним связанным уже после двадцати пяти лет. После четырех ежегодных туристических поездок она начала обдумывать возможности для бизнеса и переезда на родину своего отца.

Амбивалентное, а в некоторых случаях неприязненное отношение к Вьетнаму, сформировавшееся в результате однократных или редких поездок к родствен-

никам, мешает представителям второго поколения рассматривать страну как место для постоянного жительства. Даже стигматизированное (из-за внешности) положение в России кажется менее драматичным в сравнении с невозможностью «вписаться» в ощущаемый порядок взаимоотношений во Вьетнаме. Визиты во Вьетнам – это ключевая составляющая транснациональности второго поколения, однако необходимо принимать во внимание также практики символического транснационализма[5], так воспитание вьетнамскими родителями создает отношение к этничности, в свою очередь оказывающее влияние на миграционные планы второго поколения.

Вьетнамское воспитание. Дети иммигрантов часто принимают решение о переезде на родину родителей под их влиянием. Родители говорят о родине как ключевом месте, куда рано или поздно следует вернуться (в случае второго поколения – уехать) жить [7]. Далее я рассмотрю, какое место мои информанты отводят родительским руководству и ожиданиям в формировании и реализации их брачных, карьерных и миграционных планов. Немаловажно здесь отношение второго поколения к этничности, также находящееся в тесной связи с взаимоотношениями с родителями. Родительские стратегии в семьях моих информантов сильно разнятся, но некоторые обобщения все же возможны. Отношение к этничности детей, воспитывавшихся в смешанных семьях, принципиально отличается от того, как воспринимают «вьетнамскость» дети из семей, где оба родители вьетнамцы.

Воспитание и этничность в смешанных семьях. Смешанные семьи моих информантов почти без исключений представлены отцом-вьетнамцем, получившим образование в СССР, и местной матерью. Образовательные мигранты в силу хорошего владения ими русским языком имели больше возможностей длительно и тесно контактировать с местными, а также остаться здесь жить. Впоследствии они скорее занимали привилегированное положение среди вьетнамцев. Среди моих информантов самые старшие – из таких смешанных семей, родившиеся еще в Советском Союзе. Когда они росли, их семьи имели высокий достаток и соответствующий образ жизни. Дети обучались в гимназиях, занимались в музыкальных школах. Многие из тех вьетнамских иммигрантов, кто получил высшее образование и даже защитил кандидатскую диссертацию, так же, как и бывшие строители и работники швейных фабрик, в 1990-е гг. занимались торговлей на рынке и в мелких магазинах, самостоятельно доставляя себе товары для продажи («челночество»). Некоторым удалось открыть собственное дело (магазин, ресторан, швейное производство, туристическую фирму или бизнес, связанный с импортом / экспортом товаров между Вьетнамом и Россией). Другие заняли нишу, связанную с помощью вновь прибывающим трудовым мигрантам – оформление приглашений, разрешений на работу, перевод, улаживание конфликтов с местными представителями власти.

Такие семьи часто встречались, и дети могли общаться. По воспоминаниям информантов, их родители составляли ядро «вьетнамской диаспоры», устраивались общие праздники в ресторанах. Информанты с одинаковым воодушевлением рассказывают также о домашних праздниках, которые в памяти остались событиями с максимальным выражением «вьетнамскости».

В смешанных семьях «вьетнамскость» концентрировалась почти исключительно в сфере кулинарных практик. Повзрослев, второе поколение начинает «возврат к корням» и изучение вьетнамской культуры, пробуя вьетнамские блюда в ресторанах, пытаясь научиться готовить. На кухне смешанной семьи за счет противопоставления пищевых правил и норм, встречи «русского» и «вьетнамского» осуществлялась актуализация этничности. При этом гибридные и видоизмененные практики (способы и контексты употребления блюд, сервировка стола и пр.) воспринимаются вторым поколением как вьетнамские [16. С. 69].

Подобным образом и личные ценностные установки, привычки, манеры поведения отца-вьетнамца осмысляются детьми как этнические, вьетнамские. Строгость отца, его темпераментность и вспыльчивость становятся этнически окрашены для Феликса, росшего в смешанной семье, когда он сравнивает эти черты характера со «спокойностью» отцов своих местных друзей. Даже сложности в общении с отцом интерпретируются им как результат различающихся этнических идентичностей. В первую очередь заметные, даже раздражающие черты характера или ценности отцов оцениваются информантами как вьетнамские, негативно окрашивая, таким образом, отношение к этничности. Личные качества, поведение и ценностные установки отцов интерпретируются как этнические по той причине, что общение с другими вьетнамцами у детей из смешанных семей минимизировано. Хотя сами отцы в интервью подчеркивают, что они «не похожи на вьетнамцев» из-за того, что живут или много лет прожили в русской семье, а дети могут указывать на «оторванность» отцов от Вьетнама, все же дети часто «вьетнамизируют» убеждения отцов.

Е.: *В те времена он тоже был, скажем так, антивьетнамским человеком, потому что он уехал из страны и 17 лет не возвращался туда! 17 лет он получал одно письмо в год от своей матери, и это было единственное, что его связывало с Вьетнамом. <…> Он работал с вьетнамцами, но у него никогда не было потребности в... вьетнамской культуре. Он никогда не смотрел фильмы на вьетнамском языке и не читал книги. Ему было достаточно того, что ему показывал телевизор на русском языке. Он конечно готовил [по-вьетнамски] и воспитывал нас в... вьетнамских традициях, как ему казалось положено быть девочкам. Но...*

А.Т.: А это, например, что?

Е.: Правило номер один: *«Жена – это тапочки. Тапочки сносились – жену выкинули». Это правило, по*

которому меня воспитал папа Хунг. То есть никогда не высовывайся, знай свое место, не вякай. Не плачь, не обижайся. Другие правила? Нет, других правил не было (смеется)» (Екатерина, 34, 2017 г. [15]).

«Предлагаемая» отцами вьетнамская этническая идентичность имела гендерное измерение, накладывая ограничения именно на поведение девочек. Выросшие в смешанных семьях, информантки отвергали такую «вьетнамскость»: Екатерина и ее сестра говорят о том, что сделали выбор в пользу «европейских» ценностей, опираясь на точку зрения матери – *«всегда быть независимой, всегда иметь свои деньги, всегда иметь свое мнение»* (Екатерина, 34, 2017 г. [Там же]).

«Вьетнамскости» в жизни детей из смешанных семей отводилось особое, скрытое от других место. Ира и ее брат с рождения носили фамилию матери, сиблинги не учили вьетнамский язык. Ира считает, что родители, таким образом, хотели защитить их: *«…иначе люди тебя будут считать вторым сортом»* (Ира, 35, 2017 г. [Там же]). Ира называет стигматизированные категории, отождествления с которыми ее родители хотели избежать: вьетнамцы, китайцы, азиаты и, шире, иностранцы. Все они рассматриваются как низкостатусные и наделяются эпитетами «люди из банановых республик», «рынок», «второй сорт». Непрестижность этничности распространяется на владение языком; она может не артикулироваться в семье напрямую, но ощущаться. Только высокий статус семьи дает возможность не воспринимать этничность как стигму; если для вьетнамских семей она видится неизбежной; то для смешанной семьи, когда внешность детей менее «азиатская», ограничения, казалось бы, налагаемые этнической идентичностью, преодолимы. Поэтому «вьетнамскость» вытесняется в приватную сферу дома или узкого круга таких же вьетнамских и смешанных семей.

Дети и из вьетнамских, и из смешанных семей имеют опыт ощущения своей внешности как стигмы, большинству удалось выработать способ поведения, либо сглаживающий неравноправность взаимодействия, либо позволяющий справляться с ситуациями исключения благодаря знанию русского языка как родного и владению культурным репертуаром. Обычно информанты осмысляют свое взросление в смешанной семье, как опыт положительный, расширяющий кругозор, «дающий дополнительную гибкость ума»: *«Моя адаптация всегда проходила достаточно быстро и, в общем-то, безболезненно. Я думаю, что это за счет того, что я выросла в мультикультурной среде»* (Ира, 35, 2017 г. [Там же]). Ира и Екатерина, вышедшие замуж за европейцев, считают, что к этому их подготовил опыт взросления в семье, где супруги «пришли из разных культур».

Отношение к вьетнамскому происхождению выросших в смешанных русско-вьетнамских семьях складывается из комплекса обстоятельств их взросления. С одной стороны, хорошее материальное благосостояние семей и сравнительно высокий социальный статус заставляли родителей дистанцироваться от всего вьетнамского, воспринимавшегося как стигма. Детям не давали вьетнамские имена, они могли носить «русскую» фамилию матери. Этничности отводилось место в приватной сфере семьи или близкого круга «таких же» семей: «празднование» вьетнамскости осуществлялось в специально отведенные для этого время и место. «Тяжесть» этничности несли на себе кулинарные практики и личные черты характера и ценности вьетнамского отца. Информанты, выросшие в смешанных семьях, чаще интерпретируют свои этнические опыты как периферийные, «вьетнамскость» не является хоть сколько-нибудь значимой частью идентичности. При этом взросление в смешанной семье оценивается ими как преимущество, воспитывающее способность приспосабливаться к другим культурам. Большинство информантов, эмигрировавших из России, как Ира и Екатерина, росли не во вьетнамских, а именно в смешанных семьях. Помимо «высокой адаптивности» сыграл роль класс их семей, позволивший девушкам получить хорошее образование и найти работу за рубежом. Отмечу важность гендера для успешной эмиграции представителей второго поколения, при том, что гендерные идеологии вьетнамских родителей являются одинаково оспариваемыми детьми как в смешанных, так и вьетнамских семьях и оказывают принципиальное влияние на отношение к этничности.

Воспитание и этничность во вьетнамских семьях. Ценностные установки вьетнамских родителей и их окружения более важны для детей из вьетнамских семей. Они – основа для оценки поведения, успешности, верности жизненных выборов. Ими предполагается подчинение личных амбиций семейным обязательствам, детей – воле родителей, а также гендерная иерархия. Нравственные нормы вьетнамских родителей диктуют им необходимость максимум времени посвящать работе во имя семейного благосостояния. Считается, что воспитание и уход за детьми можно делегировать. Поэтому широко распространены практики отправлять дошкольника или младшего школьника во Вьетнам к родственникам или отдавать на воспитание местным «бабушкам». Таким образом, дети «изнутри» знакомятся с вьетнамским и российским бытом. Они получают знание вьетнамского языка, которое впоследствии могут использовать в период более интенсивного общения с вьетнамцами (обычно в студенчестве). За короткий период они могут поднять владение русским на уровень родного языка. Наконец, с тем фактом, что они воспитывались другими людьми, информанты связывают отсутствие доверительных отношений с родителями.

Недостаток близости с родителями в свою очередь мешает последним эффективно передавать свои ценности детям. Современная российская действительность больше ориентирована на индивидуализм, независимость и эгалитарные отношения как между супругами, так и между поколениями, по сравнению с ожидаемы-

ми родителями моих информантов. Вьетнамцы, выросшие в России, подчеркивают отличие своего отношения к жизни от «вьетнамского менталитета».

Биографии старших сиблингов и младших часто сильно отличаются: и со стороны миграционной истории, и со стороны включённости в транснациональные практики. Старшие, испытывавшие большее давление со стороны родителей в сочетании с недостаточным участием родителей в их жизни, стремятся компенсировать этот разрыв между поколениями, выступая в роли посредников между родителями и младшими. Родители и сами передают старшим детям свои родительские обязанности. Аккультурировавшиеся старшие воспитывают младших, следят за их образовательными успехами, поведением (употреблением алкоголя, табака, и чтобы «не попал в плохую компанию»), помогают с карьерным выбором. Старшие стараются дать младшим то, чего не получили сами – внимание, доверие, понимание, чего не хватает вьетнамским родителям, ставящим на первое место послушание. Информанты гордятся тем, что младшие посвящают их в детали своей личной жизни. Они поддерживают личный выбор младших и защищают их перед родителями. В результате разрыв между поколениями хоть и существует, но не драматичен. Более «послушные» старшие частично снимают с младших необходимость следовать родительской воле. Младшие чаще имеют возможность делать самостоятельный выбор, например, романтического партнера или места учебы: «*Ну, понятно дело, папа хотел в экономическое какое-то, чтобы я пошла. Но он не сильно расстраивался. И я выбрала такое очень... не сильно хороший вуз с точки зрения... то есть я выбрала направление, которое... чисто для души. Не для того, чтобы учиться и быть успешной. <...> А у [старшей] сестры наоборот. Мне так показалось, что у нее не было четко своего мнения, и как-то она прямо послушала. Ну, не сразу, но в итоге так получилось, что она пошла туда, куда мама советовала. И именно в то учебное заведение, которое мама хотела. Потому что мама считала, что там могут быть какие-то полезные связи. Ну, она там неплохо устроилась в принципе*» (Вита, ж., 22, март 2017 г. [15]).

Хотя Вита и выбрала себе специальность для души, и после окончания учебы ей удавалось реализовываться профессионально в выбранном направлении, «успешной» она себя в интервью не называет из-за несоответствия своего жизненного пути тому, который считается успешным в среде ее родителей. Молодые мужчины вьетнамского происхождения более свободны в своих выборах, чем девушки, что впоследствии принципиально сказывается на их возможностях и желании реинтеграции во Вьетнаме.

Старшие дети более транснациональны во многих отношениях – их опыт поездок или жизни во Вьетнаме может быть более обширным, они часто лучше владеют вьетнамским языком, лучше ориентируются в требованиях, предъявляемых к ним родителям, и ограничениях, налагаемым на них «трансгранично», со стороны Вьетнама. Даже не осуществляя физического перемещения через границы, второе поколение живет в транснациональном поле. В связи с этим можно говорить о символическом и эмоциональном транснационализме [18, 20]. Далеко идущие планы родителей интерпретируются детьми как «вьетнамская расчетливость». Знаковая черта для этничности, она критикуется вторым поколением, однако на практике дети подчиняются и принимают позицию родителей. Старшие при этом лучше владеют такими стратегиями поведения, когда они действуют по-своему, не идя на прямой конфликт с родителями. Добиваясь от детей желаемого поведения, родители апеллируют к чувству ответственности детей:

А у вьетнамцев: *«Вот, ты должен доучиться до конца, потому что мы столько в это вложились. Ты должна думать... о нашем авторитете, типа, чтобы никто, там, не смотрел на нас...»* (Вика, ж., 25, июль 2017 г. [4]).

Необходимость получения детьми образования в России тормозит отъезд вьетнамских родителей либо используется как риторическое оправдание продолжения жизни в России [11. С. 81], что обращается для детей в требование следовать родительской воле при выборе места обучения. Кроме того, родители имеют значимый финансовый рычаг влияния. Если, заканчивая школу, молодые люди не имеют российского гражданства, они могут получить высшее образование только платно. Несмотря на активное использование детского труда в своих предпринимательствах, родители надеются на получение детьми таких профессий, которые бы избавили их от прекарных занятостей в сфере ресторанного или туристического бизнеса и мелкой торговле: *«...работай либо на государство, в госучреждениях, либо в компаниях крупных, либо свою компанию открой»* (Марина, ж., 26, август 2018 г. [15]).

Многие из моих информантов со школьных лет отличаются от своих сверстников наличием трудового опыта. Те, у кого родители имели туристический бизнес или свой магазин, или точку на рынке, могли целыми днями работать гидами или продавцами на летних каникулах, а в ресторане помогать в течение всего учебного года без какой-либо оплаты. Такая помощь родителям воспринималась как часть домашних обязанностей, так же естественная, как и уже упомянутые постоянное отсутствие родителей дома, выполнение старшими сиблингами родительских обязанностей – покупки продуктов, воспитания и заботы о младших. Дети, особо усердные в учебе, впрочем, могли быть избавлены от неоплачиваемого труда в семейном бизнесе.

Наиболее ценными считаются экономическое и медицинское направление – если в первом случае предполагается, что ребенок получит знания, полезные для ведения бизнеса, то во втором «в доме будет личный врач». Несколько информантов получают образование в сфере туризма, но уже в процессе учебы разочарова-

лись в ней, так как практическая самореализация в сфере туризма (организация туров для вьетнамцев в Россию и сопровождение туристических групп) очевидно доступна им, как билингвам, и без профессионального образования. Информанты, сделавшие свободный карьерный выбор, приходят к выводу, что он не совместим с жизнью во Вьетнаме, где выбранная профессиональная область не развита либо не ценится.

Девушки вьетнамского происхождения, выросшие в России, могут делать выбор в пользу замужества и отъезда во Вьетнам, потому что разделяют установку вьетнамского окружения на более ранний брак, чем ожидается в их российском окружении, и, следовательно, ощущают общественное давление и необходимость скорее начать семейную жизнь. Кроме того, в сравнении со стигматизированным положением внешне выделяющейся иностранки, которое не так просто преодолеть в России девушке с вьетнамским происхождением, значительно выигрывает статус, который она может иметь во Вьетнаме после замужества. Знакомясь с вьетнамским студентом (аспирантом) или военным, проходящим обучение в России, девушка может ожидать одновременно, что семья будущего мужа достаточно состоятельная во Вьетнаме, и что сам он имеет хорошие карьерные перспективы. Выйдя замуж и имея вьетнамское гражданство и российское образование, сама она будет иметь завидное положение как во Вьетнаме, так и среди оставшегося в России вьетнамского окружения и все возможности для реализации программы идеальной вьетнамской дочери. Девушки из вьетнамских семей более готовы к гендерной и возрастной субординации, принятой во Вьетнаме, так настойчиво отвергаемой выросшими в смешанных семьях. Более того, на правах выросших в России, они могут претендовать на менее жесткое подчинение этим правилам. Девушки, планирующие миграцию во Вьетнам, оспаривают как гендерную, так и возрастную иерархию в том виде, каком она преподносится их родителями, и демонстрируют более эгалитарные отношения с партнерами (и их родителями). Нельзя, впрочем, отрицать, что отношение к этничности (и, следовательно, возможность миграции) в очень большой степени находится под влиянием накладываемых ею жизненных установок.

Те, кто планируют жизнь в России, в первую очередь объясняют свое решение неприемлемостью мировоззренческих директив своего вьетнамского окружения. Как молодые женщины, так и мужчины связывают миграцию во Вьетнам с созданием семьи. Большинство моих информантов, живущих в России, во-первых, рассматривают для себя вариант более позднего брака, чем принято во Вьетнаме, во-вторых, оспаривают необходимость выбора именно вьетнамского партнера. Девушки опираются на достигнутые на данный момент образовательные и карьерные успехи, которые позволяют им рассчитывать на собственные силы и планировать свое будущее без расчета на удачное замужество.

Кроме того, этничность может быть эффективно использована здесь, либо через обращение к этническим социальным сетям для получения работы, которая предполагает владение вьетнамским языком – репетиторство, работа во вьетнамских семьях, перевод, сопровождение вьетнамцев к врачам, помощь в оформлении документов, а также руководящие позиции во вьетнамских этнических предпринимательствах, либо через обращение к экзотической внешности, и тогда в большей степени можно говорить об актуализации не этнической, а скорее расовой идентичности, свойственной публичным личностям: музыкантам, фотомоделям, блоггерам, успешно эксплуатирующим свою «азиатскость». И тот, и другой способы эксплуатации «этничности» очевидно не релевантны во Вьетнаме, поэтому те представители второго поколения, которые вовлечены в такую деятельность, не рассматривают для себя переезд во Вьетнам на постоянное жительство.

Информанты, выросшие во вьетнамских семьях, демонстрируют разный уровень владения «вьетнамским» культурным репертуаром, согласия с вьетнамскими традиционными ценностями, подсказываемыми их родителями. Старшие из сиблингов более лояльны к этничности: не критикуя мнения родителей по поводу их жизненных выборов открыто, они, впрочем, строят свою жизнь, маневрируя между ожидаемыми от них во вьетнамской среде жизненными достижениями и воспринятым в России индивидуалистическим взглядом на необходимость самовыражения, самореализации. Для девушек выбор оказывается более острым: между жесткой регламентированностью жизненного пути во Вьетнаме и рисками индивидуалистического образа жизни в России. Причем и здесь, и там в той или иной степени они ощущают свою стигматизированность, а их принадлежность обществу оспаривается извне.

Заключение. Как не может считаться естественным и беспроблемным возвращение иммигранта в страну исхода, а реинтеграция может быть сложным и болезненным процессом [11], так и миграция второго поколения на родину родителей не задается только лишь происхождением и тягой к корням. В литературе миграция детей иммигрантов из более экономически преуспевающих стран в страны исхода изначально понималась как миграция к корням, движимая чувствами ностальгии, тоской по «дому» и месту, где можно ощутить принадлежность обществу. В отношении молодых людей вьетнамского происхождения, выросших в России, можно утверждать, что их опыты посещения Вьетнама скорее проясняют невозможность «вписаться» и чувствовать себя «как дома». В смешанной семье этничности отводится периферийное место, где она и остается по мере взросления информантов и, таким образом, крепкой эмоциональной связи с «вьетнамскостью» и Вьетнамом, необходимой для того, чтобы второе поколение рассматривало возможность переезда во Вьетнам, не возникает. Воспитание во вьетнамских семьях, предполагающее следование родительской во-

ле, в сочетании с погруженностью в российский контекст, поощряющий более эгалитарные отношения и индивидуализм, рождает негативное или амбивалентное отношение к этничности родителей, заставляя дистанцироваться от семейных ценностей, либо демонстрировать послушание, делая «по-своему». Когда же информанты принимают свою «вьетнамскость», это не обязательно ведет к миграции во Вьетнам. Только тогда, когда принятие этничности сопряжено с практическими соображениями, четкими жизненными перспективами и реализацией родительской «программы», дети вьетнамцев начинают рассматривать возможность переезда, осуществлять конкретные шаги в этом направлении. Гендер оказывается значимым фактором мобильности: среди моих информантов именно девушки эмигрировали во Вьетнам или другие страны. Но если в случае девушек из вьетнамских семей к решению выйти замуж за вьетнамца их толкает возможность повысить свой социальный статус, то в случае девушек из смешанных семей скорее исходный высокий социальный статус семьи позволил им получить хорошее образование, которое они впоследствии использовали для работы за границей. В первом случае также важно владение вьетнамским языком и знакомство с вьетнамским бытом – вышедшие замуж за вьетнамцев девушки имели опыт длительного проживания во Вьетнаме; во втором – взросление в смешанной семье.

Данная статья вносит вклад в исследования условий миграции второго поколения на родину родителей. Ограничения исследования связаны с тем, что оно проводилось в России, а не в двух странах. Недостаточный доступ к «уехавшим» заставляет смещать фокус внимания на сдерживающие миграцию факторы, а не подталкивающие к ней. Предлагая взгляд на жизненные пути потомков вьетнамцев в России, статья также ставит новые вопросы: Какие режимы транснациональности проживают дети вьетнамцев по мере взросления, как осмысляют их и какое их место в социальном позиционировании второго поколения? Как происходит интеграция на родине родителей? Интересны также гендерные различия жизней второго поколения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имена информантов изменены.

[2] См. раздел в систематической библиографии по возвратной миграции 2011 г. [6. С. 105–108].

[3] Антропологические исследования транснациональных семей показывают, что дети, получившие образование в принимающей стране и полностью усвоившие ее язык и культуру, могут сдерживать транснациональную мобильность и возвратную миграцию домохозяйства [13. P. XIV].

[4] По мнению Зонтини и Рейнолдс, члены семей среднего класса чаще имеют транснациональный семейный габитус по сравнению с рабочим классом [20. P. 432].

[5] Понятие «символического транснационализма» Эспириту и Чан использовали для описания роли в жизнях второго поколения воображаемых визитов на родину родителей, изучения культуры и изобретения этничности. Здесь Вьетнам уже не только физическое место, но и представление, ориентир и мечта [19. P. 369].

ЛИТЕРАТУРА

1. Wessendorf S. “Roots migrants”: Transnationalism and “Return” among second-generation Italians in Switzerland // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2007. Vol. 33 (7). P. 1083–1102.
2. Tsuda T. Why does the diaspora return home? The causes of ethnic return migration // Diasporic homecomings. Ethnic return migration in comparative perspective / ed.: T. Tsuda. Stanford, CA : Stanford University Press, 2009. P. 21–43.
3. Yamashiro J.H. Redefining Japaneseness: Japanese Americans in the ancestral homeland. New Brunswick, NJ : Rutgers University Press, 2017. 224 p.
4. Wang L.K. “Leftover women” and “kings of the candy shop”: Gendering Chinese American ancestral homeland migration to China // American Behavioral Scientist. 2017. Vol. 61 (10). P. 1172–1191.
5. Zhou M. Growing up American: The challenge confronting immigrant children and children of immigrants // Annual review of sociology. 1997. Vol. 23 (1). P. 63–95.
6. Carling J., Mortensen E.B., Wu J. A systematic bibliography on return migration. PRIO Paper. Oslo:Peace Research Institute Oslo (PRIO). 2011. 287 p.
7. Christou A. American dreams and European nightmares: experiences and polemics of second-generation Greek-American returning migrants // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2006. Vol. 32 (5). P. 831–845.
8. Reynolds T. Transnational family relationships, social networks and return migration among British-Caribbean young people // Ethnic and Racial Studies. 2010. Vol. 33 (5). P. 797–815.
9. Jain S. Transnational ties and ethnic identities in the parental homeland: second-generation Indian Americans in India // Identities. 2018.
10. Nguyen-Akbar M. Finding the American dream abroad? Narratives of return among 1.5 and second generation Vietnamese American skilled migrants in Vietnam // Journal of Vietnamese Studies. 2016. Vol. 11 (2). P. 96–121.
11. Соколов А.А. Вьетнамцы в России: история миграций и диаспоры // Восток на востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / отв. ред. С.А. Панарин. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 145–158.
12. Тузова А.Ш. Российские семейные вьетнамцы: дилемма «вернуться или остаться» // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 76–92.
13. Smith M.P. Preface // New approaches to migration?: transnational communities and the transformation of home / eds N. Al-Ali, K. Koser. Routledge, 2003. P. X–XV.
14. Szymańska-Matusiewicz G. Intergenerational conflicts in Vietnamese families in Poland // Southeast Asian Migration: People on the Move in Search of Work, Refuge, and Belonging / eds Kh. Um, S. Gaspar. Eastbourne : Sussex Academic Press, 2015. P. 67–91.
15. Полевые материалы автора. Санкт-Петербург. Март 2015 – август 2018 гг.
16. Тузова А.Ш. Национальная кухня в самоидентификации вьетнамцев Санкт-Петербурга : дис. маг. по направлению антропология. СПб., 2016.
17. Zontini E., Reynolds T. Mapping the role of ‘transnational family habitus’ in the lives of young people and children // Global Networks. 2018. Vol. 18 (3). P. 418–436.
18. Basu P. Route metaphors of ‘‘roots-tourism’’ in the Scottish Highland diaspora // Reframing pilgrimage. Cultures in motion / eds S. Coleman, J. Eade. London : Routledge, 2004. P. 150–174.

19. Espiritu Y.L., Tran T. ‘Viet Nam, Nuoc Toi’: Vietnamese Americans and Transnationalism // The changing face of home: The transnational lives of the second generation / eds P. Levitt, M.C. Waters. New York : Russell Sage Foundation, 2002. P. 367–398.
20. Wolf D.L. There’s no place like ‘‘home’’: Emotional transnationalism and the struggles of second-generation Filipinos // The changing face of home: The transnational lives of the second generation / eds P. Levitt, M.C. Waters. New York : Russell Sage Foundation, 2002. P. 255–294.

Anna Sh. Tuzova. European University at St. Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: anna10son@gmail.com

SECOND-GENERATION VIETNAMESE IN RUSSIA: WHO MIGRATES TO THE ANCESTRAL HOMELAND?

Keywords: anthropology of migration; transnationalism; the Vietnamese in Russia.

The article examines the influence of transnational engagements during childhood and adolescence on migration plans and desires of second-generation Vietnamese in Russia. The article is based on twenty-two in-depth biographical interviews with individuals of Vietnamese descent, aged 17–35, as well as on more than ten interviews with their family members and participant observation at diasporic events. Field research was conducted between 2015 and 2018 as part of a broader project entitled “Transnational and Translocal Aspects of Migration in Modern Russia” at the European University at Saint-Petersburg, and funded by the Russian Science Foundation.

Descendants of migrants live in a transnational social field created by actual transnational movements and symbolic transnational involvement and ties. It generates nostalgic affection towards parents’ homeland. Ancestral homeland migration of second-generation immigrants is usually understood as being propelled by this longing and desire to belong. However, my study of biographies and narratives of young adults raised in Russia in Vietnamese and mixed Russian-Vietnamese families showed that, first, their transnational involvement often did not gave rise to positive feelings towards their ethnic heritage, and second, having such sentiments is not sufficient to produce a desire for ‘return’ migration.

Second generation’s experience of visiting parents’ homeland varies from long-term stays up to 5 years during pre-school or elementary school to short trips for family reasons. Very few Vietnamese families could afford regular (every 2 to 3 years) trips. Therefore, most children did not develop feelings of belonging in Vietnam and usually remember it as a hostile environment. This, in turn, produces resentment towards their parents’ ethnicity and a stronger attachment to a familiar Russian setting.

Still, life trajectories of the second generation, to a large extent, are affected by the practices of ‘symbolic transnationalism’ enacted through parental upbringing that differs from mixed to Vietnamese families. In the early post-Soviet period mixed families lived the life of the upper-middle class, and Vietnamese ethnicity was perceived as a source of stigma, so the Vietnamese origin of ethnically mixed children was often concealed. Today these adults have ambivalent attitudes towards their Vietnameseness: they may explore some cultural features, such as cuisine, and those who have emigrated praise their hybrid background for their adaptability to unfamiliar contexts. Children from Vietnamese families feel more pressure either to adhere to the “traditional” Vietnamese value system with its focus on family or to choose a Westernized Russian individualistic life path. In some occasions migration to Vietnam is viewed as a way to increase social status – it is especially true for eldest daughters who may achieve that by having a successful marriage. Only in that case would members of the second generation who have positive feelings towards their Vietnamese heritage actually migrate.

REFERENCES

1. Wessendorf, S. (2007) “Roots migrants”: Transnationalism and “Return” among second-generation Italians in Switzerland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 33(7). pp. 1083–1102. DOI: 10.1080/13691830701541614
2. Tsuda, T. (2009) Why does the diaspora return home? The causes of ethnic return migration. In: Tsuda, T. (ed.) *Diasporic homecomings. Ethnic return migration in comparative perspective*. Stanford, CA: Stanford University Press. pp. 21–43.
3. Yamashiro, J.H. (2017) *Redefining Japaneseness: Japanese Americans in the ancestral homeland*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
4. Wang, L.K. (2017) “Leftover women” and “kings of the candy shop”: Gendering Chinese American ancestral homeland migration to China. *American Behavioral Scientist*. 61(10). pp. 1172–1191. DOI: 10.1177/0002764217732104
5. Zhou, M. (1997) Growing up American: The challenge confronting immigrant children and children of immigrants. *Annual Review of Sociology*. 23(1). pp. 63–95. DOI: 10.1146/annurev.soc.23.1.63
6. Carling, J., Mortensen, E.B. & Wu, J. (2011) *A systematic bibliography on return migration*. PRIO Paper. Oslo: Peace Research Institute Oslo (PRIO).
7. Christou, A. (2006) American dreams and European nightmares: experiences and polemics of second-generation Greek-American returning migrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 32(5). pp. 831–845. DOI: 10.1080/13691830600704263
8. Reynolds, T. (2010) Transnational family relationships, social networks and return migration among British-Caribbean young people. *Ethnic and Racial Studies*. 33(5). pp. 797–815. DOI: 10.1080/01419870903307931
9. Jain, S. (2018) Transnational ties and ethnic identities in the parental homeland: second-generation Indian Americans in India. *Identities*. DOI: 10.1080/1070289X.2018.1441689
10. Nguyen-Akbar, M. (2016) Finding the American dream abroad? Narratives of return among 1.5 and second generation Vietnamese American skilled migrants in Vietnam. *Journal of Vietnamese Studies*. 11(2). pp. 96–121. DOI: 10.1525/jvs.2016.11.2.96
11. Sokolov, A.A. (2016) V'etnamtsy v Rossii: istoriya migratsiy i diaspory [Vietnamese in Russia: the history of migrations and diasporas]. In: Panarin, S.A. (ed.) *Vostok na vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migratsii i diaspory* [East in the east, in Russia and in the West: cross-border migrations and diasporas]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 145–158.
12. Tuzova, A.Sh. (2017) Vietnamese Immigrants with Families in Russia: The Return-or-Stay Dilemma. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 6. pp. 76–92. (In Russian). DOI: 10.13039/501100006769
13. Smith, M.P. (2003) Preface. In: Al-Ali, N. & Koser, K. (eds) *New approaches to migration?: transnational communities and the transformation of home*. Routledge. pp. X–XV.
14. Szymańska-Matusiewicz, G. (2015) Intergenerational conflicts in Vietnamese families in Poland. In: Um, Kh. & Gaspar, S. (eds) *Southeast Asian Migration: People on the Move in Search of Work, Refuge, and Belonging*. Eastbourne: Sussex Academic Press. pp. 67–91
15. Tuzova, A.Sh. (2015–2018) *Polevye materialy avtora* [Author’s field naterials]. St. Peterburg.
16. Tuzova, A.Sh. (2016) *Natsional'naya kukhnya v samoidentifikatsii v'etnamtsev Sankt-Peterburga* [National cuisine in the identity of the Vietnamese of St. Petersburg]. Master’s thesis. St. Petersburg.
17. Zontini, E. & Reynolds, T. (2018) Mapping the role of ‘transnational family habitus’ in the lives of young people and children. *Global Networks*. 18(3). pp. 418–436. DOI: 10.1111/glob.12185
18. Basu, P. (2004) Route metaphors of ‘‘roots-tourism’’ in the Scottish Highland diaspora. In: Coleman, S. & Eade, J. (2004) *Reframing pilgrimage. Cultures in motion*. London: Routledge. pp. 150–174.
19. Espiritu, Y. L. & Tran, T. (2002) ‘Viet Nam, Nuoc Toi’: Vietnamese Americans and Transnationalism. In: Levitt, P. & Waters, M.C. (eds) *The changing face of home: The transnational lives of the second generation*. New York: Russell Sage Foundation. pp. 367–398.
20. Wolf, D.L. (2002) There’s no place like ‘‘home’’: Emotional transnationalism and the struggles of second-generation Filipinos. In: Levitt, P. & Waters, M.C. (eds) *The changing face of home: The transnational lives of the second generation*. New York: Russell Sage Foundation. pp. 255–294.

UDC 325
DOI: 10.17223/19988613/59/24

Schenk Caress

THE IMAGE AND IMAGE-MAKING OF IMMIGRATION CONTROL

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ

This paper looks at various ways the state works to uphold its image of migration control. It suggests that rhetoric, the passing of laws, and the use of statistics or official data are important ways in which the state sends messages to the public about immigration control. Moving away from a Weberian perspective, this work engages the theories of the state from Migdal to demonstrate that contradictions between the practices of the state and the image it strives to project does not necessarily create a picture of a state with limited capacity or coordination. Rather it opens up analysis for a nuanced and multifaceted picture of the state.
Key words: immigration, state, legitimacy.

Introduction. Immigration control is a state project. On some level, this statement seems quite obvious. Control over borders, and over the people crossing those borders is a process that is inherent in the modern state system. Immigration control is also a question of policy, which is the primary activity of states within their borders. Yet to say that immigration control is a state project also provokes a number of questions about the nature of control and the nature of the state. What must control look like in order to be deemed effective? Who must be satisfied with the results of said control?

Recent debates over immigration control in the United States in which the President promises to build a wall on the Mexican border demonstrate that border control is not an objective reality, but rather a political construction. The refugee crisis in Europe demonstrated that immigration control was complicated by borders that are not a fixed marker of state sovereignty. Immigration policy in Russia is primarily focused not on border control but rather internal mechanisms governing access to the labor market. Political realities in these major migration destinations illustrate how the state's role in immigration control may be more of a contingent and nuanced process rather than a straightforward question of policy design and implementation. If in each of these contexts we focus on the failure of the state to accomplish its stated goals, we are left with a state that is weak because it can't do what it say (i.e. a state with low capacity) or a state that does not have the autonomy to make or follow its own decisions, either because of domestic or international pressures.

Most social scientists begin with a Weberian definition of the state as an organization that maintains a monopoly of violence over a given territory [1]. A commitment to Weberian definitions produces the view of a modern state managed by a professional elite cadre that is meritocratically selected and acts in their official capacity as rational agents and are not influenced by their social embeddedness. Weberian logic works in a relatively straightforward manner in contexts where laws on paper are more or less upheld in practice. In these cases, state capacity can simply be a measure of whether the state achieves what it says it will do. In other words, state capacity is measured by policy effectiveness.

Many states do not in fact operate in such a straightforward way. Migdal's definition of the state moves beyond the rigid confines of Weber [2]. Migdal argues that there are two sides of the state: image and practices. Image is how people perceive the state as a territorially defined entity that is sovereign and elevated above society. Practices are the "routine performance of state actors and agencies" which are not particularly cohesive (as the image tries to represent) because they are constantly arbitrating between different sets of laws and codes, both formal and informal [Ibid. P. 22, 152]. Whereas Foucault's concept of governmentality focuses on ways in which the actions of the state uphold its image, Migdal insists that it is equally important to include in our analysis the many and varied ways that state practices contradict the image of the state as a cohesive and bounded entity. Migdal goes as far as to say that "theories that do not incorporate the two sides of the paradoxical state end up either overidealizing its ability to turn rhetoric into effective policy or dismissing it as a grab-bag of every-man-out-for-himself, corrupt officials" [Ibid. P. 22–23].

Using Migdal's perspective as a point of departure, we can allow for the idea that the image and practice of immigration control are at times serving different, though equally essential, purposes. The image of the state is often upheld through rhetoric and other attempts of the state to legitimize itself, such as by enacting laws or through the production of official statistics. Practices refer to how immigration control is enacted, or more generally through how the state interacts with migrants (in particular, foreign citizens). Image and practices of immigration control are often contradictory, as Migdal allows for in his theory of the

state. In this paper, I elaborate the image side of the immigration control in Russia and suggest that producing a coherent image is an important stabilizing factor and allows practices to remain contradictory.

Upholding the image: legitimacy. The perception of the state as a bounded and cohesive entity is inherently tied up with notions of legitimacy. Whereas Migdal's concept of the image focuses on how the state is seen, the concept of legitimacy is bound up in whether society deems that which is seen as acceptable and worthy of setting apart as an elevated entity above society. Legitimacy is Weberian concept, but it remains central in Migdal's analysis of the state, though as a more contingent and multi-directional process. Weber's view of legitimacy is a unidirectional, top-down concept in which what the state does determines whether society (or "the dominated") will obey. Legitimacy is made up of inner justification and external means. The inner justification elicits voluntary obedience based in part on the state's projection of its authority and in part on society's belief in those who hold political power. These inner justifications are the now-familiar images the state as a traditional, charismatic, or rational-legal entity [3]. When appeals to legitimacy fall short, a state uses external means, or coercion (including violence, of which it possesses a monopoly of) to ensure society's compliance.

Where Weber falls short in helping us to understand the relationship between state and society is that his concept of legitimacy does not question ways in which "society" might have different and varying demands that might not be satisfied by a singularly projected image of the state. While society is certainly influenced by the image of the state, individual citizens are also aware of practices of the state as they interact with state agents at the micro level. In this sense, legitimacy is not necessarily a unidirectional, focused status that the public assigns a state as a cohesive or singular beneficiary. As Migdal argues, "even a word such as 'legitimate' diverts attention from contending forms of authority or disgruntlement with dominant forms of authority" [2. P. 14]. Therefore, a more nuanced understanding of legitimacy should be seen as more than simply obedience, but also as a sort of moral credibility people assign the state *and* the idea that the state's actions (or practices) are seen as acceptable.

The legitimacy of the state in the migration sphere rests on producing an image of immigration control. This image is made up of promises to the public from leaders (rhetoric), control-oriented policies (law), the production of certain official statistics (bureaucratic effort), and other visible (though often selective) displays of state capacity. These efforts of the state are not altogether different from what Guriev and Triesmann see as the attempts of "informational autocrats" to convince the public of its competence through a variety of means [4]. Though in the field of immigration control this is not an explanation that should be reserved for non-democratic regimes (as in Guriev and Triesmann's theory), this framing of policy and power does emphasize the idea that states must not only be seen as competent and legitimate, but they must be seen as such on the basis of its actions as a rational and calculating entity. As such, it is not only the rhetoric of state officials that is important, but it is also the activities of producing law and data that support this view of the legitimate state. In many ways, rhetoric, law, and the production of official data are all practices of the state. The image of the state depends on the public acceptance of these practices as legitimate. This paper does not attempt to tackle the state-society nexus by conceptualizing or measuring how the public demonstrates its acceptance of state practices. Rather it looks at various ways the state works to uphold its image of migration control. It suggests that rhetoric, the passing of laws, and the use of statistics or official data are important ways in which the state sends messages to the public about immigration control.

Rhetoric: signaling control. There is a variety of ways that state officials use rhetoric to signal immigration control. First, state officials can make overt promises verbally in the public discourse, either through speeches, in meetings, or through the mass media. When Vladimir Putin makes reference to immigration control in settings such as the public call in show Live Line or in his annual address to the Federal Assembly, he often indicates that certain things should be done rather than making overt promises: "we need to streamline the employment of foreign citizens," [5] "Exams in Russian Language… should be made compulsory," [6], etc. Though these statements aren't the direct promises that typify populist leaders, they do carry a directive to lawmakers about how priorities should be set.

Second, state actors can focus on more attractive categories of migrants, such as highly skilled workers, compatriots, or refugees. For example, when war broke out in Eastern Ukraine, Russian officials welcomed refugees and migrants from Ukraine and used these flows as an opportunity to revitalize the compatriot program [7]. In the migration concept signed by Presidential Decree in October 2018, there was a major emphasis on compatriots. While the beginning of the concept makes statements about making Russia a more attractive country of immigration and preserving openness to migrants, the emphasis in the rest of the document on compatriots demonstrates what types of migrants will be most welcome.

Third, officials can engage in what could be called the anti-migrant social contract [8], where officials throughout the system must make a populist connection with the public in order to manage migration moods and ensure that the public doesn't mobilize around migration issues. This involves sometimes increasing anti-migrant messaging, and sometimes decreasing it. An example comes from the Moscow mayoral elections in 2013 and 2018. In 2013, Sobyanin (who had previously been fairly mild in his language against migrants) frequently talked about migration-related crime and efforts to crack down on illegal migrants. His strategy was necessary because of similar anti-migrant rhetoric used by Navalny, and because the 2013 election was more competitive than in 2018. In 2018, despite Putin's spring-time admonition to Sobyanin to get migra-

tion (and traffic) under control, Sobyanin did not play the migration card in the elections. Rather he focused on public works projects in his campaign appeals to the public. In this case, because it wasn't a very competitive election (i.e. there were no robust alternatives to Sobyanin on the ballot) he didn't need to mobilize anti-migrant sentiment.

Law: putting promises on paper. Beyond rhetoric, the state encodes immigration control through law and policy documents. This is also an important part of constructing an image of immigration control, even if laws aren't working in practice. In Russia the gap between rhetoric and law is smaller than in some countries, in large part because there is greater coordination (and control) between the executive and legislative branches. Compare this, for example, to Donald Trump's promises to build a wall, which are delayed at many steps of budget allocation and implementation by the legislature and other state bodies.

Not all promises made by state officials are enacted into law. Some appear in policy documents like the Migration Concept mentioned above, which does not have the force of law, but rather lays out goals for future law to work towards. The 2018 concept set clear priorities for attracting compatriots over and above simplifying procedures for labor migrants and refugees. It also made a much greater emphasis than the 2012 concept on control mechanisms such as entry bans and criminal liability for certain migration-related violations that had been increasingly used in the prior few years. In this sense, it the 2018 concept validated previous legal developments.

There are a variety of mechanisms within Russian law that can be used to enact immigration control. From presidential decrees, to government orders and federal laws, each has different nuances. For example, the compatriot program was adopted by presidential decree, whereas labor migration is regulated by federal law and a number of government orders. Assessing the depth and breadth of legal mechanisms used to address a particular aspect of immigration control can indicate the state's level of commitment [7]. For example, a ban on Turkish workers passed by presidential decree in 2015 remained mostly symbolic, whereas efforts to accommodate Ukrainian refugees were much more robust, using a more comprehensive set of legal mechanisms including amendments to federal laws and a set of entirely new government and ministerial orders. Migdal argues that law should not be seen primarily as a method of social control, but rather is a way that states profess their ideology in a way that is legitimacy seeking [2. P. 153]. In this sense, the symbolic function of the law is important in and of itself in terms of how it promises to control immigration.

Statistics: producing proof of control. There are many ways the bureaucracy contributes to the image of immigration control as administrative personnel are on the front lines (or street-level) of implementing and regulating immigration policy. But here I would like to focus on the work of bureaucratic office and actors in their role as data producers, as official statistics often form the basis of how immigration control is presented to the public as a rational exercise. Bureaucratic data production starts with the massive effort it takes to collect, fill out, and process the documents that become the basis for statistics. In the sphere of migration, each application form from a migrant for a patent, each registration document, each residence permit that is issued represents an interaction between the state and a migrant, an effort to systematically record those interactions as a quantified element of work into a database, and the transmission of these data to the federal center (usually through layers of municipal and regional offices) for inclusion in Rosstat figures. This effort is especially interesting when it must respond to political directives from above. Elsewhere I have documented how the entire administrative system across Russia responded to political cues from Putin when setting migrant work permit quotas and issuing work permits from 2007-2014 [8].

The second way bureaucracies produce the image of immigration control is by selectively presenting data. In this way, they can create further dependence on the available data by withholding or not collecting data in certain categories. In recent years, the data on labor migration made available from Russia's Ministry of Internal Affairs consists of numbers of foreigners registered, and work permits and patents issued. Tracing over time the short tables made available monthly from the migration services (Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации) shows how certain categories of data come and go, which may suggest a certain emphasis that wants to be portrayed about the image of immigration control. At certain times the numbers of deported foreigners, those placed on blacklists (закрыт въезд), total amount of fines levied, money brought in from the sale of patents, etc. have been reported, and at other times they are not reported, making it difficult to track these trends over time on the basis of publicly available data. Yet some categories of data have never been reported, for example the number of migrants working in the framework of the Eurasian Economic Union, i.e. those who do not need a work permit or patent, but only need to submit their labor contract to the migration services. Are migration offices collecting this data and simply not sharing it? The fact that some regional migration offices cite data on the number of foreign workers working in the framework of the EAEU in their yearly reports suggests that the data is indeed being collected. It is simply not being aggregated at the Federal level or being made public in the summary statistics of the GUVM MVD. The important implication of this omission is that Kyrgyz workers, who prior to 2015 were recorded in the statistics on work permits and patents, have fallen out of the labor migration statistics. This produces a situation where state officials could credibly say that in 2017 there were 1.7 million labor migrants in Russia (based on the number of patents issued). While this may contribute to the official rhetoric that immigration numbers are declining, it omits migrants from a major source country in its calculations.

A related, and third, way data is important for the image of immigration control is because it can be presented by

officials in various ways. Data never speaks for itself. It cannot speak for itself. Data must be interpreted. The case of "labor migrants" above is a case in point. Official statistics may say that 1.7 million patents were issued in 2017, but when this is presented as "labor migrants" it is an interpretation. Nevertheless, the use of official data by state actors gives them credibility and allows them to present themselves as rational, competent, capable agents of a capable state. Therefore, it reinforces the image of the state as one who exercises immigration control.

Conclusion. The state thus projects a certain image of immigration control using rhetoric, written documents such as laws and other policy documents, and through the production of official data. Other ways state actors build and reinforce the image of immigration control in Russia are through visible activities such as migration raids or the creation of state migration centers where many migrants are served (and money from fees is collected). The importance of these activities is primarily symbolic rather than in their ability to actually reduce illegal immigration or change migrant flows [8]. While the image of control may or may not be realized into actual migration control, scholars find that the *promise* to control migration is essential. Chris Wright in a study on Australia calls these promises "control signals" which can be accompanied by "distortion techniques", or ways that states divert the public's attention from lapses in migration control, both of which are efforts to manage legitimacy [9]. Drawing on the perspective of Migdal, contradictions between the practices of the state and the image it strives to project does not necessarily create a picture of a state with limited capacity or coordination. Rather it opens up analysis for a nuanced and multifaceted picture of the state.

REFERENCES

1. Weber, M. (1978) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkley, CA: University of California Press.
2. Migdal, J.S. (2001) *State in Society: Studying How States and Societies Transform and Constitute One Another* . New York: Cambridge University Press.
3. Weber, M. (1919) *Politics as a Vocation.* Munich: Duncker & Humblodt.
4. Guriev, S.M. & Treisman, D. (2018) *Informational Autocracy: Theory and Empirics of Modern Authoritarianism*. (June 8, 2018). [Online] Available from: https://ssrn.com/abstract=2571905. DOI: 10.2139/ssrn.2571905
5. Putin, V. (2013) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu* [President's Address to the Federal Assembly]. December 12. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/19825. (Accessed: 16th July, 2016).
6. Putin, V. (2012) On the National Question. *Nezavisimaya Gazeta*. 23rd January. [Online] Available from: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. (Accessed: 30th September, 2016).
7. Schenk, C. (2016) Assessing Foreign Policy Commitment Through Migration Policy in Russia. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization.* 24(4). pp. 475–499.
8. Schenk, C. (2018) *Why Control Immigration: Strategic Uses of Migration Management in Russia.* Toronto: University of Toronto Press.
9. Wright, Ch.F. (2014) How Do States Implement Liberal Immigration Policies? Control Signals and Skilled Immigration Reform in Australia. *Governance.* 27(3). pp. 397–421. DOI: 10.1111/gove.12043

Шенк Карес. Назарбаев университет (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: caressschenk@gmail.com; cschenk@nu.edu.kz

ИМИДЖ И ФОРМИРОВАНИЕ ИММИДЖА ИММИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Ключевые слова: иммиграция; государство; законность.

Целью данного исследования является пересмотр подхода к изучению миграционного контроля в литературе по миграции. Это преимущественно теоретическая работа, направленная на анализ вопросов миграции в контексте определений государства Максом Вебером и Джоелем Мигдалом. Данное исследование задает новый курс размышления о роли государства и его деятельности в сфере миграционного контроля, опираясь на примеры из российского опыта, основанного на полевых исследованиях в нескольких регионах России и анализе политических и правовых событий в сфере миграции. Статья характеризует политику и практику государства, которые кажутся противоречивыми, как процесс балансирования между разными требованиями. После обсуждения определений государства, данная статья указывает на существование противоречий между действиями государства и имиджем, который оно стремится создать. Имидж иммиграционного контроля показан через интервью государственных служащих, законодательство и индикаторы, которые можно измерить и собрать через администрацию. Практика в сфере иммиграционной контроля не всегда соответствует имиджу. Тем не менее автор утверждает, что создание видимости последовательного миграционного контроля является важным стабилизирующим фактором, хотя позволяет практике (реализации на местах) оставаться противоречащей закону. В статье анализируется политическая риторика, внедряемые правовые механизмы и официальная статистика с целью определения конкретных способов, которыми государственные служащие и агентства пытаются добиться признания легитимности в сфере миграции. Государство создает имидж иммиграционного контроля, используя риторику, нормативные акты, публикации официальных данных. К другим методам, к которым прибегают государственные службы для усиления имиджа иммиграционного контроля в России, являются миграционные рейды и организация государственных иммиграционных центров, в которые могут обращаться мигранты и где можно платить пошлины. Эти мероприятия носят символический характер и не могут действительно сократить число нелегальных мигрантов или изменить поток мигрантов. Но даже если цели иммиграционного контроля не реализованы, ученые полагают, что намерения контролировать иммиграцию очень важны. По мнению Мигдала, противоречие между практикой и провозглашенными целями не значит, что государство в целом не дееспособно. Скорее, это открывает возможности для анализа более тонкой и многогранной картины государства.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39. 392+394. 21
DOI: 10.17223/19988613/59/25

Р.Р. Баязитова

СБОРЫ И ПРОВОДЫ В ДОРОГУ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИР

Рассматриваются особенности сборов и проводы в путь, принятые у башкир. Целью исследования является определение символики дороги, семиотических аспектов вербального и невербального компонентов прощания с родными и близкими, реконструкция культуры дороги башкир в целом. Запреты и предписания, благопожелания, магические действия были направлены на защиту, поддержание путника сообразно принятым правилам, они предупреждали отклонения от заданных стереотипов поведения, помогали ориентироваться в сложных ситуациях. Страх перед неизвестностью в пути был рычагом для выполнения общепринятых норм.
Ключевые слова: традиционный этикет башкир; путник; проводы в путь; дорога; благословления; благопожелания, нить.

Южный Урал издавна был центром соприкосновения и взаимодействия кочевых и оседлых племен, которые повлияли на особенности ведения хозяйственной деятельности и культуру башкирского народа в целом. Традиционным типом хозяйствования башкир, как известно, было полукочевое скотоводство, и поэтому передвижения играли важную роль в жизни этноса. За сезон они несколько раз меняли место поселения (яҙлау, йәйләү, көҙләү), также для совершения визита к своим сородичам и знакомым приходилось преодолевать дальние расстояния. Обширная территория расселения башкир, разнообразный природный ландшафт также способствовали выработке определенных правил, связанных с дорогой.

В ходе исторического развития народом выработаны разнообразные формы и способы передвижения. Монографическому изучению транспортных средств и дорожному снаряжению башкир в XIX – начале XX в. посвящена работа М.Г. Муллагулова, который на основе большого фактического материала рассмотрел генезис и историю развития башкирского народного транспорта, описал лыжи, конский убор, волокуши, сани, телеги, плоты и лодки [1]. Но в указанном труде недостаточно раскрыта культура поведения в дороге. Передвижения, подвижность, заложенные полукочевой жизнью башкир, способствовали выработке стереотипизированных форм сборов в дорогу и поведения в пути, отголоски которых по сегодняшний день сохранились, представляют интерес в познании этнической культуры.

Статус, атрибуты и нормы поведения путника, вербальное и невербальное общение в дороге у каждого народа проявляется по-своему, но в то же время можно обнаружить определенные параллели. При проведении исследования руководствовалась теоретическими разработками Т.Б. Щепанской. В монографии «Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.» она вводит понятие «культура дороги», под которой понимается комплекс этнических традиций – обычаев и норм поведения, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижениями. Сюда входят материальная культура (придорожные жилища, дорожная одежда и снаряжение, пища, средства передвижения), духовная (обряды и представления), соционормативная (статусы и нормы поведения дорожных людей, структуры сообществ), т.е., по существу, все стороны образа жизни, который народная традиция последовательно противопоставляет домашнему, тем самым являя собой сочетание двух взаимодополняемых комплексов: «дороги» и «дома» [2. С. 8–9].

В данной статье рассмотрим значение «дороги» в традиционной культуре башкир, особенности сборов и проводов в путь. Дорога башкирами воспринималась как связующая нить между пространствами, мирами. «Нить» в мифологическом словаре означает следующее: «…средство связывания, соединения двух миров, магического измерения; символ дороги, жизненного пути, долголетия; используется во всех семейных обрядах; является оберегом, средством гадания, лечения, порчи» [3. С. 91]. Это ассоциативное понимание нити как продолжительность жизни и как средства связи между мирами имеет глубокие исторические корни, помогает найти параллели с миропониманием многих народов.

Материалы исследований по тюркам Южной Сибири, например, показывают, что мифологическое содержание нити восходит к солнечному лучу: «…солнечный свет / луч обладает в тюркском мировоззрении обширным семантическими полем, к которому тяготеют представления об источнике жизни и знаний, удаче, жизненной силе, дыхании, ритуальными коррелятами которых являются нить, волос, веревка и т.д.» [4. С. 104]. Подобное мифологическое восприятие нити

по сегодняшний день сохранилось и у башкир. Например, в обрядах, связанных с рождением ребенка, принято раздавать «бәпәй ебе» – «нитки новорожденного» с пожеланиями долгой и счастливой жизни, возможно, подобная ассоциация возникла на основе таких схожих свойств, как продолжительность, протяженность.

Символика нити как связи между мирами подтверждается описаниями С.И. Руденко: «Башкиры верили, что душа человека, умершего неестественной смертью, выйдя из тела, находилась первое время возле покойного. Поэтому если утонувшего удалось быстро вынуть из воды и откачать, так чтоб вода вылилась (ибо из-за воды душа и покидала тело), душа возвращалась в тело и человек оживал. Чтобы душа нашла дорогу обратно в тело, утопленника клали у воды и изо рта его до воды протягивали шелковую нитку. С этой целью башкиры-сплавщики барок и плотов (по р. Белой, Юрюзани, Инзеру и др.) всегда возили с собой "на случай" шелковые нитки» [5. С. 272]. Известно также, что клубок в сказках разных народов служил указателем пути. Например, в башкирской народной сказке «Клубок» падчерица отправляется вслед за клубком пряжи, помогает встречной старухе и возвращается богатой [6. С. 174–177]. Исследователь русских волшебных сказок В.Е. Добровольская отмечает, что образ клубочка имеет глубокие мифологические корни и осознается мифоэпической традицией, с одной стороны, как воплощение нити и ассоциированных с ней представлений о жизни и связывающих элементах пространства (наиболее известный пример такого рода – нить Арианды). Именно эту функцию выполняет и клубочек. С другой стороны, он связан с мифологемой шара, который символизировал мир (космос, Вселенную и, следовательно, пространство). Пространственное значение шара и тем самым других шарообразных предметов дало возможность использовать мячик, шарик, яблоко, клубочек как указатели пути в пространственных перемещениях героя [7. С. 77]. Мифы, сказки и другие жанры фольклора сохранили в себе знания народа о мире, способствовали передаче значимых кодов жизни этноса в целом и культуры дороги в частности.

Приметы башкир, связанные с предстоящей поездкой, также связаны с нитью, волосами: «...если при плетении волос остается прядь – к дороге», «если к одежде прицепляется нить – к дороге» и т.п. Нить как символ дороги породил запрет на шитье перед дорогой. По представлениям башкир, завязанная на узел нитка ассоциировалась с препятствиями в пути. Этот запрет по сегодняшний день соблюдается, но если нужно шить, то необходимо прикусить нитку, ткань. Нужно отметить, что в речи башкир до наших дней сохранились такие выражения, как «юл төшһә» – будет предначертана дорога, «Хоҙай ҡушһа» – повелит Худай (по велению Худая), «Алла бирһә» – даст Аллах[1]. Это показывает сохранность веры в то, что передвижения человека определяются свыше и об этом «предупреждают» с помощью знаков (нить, волос). Приведенные примеры показывают сложную семантическую связь: божественное начало, солнечный свет, луч – нить, волос, веревка – жизненный путь, дорога.

Ритуализированное поведение наблюдается в ходе сборов, проводов, а также в пути и во время встречи. «Смысл обрядов ухода – перемещение человека из домашней в дорожную систему мировосприятия: конструирование символического и нормативного комплекса, который будет затем определять поведение человека в дороге. В ходе прощальных обрядов меняется социальный статус уходящего человека: домашний сменяется дорожным, статусом путника» [2. С. 51].

Сборы в дорогу и проводы обусловлены целью, частотой поездки, дальностью и длительностью предстоящего пути, статусом путника: возрастом, полом, степенью родства и свойства, знакомства. Подготовке к дороге придавали большое значение. Перед дорогой обязательной считалось совершение омовения, переодевание в новую, чистую одежду. Вербальное и невербальное поведение всех домочадцев контролировалось взрослыми, чтобы те своим поведением или неосторожным словом не навредили путнику.

«Уход (сборы и проводы) актуализируют такие жанры, как прощальные и напутственные формулы (благословления или проклятия), тосты "на посошок"», плачи (при проводах невесты или рекрута), рекрутские песни, приметы, поверья о первой встрече, заговоры "в путь"», – пишет Т.Б. Щепанская [Там же. С. 12]. Значение благопожеланий, напутствий, запретов и предписаний, произносимых при выходе из дома, сводится к пожеланию успехов и удачной дороги, предотвращению неудач в пути. По содержанию этих текстов можно определить наиболее опасные ситуации для путника: встреча с животными (волки, медведи и т.п.), атмосферные явления (буран, заморозки, гроза, буря и пр.), персонажи, связанные с потусторонним миром, которые могут нанести вред здоровью и жизни путника.

У башкир перед дорогой принято получать благословление родителей, пожилого, уважаемого человека. Например, в эпосе «Конгур-буга» следующим образом описывается сцена прощания Тандысы с сородичами: «Наутро собрался народ, чтобы проводить ее в дорогу. Старейшины рода произнесли напутственные слова, а родители – свой завет-аманат» [8. С. 223].

Получение благословления называется «Фатиха алыу». Провожая человека на дальнюю дорогу, все находящиеся в помещении люди садятся, читают молитву, затем произносят благопожелания. В данной ситуации раскрывается функционально-прагматический аспект фольклорных текстов. В момент прощания особенно усиливается магическая сторона речевых формул, направленных на обеспечение безопасности, удачи в пути. В высказываниях также прослеживается призыв к вмешательству высших сил в обеспечении удачи и благополучия.

Наиболее распространенно следующее благопожелание: «Хызыр Ильяс юлдаш булһын!» (Пусть спутни-

ком будет Хызыр-Ильяс!)[2]. По представлениям башкир, Хызыр-Ильяс предостерегает путников от опасностей, оказывает им помощь.

«Хызыр, Ильяс – посланники Аллаха, пророки. В тюркоязычной мифологии, религиозных представлениях, они – два пророка Хызыр и Ильяс. Хызыр (от слова "хезер", баш. – "хозур") означает "все становится зеленым". Согласно религиозному мифу, оба эти пророка выпили живую воду и очень долго жили. Ильяс был покровителем грома и второе имя его было "Йәшен" – Гром, он ходил меж гор, полей, помогал путникам, указывал дорогу, мореплавателям находил сушу. Они встречаются тем, кто попал в беду, покровительствуют искренне молящимся» [9. С. 516]. Как отмечает Г.В. Юлдыбаева, образ Хызыр-Ильяса встречается в эпосах, сказках, легендах, преданиях и мифологических рассказах башкир, некоторые по сегодняшний день верят в его существование и именуют его «пәйғәмбәр» – пророк, «юл фәрештәһе» – ангел путника, «юл һаҡсыһы» – охранник путника [10. С. 339–340].

В фольклорных текстах башкир зафиксировано также имя хозяина дороги – Баһауетдин. При произнесении благопожелания выражают надежду на его помощь в пути :

«Хызыр Ильяс булһын юлда юлдашың,

Баһауетдин булһын ярҙамсың!» [11. С. 193].

Пусть спутником будет Хызыр-Ильяс,

Багаутдин будет помощником! (подстр. перевод автора. – *Р.Б.*).

В мифологии иргизо-камеликских башкир также встречается имя духа дороги – Баһауетдин хужа. Отправляясь в дорогу, нужно дать подаяние со словами: «Будь доволен» [3. С. 57].

По рассказам информантов Абзелиловского, Баймакского, Белорецкого районов, многие по сегодняшний день, чтобы дорога была успешной, обязательно дают собаке мясо или хлеб[3]. «Пережитки убеждения первобытных людей о тождестве человека и собаки отчетливо проступают в том, что башкиры иногда называют одним словом "көсөк" и щенка, и маленьких детей-подростков, а также в обычае давать при падеже скота или перед выходом в дальнюю дорогу милостыню ("хәйер") пожилым людям, а в их отсутствие – собаке (Зилаирский, Янаульский районы РБ. Здесь четко просматривается мнение о равенстве человека и собаки, возможности их взаимозамены», – пишут А.Ф. Илимбетова, Ф.Ф. Илимбетов [12. С. 133]. Они подробно проанализировав пережитки сакрализации собаки у башкир, отмечают, что собака как мифологический родовой предок способствует продолжению рода, покровительствует семье и семейным отношениям, путешественникам, символизирует плодородие, приносит счастье и благополучие. Также на основе фольклорных текстов (эпос «Идукай и Мурадым», легенда о Шульган-Таше и др.) авторы сделали вывод о том, что древнейшие башкиры были знакомы со взглядами на собаку как стража потустороннего мира, сопроводителя и перевозчика душ мертвых во время их путешествия в подземном мире [12. С. 214–215]. Отголоски этих верований по сегодняшний день сохранились в повседневной культуре башкир в виде примет, запретов и предписаний: собака своим воем дает знать о смерти кого-то из членов семьи, встреча с собакой в пути или увидеть во сне собаку предвещают удачную дорогу, беременной женщине нельзя пинать собаку и т.п.

Таким образом, как показывают примеры, молитвы, благопожелания и подаяния перед дорогой служат для того, чтобы заручиться защитой, поддержкой, покровительством представителей верхнего, среднего и нижнего миров. Причем все соблюдаемые вербальные и невербальные правила являются результатом наслоения древних религиозных воззрений, религии и взаимовлияния культур.

Особенности соблюдения всех предписаний и запретов зависели от цели и характера поездки. Раньше наибольшее значение придавали проводам на военные походы, войну, а сейчас – в армию. Вот как описывает момент прощания с близкими, уезжающими на фронт М. Карим в повести «Долгое-долгое детство»: «Вот-вот тронутся в путь. Только проститься осталось. Большинство провожающих – женщины да подростки. По древнему обычаю отцы и матери свое благословление уходящим дома дали. Провожать не выходят. Только жена, держась за стремя сидящего в седле ратника, идет рядом. Когда в бой провожают, стенания и причитания не в обычае. Выдержка и терпение – тоже благословение. На слезе, капнувшей на тропу ратника, конь спотыкается, душу мужчины эта слеза взбаламучивает» [13. С. 194]. Необходимо отметить, что в произведении М. Карима достоверно описываются реальные жизненные ситуации и народная философия. Согласно исследованиям, повесть была высоко оценена литературной общественностью и продолжает вызывать несомненный интерес своими художественными достоинствами [14. С. 115].

По сведениям информанта из Бурзянского района Рахматуллиной Н.А., парни, уходящие в армию, поднимаются на гору с пожеланиями вернуться живыми и невредимыми. Провожают их всей деревней, дарят им серебряное кольцо, предлагают откусить хлеб, а оставшийся кусок хранят до возвращения из армии, угощают молоком, которое по поверьям оберегает от всех бед, дают подаяние. Затем уезжающий должен погладить по голове животное, которое после его возвращения будет принесено в жертву [11. С. 109].

«Икмәк тешләтеп, һөт эсереп, егеттең биленән ҡулъяулыҡ менән уратып өй хужаһына хәйер итеп бирәбеҙ. Былар барыһы ла уның имен-аман йөрөп ҡайтыуын теләп эшләнә. Аҡ һөт – юлдары гел аҡ, күңелдәре изге булһын, тип эсерелә. Икмәкте егет йөрөп ҡайтҡас, ашап бөтөп ҡуя» [Там же]. – Уезжающему дают откусить хлеб, испить молока, затем носо-

вым платком обводят вокруг его пояса и платочек дают хозяину дома как подаяние. Все это делается для того, чтобы уезжающий вернулся живым и здоровым. Молоко – знак благополучия, светлых, чистых намерений. Оставшийся кусок хлеба доедается после возвращения.

Представляет интерес трехкратное обведение платком вокруг пояса / пупка уезжающего. Это действие не несет в себе практического значения, но оно осмыслено, закодировано. Совершение круговых действий по ходу солнца, идея круга, целого, замкнутого, охраняемого пространства лежит в основе многих ритуализированных форм поведения башкир и других народов. Опоясывание, опахивание селения, вождение по кругу и т.д. восходит к движению солнца, символизирует жизнь, бесконечность, обеспечивает защиту человека. Как отмечает Г.Н. Волков, чуваши тоже, прощаясь с родиной, обходят дуб, делая круг, чтобы целым и невредимым вернуться домой [15. С. 34].

Опоясывание характерно для многих обрядов башкир, которое оберегает пояс, пупок, жизненную силу, пограничье верха и низа человеческого тела от злых сил, опасностей. Согласно исследованиям С.Н. Шитовой, пояс вместе с седлом и необыкновенным по боевым качествам оружием (луком, секирой, саблей) переходили от отца-батыра к сыну, приумножая его силу. Поясу приписывались не только магическая, охранная, но и животворная сила, увеличивающая потенциальные возможности человека. Перед трудной дальней дорогой эпические герои ложились спать подпоясавшись. В свете сказанного становятся понятными слова Яик-батыра, поспешившего на помощь к отцу Урал-батыру «Пояс потуже я повязал, что есть мочи к тебе прискакал» [16. С. 166]. Проведение параллелей с древними религиозными воззрениями, изучение фольклорных текстов помогают понять внутренний смысл, истоки происхождения многих действий, правил поведения.

При проводах огромное значение придавали оберегам, например, в произведении «Икенсе әрме» пожилые женщины воинам дарили нитки, чтобы у них дорога была короткой, женщины на грудь пришивали монетки в качестве оберега от вражеских стрел, девушки – вышитые кисети и платки, чтобы умели хранить тайну [17. С. 224]. Кроме специальных предметов, оберегами выступали и напутственные слова. «Можно выделить несколько значений, в которых термин оберег употребляется в научной литературе. В одних случаях под оберегом понимается малый фольклорный жанр – короткие словесные формулы, предназначенные для охраны от сглаза, нечистой силы и пр. (типа: “тьфу, тьфу, чтобы не сглазить”, “соль тебе в очи, головня в зубы” и под.)» [18. С. 7].

Успех и благополучие в пути «обеспечивались» не только вербальными, невербальными компонентами и атрибутами общения, но и участниками этикетной ситуации. У башкир до сих пор сохранилось представление, что некоторые люди приносят неудачу (юллыҡһыҙ). «Увидишь того-то, лучше никуда не ходить», «Не отправляйся в дорогу с тем, кому не везет», – говорят в народе. Также отправляясь в путь, избегали завистников, сплетниц, обладателей дурного глаза, жестокосердечных людей. Подобное поведение древних связано с мифологическим мышлением. Французский этнограф Леви-Брюль Люсьен в книге, посвященной проблемам природы человеческого мышления, пишет: «Первобытный человек обычно отказывается расставаться с тем, что ему приносит счастье, – с амулетами, талисманами, колдовскими снадобьями, камнями причудливой формы, “счастливыми” орудиями и оружием и т.п. То же чувство побуждает его искать общества тех лиц, которых сопровождает удача, и избегать тех, которых постигает неудача или несчастье» [19. С. 48].

Башкиры, зная, что кто-то собирается в дорогу, старались не беспокоить его, а при случайной встрече при отъезде, задавать лишние вопросы. Отправляясь в путь, не оглядывались и назад не возвращались, даже если что-то забыли. Объясняя это тем, что пути не будет, поездка неудачной сложится и т.п. Сейчас, если возвращаются с полдороги, принято смотреть в зеркало. Запрет оглядываться встречается и в фольклоре башкир. Например: «С тех пор, как Тандыса покинула родительский дом, она шла, ни разу не оглядываясь назад, боясь, что родительские добрые пожелания исчезнут, и страдания станут преследовать ее» [8. С. 225].

Как известно, в традиционном башкирском обществе конные передвижения занимали значимое место, поэтому выбору ездовой лошади уделяли большое значение. В народе сложились особые приметы: у хорошего коня на месте начала гривы бывает затвердение вроде бородавки; зубы желтые, верхние выпирают вперед; в месте соединения бедер и задних ног должно быть расстояние в четыре пальца; у выносливой хвост должен быть тонок [9. С. 233]. По масти лошадей также определяли предназначение: «По приметам знатоков хорошие беговые качества были свойственны в первую очередь лошадям рыжей масти, после них шли саврасые, буланые, затем серые, серые в яблоках, которые вели родословную от чалых. Гнедые – характером и темпераментом своим горячи, вспыльчивы и быстры, они хороши для скачек на короткие расстояния. Их обычно использовали для охоты на диких птиц. Вороные и игреневые кони хороши в упряжке. Пегие лошади бывают или очень плохи, или очень хороши для тяжелых работ в упряжке. Сивых лошадей никогда не отдавали на заклание» [Там же. С. 231–232]. В пословицах и поговорках башкир подчеркивается их особенное отношение к лошади: «Ат – егеттең юлдашы» (Конь – спутник джигита), «Ат яҡшы булһа, юл ҡыҫҡа була» (Если конь хороший, то путь становится коротким), «Йәйәү йөрөмәйенсә, ат ҡәҙерен белмәҫһең» (Пока не походишь пешком, не узнаешь цену лошади) [20. С. 293, 295]. Конь также был защитником путника от всякой нечисти. Своим поведением он давал знак хозяину об опасности, оберегами в пути служили сбруя, кнут и т.п.

Таким образом, в правилах ухода нашло отражение миропонимание башкир. Дорога в представлениях древних была связующим звеном между пространствами, мирами. Запреты и предписания, благопожелания, магические действия были направлены на защиту, поддержание поведения путника сообразно принятым правилам, они предупреждали отклонения от заданных стереотипов поведения, помогали ориентироваться в сложных ситуациях. Страх перед неизвестностью в пути был рычагом для выполнения общепринятых норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полевые записи автора 2000–2017 гг.
[2] Полевые записи автора 2000–2017 гг.
[3] Полевые записи автора 2002 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муллагулов М.Г. Башкирский народный транспорт. XIX – начало XX в. Уфа, 1992. 152 с.
2. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
3. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 452 с.
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск : Наука, 1989. 243 с.
5. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа : Китап, 2006. 376 с.
6. Башкирское народное творчество. Т. IV: Волшебные сказки и сказки о животных. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1989. 512 с.
7. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М. : Гос. республ. центр русского фольклора, 2009. 224 с.
8. Башкирское народное творчество. Т. I: Эпос. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1987. 544 с.
9. Башкирское народное творчество. Т. 12: Обрядовый фольклор. Уфа : Китап, 2010. 592 с.
10. Юлдыбаева Г.В. Хызыр Ильяс юлдаш булһын... // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы V Всерос. тюркологической конф., посвящ. 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. С. 339–342.
11. Экспедиция материалдары – 2009: Бөрйән районы / төҙ. Г.Р. Хөсәйенова, Г.В. Юлдыбаева, А.М. Хәкимйәнова. Өфө : Эшлекле династия, 2011. 208 с.
12. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа : АН РБ, Гилем, 2012. 704 с.
13. Карим М. Долгое-долгое детство: Повесть / пер. с башкир. И. Каримов. М. : Детская литература, 1989. 240 с.
14. Набиуллина Г. Исламские ценности в повести «Долгое-долгое детство» Мустая Карима // Исламоведение. 2013. № 1. С. 115–124.
15. Волков Г.Н. Этнопедагогика : учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 1999. 168 с.
16. Шитова С.Н. Пояс в обычаях и мифологии башкир // Башҡорт фольклоры: Тикшеренеүҙәр һәм материалдар. V сығарылыш. Өфө : Ғилем, 2004. С. 157–171.
17. Нәҙершина Ф.А. Риүәйәт һәм легендаларҙа халыҡ тарихы. Тулыландырылған баҫма. Өфө : Китап, 2011. 360 б.
18. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М. : Индрик, 2002. 336 с.
19. Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении : пер. с фр. М., 2010. 264 с.
20. Башҡорт халыҡ ижады. 10-сы том. 1-се китап. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө : Китап, 2006. 544 б.

Rozaliia R. Baiazitova. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (Ufa, Russia). E-mail: rosali8@mail.ru

PREPARING FOR THE JOURNEY AND SEEING OFF IN THE TRADITIONAL BASHKIR CULTURE

Keywords: Bashkir traditional etiquette; traveler; seeing off; road; favoring; wishful thinking, thread.

Bashkirs developed various forms and ways of movement throughout the history progress. The vast territory of resettlement of Bashkirs and a various natural landscape promoted emergence of the certain rules connected with the road. This article considers the specificities of preparing for the journey and seeing off accepted by Bashkirs. Studying the culture of road remains relevant since the subject is understudied but important for reconstruction of a holistic picture of ethno-etiquette. The purpose of the study is to determine the road symbols and semiotic aspects of verbal and nonverbal components of farewell to the family, to reconstruct the road culture of Bashkirs in general. In order to achieve this purpose we used an integrated approach which is the analysis of historical, philosophical and ethnographic works. The study accomplished the following tasks: we analyzed the etiquette situations connected with preparing for the journey and seeing off and determined the meaning of the certain etiquette attributes.

We used a wide range of unpublished and published sources to fulfill the research. The major source is the field data collected by the author in 2000–2017. As for the published sources, we extracted valuable information from the Bashkir folklore. The study has shown the associative understanding of thread as means of communication between worlds. It has deep historical roots and helps to find parallels with worldview of many cultures.

According to research, the road is still accepted as predetermined and predestined. The purpose of the journey, frequency, distance and duration of the forthcoming trip, the status of the traveler determine preparing for the journey and seeing off etiquette. Before a trip it is necessary to receive the blessing of representatives of the upper, middle and nether worlds. The worldview of Bashkirs found reflection in rules of seeing off. Verbal, nonverbal components and attributes of communication as well as the participants of the etiquette situation ensured successful and safety trip. Great importance was attached to preparation for the journey. Ablution and dressing in new clean clothes were obligatory. The behavior of younger members of the family was controlled by adults so they did not harm the traveler with wrong words or actions. Prohibitions and instructions, wishful thinking and magic actions were designed to protect and maintain the traveler in accordance with the accepted rules. They prevented deviations from the given behavioral patterns and helped to feel confident in difficult situations. Fear of the unfamiliar on the road was the reason for implementation of the accepted rules.

REFERENCES

1. Mullagulov, M.G. (1992) *Bashkirskiy narodnyy transport. XIX – nachalo XX v.* [The Bashkir national transport. The 19th – early 20th centuries]. Ufa: RAS.

2. Shchepanskaya, T.B. (2003) *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX – XX vv.* [The culture of the road in the Russian mythological and cultural tradition of the 19th – 20th centuries]. Moscow: Indrik.
3. Khisamitdinova, F.G. (2010) *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka.
4. Lvova, E.L., Oktyabrskaya, I.V., Sagalaev, A.M. & Usmanova, M.S. (1989) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Chelovek. Obshchestvo* [The traditional worldview of the Türks of Southern Siberia. Person. Society]. Novosibirsk: Nauka.
5. Rudenko, S.I. (2006) *Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs. Historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap.
6. Zaripov, N.T. (ed.) (1989) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir Folk Art]. Vol. 4. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Dobrovolskaya, V.E. (2009) *Predmetnye realii russkoy volshebnoy skazki* [Material Realities of the Russian Fairy Tale]. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore.
8. Sagitov, M. (ed.) (1987) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir Folk Art]. Vol. 1. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Sultangareeva, R.A. & Suleymanov, A.M. (eds) (2010) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir Folk Art]. Vol. 12. Kitap.
10. Yuldybaeva, G.V. (2012) Khyzyr Il'yas yuldash bulhyn.... *Ural-Altay: cherez veka v budushchee* [Ural-Altai: Through the Centuries into the Future]. Proc. of the Fifth All-Russian Conference. Ufa. pp. 339–342. (In Bashkir).
11. Khөsəyenova, G.R., Yuldybaeva, G.V. & Khəkimyənova, A.M. (2011) *Ekspeditsiya materialdary – 2009: Bөryən rayony*. Ufa: Eshlekle dinastiya. (In Bashkir).
12. Ilimbetova, A.F. & Ilimbetov, F.F. (2012) *Kul't zhivotnykh v miforitual'noy traditsii Bashkir* [The cult of animals in the Bashkir mythological tradition]. 2nd ed. Ufa: AN RB, Gilem.
13. Karim, M. (1989) *Dolgoe-dolgoe detstvo* [Long-long childhood]. Translated from Bashkir by I. Karimov. Moscow: Detskaya literatura.
14. Nabiullina, G. (2013) Islamskie tsennosti v povesti "Dolgoe-dolgoe detstvo" Mustaya Karima [Islamic values in M. Karim's "Long-long childhood"]. *Islamovedenie – Islamic Studies*. 1. pp. 115–124.
15. Volkov, G.N. (1999) *Etnopedagogika* [Ethnopedagogy]. Moscow: Akademiya.
16. Shitova, S.N. (2004) Poyas v obychayakh i mifologii bashkir [Belt in the customs and mythology of the Bashkirs]. In: *Bashҡort fol'klory: Tikshereneүҙər həm materialdar*. Ufa: Filem. pp.157–171.
17. Nəҙershina, F.A. (2011) *Riyəyət həm legendalarҙa khalyҡ tarikhy. Tulylandyrylғan baçma*. Ufa: Kitap. (In Bashkir).
18. Levkievskaya, E.E. (2002) *Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura* [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow: Indrik.
19. Levy-Bruhl, L. (2010) *Sverkh"estestvennoe i priroda v pervobytnom myshlenii* [Supernatural and nature in primitive thinking]. Translated from French by B.I. Sharevskaya. Moscow: Krasand.
20. *Bashҡort khalyҡ izhady*. Vol. 10. Ufa: Kitap. (In Bashkir).

УДК 903.21
DOI: 10.17223/19988613/59/26

В.Д. Березуцкий, В.В. Килейников

НОВЫЕ НАХОДКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ОРУДИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20048).

В статье анализируются находки бронзовых орудий труда (топор, кельт, серп), найденные на юге Воронежской области у с. Новогеоргиевка, входивших в состав клада. Наличие литейных форм бронзовых топоров на поселениях донской лесостепной срубной культуры (Мосоловское, Вогрэсовское, Черное озеро, Монастырщина) свидетельствует об их местном производстве. Вместе с тем ограничены либо полностью отсутствуют свидетельства изготовления кельтов и серпов-косарей в пределах донской лесостепи. Не исключено, в связи с этим, что создателями клада у с. Новогергиевка позднего бронзового века были представители пришлых этнических групп, проникавшие в южные пределы донской лесостепи в период уменьшения хозяйственно-производственной активности местного срубного населения.
Ключевые слова: Бронзовый век; клад орудий труда; срубная культура; вислообушный топор; двуушный кельт; серп-косарь.

На территории лесостепного Подонья до недавнего времени было известно два клада металлических изделий бронзового века. Первый из них (Скакунский клад) был обнаружен в 90-е гг. XIX в. близ деревни Скакун в окрестностях станции Касторная Курской области. В составе клада были найдены семь металлических предметов: три долота (одно плоское и два желобчатых) и четыре вислообушных топора. Вначале ряд исследователей (О.А. Кривцова-Гракова, В.П. Шилов и А.М. Лесков) связывали топоры этого клада с населением срубной культуры [1. С. 147; 2. С. 20–25, 31; 3. С. 174].

Позднее Е.Н. Черных и С.Н. Кореневский высказались по поводу принадлежности топоров Скакунского клада к памятникам катакомбной культуры [4. С. 62; 5. С. 115; 6. С. 18–22, 27]. Причем по классификации С.Н. Кореневского один из топоров Скакунского клада «с удлиненным, сильно расширенным к лезвию клином, уплощенным брюшком» относится к группе 1 – «костромского» типа [6. С. 18–19. Рис. 3, *10*], в то время как остальные топоры «с укороченным, слабо расширенным к лезвию клином, подостренным брюшком, лезвием, большим опоры» входят в группу 2 – «колонтаевского» типа [Там же. С. 19–20. Рис. 6, *12–14*]. В современной археологии точка зрения Е.Н. Черных и С.Н. Кореневского о катакомбной культурно-хронологической принадлежности Скакунского клада не вызывает возражений.

Второй клад (Терешковский) был найден в 1975 г. в обнажении правого берега р. Дон близ села Терешково Богучарского района Воронежской области. Клад включал шесть металлических изделий: два двуушковых кельта, шестигранных в среднем сечении, обладающих овальной втулкой, что соответствует по классификации Е.Н. Черных конечному типологическогому разряду К-52 [7. С. 83–84. Табл. VII, 14–19]; нож – «бритву» и три серпа-косаря. На основании типологической характеристики кельтов и серпов-косарей, учитывая их аналогии в древностях завадовско-лобойковского очага металлообработки Северо-Причерноморского региона, клад относится к заключительному периоду бронзового века.

Рассматриваемая коллекция из трех металлических изделий является третьим кладом, найденным у с. Новогеоргиевка Ольховатского района Воронежской области (рис. 1, *1*). Клад, включающий топор, кельт и серп, был найден на пахотном поле местным механизатором (Коллекция хранится в Острогожском историко-художественном музее им. И.Н. Крамского).

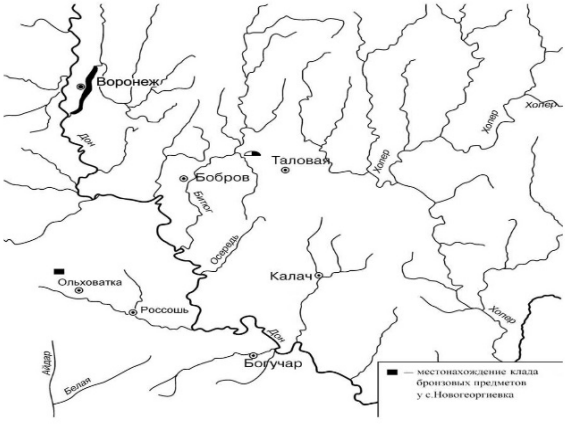

Рис. 1. Карта с обозначением места нахождения клада у с. Новогеоргиевка

Топор. Прежняя коллекция проушных металлических топоров палеометаллической эпохи в лесостепном Подонье насчитывала 16 изделий, общий анализ которых был представлен одним из авторов в 2008 г. [8]. Топоры типологически достаточно четко разделяются

на четыре группы орудий, отражающие древнеямные, катакомбные, абашевские и срубные металлообрабатывающие традиции. К срубным древностям относятся два бронзовых массивных вислообушных топора. Один из них был найден на рубеже XIX–XX вв. на землях Дивногорского монастыря Острогожского уезда Воронежской губернии [9. С. 125. Рис. 209]. Второй топор подобного типа также является случайной находкой, сделанной местным жителем с. Большие Алабухи Грибановского района Воронежской области на частном земельном участке [10. Рис. 46; 11. С. 80].

Морфологические особенности топоров из Дивногорья и Больших Алабухов соответствуют форме негативов двустворчатых литейных форм, найденных на поселениях донской лесостепной срубной культуры (Мосоловском, Вогрэсовском, Черное озеро), что весомо свидетельствует об их местном производстве.

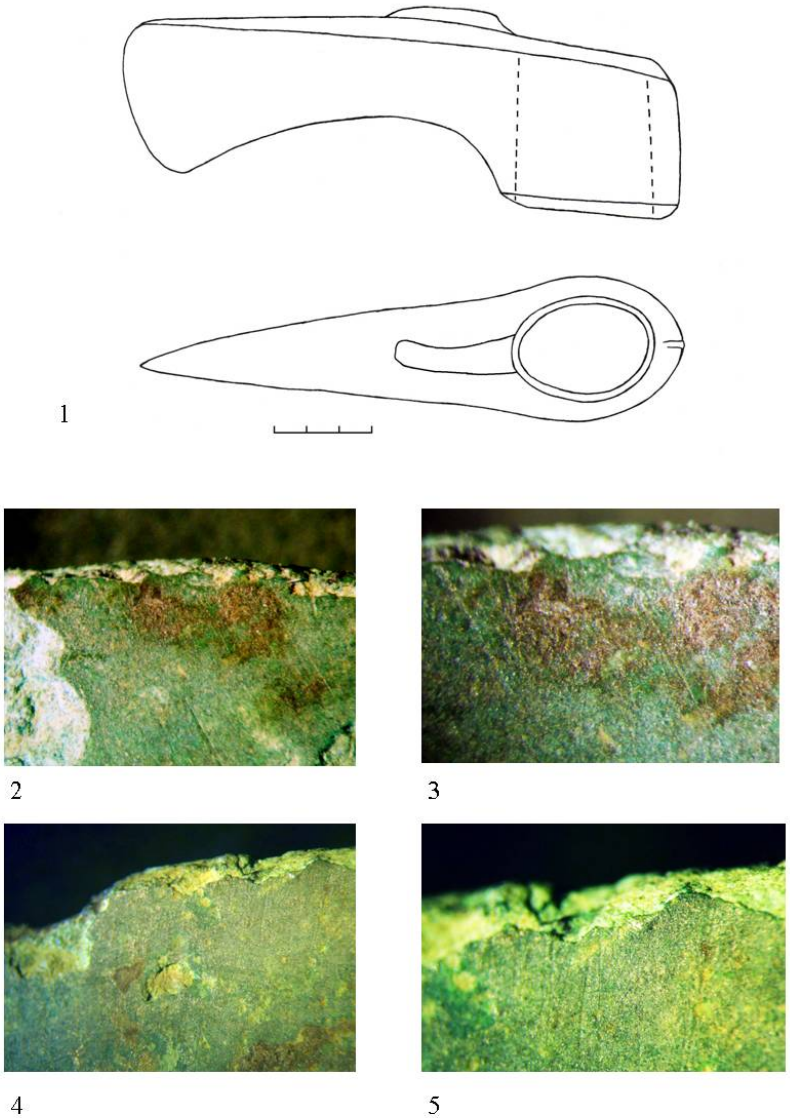

Рис. 2. Бронзовый топор. *1* – прорисовка; *2–5* – микрофото рабочей поверхности: *2, 4* – x14; *3, 5* – x28

Вводимый в научный оборот металлический вислообушный топор (рис. 2, *1*) имеет следующие размеры: длина – 17 см, ширина обуха – 4,8 см, ширина лезвия – 5 см, высота шейки – 3 см, внутренний диаметр эллиптической втулки – 4,4 × 3,3 см, внешний диаметр втулки (длина втулки) – 5,5 см, величина угла – 173°. Лезвие топора заточено под углом в 30°. На спинке топора непосредственно от втулки располагается литниковый наплыв подпрямоугольной формы длиной – 3,5 см, шириной – 0,9–1,2 см, выступающий на 0,5 см. Масса топора – 0,919 кг.

На рабочих плоскостях топора под микроскопом наблюдаются линейные следы от заточки лезвия, следующие под углом к кромке края, а также отдельные мелкие линейные следы от работы топором по дереву (рис. 2, *2–5*).

Взаимопараллельные следы от заточки, которые густо покрывают рабочие плоскости лезвия, оставлены мелкозернистым каменным абразивом. Следов от соприкосновения с древесиной количественно существенно меньше, они мельче по фактуре, чем абразивные следы, нечетко ориентированы.

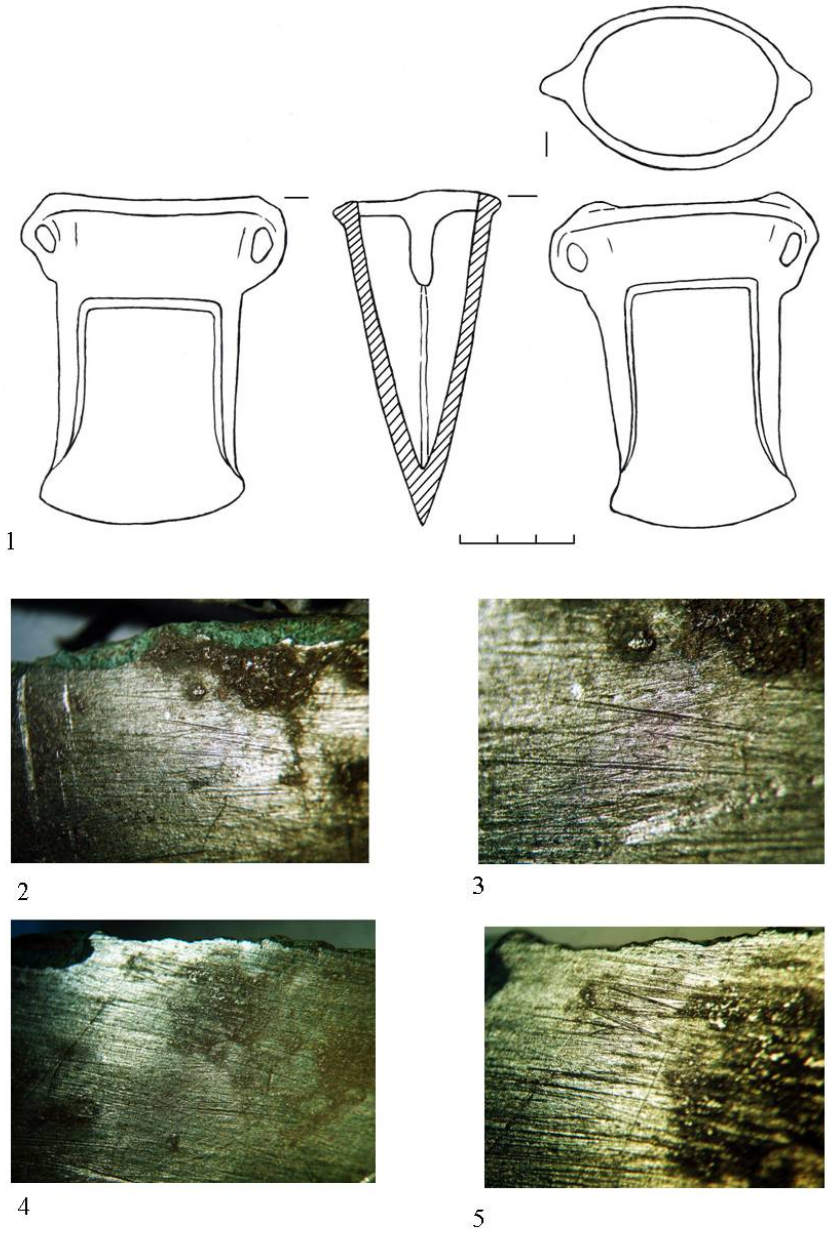

Рис. 3. Бронзовый кельт. *1* – прорисовка; *2–5* – микрофото рабочей поверхности: *2, 4* – x14; *3, 5* – x28

Судя по морфологическим особенностям топора (массивно-вислообушный тип), его следует рассматривать в круге древностей донской лесостепной срубной культуры. Этот вывод подтверждается и типологическим сравнением данной находки с известными литейными формами на территории лесостепного Подонья. Например, при метрическом исследовании литейных форм для отливки топоров с Мосоловского поселения мы наблюдаем близкие параметры размеров на формах третьего варианта, характеризующихся прямым и длинным клином (более 14 см), слабой скошенностью верхнего края втулки, длинным (более 5 см) обухом [12. С. 21. Рис. 2, *2*].

Кельт. В лесостепном Подонье известны находки 13 кельтов, относящихся к семи типологическим разрядам по классификации Е.Н. Черных [7, 13]. Новая находка кельта дополняет типологический разряд К-52, который ранее включал 5 изделий: два кельта из Терешковского клада и три орнаментированных двуушных кельта (найдены у с. Гремячье Хохольского района Воронежской области, у с. Рудкино Хохольского района Воронежской области и у г. Задонска Липецкой области), упоминаемых в статье А.Д. Пряхина, А.Т. Синюка и Ю.П. Матвеева [14. С. 283].

Кельт двуушного типа из Новогеоргиевского клада (рис. 3, *1*) имеет следующие размеры: длина – 8,6 см, ширина лезвия – 5,1 см, ширина плоскости ушек – 7,3 см, высота ушек – 2,3 см, ширина отверстия ушек – 0,4–0,8 см, внешние диаметры втулки – 5,5 × 4,4 см, внутренние диаметры втулки – 4,3 × 3,4 см, глубина втулки – 7,2 см. Угол заточки лезвия – 35°. Масса кельта – 0,304 кг. Обе плоскости кельта украшены П-образным выпукло-рельефным орнаментом, две вертикальные линии которого следуют от сужения лезвия

вдоль боковых кромок изделия на расстоянии 0,5 см от края, а верхняя горизонтальная линия расположена в 2–2,5 см от края втулки. Ширина выпуклой орнаментальной линии – 0,2 см, высота – 0,1 см. На торце втулки кельта имеется несколько участков раскованной уплощенной поверхности, что, видимо, связано со стремлением убрать заусеницы, образовавшиеся после отливки изделия. Рабочие плоскости кельта с двух сторон заполированы на глубину 1–1,5 см. Отчетливо фиксируются следы заточки на мелкозернистом каменном абразиве. Они густо и взаимопараллельно располагаются под небольшими углами к кромке лезвия, либо вдоль кромки. Их пересекают перпендикулярно кромке рабочего края отдельные мелкие линейные следы от работы кельтом по дереву (рис. 3, *2–5*).

Е.Н. Черных писал о достаточно широком ареале распространения кельтов конечного типологического разряда К-52, обнаруженных в Поднепровье, Приазовье, на Северском Донце и Нижнем Дону [7. С. 83–84. Табл. VII, 14–19]. Достаточно представительная коллекция кельтов этого типа (6 экземпляров) позволяет включить и территорию лесостепного Подонья в этот ареал.

Серп. Известная ныне коллекция металлических серпов (17 экземпляров) с территории лесостепного Подонья [15, 16] пополняется еще одним орудием, типологически близким серпам-косарям из Терешковского клада (рис. 4, *1*). Серп-косарь из Новогеоргиевского клада имеет длину – 23,5 см, ширину – 5,4 см, толщину – 0,3–0,4 см, массу – 0,25 кг. Лезвие серпа с выпуклой стороны заточено на глубину 0,4 см (рис. 4, *2*). Изогнутость плоскости серпа-косаря возникла от разгонки заготовки изделия, осуществляемой в продольно-поперечном направлении, что и привело к вогнутости обоих профилей. Но к этому выводу мы приходим по аналогии с трасологическими наблюдениями за серпами-косарями из Терешковского клада, на которых фиксируются макроследы кузнечного воздействия [15. С. 130]. На анализируемом серпе мы лишь наблюдаем продольно-поперечную изогнутость профилей изделия. Следы кузнечной обработки присутствуют также на пятке и крюке серпа-косаря. Серп-косарь по своей морфологии включается в конечный типологический ряд С-16, который, по мнению Е.Н. Черных, производился мастерами завадово-лобойковского очага металлообработки финального этапа бронзового века.

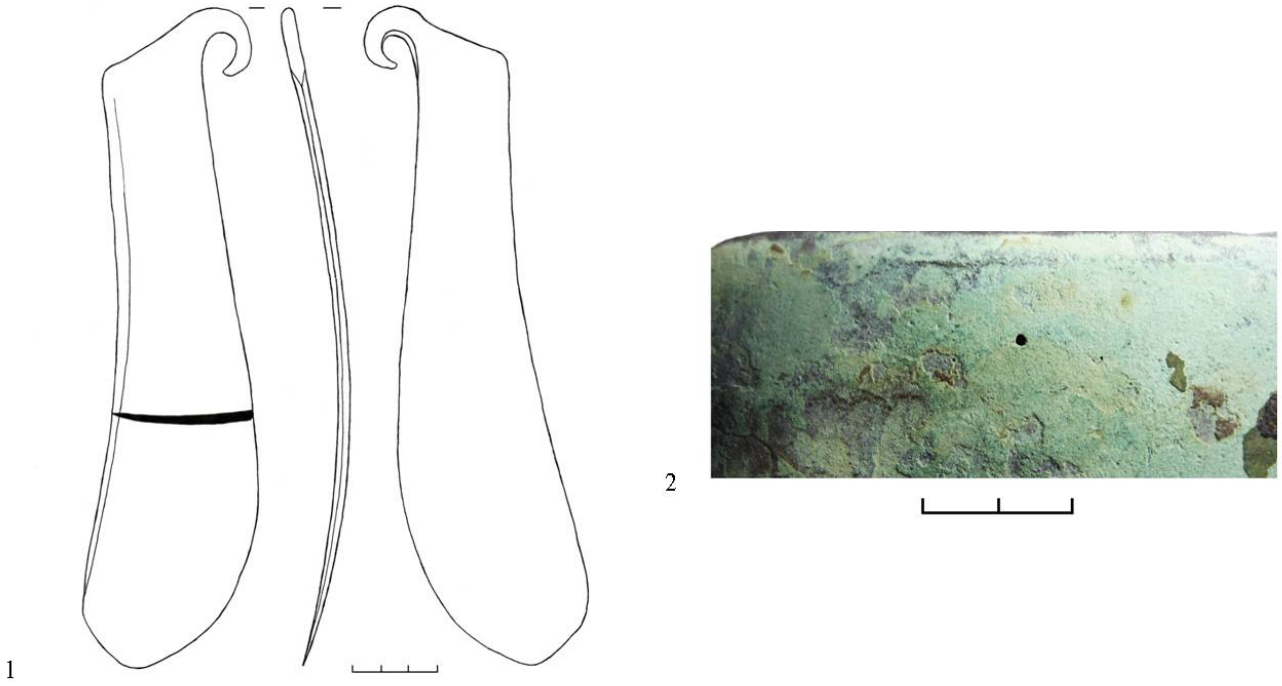

Рис. 4. Бронзовый серп. *1* – прорисовка; *2* – микрофото рабочей поверхности

Таким образом, введение в научный оборот трех бронзовых изделий из Новогеоргиевского клада расширяет наши представления о продукции древних металлургов бронзового века и технологических приемах изготовления и использования в хозяйственной практике этих орудий. Вместе с тем остаются нерешенными проблемы локализации производства бронзовых изделий, обнаруженных в кладе. Если возможности местного производства массивно-вислообушных топоров широко подтверждаются наличием литейных форм на таких поселениях донской лесостепной срубной культуры, как Мосоловское, Вогрэсовское, Черное озеро, Монастырщина, то весьма ограничены либо полностью отсутствуют косвенные факты изготовления кельтов и серпов-косарей в пределах донской лесостепи.

О производстве кельтов мы располагаем двумя свидетельствами: фрагментом однопредметной литейной формы с негативом лезвийной части кельта с Мосолов-

ского поселения [12. Рис. 22, *1*] и каменной двухпредметной литейной формы для отливки двуушного кельта и широколопастного ножа с выделенным ребром (ножа – «бритвы») из с. Белогорье Подгоренского района Воронежской области [17. С. 105–106. Рис. 2, *3, 4*]. Автор публикации считает, что форма предназначалась для отливки кельта типа К-54 по классификации Е.Н. Черных.

Что касается литейных форм для изготовления серпов-косарей типа С-16, то в пределах лесостепного Подонья они нам неизвестны. Вместе с тем другой тип серпов – С-14 – широко представлен не только оригиналами изделий (7 экземпляров: 4 целых орудия и 3 фрагментированных), но и их литейными формами.

Не исключено, что создателями двух кладов металлических изделий позднего бронзового века в лесостепном Подонье (Терешковского и Новогеоргиевского) были представители пришлых этнических групп, проникавшие в южные пределы донской лесостепи в момент уменьшения хозяйственно-производственной активности местного срубного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. 162 с.
2. Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. 1959. № 60. С. 11–38.
3. Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967. С. 143–184.
4. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. 144 с.
5. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.
6. Кореневский С.Н. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. 1976. № 4. С. 16–31.
7. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976. 302 с.
8. Килейников В.В. Металлические топоры с памятников бронзового века лесостепного Подонья // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып. 2, т. 1. С. 178–188.
9. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1902 год. СПб., 1904.
10. Березуцкий В.Д. Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1, № 11856.
11. Березуцкий В.Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья. Грибановский край (с древнейших времен до XVII в.). Воронеж, 2003. 162 с.
12. Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Книга вторая. Воронеж, 1996. 176 с.
13. Килейников В.В. Находки металлических кельтов в лесостепном Подонье // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Воронеж, 2011. Вып. 6. С. 18–30.
14. Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Матвеев Ю.П. Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье // СА. 1981. № 3. С. 281–285.
15. Килейников В.В. Металлические серпы с памятников бронзового века лесостепного Подонья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Междунар. Нижневолжская археол. конф. : тез. докл. Волгоград, 2004. С. 127–131.
16. Килейников В.В. Новые случайные находки металлических серпов бронзового века в лесостепном Подонье и методы их морфологического изучения // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Воронеж, 2009. Вып. 4. С. 27–42.
17. Улезько В.Н. Новые находки литейных форм эпохи поздней бронзы в лесостепном Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С. 105–107.

Valery D. Berezutskii. Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia). E-mail: berezytski1@rambler.ru
Viktor V. Kileynikov. Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia). E-mail: kileynik@rambler.ru

NEW METAL TOOLS FINDINGS OF THE BRONZE AGE ON THE TERRITORY OF FOREST-STEPPE ALONG THE DON

Keywords: Bronze age hoard of implements; srubny culture; axe; Celt; hammer.

Several Bronze Age hoards are known on the territory of the forest-steppe along the Don River dating to the Catacomb and Timber-grave (Srubna) cultures of the Middle and Late Bronze Age. A new collection of bronze tools from the hoard near the village of Novogeorgievka of Olkhovatsky district in the Voronezh administrative region (the right bank of the Don River) includes three metal items: an axe, a celt and a sickle.

The collection of perforated metal axes of the Paleometal epoch in the forest-steppe along the Don River consists of 18 items, including the Novogeorgievsky finding. When observed with a microscope, the blade of the axe from the Novogeorgievsky hoard demonstrates linear traces of sharpening on the artefact, as well as small linear traces from working wood. Parallel traces of sharpening the axe were left by fine-grained stone abrasive. Morphological features of axes found in the villages of Divnogorye and Bolshie Alabukhi, similar to the Novogeorgievsky one, correspond to the form of the imprints of bivalve molds found in the settlements of the Don forest-steppe Timber-grave (Srubna) culture (Mosolovsky, Vogresovsky, the Black Lake), which indicates that they were produced locally.

In the forest-steppe along the Don River, there are 13 celts known relating to seven typological categories, according to the classification of E.N. Chernykh. A new finding of the celt is added to the K-52 typological category, which includes 6 items. The blade of the celt from the Novogeorgievsky hoard is polished on both sides. There are traces of sharpening on fine-grained stone abrasive, as well as some small linear traces from working wood.

The collection of metal sickles from the territory of the forest-steppe along the Don River consists of 18 items, including the Novogeorgievsky finding. The curved blade of the sickle-chopper was made by means of spreading the billet in the longitudinal-transverse direction, which led to concavity of both profiles. Traces of forging are also present on the heel and hook of the sickle-chopper. Morphologically, a sickle-chopper is included in the final typological series of S-16, which, according to E.N. Chernykh, was produced by the masters of the Zavadovo-Loboykovskiy center of metalworking dating to the Late Bronze Age.

Until now, the problems of localizing the production of bronze tools found, among other places, in the Novogeorgievsky hoard, remain unresolved. There is no doubt that wedge axes were produced locally. At the same time, the origin of celts (in the Don forest-steppe there are two known findings of molds) and sickle-choppers (molds unknown) within the Don forest-steppe remain questionable. It is not inconceivable that representatives of new-coming ethnic groups created the Novogergievsky hoard of metal tools dating to the Late

Bronze Age in the forest-steppe along the Don River. They got into the southern areas of the Don forest-steppe during the period of the decrease in the economic and production activity of the local population of the Timber-grave (Srubna) culture.

REFERENCES

1. Krivtsova-Grakova, O.A. (1955) *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdney bronzy* [Steppe Volga and Black Sea in the late Bronze Age]. Moscow: USSR AS.
2. Shilov, V.P. (1959) *O drevney metallurgii i metalloobrabotke v Nizhnem Povolzh'e* [About ancient metallurgy and metalworking in the Lower Volga region]. Moscow: USSR AS. pp. 11–38.
3. Leskov, A.M. (1967) O severoprichernomorskom ochage metalloobrabotki v epokhu pozdney bronzy [On the Northern Black Sea metalworking in the late Bronze Age]. In: Leskov, A.M. & Merpert, N.Ya. (eds) *Pamyatniki epokhi bronzy yuga Evropeyskoy chasti SSSR* [Monuments of the Bronze Age in the south of the European part of the USSR]. Kyiv: Naukova dumka. pp. 143–184.
4. Chernykh, E.N. (1966) *Istoriya drevneyshey metallurgii Vostochnoy Evropy* [The history of the ancient metallurgy of Eastern Europe]. Moscow: Nauka.
5. Chernykh, E.N. (1970) *Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya* [The ancient metallurgy of the Urals and the Volga region]. Moscow: Nauka.
6. Korenevskiy, S.N. (1976) O metallicheskikh toporakh Severnogo Prichernomor'ya, Srednego i Nizhnego Povolzh'ya epokhi sredney bronzy [On the metal axes of the Northern Black Sea, Middle and Lower Volga region of the Middle Bronze Age]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 16–31.
7. Chernykh, E.N. (1976) *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR* [Ancient metalworking in the South-West of the USSR]. Moscow: Nauka.
8. Kileynikov, V.V. (2008) Metallicheskie topory s pamyatnikov bronzovogo veka lesostepnogo Podon'ya [Metal axes from the bronze age monuments of the forest-steppe Don region]. In: Stavistskiy, V.V. (ed.) *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archeology of the East European forest-steppe]. Vol. 2(1). Penza: [s.n.]. pp. 178–188.
9. Imperial Archaeological Commission. (1904) *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1902 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1902]. St. Peterburg: [s.n.].
10. Berezutskiy, V.D. (1985) *Otchet o raskopkakh kurganov Vlasovskogo mogil'nika v Gribanovskom rayone Voronezhskoy oblasti v 1985 g.* [Report on the excavation of the burial mounds of the Vlasov burial ground in Gribanovsky district of Voronezh region in 1985]. Archive of IA RAS. R-1, № 11856.
11. Berezutskiy, V.D. (2003) *Ocherki po arkheologii i drevney istorii Podon'ya. Gribanovskiy kray (s drevneyshikh vremen do XVII v.)* [Essays on archeology and ancient history of Don. Gribanovsky region (from ancient times to the 17th century)]. Voronezh: [s.n.].
12. Pryakhin, A.D. (1996) *Mosolovskoe poselenie metallurgov-liteyshchikov epokhi pozdney bronzy* [Mosolovskoe settlement of metallurgists-casters of the Late Bronze Age]. Vol. 2. Voronezh: Voronezh State University.
13. Kileynikov, V.V. (2011) Nakhodki metallicheskikh kel'tov v lesostepnom Podon'e [Finds of metal Celts in the forest-steppe Don region]. *Nauchnye trudy prepodavateley i studentov istoricheskogo fakul'teta*. 6. pp. 18–30.
14. Pryakhin, A.D., Sinyuk, A.T. & Matveev, Yu.P. (1981) Tereshkovskiy klad epokhi pozdney bronzy v Srednem Podon'e [The Tereshkov treasure of the late Bronze Age in the Middle Don region]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 281–285.
15. Kileynikov, V.V. (2004) [Metal sickles from the monuments of the Bronze Age of the steppe Don region]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya* [Problems of the Lower Volga Archeology]. Proc. of the First International Conference. Volgograd. pp. 127–131. (In Russian).
16. Kileynikov, V.V. (2009) Novye sluchaynye nakhodki metallicheskikh serpov bronzovogo veka v lesostepnom Podon'e i metody ikh morfologicheskogo izucheniya [New random finds of metal sickles of the Bronze Age in the forest-steppe Don region and methods for their morphological study]. *Nauchnye trudy prepodavateley i studentov istoricheskogo fakul'teta*. 4. pp. 27–42.
17. Ulezko, V.N. (2002) Novye nakhodki liteynykh form epokhi pozdney bronzy v lesostepnom Podon'e [New finds of casting molds of the Late Bronze Age in the forest-steppe Don region]. In: Vinnikov, A.Z. (ed.) *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy* [Archaeological monuments of Eastern Europe]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. pp. 105–107.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94:654.14(571)
DOI: 10.17223/19988613/59/27

В.А. Морев

СИБИРСКАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ МАГИСТРАЛЬ: К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА (1860–1890-е гг.)

Рассматривается история проведения электрического телеграфа через Сибирь и русский Дальний Восток в 1860–1890-е гг. Освещена деятельность автора отечественного проекта Сибирского телеграфа – русского военного инженера Д.И. Романова. Помимо этого, описываются попытки соединить телеграфной связью русский Дальний Восток и Северную Америку. Сделан вывод о том, что Сибирская телеграфная магистраль имела большое значение для реализации геополитических и экономических интересов Российской империи.
Ключевые слова: история электросвязи; Сибирский телеграф; Русско-Американский телеграф; Д.И. Романов; П.М. Коллинз; Сибирь; Дальний Восток; Китай; Русская Америка.

Во второй половине XIX столетия обширные сибирские и дальневосточные территории Российской империи были слабо населены. Восточные границы государства нуждались в более надежной защите. Для оперативной связи между отдаленными регионами страны было необходимо строительство линий электрического телеграфа. Почти через три десятка лет после его изобретения по решению императора Александра II началось проведение телеграфной линии через Сибирь и русский Дальний Восток (Сибирский телеграф). Кроме того, существовали грандиозные планы соединения телеграфной линией Евразии с Северной Америкой через Берингов пролив (Русско-Американ-ский телеграф).

Проблемами строительства и дальнейшего развития электрической телеграфной связи через Сибирь, Дальний Восток и Северную Америку исследователи стали заниматься еще во второй половине XIX в. Среди тех, кто писал на эту тему уже в тот период, были: русский военный инженер Д.И. Романов [1, 2], журналисты и статистики А.М. Бурухин [3. С. 12–34] и М. Шедлинг [4. С. 621–634]. Из работ зарубежных исследователей второй половины XIX в. стоит особо отметить две. Автор первой книги – немецкий ученый Рихард Андрэ, посвятивший часть своего труда началу строительства Русско-Американского телеграфа, а также сравнительной характеристике двух проектов этой линии [5. S. 16–20]. Разработчиками этих проектов были американский предприниматель Перри МакДонаф Коллинз и упоминавшийся выше русский офицер Дмитрий Иванович Романов. Вторая работа принадлежит участнику Русско-Американской телеграфной экспедиции Джорджу (Георгу) Кеннану, который по ее итогам написал книгу «Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других инородцев» [6].

Некоторое время данной теме уделялось крайне мало внимания. Наконец, во второй половине XX в. история трансконтинентального телеграфа вновь вызвала интерес исследователей. Ее в своих трудах коснулись А.Л. Нарочницкий [7. С. 172–174] и А.В. Яроцкий [8. С. 69–70]. В 1966 г. вышел фундаментальный труд, основанный на данных центральных архивов страны, – «Материалы по истории связи в России XVIII – начало XX вв.», где содержится ценная информация о первых проектах Сибирского телеграфа, поступавших как от иностранцев, так и от подданных Российской империи [9]. В 1975 г. в «Очерках истории техники в России (1861–1917)» А.В. Яроцкий кратко осветил историю проекта русского офицера Д.И. Романова по проведению трансконтинентального телеграфа от Москвы до Аляски [10. С. 161–162]. Одной из последних крупных работ по этой теме, написанных в советский период, была книга Н.Н. Болховитинова о русско-американских отношениях в 1834–1867 гг., завершающаяся проблемой продажи Аляски в 1867 г. [11]. Один из разделов этой книги целиком посвящен Русско-Американскому телеграфу.

В постсоветский период интерес к данной теме не угас. Проблемам проведения Русско-Американского телеграфа и Международной телеграфной экспедиции посвящена статья А.В. Постникова [12. С. 3–38]. Большой труд по истории Русской Америки вышел под редакцией Н.Н. Болховитинова. В третьем томе этой работы содержится целая глава, в которой описываются подготовка и начало строительства Русско-Американского телеграфа в 1860-е гг., а также приведены причины отказа американской стороны от этого проекта [13. С. 413–424].

Свой вклад в рассмотрение вопросов устройства Сибирского телеграфа внесли и работники Томской телеграфно-телефонной станции, издав в 1998 г. книгу «От Морзе до компьютера» [14]. Большое значение для исследования истории томской электросвязи с момента

появления в начале 1860-х гг. и до конца 1990-х гг. имеет научно-популярный очерк томского историка О.Н. Разумова. Автору удалось найти и использовать в своем очерке архивные документы, посвященные вопросам проведения и развития Сибирского телеграфа [15. С. 11, 15–30].

Научная разработка проблемы активно шла и на Западе. Так, большое значение для изучения проектов соединения телеграфной линией Дальнего Востока с Северной Америкой имеют две магистерские диссертации, защищенные в Ванкувере (Канада) в 1968 г. С. Роббом [16] и в 1996 г. С. Уилкоксоном [17]. Обе работы посвящены деятельности П.М. Коллинса, который участвовал в проведении телеграфа вдоль западного побережья Северной Америки с целью дальнейшего соединения его с российскими телеграфными линиями.

В начале XXI в. тема проведения телеграфной связи через Сибирь, Дальний Восток и далее через Северную Америку не потеряла своей актуальности, о чем свидетельствуют второе издание научно-популярного очерка О.Н. Разумова [18], докторская диссертация М.С. Высокова [19. С. 220–247], научные статьи Г.Н. Шапошникова [20. С. 91–100], И.И. Курилы [21. С. 53–80], Л.Н. Гарусовой [22. С. 21–26], О.Ю. Семенцова [23. С. 27–32], Е.И. Нестеровой [24. С. 65–72], А.В. Постникова [25. С. 258–277], В.А. Морева [26. С. 22–30; 27. С. 8–24], С. Смит-Питер [28. С. 105–134], Н.С. Шишелова [29. С. 230–247] и др.

Как видим, в настоящее время интерес к данной теме не ослабевает. Однако большинство исследователей в основном сосредоточились на истории Русско-Американского телеграфа в целом. При этом история Сибирского телеграфа рассматривается далеко не всегда подробно. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проследить историю строительства Сибирского телеграфа на протяжении 1860–1890-х гг., являвшегося существенной частью более грандиозного проекта – Русско-Американского телеграфа, и оценить значение проведения телеграфной связи через Сибирь и Дальний Восток для реализации геополитических и экономических интересов Российской империи.

Одним из главных геополитических противников России в рассматриваемый период являлась Британская империя. Поражение Китая в опиумных войнах 1840–1860-х гг. с англичанами и его экономическое закабаление показали, что русские границы уязвимы по Амуру. В результате неравноправных договоров с Китаем Британия и Франция получили возможность использовать близлежащие китайские порты для действий против России [7. С. 115]. В августе–сентябре 1854 г. в ходе Крымской войны малочисленный русский гарнизон Петропавловска-Камчатского успешно отразил попытку высадки превосходившего его по численности англо-французского десанта. Однако рапорт об этом важнейшем событии в Санкт-Петербург удалось доставить лишь в конце ноября 1854 г. Так долго шли даже срочные послания через огромную российскую территорию. Кроме того, Дальний Восток России был крайне слабо населен русскими и потому нуждался в более эффективной связи с центром страны. В то же время в конце 1850-х гг. англичане соединили телеграфным проводом Индию, Сингапур, Австралию и Гонконг. В начале 1860-х гг. они добивались у властей Китая разрешения вести через его территорию телеграфную линию [20. С. 92]. Все эти факты говорили о том, что для более оперативной связи центра Российской империи с ее окраинами, а значит, и для обеспечения безопасности восточных рубежей государства было необходимо скорейшее строительство телеграфной линии через Сибирь и Дальний Восток.

В течение 1858–1860 гг. российская дипломатия сумела решить территориальные споры с Китаем. По Айгунскому и Тяньцзиньскому мирным договорам 1858 г. за Российской империей признавалось владение левобережьем Амура. По Пекинскому договору 1860 г. к России отошел Уссурийский край (земли к востоку от реки Уссури до Японского моря) [30. С. 29–40]. Русское купечество получило новый рынок сбыта товаров. Это делало устройство телеграфа до устья Амура с ответвлением на Кяхту очень важным в политико-экономическом, финансовом и торговом отношениях [31. С. 180]. Таким образом, геополитические и экономические интересы России требовали проведения телеграфной линии хотя бы до устья Амура.

Англо-русскими противоречиями попытались воспользоваться американские предприниматели – первым был один из учредителей американской компании «Норт Атлантик Телеграф» (North Atlantic Telegraph) Тал Шафнер, вторым – торговый агент США на Амуре майор Перри МакДонаф Коллинз (Perry McDonough Collins). В 1850-е гг. они предложили царскому правительству свои проекты строительства Русско-Американского телеграфа через Сибирь, Дальний Восток и Русскую Америку. По мнению А.Л. Нарочницкого, надеясь получить телеграфную концессию от русского правительства, американцы предполагали подчинить контролю своего капитала всю Восточную Сибирь и Аляску, а затем продолжить телеграфную линию в Китай. Впрочем, сначала американские проекты были отвергнуты царским правительством [7. С. 172–173].

Лишь после длительных переговоров российского и американского правительств, в которых участвовал и настойчивый предприниматель П.М. Коллинз, был подписан контракт на учреждение телеграфного сообщения между Россией и Северной Америкой. С американской стороны контракт подписали президент Компании Западных объединенных телеграфов (Western Union Telegraph Company) Х. Сибли и П.М. Коллинз, а с российской стороны – граф Иван Матвеевич Толстой. По сведениям Н.Н. Болховитинова, контракт был подписан 9 марта 1863 г. [11. С. 161] Эта дата вошла в труды и других авторов – Г.Н. Шапошникова [20. С. 97], А.В. Постникова [25. С. 266], В.А. Морева [27. С. 11] и

др. Однако теперь следует сделать уточнение датировки окончательного подписания контракта. Ссылаясь на данные центральных архивов Российской Федерации, М.С. Высоков привел дату 9 марта 1865 г. [19. С. 237–238], а еще ранее А.Л. Нарочницкий также датировал подписание контракта мартом 1865 г. [7. С. 173] То есть расхождение у разных авторов составляет два года. Учитывая, что переговоры о строительстве телеграфа через Сибирь и Аляску возобновились в Петербурге осенью 1864 г., как отметил сам Н.Н. Болховитинов [11. С. 159], и что в распоряжение главноуправляющего почтовым департаментом И.М. Толстого, который подписывал контракт, телеграфная служба Российской империи из ведомства Главного управления путей сообщения перешла только 17 декабря 1864 г. [31. С. 153], то верной представляется дата, приведенная А.Л. Нарочницким и М.С. Высоковым – март 1865 г. Позднее, согласно указу Александра II от 15 июня 1865 г., было создано Министерство почт и телеграфов, которое и возглавил И.М. Толстой [32. С. 20].

Русская сторона брала на себя обязательства провести телеграфную линию от Иркутска до устьев Амура (что и было выполнено), а американская – от западных штатов США через Аляску, Берингов пролив, тихоокеанское побережье России до Приамурья. После подписания контракта компания Western Union организовала Русско-Американскую телеграфную экспедицию (РАТЭ), которая в течение 1865–1867 гг. проводила исследования на территории Британской Колумбии (Канада), Русской Америки и на русском Дальнем Востоке. Ее задача как раз заключалась в соединении Евразии и Северной Америки через Берингов пролив телеграфным кабелем. Как отметил Н.И. Шишелов, ссылаясь на одного из участников экспедиции Эдварда Конвея, местность на территории Северной Америки была «не пригодна для какого-либо строительства. На Аляске рабочим приходилось разгребать снег и разводить костры, чтобы отогреть промерзшую землю, иначе вкопать телеграфные столбы было просто невозможно. Возникали проблемы и с обеспечением рабочих продовольствием. Строители и разведчики переносили все тяготы первопроходцев Севера, были случаи обморожения и истощения» [29. С. 231]. П. Коллинз пригласил руководить проектом полковника Чарльза Балкли, который во время Гражданской войны в США управлял военным телеграфом. Исходя из своего военного опыта, Ч. Балкли разделил экспедицию на рабочие дивизионы (подразделения) и инженерные корпуса [16. P. 22–23]. Так, на Камчатке одним из отрядов руководил русский майор Сергей Савич Абаза (Серж Абаса). На побережье Чукотки строители под руководством Дж. Келси проложили несколько десятков километров телеграфной линии, однако их труды оказались напрасными, линия не была подключена. В районе Анадыря работали отряды К. Макрея и Р. Буша, на побережье Охотского моря – отряды А. Арнольда и Дж. Кеннана [29. С. 233].

За несколько лет до начала работы РАТЭ было положено начало строительству Сибирского телеграфа. 15 марта 1859 г. император Александр II утвердил положение Сибирского комитета о проведении изысканий для устройства телеграфа сначала от Казани до Иркутска, а затем до Дальнего Востока [4. С. 621–622]. Сами работы по проведению телеграфной линии вдоль Сибирского тракта начались в 1860 г.

Большую роль в реализации отечественного проекта проведения Сибирского телеграфа сыграли генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881) и военный инженер, капитан (впоследствии подполковник) Дмитрий Иванович Романов (1829–1873), приложившие немало усилий для того, чтобы убедить российское правительство в необходимости осуществления этого грандиозного проекта. Эти факты подробно описаны в работах Н.Н. Болховитинова [11. С. 154–156], М.С. Высокова [19. С. 223–236], А.В. Постникова [25. С. 260–265] и др.

В 1857–1858 гг. Д.И. Романов по распоряжению Н.Н. Муравьева-Амурского спроектировал железную дорогу и руководил ее прокладкой от Софийска на Амуре к заливу Де-Кастри. Кроме того, он является автором отечественного проекта Русско-Американ-ского телеграфа. Его проект был разработан еще в 1856 г., затем представлен Н.Н. Муравьеву в начале 1857 г. Значительная часть проекта (так называемый Сибирский телеграф) была постепенно воплощена в жизнь. В 1860 г. Д.И. Романовым был разработан менее масштабный, но необходимый для реализации геополитических интересов России проект Амурского телеграфа. В марте 1861 г. Д.И. Романов был командирован в США и Канаду, где знакомился с устройством телеграфа и закупал оборудование [33. С. 164]. Там он встретился со знаменитым изобретателем Сэмуэлем Морзе и предпринимателем П.М. Коллинзом [11. С. 155].

Из работы немецкого географа и этнографа второй половины XIX в. Рихарда Андрэ [5. S. 17–19] известно, что маршруты проведения телеграфа через территорию русского Дальнего Востока в проектах Д.И. Романова и П.М. Коллинза существенно различались. Кроме того, Р. Андрэ отмечал, что проект Д.И. Романова на практике было реализовать легче, нежели проект П. Коллинза [подробнее см.: 27. С. 12–14].

В 1861 г. Н.Н. Муравьева-Амурского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири сменил Михаил Семенович Корсаков (1826–1871), продолживший борьбу за развитие телеграфной связи в этом регионе. При нем в строй была введена телеграфная линия, соединившая Иркутск с Санкт-Петербургом [33. С. 101].

Тем временем Д.И. Романов, вернувшись в январе 1862 г. в Россию, приступил к осуществлению проекта Сибирского телеграфа. По окончании первой очереди строительства телеграфа Д.И. Романов был переведен в европейскую часть России. Последующая судьба русского офицера сложилась непросто. Прежние путешествия по Восточной Сибири расшатали его здоровье.

В 1873 г. он участвовал в Хивинском походе, где тяжело заболел лихорадкой и горячкой. 17 апреля, придя в сознание, Д.И. Романов застрелился. После себя Дмитрий Иванович оставил много географических, экономических и этнографических статей [33. С. 164]. Среди них есть и работы, посвященные одному из главных дел его жизни – телеграфу [1, 2]. Именем Д.И. Романова названо село Романовка (Приморский край).

Одним из факторов, повлиявших на начало строительства Русско-Американского телеграфа на территории азиатской части России и в Северной Америке, стали первоначальные неудачи проектов по созданию Атлантического телеграфа [19. С. 221]. Эпопея прокладки кабеля от берегов Ирландии до острова Ньюфаунленд началась в августе 1857 г. и длилась девять лет. Всего было осуществлено пять попыток [34. С. 106, 110]. Наконец, было получено известие, что последняя попытка проведения подводной телеграфной линии через Атлантику завершилась успешно 27 июля 1866 г. Это и повлияло на отказ американской стороны (несмотря на уже вложенные ею большие средства – около 3 млн долл.) от уже заключенного с российским правительством контракта на проведение Русско-Американского телеграфа. Официально отказ был получен в Петербурге 28 февраля 1867 г. К сожалению, эти события оказали влияние на временную приостановку работ по дальнейшему проведению телеграфной линии через Восточную Сибирь и Дальний Восток, однако вскоре они возобновились [31. С. 182]. Кстати, в этом же 1867 г. правительство Александра II уступило американцам русские владения на Аляске.

С 1863 по 1867 г. Сибирский телеграф был доведен через Томск и Иркутск до Читы, Нерчинска и Сретенска. По данным А.М. Бурухина, в трех последних городах телеграфная связь заработала в начале января 1868 г. [3. С. 14]. С конца 1860-х по начало 1870-х гг. Иркутск был соединен телеграфными линиями с Кяхтой, с селом Лиственичное (у озера Байкал) и др. [9. С. 94] В 1870 г. телеграфная связь была доведена до Благовещенска и Хабаровска, а в марте 1871 г. – до Владивостока. В первый год после открытия всей главной магистрали до Владивостока (1872 г.) на 79 телеграфных станциях было обработано 432 412 телеграмм (исходящих, входящих и проходящих) [15. С. 16–17]. Затраты на сооружение Сибирской телеграфной магистрали протяженностью 8 330 верст превысили 1 млн руб. Амурский телеграф протяженностью 1 780 верст потребовал привлечения средств в размере 750 тыс. руб. [35. С. 55].

В 1876 г. был поднят вопрос об устройстве линии от Иркутска до Якутска. Этого требовали не только административные, но и торгово-промышленные цели. Поскольку строить телеграф от Иркутска через Витим и Олекминск до Якутска предстояло, преодолевая вековые леса, тундры и затопляемые местности, то требовалось много энергии и выносливости от строителей, а также больших финансовых вложений (до 200 тыс. руб.). Большую помощь при строительстве оказали золотопромышленники, внеся деньги на расходы, связанные с заготовкой телеграфных столбов, рубкой просек в лесах, предоставлением помещений для некоторых станций и др. Само же строительство началось в 1883 г. и было окончено только в 1901 г. [31. С. 213–214].

Российские специалисты принимали активное участие в развитии электрической телеграфной связи в Китае, Корее и Монголии. Так, в «Материалах по истории связи в России» отмечается: «Среди материалов о телеграфных сообщениях России с Китаем за 1861–1917 гг. имеются документы о командировании в Китай капитана Брюна для постройки телеграфных линий (1865–1868 гг.), об устройстве линии от залива Посьет до Китая и от Бахты до Чугучака (1867–1869 гг.), о телеграфировании между Кяхтой и Тянь-Тзинем (1871–1878 гг.), о русской телеграфной агентуре в Пекине, учрежденной в 1866 г. для приема адресованных в Россию телеграмм и пересылки их по русской почте в пределах Монголии до Кяхты, где они поступали на русский телеграф» [9. С. 171]. В течение 1870–1871 гг. усилиями датского Большого Северного телеграфного общества (БСТО) между Владивостоком, Нагасаки, Шанхаем и Гонконгом были проложены подводные кабели [36. С. 46]. Таким образом, Россия получила телеграфную связь с Китаем и Японией.

В 1892 г., была подписана русско-китайская конвенция, предусматривавшая телеграфную связь Санкт-Петербурга с Пекином через Благовещенск. Шли также русско-китайские переговоры об устройстве телеграфа через Корею и Монголию. Это привело к постройке русскими специалистами телеграфных линий до Сеула и Кашгара, а в 1912–1915 гг. в Монголии [10. С. 162].

Одновременно с прокладкой новых телеграфных линий продолжались реформы в сфере российской связи. До 1886 г. телеграфная сеть Российской империи делилась на телеграфные округа. Если раньше Сибирский округ состоял из трех телеграфных округов – Омского, Иркутского и Благовещенского, то теперь в восточной части Российской империи образовывалось пять почтово-телеграфных округов (Омский, Томский, Иркутский, Забайкальский и Приамурский). Востребованность телеграфа в восточной части России подтверждается ростом телеграфного обмена в последующие годы. В частности, если в течение 1889–1898 гг. среднее число телеграфных депеш, переданных по владивостокскому кабелю, составило 48 239 штук, то в 1899 г. по этому кабелю всего было передано 76 022 телеграммы [37. С. 839]. Общий же рост числа обработанных телеграмм по всем пяти восточным почтово-телеграфным округам в течение десяти лет (с 1887 по 1897 г.) демонстрирует таблица [4. С. 630].

Как видим, в 1897 г. в пяти почтово-телеграфных округах было обработано на 2 660 037 телеграмм больше, чем в 1887 г. Таким образом, если 1860–1870-е гг. характеризовались началом интенсивного строительства телеграфных линий и внедрением электротехнического

способа передачи информации, то 1880–1890-е гг. стали периодом утверждения электрической телеграфной связи в основных населенных пунктах Сибири и русского Дальнего Востока [26. С. 27, 29–30].

Количество телеграмм в почтово-телеграфных округах Сибири и Дальнего Востока в 1887 и 1897 гг., шт.

Почтово-телеграфные округа	Год	
	1887	1897
Омский	776 985	1 492 482
Томский	419 077	700 520
Иркутский	603 437	1 306 690
Забайкальский	329 402	642 989
Приамурский	847 248	1 493 505
Всего	2 976 149	5 636 186

Одним из преимуществ использования электрической телеграфной связи являлась оперативная передача срочных сообщений о военных угрозах, а также метеорологических сведений и информации о стихийных бедствиях. Приведем три примера. По данным М.С. Высокова, в конце 1867 г. и летом 1868 г. именно благодаря действию Амурско-Уссурийского телеграфа малочисленные русские военные отряды вовремя сосредоточились и отбили нападение крупных (до 400 человек) вооруженных шаек хунхузов, незаконно проникших в Южно-Уссурийский край [19. С. 241]. 20 мая 1872 г. Управление Омского телеграфного отделения сообщало начальнику Барнаульской телеграфной станции о том, что Министр внутренних дел по ходатайству директора Главной Физической обсерватории разрешил ежедневную бесплатную передачу метеорологических депеш из Барнаула, Иркутска, Нерчинска и Николаевска-на-Амуре [38. Л. 17]. Это могло способствовать своевременному оповещению населения о погодных изменениях. Наконец, весной 1890 г. в Томске произошло наводнение, о котором купец Е.М. Голованов сообщил телеграммой в Москву, после чего московское купечество собрало в пользу пострадавших 700 руб. [15. С. 27].

Таким образом, в ходе работы по проведению электрического телеграфа через Сибирь и русский Дальний Восток осуществлялось решение сразу нескольких задач: дальнейшее развитие телеграфной сети Российской империи в целом, что вносило вклад в экономическое развитие удаленных от центра страны регионов; создание возможности телеграфирования между городами России и Китая и укрепление тем самым международных связей на востоке страны. Кроме того, Сибирский телеграф соединил и другие страны Европы с Азией. Он способствовал также решению геополитической задачи – установлению оперативной связи центра Российской империи с отдаленными регионами страны. Конечно, определенное влияние на принятие решения о строительстве Сибирского телеграфа оказало и российско-британское соперничество в тихоокеанском регионе. Последующие внешнеполитические события на Дальнем Востоке (Японо-китайская война 1894–1895 гг. и напряженная обстановка накануне русско-японской войны 1904–1905 гг.) показали, что российское правительство должно было обратить еще больше внимания на телеграфную связь в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов Д.И. Проект Русско-Американского международного телеграфа // Русское слово. СПб. 1859. 4 (16) февраля. № 4. Отдел 1.
2. Романов Д.И. Сибирский телеграф // Русский инвалид. 1864. 12 (24) марта. № 57.
3. Бурухин А.М. Сибирский телеграф: Историко-статистический очерк // Почтово-телеграфный журнал. 1892. № 1.
4. Шедлинг М. Телеграфы в Сибири // Почтово-телеграфный журнал. 1899. № 6.
5. Andree R. Malerische Feierstunden. Das Buch der Reisen und Entdeckungen. Neue Illustrierte Bibliothek der Länder- und Völkerkunde zur Erweiterung der Kenntniß der Fremde. Asien. III. Das Amur-Gebiet und seine Bedeutung. Leipzig. Verlag von Otto Spamer. 1867.
6. Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других инородцев / пер. с англ. СПб. : Издание книгопродавца И.И. Иванова, 1896.
7. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895). М. : Изд-во АН СССР, 1956.
8. Яроцкий А.В. Основные этапы развития телеграфии. М. ; Л. : Госэнергоиздат, 1963.
9. Материалы по истории связи в России XVIII – начало XX вв. Л., 1966.
10. Яроцкий А.В. Телеграфия // Очерки истории техники в России (1861–1917). М. : Наука, 1975.
11. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990.
12. Постников А.В. Продажа Аляски и Международная телеграфная экспедиция // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1.
13. История Русской Америки (1732–1867) : в 3 т.: Т. III. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. М. : Междунар. отношения, 1999.
14. От Морзе до компьютера. Томск : Красное знамя, 1998.
15. Разумов О.Н. Этапы развития электрической связи Томской области // История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему). Томск : Спектр, 2000.
16. Robb S.A. The Collins' Overland or Russian Extension Telegraph Project: A Pioneer Attempt to Establish Telegraphic Communications Between North America and Europe. M.A. Thesis, Simon Fraser University, Vancouver, 1968.
17. Wilcockson S. Perry Collins's Electronic Rim Around The Pacific: The Russian-American Telegraph, 1865 to 1867. M.A. Thesis, The University of British Columbia, Vancouver, 1996.
18. Электросвязь Томской области. 1863–2003 гг. Томск : Курсив, 2003.
19. Высоков М.С. Российская империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX – начале XX вв. : дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2004.
20. Шапошников Г.Н. Сибирский телеграф: геополитический аспект // Вестник Тюменского госуниверситета. 2004. № 1.
21. Курилла И.И. Техническое сотрудничество США и России во второй трети XIX в. // Americana. Вып. 6: «American Studies» в российском научном, учебном и культурном пространстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 31 октября – 1 ноября 2003 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004.
22. Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения: исторические аналогии и параллели // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 4 (41).
23. Семенцов О.Ю. Проект российско-американского межконтинентального телеграфа // Военно-исторический журнал. 2010. № 3.

24. Нестерова Е.И. Иностранные коммерческие агенты в Николаевске-на-Амуре (1856–1874 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1.
25. Постников А.В. История географических исследований Сибири и Дальнего Востока иностранцами во второй половине XIX в. // Вопросы географии. М., 2013. Вып. 136.
26. Морев В.А. Сибирский телеграф во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12).
27. Морев В.А. Первые проекты и начало проведения электрического телеграфа через Сибирь и Дальний Восток (1850–1870-е годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45).
28. Смит-Питер С. Сибирские письма Джорджа Кеннана-старшего, 1866–1867 гг. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3.
29. Шишелов Н.С. Этнографические сведения в материалах Русско-Американской Телеграфной экспедиции 1865–1867 гг. // Источники и историография по антропологии народов Америки / отв. ред. М.Ю. Мартынова, Е.С. Питерская, Д.В. Воробьев. 2-е изд., дораб. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2017.
30. Русско-китайские отношения, 1689–1916: Официальные документы. М. : Изд-во восточной литературы, 1958.
31. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1902.
32. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2: Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиции. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль. СПб. : Наука, 2001.
33. Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. XVII – начало XX вв. / сост. Б.Н. Болгурцев. Владивосток : Уссури, 1998.
34. Шарле Д.Л. По всему земному шару: Прошлое, настоящее и будущее кабелей связи. М. : Радио и связь, 1985.
35. Товпека А.В. Развитие системы связи и управления в пограничной страже Российской империи (1827–1917 гг.) : дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014.
36. Якобсен К. Большое северное телеграфное общество и Россия: 130 лет сотрудничества в большой политике // Отечественная история. 2000. № 4.
37. Обмен телеграфной корреспонденцией с Дальним Востоком по сибирским линиям // Почтово-телеграфный журнал. 1900. № 7.
38. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.

Vladimir A. Morev. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: morevv@sibmail.com

SIBERIAN TELEGRAPH LINE: ON HISTORY OF CONSTRUCTION (1860S – 1890S).

Keywords: history of electrical communication; Siberian telegraph, Russian-American telegraph; D.I. Romanov; P.M. Collins; Siberia; Russian Far East; China; Russian America.

In the second half of the 19th century the vast Siberian and Far Eastern territories of the Russian Empire were poorly populated and needed more reliable protection. An electric telegraph was needed for an operational connection between remote regions of the country. In 1859, by the decision of Emperor Alexander II, a telegraph line was launched across Siberia and the Russian Far East (the Siberian Telegraph). In addition, there were plans to connect the telegraph line of Eurasia with North America through the Bering Strait (the Russian-American Telegraph).

In the second half of the XIX century, the Russian military engineer D.I. Romanov, journalists and statistics A.M. Burukhin and M. Shedling, the German scientist R. Andre and the participant of the Russian-American Telegraph Expedition G. Kennan wrote about the Siberian and the Russian-American telegraphs. In the second half of the XX century this topic was of interest to A.L. Narochnitsky, A.V. Yarotsky, N.N. Bolkhovitinov, Canadian researchers S. Robb and S. Wilcockson. In the last two decades, scientific works on this subject have been written by O.N. Razumov, M.S. Vysokov, G.N. Shaposhnikov, A.V. Postnikov, V.A. Morev, N.S. Shishelov and others.

The aim of the article is to trace the history of the Siberian Telegraph during the 1860s and 1890s and to assess the importance of telegraph communication through Siberia and Far East for the realization of the geopolitical and economic interests of the Russian Empire.

The author singled out the factors that influenced the construction of the Siberian Telegraph: 1) the vulnerability of the borders of Russia in the Amur and the weak population of the Russian Far East under the conditions of Russian-British contradictions; 2) economic interests of Russia required the development of operational communication in this region; 3) the initial setbacks in the telegraph line across the Atlantic influenced the appearance of proposals from the Americans on the construction of the Russian-American Telegraph across the Bering Strait. But after the successful conduct of the Transatlantic Telegraph in 1866, the Americans refused further cooperation in this matter.

But the project of the Russian military engineer D.I. Romanov was partially realized. In the 1860s the telegraph line between Irkutsk and St. Petersburg was put into operation. In 1870 a telegraph communication was conducted in Blagoveshchensk and Khabarovsk, in 1871 – in Vladivostok. Russia received a telegraph connection with China and Japan.

The author comes to the conclusion that in the course of work on conducting an electric telegraph across Siberia and the Far East, several problems were solved: further development of the telegraph network contributed to the economic development of remote regions; strengthening of international relations in the east of the country; the operative communication of the center of the Russian Empire with remote regions of the country.

REFERENCES

1. Romanov, D.I. (1859) Proekt Russko-Amerikanskogo mezhdunarodnogo telegrafa [The project of the Russian-American International Telegraph]. *Russkoe slovo*. 4. Otdel 1.
2. Romanov, D.I. (1864) Sibirskiy telegraf [Siberian Telegraph]. *Russkiy invalid*. 12th (24th) March.
3. Burukhin, A.M. () Sibirskiy telegraf: Istoriko-statisticheskiy ocherk [Siberian Telegraph: Historical-statistical essay]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal*. 1.
4. Shedling, M. (1899) Telegrafy v Sibiri [Telegraphs in Siberia]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal*. 6.
5. Andree, R. (1867) *Malerische Feierstunden. Das Buch der Reisen und Entdeckungen. Neue Illustrierte Bibliothek der Länder- und Völkerkunde zur Erweiterung der Kenntniß der Fremde. Asien. III. Das Amur-Gebiet und seine Bedeutung*. Leipzig: Verlag von Otto Spamer.
6. Kennan, G. (1896) *Kochevaya zhizn' v Sibiri. Priklyucheniya sredi koryakov i drugikh inorodtsev* [Nomadic life in Siberia. Adventures among Koryaks and other aliens]. Translated from English. St. Petersburg: I.I. Ivanov.
7. Narochnitskiy, A.L. (1956) *Kolonial'naya politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke (1860–1895)* [The colonial policies of the capitalist powers in the Far East (1860–1895)]. Moscow: USSR AS.
8. Yarotskiy, A.V. (1963) *Osnovnye etapy razvitiya telegrafii* [The main stages of the development of telegraphy]. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat.
9. Bunina, F.I. & Maltseva, N.A. (1966) *Materialy po istorii svyazi v Rossii XVIII – nachalo XX vv.* [Materials on the history of communications in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Leningrad: [s.n.].

10. Yarotskiy, A.V. (1975) Telegrafiya [Telegraphy]. In: Rosentreter, B.A. & Nesteruk, F.Ya. (eds) *Ocherki istorii tekhniki v Rossii (1861–1917)* [Essays on the history of technology in Russia (1861–1917)]. Moscow: Nauka.
11. Bolkhovitinov, N.N. (1990) *Russko-amerikanskie otnosheniya i prodazha Alyaski, 1834–1867* [Russian-American relations and the sale of Alaska, 1834–1867]. Moscow: Nauka.
12. Postnikov, A.V. (1997) Prodazha Alyaski i Mezhdunarodnaya telegrafnaya ekspeditsiya [The Sale of Alaska and the International Telegraph Expedition]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1.
13. Bolkhovitinov, N.N. (ed.) (1999) *Istoriya Russkoy Ameriki (1732–1867): V 3-kh tt.* [History of Russian America (1732–1867): In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
14. Anon. (1998) *Ot Morze do komp'yutera* [From Morse to the computer]. Tomsk: Krasnoe znamya.
15. Razumov, O.N. (2000) Etapy razvitiya elektricheskoy svyazi Tomskoy oblasti [Stages of development of telecommunications in the Tomsk region]. In: Desyatskiy, V. et al. (eds) *Istoriya elektrosvyazi Tomskoy oblasti (ot proshlogo k nastoyashchemu)* [History of telecommunications in the Tomsk region (from past to present)]. Tomsk: Spektr.
16. Robb, S.A. (1968) *The Collins' Overland or Russian Extension Telegraph Project: A Pioneer Attempt to Establish Telegraphic Communications Between North America and Europe*. Master's Thesis. Simon Fraser University, Vancouver.
17. Wilcockson, S. (1996) *Perry Collins's Electronic Rim Around The Pacific: The Russian-American Telegraph, 1865 to 1867*. M.A. Thesis. The University of British Columbia, Vancouver.
18. Desyatsky, V.S., Zdvizhkov, A.V., Maltsev, V.A. et al. (eds) (2003) *Elektrosvyaz' Tomskoy oblasti. 1863–2003 gg.* [Telecommunications Tomsk region. 1863–2003]. Tomsk: Kursiv.
19. Vysokov, M.S. (2004) *Rossiyskaya imperiya na putyakh modernizatsii: zarozhdenie i razvitie elektrosvyazi v XIX – nachale XX vv.* [The Russian Empire on the ways of modernization: the birth and development of telecommunications in the 19th – early 20th centuries]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
20. Shaposhnikov, G.N. (2004) Sibirskiy telegraf: geopoliticheskiy aspekt [Siberian Telegraph: the geopolitical aspect]. *Vestnik Tyumenskogo gosuniversiteta – Vestnik TSU*. 1.
21. Kurilla, I.I. (2004) [Technical cooperation between the United States and Russia in the second third of the 19th century]. *American Studies v rossiyskom nauchnom, uchebnom i kul'turnom prostranstve* [American Studies" in the Russian scientific, educational and cultural space]. Proc. of the International Conference. Volgograd. October 31– November 1, 2003. Volgograd: VolSU. (In Russian).
22. Garusova, L.N. (2007) Rossiysko-amerikanskie regional'nye otnosheniya: istoricheskie analogii i paralleli [Russian-American regional relations: historical analogies and parallels]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke – Customs Policy of Russia in the Far East*. 4(41).
23. Sementsov, O.Yu. (2010) The project of the US-Russia intercontinental telegraph. *Voenno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal.* 3. (In Russian).
24. Nesterova, E.I. (2013) Foreign commercial agents in Nikolayevsk-on-Amur (1856–1874). *Vestnik DVO RAN – Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*. 1. (In Russian).
25. Postnikov, A.V. (2013) Istoriya geograficheskikh issledovaniy Sibiri i Dal'nego Vostoka inostrantsami vo vtoroy polovine XIX v. [The history of geographical research of Siberia and the Far East by foreigners in the second half of the nineteenth century]. *Voprosy geografii*. 136.
26. Morev, V.A. (2010) Sibirskiy telegraf vo vtoroy polovine XIX v. [Siberian Telegraph in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(12).
27. Morev, V.A. (2015) The First Projects and the Commencement of Installation of the Electric Telegraph through Siberia and the Russian Far East (1850s – 1870s). *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 3(45). (In Russian).
28. Smith-Peter, S. (2016) The Siberian letters of George Kennan the Elder, 1866–1867. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 3. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/13/5
29. Shishelov, N.S. (2017) Etnograficheskie svedeniya v materialakh Russko-Amerikanskoy Telegrafnoy ekspeditsii 1865–1867 gg. [Ethnographic information in the materials of the Russian-American Telegraph Expedition of 1865–1867]. In: Martynova, M.Yu., Piterskaya, E.S. & Vorobiev, D.V. (eds) *Istochniki i istoriografiya po antropologii narodov Ameriki* [Sources and historiography on the anthropology of the peoples of America]. 2nd ed. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.
30. Skachkov, P.E. & Myasnikov, V.S. (1958) *Russko-kitayskie otnosheniya 1689–1916. Ofitsial'nye dokumenty* [Russian-Chinese relations, 1689– 1916. Official documents]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo vost. lit.
31. Ministry of Interior. (1902) *Pochta i telegraf v XIX stoletii* [Mail and telegraph in the 19th century]. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del.
32. Raskin, D.I. (ed.) (2001) *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917* [Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
33. Bolgurtsev, B.N. (ed.) (1998) *Morskoy biograficheskiy spravochnik Dal'nego Vostoka Rossii i Russkoy Ameriki. XVII – nachalo XX vv.* [Marine biographical directory of the Far East of Russia and Russian America. The 17th – early 20th centuries]. Vladivostok: Ussuri.
34. Charle, D.L. (1985) *Po vsemu zemnomu sharu: Proshloe, nastoyashchee i budushchee kabeley svyazi* [Across the globe: The past, present and future of communication cables]. Moscow: Radio i svyaz'.
35. Tovpeka, A.V. (2014) *Razvitie sistemy svyazi i upravleniya v pogranichnoy strazhe Rossiyskoy imperii (1827–1917 gg.)* [Development of communication and management systems in the border guard of the Russian Empire (1827–1917)]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
36. Jacobsen, K. (2000) Bol'shoe severnoe telegrafnoe obshchestvo i Rossiya: 130 let sotrudnichestva v bol'shoy politike [Great Northern Telegraph Society and Russia: 130 years of cooperation in big politics]. *Otechestvennaya istoriya*. 4.
37. Anon. (1900) Obmen telegrafnoy korrespondentsiey s Dal'nim Vostokom po sibirskim liniyam [Exchange of telegraph correspondence with the Far East via the Siberian lines]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal*. 7.
38. The Central Storage of the Archival Fund of the Altai Territory (TsKhAF AK). Fund 103. List 1. File 1.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94; 74
DOI: 10.17223/19988613/59/28

В.А. Клименко, Е.Э. Павловская

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПРОБЛЕМАХ ВЫСШЕГО ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Анализируются проблемы современного российского дизайн-образования с точки зрения его взаимодействия с реальными секторами экономики, содержательного наполнения, кадрового обеспечения. Материалом исследования послужили публикации последних лет, посвященные проблемам развития креативной экономики и формирования новых моделей университетского образования, сайты профильных дизайнерских вузов. Методика исследования опирается на результаты мониторинга вузов 2015–2017 гг., опыт работы авторов в разработке и создании образовательных программ в области дизайна.

Ключевые слова: креативная экономика; дизайн; дизайн-образование; мониторинг; инновации; наука; кадры; университет.

Начиная с 2000 г., когда в американском журнале BusinessWeek вышла статья Питера Коя «Креативная экономика» [1], термин «креативная экономика» активно используется не только в научной литературе: на его основе разворачиваются общественные и бизнес-дискуссии, создаются государственные, региональные, корпоративные программы, реализуются частные проекты и локальные инициативы. Ричард Флорида, один из основоположников теории «креативной экономики», утверждает, что креативность становится ключевым фактором развития экономики и общества, и в этом истинная движущая сила всех процессов. Представители креативного класса выходят за привычные рамки, развиваются с рекордной скоростью и вдохновляют на это окружающих. Креативность подразумевает определенный тип мышления и модель поведения, которые необходимо воспитывать как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальной среды, в которой живет человек [2].

По мнению большинства исследователей, основой креативной экономики являются креативные индустрии – сферы деятельности, в которых осуществляются создание и капитализация интеллектуального продукта. Автор одной из наиболее популярных книг по креативной экономике [3] Джон Хокинс называет дизайн в числе 15 секторов креативной индустрии, в то же время, на наш взгляд, значительная часть из оставшихся 14 имеет к дизайну самое непосредственное отношение – мода, реклама, полиграфия, телевидение, игры и видеоигры, наконец – архитектура, которая в последние годы все более стремится «походить» на дизайн… Отметим, что Основы государственной культурной политики, принятые в Российской Федерации [4], в перечне креативных индустрий отводят промышленному дизайну и моде первую позицию. Сам Хокинс утверждает, что понимание дизайна как процесса значительно шире его традиционного определения, связанного с «разработкой идей и спецификаций, оптимизирующих функционирование, ценность и внешний вид продуктов и систем к взаимной выгоде пользователей и изготовителей». По его мнению, возможности дизайна простираются от создания интерьеров до разработки крупномасштабных инфраструктур [3. С. 82]. Иными словами, роль дизайна в креативной экономике не исчерпывается проектированием функциональных и эстетически привлекательных предметов потребления. Все большее значение приобретают используемые в самых разных областях принципы и методы дизайн-мышления: «Креативный сектор экономики работает с оригинальными идеями, творческим потенциалом человека в отличие от стандартного труда работников промышленной индустрии. От работников креативного сектора требуется способность к творческому мышлению, генерация новых идей, широкий кругозор» [5. С. 15]. Это накладывает особые требования к профессиональному образованию – основному поставщику кадров для формирования и развития креативных индустрий. Специалисты отмечают, что «для креативных индустрий характерна… кластерная модель, которая основана на содружестве независимых компаний и университетов, связанных отношениями сотрудничества и конкуренции, а нередко и общностью территории. Профессиональное образование, таким образом, становится ключевым ресурсом креативных индустрий» [6. С. 171].

В какой степени российское дизайн-образование готово взять на себя роль одного из драйверов развития креативной экономики и креативных индустрий, насколько серьезными могут быть ожидания от тех, кто еще только постигает азы творческих профессий, но

уже претендует на вхождение в креативный класс? Это вопросы, имеющие непосредственное отношение к перспективам развития креативной экономики в России. Вместе с тем исследований, посвященных оценке потенциала творческого образования как одного из ключевых ресурсов креативной экономики, практически не предпринималось. В этой связи анализ ситуации, которая складывается в профессиональном дизайн-образовании, является необходимым инструментом понимания тех проблем и возможностей, которые связаны с развитием креативных индустрий в России и формированием креативного класса.

На первый взгляд, картина складывается достаточно благополучная. Если в начале 90-х гг. в России было всего четыре высших учебных заведения, в которых велась подготовка дизайнеров, то сегодняшний рынок дизайн-образования переполнен предложениями разного рода – от краткосрочных дистанционных курсов до бакалаврских и магистерских программ. Некогда недоступный для большинства советских людей, уже с началом перестройки дизайн как один из символов «красивой» жизни оказался чрезвычайно востребован активно формирующимся «обществом потребления» в форматах брендовых товаров, глянцевых изданий, популярных телепроектов и т.д. А еще – в формате модной профессии, гарантирующей, по мнению большинства обывателей, легкое и безбедное существование. К началу 2000-х гг. массовый приток абитуриентов, мечтающих получить высшее дизайн-образование, привел к появлению огромного количества предложений со стороны государственных и частных вузов, от дизайна весьма далеких. По данным портала Vuzoteka, 217 российских вузов ведут обучение по направлению подготовки 54.03.01 – Дизайн (бакалавриат) [7], на сайте postupi.info сообщается о том, что в их базе значится 271 такой вуз [8]. Для многих из этих вузов дизайн-образование – дань моде или временный способ привлечения дополнительных средств, при этом обратная тенденция (закрытие направления) постепенно набирает обороты. Слишком сложной и затратной оказывается подготовка дизайнеров для большинства непрофильных вузов, слишком частыми становятся рекламации работодателей на качество подготовки выпускников и т.д. В то же время нельзя недооценивать возможности, которые могут появиться благодаря интеграции дизайн-образования с техническими, инженерными, гуманитарными, естественно-научными специальностями: «Технический прогресс и роботизация в скором времени высвободят большие трудовые ресурсы. Замещение должно произойти за счет расширения сегмента творческих и креативных профессий. Поэтому в школах и университетах нужно существенно увеличить долю междисциплинарных программ, соединяющих элементы креативной и технической областей знания» [9]. Но в любом случае становление новых специальностей, как и новых вузов – процесс, занимающий годы и десятилетия.

В рамках данной статьи речь пойдет только о ведущих государственных вузах, реализующих образовательные программы подготовки дизайнеров (это соответствующие федеральным образовательным стандартам направления Дизайн 54.03.01 – бакалавриат и 54.04.01 – магистратура), для которых эти направления являются профильными на протяжении многих лет. Это Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова (МГХПА им. Строганова), Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица (СПбГХПА им. Штиглица), Уральский государственный архитектурно-художественный университет. К нашей выборке мы добавили Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, который стал четвертым в России специализированным творческим вузом, осуществляющим подготовку дизайнеров. История художественно-промышленного образования в знаменитой «Строгановке» насчитывает уже почти 200 лет (с 1820 г.), в Академии Штиглица более 140 лет (с 1876 г.), дизайн-образование в УрГАХУ ведет свой отсчет с 1968 года, т.е. 50 лет. В Новосибирске дизайнеров готовят с 1989 г.

Созданные задолго до постперестроечного бума, когда едва ли не в каждом вузе появились кафедры дизайна, именно эти вузы формируют основу и костяк современного российского дизайн-образования, сохраняя и развивая традиции легендарных ВХУТЕМАСа и ВХУТЕИНа, используя опыт и методики лучших зарубежных университетов. Но если существующие тенденции, связанные с общим положением дизайна в России, едиными (не делающими поправок на специфику) требованиями к высшим учебным заведениям сохранятся, мы можем потерять эти дизайнерские школы уже в ближайшие годы. Как безвозвратно потеряли уникальный научный и проектный центр ВНИИТЭ (Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики) с развернутой сетью региональных филиалов, многочисленные отраслевые СХКБ (специальные художественно-конструкторские бюро, разрабатывавшие для промышленных предприятий проекты различных видов продукции), систему дизайн-экспертизы качества изделий и т.д.

Начнем с того, что для профильных вузов отмеченная популярность дизайн-образования, как ни странно, обернулась серьезнейшей проблемой. Их руководства, не испытывая ни малейших проблем с набором бюджетных и внебюджетных студентов даже при самой высокой в сравнении с другими специальностями нормативной стоимости обучения (в отличие, например, от многих технических вузов, вынужденных бороться за абитуриента, за ресурсы, за трудоустройство выпускников и пр.), не сумели или не захотели формировать внутри себя структуры, способные к организации взаимодействия с реальными секторами экономики, готовыми воспринять, оценить, довести до рабочего уровня и воплотить в жизнь студенческие проекты. В дизайнерских вузах, как правило, практически отсутствуют службы или специалисты, функционально заинтересо-

ванные в продвижении креативного интеллектуального продукта, создаваемого в процессе образовательной деятельности усилиями преподавателей и студентов. В лучшем случае дело ограничивается регистрацией базы данных или подачей заявки на промышленный образец. Не случайно, согласно данным ежегодных мониторингов вузов [10], ведущие дизайнерские вузы страны по таким показателям, как «удельный вес средств, полученных от использования результатов интеллектуальной деятельности», «количество бизнес-инкубаторов, технопарков, малых инновационных предприятий», «количество лицензионных соглашений» демонстрируют, как правило, круглые нули. В итоге до стадии внедрения доходит лишь единицы студенческих разработок, курируемых преподавателями-подвижниками. В процессе обучения будущий дизайнер (если он или его педагог-энтузиаст не прилагают для этого самостоятельных усилий) оказывается изолирован от реальной профессиональной деятельности, к которой (при должных усилиях со стороны вуза) он должен был бы приобщаться с первых курсов. В итоге проблема пресловутого «бумажного проектирования», т.е. проектирования, оторванного от реальных задач, остается проблемой самого студента. Это, в свою очередь, приводит к серьезным проблемам, связанным с профессиональной адаптацией выпускников после окончания вуза. Не случайно дизайнерские вузы по показателям трудоустройства оказываются на фоне других типов вузов в числе наименее благополучных. Ссылка на то, что фриланс является предпочитаемой молодыми дизайнерами формой занятости, вряд ли может считаться корректной. Фриланс (свободное предпринимательство) предполагает наличие сформированных менеджерских и бизнес-компетенций, которые при описанной системе подготовки остаются лишь строкой в учебных программах.

Еще одна грань инфраструктурной проблемы дизайнерских вузов – катастрофическое отставание научного менеджмента от тех задач и возможностей, которыми эффективно пользуются многие технические и гуманитарные вузы. Система государственной поддержки научной деятельности вузов, основу которой составляют Российский научный фонд и Российский фонд фундаментальных исследований, предъявляют к грантозаявителям достаточно жесткие требования, связанные с количеством и качеством научных публикаций, их размещением в международных научных базах, цитированием и т.д.

Мы проанализировали эти показатели на основе данных ежегодных мониторингов эффективности деятельности организаций высшего образования, проводимых Департаментом государственной политики в сфере высшего образования с 2013 г. Были использованы данные за 2015 и 2017 гг., поскольку в предыдущих мониторингах многие данные, интересующие нас в контексте этой статьи, не учитывались. Для сравнения с профильными дизайнерскими вузами представлены данные по Российскому государственному университету им. А.Н. Косыгина (до 2016 г. – Московский государственный университет дизайна и технологии, МГУДиТ), и Санкт-Петербургскому государственному университету промышленных технологий и дизайна (до 2016 г. – Санкт-Петербургский государственный университет технологий и дизайна, СПбГУТиД), которые традиционно считаются «дизайнерскими», но в которых доля студентов, обучающихся на дизайнерских профилях подготовки, составляет лишь около 30% (табл. 1).

Представленные данные наглядно свидетельствуют о чрезвычайно низком (в ряде случаев – нулевом) уровне научно-публикационной активности профильных дизайнерских вузов, который, помимо прочего, резко сокращает их перспективы в получении государственной грантовой поддержки научных исследований. Это же касается отсутствия возможностей открытия новых диссертационных советов по специальности «Техническая эстетика и дизайн», учреждения научных изданий по дизайну, входящих в базы данных SCOPUS и WoS, формирования кадрового резерва дизайн-образования, организации полноценной научной подготовки магистрантов и т.д.

Таблица 1

Выборочные показатели научной и проектной деятельности вузов

Показатели научной и проектной деятельности вузов	МГХПА им. Строганова		СПбГХПА им. Штиглица		УрГАХА/ УрГАХУ[1]		НГАХА/ НГУАДИ		МГУДиТ/ РГУ им. Косыгина		СПбГУТиД/ СПбГУПТиД	
	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	**2017 г.**
Количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования WoS/Scopus в расчете на 100 НПР	0,0/ 0,0	0,0/ 0,0	0,0/ 1,01	0,0/ 0,0	0,0/ 0,0	2,12/ 0,85	0,0/ 0,0	4,83/ 3,87	27,74/ 24,57	25,72/ 59,65	175,72 178,73	153,2/ 156,36
Число публикаций организации, индексируемых в ин-	0,0/ 0,0	0,0/ 0,0	0,0/ 1,01	0,0/ 1,0	0,0/ 0,39	0,0/ 1,27	0,0/ 1,6	0,97/ 3,87	8,98/ 19,82	17,52/ 27,28	27,53 28,39	23,87/ 24,39

Показатели научной и проектной деятельности вузов	МГХПА им. Строганова		СПбГХПА им. Штиглица		УрГАХА/ УрГАХУ[1]		НГАХА/ НГУАДИ		МГУДиТ/ РГУ им. Косыгина		СПбГУТиД/ СПбГУПТиД	
	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	**2017 г.**
формационно-аналитической системе научного цитирования WoS/Scopus, в расчете на 100 НПР												
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации	4,16	3,54	3,99	2,74	2,05	4,95	1,0	5,44	6,7	6,39	18,90	15,86
Доля ППС, имеющих ученые степени	68,51	63,36	18,88	17,65	33,46	32,28	36,63	74,22	98,63	80,84	72,56	79,36
Количество полученных грантов в расчете на 100 НПР	0,0	0,0	0,50	0,0	2,75	0,42	0,53	0,97	0,26	0,89	17,42	2,28

Примечание. В таблицах указаны сокращенные названия – УрГАХА (Уральская государственная архитектурно-художественная академия) и НГАХА (Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия), действовавшие в 2015 г. до преобразования этих вузов в университеты.

Вместе с тем необходимость решения данной проблемы приводит нас к осознанию еще более сложной проблемы, которую мы назовем кадровой. Аксиома, не требующая доказательств, заключается в том, что основа любого высшего учебного заведения – это его профессорско-преподавательский состав, который обеспечивает главное предназначение: качественное образование студентов, их полноценную подготовку к будущей работе в условиях глобальных вызовов и постоянно изменяющихся требований к личностным и профессиональным компетенциям.

Для дизайн-образования, подразумевающего большой удельный вес индивидуальной работы преподавателя со студентом, эта аксиома приобретает особое значение. Лучшие зарубежные вузы, предлагающие различные форматы дизайн-образования, в своих рекламно-информационных материалах непременно подчеркивают, что преподавание ведется дизайнерами-практиками. Идеальная модель преподавателя, ведущего ключевые профессиональные дисциплины, такие как дизайн-проектирование, проектная графика, современные компьютерные технологии и др. – это активный и успешный профессионал, не понаслышке знающий проблемы и реалии бизнес-среды, умеющий ярко и доступно преподнести необходимые знания и раскрыть тонкости профессии, о которых невозможно догадаться, изучая пыльные учебники или популярные интернет-источники. Однако современные требования к системе высшего образования выстраивают для претендентов на эти роли жесткие оборонительные кордоны, пробиться через которые удается только совершенно отчаянным альтруистам. Они должны быть готовы к тому, чтобы взять на себя (помимо высококвалифицированного труда за гарантированно низкую зарплату преподавателя без ученой степени) собирание различных справок (например, ежегодная с недавних пор справка о «несудимости» или обязательная санитарная книжка), бесконечное заполнение множества отчетных форм, писание индивидуальных планов, учебных программ, фондов оценочных средств и т.д. Но это далеко не все: чтобы соответствовать должности преподавателя вуза, а тем более – доцента или профессора, необходимо публиковать статьи (желательно в почти «непробиваемых» для дизайнеров базах Scopus и WoS), писать и издавать учебно-методические пособия (которые устаревают в нынешних условиях раньше, чем дописываются их заключительные разделы), участвовать в постоянных семинарах-совещаниях-заседаниях, проходить регулярное «повышение квалификации» по достаточно странным программам, не имеющим отношения к преподаваемым учебным дисциплинам. Несмотря на то, что именно преподаватель приносит вузу основные «живые» деньги, связанные с образовательным процессом (будь то федеральный госзаказ или внебюджетные студенты), его обязуют нести в вуз хоздоговорные (проектные) деньги и научные разработки. И так далее: администрация почти каждого вуза готовит кроме федеральных собственные «инновации» – система менеджмента качества с поголовным вовлечением студентов и преподавателей, регулярные мониторинги-самообследования, рейтингование преподавателей на основе анонимных опросов студентов. Вся эта бюрократическая мощь, обрушиваясь на головы новоиспеченных претендентов на работу в вузе, достаточно быстро охлаждает их желание посвятить себя преподавательской деятельности. А вместе с этим сокращает легитимные формы сотрудничества с вузом до краткосрочного пребывания в ГЭКе (где в соответствии с новейшими требованиями должно быть не менее 50% членов, привлеченных со стороны) или коротких учебных курсов на условиях почасовой оплаты.

Более того, поставленные в абсолютно равные условия с другими вузами, где большинство аудиторных занятий проводится в форматах поточных лекций, дизайнерские вузы в последние годы целенаправленно накладывают вето на прием новых преподавателей. Федеральная целевая программа развития образования

на 2016–2020 гг. определила в качестве единого для любых вузов показателей соотношение преподавателей и студентов 1 к 12 [11]. Для сравнения: долгое время этот показатель для творческих вузов составлял 1 к 4 или 1 к 6, соответственно, происходит постоянное увеличение нормативов нагрузки на одного преподавателя, меняется (естественно – не в лучшую сторону) соотношение количества преподавателей и студентов при проведении занятий по дизайн-проектированию, проектной графике и т.д. Региональные вузы, чувствуя себя менее защищенными перед вышестоящими проверяющими, делают это более «энергично», чем вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Такая политика приводит к тому, что в дизайнерских вузах неуклонно сокращается доля молодых преподавателей и неизбежно растет число тех, кому далеко за 60. Реальной проблемой становится то, что возрастные преподаватели, ведущие уникальные курсы, имеющие огромное значение для подготовки будущих дизайнеров, попросту не знают, кому из молодых преподавателей они смогут передать этот багаж. По результатам мониторинга вузов нами была составлена таблица, где отражены некоторые характеристики кадрового состава высших учебных заведений (табл. 2).

Таблица 2

Некоторые характеристики кадрового состава вузов

Показатели научной и проектной деятельности вузов	МГХПА им. Строганова		СПбГХПА им. Штиглица		УрГАХА/ УрГАХУ		НГАХА/ НГУАДИ		МГУДиТ/ РГУ им. Косыгина		СПбГУТиД/ СПбГУПТиД	
	2015 г.	**2017 г.**	**2015 г.**	**2017 г.**	**2015 г.**	**2017 г.**	**2015 г.**	**2017 г.**	**2015 г.**	**2017 г.**	**2015 г.**	**2017 г.**
Доля ППС старше 65 лет	20,85	22,5	19,31	29,0	19,49	21,65	20,35	24,22	29,06	6,35	9,76	8,18
Доля ППС моложе 40 лет	30,21	27,16	17,6	15,84	25,0	20,87	28,49	21,88	7,78	49,18	31,86	32,12
Удельный вес молодых преподавателей	14,88	8,05	12,55	5,13	11,22	5,13	8,57	8,44	6,78	10,32	20,85	18,83

Нет оснований сомневаться в том, что результаты мониторинга 2018 г. покажут картину еще более печальную. Усугубим ее тем, что такой показатель «дорожной карты», как необходимость повышения зарплаты преподавателям, решается, главным образом, за счет значительного увеличения учебной нагрузки штатным преподавателям. Это практически не оставляет им шансов для самообразования, поиска новых идей и методик преподавания, знакомства с современными тенденциями дизайн-рынка и т.д.

Отсюда возникает еще одна серьезная проблема, которая связана и с предельной загруженностью преподавателей, и с общей для любых вузов нарастающей бюрократизацией образовательного процесса – это почти паническая боязнь инноваций. Любой «шаг в сторону», даже такой простой, казалось бы, как введение новой учебной дисциплины, порождает целый шквал последствий: необходимо не только разрабатывать и утверждать новую учебную программу (что логично), но и вносить изменения во все учебные планы, в ОПОПы, матрицы компетенций и т.д. Что уж говорить о новых образовательных программах, необходимость разработки которых, казалось бы, очевидна в условиях стремительного развития технологий, появления новых направлений и форматов дизайнерской деятельности, меняющейся экономической ситуации и т.д. Объемы нормативного сопровождения, согласований, утверждений и т.д. многократно превышают объемы тех перспектив и возможностей, которые получают вуз, кафедра, а главное – потенциальные студенты и будущие работодатели. Не случайно в большинстве профильных вузов набор дизайнерских программ (профилей) не меняется на протяжении многих лет, а новые программы (если внимательно посмотреть на их содержание, доступное на сайтах), отличаются от прежних только названиями. Попытки введения новых профилей встречают реальное сопротивление на уровне вузовских администраций, в первую очередь озабоченных отчетностью перед вышестоящими инстанциями. Вот выдержка из публикации одного из преподавателей: «Учитывая успешный опыт подготовки дизайнеров системного и программного дизайна, а также необходимость специалистов данного профиля на рынке труда России, коллектив кафедры обратился к руководству Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица с просьбой предоставить возможность утверждения в Учебно-методическом объединении вузов РФ по образованию в области дизайна, монументального и декоративного искусства нового профиля подготовки творческих кадров – “Системный и программный дизайн”… Однако руководство академии удовлетворить просьбу отказалось. Кафедре было предложено войти в состав другой кафедры в качестве модуля. Таким образом, был подведен итог 37-летней деятельности педагогического коллектива кафедры – итог, который, учитывая признание “чужих” (профессиональной общественности) и “своих” (руководства академии), можно охарактеризовать как “Свой среди чужих, чужой среди своих”» [12. С. 209].

Одним из главных последствий описанных проблем становится неуклонное снижение качества дизайн-

образования именно в тех вузах, которые по определению должны держать его уровень. Стабильно высокие конкурсы в ведущие дизайнерские вузы, о чем свидетельствует, в частности, высокий (по сравнению с большинством вузов) проходной балл абитуриентов, позволяют отобрать на первый курс достаточно хорошо подготовленных студентов. Средний балл ЕГЭ абитуриентов, поступивших на бюджет, превышает 75 баллов, что соответствует уровню топовых вузов. Другое дело, что в последние годы почти 90%, а иногда и все 100% из них – девушки, хотя до начала 90-х гг. дизайн в России считался преимущественно «мужской» профессией. Джон Хокинс, описывая рынок дизайна Великобритании начала 2000-х гг., отмечает, что из почти двухсот тысяч специалистов, работающих в этой сфере, две трети – это мужчины и две трети – моложе 40 лет [3. С. 83]. Более того, в ряде европейских стран профессиональные дизайнерские сообщества и сейчас выражают озабоченность тем, что среди дизайнеров мало женщин, что они редко претендуют на ведущие дизайнерские должности в крупных компаниях, что уровень их зарплаты оказывается ниже, чем у коллег-мужчин на таких же должностях.

В качестве основной причины резкой гендерной диспропорции среди студентов российских дизайнерских вузов можно назвать общее снижение престижа дизайнерских профессий, связанное с тем, что дизайнеров массово готовят любые непрофильные вузы, а это означает их избыток на рынке труда, тотальный демпинг со стороны фрилансеров, вообще не имеющих дизайнерского образования, и постоянно снижающийся уровень начальных зарплат для выпускников. При этом такая диспропорция будущих абитуриентов формируется, на наш взгляд, еще на уровне дошкольного образования, когда занятия рисованием и художественные школы становятся прерогативой девочек. Обязательный для поступления на дизайнерское направление подготовки единый государственный экзамен по литературе (в которой девушки традиционно сильнее) только усугубляет ситуацию. Для юношей, которые хотели бы заниматься дизайном, академический рисунок и литература в качестве вступительных испытаний являются изначально непреодолимым барьером, поэтому они даже не пытаются поступать на «Дизайн». А вот в дизайнерских фирмах ведущие должности дизайнеров занимают молодые люди мужского пола, имеющие, как правило, высшее техническое образование. Общение с ними подтверждает, что они хотели бы в свое время поступать в дизайнерский вуз, но не испытывали иллюзий по поводу своих возможностей в рисунке. Однако именно художественные (не проектные!) дисциплины остаются тем стержнем, за который держатся дизайнерские вузы и с которым не хотят расставаться.

Статус «институтов благородных девиц», который складывается у дизайнерских вузов в последнее десятилетие, оказывает неблагоприятное влияние на учебный процесс. Отсутствие характерной для прошлых лет творческой конкуренции в учебных группах, по словам многих преподавателей, реально сказывается на качестве курсовых проектов и выпускных квалификационных работ. «Слабая проектность», перекос в сторону декоративно-художественных решений в ущерб функционально-конструктивным, недостаточный уровень технической и технологической подготовки студентов и т.д. отмечаются ими как основной тренд последнего десятилетия. А все более жесткие требования к дизайнерам со стороны компаний, работающих в сферах высоких технологий, приводят к тому, что выпускники дизайнерских вузов безнадежно проигрывают «технарям».

Подведем некоторые итоги. Многочисленные исследования, посвященные истории, развитию и будущему университетов, выделяют основные стадии их развития во взаимосвязи с их деятельностью: на смену европейскому средневековому университету, сосредоточенному на образовании, в XIX в. пришла гумбольдтовская модель университета, соединившего образование и научные исследования. Третье поколение университетов, о котором серьезно заговорили в XXI в. [13], добавляет к образованию и науке предпринимательство. В последние годы все активнее обсуждаются модели развития следующего поколения «университет 4.0». Несмотря на то, что по отношению к «четвертой ступени» единой точки зрения пока не сложилось, большинство исследователей полагают, что эта модель означает активную интеграцию университетов в экономическую, социальную, культурную жизнь регионов.

На какой стадии развития находятся дизайнерские вузы – ответ, на наш взгляд, очевиден. Разумеется, в их защиту можно привести немало аргументов, связанных с необходимостью существования разных типов учебных заведений. Действительно ли нужна дизайнерским вузам научная деятельность в том масштабе, в котором ее вменяют, или же нынешняя научная «вялость» – это признак своеобразного самосохранительного поведения (вспомним Хосе Ортегу-и-Гассета, который, рассуждая о миссии университетов, настойчиво призывал отделять науку от профессионального образования [14]).

На наш взгляд, именно сейчас, когда кризисные процессы в отечественном дизайне и дизайн-образовании становятся все более очевидными, серьезные исследования, связанные с пересмотром ключевых профессиональных парадигм, абсолютно необходимы. И взять на себя эту научную миссию могут только «герои» нашей статьи. Следующая, непокоренная пока ступень – это инновационное предпринимательство. Встраивание в научно-образовательную деятельность дизайнерских вузов технологий инжиниринга, по нашему мнению, является важнейшим условием их эффективного развития и сохранения конкурентоспособных лидерских позиций в сфере дизайн-образования. Термин «инжиниринг» по отношению к дизайну подразумевает комплекс взаимосвязанных задач (исследование рынков, научно-методическое сопровождение дизайн-проектирования, изготовление

прототипов и т.д.), среди которых важнейшее место занимает выстраивание специфических для каждой индустрии бизнес-процессов. Не случайно в ведущих дизайнерских вузах Европы и США методика обучения предполагает с самых первых курсов не столько разработку проекта, сколько создание готовых прототипов для реальных рынков. Следует заметить, что в России такой подход уже использует ряд вузов, не имеющих традиций классической дизайнерской подготовки, но обладающих хорошей технической базой, сильным инновационным менеджментом и грамотно выстроенными взаимосвязями с перспективными секторами экономики. Возвращаясь к теме креативной экономики, мы можем констатировать, что дизайн-образование как ее ресурс, безусловно, существует – в формате талантливых студентов, преподавателей-энтузиастов, интересных проектов, инициатив, мероприятий. Но система в целом требует радикальной «перезагрузки». При этом необходимы как нормативные изменения, регулирующие деятельность вузов с учетом их специфики, так и серьезные встречные усилия со стороны самих учебных заведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Coy Peter. «The Creative Economy». BusinessWeek Magazine. August 28, 2000. P. 1–5.
2. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее // The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. М.: Классика XXI, 2005. 430 с.
3. Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги // The Creative Economy. How People Make Money From Ideas**.** М. : Классика XXI, 2011. 322 с.
4. Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808.
5. Аликперов И.М. Креативная экономика в России: возможности и проблемы развития // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг. : материалы XX Всерос. науч.-практ. конф. Гуманитарного университета, 11–12 апреля 2017 года: доклады / редкол.: Л.А. Закс и др. : в 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. Т. 2. С. 13–18.
6. Абанкина И.В., Абанкина Т.В. Место вузов в новой экономике: стратегии и угрозы // Отечественные записки. 2013. № 4 (55). Т. 4. С. 171–181.
7. Вузы России со специальностью дизайн – 54.03.01. URL: http://vuzoteka.ru /вузы/Дизайн-54-03-01 (дата обращения: 9.04.2019).
8. Дизайн – специальность бакалавриата. URL:http://postupi.info/spec/bachelor/dizayn (дата обращения: 9.04.2019).
9. Креативные индустрии для развития регионов. Презентация Национального фонда подготовки кадров. URL: ntf.ru/sites/default/files/ Креативные индустрии (дата обращения: 22.02.2018).
10. Мониторинги эффективности деятельности организаций высшего образования, проводимых Департаментом государственной политики в сфере высшего образования. URL: https://miccedu.ru/p/monitoring_vo.html (дата обращения: 22.02.2018).
11. Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы. URL: https:// минобрнауки.рф/проекты/фцп-развития-образования-2016-2020 (дата обращения: 22.02.2018).
12. Валькова Н. П. Свой среди чужих, чужой среди своих. (Образовательное пространство подготовки специалистов нового профиля – дизайнеров-программистов в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Вып. 3. С. 196–209.
13. Виссема Й.Г. Университет третьего поколения. Управление университетом в переходный период. М. : Олимп – Бизнес, 2016. 480 с. (на рус. яз.).
14. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск : БГУ, 2005. 104 с.

Viktor A. Klimenko. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: klimenko@siberia.design
Elena E. Pavlovskaya. Ural State University of Architecture and Art (Ekaterinburg, Russia). E-mail: digra2006@list.ru

RESEARCH NOTES ON THE PROBLEMS OF HIGHER DESIGN EDUCATION IN RUSSIA

Keywords: creative economy; design; design education; monitoring; innovation; science; human resources; university.

The article analyses the problems of modern Russian design education in terms of its content, human resources, and interaction with the real sectors of the economy. The materials of the research were papers of recent years devoted to the problems of design and education, the results of university monitoring in 2015–2017, the experience of the authors in the educational programs development and creation in the field of design. The purpose of the subject area studying is identifying the key problems due to the current state and prospects for the development of Russian universities, which are the flagships of design education. In the first part of the article, the urgency of the research topic is substantiated, the goals and objectives of the work are formulated, and determined criteria of the selected universities. The second part of the article refers to the infrastructural problems of creative universities, which are caused by the ineffectiveness of innovation and scientific management. The third part is devoted to the personnel problems in the universities, related to the growing bureaucratization of educational processes and leading to a steady decline in the human resources of the design education. The fourth part provides an analysis of the gender composition of applicants and design students, and its impact on the content and quality of design training. In the final part of the article, it is concluded that the system of design education needs “reset”, considering the fact that an increase in negative trends in the near future may lead to an irreversible collapse.

REFERENCES

1. Coy, P. (2000) The Creative Economy. *BusinessWeek Magazine*. 28th August. pp. 1–5.
2. Florida, R. (2005) *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. Moscow: Klassika XXI.
3. Hawkins, D. (2011) *The Creative Economy. How People Make Money From Ideas*. Moscow: Klassika XXI.
4. President of the Russian Federation. (2014) *Basics of state cultural policy. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014 No. 808*. (In Russian).
5. Alikperov, I.M. (2017) Kreativnaya ekonomika v Rossii: vozmozhnosti i problemy razvitiya [Creative economy in Russia: opportunities and problems of development]. In: Zaks, L.A. et al. (eds) *Rossiya mezhdu modernizatsiey i arkhaizatsiey: 1917–2017 gg.* [Russia between modernization and archaization: 1917–2017]. Vol. 2. Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. pp. 13–18.
6. Abankina, I.V. & Abankina, T.V. (2013) Mesto vuzov v novoy ekonomike: strategii i ugrozy [Universities in the new economy: strategies and threats]. *Otechestvennye zapiski*. 4(55). pp. 171–181.
7. Vuzoteka.ru. (n.d.) *Vuzy Rossii so spetsial'nost'yu dizayn – 54.03.01* [Universities of Russia with a specialty design – 54.03.01]. [Online] Available from: http://vuzoteka.ru /vuzy/Dizayn-54-03-01. (Accessed: 9th April 2019).

8. Postupi.info. (n.d.) *Dizayn – spetsial'nost' bakalavriata* [Design as an undergraduate specialty]. [Online] Available from: http://postupi.info/spec/bachelor/dizayn. (Accessed: 9th April 2019).
9. National Training Foundation. (n.d.) *Kreativnye industrii dlya razvitiya regionov. Prezentatsiya Natsional'nogo fonda podgotovki kadrov* [Creative industries for regional development]. [Online] Available from: ntf.ru/sites/default/files/ Kreativnye industrii. (Accessed: 22nd February 2018).
10. Department of State Policy in Higher Education. (n.d.) *Monitoringi effektivnosti deyatel'nosti organizatsiy vysshego obrazovaniya, provodimykh Departamentom gosudarstvennoy politiki v sfere vysshego obrazovaniya* [Monitoring the performance of higher education organizations conducted by the Department of State Policy in the field of higher education]. [Online] Available from: https://miccedu.ru/p/monitoring_vo.html. (Accessed: 22nd February 2018).
11. Minsitry of Education and Science of the Russian Federation. (n.d.) *Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2016–2020 gody* [Federal Target Program for the Development of Education for 2016–2020]. [Online] Available from: https:// minobrnauki.rf/proekty/ftsp-razvitiya-obrazovaniya-2016-2020. (Accessed: 22nd February 2018).
12. Valkova, N.P. (2012) A friend among foes and a foe among his own. (Educational training field for specialists of a new educational programme, designer-programmers of St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie – Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*. 3. pp. 196–209. (In Russian).
13. Wissema, J.G. (2016) *Universitet tret'ego pokoleniya. Upravlenie universitetom v perekhodnyy period* [University of the third generation. University Management in Transition]. Moscow: Olimp – Biznes.
14. Ortega y Gasset, H. (2005) *Missiya universiteta* [The mission of the university]. Minsk: BSU.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИМОВ Денис Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: d.alimov@spbu.ru

БАЯЗИТОВА Розалия Рафкатовна, канд. ист. наук, доцент кафедры башкирской литературы и культуры Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа, Республика Башкортостан). E-mail: rosali8@mail.ru

БЕРЕЗУЦКИЙ Валерий Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: berezytski1@rambler.ru

БЕЛГОРОДСКАЯ Людмила Вениаминовна, доктор исторических наук наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: blv.kr@yandex.ru

БРЯЗГИНА Диана Евгеньевна, лаборант Лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, лаборант-исследователь НИЧ Иркутского государственного университета. br.diana21@gmail.com

ВЕРЕЩАГИНА Ирина Михайловна, доцент, кандидат филологических наук Томского архитектурно-строительного университета. E-mail: willow760@mail.ru

ГАВРИЛИЧЕВА Галина Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации Тюменского государственного университета. E-mail: teacher1710@mail.ru

ГОСТЮШЕВА Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: alt-mpsi@mail.ru

ГРОШЕВА Галина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета; доцент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: groshevagv@mail.ru

ДЕРИГЛАЗОВА Лариса Валериевна, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: dlarisa@inbox.ru

ДОЛЖИКОВ Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: dolshikov@yandex.ru

ДРОЗДОВ Николай Иванович, доктор исторических наук наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Краснярск). E-mail: kfurao@mail.ru

ИГНАТЬЕВА Ирина Федоровна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры социального управления Института экономики и управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: iifed@mail.ru

ИСАЕВ Борис Акимович, профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры истории и философии государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург). E-mail: isaevboris@yandex.ru

КАЗЬМИН Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института Кемеровского государственного университета. E-mail: vladkaz231@yandex.ru

КАЗЬМИНА Маргарита Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: Rita-KMV@yandex.ru

КИЛЕЙНИКОВ Виктор Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: kileynik@rambler.ru

КЛИМЕНКО Виктор Александрович, руководитель, НОЦ Сибирский центр промышленного дизайна и прототипирования Томского государственного университета. E-mail: klimenko@siberia.design

КОДИНЦЕВ Александр Яковлевич, кандидат исторических наук, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета. E-mail: balsak1@yandex.ru

КОНОНЕНКО Анатолий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. a-kononenko@yandex.ru

КУДРЯВЦЕВ Николай Викторович, кандидат исторических наук, декан социально-гуманитарного факультета Тюменского государственного университета (г. Ишим). E-mail: nvkudryavtsev@mail.ru

МАЛЫШЕВА Нина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: nina.barnaul@gmail.com

МАНТИКОВА Эльмира Курмангазиевна, аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: dimdimvyachisty@yandex.ru

МИРКИН Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: vvmvcv@gmail.com

МОРЕВ Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: morevv@sibmail.com

ОЛИМОВА Саодат Кузиевна, кандидат философских наук, социолог, директор Научно-исследовательского Центра «ШАРК» (ORIENS) (г. Душанбе, Таджикистан). E-mail: s_olimova@mail.ru

ОЛИМОВ Музаффар Абдуваккосович, доктор исторических наук, консультант Научно-исследовательского Центра «ШАРК» (ORIENS), профессор Таджикского Национального Университета, факультет международных отношений, Душанбе, Таджикистан, E-mail: muzaffarolimov@mail.ru

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Александровна, кандидат исторических наук, и.о. декана факультета регионоведения и этнокультурного образования Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. E-mail: etno1@dol.ru

ПАВЛОВСКАЯ Елена Эммануиловна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой графического дизайна, Уральского государственного архитектурно-художественного университета (г. Екатеринбург). E-mail: digra2006@list.ru

ПРАЗДНИКОВ Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Вятской государственной сельскохозяйственной академии (г. Киров). E-mail: andrei-selek@mail.ru

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор; директор Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России (г. Москва). E-mail: riazan@mail.ru

САВИНЦЕВА Марина Евгеньевна, старший преподаватель, Томский архитектурно-строительный университет. R-mail: msavintseva@yandex.ru

СУПРЫГИНА Галина Гавриловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: askis@ngs.ru

ТУЗОВА Анна Шоновна, магистр по направлению антропология и этнология; младший научный сотрудник проекта Российского научного фонда «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», № 14-18-02149-П при Европейском университете в Санкт-Петербурге; аспирант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. E-mail: anna10son@gmail.com

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ХУДОЛЕЕВ Алексей Николаевич, доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и обществознания Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: khudoleev73@mail.ru

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович, доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: totleben@yandex.ru

ШЕНК Карес, PhD, ассоциированный профессор политологии Школы гуманитерных и соцальных наук, Назарбаев университет (г. Нур-Султан, Казахстан). E-mail: caressschenk@gmail.com; cschenk@nu.edu.kz

ШКАРЕВСКИЙ Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета. E-mail: shkarden@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2019 № 59

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 20.06.2019 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 27,5. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 50 экз. Заказ № 3849. Цена свободная.

Дата выхода в свет 27.06.2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Publisher:
Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru